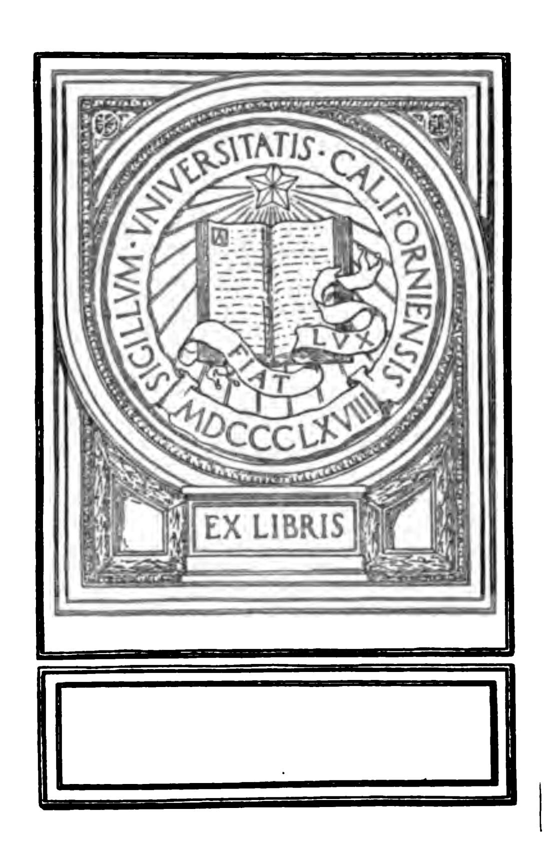
UC-NRLF
B 3 390 155


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

мс.

Годъ X-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1901 г.

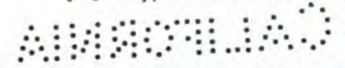
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1901.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора покорнѣйше проситъ лицъ, подписавшихся въ разсрочку на полгода и желающихъ продолжать подписку, озаботиться присылкой 2-го взноса не позже 20-го іюня. Всѣмъ не уплатившимъ къ этому сроку высылка журнала съ іюля мѣсяца будетъ пріостановлена.



СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ X-й. № 6-й.

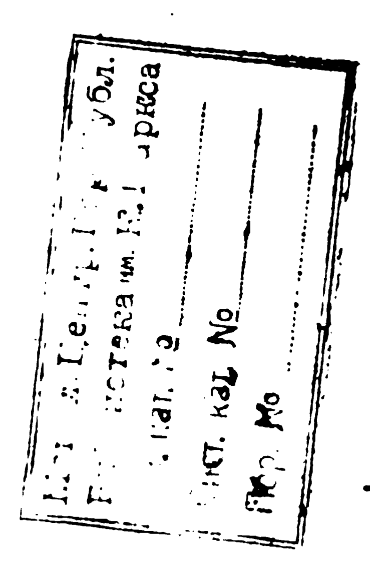
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.



ІЮНЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

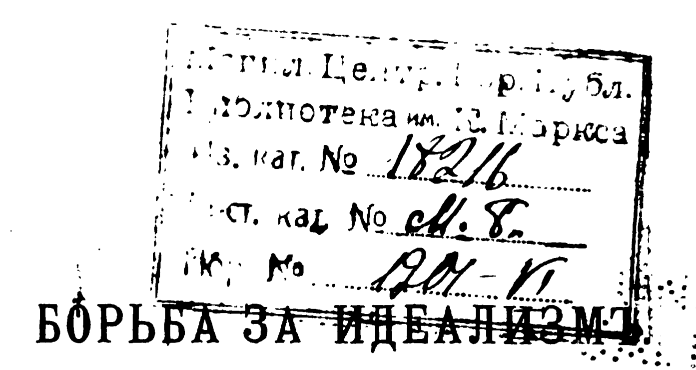
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го мая 1901 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



БОРЬБА ЗА ИДЕАЛИЗМЪ.

Гильда. Прежде всего я осмотрю все, что вы построили тутъ.
Сольнесъ. Вамъ придется много бѣгать.
Г. Да, вѣдь вы построили такъ много.
С. Очень много. Особенно за послѣдніе годы.
Г. И колоколенъ тоже очень много? Такихъ страшно высокихъ?
С. Нѣтъ. Я не строю уже колоколенъ. И церквей тоже нѣтъ.
Г. Что же вы строите *теперь?*
С. Жилища для людей.
Г. А вы не могли бы... и на жилищахъ строить такія башни?
С. Что вы хотите сказать этимъ?
Г. Я думаю... что-нибудь такое... что бы показывало... какъ бы впередъ, на свободу.
С. Какъ странно, что вы это говорите. Этого-то мнѣ больше всего и хотѣлось бы.
Г. Почему же вы этого не дѣлаете?
С. Ахъ, люди не желаютъ этого!
Г. Скажите... не желаютъ!
С. Но теперь я строю самому себѣ новый домъ. Какъ разъ насупротивъ.
Г. Себѣ самому?
С. Да. Онъ почти готовъ. И на немъ будетъ башня.
Г. Высокая башня?
С. Да.
Г. Очень высокая?
С. Публика скажетъ, вѣроятно, что слишкомъ высокая. Т.-е. для обыкновеннаго дома.
Г. Я пойду посмотрѣть эту башню завтра же рано утромъ.

Генрикъ Ибсенъ. «Строитель Сольнесъ».

Ни для кого не тайна, что марксизмъ, тотъ самый марксизмъ, который еще недавно представлялся такимъ стройнымъ, органически цѣльнымъ и удовлетворяющимъ міровоззрѣніемъ, переживаетъ серьезный кризисъ. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ умственно-общественная жизнь передовой части русскаго общества вращалась вокругъ споровъ марксистовъ и народниковъ, то теперь центръ тяжести перемѣстился и на первый планъ выступаютъ разногласія критическаго и ортодоксальнаго направленія внутри самаго марксизма. Теперь мотивами теоретической работы для него является не критика народническаго

направленія, а самокритика и необходимость дальнѣйшаго развитія міровоззрѣнія. Въ Западной Европѣ этотъ кризисъ пріурочивается обыкновенно къ извѣстной книгѣ Бернштейна, но изъ моего изложенія, можетъ быть, сдѣлается яснымъ, что новое критическое направленіе не есть непремѣнно бернштейніанство въ собственномъ смыслѣ этого слова и, во всякомъ случаѣ, не можетъ остаться просто бернштейніанствомъ.

Я хочу разсмотрѣть современное броженіе въ марксизмѣ подъ не совсѣмъ обычнымъ угломъ зрѣнія, я хочу связать его съ кризисомъ во всемъ міровоззрѣніи XIX вѣка. Для всякаго пристально всматривающагося въ сложную душу современнаго интеллигентнаго человѣка, въ его глубокіе нравственные запросы, въ современныя теченія въ области философіи и искусства должно быть ясно, что мы живемъ въ эпоху *духовнаго* броженія. Отрицать это можетъ только человѣкъ загипнотизированный какой-нибудь догмой. Шаблонное прогрессивное міровоззрѣніе недавно отошедшаго вѣка попало въ тупой переулокъ и на прежнемъ пути дальше идти некуда. Необходимо пересмотрѣть ходячія формулы и искать новыхъ путей. Я беру на себя смѣлость категорически утверждать, что пѣсенка позитивизма, натурализма и гедонизма *) спѣта и по всѣмъ линіямъ объявляется *борьба за идеализмъ*, борьба за болѣе радостное и свѣтлое міропониманіе, въ которомъ высшіе и вѣчные запросы человѣческаго духа получатъ удовлетвореніе.

Въ философіи начинаютъ понимать неудовлетворительность позитивизма, какъ міровоззрѣнія, воскресаютъ платоновскія традиціи и признаются вѣчныя права метафизическаго творчества **); въ искусствѣ замѣчается реакція противъ испошлившагося натурализма, убивающаго всякую красоту, и въ современномъ символизмѣ возрождается романтизмъ лучшихъ художественныхъ твореній прошлаго ***); эвдемонизмъ, гедонизмъ и утилитаризмъ объявляютъ себя банкротами въ рѣшеніи нравственной проблемы, замѣчается стремленіе установить абсолютную цѣнность добра, воскресаетъ идеалистическая идея «естественнаго права», которая долго была въ загонѣ, не смотря на ея огромныя историческія заслуги. Очень характеренъ этотъ усиленный интересъ современнаго человѣка и именно передового человѣка къ вопросамъ философіи, искусства и нравственности. Всякая глубокая душа чувствуетъ себя неудовлетворенной въ лучшихъ своихъ запросахъ и несетъ на себѣ тяжесть двойственности переходной эпохи. Можно встрѣтить, конечно, многое множество сытыхъ «позитивистовъ», которыхъ не мучаетъ духовный

*) Гедонизмомъ называется такое ученіе о нравственности, которое видитъ цѣль жизни въ удовольствіи.

**) О матеріализмѣ въ настоящее время говорить совсѣмъ не приходится.

***) Такіе представители новѣйшаго искусства, какъ Метерлинкъ и Д'Аннунціо—несомнѣнные романтики.

голодъ, которымъ непонятны стремленія Фауста, но не такіе люди идутъ въ первыхъ рядахъ каждой исторической эпохи. Буржуазный, филистерскій духъ живетъ еще въ прогрессивной массѣ и предстоитъ великая работа духовнаго перерожденія. Потомъ будетъ ясно, что я не имѣю ничего общаго съ реакціонными заявленіями г. Брюнетьера и т. п. о банкротствѣ науки. Позитивная реалистическая наука, принципіально чуждая всякаго романтизма, велика и безсмертна, это — главное пріобрѣтеніе XIX вѣка, это вѣчный вкладъ буржуазной эпохи въ сокровищницу человѣческаго духа и никакія посягательства на нее невозможны.

Теперь, для того, чтобы поставить соціально-политическій діагнозъ тѣмъ духовнымъ стремленіямъ, на которыя я указываю, необходимо прежде всего распутать одно историческое недоразумѣніе. Это историческое недоразумѣніе гласитъ: теоретическій идеализмъ связанъ съ реакціонными соціальными вожделѣніями, съ практическимъ матеріализмомъ; практическій идеализмъ и прогрессивныя стремленія можно связать только съ теоретическимъ реализмомъ или матеріализмомъ; склонность къ метафизикѣ почти наводитъ на мысль объ общественной непорядочности, такъ какъ будто бы метафизика—міровоззрѣніе господствующихъ классовъ. Это недоразумѣніе имѣетъ огромную силу надъ среднимъ прогрессивнымъ человѣкомъ; этотъ грубый предразсудокъ внушаетъ очень и очень многимъ суевѣрный страхъ передъ тѣми запросами, которые каждый долженъ былъ бы считать наиболѣе священными, безъ которыхъ жизнь пуста, сѣра и безсмысленна. Современный прогрессистъ ужасно боится нѣкоторыхъ словъ, онъ ломаетъ свою душу во имя обезцвѣчивающаго шаблона, онъ не осмѣлится признаться, что по временамъ жаждетъ взглянуть на жизнь съ точки зрѣнія вѣчности (sub specie aeternitatis). Будущимъ вѣкамъ покажется чудовищнымъ, что было время, когда духовнымъ убожествомъ почти гордились, а духовное богатство считали лучшимъ скрывать на днѣ своей души *). Постараемся открыть историческіе корни этого недоразумѣнія, которое было въ свое время полезною ложью, но теперь можетъ быть только вредно, такъ какъ тормозитъ созданіе *новаго человѣка* для новаго общества.

Въ жизни народовъ бываютъ великія эпохи, которыя называются «эпохами просвѣщенія». Тутъ разумъ человѣка вступаетъ въ свои права, сбросивъ съ себя оковы авторитета, и начинается безпощадная критика догматическаго міровоззрѣнія прошлаго, обветшалыхъ религіозныхъ и общественныхъ идей, суевѣрій и предразсудковъ, стоящихъ на дорогѣ дальнѣйшаго развитія человѣческаго общества. «Эпохи просвѣщенія» часто выставляютъ своимъ теоретическимъ лозунгомъ «ма-

*) Въ наше время можно еще встрѣтить людей, которые не безъ гордости говорятъ, что имъ нѣтъ дѣла до метафизической ерунды, что они презираютъ нравственныя ковырянія, что красота для нихъ звукъ пустой.

теріализмъ», матеріализмъ революціонный, который является орудіемъ борьбы съ тьмой во имя свѣта, и быть матеріалистомъ въ такія эпохи значитъ быть идеалистомъ. Реакціонныя силы общества прикрываются идеалистическими словами и противъ этихъ словъ борятся силы прогрессивныя, прикрывающія изъ естественной психологической реакціи матеріалистическими словами идеалистическое свое содержаніе. Такъ, напр., средневѣковое схоластически-теологическое міровоззрѣніе и общественныя силы, скрывающіяся за этимъ міровоззрѣніемъ, усиленно эксплуатировали терминологію абсолютнаго идеализма и философы просвѣтительной эпохи новаго времени должны были направить свои критическія стрѣлы противъ всякихъ теоретическихъ абсолютовъ, чтобы расшатать средневѣковую схоластику и опирающійся на нее укладъ жизни. Величайшая изъ эпохъ просвѣщенія была пережита Франціей въ XVIII вѣкѣ, и ни одна эпоха не считаетъ въ своихъ рядахъ такого количества крупныхъ мыслителей, ни одна не дала такой блестящей литературы. Задача предстояла великая: сокрушить средневѣковое общество и средневѣковое міровоззрѣніе. Я думаю, что философія французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка съ ея матеріализмомъ, направленнымъ противъ средневѣковаго абсолютизма, оказываетъ и до сихъ поръ сильное давленіе на прогрессивнаго человѣка нашего времени. Аналогичная просвѣтительная эпоха пережита Германіей, какъ страной болѣе отсталой, только къ 40-годамъ XIX вѣка, ея выразителями были Л. Фейербахъ и лѣвые гегеліанцы. Критика теологіи была основнымъ побудительнымъ мотивомъ тогдашняго «матеріализма», а гуманистическія стремленія клали на него идеалистическую печать. Въ Россіи 60-е годы были «эпохой просвѣщенія». Чернышевскій и Писаревъ—наши «просвѣтители», подъ знаменемъ матеріализма они боролись съ мракомъ дореформеннаго общества во имя свободы мысли и человѣческаго достоинства. И мы теперь должны чтить въ Чернышевскомъ и Писаревѣ не «матеріализмъ», въ которомъ не было ничего оригинальнаго и для нашего времени ничего цѣннаго, мы чтимъ ихъ «просвѣтительный идеализмъ» *). Наши публицисты 60-хъ годовъ боролись противъ метафизики, потому что ее защищалъ Юркевичъ и т. п., боролись противъ культа красоты, потому что за нее цѣплялось крѣпостническое дворянство со своими публицистами, беллетристами, поэтами и поэтиками. Они были исторически правы и въ ихъ матеріалистическомъ міровозрѣніи, при всей его философской несостоятельности была заключена огромная практическая правда.

Такъ было въ прошломъ, а какъ теперь?

Въ XIX вѣкѣ взаимоотношеніе общественныхъ силъ измѣнилось, революціонный пылъ «третьяго сословія» простылъ, оно перестало

*) У г. Волынскаго до такой степени отсутствуетъ историческое чутье и политическій тактъ, что онъ никакъ не можетъ этого понять.

быть «народомъ» и сдѣлалось «буржуазіей», показавъ свои эксплуататорскіе когти. Творческія силы буржуазіи, совершивъ въ прошломъ вѣкѣ великую критическую работу, начинаютъ истощаться и характеръ ея идеологіи рѣзко измѣнился. Къ положительной духовной работѣ она оказалась мало способной. Буржуазная эпоха исторіи знаменуется пониженіемъ психическаго типа человѣческой личности, съуженіемъ ея духовныхъ горизонтовъ. Господствующая буржуазія, обращая жизнь въ лавку, убиваетъ всякій идеализмъ, она убиваетъ его въ жизни, въ философіи, въ искусствѣ, въ нравственности, въ политикѣ и держится только за позитивную науку, какъ необходимую для ея практическихъ интересовъ. Она нивеллируетъ всякую яркую индивидуальность, вытравляетъ красоту и фаустовскія стремленія постигнуть тайну бытія. Революціонный матеріализмъ прошлаго вѣка съ его идеалистической складкой замѣняется позитивизмомъ съ его философской умѣренностью и аккуратностью. Позитивизмъ, какъ требованіе приложенія научнаго метода во всѣхъ областяхъ знанія, вѣченъ; наука можетъ быть только позитивной, и религіозное или метафизическое рѣшеніе научныхъ вопросовъ недопустимо. Позитивизмъ же, какъ философское міровоззрѣніе, представляется малоцѣннымъ: онъ духовно принижаетъ человѣка, рекомендуетъ воздержаніе въ отвѣтѣ на сокровеннѣйшіе запросы человѣческаго духа *). Метафизическій идеализмъ изгоняется буржуазіей изъ умственной жизни человѣчества за практической безполезностью. Въ искусствѣ буржуазія утверждаетъ реализмъ и создаетъ его крайнее проявленіе—натурализмъ. Натурализмъ вѣрно отражаетъ общество XIX вѣка во всемъ его безобразіи. Красота изгоняется изъ искусства господствующихъ классовъ, такъ какъ ея не оказывается въ ихъ жизни, и искусство принижается до протокола, теоретики натурализма предлагаютъ обратить художественное творчество въ отрасль экспериментальной науки. Идеализмъ изгоняется изъ человѣческихъ переживаній и искусство безсильно его воспроизвести **). Въ XVIII вѣкѣ гедонизмъ боролся съ теологическими критеріями добра и зла и въ этомъ было его право на существованіе. Въ XIX вѣкѣ эта идеалистическая струя исчезаетъ изъ теоріи и практики торжествующаго класса и выдвигается утилитарный взглядъ на жизнь, взглядъ лавочника, не знающій болѣе высокаго нравственнаго маяка, чѣмъ приходо-расходная книга. Нравственная жизнь буржуазнаго общества, вращающаяся вокругъ наживы, даетъ мало пищи для идеалистическихъ построеній и этическій идеализмъ не находитъ себѣ мѣста въ нѣдрахъ этого общества. XVIII вѣкъ выдвинулъ глубоко

*) Характерно, что отецъ позитивизма Ог. Контъ называлъ всѣхъ революціонеровъ метафизиками.

**) Я и не думаю посягать на огромныя заслуги реализма въ искусствѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ всѣ великія художественныя произведенія—реалистичны, и искусство будущаго примыкаетъ къ реализму.

идеалистическую идею «естественнаго права» и опирался на нее въ политической борьбѣ; эту идею развѣнчали эволюціонисты нашего вѣка, и либеральный оппортунизмъ сдѣлался направленіемъ господствующей политики. Словомъ на ряду съ соціальной буржуазностью мы должны признать глубокую духовную и культурную буржуазность общества XIX вѣка, буржуазность, обезцвѣчивающую жизнь и понижающую ея цѣнность. Я бы хотѣлъ, чтобы кто-нибудь попробовалъ показать, въ какой положительной связи находится психика господствующихъ классовъ буржуазнаго общества съ идеалистической философіей, какъ и гдѣ фактически капиталисты, фабриканты или банкиры увлекались метафизикой? Жизнь господствующей массы унизительно пуста и безсодержательна и протестъ противъ нея есть выраженіе не только *соціально-матеріальнаго* но и *духовно-идеальнаго* голода. Духовныя вершины аристократической интеллигенціи прошлаго заключаютъ въ себѣ болѣе высокія психическія черты и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ ближе къ будущему, чѣмъ буржуазно-демократическая интеллигенція капиталистическаго вѣка съ ея духовной бѣдностью и анти-идеалистическимъ духомъ *). Платонъ, Гете или Фихте болѣе люди будущаго, чѣмъ Бентамъ, Зола или Спенсеръ. Въ русской прогрессивной литературѣ просвѣтительный матеріалъ «идеалистовъ земли» обратился въ мертвящій позитивно-реалистическій шаблонъ, изъ котораго давно уже выдохлось всякое практически-идеалистическое содержаніе. «Позитивизмъ», который оберегается нашей традиціонно-прогрессивной журналистикой отъ метафизическихъ набѣговъ, есть безцвѣтнѣйшій либерализмъ въ философіи со всѣми признаками либеральной половинчатости. И только какое-нибудь новое слово можетъ удовлетворить духовную жажду лучшихъ людей нашего времени.

Тотъ же XIX вѣкъ создалъ въ своихъ нѣдрахъ оппозицію буржуазному обществу. И вотъ оппозиція заразилась буржуазностью, я настойчиво это утверждаю, хотя мои слова прозвучатъ страшной ересью и парадоксомъ. Угнетенное и пришибленное положеніе оппозиціонной общественной группы, обостренный характеръ соціальной борьбы, направленной на достиженіе минимума человѣческаго существованія, все это съузило духовные горизонты личности, ведущей борьбу съ буржуазнымъ обществомъ, и наложило своеобразный отпечатокъ на ея идеологію. Въ подобную эпоху не могло быть *человѣка самоцѣли*, былъ только кусочекъ человѣка, человѣкъ, обращенный въ средство. Марксизмъ возникалъ при такой исторической обстановкѣ, что онъ не могъ развить въ себѣ идеалистическаго антибуржуазнаго содержанія, которое должно быть ему присуще, которое въ зачаточномъ видѣ

*) Я только хотѣлъ въ самыхъ общихъ чертахъ указать на господствующую психику XIX вѣка, но я прекрасно помню, что историческая дѣйствительность необыкновенно сложна и полна самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и индивидуальныхъ красокъ.

въ немъ есть въ бо́льшей степени, чѣмъ въ другихъ теченіяхъ. Идеологія марксизма остановилась на очень низкой ступени развитія, его философское міропониманіе не оригинально. Идеологи угнетенныхъ производителей середины XIX вѣка не могли и по выпавшей на ихъ долю задачѣ не должны были устремлять свой взоръ въ духовную даль, имъ предстояла болѣе безотлагательная работа, которая фатально заслоняла отъ нихъ *идеальныя* цѣли человѣчества. Я бы формулировалъ величайшую, неувядаемую заслугу марксизма слѣдующимъ образомъ: марксизмъ впервые установилъ, что только матеріальная общественная организація можетъ быть базисомъ для идеальнаго развитія человѣческой жизни, что человѣческія цѣли осуществляются лишь при матеріальномъ условіи экономическаго господства надъ природой; практически именно онъ строитъ «жилища для людей». И вотъ по условіямъ историческаго момента вся теоретическая и практическая работа ушла на выработку матеріальныхъ средствъ, соціально-экономическихъ предпосылокъ; по психологически понятной иллюзіи средства были приняты за цѣли, сами цѣли человѣческой жизни были поняты слишкомъ матеріально. Марксизмъ оказался бѣденъ духовно-культурнымъ содержаніемъ, идеальныя задачи философіи, нравственности, искусства не были имъ достаточно сознаны и въ своей борьбѣ съ соціальной буржуазностью вѣка онъ не могъ еще возвыситься надъ его духовной буржуазностью. Марксизмъ, какъ философское міровоззрѣніе, примкнулъ къ матеріализму просвѣтительной эпохи, въ частности къ германской просвѣтительной философіи, изъ нѣдръ которой вышли Марксъ и Энгельсъ. Марксъ и Энгельсъ сказали новое слово и великое слово только въ области соціально-экономической, внѣ этой области они не прибавили почти ничего къ критической работѣ буржуазіи въ періодъ ея революціонной борьбы съ средневѣковымъ обществомъ и теологическимъ міровоззрѣніемъ. Діалектическій характеръ ихъ матеріализма, заимствованный изъ Гегелевскаго идеализма, не измѣняетъ сути дѣла, по своимъ взглядамъ на міръ и жизнь они матеріалисты и гедонисты, ихъ духовный кругозоръ ограниченъ. Идеалисты по своей соціальной задачѣ—они борятся противъ всякаго идеализма и находятся во власти того историческаго недоразумѣнія, на которое я старался пролить нѣкоторый свѣтъ. Историческій марксизмъ сталъ во враждебное отношеніе къ философскому идеализму и метафизикѣ, къ художественному идеализму и романтизму, къ абсолютной нравственности, ко всякой религіи, которую смѣшиваетъ съ теологіей и церковностью. «Ученикамъ» предстояла огромная практическая работа, да кромѣ того, они популяризовали и защищали отъ враговъ соціально-экономическое ученіе учителя, но до сихъ поръ не прибавили къ нему ничего духовно-цѣннаго. А прошло 50 лѣтъ, и за это время много воды утекло, мы живемъ при другихъ общественно-историческихъ условіяхъ, жизнь и мысль ушли впередъ и поставили новыя задачи.

Въ соціально политическомъ оппозиціонномъ движеніи XIX вѣка есть одна черта которая кладетъ на его борцовъ рѣзко антибуржуазный отпечатокъ, это—тотъ соціально-политическій романтизмъ, который сопровождается мученичествомъ. Весь запасъ человѣческаго идеализма направляется въ эту сторону и создаетъ прекрасные героическіе образы. Человѣческая личность калѣчится, формула ея жизни съуживается, но идеализмъ все-таки есть, хотя и односторонній. Мы глубоко чтимъ этотъ идеализмъ, но подобное мученичество не имѣетъ будущаго, оно устраняется современнымъ соціальнымъ развитіемъ; путь, по которому направлялся идеализмъ, мало-по-малу закрывается и исчезаетъ самое яркое проявленіе антибуржуазнаго духа. Производители становятся гражданами міра сего, создаются нѣкоторыя элементарныя условія для развитой человѣческой жизни, ихъ борьба пріобрѣтаетъ менѣе острый характеръ и формула ихъ жизни можетъ расширяться, человѣческая личность дѣлается не только средствомъ, но и самоцѣлью. Въ какую сторону расширится формула жизни самоцѣльной человѣческой личности, чѣмъ замѣнится прежняя форма идеализма, какимъ человѣкомъ будетъ новый гражданинъ міра, чѣмъ онъ будетъ отличаться отъ прежняго гражданина, буржуазнаго филистера? На этотъ вопросъ, думается, можно отвѣтить, что, если люди будущаго не создадутъ новаго идеализма, если этотъ идеализмъ не проникнетъ въ сознаніе общественной группы, подготовляющей новое общество, то соціальное движеніе приметъ окончательно буржуазный характеръ и новый филистеръ будетъ нисколько не болѣе привлекательнымъ психическимъ типомъ, чѣмъ тотъ старый филистеръ, противъ котораго ведется борьба. Побѣда угнетенныхъ ослабляетъ острый характеръ борьбы, это понятно и тутъ жалѣть не о чемъ, но она не можетъ и не должна привести къ такому измельчанію, что за пятикопѣечными улучшеніями ничего не будетъ видно. Всепоглащающая трезвенность убиваетъ поэзію прошлаго и необходима компенсація за тѣ духовныя потери, которыми сопровождается матеріальная побѣда.

Появляется книга Бернштейна. Распространеніе «бернштейніанства» — важный симптомъ. При всей своей теоретической слабости и извѣстной дозѣ практическаго филистерства, Бернштейнъ сказалъ много вѣрнаго, онъ правъ и въ своемъ призывѣ къ самокритикѣ, и въ ниспроверженіи теоріи необходимости соціальной катастрофы (Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie), и въ указаніи на односторонній характеръ германскаго соціальнаго движенія. Но «бернштейніанство» умѣренное и аккуратное, принижающее духъ движенія и отрицающее цѣнность идеальной его цѣли, «бернштейніанство», уничтожающее романтизмъ и идеализмъ прошлаго и не предлагающее никакого новаго романтизма и идеализма — буржуазно, въ немъ нѣтъ еще духа новаго общества и новаго человѣка. Выше я указалъ на буржуазность ортодоксальнаго марксизма, бернштейніан-

ство же, голое и неприкрытое, пожалуй, еще болѣе буржуазно и оно особенно побуждаетъ къ идеалистическому призыву, свидѣтельствуетъ о необходимости внести новую идеалистическую струю въ соціальное движеніе. Когда Бернштейнъ предлагаетъ сосредоточиться на средствахъ борьбы и произноситъ неосмотрительную фразу «цѣль для меня ничто», онъ частично въ очень узкой сферѣ правъ, но съ общей, философской точки зрѣнія онъ глубоко неправъ *). Мы признаемъ *матеріальныя* средства, великія и малыя, лишь во имя идеальныхъ цѣлей, всегда великихъ, мы должны проникнуться этими цѣлями, проникнуться до такой степени, чтобы жизнь наша не была полна лишь средствами борьбы, мы должны *сложнѣе* понимать сами средства борьбы и такимъ образомъ облагородить свою душу. Мнѣ кажется, что наступаетъ моментъ, когда историческое недоразумѣніе должно исчезнуть и практическій идеализмъ долженъ вступить въ союзъ съ теоретическимъ идеализмомъ, чтобы совмѣстными силами бороться съ соціальной и культурной буржуазностью и подготовить душу человѣка для будущаго общества. Послѣ этой исторической оріентировки, перехожу къ разсмотрѣнію вопроса о борьбѣ за идеалистическое міровоззрѣніе по существу.

Теоретическая борьба за идеализмъ должна начаться съ критики гедонизма или, по болѣе облагороженной терминологіи, эвдемонизма, который принимается на вѣру большинствомъ передовыхъ и интеллигентныхъ людей нашего времени. Современное соціальное движеніе строитъ «жилища для людей», оно «не строитъ уже колоколенъ и церквей тоже нѣтъ». Въ борьбѣ общественныхъ силъ, которая составляетъ самую суть переживаемой нами эпохи, насъ вдохновляетъ соціальный идеалъ. Соціальное развитіе и соціальная борьба, посредствомъ которой оно осуществляется, ведутъ къ новой формѣ общественности, а при нашей соціологической точкѣ зрѣнія, новая форма общественности есть прежде всего новая форма производства. Всякій, вѣроятно, согласится, что новая форма производства сама по себѣ еще не есть идеалъ, до идеала тутъ еще далеко. Скажу болѣе, не только всякая форма производства, но и всякая форма общественности можетъ быть лишь средствомъ и не можетъ быть цѣлью, говорить о ней, какъ о цѣли, можно лишь условно, лишь какъ о лозунгѣ въ соціально-политической борьбѣ. Если вы настоятельно будете требовать отчета въ цѣляхъ борьбы за новое общество, если вы поставите ребромъ вопросъ объ идеалѣ, который все санкціонируетъ и самъ уже не нуждается ни въ какой высшей санкціи, то самое большее, чего вы добьетесь,

*) Въ книгѣ Бернштейна можно указать отдѣльныя мѣста, гдѣ онъ сознаетъ необходимость усиленія идеализма на ряду съ реализмомъ, но это только неясные намеки.

это слѣдующаго: цѣль всякой борьбы, всякой соціальной организаціи, цѣль жизни—*счастье людей*. Марксизмъ устами своего основателя произнесъ справедливый судъ надъ Бентамомъ, какъ надъ архи-филистеромъ, принявшимъ англійскаго лавочника за типъ нормальнаго человѣка, но самъ марксизмъ не идетъ дальше обыкновеннаго гедонизма или эвдемонизма, это самое большее, до чего можно заставить договориться средняго марксиста. Впрочемъ, тутъ, вѣроятно, будетъ внесена поправка и очень существенная поправка, намъ скажутъ, что цѣль всякой жизненной борьбы — счастье *гармонически развитой личности*. А что такое гармонически развитая личность, эта конечная инстанція? Личность развитая въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніи? А это значитъ, что не всякое счастье (объ удовольствіи я уже и не говорю) есть идеальная цѣль соціальной борьбы прогрессивнаго человѣчества, а только какое-то *высшее* счастье, предполагающее высшія функціи человѣческаго духа. А разъ признается счастье возвышенное и счастье низменное, разъ въ человѣческой душѣ существуютъ *качества* неразложимыя ни на какія количества, то гедонизмъ попадаетъ въ безвыходный кругъ, онъ долженъ признать какой-то высшій критерій добра и зла, произносящій судъ надъ самимъ счастьемъ. Утилитаристъ Д. С. Милль сказалъ, что лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольной свиньей. Почему лучше? На почвѣ утилитаризма и гедонизма нельзя превозносить недовольнаго Сократа насчетъ довольной свиньи, для этого нужно признать что-то болѣе высокое, болѣе священное, чѣмъ всякое довольство міра сего. Карлейль имѣлъ всѣ основанія назвать утилитаризмъ свинской философіей.

Психологія (научная, а не метафизическая) давно уже разрушила ту иллюзію, будто человѣкъ стремится только къ удовольствію, или, выражаясь сложнѣе, къ счастью, что это есть единственная цѣль жизни. Это могъ спокойно утверждать въ XVIII вѣкѣ Гельвецій, но въ наше время утверждать подобное положеніе съ апломбомъ можно лишь по невѣжеству. Счастье есть послѣдствіе нравственной жизни человѣка, но никогда не цѣль; извѣстная степень довольства есть условіе развитой жизни, но опять-таки не цѣль. Нравственность—самостоятельное качество,—качество неразложимое, и это прежде всего психологическій фактъ, который можно отрицать лишь путемъ софистики, путемъ насилія надъ самымъ существомъ человѣческой природы. Возвращаюсь къ конечной инстанціи прогрессивнаго гедонизма—развитой во всѣхъ отношеніяхъ человѣческой личности. Для того, чтобы этотъ принципъ не былъ совершенно безсодержателенъ, мы должны постулировать, какъ его содержаніе, умственное, нравственное и эстетическое развитіе. Но умственное развитіе есть приближеніе къ *истинѣ*, нравственное къ *добру*, эстетическое къ *красотѣ*. Наполняя жизнь человѣческой личности высшимъ содержаніемъ, мы неизбѣжно упираемся въ идеи истины, добра и красоты, которыя оказываются выше всякаго счастья и

довольства, такъ какъ только онѣ дѣлаютъ счастье возвышеннымъ, достойнымъ человѣка, а не свиньи. Тутъ гедонизмъ явнымъ образомъ приходитъ къ самоубійству. Воспроизведемъ однако дальнѣйшую аргументацію гедонистовъ, утилитаристовъ и эволюціонистовъ въ этикѣ. Истина, добро и красота, говорятъ намъ, это только соціальныя *полезности* въ человѣческой борьбѣ за жизнь. Марксизмъ особенно будетъ настаивать, что вся такъ называемая «идеологія» есть лишь соціальная полезность. *Иллюзіонизмъ*—вотъ точка зрѣнія марксизма на духовныя блага. Тутъ начинается все тотъ же безвыходный кругъ, и я просилъ бы читателя обратить на это особенное вниманіе. Намъ говорятъ, что философія, нравственность, искусство, словомъ «идеологія» существуютъ для жизни, что онѣ цѣнны, лишь какъ полезности въ соціальной жизни людей, а въ данную эпоху, какъ полезности въ рѣшеніи «соціальнаго вопроса» нашихъ дней. Рѣшеніе «соціальнаго вопроса» должно упорядочить жизнь людей. А для чего сама жизнь, та жизнь, для которой все? Жизнь для жизни, отвѣчаетъ высшая мудрость нашего вѣка. Этотъ отвѣтъ слишкомъ вѣренъ и потому онъ ничего еще не говоритъ; жизнь есть только совокупность всѣхъ жизненныхъ процессовъ. Но вѣдь та жизнь, для которой все и которая сама для себя, не есть перевариваніе пищи, вѣдь не для этого же мы строимъ «жилища для людей». И я говорю: все для жизни, но для жизни возвышенной, для жизни въ истинѣ, добрѣ и красотѣ, и этимъ я признаю существованіе высшей цѣли жизни и высшаго ея смысла. Вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни вѣченъ, его не вытравить изъ человѣческой души никакими позитивно-эволюціонными фразами, и нельзя достаточно высоко оцѣнить такихъ писателей, какъ Толстой и Ибсенъ, которые съ необыкновенной силой ставятъ этотъ старый и вѣчно новый вопросъ. Изъ всей вышеприведенной аргументаціи естественно напрашивается тотъ чрезвычайно важный выводъ, что *прогрессъ и совершенствованіе выше счастья и довольства.* Уже не разъ указывали на реакціонную природу утилитаризма и гедонизма, на ихъ глубокое противорѣчіе самой идеѣ прогресса и это указаніе совершенно правильно. Прогрессъ предполагаетъ высшую, общеобязательную цѣль соціальной жизни человѣчества.

Въ другомъ мѣстѣ я старался показать, опираясь на Канта, что основной принципъ нравственности и формальное условіе всякаго нравственнаго блага это—*самоцѣльность* человѣческой личности и *равноцѣнность* всѣхъ человѣческихъ личностей. *) Нѣкоторые могутъ подумать, что тутъ преподносится старый эвдемонистическій принципъ, апеллирующій къ счастью гармонически развитой личности. Это была бы грубая ошибка, свидѣтельствующая о неспособности оріентироваться

---

*) См. «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи». Эту мысль также развиваетъ П. Струве въ предисловіи къ моей книгѣ.

въ высшихъ сокровеннѣйшихъ запросахъ человѣческаго духа. Прежде всего мы признаемъ *абсолютную цѣнность* человѣка, какъ самоцѣли, а къ этой идеѣ нельзя придти эмпирическимъ путемъ *). Затѣмъ, признавая святость человѣка, какъ самоцѣли, и его равноцѣнность со всякимъ другимъ человѣкомъ—самоцѣлью, мы имѣемъ въ виду не пользу и счастье и не считаемъ нашу конечную этическую идею лишь исторически выработаннымъ полезнымъ условіемъ все для того же счастья людей. Человѣкъ—святая самоцѣль, не есть существо переваривающее пищу и получающее отъ этого пріятное удовлетвореніе, нѣтъ, это духовное существо, носитель истины, добра и красоты, реализація высшей правды; для этой самоцѣли совершенствованіе и прогрессъ выше удовлетворенія и счастья. Для послѣдовательнаго гедониста слово *человѣкъ*, поскольку въ него вкладывается этическій смыслъ, есть звукъ пустой, красивая фраза, для насъ же слово это полно высокаго смысла и значенія. Развитіе исторической личности до *человѣка* есть торжество духовныхъ цѣнностей, цѣнностей вѣчныхъ и абсолютныхъ, безъ которыхъ жизнь людей не есть еще человѣческая жизнь, безъ которыхъ она такъ безобразна пуста и безцѣльна, такъ *буржуазна* въ самомъ грубомъ и истинномъ смыслѣ этого слова.

Существуетъ легенда, что метафизическій идеализмъ—оторванная отъ жизни абстракція, что позитивно-эволюціонная наука гораздо ближе къ жизни. Это прежде всего величайшая психологическая ложь. «Метафизика, по выраженію Струве, гораздо богаче опыта и гораздо ближе его къ дѣйствительности, т.-е. къ полнотѣ человѣческихъ переживаній». Только точка зрѣнія метафизическаго идеализма вплотную подходитъ къ цѣлостнымъ переживаніямъ человѣческой души, только тутъ человѣческая душа обрѣтаетъ полное и всестороннее удовлетвореніе. Я даже рѣшаюсь высказать мысль, которая сразу можетъ показаться парадоксомъ: всякій живой дѣйствующій человѣкъ, человѣкъ отыскивающій истину, творящій справедливость и добро или созерцающій красоту—метафизикъ-идеалистъ. Вы ищете истину и это исканіе наполняетъ вашу жизнь возвышеннымъ содержаніемъ и смысломъ, который вами непосредственно чувствуется и переживается, но вѣдь этимъ самымъ вы уже въ исходномъ пунктѣ предполагаете, что *истина* не звукъ пустой, что истина есть цѣнность, абсолютная цѣнность, которой вы еще не знаете, но которую должны узнать. Эволюціонистъ сейчасъ начнетъ вамъ показывать, какъ развивалось познаніе отъ зоологическаго состоянія до васъ, и кончитъ тѣмъ, что признаетъ идею истины, абсолютно цѣнную для васъ, какъ живого, ищущаго существа, лишь полезной иллюзіей, онъ

*) Въ вышеназванной книгѣ я старался показать, что въ понятіяхъ истины, какъ цѣли познанія и добра, какъ цѣли нравственной жизни, логически заключается признаніе ихъ абсолютности и что эта абсолютная цѣнность нисколько не противорѣчитъ относительности всѣхъ теорій и всѣхъ историческихъ нравственностей.

произведетъ химическій анализъ и отъ цѣннаго переживанія, составляющаго интимную природу вашего духа не останется ничего. Такимъ образомъ, можетъ получиться научное положеніе, но оно получится не кстати, такъ какъ о немъ въ данный моментъ вы не спрашиваете, имъ вы въ другой разъ вы заинтересуетесь. Эволюціонистъ со своимъ всегдашнимъ призывомъ обратиться къ молюскамъ для объясненія всего на свѣтѣ, въ томъ числѣ и вашего исканія истины, правъ въ своей частичной области, но не ему принадлежитъ послѣднее слово въ выработкѣ міропониманія. Философскій идеализмъ по самому существу своему всегда зоветъ *впередъ*, къ вѣчнымъ цѣнностямъ, которыя должны быть осуществлены въ жизни, и онъ вплотную подходитъ къ вамъ, къ душѣ вашей, жаждущей истины, онъ поддерживаетъ голосъ вашего сознанія, громко заявляющій о цѣнности вашего исканія, цѣнности, на которую не можетъ посягать никакой эволюціонизмъ. Какъ живой человѣкъ, сознающій великую важность нравственной проблемы, вы говорите: это добро, а это зло, добро есть цѣнность, я его чувствую какъ что-то безусловно цѣнное, и я хочу служить добру и бороться со зломъ. Въ тотъ моментъ, когда вы устанавливаете самостоятельное качество добра въ вашей душѣ, признаете его абсолютную цѣнность и служите ему, вы совершаете величайшій актъ вашей жизни, истинное богослуженіе, служеніе Богу правды. Но вотъ приходитъ эволюціонистъ, зоветъ васъ назадъ къ изслѣдованію молюсковъ и предлагаетъ вамъ немедленно показать, что все, что вами переживается, какъ святыня, есть лишь полезная иллюзія въ борьбѣ за существованіе, что нравственное сознаніе разлагается на какія-то частицы, не имѣющія ничего общаго съ нравственностью, и что все это неопровержимо доказывается уровнемъ нравственныхъ идеаловъ рыбъ... Всякій общественный боецъ за справедливость является сторонникомъ «естественнаго права», онъ призываетъ къ правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ къ утвержденію вѣчныхъ правъ человѣка, онъ идеалистъ и пріемлетъ мученическій вѣнецъ за идею правды справедливости, которая переживается имъ, какъ абсолютная цѣнность. Эволюціонистъ постарается охладить его идеалистическій призывъ къ справедливости, онъ постарается эволюціонистическимъ путемъ показать, что сознаваемое идеалистомъ-борцомъ «естественное право» человѣка, которое онъ такъ страстно желаетъ воплотить въ жизнь, есть чистѣйшая иллюзія и отъ молюсковъ она произошла такимъ-то образомъ. Только философскій идеализмъ утверждаетъ и обосновываетъ ту жажду правды и справедливости, которой наполнена жизнь практическихъ идеалистовъ, онъ признаетъ абсолютную цѣнность нравственнаго блага и естественнаго права человѣка. Развитая человѣческая душа созерцаетъ красоту и восторгается ею, она чувствуетъ, что «красота есть великая сила»—и переживаетъ чувство красоты, какъ что-то безусловно цѣнное. Человѣкъ стремится къ прекрасному въ своихъ чувствахъ, въ произведеніяхъ

художественнаго творчества, во внѣшней природѣ и это стремленіе возвышаетъ его надъ житейской пошлостью. Эволюціонная наука не знаетъ красоты, какъ возвышающей насъ цѣнности, она разлагаетъ ее на молекулы и показываетъ развитіе чувства прекраснаго отъ животнаго міра до эстетически-утонченнаго человѣка нашего времени. Критическій методъ въ философіи, провозглашенный Кантомъ, беретъ развитое человѣческое сознаніе и анализируетъ его, основательно полагая, что въ немъ скорѣе можно найти ключъ отъ тайны познанія и нравственности, чѣмъ въ сознаніи какой-нибудь медузы.

Но это нисколько не посягаетъ на законность и необходимость *генетическаго* метода изслѣдованія. Все вышесказанное направлено не противъ эволюціонной науки, которую мы чтимъ не менѣе любого эволюціониста, а является только протестомъ противъ полновластія позитивно-эволюціонной точки зрѣнія и защитой правъ философскаго идеализма, который ближе къ переживаніямъ человѣческой души,—жизненнѣе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—чѣмъ эволюціонная наука, выполняющая лишь одну спеціальную функцію жизни. Въ настоящее время нельзя не быть эволюціонистомъ, но для того, чтобы теорія развитія пріобрѣла философскій смыслъ и значеніе, она нуждается въ переработкѣ. Научно-философская теорія развитія должна прежде всего понять то, чего не понимаютъ многіе эволюціонисты: уже Демокритъ зналъ, что nihilex nihilo жизнь не можетъ развиться изъ отсутствія жизни, психическое изъ отсутствія психическаго, нравственность изъ отсутствія нравственности, познаніе изъ отсутствія познанія, красота изъ отсутствія красоты. Должно быть *то*, *что* развивается. Пора покончить счеты съ механико-матеріалистическимъ міропониманіемъ, разлагающимъ всякое качество на извѣстное количество матеріальныхъ частицъ, изъ которыхъ чудодѣйственнымъ образомъ происходитъ все на свѣтѣ. Необходимо признать *качественную* самостоятельность элементовъ вселенной; міръ въ своемъ развитіи развертываетъ лишь то содержаніе, которое въ неразвитомъ состояніи было предвѣяно даннымъ.

Для того, чтобы превратить теорію развитія въ теорію *прогресса*, необходимо внести телеологическій принципъ. Прогрессъ есть движеніе *сущаго* по направленію къ *должному*, есть торжество должнаго въ сущемъ. Другого смысла прогрессъ имѣть не можетъ и въ философіи прогресса мы должны вернуться къ великимъ идеалистамъ прошлаго, особенно къ Фихте, нисколько не измѣняя традиціямъ реалистической науки вообще, реалистической соціологіи въ частности. Весь смыслъ соціальнаго развитія, дѣлающій это развитіе прогрессомъ, только въ томъ, что оно есть единственный способъ обнаруженія *должнаго* въ жизни человѣчества, т.-е. такихъ *духовныхъ цѣнностей*, какъ истина въ человѣческомъ познаніи, добро въ человѣческой волѣ, красота въ человѣческихъ чувствахъ. Идеалистическая метафизика должна понять

этотъ соціальный и міровой прогрессъ, какъ движеніе къ верховной цѣли бытія, той единой правдѣ, во имя которой *должны* совершаться всѣ дѣла міра. Все истинное, справедливое и прекрасное въ жизни человѣчества—безсмертно, какъ безсмертна та вѣчная и абсолютная правда, къ которой мы пріобщаемся въ своемъ служеніи добру и своей борьбѣ со зломъ. А зло, то зло, которое такъ осязательно даетъ себя чувствовать въ эмпирической дѣйствительности, съ высшей точки зрѣнія есть лишь «не найденный путь къ добру» и оно обречено на позорную гибель, на безславную смерть, еще болѣе унизительную, чѣмъ всякое наказаніе. Перъ Гинтъ въ замѣчательной пьесѣ Ибсена предпочитаетъ принять адскія мученія, чѣмъ пойти на сплавъ, и апеллируетъ къ своимъ великимъ грѣхамъ, но напрасно: онъ и въ злѣ не совершилъ ничего великаго и въ своемъ ничтожествѣ оказался достойнымъ только одной участи: пойти на сплавъ, изъ котораго приготовляютъ ложки. Зло насквозь отрицательно и ничтожно, то великое въ злѣ, которое знаетъ исторія, есть лишь оптическій обманъ, въ немъ велика сила добра, а не зла, добра, затемненнаго исторической обстановкой, при которой ему приходилось проявляться. Таковъ всякій демонизмъ съ его сильной волей и сильнымъ протестомъ. Въ аморалистѣ Фр. Нитцше величественное впечатлѣніе производитъ живущее въ немъ добро, а не зло. И нагло торжествующее зло никогда не импонируетъ, его безсильная природа ясна всякому нравственно зрячему. Глубокій трагизмъ человѣческой жизни лежитъ не столько въ конфликтѣ добра и зла, сколько въ многообразіи и сложности самого добра. Таковъ, напр., по истинѣ трагическій конфликтъ стремленія къ воплощенію справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ со стремленіемъ свободно творить въ своей жизни истину и красоту. Трагическіе писатели изображаютъ столкновеніе человѣческихъ страстей съ нравственнымъ долгомъ, но великія страсти сами по себѣ не зло. Ученіе Фихте о дѣйственномъ Я и о мірѣ, какъ матеріалѣ долга, облеченномъ въ чувственную форму, имѣетъ, думается неумирающее значеніе и является одной изъ величайшихъ метафизическихъ концепцій, воплощающихъ въ себѣ идеалистическій духъ прогресса. Зло есть лишь недостаточная реализація долга въ чувственномъ мірѣ, недостаточное приближеніе бытія къ идеальной цѣли и потому природа зла совершенно отрицательна. Философскій идеализмъ, примыкающій къ традиціямъ безсмертнаго Платона, долженъ признать міръ *идеальныхъ цѣнностей*, внѣвременныхъ и внѣпространственныхъ, которыя могутъ и отсутствовать въ эмпирической дѣйствительности, которыя никогда не находятъ въ ней своего законченнаго выраженія, но которыя реализуются въ *прогрессѣ*, этомъ единственномъ эмпирически уловимомъ признакѣ метафизическаго единства сущаго и должнаго, и являются духовнымъ маякомъ человѣческой жизни. Насъ могутъ спросить: гдѣ же абсолютная истина, абсолютное добро, абсолютная красота, ука-

жите на содержаніе этихъ идей, къ которымъ вы все время апеллируете. Въ такой постановкѣ вопроса скрывается недоразумѣніе. Ни одинъ человѣкъ, ни одна историческая эпоха не могутъ претендовать на обладаніе абсолютной истиной, добромъ и красотой, которыя достигаются лишь на протяженіи всего прогресса, какъ его конечная цѣль. Всякая другая точка зрѣнія противорѣчила бы идеѣ вѣчнаго развитія, прогрессъ прекратился бы въ моментъ нахожденія абсолютнаго. Но все въ жизни человѣчества имѣетъ цѣну лишь по степени приближенія къ этимъ абсолютнымъ по своему значенію идеямъ. Содержаніе всей духовной культуры человѣчества относительно, но оно получаетъ смыслъ лишь какъ стремленіе къ абсолютному.

Недавно изъ устъ П. Б. Струве раздался призывъ вернуться назадъ къ Лассалю и я могу только отъ всей души присоединиться къ этому призыву. По своему философскому и идеалистическому духу Лассаль стоитъ выше Маркса, именно ему принадлежитъ идеалистическое истолкованіе «идеи четвертаго сословія», именно онъ съ необыкновенной силой показалъ общечеловѣческій характеръ этой идеи и вложилъ въ нее цѣнное моральное содержаніе. И мы въ своей борьбѣ за идеализмъ должны именно въ Лассалѣ найти точку опоры, его историческій образъ достаточно показываетъ, насколько прогрессивна природа философскаго идеализма. Предстоитъ великая задача: сохранивъ трезвый реализмъ и пониманіе необходимости матеріальныхъ средствъ, внести въ соціальное движеніе идеалистическій духъ. Эту необходимость понималъ Лассаль, понималъ глубже и шире Маркса. Въ настоящій моментъ на ней особенно нужно настаивать. Идеологи новаго общества не должны допустить, чтобы въ это общество вошли буржуазныя души, они должны подготовить *человѣка* съ цѣннымъ жизненнымъ содержаніемъ. Передовой интеллигенціи нашего времени предстоитъ работа надъ *духовнымъ* перерожденіемъ тѣхъ элементовъ общества, которые должны лечь краеугольнымъ камнемъ будущаго, и это духовное перерожденіе должно тѣсно переплетаться съ соціальной борьбой, подготовляющей «жилища для людей». И на «жилищахъ» можно и должно строить высокія «башни». Если въ этихъ жилищахъ поселится филистерское довольство и буржуазная сытость, то строить ихъ, конечно, можно, но врядъ ли подобная работа способна особенно вдохновить, врядъ ли сознаніе строителей будетъ особенно возвышенно. Но мы думаемъ, что этого не будетъ, что въ «жилищахъ будущаго» поселится новый человѣкъ, духовно перерожденный, человѣкъ съ широкой формулой жизни, носитель идеальныхъ цѣнностей, кладущихъ на жизнь печать высокаго смысла.

Рядомъ съ соціальной демократизаціей общества должна идти его духовная аристократизація. Мы не можемъ ждать чуда, не можемъ ждать, что на другой день рожденія новаго общества внезапно явится новый человѣкъ съ широкими духовными горизонтами, если еще нака-

нынѣ онъ былъ полонъ духовной буржуазностью и формула его жизни была необыкновенно узка, если за матеріальными средствами борьбы онъ не видѣлъ идеальныхъ ея цѣлей. Современная соціальная борьба строитъ «жилища для людей», она должна создать и души людей, для которыхъ жилища только средство, и этого откладывать нельзя въ надеждѣ, что все какъ-то само собой произойдетъ, это нужно дѣлать, съ сегодняшняго дня начать дѣлать. Иначе мы рискуемъ войти въ новое общество, окончательно растерявъ по дорогѣ свой идеализмъ, съ душами маленькими, все такими же буржуазными, но благополучно переваривающими пищу и благоденствующими. Какое ужасное, по истинѣ трагическое противорѣчіе: мы готовы были принять мученическій вѣнецъ за нашъ идеалъ и проявить величіе души, а самъ идеалъ оказывается такимъ мѣщански плоскимъ и ничтожнымъ, въ немъ нѣтъ мѣста для величія души. Не удивительно, если при такихъ условіяхъ человѣкъ будущаго «затоскуетъ о долѣ борца и пророка завѣтныхъ идей». Въ этомъ противорѣчіи отчасти повинно діалектическое пониманіе соціальнаго развитія съ его теоріей необходимости соціальнаго катаклизма (Zusammenbruchstheorie) и вообще то механическое и автоматическое истолкованіе историческаго процесса, въ которое нерѣдко впадаетъ ортодоксальный марксизмъ.

Марксизмъ сдѣлалъ попытку дать эволюціонно-научное обоснованіе идеализма при помощи діалектическаго метода, и многіе «ортодоксы» и до сихъ поръ видятъ величіе духа въ исповѣданіи теоріи Zusammenbruch'а капиталистическаго общества. Но тутъ именно марксизмъ споткнулся, какъ это неопровержимо доказываетъ современная дѣйствительность и современная философская мысль. Эта попытка оказалась своеобразнымъ эволюціонно-историческимъ утопизмомъ, научно недопустимымъ, и въ тоже время идеализма въ ней нѣтъ и быть не можетъ. Идеализмъ—въ глубинѣ и широтѣ идеала, идеализмъ—въ активной борьбѣ, направленной къ осуществленію идеала, и беззавѣтной ему преданности, идеализмъ—въ величіи духа, проникающаго соціальное движеніе, духа, который борется и во имя котораго борятся. Корни идеализма метафизичны и эволюціонный историческій процессъ создастъ лишь условія для его проявленія. Діалектическая же теорія необходимости соціальной катастрофы не только ненаучна, логически нелѣпа и находится въ противорѣчіи съ фактами жизни, но и глубоко анти-идеалистична. Новое общество создается въ діалектическій моментъ отрицанія стараго общества, зло перейдетъ въ свою противоположность—въ добро, такъ какъ оно сдѣлается невыносимо велико въ своихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ. Гдѣ настоящее мѣсто идеализма, по ту или по эту сторону діалектической грани? Я думаю, что для идеализма не окажется мѣста, если довести эту точку зрѣнія до логическаго конца.

По эту сторону грани идеализмъ преждевременевъ, что и утверждаютъ «ортодоксы»; соціальное зло такъ велико и обострено, что жизнь

людей должна быть поглощена матеріальными средствами борьбы; психологія производителей съ точки зрѣнія теоріи Zusammenbruch'a не можетъ расширяться и углубляться. А по ту сторону грани? По ту сторону идеализмъ можетъ быть, какимъ-нибудь непостижимымъ чудомъ и возникнетъ, но этотъ идеализмъ находится внѣ нашего современнаго кругозора. Если не проникнуться идеалистическимъ міровоззрѣніемъ, о которомъ я говорю въ своей статьѣ, то мы должны будемъ признать, что по ту сторону грани стараго общества идеализмъ окажется запоздавшимъ, онъ уже не нуженъ будетъ, такъ какъ буржуазное довольство распространится на всѣхъ людей и души покроются слишкомъ толстымъ слоемъ жира, чтобы идеалистически протестовать противъ безпощадной пошлости жизни. Тотъ довольный и счастливый человѣкъ, который возьметъ на себя смѣлость сказать, что лебединая пѣснь идеализма въ исторіи человѣчества уже пропѣта, будетъ самымъ отвратительнымъ типомъ и, если онъ будетъ правъ, то смертный приговоръ человѣчеству или также его высшему духовному бытію будетъ подписанъ.

Мы понимаемъ нѣсколько иначе грань стараго и новаго общества, въ этомъ отношеніи мы стоимъ ближе къ Лассалю. Восходъ солнца новаго общества есть не діалектически совершающійся катаклизмъ, а появленіе новой всемірно-исторической эпохи, которая приноситъ съ собой новую великую идею, олицетворяющую собою общечеловѣческій прогрессъ. Лассаль указалъ на «идею» современной эпохи и на ея носителя въ опредѣленомъ общественномъ классѣ. Моментъ окончательной реализаціи новой общественной формы въ эмпирической дѣйствительности не имѣетъ принципіальнаго значенія, онъ можетъ быть болѣе или менѣе далекъ и во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть соціальнымъ Zusammenbruch'омъ, какъ никогда въ прошлой исторіи человѣчества не бывало подобнаго способа осуществленія великой всемірно-исторической идеи въ новой формѣ общественности *). Великъ тотъ идеалистическій духъ, который живетъ въ соціальномъ движеніи и возвышаетъ человѣка надъ мелкой повседневной борьбой, велико то восходящее солнце которое освѣщаетъ и согрѣваетъ жизнь борцовъ за новое общество. Тутъ мы принципіально отличаемъ и отмежеваемъ себя отъ всѣхъ соціальныхъ реформаторовъ, которые неспособны видѣть ничего великаго за своими малыми дѣлами, которые не могутъ ни сильно желать и протестовать, ни глубоко понимать и предвидѣть. Нѣтъ ничего болѣе плоскаго и пошлаго, какъ ставить идеализмъ въ зависимость отъ быстроты или внезапности осуществленія идеала; въ этомъ сказывается

*) Этотъ вопросъ нужно принципіально отличать отъ вопроса о политическихъ революціяхъ въ традиціонно-историческомъ смыслѣ слова. Эти послѣднія просто факты, которые часто встрѣчаются въ исторіи, и зависятъ отъ тѣхъ или другихъ конкретныхъ причинъ. Признаніе возможности или необходимости подобныхъ революцій ничего еще не говоритъ о научномъ пониманіи процесса соціальнаго развитія.

полное непониманіе природы идеализма. Въ принципѣ идеализмъ сохраняется даже при полной неосуществимости идеала, такъ какъ и тогда возможна идеалистическая побѣда, остается право и обязанность умереть, сохраняя вѣру въ правоту своего идеала.

Трудностей предстоитъ гораздо больше, чѣмъ предполагаетъ ортодоксальный марксизмъ со своей вѣрой въ механическую необходимость крушенія старыхъ формъ и рожденія новыхъ. Но наличность этихъ трудностей должна только возвышать духъ, который призванъ ихъ преодолѣть. Мы съуживаемъ область того, что необходимо произойдетъ, и расширяемъ область того, что должно быть создано, а это и есть усиленіе человѣческаго идеализма, въ которомъ категорія должнаго и справедливаго господствуютъ надъ категоріями сущаго и необходимаго. Новое общество будетъ дитя человѣческаго духа, эволюціонно-историческій процессъ создастъ лишь почву для его идеалистической работы. Такая точка зрѣнія заключаетъ въ себѣ частичную реабилитацію утопистовъ. Ихъ ошибки уже не страшны, а правоту ихъ слишкомъ забываютъ.

Я уже слышу голосъ всеобезцвѣчивающаго шаблона, который злорадно говоритъ: вы ходите подъ ручку съ Бернштейномъ, именно Бернштейнъ рѣзко протестуетъ противъ вѣры въ необходимость соціальной катастрофы и этимъ разоблачаетъ свою буржуазную природу. Прежде всего мнѣ нѣтъ дѣла до того, какую комбинацію воззрѣній представляетъ собою Бернштейнъ, частичное совпаденіе моихъ воззрѣній съ его воззрѣніями ни къ чему меня не обязываетъ. А главное я вотъ на чемъ настаиваю. Бернштейнъ—законное дитя ортодоксальнаго марксизма, онъ унаслѣдовалъ отъ него реалистическіе элементы, которые старается усилить, и онъ правъ, насколько въ немъ говоритъ голосъ современной соціальной дѣйствительности, отличающейся отъ той дѣйствительности, которая была 50 лѣтъ тому назадъ. Но у Бернштейна недостаетъ теоретической силы мысли и практической силы духа. Въ ортодоксальномъ марксизмѣ Бернштейнъ не нашелъ идеализма, а самъ онъ оказался неспособнымъ къ самостоятельному творчеству, онъ не изъ тѣхъ, которые прокладываютъ новые пути; онъ подвелъ итоги фактамъ жизни, громко говорившимъ о томъ, что соціальное движеніе безвозвратно потеряло романтизмъ, окрашивавшій его нѣкогда въ ярко идеалистическій цвѣтъ, и... остался безъ идеализма. Остался безъ идеализма не одинъ Бернштейнъ, его собственная тенденція принизить духъ соціальнаго движенія для насъ не особенно важна, важно то, что самое соціальное движеніе нашихъ дней остается безъ идеализма. Воскресить прошлое, воскресить то настроеніе, которое было вызвано иной соціально-исторической обстановкой, теперь нельзя, поэтому въ борьбѣ за идеализмъ нужно идти по новому пути, нужно творить, нужно влить новое идеалистическое содержаніе въ тѣ формы, которыя создаются современнымъ соціальнымъ развитіемъ. Это не будетъ отказомъ отъ трезваго реализма въ практикѣ и въ теоріи, ко-

торый, конечно, долженъ быть сохраненъ, а только напоминаніемъ о томъ, во имя чего этотъ реализмъ существуетъ.

Я уже указывалъ, что ортодоксальный марксизмъ часто впадаетъ въ механическое пониманіе идеологическаго развитія человѣчества. Вопросъ объ отношеніи между «идеологіей» и «экономикой» съ точки зрѣнія историческаго матеріализма мало разработанъ и на этотъ счетъ циркулируютъ самыя нелѣпыя представленія. Извѣстное выраженіе о «базисѣ» и «надстройкѣ» оказывается при ближайшемъ анализѣ лишеннымъ сколько-нибудь опредѣленнаго смысла, это фигура, подлежащая самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Часто приходится слышать, что всякая идеологія (наука, философія, религія, нравственность, искусство) создается «экономикой», «состояніемъ производительныхъ силъ», «соціальной средой» и т. п. Эти ходячія въ марксистской литературѣ выраженія съ философской точки зрѣнія совершенно не выдерживаютъ критики. Какъ это экономическое развитіе можетъ *создать* развитіе идеологическое? Что это значитъ, когда намъ говорятъ, что производственныя отношенія какой-нибудь эпохи создаютъ ея философію? Какая внутренняя причинная связь возможна между экономикой, формами производства и обмѣна, и идеологіей, будь то открытіе научнаго закона, построеніе метафизической системы, переживаніе нравственныхъ идеаловъ, или художественное творчество? Историческій матеріализмъ, вслѣдствіе своей философской неразработанности и методологической наивности, раздѣляетъ и еще болѣе усиливаетъ обычную ошибку эволюціонизма, который вѣритъ въ чудо созданія чего-то изъ ничего, нравственности изъ какихъ-то абсолютно ей чуждыхъ элементовъ, научнаго познанія изъ чего-то, не имѣющаго ничего общаго съ познаніемъ и т. д. Это эволюціонное суевѣріе вообще пора бросить, не должна за него держаться и доктрина историческаго матеріализма, которой несомнѣнно принадлежитъ будущее, какъ самому цѣнному соціологическому направленію. Идеологія не создается автоматически экономическимъ развитіемъ, она создается духовной работой людей и идеологическое развитіе есть лишь раскрытіе духовныхъ цѣнностей, имѣющихъ вѣчное, независимое отъ какой бы то ни было эволюціи значеніе. Но идеологія дѣйствительно *обусловливается* состояніемъ, производительныхъ силъ, экономическое развитіе дѣйствительно создаетъ почву для идеологическаго развитія человѣчества, словомъ, только при наличности *матеріальныхъ средствъ* достигаются *идеальныя цѣли* жизни. Такимъ образомъ мы признаемъ духовную самостоятельность всякой идеологіи и соціальную ея обусловленность матеріальными производительными силами, ея зависимость отъ экономическаго развитія. Все это имѣетъ важное значеніе для выясненія той новой задачи, которую мы старались поставить идеологамъ новаго общества. Соціально-экономическое развитіе само по себѣ, автоматически не можетъ создать того идеализма, который долженъ наполнить жизнь людей, оно создаетъ условія для появленія *человѣка* въ истинномъ смыслѣ этого

слова, но не создаетъ самого человѣка. Въ наше сознаніе должна войти великая идея построенія жилищъ съ высокой башней наверху и мы должны приступить къ построенію этой башни, она сама собой не выростаетъ никогда. Что же это за башня?

Это—всестороннее воплощеніе идеалистическаго духа въ человѣческой жизни, идеализма въ философіи, въ искусствѣ, въ нравственности, въ соціально-политической борьбѣ, въ любви. Этотъ идеалистическій духъ призванъ поднять землю до небесъ и свести небеса на землю; онъ долженъ наложить на всѣ человѣческія дѣла печать высокаго смысла и истолковать нашу борьбу, временную и конечную, какъ стремленіе къ *вѣчному и безконечному*. Только подъ этимъ условіемъ жизнь человѣческой личности, этой самоцѣли, пріобрѣтаетъ огромную цѣну и смыслъ. Это будетъ возрожденіемъ того романтизма, который составляетъ вѣчную потребность человѣческой души, по временамъ заглушаемую исторической обстановкой, но сказывающуюся съ особенной силой у глубокихъ и сложныхъ натуръ. Мы живемъ въ переходную эпоху и лучшія, наиболѣе утонченныя и наиболѣе недовольныя души несутъ въ себѣ подчасъ роковую раздвоенность. Только сознательное соединеніе теоретически обоснованнаго идеализма съ прогрессивнѣйшими соціальными стремленіями можетъ преодолѣть эту раздвоенность

Я опредѣлилъ бы романтизмъ, какъ потребность человѣческой души въ вѣчно цѣнномъ. Въ любви, этой спеціальной области романтизма, онъ проявляется, какъ позывъ къ вѣчной любви, любви, реализующей сродства душъ и имѣющей безусловную цѣну и значеніе. Но абсолютная по своей цѣнности любовь никогда не находитъ полнаго осуществленія въ эмпирической дѣйствительности и на этой почвѣ возникаетъ глубокій трагизмъ любви, надъ которымъ безсильны мѣщанскіе идеалы благополучія и довольства. Соціальное развитіе и соціальная борьба устраняютъ только препятствія для проявленія истинной любви, уничтожаютъ отрицательныя стороны семьи и тѣ гнетущія соціальныя узы, которыя мѣшаютъ развернуться психическому взаимодѣйствію человѣческихъ душъ. Но этимъ вопросъ о самой любви еще не затрагивается, настоящій вопросъ лежитъ по ту сторону соціальнаго рѣшенія проблемы. Идеалы любви передовой части общества не особенно еще высоки и содержательны. Идеалъ равноправнаго товарищескаго союза мужчины и женщины, предполагающій экономическую самостоятельность каждаго и свободу отъ принудительныхъ соціальныхъ узъ, указываетъ на элементарно-необходимое условіе, но онъ еще ничего не гарантируетъ и не спасаетъ отъ самой отвратительной прозы жизни. Этотъ товарищескій союзъ бываетъ также часто могилой поэзіи любви, какъ и принудительная семья, такъ какъ въ немъ не оказывается того цѣннаго содержанія, которое носитъ, къ сожалѣнію, такое испошлившееся названіе,—нѣтъ романа. Прекрасная иллюстрація развиваемой мною мысли, что соціальныя формы всегда—средства, никогда не цѣли. Только современное новое искусство начи-

наетъ вплотную подходить къ вопросу о любви и требуетъ возрожденія романтизма въ любви въ противоположность тому болоту, въ которомъ барахтался натурализмъ съ его смакованіемъ физіологическихъ моментовъ, не представляющихъ никакого эстетическаго интереса для нормально развитого человѣка. Новѣйшее искусство начинаетъ понимать идеалистическую природу любви, а вѣдь только поэзія любви, только идеально-романтическая любовь имѣетъ цѣну, возвышаетъ человѣка надъ житейской прозой, изъ которой не выходятъ идеалы мѣщанскаго благополучія, исповѣдуемые многимъ множествомъ такъ называемыхъ передовыхъ людей. Напримѣръ, Генрихъ Ибсенъ во всѣхъ почти своихъ произведеніяхъ проводитъ болѣе возвышенныя, болѣе поэтическія отношенія между мужчиной и женщиной и страстно протестуетъ не только противъ современныхъ соціальныхъ формъ, но и противъ того буржуазнаго духа, который въ нихъ живетъ, онъ—революціонеръ духа. А проповѣдь «свободы любви»—послѣднее слово прогрессивной соціальной точки зрѣнія на любовь—опять-таки касается лишь условій любви, лишь устраненія соціальныхъ препятствій, о самой любви тутъ и рѣчи еще нѣтъ. «Свобода любви» есть средство, а не цѣль. Объявляя и въ этой важной области человѣческой жизни борьбу за идеализмъ, я думаю, что только признаніе метафизическаго смысла любви можетъ способствовать повышенію цѣнности жизни, наполняя ее возвышающимъ душу содержаніемъ. Такъ называемый «женскій вопросъ», который есть въ такой же степени и мужской, будетъ рѣшенъ, какъ часть общаго «соціальнаго вопроса», тогда проблема любви предстанетъ во всей своей чистотѣ. Идеальная любовь съ ея вѣчнымъ романтизмомъ, красотой и поэзіей есть одна изъ *цѣлей* человѣческой жизни и задача ея воплощенія въ жизнь должна быть выставлена на знамени духовной борьбы за новаго человѣка, для котораго соціальная борьба готовитъ новое зданіе.

Метафизическое творчество въ философіи тоже, пожалуй, романтизмъ и романтизмъ вѣчный по своему соотвѣтствію сокровеннѣйшимъ запросамъ человѣческаго духа. И мы прежде всего желали бы воплощенія въ жизнь философскаго духа, духа великихъ мыслителей аѳинской аристократіи, духа Платона и Бруно, Спинозы и Фихте, духа всѣхъ великихъ идеалистовъ, какихъ только знаетъ борьба за прогрессъ. Для насъ философскій идеализмъ не спеціальная, оторванная отъ жизни теорія, которая проповѣдывается съ философскихъ каѳедръ, это—звѣзда, озаряющая нашъ жизненный путь, полный активной борьбы за воплощеніе правды. Тутъ неумѣстно входить въ обсужденіе вопроса о задачахъ и содержаніи метафизики и о тѣхъ путяхъ, которыми можно къ ней придти. Я бы только особенно хотѣлъ подчеркнуть слѣдующій важный выводъ: процессъ познанія истины, находящій высшее свое завершеніе въ метафизическомъ пониманіи міра, имѣетъ самостоятельную цѣнность и этическое значеніе, это не только полезное въ борьбѣ за существованіе средство, это—цѣль, одна изъ иде-

альныхъ цѣлей жизни, возвышающихъ насъ до уровня *человѣка*. И я думаю, что къ той критикѣ буржуазнаго общества, угнетающаго и принижающаго человѣка, которая раздается со стороны прогрессивной общественной науки и со стороны непосредственныхъ чувствъ прогрессивныхъ слоевъ общества, метафизическій идализмъ прибавитъ свое новое слово. Съ точки зрѣнія вѣчныхъ цѣнностей буржуазное общество и слуги тьмы будутъ преданы суду и—осуждены. Вызовъ, брошенный метафизическимъ идеализмомъ современной жизни, полной безобразія, будетъ глубже и величественнѣе всякаго другого вызова, какъ голосъ вѣчной правды внутри приближающагося къ ней человѣчества.

Идеализмъ въ этикѣ признаетъ абсолютную цѣнность добра и его качественную самостоятельность. Прежде всего и больше всего идеалисты должны настаивать на томъ, что нравственное совершенство есть цѣль человѣческой жизни, что совершенствованіе выше всякаго довольства. Пора также разстаться съ тѣмъ софизмомъ, который видитъ высшее проявленіе нравственности въ пожертвованіи собственной душой во имя блага другихъ. Жизнь свою можно, а иногда и должно отдать, но душу свою нельзя отдать ни за что на свѣтѣ. Только духовно развитая и совершенная душа можетъ быть настоящимъ борцомъ прогресса, можетъ вносить въ жизнь человѣчества свѣтъ истины, добра и красоты. Каждая человѣческая личность, не забитая и не окончательно пришибленная, должна сознавать свое естественное право на духовное совершенствованіе, право свободно творить въ своей жизни абсолютную истину и красоту. Вульгаризація духа есть величайшее нравственное преступленіе. Когда оно совершается безсознательно, то за нее бываетъ отвѣтственна историческая обстановка, но никто не имѣетъ нравственнаго права сознательно понижать свой духовный уровень. Общественный утилитаризмъ, поскольку онъ посягаетъ на фаустовскія стремленія и унижаетъ духъ человѣка, является реакціоннымъ направленіемъ человѣческой мысли, какими бы демократическими формами онъ ни прикрывался. Когда человѣкъ приноситъ жертвы на алтарь *своей правды*, то духъ его возвышается и мы встрѣчаемся съ нравственнымъ величіемъ. Но нѣтъ величія въ идеѣ жертвы собственнымъ духомъ во имя мѣщанскаго благополучія X и Y. Борцы за идеализмъ должны прежде всего признать за самоцѣнность нравственнымъ содержаніемъ жизни и понять демократизацію общества, какъ его аристократизацію. Отсюда вытекаетъ великая задача нашего времени: влить идеальное нравственное содержаніе въ тѣ соціальныя формы, которыя несутъ за собою прогрессивныя силы общества. Это значитъ поднять четвертое сословіе до «идеи» четвертаго сословія. Это значитъ также создать *нравственно совершеннаго человѣка*, духъ котораго будетъ чуждъ всякой буржуазности и разовьетъ всѣ заложенныя въ него великія возможенности и силы,—образъ болѣе высокій, болѣе способный вдохновить къ борьбѣ, чѣмъ образъ просто довольнаго человѣка. Матеріальное

довольство есть средство, элементарно необходимое условіе, идеальное совершенство—цѣль.

Въ искусствѣ начинаетъ возрождаться идеализмъ и романтизмъ, какъ реакція противъ реализма, дошедшаго до самаго пошлаго, самаго мелочнаго натурализма. Искусство стремится къ новой красотѣ и новой постановкѣ вѣчныхъ вопросовъ, выражая болѣе утонченную и сложную психику, необыкновенно тонкія настроенія. Здоровое зерно «декадентства» я вижу въ воспроизведеніи необыкновенно тонкихъ индивидуальныхъ оттѣнковъ человѣческой души и въ протестѣ противъ буржуазной грубости и полнаго отсутствія красоты въ жизни. Символизмъ находитъ себѣ оправданіе въ теоретической эстетикѣ, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ считать искусства отраженіемъ дѣйствительности. Идеалистическое міровоззрѣніе должно признать самостоятельное значеніе красоты и художественнаго творчества въ жизни человѣчества. Красота есть идеальная цѣль жизни, возвышающая и облагораживающая человѣка. Мы признаемъ идею самостоятельнаго значенія красоты, понимая подъ этимъ самоцѣльность красоты, и такимъ образомъ мы только подходимъ къ полнотѣ человѣческихъ переживаній. Въ буржуазномъ обществѣ и его искусствѣ слишкомъ мало красоты и оппозиція этому обществу должна внести въ жизнь человѣчества какъ можно больше красоты, красоты въ человѣческія чувства, въ искусство, во весь строй жизни. Къ прежнимъ видамъ протеста присоединяется еще эстетическій протестъ противъ буржуазнаго общества. Такова, напр., дѣятельность англійскаго эстетика Морриса. На нашей сторонѣ должна быть не только истина и справедливость, но также и красота. Современное искусство съ его «декадентскими» теченіями — искусство переходной эпохи и отражаетъ на себѣ нервную развинченность нездоровой общественной атмосферы, но оно дѣлаетъ въ принципѣ прогрессивныя попытки сказать новое слово и подготовить новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полной индивидуальныхъ настроеній и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности *). Такимъ образомъ искусство способствуетъ рѣшенію великой проблемы нашего времени: созданію прекрасной человѣческой индивидуальности. Идеалъ красоты долженъ быть начерченъ на нашемъ знамени, такъ какъ красота есть неотъемлемая сторона единой правды, реализующейся въ человѣческомъ прогрессѣ. Человѣкъ будущаго долженъ быть прекрасенъ, только для такого человѣка стоитъ строить «жилища». Съ этой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что этическая и эстетическая критика Фр. Ницше имѣетъ огромное значеніе, несмотря на его соціальную наивность. Въ новую культуру необходимо внести струю «трагической красоты».

*) Русское «декаденство» пока дало совершенно мертворожденные плоды, да и вообще теперь слишкомъ часто дѣлаютъ себѣ карьеру на «декаденствѣ» всякія бездарности.

Въ последнее время начинаетъ возрождаться несправедливо забытая теорія «естественнаго права», а идея «естественнаго права» и есть настоящая основа идеализма въ политикѣ. Этого идеализма нѣтъ и быть не можетъ ни въ плоской идеѣ общественнаго утилитаризма, ни въ логически нелѣпой теоріи необходимости соціальной катастрофы. Съ точки зрѣнія общественнаго благополучія можно все оправдать, любое безправіе. Общественный утилитаризмъ не можетъ осудить идиллической картины крѣпостного права, въ которой помѣщики идеальны, а крестьянству живется хорошо. Для сторонника идеалистической идеи «естественнаго права» безправное счастье есть величайшій позоръ, а прогрессъ, который, хотя и нарушаетъ данную систему благополучія, но ведетъ къ торжеству человѣческаго права, есть величайшее благо. Самые прекрасные цвѣты практическаго соціальнаго идеализма выростаютъ изъ идеи «естественнаго права» человѣка и гражданина. Идеализмъ видитъ въ правахъ человѣка, въ равенствѣ свободныхъ индивидуальностей—самоцѣнность, а не полезное для благоденствія средство. «Естественное право» человѣческой личности есть святыня, на которую никто и ничто не можетъ посягать, оно имѣетъ метафизическіе корни, но человѣчество доходитъ до него лишь путемъ соціальнаго развитія. Нѣтъ такого счастья и такой пользы, во имя которыхъ можно было бы отнять у человѣка его «естественное право». Передъ лицомъ «естественнаго права» нравственно безсильно и большинство голосовъ, и благополучіе народа, и все т. п. Нужно бороться за новое общество подъ знаменемъ «естественнаго права», возвышающимся надъ всякими «мелкими дѣлами». И эта мысль должна имѣть особенное значеніе у насъ, въ нашей странѣ...

Но есть одна идея, въ которую упирается идеалистическій взглядъ на міръ и жизнь, это идея *нравственнаго міропорядка*. Если наука переходитъ въ философію, то философія переходитъ въ религію. Безъ религіозной вѣры въ нравственный міропорядокъ, въ кровную связь индивидуальнаго съ всеобщимъ и неумирающее значеніе всякаго нравственнаго усилія—жить не стоитъ, такъ какъ жизнь безсмысленна и по замѣчательной французской поговоркѣ rien ne vaut la peine de rien. У многихъ живетъ суевѣрный страхъ передъ религіей, такъ какъ имъ все мерещатся ея историческія формы. Но пора признать, что религія, несмотря на текучесть своего содержанія, есть вѣчная, трансцендентальная функція сознанія и что всякое цѣльное пониманіе и отношеніе къ міру есть религія. Величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что, служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и мои труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитаются въ міропорядкѣ. И я думаю, что новый человѣкъ, стряхнувъ съ себя старый міръ съ его суевѣріями, проникнется новой религіей. Глубоко осмысленный и глубоко прогрессивный этическій пантеизмъ съ его

вѣрой въ окончательное торжество Правды будетъ заключительнымъ аккордомъ въ идеалистическомъ міропониманіи и идеалистическомъ настроеніи *).

Задача борьбы за идеализмъ выпадетъ на долю той общественной группы, которая является въ современную эпоху носительницей идеи общечеловѣческаго прогресса. Эта задача не можетъ быть выполнена цѣликомъ соціально-политической партіей, которая преслѣдуетъ болѣе спеціальныя цѣли. «Идея» будущаго осуществляется не только борьбой соціально-политическихъ партій, способы ея осуществленія сложнѣе и многообразнѣе... Слѣдуетъ все время имѣть въ виду, что борьба за идеализмъ не есть борьба противъ реализма. Идеалистическая философія не можетъ посягать на позитивную науку, соціальный идеализмъ—на соціальный реализмъ. Позиція трезваго соціальнаго реализма твердо установлена, онъ одержалъ верхъ надъ старой романтикой и идеалисты новѣйшей формаціи должны присоединиться къ его традиціямъ. Мы прекрасно помнимъ, что прежде всего должны быть удовлетворены матеріальныя потребности человѣческой массы, какъ наиболѣе безотлагательныя, и что только сила можетъ быть акушеромъ при рожденіи новой идеи. Вообще я думаю, что долженъ быть усиленъ, какъ нашъ идеализмъ, такъ и нашъ реализмъ, но теперь особенно нужно настаивать на идеалистическомъ моментѣ, такъ какъ до сихъ поръ онъ слишкомъ оставался въ тѣни. Ибсеновскій строитель Сольнесъ совершаетъ реалистическую работу, это символъ научнаго реализма въ теоріи и трезваго соціальнаго реализма на практикѣ. Прекрасный образъ Гильды символизируетъ собой философскій идеализмъ въ теоріи и идеалистическій духъ практики жизни. Отнынѣ Сольнесъ и Гильда пусть строятъ вмѣстѣ и строятъ самое великое, самое чудное въ мірѣ—«воздушные замки на каменныхъ фундаментахъ». Сольнесъ—слуга Гильды, онъ *ея* строитель и, повинуясь ея призыву, онъ долженъ добраться до самой верхушки «башни». Когда Сольнесъ начнетъ строить высокую «башню» и Гильда получитъ наконецъ свое «королевство»—золотыя мечты человѣка осуществятся. Мы нуждаемся въ захватывающихъ нашъ духъ настроеніяхъ, чтобы подняться надъ безобразной пошлостью сѣренькой жизни, чтобы проникнуться тамъ энтузіазмомъ, безъ котораго ничто великое въ исторіи не совершалось. Борьба за идеализмъ—завѣщаніе XIX вѣка XX-му. Наступающій XX вѣкъ принадлежитъ идеалистамъ, которые не только осуществятъ соціальные идеалы второй половины XIX вѣка, но и вольютъ въ новыя формы возвышенное духовное содержаніе.

Николай Бердяевъ.

---

*) Этическій пантеизмъ Фихте нужно отличать отъ натуралистическаго пантеизма Спинозы.

*
* *

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный,—чистый даръ морей!
Въ лонѣ океана, въ раковинѣ тѣсной,
Росъ онъ одиноко, какъ цвѣтокъ безвѣстный,
На обломкахъ мшистыхъ мертвыхъ кораблей.

Бурею весенней выброшенъ со дна,
Онъ лежалъ межъ камней на прибрежьи дикомъ,
Гдѣ носились чайки надъ водою съ крикомъ,
Гдѣ его качала шумная волна...

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный на груди твоей!
Сладко упиваясь чистой красотою,
Въ свѣтломъ Божьемъ мірѣ я брожу мечтою—
Въ небѣ, въ блескѣ солнца, въ тишинѣ морей;

Съ перлами морскими подъ водой цвѣту,
Разсыпаюсь въ рифахъ влагой голубою...
И одно есть счастье: раздѣлить съ тобою
Эту радость жизни, эту красоту!

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ гимназіи пронеслось извѣстіе о назначеніи новаго директора, гимназическій „клубъ“ сдѣлался мѣстомъ многочисленныхъ митинговъ и самыхъ шумныхъ дебатовъ.

Собственно, названіе „клубъ“ менѣе всего приличествовало тому мѣсту, гдѣ гимназисты устраивали свои митинги, — оно имѣло свое строго опредѣленное назначеніе и съ клубомъ не могло имѣть ничего общаго. Тѣмъ не менѣе, гимназисты не только не гнушались собираться здѣсь и проводить въ этой атмосферѣ свободные часы и всѣ перемѣны, но даже отдавали этому помѣщенію свое исключительное предпочтеніе. Причинъ тому было много. Прежде всего только въ „клубѣ“ можно было съ полной безопасностью выкурить папиросу; только въ „клубѣ“ можно было безъ риска прочитать тѣ двѣ газеты, которыя гимназисты въ складчину выписывали на имя сторожа; только въ „клубѣ“, наконецъ, можно было чувствовать себя вполнѣ свободнымъ отъ надзора. Ни директоръ, ни инспекторъ, ни классные наставники, ни учителя, ни надзиратели—никто не заглядывалъ сюда, и „клубъ“, какъ нѣкогда одинъ изъ храмовъ въ древней Греціи, служилъ убѣжищемъ для всякаго бѣглеца, спасающагося отъ преслѣдователей. Эта счастливая особенность „клуба“, его недоступность для „враговъ внѣшнихъ“ и сдѣлала его любимымъ мѣстопребываніемъ гимназистовъ, надававшихъ ему, какъ бы въ благодарность, цѣлую серію самыхъ пышныхъ именъ и прозвищъ. Назывался „клубъ“ и „mon rêpos“, и „refugium“, и „форумъ“, но чаще всего „хижина дяди Кривцова“.

Послѣднее названіе было дано по имени гимназиста Кривцова, который, по всей справедливости, могъ быть названъ царькомъ и первымъ ораторомъ этого „форума“. Не было того дня, чтобы Кривцовъ не сообщалъ здѣсь гимназическихъ новостей или не

передавалъ самыхъ пикантныхъ подробностей изъ области домашней жизни учителей. Въ ряду своихъ товарищей Кривцовъ занималъ исключительное положеніе: съ перваго и до шестого класса онъ жилъ на квартирѣ у учителя и это, повидимому, безразличное и незначущее обстоятельство отразилось на немъ самымъ непостижимымъ образомъ: оно выработало изъ Кривцова отъявленнаго и гнуснѣйшаго сплетника. Чтобы удовлетворить обжорливому любопытству товарищей, жадныхъ на все, что такъ или иначе касалось учителей, и этимъ путемъ сохранить за собой значеніе центральной фигуры „форума“, Кривцовъ не жалѣлъ себя, нечувствительно превращаясь въ профессіональнаго соглядатая. Безъ всякой церемоніи выворачивалъ онъ передъ своими слушателями всю подноготную своихъ наставниковъ, не стѣсняясь дополнять фантазіей то, что ему очень мало, или даже совсѣмъ не было извѣстно.

Какъ ни омерзительна была сама по себѣ профессія Кривцова, но росказни его вызывали брезгливое чувство лишь у немногихъ; большинство же товарищей слушало его болтовню въ засосъ, съ нескрываемымъ наслажденіемъ. Въ глазахъ всѣхъ учителя были враги, на сторонѣ которыхъ при томъ же была сила, учительская комната представлялась всѣмъ чѣмъ-то въ родѣ ящика Пандоры, откуда вылетали всѣ гимназическія бѣдствія и на днѣ котораго не оставалось даже надежды на лучшія времена. Поэтому все, что способно было бросить тѣнь на этотъ лагерь враговъ, все, что такъ или иначе унижало, развѣнчивало и подрывало авторитетъ учителя, принималось на вѣру, какъ безспорная истина, какъ фактъ, не требующій ни доказательствъ, ни провѣрки.

Когда разнеслась вѣсть о назначеніи новаго директора, взоры всѣхъ, естественно, были обращены на Кривцова. Въ „клубѣ“ ему не давали проходу, засыпали вопросами и не только просили, но даже требовали извѣстій. Всѣ какъ-то были увѣрены, что Кривцовъ не можетъ не знать, что за человѣкъ былъ новый директоръ. Но Кривцовъ долгое время хранилъ упорное молчаніе и на всѣ приставанія отвѣчалъ уклончиво.

— Не знаю, ничего опредѣленнаго не знаю... Говорятъ только, что путается съ какой-то актрисой...

— Да не въ этомъ дѣло, а ты скажи, что онъ за человѣкъ?

— Не знаю, не знаю, господа, пока еще ничего не знаю.

— Да какой же ты послѣ этого Кривцовъ, если даже о директорѣ ни черта не знаешь?

— Все узнаю, не бойтесь, собираю свѣдѣнія.

Кривцовъ не лгалъ, когда говорилъ, что собираетъ свѣдѣнія. Онъ зналъ, что въ учительской уже все было извѣстно о новомъ

директорѣ, что учителя, точно такъ же, какъ и гимназисты, келейными путями наводили справки и откуда-то получили письмо съ подробной характеристикой новаго начальника. Цѣлыхъ три дня искалъ Кривцовъ случая выкрасть это письмо и снять съ него копію. Но письмо переходило изъ рукъ въ руки, отъ одного учителя къ другому и лишь на четвертый день Кривцовъ замѣтилъ его въ карманѣ вицъ-мундира своего ментора. За то, замѣтивъ онъ ужъ напрягъ всѣ свои способности и не упустилъ удобнаго случая.

На утро характеристика директора была ужъ извѣстна всей гимназіи, хотя Кривцовъ, какъ опытный сплетникъ, никому изъ товарищей не показалъ драгоцѣнной копіи. Содержаніе письма, съ значительной долей отсебятины и съ смѣлыми экскурсіями въ область амурной стороны жизни директора, онъ передалъ въ „клубѣ" своими словами. Это былъ счастливѣйшій день въ жизни Кривцова. Возсѣдая на клубномъ подоконникѣ, окруженный чуть не сотней гимназистовъ, жадно смотрѣвшихъ ему въ ротъ, онъ переживалъ во-истину минуты райскаго блаженства. Узенькая, совсѣмъ лисья физіономія его, съ рыжеватой щетиной на губахъ и подбородкѣ, сіяла нескрываемымъ торжествомъ, которое прорывалось наружу тѣмъ откровеннѣе, что въ толпѣ слушателей Кривцовъ видѣлъ своихъ непримиримыхъ враговъ—одноклассниковъ Савицкаго, Дорошенку и Харламова, которые въ обыкновенное время не только не слушали его сплетенъ, но открыто высказывали ему свое презрѣніе.

— Ну, начинай же, сорока, выбалтывай! — слышались изъ толпы нетерпѣливые возгласы.

— Говори, что ли!

Кривцовъ откашлялся, взъерошилъ свои рыжеватые вихры и началъ:

— Итакъ, господа, вы интересуетесь знать, каковъ таковъ нашъ директоръ?

Но этотъ вопросъ показался слушателямъ неумѣстнымъ.

— Да говори же, животное, не ломайся!

— Дайте ему по шеѣ, кто поближе!

Нѣсколько рукъ протянулось по направленію къ затылку Кривцова и это заставило его отказаться отъ всякихъ прелюдій.

— Что касается новаго директора, господа, — началъ онъ послѣ невольнаго перерыва,—то это такой фруктъ, передъ которымъ нашъ старый Ѳедька (такъ гимназисты называли прежняго директора) мальчишка и щенокъ! Онъ даже съ учителями обращается, какъ съ лакеями, а про нашего брата, подневольнаго человѣка, и говорить нечего! Для него гимназисты не существуютъ, какъ люди! Это только рядъ фамилій, и за всякій, самомалѣйшій

пустякъ эти фамиліи вычеркиваются изъ списка. Такая-то фамилія курила—къ чорту ее! Такая-то фамилія нагрубила — къ дьяволу! Такая-то фамилія поймалась въ ресторанѣ—къ чортовой матери! За все, про все—къ чорту!

— А жаловаться?—не утерпѣлъ кто-то изъ слушателей.

— Кому?—входя въ ражъ, вскричалъ Кривцовъ.—Въ томъ-то и дѣло, что некому: „превосходительный" имѣетъ огромныя связи, ему плевать на самого попечителя, онъ никого не боится—его всѣ боятся.

— Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ! — саркастически ввернулъ свое словечко Трубчевскій, и замѣчаніе это нѣсколько подорвало кредитъ оратора.

— Опять понесъ небылицы, сорока!

— Опять изъ оперы „не любо—не слушай"!

— Да у него ужъ такой характеръ, господа—ядовито процѣдилъ Савицкій,—о чемъ бы ни началъ, всегда говоритъ съ точностью до двухъ крокодиловъ!..

— А вотъ ты самъ на своей шкурѣ испытаешь этихъ „крокодиловъ". Потерпи немножко и на собственной персонѣ убѣдишься, вру я, или нѣтъ,—огрызнулся Кривцовъ и вслѣдъ затѣмъ обратился уже ко всѣмъ.—Идіоты! Вамъ говорятъ, что даже съ учителями „превосходительство" обращается, какъ съ лакеями. Оно никогда и носа не показываетъ въ учительскую, а если желаетъ кого-нибудь видѣть, то требуетъ къ себѣ въ кабинетъ и учитель разговариваетъ съ нимъ стоя! Не было случая, чтобы „превосходительство" учителю руку подало! Даже инспекторъ не всякій день удостоивается этой чести...

— Господа! Стоитъ ли слушать эти враки?—громко крикнулъ Дорошенко.—Мы точно прислуга, собравшаяся за воротами перемывать барскія косточки!

Протискавшись вслѣдъ затѣмъ сквозь толпу, Дорошенко демонстративно вышелъ изъ клуба. За нимъ, безнадежно махнувъ рукой въ сторону оратора, вышло и еще десятка два гимназистовъ и постепенно аудиторія Кривцова стала рѣдѣть.

Какъ ни пренебрежительно отнеслись гимназисты къ росказнямъ Кривцова о строгостяхъ новаго директора, но скоро они должны были убѣдиться, что въ этихъ сплетняхъ была нѣкоторая доля истины. Это почувствовалось и въ перемѣнѣ обращенія учителей, которые вдругъ, что называется, въ одинъ прекрасный день, стали придирчивѣе и требовательнѣе, и въ поведеніи старика-инспектора, который, еще за двѣ недѣли до пріѣзда директора, открылъ настоящій походъ противъ „клуба". Походъ начался съ увольненія старика-сторожа, на имя котораго выписывали гимназисты газеты въ свой „клубъ". Сторожу секретно, по подпискѣ,

собрали 100 рублей, но хотя деньги и удалось передать по назначенію, однако секретъ былъ обнаруженъ и двѣнадцать человѣкъ высидѣло въ общей сложности 288 часовъ въ карцерѣ, по 24 каждый. Вслѣдъ затѣмъ, въ одну изъ большихъ перемѣнъ, гимназисты были потрясены неожиданнымъ и неслыханнымъ въ лѣтописяхъ гимназіи появленіемъ инспектора въ самомъ „клубѣ“. Это былъ первый случай, и настигнутые въ своемъ убѣжищѣ, которое привыкли считать неприкосновеннымъ, гимназисты такъ растерялись, что попались, какъ куръ во щи. Болѣе тридцати деревянныхъ, серебряныхъ, кожаныхъ и всякихъ иныхъ портсигаровъ было отобрано и украсило собой весь подоконникъ въ инспекторской комнатѣ. Карцеръ переполнился на столько, что виновные должны были ждать очереди, чтобы попасть въ «училище», и количество проведенныхъ въ темницѣ часовъ перевалило за тысячу. Затѣмъ потянулась нескончаемая вереница другихъ строгостей. Инспекторъ обратилъ большое вниманіе на грубость нравовъ, которая и на самомъ дѣлѣ была чрезвычайно развита среди гимназистовъ: брань, драки, вульгарныя выраженія, дикія игры и забавы—вошли въ обычай среди гимназистовъ. Въ порчѣ нравовъ инспекторъ видѣлъ отчасти дурное вліяніе семьи, отчасти же (странно сказать) вліяніе Помяловскаго.

— Начитались „Очерковъ бурсы“,—объяснялъ онъ,—да и превратили самую гимназію въ бурсу: пошло загибаніе салазокъ, смази, показываніе Москвы и пр.

— Противъ грубости нравовъ инспекторъ предпринялъ цѣлую серію мѣръ, но всѣ онѣ, въ концѣ концовъ, сводились къ условной внѣшности. Отъ гимназистовъ потребовали, чтобы, встрѣчаясь на улицѣ съ начальниками, они кланялись имъ по всѣмъ правиламъ приличія, чтобы въ классѣ каждый вызванный къ доскѣ прежде, чѣмъ отвѣчать, расшаркался бы передъ учителемъ, чтобы при входѣ въ классъ старшихъ, всѣ вскакивали, какъ одинъ человѣкъ, и стояли ровно, ни однимъ пальцемъ не прикасаясь къ партѣ. На послѣднемъ правилѣ инспекторъ особенно настаивалъ и то и дѣло повѣрялъ, прочно ли оно усвоено гимназистами. Поминутно являясь то въ тотъ, то въ другой классъ, онъ останавливался на порогѣ и слѣдилъ, всѣ ли быстро вскочили при его появленіи и всѣ ли ровно стоятъ. Если, бывало, кто-нибудь изъ гимназистовъ проворонитъ моментъ появленія начальника и замѣшкается при вставаніи, то сѣдая голова инспектора приходила въ движеніе и долго укоризненно покачивалась, а въ тактъ ей тряслась его библейская борода. Это покачиваніе наводило на гимназистовъ безпредѣльную, мрачную тоску, такъ какъ они хорошо знали, что когда вслѣдъ затѣмъ голова инспектора придетъ

въ состояніе покоя, то изъ устъ ея польется нескончаемое старческое брюзжаніе, тягучее и липкое, какъ смола:

— Передъ лицомъ сѣдаго возстани и почти лице старчо! начиналъ инспекторъ свою канитель.—Такъ говоритъ писаніе, такъ требуетъ вѣжливость, такъ учатъ правила приличія... Но развѣ для Трубчевскаго существуютъ правила приличія? Развѣ для него вообще существуютъ какія бы то не было правила? Для чего ему правила? Да онъ плевать хотѣлъ на всякія правила?

Это былъ обычный приступъ въ рѣчахъ инспектора. А послѣ приступа слѣдовала легкая пауза, во время которой снова качалась сѣдая голова и въ тактъ ей двигалась длинная бѣлая борода. Затѣмъ шло безконечное продолженіе:

— И это называется воспитанникъ средняго учебнаго заведенія!.. Это будущій студентъ, а потомъ и общественный дѣятель. Что же онъ дастъ обществу, что онъ принесетъ окружающимъ его людямъ, когда и теперь онъ отрицаетъ законы! Для чего ему законы, когда онъ привыкъ руководствоваться кодексомъ, преподаннымъ господиномъ Помяловскимъ. Онъ и приличіямъ у Помяловскаго учился: „загибать салазки", „подымать на воздуси" и на всякомъ мѣстѣ лгать начальству — вотъ правила морали, которыя предложилъ ему г. Помяловскій. Вы читали Помяловскаго?

— Нѣтъ, не читалъ,—открещивается гимназистъ.

— Врете. Навѣрное читали.

— Накажи меня Богъ, не читалъ!

— Опять врете. Уже по одной формѣ вашей божьбы видно, что читали. А впрочемъ вы и сами по себѣ никакому Помяловскому не уступите, а во многомъ, можетъ быть, даже превзойдете его...

Далѣе опять слѣдуетъ легкая пауза, трясеніе головы и бороды и, наконецъ, заключеніе рѣчи:

— Вы вотъ что, мой юный другъ, вы сегодня послѣ уроковъ останьтесь-ка часика на два, авось съ васъ соскочитъ „помяловская дурь".

II.

Новый директоръ, Ипполитъ Гавриловичъ Чеботаевъ, былъ высокій представительный мужчина лѣтъ сорока съ небольшимъ. Было бы очень трудно опредѣлить, красивъ онъ былъ или нѣтъ. Даже самое слово „красивый", „некрасивый" совершенно не подходило къ его полной, внушительной фигурѣ,—онъ былъ то, что называется представительный мужчина „директорскаго" типа. Директорская солидность и спокойная увѣренность въ себѣ, проистекающая отъ сознанія собственой силы и значенія, такъ и сво-

зила у него во всемъ. Когда онъ шелъ, когда онъ говорилъ, когда онъ сморкался, когда онъ садился въ кресло и расправлялъ выхоленной рукой свои изумительныя бакенбарды, ниже которыхъ, подъ полнымъ, выбритымъ подбородкомъ, блестѣлъ на бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ орденъ святыя Анны,—вы бы непремѣнно сказали, что этотъ человѣкъ самой природой созданъ для того, чтобы занимать директорское мѣсто.

Кто не зналъ біографіи Ипполита Гавриловича Чеботаева, тотъ никогда бы не повѣрилъ, что этотъ картинный Юпитеръ въ вицъ-мундирѣ въ студенческіе годы былъ однимъ изъ очень красныхъ, что въ его студенческой каморкѣ нерѣдко искали и однажды нашли компрометирующія его бумаги и книги, что на студенческихъ сходкахъ это былъ первый ораторъ, котораго съ восторгомъ слушали курсистки, что, наконецъ, этотъ человѣкъ съ губернаторской наружностью во время оно сидѣлъ въ „предварилкѣ".

Ипполитъ Гаврилычъ всему этому теперь и самъ бы не повѣрилъ—такъ давно все это было и такъ много воды съ тѣхъ поръ утекло. О молодости своей онъ вообще вспоминалъ съ краской стыда и дѣлалъ исключеніе только (странно сказать) для „предварилки".. О „предварилкѣ" онъ вспоминалъ съ чувствомъ благодарности, любилъ говорить, что она открыла ему глаза на жизнь, перевоспитала его, встряхнула и научила видѣть вещи не вверхъ ногами, а въ ихъ естественномъ положеніи и въ натуральной величинѣ. Быть можетъ, нѣсколько рисуясь, онъ называлъ „предварилку"—„alta mater" и „вторымъ университетомъ», гдѣ проходится наука жизни.

Въ качествѣ грѣшника, принесшаго покаяніе, Ипполитъ Гаврилычъ университетскій дипломъ все-таки получилъ, а съ нимъ и мѣсто учителя въ одной изъ губернскихъ гимназій.

Но очутившись въ провинціальной глуши, онъ нѣкоторое время еще испытывалъ на себѣ послѣдствія своихъ студенческихъ увлеченій. Хотя все прежнее было прощено и забыто, а отъ студенческихъ временъ не сохранилось ни одного, даже шапочнаго знакомства, но Ипполитъ Гаврилычъ все-таки переживалъ на новомъ мѣстѣ чувство безбилетнаго пассажира: на него косились. Такъ ужъ, видно, устроено оффиціальное человѣчество, что всегда идетъ на полшага впереди предначертаній начальства.

Это замѣчается на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы; если деревенскому старостѣ велятъ посадить нашкодившаго мужика въ каталажку,—староста посадитъ и уже *отъ себя*, такъ сказать motu proprio, дастъ сажаемому по шеѣ; если поліціанту велятъ препроводить Петрова,—поліціантъ не удержится, чтобы не спросить: „А Лукьянова не прикажете"?

Въ учительскомъ мірѣ эта оффиціальная особенность идетъ едва ли не дальше, чѣмъ гдѣ-нибудь, и потому Ипполитъ Гаврилычъ чувствовалъ себя на новомъ мѣстѣ далеко не ладно: учителя его сторонились, директоръ подозрѣвалъ, а попечитель округа, наѣзжая въ гимназію, обращалъ особенное вниманіе на молодого преподавателя и запретилъ ему давать уроки въ старшихъ классахъ. Это рефлективное недовѣріе продолжалось, однако, не долго. Черезъ какихъ-нибудь два года Чеботаеву удалось доказать и убѣдить всѣхъ въ своей искренности. Этому помогли учительскіе съѣзды, на которыхъ онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ эффектныхъ рѣчей вполнѣ опредѣленнаго содержанія. Рѣчи обратили на себя вниманіе попечителя и вызвали рядъ лестныхъ отзывовъ со стороны консервативной печати. Но рѣчи были только первымъ шагомъ въ карьерѣ Чеботаева. Дальнѣйшее движеніе по службѣ обезпечили ему педагогическія статьи, которыя были написаны въ столь же опредѣленномъ направленіи. Какъ человѣкъ умный, Чеботаевъ очень хорошо понялъ духъ времени, понялъ, что въ наши дни сдѣлать быструю карьеру одной исполнительностью да усердіемъ невозможно, а нуженъ нѣкоторый шумъ, нужно, чтобы имя человѣка мелькало въ газетахъ, чтобы онъ ни на минуту не выходилъ изъ поля зрѣнія своего начальства. Для этой цѣли статьи были незамѣнимымъ средствомъ. И Чеботаевъ умѣлъ ихъ писать. Его далеко нельзя было назвать знатокомъ дѣла, опытнымъ педагогомъ-практикомъ,—онъ даже съ педагогической литературой былъ знакомъ поверхностно, но тѣмъ не менѣе статьи его всегда попадали въ точку, такъ какъ служили какъ бы дополненіемъ, разъясненіемъ и апологіей издающихся циркуляровъ и предполагаемыхъ мѣропріятій. Какъ бы ни былъ непродуманъ тотъ или иной циркуляръ, какъ бы ни была поспѣшна та, или другая мѣра, но Чеботаевъ всегда умѣлъ подыскать имъ оправданіе, умѣлъ изобразить дѣло въ такомъ видѣ, что и циркуляръ, и мѣра казались и значительны, и необходимы, и своевременны, и неизбѣжны.

Столь цѣнная способность пріобрѣла Чеботаеву репутацію „незамѣнимаго", открыла передъ нимъ широкія перспективы впереди и дала мѣсто директора въ 40 лѣтъ, когда товарищи его все еще тянули учительскую лямку или, какъ самъ онъ выражался на этотъ счетъ, „сидѣли въ дѣвкахъ".

День вступленія въ должность новый директоръ открылъ рѣчью, обращенной ко всѣмъ гимназистамъ. Въ большой рекреаціонной залѣ собрали ихъ и поставили по классамъ, такъ что вся группа представляла живой квадратъ, начинающійся драчливыми и пискливыми первоклассниками и кончающійся солидными восьмиклассниками, уже покручивавшими засѣявшіеся

усы. Съ одной стороны этого квадрата, въ видѣ бордюра виднѣлись застегнутые на всѣ пуговицы учительскіе и надзирательскіе вицъ-мундиры.

И гимназисты, и учителя были въ томъ приподнятомъ, напряженномъ настроеніи, которое всегда бываетъ у подчиненныхъ, ожидающихъ перваго выхода своего начальника. Во всемъ громадномъ рекреаціонномъ залѣ царила мертвая тишина, и даже малыши, затянутые по случаю торжества въ парадные мундирчики, какъ бы понимая общее настроеніе, стояли безшумно и, съ волненіемъ на дѣтскихъ лицахъ, испуганными глазами поглядывали на бѣлую дверь директорскаго кабинета. Изъ этой двери вотъ-вотъ долженъ былъ выйти тотъ страшный, какъ говорили всѣ, такой сердитый и строгій человѣкъ, котораго всѣ такъ боятся и въ ожиданіи котораго присмирѣли не только взволнованные учителя, но даже старикъ - инспекторъ наглухо застегнулъ свой новенькій вицъ-мундиръ и застылъ въ позѣ человѣка, ожидающаго приказаній.

Уже больше четверти часа тянулось ожиданіе, а дверь директорскаго кабинета все еще была заперта. Мало-по-малу напряженіе и волненіе дѣлалось утомительнымъ: малыши чувствовали, что у нихъ затекли ноги и челюсти сами собой раскрывались отъ нервной зѣвоты. Отъ скуки и среди старшихъ началось покашливаніе, перешептываніе и въ залѣ постепенно поднялся легкій гулъ, напоминавшій гудѣніе шмелей.

— Господа! Я буду записывать! — испуганнымъ шопотомъ вскричалъ инспекторъ, которому даже ничтожное нарушеніе тишины въ такую минуту показалось святотатствомъ.—За малѣйшіе разговоры—въ штрафной журналъ!

При этомъ инспекторъ вынулъ изъ бокового кармана свою записную книжку и съ угрожающимъ видомъ поднялъ карандашъ. Разговоры стихли, но не надолго, и вскорѣ нѣсколько восьмиклассниковъ, въ примѣръ прочимъ, попали на страницы инспекторской книжки, что, по обычаю, влекло за собой неминуемый карцеръ. Но и это не могло сдержать затомившихся въ ожиданіи гимназистовъ, и инспекторъ, вообще не признававшій никакихъ другихъ мѣръ педагогическаго воздѣйствія, кромѣ карцера, успѣлъ назначить, въ общей сложности, болѣе 50 часовъ карцернаго сидѣнія, прежде чѣмъ отворилась, наконецъ, дверь директорскаго кабинета. Гимназисты, а за ними и учителя замерли на мѣстѣ, какъ вкопанные, но изъ двери выбѣжалъ суетливой походкой гимназическій сторожъ Герасимъ, и это вызвало въ толпѣ невольный смѣхъ. Однако, смѣхъ моментально оборвался, когда Герасимъ иноходью подбѣжалъ къ инспектору и достаточно громко шепнулъ:

— Идутъ-съ.

Это слово произвело магическое дѣйствіе. У всѣхъ точно оборвалось дыханіе и восемьсотъ глазъ впилось въ директорскую дверь. Гимназисты затолпились, затолкались, стараясь принять такое положеніе, чтобы лучше видѣть, и въ залѣ поднялся скрипъ доброй сотни сапогъ, принадлежавшихъ заднимъ рядамъ, подымавшимся на цыпочки, чтобы глядѣть поверхъ головъ сосѣдей. Этотъ скрипъ усилился еще больше, когда въ дверяхъ кабинета показалась, наконецъ, эффектная, массивная фигура директора. Спокойно, безъ малѣйшаго признака смущенія, величественной и плавной походкой прошелъ онъ длинный залъ подъ огнемъ ученическихъ и учительскихъ глазъ и, приблизившись къ гимназистамъ на пять шаговъ, слегка кивнулъ на почтительный поклонъ учителей и надзирателей. Потомъ, окинувъ аудиторію опытнымъ глазомъ человѣка, давно привыкшаго говорить въ многолюдныхъ собраніяхъ, онъ выдержалъ легкую паузу и началъ своимъ густымъ, звонкимъ баритономъ:

— Господа! Довѣріемъ начальства я призванъ на постъ директора той гимназіи, которая всѣхъ васъ пріютила подъ своею кровлей. Но прежде чѣмъ приступить къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей, я считаю своимъ долгомъ теперь же, при самомъ началѣ нашего знакомства, намѣтить хотя бы основные пункты той программы, которую я имѣю въ виду осуществить и съ которой всѣ вы, такъ или иначе, должны будете считаться. Мой основной принципъ, господа—дисциплина и строгость, мое первое требованіе—повиновеніе и порядокъ во всемъ и всегда. Въ школѣ, какъ и на кораблѣ, безъ дисциплины немыслима правильная жизнь, и я, въ качествѣ капитана того корабля, на которомъ всѣмъ намъ предстоитъ плыть, долженъ буду обратить все вниманіе на эту сторону дѣла. Только при условіи абсолютнаго порядка и строжайшей дисциплины школа можетъ осуществить ту трудную, сложную и высокую задачу, которая такъ прекрасно намѣчена въ вашей ежедневной молитвѣ: „церкви и отечеству на пользу“. Эта цѣль такъ важна, такъ значительна и такъ высока, что на пути къ ней должны казаться ничтожными и мелкими всѣ препятствія. Поэтому я прошу васъ приготовить себя къ мысли, что всѣмъ вамъ придется или безусловно подчиниться требованіямъ порядка, или проститься съ мыслью объ аттестатѣ зрѣлости. Нарушителей дисциплины я буду безъ сожалѣнія удалять изъ гимназіи и не остановлюсь предъ этой мѣрой даже и въ томъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось удалить половину изъ васъ. Дѣти и юноши неисправимые не могутъ быть терпимы въ стѣнахъ учебнаго заведенія и хоть говорятъ, что школа — та же больница, гдѣ должны находить себѣ исцѣленіе всѣ недужные, но

надо помнить, что ни одна больница не принимаетъ неизлѣчимо больныхъ!

Тутъ директоръ сдѣлалъ легкую паузу, расправилъ свои роскошные бакенбарды и, окинувъ притихшую аудиторію опытнымъ взглядомъ привыкшаго говорить человѣка, продолжалъ:

— Что касается меня, то я охотнѣе сравнилъ бы школу не съ больницей, а съ наковальней, на которой рука педагога должна выковать три вещи: твердый характеръ, уваженіе къ власти и привычку къ повиновенію. Достигнуть этого будетъ нелегко и, быть можетъ, дѣло не обойдется безъ жертвъ. Но предъ нами стоятъ цѣли высшаго порядка и останавливаться на полпути не приходится,

Пусть тяжкій млатъ,
Дробя стекло,
Куетъ булатъ,

пусть только половина изъ васъ переступитъ порогъ университета, но зато переступитъ его вполнѣ сознательно, имѣя въ виду науку, одну только науку и ничего, кромѣ науки! Не ради химерическихъ увлеченій, сдѣлавшихся модными среди современнаго студенчества, не ради призрачныхъ утопій, за которыя хватается молодежь, государство распахнуло предъ вами двери своей высшей школы—оно желаетъ образовать вашъ умъ и дать вамъ величайшее благо на землѣ—силу знанія, преслѣдуя свои цѣли, желая видѣть въ васъ надежныхъ слугъ и вѣрныхъ хранителей существующаго порядка.

Тутъ директоръ слегка кивнулъ гимназистамъ въ знакъ того, что рѣчь окончена и, поздоровавшись за руку съ однимъ инспекторомъ и учителемъ математики Харченкой, а прочимъ кивнувъ только головой, также величественно, плавно и спокойно прослѣдовалъ къ своему кабинету.

III.

На гимназистовъ произвела впечатлѣніе не столько рѣчь директора, сколько его крупная, сильная фигура и вся его внѣшность, заставлявшая предполагать большой характеръ и непреклонную волю. Самая же рѣчь очень многимъ показалась и шаблонной, и нѣсколько ходульной.

— Дисциплина, дисциплина, дисциплина! — копируя директора, повторяли гимназисты, расходясь по классамъ.

— Порядокъ, порядокъ, порядокъ!

— Капитанъ корабля, плывущаго по волнамъ педагогическаго болота!

Было, однако, не мало и такихъ, которымъ новый директоръ внушилъ чувство серьезнаго страха.

— Этотъ командиръ под-тя-я-нетъ!

— Н-да, ягода... Замѣтили, какъ онъ на счетъ „тяжкаго млата" прошелся?..

— При этомъ ужъ въ „клубѣ" не покуришь!..

— Прощай всѣ наши казацкія вольности!..

Менѣе другихъ интересовались рѣчью директора (какъ, впрочемъ, и саммимъ директоромъ) восьмиклассники. Ихъ мысли витали уже вокругъ университета и на гимназію они смотрѣли, какъ на старое платье, изъ котораго давно выросли

Зато больше другихъ занялъ директоръ шестиклассниковъ. Въ этомъ классѣ гимназическіе интересы достигаютъ своего апогея— впереди предстоятъ еще цѣлые три года гимназической лямки, время болѣе чѣмъ достаточное для того, чтобы почувствовать перемѣну режима, связанную съ перемѣной начальства. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы шестиклассники особенно унывали. Разговоры объ универсальномъ значеніи дисциплины не представляли для нихъ ничего новаго: и прежній директоръ, и старикъ-инспекторъ, и учителя, и классные наставники, и надзиратели— всѣ ежедневно толковали имъ о дисциплинѣ, и хотя толковали не такъ энергично, не въ такомъ приподнятомъ, властномъ тонѣ, но содержаніе рѣчей приблизительно было одно и то же. Новостью могла показаться развѣ угроза исключить, въ случаѣ надобности, цѣлую половину гимназистовъ, да сентенція относительно „химерическихъ увлеченій". Но угроза показалась чрезмѣрно преувеличенной, а сентенція не попала въ цѣль, такъ какъ среди гимназистовъ химерическія увлеченія отсутствовали.

Въ ожиданіи, пока придутъ учителя (послѣ гимназистовъ директоръ и имъ говорилъ особливую рѣчь въ своемъ кабинетѣ) шестиклассники разсыпались на небольшія группы и оживленно судачили, перемывая косточки директора, повторяя его жесты и запавшія въ память отдѣльныя фразы и словечки.

Болтовня приняла характеръ перекрестнаго огня, не смолкавшаго ни на одну минуту.

— Съ одного бока Цицеронъ, а съ другого—квартальный надзиратель: только и разговору, что „не потерплю да разорю".

— Половину выключить обѣщался.

— Ну, половины онъ не съѣстъ—подавится!

— А замѣтили, господа, какія у него баки: ни дать, ни взять, два лисьихъ хвоста, обрамляющіе добродушное лицо стараго крокодила!

— Туда же объ интересахъ высшаго порядка волынку затя-

нулъ! А актриса-то, позвольте васъ спросить, къ какимъ же интересамъ относится?

— Просто разсужденіе „о любви къ отечеству и о народной гордости“.

— Воображаю, какъ онъ съ ней отечество спасаетъ!..

— А руки дѣйствительно никому не подалъ, только „Кощею“ (кличка инспектора) да Харченкѣ!

— Отличилъ достойнѣйшихъ, нечего сказать!

— Повидимому, онъ насъ считаетъ, господа, за опасныхъ крамольниковъ, ха-ха-ха!..

— Что-жъ, чортъ возьми, это лестно!

— Но онъ забылъ, что крамольники, которые курятъ въ трубу, еще не представляютъ серьезной опасности для государства.

— А это, братецъ мой, какъ на чей взглядъ.

— Господа!—вдругъ, покрывая всѣ голоса, громко крикнулъ Трубчевскій, общій любимецъ класса, слывшій за остряка, за перваго мошенника съ начальствомъ и за великаго мастера копировать учителей.—Господа! Пять минутъ вашего просвѣщеннаго вниманія и вы сейчасъ, увидите господина съ баками!

И не ожидая согласія товарищей, Трубчевскій выскочилъ изъ класса, чтобы поглядѣть, не видно ли въ корридорѣ кого-либо изъ „халдеевъ“, какъ называлъ онъ учителей. Но „халдеи“ были все еще въ кабинетѣ директора и съ этой стороны опасность не грозила. Убѣдившись въ этомъ и притворивъ за собой дверь, Трубчевскій сразу придалъ своему подвижному, мефистофельскому лицу выраженіе солидности и важности и не торопясь, плавно прослѣдовалъ къ каѳедрѣ среди сдержаннаго смѣха товарищей, заранѣе увѣренныхъ въ талантѣ своего любимца.

— Господа! — пародируя директора, началъ Трубчевскій и сходство голоса, манеры и въ особенности жеста, какимъ расправлялъ директоръ свои бакенбарды, сразу вызвало взрывъ хохота. — Въ качествѣ капитана того корабля, на которомъ мы всѣ поплывемъ въ страну микрокефаловъ, я долженъ заранѣе предупредить васъ, что не потерплю никакихъ химерическихъ увлеченій! Я знаю, что многіе изъ васъ легкомысленно увлекаются гимназистками, что нѣкоторые отдаютъ весь свой досугъ тенденціозному ухаживанью за модистками, что, наконецъ, кое-кто изъ васъ, изъ ложно понятыхъ демократическихъ чувствъ, отдаетъ свое явное предпочтеніе горничнымъ своихъ родителей.

Трубчевскій сдѣлалъ паузу, расправилъ рукой воображаемыя бакенбарды и среди хохота товарищей продолжалъ:

— Господа! Столь разнообразныя теченія общественной мысли приведутъ къ тому, что, вмѣсто аттестата зрѣлости, рука педагога должна будетъ показать вамъ шишъ!...

Трубчевскій простеръ по направленію къ товарищамъ шишъ и среди гомерическаго хохота застылъ въ этой картинной позѣ. Но вдругъ хохотъ точно по командѣ оборвался, и гимназисты, какъ одинъ человѣкъ, вскочили съ мѣстъ. Трубчевскій, какъ молнія, слетѣлъ съ каѳедры, но было уже поздно: на порогѣ стоялъ классный наставникъ, онъ же и учитель математики, Петръ Иванычъ Харченко. Сощуривъ свои сѣрые, слегка близорукіе глаза, онъ, словно вошедшій въ клѣтку укротитель звѣрей, молча остановился у двери и минуты двѣ не сводилъ долгаго, пристальнаго взгляда со своихъ учениковъ. Подъ этимъ взглядомъ гимназисты стояли, какъ парализованные, и въ классѣ воцарилась такая тишина, что слышно было дыханіе учениковъ.

— Трубчевскій!—криво усмѣхнувшись, прервалъ наконецъ молчаніе учитель,—чѣмъ это вы такъ развеселили своихъ товарищей?

Трубчевскій, которому потребовалось не болѣе одной минуты, чтобы вполнѣ оправиться, спокойно, не моргнувъ бровью, отвѣчалъ:

— Я разсказывалъ имъ анекдотъ про одного чиновника.

— Что?—съ прежней усмѣшкой переспросилъ Харченко.

— Есть одинъ анекдотъ такой, какъ одинъ чиновникъ хотѣлъ услужить генералу и вмѣсто того...

— Трубчевскій! вы, по обыкновенію, нахально лжете. О чемъ онъ говорилъ вамъ?—обратился Харченко къ Кривцову.

— Онъ говорилъ анекдотъ про чиновника.

— Въ чемъ же состоитъ этотъ анекдотъ? Разскажите!

Кривцовъ, никогда не слыхавшій анекдота про чиновника, хлопалъ глазами и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ.

А Харченко, довольный, что такъ ловко поймалъ на враньѣ, все тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— Трубчевскій! вы теперь видите, что вы, лгали?

— Вижу,—безъ тѣни смущенія и такъ же спокойно, какъ учитель, проговорилъ Трубчевскій.

— Скажете намъ правду?

— Скажу.

— Говорите.

— Я, собственно, разсказалъ не про генерала и чиновника, а про архіерея и дьячка.

Гимназисты едва удержались отъ улыбки, но поняли, куда гнулъ Трубчевскій: этотъ анекдотъ онъ не далѣе, какъ наканунѣ громогласно разсказалъ всѣмъ и надѣялся, что, въ случаѣ надобности, его всякій сумѣетъ повторить. Однако Харченку на такую удочку поймать было трудно.

— Нѣтъ, Трубчевскій, вы и на этотъ разъ лжете, и лжете далеко не съ тѣмъ талантомъ, какъ всегда.

— Честное слово, Петръ Иванычъ, я говорю вамъ истинную правду,—обиженно отозвался Трубчевскій.

— Да, да, это правда! это правда! онъ только что разсказывалъ! разсказывалъ!—хоромъ загудѣли товарищи.

Харченко снова сощурился и обвелъ классъ своими близорукими глазами.

— Такъ вы всѣ подтверждаете слова Трубчевскаго?—спокойно спросилъ онъ.

— Всѣ, всѣ, всѣ! Подтверждаемъ, подтверждаемъ!—хоромъ загудѣли гимназисты.

— И всѣмъ классомъ можете дать мнѣ честное слово, что Трубчевскій сказалъ мнѣ правду?

— Да, да, всѣмъ классомъ, всѣмъ классомъ!.. Честное слово!... Честное благородное слово,—снова дружнымъ хоромъ загудѣлъ классъ.

Харченко опять сощурился и впился глазами въ своихъ питомцевъ. На этотъ разъ въ его пристальномъ взглядѣ мелькнуло выраженіе презрѣнія.

— Ну, значитъ, всѣ вы такіе же лгуны, какъ и Трубчевскій. И я сейчасъ вамъ это докажу!—Харламовъ!—обратился онъ къ неуклюжему, вихрастому гимназисту, очень похожему на молодого медвѣжонка.—Правду мнѣ сказалъ Трубчевскій?

Заика-Харламовъ былъ въ своемъ родѣ феноменальный гимназистъ: онъ никогда, даже въ разговорахъ съ начальствомъ, не лгалъ. Какъ могъ онъ сохранить это свойство, обучаясь въ гимназіи, гдѣ всѣ его товарищи лгали походя,—оставалось загадкой, тѣмъ болѣе, что и въ семьѣ своей Харламовъ, какъ и въ гимназіи, ничего, кромѣ вѣчной лжи и фальши, не видѣлъ. Отецъ его былъ биржевой бандитъ, старшій братъ — темный гешефтмахеръ, а мать—престарѣлая Мессалина. И тѣмъ не менѣе, въ этой семейкѣ, наперекоръ судьбѣ и точно въ насмѣшку надъ законами наслѣдственности, родился, воспитался и выросъ юноша, съ кристально чистой душой, органически ненавидѣвшій всякій обманъ и не выносившій лжи даже въ формѣ шутки.

Гимназисты любили Харламова и уважали его правдивость, хотя и называли его „ошибкой природы“, учителя же пользовались особенностями Харламова по своему.

— Скажите же, Харламовъ, правду ли намъ говорилъ Трубчевскій?—снова повторилъ свой вопросъ Харченко, но Харламовъ и на этотъ разъ стоялъ, упершись руками въ скамью и, не подымая глазъ на учителя, не проронилъ ни слова.

— Я васъ спрашиваю, Харламовъ, правду ли говорилъ намъ Трубчевскій?

Харламовъ опять стоялъ молча, точно это не къ нему и от-

носилось. Харченко вспыхнулъ. Быстро подойдя къ упрямцу въ плотную, онъ стукнулъ рукой по скамьѣ и крикнулъ:

— Я дождусь отъ васъ отвѣта?

— Н...н...нѣтъ....

Харченко опѣшилъ,—такъ невозмутимо-спокойно произнесъ Харламовъ свое „нѣтъ".

— И я п... прошу,—заикаясь, прибавилъ ученикъ,—во... вообще уволить меня отъ такихъ во... вопросовъ...

Харченко сдержалъ себя и, сощурившись, опять спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— Вы, значитъ отказываетесь отвѣчать?..

— Да, я от... отказываюсь... ка... категорически отказываюсь...—спокойно и твердо вымолвилъ Харламовъ и посмотрѣлъ въ лицо учителя своими громадными, наивными, какъ у ребенка, и ясными, какъ небо, глазами.

Этотъ ли взглядъ, или вообще эксцентричность всей сцены, но только Харченко почувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи. Съ минуту простоялъ онъ молча, какъ бы обдумывая, что дѣлать съ Харламовымъ, но видно порѣшилъ не дѣлать ничего, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ обратился уже къ Трубчевскому:

— Изъ того, что Харламовъ молчитъ, Трубчевскій, я заключаю, что вы мнѣ лгали! Срамъ сказать, но Харламовъ одинъ изъ васъ всѣхъ говоритъ правду. Я поэтому прощаю ему его выходку, тѣмъ болѣе, что она сдѣлана изъ чувства товарищества, хотя и ложно понятого... А васъ, Трубчевскій, за упорную ложь, которая сдѣлалась вашей второй натурой, и за растлѣвающее вліяніе на весь классъ, попрошу на цѣлое воскресеніе въ карцеръ. Садитесь!

Ученики сѣли, а Харченко прослѣдовалъ къ каѳедрѣ и уже оттуда, обернувшись лицомъ къ классу, со своей обычной кривой усмѣшечкой, проговорилъ:

— Впрочемъ, Трубчевскій, если Харламовъ скажетъ мнѣ, что вы говорили правду, то я сейчасъ же освобожу васъ отъ наказанія. Харламовъ, вы слышите?

Харламовъ неуклюже приподнялся съ парты и виноватыми глазами посмотрѣлъ въ сторону Трубчевскаго.

— Ну, что же, Харламовъ, одно ваше слово и вашъ товарищъ будетъ освобожденъ...

Это уже переполнило чашу. Харламовъ вдругъ покраснѣлъ, такъ, что и лицо, и уши, и шея его сдѣлались багровыми, засопѣлъ носомъ, какъ паровикъ, и посмотрѣлъ на Харченку такими глазами, что тотъ поспѣшилъ оборвать эту сцену.

— Садитесь, Харламовъ.

Но Харламовъ на этотъ разъ не садился и дѣлалъ не чело-

вѣческія усилія, что бы сказать что-то. Но отъ волненія и гнѣва, заиканіе его удесятирилось и онъ только мучительно подергивалъ челюстями, не будучи въ состояніи выдавить ни слова.

Дорошенко, сидѣвшій сзади, замѣтилъ, что товарищъ его готовъ сдѣлать, или сказать что-нибудь чрезвычайное, и задергалъ его сзади за полы такъ сильно, что Харламовъ обернулся. Возбужденное, багровое лицо его, раздувшіяся ноздри и блестѣвшіе негодованіемъ глаза просто испугали Дорошенку.

— Молчи! Садись! Садись, Харламчикъ, садись, милый!— шепталъ Дорошенко со страхомъ и такъ усиленно дергалъ товарища за полы, что тотъ наконецъ послушался и сѣлъ. Но Дорошенко еще очень долго видѣлъ его багровую шею и слышалъ его тяжелое, свистящее сопѣніе.

IV.

Петръ Ивановичъ Харченко принадлежалъ къ чрезвычайно распространенному у насъ типу такъ называемаго „прекраснаго семьянина“. Нѣжный отецъ, неизмѣнно любящій и ласковый мужъ, онъ боготворилъ свою семью, не могъ наглядѣться на жену и надышаться на дѣтей. Дома это былъ добрѣйшій, благодушнѣйшій человѣкъ, переполненный нѣжной любовью, никогда не возвышавшій голоса и расточавшій и женѣ, и дѣтямъ однѣ только ласки. Но, зато внѣ дома, этотъ ягненокъ могъ превращаться и въ коршуна, и въ волка, и въ лисицу, въ зависимости оттого, что въ данный моментъ было всего полезнѣе для его семейства.

Такъ какъ дома Харченко былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ внѣ дома, то, о немъ сложилось два совершенно различныя мнѣнія. Его дѣти говорили: „какой у насъ милый, добрый, ласковый папочка“. Его жена искренно негодовала и не могла понять, почему это гимназисты не боготворятъ ея мягкаго, кроткаго и ласковаго мужа. Его горничная и кухарка были въ него платонически влюблены и каждый день говорили:

— Экое счастье нашей барынѣ: какого золотого мужа вымолила себѣ у Бога.

Но зато товарищи учителя говорили другое:

— Изъ-за новаго платья женѣ Харченко кому угодно перекуситъ горло. А учитель словесности, человѣкъ съ злымъ языкомъ, называлъ Харченку не иначе, какъ „подколодный ягненокъ“.

Харченко зналъ, что его не любятъ товарищи и терпѣть не могутъ гимназисты. Но это его очень мало огорчало. Все свое счастье, весь смыслъ жизни онъ видѣлъ въ семьѣ и въ своемъ уютномъ тепломъ гнѣздышкѣ чувствовалъ себя царемъ вселенной, которому ничего не надо и нечего даже пожелать. Какія бы

ножки ни подставляли ему товарищи, какъ бы ни докучали гимназисты, онъ зналъ, что стоитъ ему переступить порогъ своей тихой обители—и всѣ непріятности, вся тягота и проза жизни останется тамъ, позади и не посмѣетъ перелетѣть на этотъ островокъ безоблачнаго счастья.

Въ кругу своихъ сытыхъ, здоровыхъ и красивыхъ дѣтей, рядомъ со своей элегантной, хорошенькой и свѣжей женой онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ на землѣ. Каждый вечеръ, играя съ супругой въ четыре руки, или сидя вдвоемъ у тлѣющаго камина, онъ переживалъ такое чувство, точно въ первый разъ пришелъ на любовное свиданіе.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что эта розовая идиллія ничѣмъ не нарушалась. И у супруговъ Харченко были свои непріятности. Такъ, обоихъ ихъ очень огорчало сознаніе, что съ годами они стали полнѣть. Онъ полагалъ, что если его разнесетъ и животъ его приметъ „размѣры угрожающіе", то „Кися" (такъ называлъ онъ жену) будетъ этимъ недовольна. Она, въ свою очередь, думала, что если она растолстѣетъ, то ея Петрусь разочаруется въ ней.

Но за вычетомъ общесемейной полноты, все остальное текло въ жизни Харченко какъ по маслу. Начальство къ нему относилось съ неизмѣнной благосклонностью и цѣнило въ немъ человѣка, который не любитъ разсуждать и не останавливается предъ мѣрами спасительной строгости съ гимназистами. Въ отношеніи гимназистовъ Харченко былъ безпощаденъ, настойчивъ, педантиченъ и ни на одинъ шагъ не отступалъ отъ той программы, которую однажды намѣчалъ директоръ или попечитель. Это вызывало глухую, подавленную ненависть гимназистовъ, но Харченко и не признавалъ другихъ отношеній съ ними, кромѣ открытовраждебныхъ. Онъ смѣялся надъ наивностью учителей-новичковъ, мечтавшихъ о созданіи отношеній дружескихъ, полутоварищескихъ и, быть можетъ, не безъ основанія доказывалъ, что подобная „аркадія" на почвѣ русской гимназіи была бы такъ же невѣроятна, какъ лилія, выросшая на берегу Ледовитаго океана. Къ тому же, Харченко за десять лѣтъ своего учительства вынесъ убѣжденіе о безконечной испорченности гимназистовъ. Онъ ихъ презиралъ, считалъ нравственно изувѣченными, развратными съ пятаго класса, закоренѣлыми лгунами—съ перваго и неспособными ни на что другое, кромѣ какъ на пакость, на низость, на месть исподтишка.

Отчасти этотъ взглядъ, отчасти безсознательное стремленіе выслужиться и были причиной той неуклонной строгости Харченки къ гимназистамъ, которую такъ одобряли его начальники. Но при этомъ было бы большой ошибкой предполагать, что Харченко

заискивалъ, забѣгалъ впередъ и вообще сознательно подличалъ передъ своими начальниками. Ничего подобнаго не было — онъ просто по какому-то закону мимичности безсознательно копировалъ всѣхъ своихъ директоровъ. Не столько умомъ, сколько чутьемъ онъ сразу же (и всегда безъ ошибки) угадывалъ директорскіе вкусы и взгляды и потрафлялъ не столько за страхъ, сколько за совѣсть, всегда и во всемъ полагаясь исключительно на свою мимичность. Эта мимичность доходила до того, что у Харченки не было даже собственнаго расположенія духа, и гимназисты, смѣясь, говорили, что если у директора болятъ зубы, то у Харченки дѣлается флюсъ. Какъ бы то ни было, но эта счастливая особенность сослужила Харченкѣ дорогую службу—онъ всегда умѣлъ найтись, умѣлъ оріентироваться среди цѣлаго потока циркуляровъ, а главное умѣлъ „идти на встрѣчу“ требованіямъ ближайшаго начальства.

Съ появленіемъ въ гимназіи Чеботаева, Харченко, какъ бы нащупывая путь, попробовалъ на первыхъ порахъ обратить усиленное вниманіе на внѣшность учениковъ, и оказалось, что онъ не только угадалъ, но попалъ въ самую точку: новый директоръ замѣтилъ его начинанія и поощрилъ лестнымъ отзывомъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы Харченко почувствовалъ подъ собой твердую почву и принялся за гимназистовъ вплотную. Онъ потребовалъ отъ гимназистовъ чистыхъ крахмальныхъ воротничковъ, настаивалъ на галстухахъ, слѣдилъ за опрятностью сапогъ, блузъ, шеи, ногтей, а главное наблюдалъ, чтобы ни одинъ гимназистъ его класса не ходилъ съ длинными волосами. Волосы (а равно бороды и усы) составляли предметъ его особенныхъ заботъ. Не проходило того дня, чтобы онъ не произвелъ на этотъ счетъ обстоятельнѣйшей экспертизы. Бѣгая между партами, онъ собственноручно ощупывалъ головы гимназистовъ и съ неумолимой настойчивостью твердилъ:

— Къ завтрему остричься! На-голо, подъ машинку—нечего прическами лошадей пугать! Прошу также обратить строжайшее вниманіе на усы!

Принудительная стрижка была истиннымъ наказаніемъ для гимназистовъ. Она раздражала ихъ уже потому, что была принудительна, что стричься надо было подъ гребенку, съ такимъ разсчетомъ, чтобы при ощупываніи пальцы Харченки не могли захватить и ничтожнѣйшаго пучка. Но къ этому присоединялось еще одно обстоятельство весьма деликатнаго свойства: многіе изъ гимназистовъ были влюблены и не безъ основанія полагали, что голый черепъ не составляетъ значительнаго шанса на пріобрѣтеніе благосклонности дамъ. Нѣкоторые прямо относили свои любовныя неудачи за счетъ принудительной стрижки. Поэтому классъ Харченки прибѣгалъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы сохра-

нить волосы хоть на два вершка. Каждое утро, передъ экспертизой, гимназисты дѣлали чудеса со своими прическами и превращались поистинѣ въ парикмахеровъ-виртуозовъ. Тщательно намочивъ волосы водой, они такъ прилизывали ихъ щетками, что голова имѣла видъ почти лысый. Но Харченку трудно было ввести въ заблужденіе: прилизанные волосы какъ разъ и обращали на себя его удвоенное вниманіе и, проводя рукой противъ шерсти, съ затылка ко лбу, онъ безжалостно разрушалъ хитроумнѣйшія сооруженія и сложнѣйшія комбинаціи, неизмѣнно твердя одно и то же.

— Къ завтрему остричься!

А на завтра онъ опять бѣгалъ между партами и проводилъ рукой отъ затылка ко лбу. Отдѣлаться отъ него не было никакой возможности, такъ какъ, увлеченный собственной реформой, онъ, съ разрѣшенія директора, прямо съ уроковъ отсылалъ непокорныхъ къ парикмахеру. На этой почвѣ выростало взаимное раздраженіе и происходило не мало конфликтовъ. Доведенные до отчаянія, гимназисты приносили свидѣтельства врачей, удостовѣряющія, что чрезмѣрная стрижка вредна для ихъ здоровья, но Харченко ни на шагъ не отступалъ отъ своей идеи и ослушниковъ сажалъ въ карцеръ вмѣстѣ съ удостовѣреніями. Тогда гимназисты, желая хоть чѣмъ-нибудь досадить гонителю волосъ, придумали „японскую месть“. Двое изъ нихъ не остригли, а обрили головы и въ такомъ видѣ явились въ классы. Синеватые, какъ у татаръ, совершенно голые черепа ихъ произвели въ гимназіи настоящую сенсацію, тѣмъ болѣе, что обрился популярнѣйшій въ гимназіи ученикъ Трубчевскій и сынъ извѣстной въ городѣ газетной писательницы Снигиревъ. И тотъ, и другой приковали къ себѣ вниманіе всей гимназіи: на нихъ сбѣгались смотрѣть, ощупывали ихъ головы руками, шлепали по гладкимъ черепамъ ладонями, а малыши ходили за ними цѣлыми стадами. Но эта пародія на распоряженіе класснаго наставника не прошла безслѣдно ни Трубчевскому, ни Снигиреву. Во время утренней экспертизы Харченко тотчасъ же замѣтилъ „пересолъ“ и произошла исторія.

— Это что еще за новость? Что это вы сдѣлали?—набросился онъ на Трубчевскаго.

Трубчевскій развелъ руками и со свойственнымъ ему юморомъ продекламировалъ:

— Feci, quod potui, faciant meliora potentes *).

Харченко смѣрилъ его съ головы до ногъ удивленнымъ и вмѣстѣ гнѣвнымъ взглядомъ и, не сказавъ ни слова, повернулся и про-

*) Я сдѣлалъ, что могъ,—пусть, кто можетъ, сдѣлаетъ лучше.

слѣдовалъ къ каѳедрѣ, на которой лежалъ журналъ. Съ гнѣвомъ обмакнувъ перо, онъ, все также не произнося ни слова, сталъ писать. Гимназисты съ жаднымъ вниманіемъ глядѣли на его бѣгающую по бумагѣ руку и съ тревогой посматривали на Трубчевскаго.

Окончивъ свою запись, Харченко прочиталъ вслухъ: „За излишнюю утрировку при исполненіи приказаній классснаго наставника, Трубчевскій подвергается аресту въ карцерѣ на 6 часовъ“.

— Вы видите,—обратился онъ къ виновнику утрировки,—что и я, въ свою очередь, могу сказать:

— Feci, quod potui, faciant meliora potentes.

Гимназисты прыснули. Но Трубчевскій на этомъ не успокоился и съ злой усмѣшкой замѣтилъ:

— Я полагалъ, что, осуществляя „реформу“ въ возможной полнотѣ, я заслуживалъ бы скорѣе похвалы.

Въ голосѣ Трубчевскаго было столько ироніи, а слово „реформа“ онъ произнесъ съ такимъ ядомъ, что Харченко вспыхнулъ, какъ порохъ и покраснѣлъ до корня волосъ. Подбѣжавъ къ гимназисту вплотную, онъ не сказалъ, а какимъ-то сдавленнымъ голосомъ прошипѣлъ:

— Если бы я повторилъ вашу фразу директору, васъ черезъ пять минутъ не было бы въ гимназіи! Но я васъ прощаю, изъ одного сожалѣнія къ вашимъ родителямъ—прощаю. Садитесь и зарубите себѣ на носу, что въ другой разъ я поступлю иначе!..

Трубчевскій сѣлъ, а Харченко въ волненіи забѣгалъ по классу и прошло добрыхъ десять минутъ, прежде чѣмъ онъ успокоился. Но уже сидя въ своемъ креслѣ и приготовляясь начинать урокъ, онъ снова едва не распалился гнѣвомъ. На этотъ разъ его разсердилъ Снигиревъ, который считалъ несправедливымъ, что за бритый черепъ угодилъ въ карцеръ одинъ Трубчевскій.

— Будьте такъ добры, Петръ Ивановичъ,—обратился онъ къ классному наставнику,—запишите и меня на 6 часовъ „за утрировку“.

Эта просьба заставила Харченку снова вспыхнуть, но отъ проявленія гнѣва онъ сдержался и только, сощурившись, презрительнымъ взглядомъ смѣрилъ Снигирева.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—спокойно промолвилъ онъ и, раскрывъ журналъ, тутъ же записалъ въ карцеръ и бритаго Снигирева.

Примѣръ Харченки, а главное поощреніе директора, открыто выразившаго ему свое одобреніе, разбудили чувство ревности и во всѣхъ другихъ классныхъ наставникахъ. Постепенно стрижка стала принимать эпидемическій характеръ и скоро во всей гимназіи не оставалось ни одного ученика, у котораго волосы достигали бы двухъ вершковъ.

Городскіе парикмахеры благословляли небо, а гимназисты хоть и смѣялись, говоря, что учителя вошли въ стачку съ цирюльниками, но въ сущности чувствовали себя преотвратительно и жаловались, что еще никогда въ гимназіи не было такихъ строгостей, какъ при директорѣ Чеботаевѣ. Скоро, однако, имъ пришлось убѣдиться, что стрижка была лишь однимъ изъ звеньевъ длинной цѣпи стѣснительныхъ нововведеній, что за ней во слѣдъ пришли уже совсѣмъ суровыя мѣры: запрещеніе гулять послѣ семи часовъ вечера, воспрещеніе читать изъ городскихъ библіотекъ, предписаніе раскланиваться со встрѣчными генералами, требованіе, чтобы квартира родителей состояла не менѣе, чѣмъ изъ четырехъ комнатъ и пр. На ряду съ этими мѣропріятіями ограничительнаго характера, при директорѣ Чеботаевѣ не было недостатка и въ попыткахъ, по существу заслуживавшихъ полнаго сочувствія. Такъ, при немъ впервые былъ сдѣланъ опытъ сближенія педагоговъ съ родителями. Перекинуть мостки между школой и семьей, насадить добрыя отношенія между этими всегда враждебными другъ другу лагерями было бы воистину благодѣяніемъ для гимназіи, но такъ какъ опытъ сближенія дѣлался на ряду со стрижкой, съ генералами, съ квартирой о четырехъ комнатахъ и пр., то ни среди гимназистовъ, ни среди родителей онъ не встрѣтилъ сочувствія. Педагогическій міръ со всѣмъ этимъ какъ-то не хотѣлъ считаться, онъ не обращалъ вниманія на коренную испорченность отношеній и въ простотѣ ума и сердца наивно полагалъ, что стоитъ ему протянуть руку, и семья немедленно пойдетъ на встрѣчу, немедленно кинется пожимать эту руку, которая еще вчера и даже сегодня такъ тяжко, такъ жестоко карала ея дѣтей.

За идею сближенія съ наибольшимъ жаромъ и увлеченіемъ ухватился Харченко: онъ и тутъ опередилъ всѣхъ учителей. Съ той же энергіей, съ той же послѣдовательностью, какую проявилъ онъ, вводя стрижку, взялся онъ и за эту новую мысль директора. Но уже очень скоро онъ долженъ былъ убѣдиться, что остричь гимназистовъ гораздо легче, чѣмъ сблизиться съ ними.

Свои опыты Харченко началъ съ гимназистовъ Савицкаго и Мельникова.

V.

Савицкій былъ сирота. Родители его умерли, не оставивъ ему ни гроша, когда онъ былъ еще въ четвертомъ классѣ и заботиться о мальчикѣ сталъ его дядя. Но такъ какъ и у дяди ничего, кромѣ дѣтей, не было, то, уже черезъ мѣсяцъ послѣ смерти родителей, Савицкій былъ поставленъ въ необходимость думать о

своемъ пропитаніи. Онъ имѣлъ два урока, по пяти рублей каждый, и эту скромную лепту платилъ дядѣ за уголъ и обѣдъ. Но съ пятаго класса онъ перешелъ уже отъ дяди на частную квартиру и совсѣмъ всталъ на собственныя ноги. Въ это время ему очень повезло—онъ нашелъ себѣ рѣдкій, по высотѣ платы, урокъ въ 20 р. въ мѣсяцъ да почти столько же сталъ зарабатывать газетной работой, помѣщая въ мѣстномъ листкѣ небольшія компилятивныя, а иногда и оригинальныя статейки. И выгодный урокъ, и газетную работу предоставилъ Савицкому одинъ изъ мѣстныхъ неудачниковъ-литераторовъ Леонтій Борисовичъ Бернштейнъ, съ которымъ юный гимназистъ познакомился совершенно случайно, на конкѣ. Вниманіе Бернштейна привлекло не по дѣтски печальное, осунувшееся лицо Савицкаго. Это подало поводъ къ разговору, потомъ къ знакомству, потомъ даже къ дружбѣ и, спустя какой-нибудь мѣсяцъ послѣ встрѣчи, Савицкій имѣлъ уже урокъ и, подъ руководствомъ своего новаго покровителя, сталъ пописывать. Юноша очень начитанный, съ живымъ бойкимъ умомъ, онъ еще во второмъ классѣ писалъ стихи и даже „романы“ и пріучился болѣе или менѣе удовлетворительно владѣть перомъ, такъ что въ газетѣ былъ далеко не послѣднимъ человѣкомъ.

Литераторство доставило Савицкому цѣлую тьму авторскихъ восторговъ и приблизительно 15 рублей мѣсячнаго гонорара. Но заработокъ этотъ Савицкій считалъ такимъ огромнымъ и вмѣстѣ такимъ легкимъ и пріятнымъ, что, не переставая, благословлялъ тотъ день и часъ, когда судьба свела его съ Бернштейномъ.

Однако, авторство свое Савицкій тщательно скрывалъ не только отъ гимназическаго начальства, но даже отъ многихъ товарищей, и только Дорошенко да пять-шесть испытанныхъ пріятелей знали, что „Савицкій—литераторъ“. Строго говоря, Савицкій едва ли имѣлъ основанія такъ скрытничать, ибо гимназическія правила не предусматриваютъ даже такого случая, чтобы гимназистъ работалъ въ газетѣ, и потому не облагаютъ никакимъ наказаніемъ участіе въ прессѣ. Но Савицкій, опираясь больше на инстинктъ, твердо вѣрилъ, что въ тотъ день, когда авторство его будетъ раскрыто, его исключатъ изъ гимназіи, или, придерживаясь ученической терминологіи, „выкинутъ“.

Было и еще одно обстоятельство, которое Савицкій такъ же старательно скрывалъ отъ начальства—это свое проживаніе на частной квартирѣ. Собственно говоря, и здѣсь не было причинъ скрываться, такъ какъ, не имѣя родителей, а изъ родственниковъ обладая лишь дядей, который, по бѣдности, не имѣлъ возможности его пріютить, Савицкій и не могъ жить иначе, какъ на частной квартирѣ. Но онъ и здѣсь „ради безопасности“ счелъ за благо скрыть истину и говорилъ Харченкѣ, что живетъ у тетки.

Онъ и квартиру нанималъ съ тѣмъ условіемъ, что въ оффиціальныхъ случаяхъ хозяйка должна была принимать на себя званіе его тетки. Но такъ какъ Савицкій съ хозяйками не ладилъ и перемѣнялъ ихъ довольно часто, то съ теченіемъ времени количество его тетокъ возрасло до размѣровъ, прямо противоестественныхъ.

Харченко, разумѣется, не могъ не понимать фиктивность этихъ тетокъ, но пока не было циркуляра о сближеніи педагоговъ съ родителями и о посѣщеніи квартиръ учениковъ, смотрѣлъ на это дѣло сквозь пальцы. Зато въ день, когда вышли эти циркуляры, онъ круто перемѣнилъ фронтъ. Случилось такъ, что какъ разъ въ этотъ же день Савицкій сообщилъ ему о новой перемѣнѣ адреса и это послужило поводомъ для длинныхъ разговоровъ.

— Каждые два мѣсяца, Савицкій, вы перемѣняете квартиру, а вмѣстѣ съ ней и тетку. Я долженъ вамъ сказать, что совершенно не вѣрю въ вашихъ тетокъ. Почему вы не живете у дяди, въ подлинность котораго мы вѣримъ?

— Дядя не можетъ меня содержать и, кромѣ того, у него квартира изъ трехъ комнатъ, а это не допускается новыми правилами.

— Но вы знаете, что новыми правилами не допускается точно также и жить у кого попало.

— Я живу не у кого попало, а у тетки,—грубовато и безъ малѣйшей тѣни смущенія отрѣзалъ Савицкій.

Харченко смѣрилъ его строгимъ взглядомъ.

— Говорите вѣжливо, Савицкій, вы должны помнить, что съ вами говоритъ вашъ начальникъ. Стойте прямо! Примите руки со скамьи, не смотрите въ землю!

Савицкій нехотя принялъ руки, но головы все-таки не поднялъ.

— Я вамъ сказалъ,—продолжалъ Харченко,—что не вѣрю въ вашихъ тетокъ. Не можетъ быть у одного человѣка столько тетокъ.

— У человѣка можетъ быть много тетокъ, — насупившись, упорно твердилъ свое Савицкій, не смущаясь ни очевидностью лжи, ни дружнымъ фырканьемъ товарищей.

— Но у васъ тетокъ болѣе, чѣмъ много, у васъ ихъ энъ плюсъ единица!

— Ну такъ что же изъ того,—въ этомъ ничего худого нѣту.

— Но и хорошаго мало.

— И хорошаго не много.

— Слушайте, Савицкій, вы должны разъ и навсегда оставить этотъ тонъ въ разговорѣ съ вашими наставниками, не то вы очень, очень пожалѣете!

Харченку, видимо, чрезвычайно коробило, что Савицкій не говоритъ, а огрызается, и потому, смѣривъ ученика еще разъ недружелюбнымъ, даже злымъ взглядомъ, учитель готовъ былъ совсѣмъ вспылить, но удержался. Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ по классу, Харченко глубоко засунулъ руки въ карманы и на ходу, уже не глядя на Савицкаго, продолжалъ:

— Я опять возвращаюсь къ вашимъ теткамъ. Я знаю, что вамъ, какъ юношѣ, оставшемуся безъ родителей, приходится трудно, но въ тетокъ вашихъ тѣмъ не менѣе я ни одной минуты не вѣрю и сегодня же буду у васъ на дому, чтобы имѣть честь взглянуть на вашу тетку.

Обѣщаніе быть на дому показалось такой новостью, было такъ необычно, такъ неожиданно, что Савицкій даже ротъ раскрылъ отъ изумленія. Подняли головы и прочіе гимназисты и съ тревогой подлядывали то на Харченку, то на Савицкаго.

Что касается этого послѣдняго, то, повидимому, онъ почувствовалъ себя очень скверно. Не смотря на привычку ко лжи и на умѣнье лгать безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, онъ покраснѣлъ, смутился и растерялся.

— Собственно говоря, моя тетка довольно дальняя,—попытался было онъ поправить дѣло, но Харченко перебилъ его.

— Мы это увидимъ, дальняя она, или нѣтъ. Но если она фиктивная, то я буду поставленъ въ необходимость предложить вамъ поселиться у г-жи Страусовой, которой оффиціально разрѣшено держать учениковъ и за квартирой которой установленъ педагогическій надзоръ.

При этихъ словахъ наставника, Савицкій весь встрепенулся.

— А я буду поставленъ въ необходимость не воспользоваться этимъ предложеніемъ,—вспыхнувъ отчеканилъ онъ,—такъ какъ Страусова беретъ съ каждаго ученика, за плохенькую комнату и отвратительный обѣдъ, 40 рублей въ мѣсяцъ, а у меня такихъ денегъ нѣтъ.

— Вамъ, можетъ быть, устроятъ стипендію.

— Я въ стипендіи не нуждаюсь, я имѣю возможность жить у тетки.

— Послушайте, Савицкій, вы переходите уже всякія границы приличія. Молчать! Извольте садиться! Вы будете жить у Страусовой и на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ разговоровъ— это желаніе директора!

Савицкій сѣлъ съ такимъ видомъ, точно на него изъ-за угла ведро холодной воды вылили. Перспектива очутиться въ „тюремномъ замкѣ Страусовой“, какъ назывался на языкѣ гимназистовъ интернатъ, устроенный этой госпожей, и попасть подъ надзоръ „этой ехидны“ и трехъ надзирателей, которые по очереди, еже-

дневно навѣдывались въ „замокъ“—казалась привыкшему уже къ свободѣ Савицкому просто ужасной. Нервно кусая ногти и бросая раздраженные взгляды на учителя, онъ рѣшилъ низачто не сдаваться и во что бы то ни стало „выкрутиться изъ капкана“.

А Харченко, между тѣмъ, снова прошелся нѣсколько разъ по классу и, постепенно успокоившись, обратился съ импровизированной рѣчью ко всѣмъ.

— Вообще, господа, я долженъ предупредить васъ всѣхъ, что съ нынѣшняго же мѣсяца я буду посѣщать ваши квартиры, чтобы знакомиться съ вашими родителями и вашей домашней обстановкой. На это со стороны начальства имѣются особыя распоряженія, и вы, какъ почти взрослые уже люди, легко, конечно, поймете, что эта мѣра имѣетъ въ виду не контроль за вашимъ внѣкласснымъ времяпрепровожденіемъ, а преслѣдуетъ другую цѣль—сблизить школу съ семьей. Мы привыкли къ существующему порядку вещей и оттого намъ не кажется страннымъ, что, живя и работая вмѣстѣ чуть не десять лѣтъ къ ряду, мы въ сущности не успѣваемъ узнать другъ друга. Наши отношенія замыкаются въ сферѣ узкихъ классныхъ интересовъ и носятъ характеръ строго-оффиціальный. Поэтому я для васъ, а вы для меня—таинственные незнакомцы. Что же касается родителей вашихъ, то многихъ изъ нихъ я даже въ глаза не видалъ. А между тѣмъ, только при дружномъ взаимодѣйствіи школы и семьи, только при энергичной и совмѣстной работѣ и возможна раціональная постановка вашего воспитанія. Поэтому, господа, приготовьтесь къ моимъ визитамъ!..

Хотя послѣднюю фразу Харченко произнесъ въ шутливомъ тонѣ и даже улыбнулся, но улыбка его не встрѣтила сочувствія. Гимназисты многозначительно переглядывались между собой, и лица ихъ, казалось, говорили: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день.

Должно быть, Харченко не замѣтилъ этого выраженія, потому что, вслѣдъ за своей шутливой угрозой, обратился къ гимназисту Мельникову:

— И у васъ, Мельниковъ, я тоже буду сегодня.

Мельниковъ, худой, тонкій, какъ прутъ, гимназистъ съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ вскочилъ, покраснѣлъ и растерялся. Онъ, казалось, былъ до послѣдней степени смущенъ словами учителя и не зналъ, что отвѣтить. Сказать: „милости просимъ“—выйдетъ фамильярно, сказать: „я буду очень радъ“ — выйдетъ еще того фамильярнѣй. Но такъ какъ совсѣмъ промолчать было бы неучтиво, то Мельниковъ счелъ за благо произнести:

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Но сообразивъ, что и такая форма приглашенія не Богъ знаетъ какъ учтива, онъ покраснѣлъ еще больше и въ совершенномъ смущеніи опустился на скамью.

VI.

Обѣщаніе Харченки посѣщать учениковъ произвело на гимназистовъ такое впечатлѣніе, какъ если бы это обѣщаніе сдѣлалъ гробовщикъ. Слова класснаго наставника о сближеніи и соединеніи педагоговъ съ родителями казались гимназистамъ даже не утопіей, а просто натянутой, неудачной шуткой, которую и дуракъ не могъ принять въ серьезъ. Истинную цѣль предстоящихъ посѣщеній видѣли именно въ томъ, что Харченко отвергалъ—въ желаніи распространить надзоръ за предѣлы гимназическихъ стѣнъ и „наложить руку даже на домашнюю жизнь".

Такого же мнѣнія придерживались и гимназисты другихъ классовъ, которымъ въ этотъ день точно также было сообщено классными наставниками о предполагаемомъ нововведеніи. Въ „клубѣ" въ теченіе всей большой перемѣны на этотъ счетъ шли нескончаемые дебаты, споры и разговоры.

— Камо бѣжу отъ лица твоего, о, возлюбленный Харченко?—вбѣгая въ „клубъ" съ высоко поднятыми руками, трагически восклицалъ Дорошенко.—Аще пріиду въ классъ, ты тамо еси, аще вниду въ „клубъ"—тамо еси, аще возьму ранецъ мой рано и убѣгу домой—и тамъ бо десница твоя схватитъ мя за шиворотъ и на стезю добродѣтели наставитъ....

Вопль Дорошенки настроилъ всѣхъ на шутливый ладъ. Въ толпѣ гимназистовъ послышался смѣхъ, посыпались остроты. Трубчевскій подбѣжалъ къ милліонеру Хіонаки, своему однокласснику, который еще въ пятомъ классѣ открыто имѣлъ содержанку, и съ самымъ серьезнымъ видомъ произнесъ.

— Мой другъ, если у тебя родится сынъ,—во имя сближенія, пригласи въ кумовья Харченку.

Смѣхъ усилился, а Хіонаки, красивый, на диво сложенный брюнетъ, чуть-чуть смутился и хотѣлъ было что-то возразить, но въ эту минуту въ клубъ ввалился седьмой классъ, и шумъ усилился до такой степени, что отвѣта Хіонаки никто не слышалъ.

Семиклассники точно также вбѣжали въ клубъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разговоровъ о визитахъ учителей, такъ какъ и имъ классный наставникъ, извѣстный подъ именемъ „грека", сію минуту читалъ рѣчь о сближеніи. Это создавало почву для единства интересовъ обоихъ классовъ, такъ какъ „бѣдствіе" было общее и, какъ увѣряли семиклассники, грозило принять „эпидемическій характеръ".

— Господа!—обратился съ рѣчью ко всѣмъ семиклассникъ

Лукьяновъ, здоровенный малый, съ густой, небритой щетиной на щекахъ и подбородкѣ.

— Мы всѣ, такъ сказать, товарищи по несчастью, и надо общими силами придумать что-нибудь, чтобы обезопасить себя отъ нашествія „халдеевъ". Надо, что называется, очистить квартиры: книги, табакъ, любовныя письма, сувениры гимназистокъ—все надо прятать, все надо скрыть отъ халдейскаго ока.

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, шутки—шутки, а хвостъ на бокъ: чортъ его знаетъ, на что „халдеи" будутъ обращать вниманіе при посѣщеніяхъ.

— Во всякомъ случаѣ, господа, полнѣйшая осторожность!

— Я совѣтую каждому на своемъ письменномъ столѣ имѣть портретъ классного наставника.

— А въ гостиной директора!

— А изъ книгъ ничего, кромѣ Ходобая и ничего, кромѣ Кюнера!

— Ну, а если у родителей книги будутъ?

— Господа! Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы думаете: ничего если будутъ разныя книги у родителей—у моего отца, напримѣръ, есть Луи Бланъ на французскомъ языкѣ?

— Къ чорту Луи Блана!

— Въ сарай.

— На чердакъ!

— Но вѣдь это же отцовскія книги, господа?

— Наплевать!

— Но съ какой же стати, вѣдь мой отецъ не гимназистъ, чортъ возьми!

— Все равно: исключать вѣдь не его будутъ, а тебя!

— Но неужели же сближеніе имѣетъ въ виду?..

— Идіотъ! Онъ еще спрашиваетъ!

— Онъ вчера родился, господа!

— Салазки этому простофилѣ за наивность!

— Салазки ему!

— Салазки!

Предложеніе было принято единогласно, и виновному въ наивности шестикласснику тутъ же, на подоконникѣ загнули салазки.

Среди всей этой кутерьмы, среди всѣхъ этихъ возгласовъ одинъ Савицкій молча стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и задумчиво посасывалъ папироску. Предстоящій визитъ Харченки и возможное раскрытіе обмана очень заботили его, и теперь онъ напрягалъ всѣ свои способности, чтобы придумать какой-нибудь фортель и выйти сухимъ изъ воды.

— Что, Савицкій,—приставали къ нему товарищи, двусмысленно подмигивая,—ты не будешь ревновать, если Харченко

сблизится съ твоей теткой нѣсколько больше, чѣмъ предписываетъ циркуляръ?

— Отвяжитесь отъ меня, черти,—уныло отвѣчалъ Савицкій.— Мнѣ грозитъ „страусовскій острогъ“, а вы зубы скалите.

— А развѣ твоя тетка не можетъ разыграть роль?

— Кой тамъ чортъ—разыграть! Она двухъ словъ связать не умѣетъ, бабища самая неотесанная—жена жандармскаго вахмистра.

— Такъ какъ же ты сдѣлаешь?—уже серьезно спрашивали товарищи, понимая опасность положенія.

— А дьяволъ же его знаетъ,—уныло промолвилъ Савицкій и затянувшись, тонкой и, казалось, безконечной струей пустилъ дымъ по стѣнкѣ. Но вдругъ лицо его озарилось хитрой улыбкой и въ его красивыхъ синихъ глазахъ загорѣлся огонекъ лукавства. Повидимому, ему сію минуту пришелъ въ голову какой-то планъ.

— А такъ и сдѣлаю! — вдохновенно воскликнулъ онъ и со всего размаха шлепнулъ окуркомъ объ полъ.—Тетку свою я административнымъ порядкомъ сегодня на весь день запроторю такъ, что и воронъ костей ея не найдетъ! Напугаю ее, скажу, что ее могутъ въ полицію притянуть—и она исчезнетъ „яко таетъ воскъ“. А самъ тоже уйду, запру квартиру и уйду—пусть Харченко сближается съ дворникомъ!

Этотъ планъ, однако, показался товарищамъ сумасшедшимъ.

— Идіотъ! А завтра ты что скажешь Харченкѣ?

— А завтра вѣжливенько извинюсь и скажу, что отвозилъ тетку въ родовспомогательное заведеніе... Или, впрочемъ, нѣтъ, скажу, что отвозилъ въ больницу, что скоропостижно заболѣла.

Но и это показалось товарищамъ нелѣпостью.

— Дуракъ! А потомъ ты что будешь говорить? Вѣдь не вѣчно же твоя тетка будетъ въ больницѣ: когда-нибудь да выздоровѣетъ же?

— А зачѣмъ ей выздоравливать—она съ успѣхомъ можетъ тамъ и скончаться.

— А ты какъ же?

— А я, конечно, буду живъ.

— Оселъ! Не въ томъ дѣло, да жить—то ты гдѣ будешь?

— Переѣду къ дядѣ.

— А почемъ ты знаешь, что дядя согласится мѣнять квартиру?

— Съ удовольствіемъ согласится, онъ три мѣсяца за нее не платилъ, и мировой судья настоятельно ему совѣтовалъ перемѣнить.

Гимназисты разсмѣялись.

— Но знаешь, Савицкій, все-таки это слишкомъ того... слишкомъ грандіозно, прямо романъ! Не лучше ли тебѣ будетъ пощадить, по крайней мѣрѣ, жизнь тетки?

— Дураки!—горячо, съ какимъ-то вдохновенiемъ воскликнулъ Савицкiй.—Въ томъ-то и дѣло, что ея смерть мнѣ необходима, это conditio sine qua non. Естественная развязка интриги. Если я ее не уморю, Харченко, съ его назойливостью, съ его упорствомъ, непремѣнно ее увидитъ—и тогда madame Страусова меня посадитъ въ свой мѣшокъ, какъ пить дастъ! А разъ, моя тетка умерла, тогда обманъ не обнаружится и ни какой чортъ меня не заточитъ! Нѣтъ! Рѣшено: послѣ завтра я надѣваю трауръ!

Смѣлый до дерзости планъ Савицкаго, казался товарищамъ и слишкомъ сложнымъ, и слишкомъ рискованнымъ. Но въ то же время всѣ они знали, что Савицкiй парень дошлый и что по части виртоузнаго лганья начальству, съ нимъ, во всей гимназiи, могъ соперничать развѣ только Трубчевскiй.

— Веселый будетъ спектакль, когда мы всю эту комедiю увидимъ въ лицахъ,—говорили гимназисты.

— Веселый-то веселый,—уже совсѣмъ серьезно промолвилъ Савицкiй,—но чуръ, не смѣяться! Вы и сегодня, черти, ржали, какъ лошади, когда Харченко меня выпытывалъ. И чего, въ самомъ дѣлѣ, развеселились: человѣка на правежъ поставили, а они, вмѣсто того, чтобы поддержать,—хохочутъ! Я въ слѣдующiй разъ, кто захохочетъ,—прямо въ харю заѣду! Что, въ самомъ дѣлѣ, за подлецы!

Въ противоположность Савицкому, Мельниковъ относился къ предстоящему визиту наставника далеко не юмористически. Желанiе Харченки „произвести осмотръ квартиры“ и, вообще, „ворваться въ чужой домъ“ казалось Мельникову неслыханнымъ насилiемъ и „оскорбленiемъ лежачаго“.

На это были свои спецiальныя причины. Мельниковъ былъ сынъ прачки и эта особенность его происхожденiя развила въ юношѣ преувеличенное самолюбiе и какую-то повышенную гордость. Со всѣми и всегда, онъ держалъ себя нѣсколько на сторожѣ, а когда рѣчь заходила о его происхожденiи, то и лицо, и фигура его сразу принимали такой видъ, точно онъ ожидаетъ нападенiя и готовъ дать кому-то отпоръ. Слова: „моя мать—прачка“ онъ произносилъ, приподнявъ голову, точно бросая вызовъ. Товарищи знали эту особенность въ характерѣ Мельникова и относились къ его больному мѣсту съ самой трогательной деликатностью. За всѣ шесть лѣтъ своего пребыванiя въ гимназiи, Мельниковъ ни разу не имѣлъ повода упрекнуть кого-либо изъ гимназистовъ въ „барствѣ“ или какъ самъ онъ выражался, въ „холопскомъ аристократизмѣ“. И это происходило не потому, что бы товарищи намѣренно старались не задѣть его чувствительной струны, а дѣлалось какъ-то само собой. Мельниковъ видѣлъ и чувствовалъ, что въ глазахъ гимназистовъ его происхо-

жденіе не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, что всѣ они этимъ вопросомъ ни мало не интересуются и что даже вопроса такого для нихъ не существуетъ.

Иначе держали себя учителя. Съ ихъ стороны, хоть и не часто, но бывали поводы къ тому, что бы самолюбіе Мельникова пришло въ то воспаленное состояніе, какимъ оно отличалось. Когда Мельникову случалось говорить имъ о своемъ происхожденіи, часть изъ нихъ довольно безцеремонно раскрывала глаза, а другая часть дѣлала видъ, что равнодушна къ этому вопросу, или преувеличенной деликатностью только подчеркивала въ глазахъ Мельникова „особенность" его происхожденія. Но всего больше била по самолюбію юноши жизнь: тутъ ужъ на каждомъ шагу приходилось наталкиваться и на ехидныя шпильки, и на прямое, словесное и даже печатное оскорбленіе. Газетныя разсужденія о „кухаркиномъ сынѣ" заставляли его блѣднѣть отъ негодованія и въ безсильной злобѣ сжимать кулаки. Злили его не столько консервативныя улюлюканья по адресу „кухаркина сына", сколько либеральная размазня, претендующая на серьезность и умъ, и сентиментально доказывающая, что и кухаркинъ сынъ—тоже человѣкъ.

— Тѣ хоть отъ рожденія идіоты,—говорилъ Мельниковъ про охранителей. Но вы-то, вы, гуманные болваны, вы зачѣмъ доказываете мнѣ, что я человѣкъ, что и я имѣю право на просвѣщеніе? Развѣ это нужно доказывать, развѣ безъ указанія я этого не знаю?

Понятно, что при столь чувствительномъ отношеніи къ вопросу о собственномъ происхожденіи, Мельниковъ не могъ спокойно отнестись и къ предстоящему визиту Харченки. Изо всѣхъ силъ стараясь не обнаружить передъ товарищами своего безпокойства, онъ тѣмъ не менѣе и въ гимназіи, и придя домой, не переставая, думалъ о будущемъ посѣщеніи. Сближеніе, какъ обѣщалъ Харченко, должно было состояться сегодня же, и чѣмъ ближе подходило время къ шести часамъ, когда Мельниковъ ждалъ своего учителя, тѣмъ больше и больше бурлила его гордость и вставало на дыбы его молодое, но уже истерзанное, избитое самолюбіе. Ему все казалось, что ихъ бѣдная, всего въ двѣ комнатки, квартирка, съ вѣчнымъ запахомъ сырого бѣлья, мыла и горячихъ утюговъ, должна была вызвать брезгливую гримасу на лицѣ „господина педагога", что „господинъ педагогъ" вообще будетъ имѣть видъ „благороднаго герцога, посѣщающаго скромную хижину углекопа".

Всего больше безпокоила Мельникова мать. Сказать ей, или не сказать, что придетъ учитель? Если сказать, она, пожалуй, нарядится въ какую-нибудь парадную шаль, будетъ заискивать,

будетъ говорить тѣмъ отвратительнымъ, ненавистнымъ для сына, сладенькимъ голоскомъ, которымъ она вообще говоритъ съ барами поважнѣе. Пожалуй, еще назоветъ Харченку „бариномъ"...

Мысль, что мать можетъ какъ-нибудь унизиться передъ учителемъ, сдѣлать какую-нибудь непоправимую безтактность, сказать „что-нибудь холопское"—точно кипяткомъ обливала Мельникова.

— Нѣтъ, ни слова не скажу ей, ни полслова!—рѣшилъ онъ въ концѣ концовъ мучительный вопросъ.—Пусть господинъ педагогъ сближается на той почвѣ, какая есть. Пусть застанетъ мать за лоханью, съ засученными рукавами, за стиркой чужихъ кальсонъ!

Эта картина, подсунутая раздраженнымъ самолюбіемъ, доставляла Мельникову какое-то мучительное, острое наслажденіе, и безпрестанно вызывая ее въ своемъ болѣзненно настроенномъ воображеніи, онъ то и дѣло злорадно повторялъ:

— Да, именно кальсонъ, непремѣнно кальсонъ! Сближаться, чортъ возьми, такъ сближаться!

Съ тѣмъ же злораднымъ чувствомъ Мельниковъ замѣчалъ, что въ квартирѣ ихъ сегодня какой-то особенный безпорядокъ—хуже, чѣмъ всегда. Въ комнатѣ, гдѣ спала, работала, обѣдала, хранила вымытое и только что принесенное бѣлье мать Мельникова, стоялъ угаръ и тотъ удушливый паръ, который бываетъ только въ прачешныхъ. На полу, на столахъ, на кровати, на подоконникахъ—всюду виднѣлось бѣлье: бѣлье въ узлахъ, бѣлье въ корзинахъ, бѣлье, завернутое въ газетную бумагу. Правда, мать Мельникова не стояла за лоханью, какъ того хотѣлъ сынъ, но стояла у гладильной доски и съ особеннымъ стараніемъ гладила крахмальныя сорочки какого-то генерала. Съ засученными рукавами ситцевой кофтенки и съ головой, перевязанной отъ вѣчнаго угара мокрымъ полотенцемъ, очень похожимъ на турецкую чалму, эта блѣдная, изнуренная женщина поражала тѣмъ особеннымъ нездоровымъ и дряблымъ цвѣтомъ лица съ желтымъ отливомъ, который бываетъ только у профессіональныхъ прачекъ, поваровъ или у женщинъ-пьяницъ.

Но сегодня жалкій видъ матери не вызывалъ въ душѣ сына обычной боли. Предстоящій визитъ наставника такъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ, что онъ ни о чемъ другомъ не могъ даже думать и вплоть до прихода Харченки безъ устали ковырялся въ своемъ самолюбіи, то негодуя на „насиліе", то злясь до бѣшенства на самого себя за то, что не могъ „ко всему этому отнестись съ презрительно-равнодушнымъ спокойствіемъ".

Харченко пришелъ на цѣлыхъ полчаса раньше, чѣмъ обѣщалъ, и какъ только въ сѣняхъ раздался его голосъ, Мельни-

ковъ, лежавшій въ своей комнатѣ на кровати, какъ встрепанный, вскочилъ на ноги, но сію же минуту поймалъ себя на этомъ движеніи и обругалъ за „холуйскую трусость". Навстрѣчу учителю, въ комнату матери онъ вышелъ уже неторопливой, спокойной походкой, и о внутренней работѣ, какая происходила въ юношѣ, можно было догадаться только по зеленоватой блѣдности, разлившейся по его худому, скуластому лицу и по горячимъ сѣрымъ глазамъ, ввалившимся отъ худобы какъ-то особенно глубоко. Раскланявшись съ Харченкой очень непринужденно, Мельниковъ сказалъ съ оттѣнкомъ холодной, оффиціальной вѣжливости:

— Это, мама, нашъ классный наставникъ, Петръ Ивановичъ Харченко.

Мать не сумѣла подавить своего изумленія и, широко раскрывъ глаза, съ испугомъ, точно застигнутая на мѣстѣ преступленія, поглядѣла на Харченку. Одной рукой она запахнула себѣ разстегнутую на груди кофту, а другой ухватилась за чалму, чтобы снять ее. Но Харченко, казалось, ничего этого не замѣтилъ. Онъ любезно раскланялся передъ оторопѣвшей женщиной и, протягивая ей руку, привѣтливо улыбнулся.

— Пришелъ провѣдать вашего сынка, а моего ученика. Прачка смутилась еще больше и, суетливо вытеревъ свою руку о фартукъ, подала ее учителю, но такъ нерѣшительно, точно просовывала куда-нибудь въ узкую щель — всей пятерней и не пожимая его руки. Отъ сына не ускользнулъ этотъ жестъ и онъ густо покраснѣлъ.

— Вамъ угодно будетъ пройти въ мою комнату?—оффиціальнымъ тономъ, точно спрашивая у полицейскаго, обратился онъ къ учителю.

— Да все равно, хоть здѣсь останемся, хоть къ вамъ пройдемъ,—съ нѣсколько искусственной беззаботностью въ голосѣ, весело промолвилъ Харченко и, лавируя между узлами бѣлья, лежавшими на полу, переступилъ порогъ комнаты гимназиста. При этомъ онъ низко, больше чѣмъ нужно, нагнулся, чтобы не удариться головой о косякъ двери, и это движеніе не ускользнуло отъ Мельникова.

„Точно въ собачью конуру лѣзетъ",—обиженно подумалъ онъ.

Предложивъ наставнику единственное, имѣвшееся въ ихъ квартирѣ, кресло, Мельниковъ притворилъ дверь и всталъ у подслѣповатаго, запотѣлаго окна, не зная, садиться ли ему въ присутствіи учителя, или стоять.

А Харченко мелькомъ оглянулъ убогую обстановку своего ученика и въ прежнемъ тонѣ веселой беззаботности, которымъ

онъ хотѣлъ подавить чувство неловкости, охватившее его при самомъ входѣ въ квартиру гимназиста, спросилъ:

— Ваша матушка занимается прачешнымъ ремесломъ?

— Да, моя мать—прачка!

— Тяжеленько ей приходится—страдаетъ, какъ видно, головными болями,—очень натурально, посочувствовалъ Харченко.— А отецъ вашъ... сколько я помню, онъ умеръ?..

— Нѣтъ, онъ, кажется, живъ. Но я никогда его не видѣлъ: вѣдь я незаконнорожденный,—съ особенной отчётливостью произнесъ юноша и, приподнявъ голову, прибавилъ также отчетливо:— Мой отецъ былъ деньщикъ.

— А-а!—протянулъ Харченко и тутъ только вспомнилъ, что въ гимназіи было извѣстно внѣбрачное происхожденіе Мельникова. Смутившись, что онъ позабылъ это и сдѣлалъ крупную неловкость, Харченко потерялъ тотъ тонъ веселой беззаботности, который онъ усвоилъ въ самомъ началѣ визита. Потянувшись къ лежавшей на столѣ книгѣ, онъ перелисталъ нѣсколько страницъ и вслухъ прочиталъ заглавіе: „Губернскіе Очерки".

— Это вы читаете?

— Да.

— Прелестная вещь.

И перелиставъ еще нѣсколько страницъ, Харченко, неизвѣстно почему, вздохнулъ и прибавилъ, кладя книгу на прежнее мѣсто.

— Нашъ великій сатирикъ...

Мельниковъ молчалъ.

Харченко взглянулъ на него и только теперь замѣтилъ, что гимназистъ все время стоитъ.

— Да вы чего не сядете?—снова поймавъ свой искусственно-непринужденный тонъ, весело промолвилъ онъ.—Садитесь, батенка, и разсказывайте мнѣ, какъ вамъ живется. Я думаю, со всячинкой, а? Немножко угарно у васъ, это не мѣшаетъ вашимъ занятіямъ?

— Иногда мѣшаетъ, но это неизбѣжно: у прачекъ всегда угарно.

Харченко подивился про себя, что гимназистъ „такъ найстойчиво подчеркиваетъ свое прачешное происхожденіе".

— А скажите,—продолжалъ онъ свои вопросы,—насчетъ презрѣннаго металла у васъ какъ?... Вы, напримѣръ, не испытываете нужды въ учебникахъ, въ одеждѣ и прочемъ?...

— Нѣтъ, не испытываю.

— Значитъ, заработка вашей матушки хватаетъ для вашихъ нуждъ?

Этотъ вопросъ Мельниковъ понялъ въ томъ смыслѣ, что Хар-

ченко желаетъ знать точный размѣръ ихъ бюджета и потому тономъ рапорта отвѣчалъ.

— Нашъ мѣсячный доходъ колеблется отъ 40 до 60 рублей. Я зарабатываю уроками 20 р. да мать отъ 20 до 40. Впрочемъ, теперь она зарабатываетъ даже больше, потому что бѣлья у нея много.

— Тэкъ-съ,—протянулъ Харченко и легонько хлопнувъ себя по колѣну, нѣсколько разъ погладилъ его ладонью.

Онъ вспомнилъ, что въ первой комнатѣ было, дѣйствительно, много узловъ съ бѣльемъ, принесеннымъ въ стирку, и это обстоятельство неожиданно навело его на тревожныя мысли.

— „Такая масса бѣлья и все грязнаго. Тутъ и больные присылаютъ, и зараженные"...

Эта догадка точно шиломъ уколола Харченку. Онъ взглянулъ на гимназиста и съ тревогой подумалъ.

„Чего добраго занесетъ какую-нибудь заразу въ классъ, а мы всѣ и разнесемъ ее по домамъ".

Тутъ Харченко вспомнилъ о своихъ дѣтяхъ и нѣжное родительское сердце его заныло. Дифтеритъ, скарлатина, корь почудились ему въ каждомъ узлѣ того бѣлья, которое онъ видѣлъ, и вся квартира Мельникова показалась питомникомъ самыхъ зловредныхъ бактерій. Мысленно рѣшивъ, что, незаходя домой, онъ забѣжитъ въ аптеку и попроситъ вспрыснуть себя растворомъ сулемы, Харченко едва поборолъ искушеніе встать и сейчасъ же уйти. Удерживало его, главнымъ образомъ, сознаніе, что идея сближенія, которую такъ настойчиво рекомендовалъ директоръ, подвигалась впередъ чрезвычайно туго.

— Я потому спрашиваю васъ о вашемъ бюджетѣ,—съ натугой продолжалъ онъ свои вопросы,—что въ случаѣ чего вамъ можно будетъ выхлопотать стипендію. О васъ и о Савицкомъ я говорилъ съ директоромъ, и въ принципѣ этотъ вопросъ рѣшенъ.

— Мнѣ стипендія не нужна,—живо и, какъ показалось Харченкѣ, даже съ нѣкоторымъ испугомъ, подхватилъ гимназистъ.—Я ни въ чемъ не нуждаюсь.

Классный наставникъ подивился про себя, что и Савицкій, и теперь Мельниковъ такъ поспѣшно, съ какимъ-то страхомъ, отказываются отъ матеріальной помощи, которая имъ, очевидно, нужна. Онъ не понималъ причины этого страннаго явленія.

А Мельниковъ исподлобья глядѣлъ на учителя своими горячими, острыми, какъ гвозди, глазами и мысленно декламировалъ только что заученный стихъ Виргилія.

Quid quid id est, timeo Danaos et dona ferentes. *).

*) Чтобы тамъ ни было, а я боюсь Данайцевъ, даже приносящихъ дары.

— Скажите,—поинтересовался Харченко,—что собственно за причина вашего предубѣжденія противъ стипендіи?

Мельниковъ потупился и, не глядя на учителя, сурово произнесъ:

— Я не нуждаюсь. Мнѣ ничего не нужно.

— Хотите, значитъ, своимъ трудомъ жить?—улыбнулся Харченко.

— Да.

— Молодая гордость проснулась? Что-жъ, дѣло, во всякомъ случаѣ, почтенное—свой хлѣбъ, свой трудъ, заработанная независимость.... Однако, я заболтался съ вами...

Харченко поднялся съ кресла протянулъ гимназисту руку и неожиданно спросилъ:

— Кстати, вы не знаете, что такое съ Савицкимъ: я не засталъ ни его, ни его тетки дома и даже квартира на замкѣ.

Мельниковъ едва подавилъ невольную улыбку.

— Надо думать, что съ нимъ случилось что-нибудь: вѣдь, онъ зналъ, что вы къ нему придете.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Впрочемъ, завтра мы это разберемъ.... скажите, вы у него не бываете, что за женщина его тетка?..

— Затрудняюсь вамъ сказать,—знаю только, что она всегда хвораетъ, болѣзненная очень.

— А-а!.. Ну, впрочемъ, завтра все это выяснится. До свиданія.

Харченко еще разъ кивнувъ головой гимназисту и переступая черезъ порогъ, снова, больше чѣмъ нужно, нагнулъ голову.

Въ первой комнатѣ тѣмъ временемъ уже произошла значительная перемѣна декораціи: со стола была убрана гора неглаженнаго бѣлья, исчезла гладильная доска съ утюгами, вытерта на полу лужа пролитой воды, а сама Мельникова была уже безъ чалмы и въ новой ковровой шали съ грандіозными разводами. Только угаръ да испугъ на лицѣ хозяйки были прежніе.

Проходя къ выходу, Харченко опять подалъ руку Мельниковой и расшаркался передъ ней съ самой пріятной улыбкой. Но онъ чувствовалъ, что уйти, не сказавъ съ матерью своего ученика ни слова, было бы неловко и едва ли не противорѣчило идеѣ сближенія и потому онъ наскоро старался найти хоть какую-нибудь фразу, хоть какое-нибудь слово, подходящее для даннаго случая. Однако, придумать ничего не могъ и только смотрѣлъ на нее съ ласковой, привѣтливой улыбкой. Мельникова тоже чувствовала, что не сказать ни слова съ учителемъ своего сына было бы неловко. Но заговорить первой она считала невѣжествомъ, да къ тому же и не могла подыскать подходящихъ словъ и потому, сложивъ на животѣ руки, она только молча смотрѣла на

учителя, съ такимъ выраженіемъ, какъ смотрятъ деревенскія бабы на пріѣхавшаго архіерея.

Эта мимическая сцена кончилась тѣмъ, что Харченко такъ и не нашелъ той почвы, на которой могло бы состояться сближеніе между нимъ и этой простой, испуганной однимъ его появленіемъ, женщиной и потому только снова расшаркался передъ ней и вѣжливо улыбнулся.

Какъ только завизжала за учителемъ сѣнная дверь на блокѣ, Мельникова набросилась на сына.

— Ты что же это, Сергѣй, со мной дѣлаешь? Вѣдь ты съ меня голову снялъ!.. Къ нему учитель явился, а у насъ тутъ.... Хоть бы ты слово сказалъ-то, хоть бы...

— Я и самъ не зналъ, мама, что онъ придетъ,—не долго думая, солгалъ Мельниковъ, чтобы отдѣлаться отъ излишнихъ разспросовъ.

— Да чего же онъ приходилъ-то? Ты уже не натворилъ ли чего въ классѣ-то? Ты мнѣ откройся, Сереженька, вѣдь я тебѣ не чужая.

— Да ничего я не натворилъ, а приходилъ онъ сближаться съ нами,—съ кривой усмѣшкой объяснилъ сынъ.

— Чего такое?

— Сближаться, молъ, приходилъ: прежде онъ былъ мой учитель, а я его ученикъ, а теперь мы такіе пріятели, что и водой не разольешь!..

И Мельниковъ засмѣялся нехорошимъ, злымъ смѣхомъ.

А. Яблоновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖЕНЩИНЫ-ГЕОЛОГИ.

Въ настоящее время, повидимому, уже въ многіе слои общества, проникло убѣжденіе въ способности женщинъ къ самостоятельной научной работѣ. Женщины доказали, и всякій безпристрастный судья этого отрицать не станетъ, что онѣ не только могутъ быть полезными тружениками въ наукѣ, но что изъ ихъ среды выходятъ даже крупныя научныя силы. Если число женщинъ-ученыхъ еще сравнительно мало, то объясняется это, конечно, не ихъ малоспособностью, а различными соціальными условіями, которыми все еще затрудненъ доступъ женщины къ научнымъ занятіямъ и къ примѣненію научныхъ знаній, дающему матеріальное обезпеченіе. Не вникая въ значеніе этихъ условій, многіе, однако же, продолжаютъ стоять на устарѣвшей точкѣ зрѣнія, которая отрицала за женщиной способность къ научной работѣ наравнѣ съ мужчиной. Мнѣ кажется, что, въ виду этого, всякая попытка распространенія въ публикѣ свѣдѣній о женщинахъ, работающихъ на научномъ поприщѣ, должна содѣйствовать разсѣянію ложнаго и въ значительной мѣрѣ предвзятаго взгляда. Съ этой точки зрѣнія всякая попытка такого рода полезна, хотя бы она была несовершенна и страдала неполнотой свѣдѣній. Руководствуясь этими соображеніями, я рѣшился составить краткій очеркъ дѣятельности женщинъ-геологовъ, какъ потому, что объ нихъ публикѣ, кромѣ спеціалистовъ, мало извѣстно, такъ и потому, что геологическія изслѣдованія, требующія утомительныхъ экскурсій и работъ въ полѣ, могутъ казаться и до сихъ поръ многимъ дѣйствительно кажутся мало доступными женщинамъ. Я старался быть краткимъ и сообщать по возможности только такія свѣдѣнія, которыя могутъ быть понятны и не спеціалистамъ. Большинство женщинъ-геологовъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, принадлежатъ къ современному намъ поколѣнію и продолжаютъ, а нѣкоторыя даже лишь начинаютъ, работать и теперь. Замѣтное участіе женщинъ въ геологической литературѣ началось лишь съ 80-хъ годовъ, почти одновременно въ Россіи, въ Англіи и во Франціи, и за послѣднія лѣтъ пятнадцать число женщинъ-геологовъ растетъ съ каждымъ годомъ. Я, вѣроятно, не ошибусь, если приведу это въ связь

съ тѣми крупными шагами, которые сдѣланы за послѣднія десятилѣтія по пути устраненія разныхъ препятствій, которыми былъ затрудненъ доступъ женщинъ къ высшему образованію и которыя не вполнѣ и не вездѣ устранены и по настоящую пору. Теперь почти всякая женщина, если она достаточно энергична и не вполнѣ лишена средствъ къ существованію, можетъ найти доступъ къ высшему образованію. Правда, для достиженія этой цѣли приходится иногда молодой дѣвушкѣ мириться съ одинокой жизнью на чужбинѣ, приходится иногда переносить грубыя выходки студентовъ-мужчинъ, какъ это напр. имѣло еще недавно мѣсто въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ, или фривольное отношеніе къ студенткамъ со стороны ихъ товарищей мужчинъ, какъ это напр. наблюдается подчасъ во Франціи. Но все-же двери къ высшему образованію не закрыты для женщинъ. За то условія, необходимыя для обезпеченія возможности самостоятельной научной работы гораздо менѣе благопріятны. Лишь въ видѣ исключенія видимъ мы женщину профессоромъ высшаго учебнаго заведенія; не вполнѣ открытъ имъ доступъ и въ преподавательницы среднихъ учебныхъ заведеній или вообще къ такимъ должностямъ, съ которыми сопряжена возможность или необходимость научной работы (какъ-то геологическіе, статистическіе, вообще разные ученые комитеты и т. п.) Поэтому лишь въ исключительныхъ случаяхъ научныя занятія могутъ служить женщинѣ источникомъ для обезпеченія себѣ и семьѣ средствъ къ существованію. Если принять еще во вниманіе то обстоятельство, что на женщинѣ лежатъ обыкновенно хозяйственныя хлопоты въ семьѣ и заботы о воспитаніи дѣтей, то нельзя не признать, что научныя занятія представляются для женщинъ далеко не всегда доступной роскошью и что профессіональными учеными могутъ быть по преимуществу женщины, матеріально обезпеченныя и притомъ свободныя отъ материнскихъ заботъ. По отношенію къ женщинамъ-геологамъ это дѣйствительно вполнѣ и оправдывается. Геологія представляетъ еще нѣкоторыя спеціальныя затрудненія, которыя отпадаютъ при занятіяхъ гуманитарными, физико-математическими и даже нѣкоторыми естественно-историческими науками. Дѣло въ томъ, что большинство геологическихъ работъ требуетъ экскурсій, путешествій, какъ мы говоримъ «изслѣдованій въ полѣ». Лишенія всякаго рода, отсутствіе комфорта, физическія трудности и непріятныя столкновенія, иногда сопряженныя съ этими экскурсіями, конечно, гораздо ощутительнѣе для женщины, чѣмъ для мужчины. Къ чести женщинъ слѣдуетъ сказать, что онѣ не остановились и не останавливаются и передъ этимъ, что изъ ихъ среды выходятъ настоящіе геологи въ полномъ смыслѣ слова, т.-е. не только кабинетные ученые, но и экскурсанты, опытные наблюдатели «въ полѣ».

До сихъ поръ женщинъ-геологовъ дали лишь Англія, Россія, Франція и Америка. Но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно надѣяться

что и въ другихъ странахъ женщины-геологи не заставятъ себя долго ждать *).

Англія.

Какъ по числу женщинъ-геологовъ, такъ и по времени вступленія ихъ на поприще геологическихъ изслѣдованій Англія занимаетъ первое мѣсто. Объясняется это, кромѣ общихъ и соціальныхъ условій, еще и нѣкоторыми частными причинами. Такъ, напр., въ Англіи вообще больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, неоффиціальныхъ ученыхъ, т.-е. лицъ, для которыхъ занятіе наукой не есть въ большей или меньшей степени обязанность, вытекающая изъ ихъ служебнаго положенія (какъ у профессора, академика, члена какого-нибудь спеціальнаго ученаго комитета и т. п.), а лишь результатъ влеченія къ научнымъ занятіямъ и возможности благодаря матеріальной обезпеченности удовлетворить это влеченіе. А вѣдь именно изъ этого круга лицъ и набирается большая часть женщинъ-ученыхъ. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить и особой любви англичанъ къ геологіи.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія женщины-геологи, однако, и въ Англіи представляли случайное явленіе. Если оставить въ сторонѣ тѣхъ женщинъ, которыя лишь помогали своимъ мужьямъ въ той или иной формѣ, не работая самостоятельно, какъ, напр., жены Мурчисона, Ляйэлля, то можно назвать всего лишь четыре имени до 1887 года, который знаменуетъ собою новую эру въ исторіи англійскихъ женщинъ-геологовъ.

Одной изъ наиболѣе раннихъ, если не первой, спеціалистокъ по геологіи въ текущемъ столѣтіи является г-жа *Беннетъ* (Miss Etheldred Benett) изъ Нортонъ-Гоуза близь Уорминстера. Ей мы обязаны первыми спеціальными свѣдѣніями объ ископаемыхъ изъ мѣла и верхняго зеленаго песчаника Уильтшайра (Wiltshire). Далѣе слѣдуетъ упомянуть г-жу *Аннингъ* (Mary Anning), которой принадлежатъ интересныя и серьезныя изслѣдованія въ Ляймъ-Риджисѣ; г-жу Грэмъ (Miss Maria Graham), представившую въ 1823 году Лондонскому Геологическому Обществу «Отчетъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ, произведенныхъ послѣдними землетресеніями въ Чили» г-жу *Ходжсонъ* (Miss E. Hodgson) изъ Ульвертона, изслѣдовавшую отложеніе изъ діатомовыхъ водорослей, которое она открыла въ одномъ изъ желѣзныхъ рудниковъ около своего дома. Но все это были единичные случаи.

Съ 1887 г. въ геологической литературѣ выступаетъ г-жа Рэзинъ

*) Біографическими свѣдѣніями я въ большинствѣ случаевъ обязанъ самимъ авторамъ, а по отношенію къ англійскимъ женщинамъ маститому проректору Великобрит. Геолог. Комит. сэру Арч. Гики (Sir Archibald Geikie) и г-жѣ Рэзинъ; всѣмъ этимъ лицамъ считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность.

(Miss Raisin), за которой быстро слѣдуетъ рядъ другихъ женщинъ—и въ настоящее время работы женщинъ-геологовъ занимаютъ видное мѣсто въ Трудахъ Лондонскаго Геологическаго Общества.

Г-жа Рэзинъ (Miss Catherine A. Raisin, D. Sc.).

Г-жа Рэзинъ, имѣющая ученую степень доктора наукъ, получила научное образованіе въ Лондонскомъ Университетѣ (University College of London). Въ 1893 г. Лондонское Геологическое Общество присудило ей премію изъ фонда имени Ляйэлля. Въ настоящее время она состоитъ преподавательницей геологіи въ женскомъ Бедфордскомъ Колледжѣ въ Лондонѣ.

Г-жей Рэзинъ напечатанъ цѣлый рядъ работъ, преимущественно по петрографіи; кромѣ того, она сотрудничала съ проф. Бонneемъ. Нельзя не отмѣтить, что г-жа Рэзинъ является не только кабинетнымъ петрографомъ, но работаетъ также и въ полѣ; такъ, напр., ея работы о метаморфическихъ породахъ около Салькомба, ея изслѣдованія надъ спорнымъ основаніемъ кэмбрійскихъ отложеній въ Карнарвоншайрѣ и нѣкоторыя другія, основаны на детальныхъ изслѣдованіяхъ въ полѣ. Наиболѣе интересной ея работой можно считать изслѣдованіе о варіолитахъ Ллейна, въ которомъ она подробно описываетъ эту своеобразную породу и устанавливаетъ четыре типа варіолитовъ. Нѣкоторыя изъ работъ г-жи Рэзинъ носятъ на себѣ полемическій характеръ, причемъ ей въ нѣсколькихъ случаяхъ удавалось, благодаря своей петрографической опытности, доказать ошибочность наблюденій ея предшественниковъ. Слѣдуетъ также отмѣтить и ея интересную экспериментальную работу о структурахъ, возникающихъ при испареніи жидкостей, въ которыхъ находятся въ механически взмученномъ состояніи порошкообразныя тѣла; эта работа интересна съ точки зрѣнія объясненія гранофировыхъ и т. п. структуръ.

Г-жа Огильви-Гордонъ (Mrs. Maria Ogilvie Gordon, D. Sc.).

Г-жа Огильви, по мужу Гордонъ, является наиболѣе выдающейся изъ англійскихъ женщинъ-геологовъ. Подобно миссъ Рэзинъ, и она получила научное образованіе въ Лондонскомъ Университетѣ (University College) и имѣетъ степень доктора наукъ.

Первоначально г-жа Гордонъ усердно занималась музыкой. Занятія ея шли настолько успѣшно, что она получила всѣ высшія награды и лучшіе учителя музыки совѣтовали ей посвятить себя всецѣло этому искусству. Она дѣйствительно и избрала музыку своей карьерой, написала нѣсколько романсовъ и сонатъ; ей улыбалась блестящая карьера, но усиленныя занятія надорвали ея здоровье. Когда она оправилась послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, врачи воспретили ей вер-

нуться къ занятіямъ музыкой. Обладая большой энергіей г-жа М. Огильви рѣшила заняться наукой и избрала своей спеціальностью біологію. Въ Лондонскомъ университетскомъ колледжѣ она и на этомъ поприщѣ была награждена высшими наградами и медалями, въ Лондонскомъ университетѣ она пріобрѣла степень баккалавра наукъ.

26 лѣтъ отъ роду она отправилась въ Берлинъ съ намѣреніемъ заняться самостоятельными изслѣдованіями въ зоологической лабораторіи. Однако, ей было отказано въ разрѣшенія заниматься въ означенной лабораторіи, повидимому на томъ только основаніи, что она женщина, несмотря на то, что профессоръ Рихтгофенъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы оказать ей въ этомъ содѣйствіе.

Г-жа Огильви-Гордонъ. (Miss Maria Ogilvie-Gordon).

Не отчаявшись этой неудачей, она отправилась въ Мюнхенъ, гдѣ ей и удалось поработать въ лабораторіяхъ профессоровъ Циттеля и Гертвига. Работа въ теченіе лѣта подъ руководствомъ проф. Циттеля и осенняя экскурсія по доломитовымъ горамъ Тироля съ профессоромъ Рихтгофеномъ и его женой оказали вліяніе на выборъ спеціальности— она занялась геологіей и палеонтологіей. Съ неослабѣвающимъ усердіемъ она производила изслѣдованія какъ въ полѣ, такъ и въ лабораторіи; результатомъ этихъ изслѣдованій и явились ея работы по геологіи и палеонтологіи.

Въ 1893 г. г-жа Огильви пріобрѣла въ Лондонскомъ университетѣ степень доктора наукъ и затѣмъ стала публиковать научныя работы. Появившіяся до настоящаго времени въ печати работы г-жи Огильви относятся къ тріасовымъ отложеніямъ Тироля, къ систематикѣ корал-

ловъ и къ тектоникѣ. Всѣ эти работы заслуживаютъ вниманія не только вслѣдствіе массы вложеннаго въ нихъ труда, но и по важности добытыхъ ею результатовъ. Работы г-жи Огильви ставятъ ее въ ряды серьезныхъ ученыхъ, а нѣкоторые изъ результатовъ этихъ работъ являются даже выдающимися по своему значенію. Научная критика отнеслась къ нимъ съ большимъ вниманіемъ и очень сочувственно, хотя и отмѣтила въ работахъ о кораллахъ нѣкоторую поспѣшность въ выводахъ.

Остановимся вкратцѣ на главныхъ результатахъ ея работъ. Г-жа Огильви расчленила на цѣлый рядъ подраздѣленій тѣ комплексы тріасовыхъ отложеній Тироля, которые до нея обнимались подъ общимъ названіемъ Венгенскаго и Кассіанскаго ярусовъ; она доказала существованіе цѣлаго ряда сдвиговъ въ альпійскомъ тріасѣ, пролила свѣтъ на предполагаемое участіе въ его строеніи коралловыхъ рифовъ; она предложила новую классификацію коралловъ, наконецъ установила многія интересныя и важныя тектоническія особенности тирольскаго тріаса. Г-жа Огильви проводитъ тотъ взглядъ, что многія доломитовыя массы, стоящія особнякомъ и принимавшіяся за классическій примѣръ ископаемыхъ коралловыхъ рифовъ, на самомъ дѣлѣ представляютъ нормальныя морскія отложенія, обособившіяся подъ вліяніемъ системы сдвиговъ, производящихъ винтовое *крутящее* движеніе вверхъ.

Свои воззрѣнія на спиральныя движенія нѣкоторыхъ частей земной коры подъ вліяніемъ давленія или натяженія, дѣйствующаго въ двухъ или большемъ числѣ разныхъ направленій, г-жа Огильви изложила въ особой статьѣ. Обыкновенно движенія разныхъ частей земной коры подъ вліяніемъ сокращенія земли разсматриваютъ какъ результатное отъ двухъ взаимно-перпендикулярныхъ: горизонтальнаго и вертикальнаго. Г-жа Огильви допускаетъ и разныя другія движенія, направленія которыхъ пересѣкаются подъ косыми углами; она разсматриваетъ интерференцію этихъ движеній, изъ которой выводятся, какъ возможныя, направленія положительнаго и отрицательнаго движенія, участки индифферентные, т.-е. неподвижные, и разныя винтовыя перемѣщенія участковъ земной коры, ведущія къ очень сложнымъ тектоническимъ формамъ, какъ это наблюдается напр., по ея мнѣнію, въ тирольскихъ тріасовыхъ доломитахъ.

Изученіе альпійскаго тріаса, представляющаго горную область съ высотами въ 8000—10000 ф. и съ очень сложнымъ, подчасъ запутаннымъ, геологическимъ строеніемъ, потребовало продолжительныхъ и утомительныхъ экскурсій и подробной геологической съемки (1 миля въ 3 д.); это работа безспорно выдающаяся. Не менѣе важны и работы г-жи Огильви о кораллахъ, работы, обнаруживаютъ стремленіе автора къ обобщеніямъ, выразившееся въ созданіи новой классификаціи коралловъ.

Г-жа Гардинеръ (Miss Margaret J. Gardiner) получила образованіе въ Ньюнгэмскомъ колледжѣ (Newnham College) въ Кэмбриджѣ. Ею опу-

бликованы двѣ работы (Sand at base of Thanet sand и On contact alteration in New Galloway—обѣ въ Quarterly Journal of the Geological Society of London за 1888 и 1890 гг.), являющіяся результатомъ изслѣдованій въ полѣ и въ лабораторіи подъ микроскопомъ.

Г-жа Эллесъ (Miss Gertrude L. Elles) получила образованіе тамъ же, гдѣ и г-жа Гардинеръ. Въ настоящее время она состоитъ преподавательницей геологіи въ томъ же колледжѣ (Newnham College) въ Кэмбриджѣ. Двѣ работы опубликованы ею въ сотрудничествѣ съ г-жею Вудъ (Miss E. M. Wood), три другія самостоятельно. Въ 1900 г. г-жа Эллесъ получила отъ Лондонскаго Геологическаго Общества премію имени Ляйэлля. Ея изслѣдованія надъ силурійскими отложеніями Англіи очень интересны и даютъ много новаго. Она даетъ подраздѣленіе такъ называемаго Венлокскаго яруса на зоны на основаніи детальныхъ изслѣдованій распредѣленія въ нихъ характерныхъ для силурійской системы простѣйшихъ животныхъ — граптолитовъ; въ палеонтологической части работы эти граптолиты подробно описаны, при чемъ установлено нѣсколько новыхъ видовъ.

Г-жа Вудъ (Miss Ethel Wood) кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, изданныхъ совмѣстно съ г-жею Эллесъ, напечатала въ 1900 г. самостоятельно большую геолого-палеонтологическую работу о силурійскихъ отложеніяхъ; ею сдѣлано для Лудловскаго яруса то же, что г-жею Эллесъ для Венлокскаго. Нельзя не отмѣтить, что для точной этой работы граптолитовъ обоимъ авторамъ пришлось совершить спеціальную экскурсію по Богеміи, классической странѣ силурійскихъ отложеній.

Г-жа Дональдъ (Miss Jane Donald) изъ Станвикса (Stanwix near Carlisle) посвятила нѣсколько работъ каменноугольнымъ гастероподамъ и можетъ считаться хорошимъ знатокомъ этой группы ископаемыхъ. Въ 1898 г. она получила отъ Лондонскаго Геологическаго Общества премію изъ фонда имени Мурчисона.

Г-жа Астонъ (Miss E. Aston, B. Sc.) *и г-жа Фолей* (Miss Foley, B. Sc.) обѣ получили образованіе въ Лондонскомъ университетѣ и имѣютъ степень баккалавра наукъ. Первая изъ нихъ напечатала нѣсколько работъ по химіи, дѣлала анализы горныхъ породъ, помѣщенные въ различныхъ петрографическихъ работахъ, анализы водъ и напечатала въ сотрудничествѣ съ профессоромъ Боннеемъ статью: On an alpine nickel bearing Serpentine. 1896). Вторая напечатала статью: Glass enclosure in a basalt.

Г-жи Кросфильдъ (Miss Crosfield) и *Скэтъ* (Miss Skeat), получившія образованіе въ Ньюнгэмскомъ колледжѣ въ Кэмбриджѣ, напечатали совмѣстно работу подъ заглавіемъ: Geology of the neighbourhood of Carmarthen.

Г-жа Крэнъ (Miss Agnes Crane) успѣшно занимается ископаемыми брахіоподами, *г-жа Итонъ* (Miss Charlotte Eyton) производила геологическія изслѣдованія въ сѣв. Валлиссѣ и въ Шропшайрѣ.

Г-жа Куанью (Miss Coignou) описала новый видъ триюбита Cyphaspis изъ каменноугольныхъ отложеній Іоркшайра.

Г-жа Юзъ (Mrs. Mc. Kenny Hughes) жена профессора геологіи Кэмбриджскаго университета, напечатала палеонтологическую работу о плейстоценовыхъ моллюскахъ Кэмбриджа.

Г-жа Келли (Miss Agnes Kelly) сдѣлала въ засѣданіи Лондонскаго Минералогическаго Общества 19-го іюня 1900 г. докладъ объ изслѣдованіи строенія раковинъ моллюсковъ; она доказываетъ, что углекислая известь, изъ которой построены раковины, является не въ видѣ арагонита, какъ думали до сихъ поръ, а въ видѣ новой модификаціи, которую она предлагаетъ называть конхитомъ (Conchite).

Россія.

Послѣ Англіи Россія занимаетъ первое мѣсто по числу женщинъ-геологовъ; наиболѣе выдающейся среди нихъ является М. В. Павлова, первой въ хронологическомъ порядкѣ—Е. В. Соломко. Громадное большинство работъ русскихъ женщинъ-геологовъ относится къ области палеонтологіи. Но не чужды русскимъ женщинамъ-геологамъ и другіе отдѣлы геологіи, какъ не чужды имъ и работы въ полѣ; это послѣднее обстоятельство слѣдуетъ поставить имъ въ особую заслугу, такъ какъ экскурсированіе въ Россіи во многихъ случаяхъ сопряжено съ отсутствіемъ комфорта, съ разными неудобствами, къ которымъ женщинѣ труднѣе привыкнуть, чѣмъ мужчинѣ.

Евгенія Викторовна Соломко-Сотиріадисъ.

Евгенія Викторовна Соломко родилась 26-го сентября 1862 г., въ Ярославлѣ. Образованіе получила дома, а затѣмъ въ московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ, въ которомъ и кончила курсъ съ наградой въ 1878 г. Въ 1879 г. поступила слушательницей на С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе курсы по физико-математическому факультету. По окончаніи курса въ 1883 г., Е. В. продолжала заниматься геологіей и палеонтологіей подъ руководствомъ проф. А. А. Иностранцева и прив.-доц. П. Н. Венюкова. Благодаря участію и помощи проф. Иностранцева, Е. В. получила свободный доступъ въ С.-Петербургскій университетъ и занималась въ геологическомъ кабинетѣ. Она участвовала также и въ экскурсіяхъ по Олонецкой губерніи, которыя въ то время ежегодно устраивалъ проф. Иностранцевъ для молодыхъ геологовъ, занимавшихся въ геологическомъ кабинетѣ, и совершила самостоятельныя экскурсіи въ Полтавскую губернію и на Кавказъ. На женскихъ курсахъ она въ это время была привлечена къ руководству практическими занятіями по петрографіи.

Въ 1886 г. Е. В. отправилась съ научною цѣлью заграницу и за-

нималась въ различныхъ музеяхъ, встрѣчая всюду сочувствіе и вниманіе со стороны ученыхъ, въ завѣдываніи которыхъ находились означенные музеи. Съ апрѣля 1886 г. она занималась въ палеонтологическомъ музеѣ Мюнхенской академіи подъ руководствомъ извѣстнаго палеонтолога проф. Циттеля и посѣщала спеціальный курсъ Циттеля по палеонтологіи. Небезинтересно, что первое время Соломко слушала лекціи Циттеля изъ сосѣдней съ аудиторіей комнаты, такъ какъ Циттель, при всемъ его вниманіи и сочувствіи къ г-жѣ Соломкѣ, затрудняялся на первыхъ порахъ дать ей доступъ въ аудиторію. Въ то время женщины не имѣли свободнаго доступа въ германскіе университеты и не могли пріобрѣтать тамъ ученыя степени. Для пріобрѣтенія

Евгенія Викторовна Соломко-Сотиріядисъ.

степени доктора геологіи, Е. В. пришлось поэтому отправиться въ Швейцарію. Въ Цюрихскомъ университетѣ она пріобрѣла степень доктора философіи и геологіи, выдержавъ письменный экзаменъ и устное испытаніе у профессоровъ Гейма, Майера-Эймара, Кенготта и Дедель-Порта въ іюлѣ 1887 г. Не довольствуясь слушаніемъ лекцій и занятіями въ палеонтологическомъ музеѣ, Е. В. совершила также нѣсколько геологическихъ экскурсій по Южной Баваріи, Франціи, Швейцаріи, Сѣверной Италіи и Греціи. Въ 1887 г. Е. В. вышла замужъ за доктора философіи Георгія Сотиріадисъ, который занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должность директора греческаго коммерческаго училища въ Одессѣ. Г-жа Соломко недурно рисовала и занималась даже живописью.

Е. В. Соломко скончалась 11-го сентября 1898 г.

Первая работа Е. В. Соломко относится къ петрографіи и была исполнена въ геологическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго Университета подъ руководствомъ проф. А. А. Иностранцева и П. Н. Венюкова. Въ этой работѣ она даетъ подробное описаніе изверженной породы села Исачекъ, въ Полтавской губерніи, и доказываетъ, что эта порода, о которой писали уже многіе авторы, представляетъ діабазъ съ соссюритизированнымъ полевымъ шпатомъ. По окончаніи этой работы, Е. В., по совѣту проф. Иностранцева, занялась изслѣдованіемъ девонскихъ строматопоръ и съ тѣхъ поръ спеціализировалась окончательно по палеонтологіи. Работа о строматопорахъ (кораллоподобныхъ организмахъ древнихъ морей), систематическое положеніе которыхъ являлось спорнымъ, потребовало изученія большой литературы, большого терпѣнія и вниманія при изслѣдованіи микроскопическихъ препаратовъ. Не ограничившись изученіемъ матеріала, имѣвшагося въ Петербургѣ, Е. В. отправилась въ Дерптъ, гдѣ встрѣтила радушный пріемъ со стороны проф. Гревингка и имѣла возможность сравнить свои образцы и препараты съ другими. Результатомъ этихъ тщательныхъ изслѣдованій явилось изслѣдованіе о девонскихъ строматопорахъ Россіи, въ которомъ г-жа Соломко не только даетъ монографическое ихъ описаніе и классификацію, но и высказываетъ свои самостоятельные взгляды на систематическое положеніе строматопоръ, которыя она считаетъ за слоистыя известковыя губки.

Большая работа о юрскихъ и мѣловыхъ кораллахъ Крыма была ею сдѣлана заграницей, главнымъ образомъ, въ Мюнхенскомъ палеонтологическомъ музеѣ у проф. Циттеля. Это обстоятельная монографическая обработка коралловъ, заключающая въ себѣ интересныя данныя; она была напечатана на нѣмецкомъ языкѣ.

Е. В. Соломко состояла членомъ Спб. Общества Естествоиспытателей и Спб. Минералогическаго Общества.

Замужество г-жи Соломко до извѣстной степени пріостановило ея научную дѣятельность. Правда, она по поводу случившагося въ Греціи землетрясенія, писала въ мѣстной періодической прессѣ о землетрясеніяхъ; правда, она собиралась продолжать свои палеонтологическія изслѣдованія. Но обстоятельства въ первые года замужества складывались, повидимому, неблагопріятно для этого, а въ 1898 г. преждевременная смерть положила конецъ научной дѣятельности первой русской женщины-геолога, получившей свое геологическое образованіе въ Россіи, благодаря С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ курсамъ.

Марья Васильевна Павлова.

М. В. Павлова, дочь доктора В. С. Гортынскаго, родилась въ 1854 г. въ г. Козельскѣ, Черниговской губерніи. Первоначальное воспитаніе получила дома, въ Черниговѣ; потомъ была отдана въ кіевскій институтъ, гдѣ и окончила полный курсъ.

Естественно-научное образованіе получила въ Парижѣ, гдѣ слушала въ продолженіе четырехъ лѣтъ курсы въ Сорбоннѣ и при музеѣ въ Jardin des Plantes и работала въ лабораторіяхъ у профессоровъ: по зоологіи — у Mrs. Milne Edwards, Perrier, Künckel; по ботаникѣ — у Mrs. Van Tieghem и Ducharte; по геологіи и палеонтологіи—у Mrs. Héber и Vélain. Закончивъ общій курсъ, Марья Васильевна остановилась на палеонтологіи, которой и посвятила всѣ научныя работы, изучая и обрабатывая остатки ископаемыхъ копытныхъ, для чего ей неоднократно приходилось посѣщать палеонтологическіе музеи Лондона, Парижа, Мюнхена, Петербурга, Вѣны и др.

Марья Васильевна Павлова.

Въ 1886 г. Марья Васильевна вышла замужъ за Алексѣя Петровича Павлова, проф. Московскаго университета.

Первая работа М. В. Павловой была посвящена изученію одного мезозойскаго аммонита одна изъ послѣднихъ работъ представляетъ геологическое изслѣдованіе Воробьевыхъ Горъ. Предметомъ всѣхъ остальныхъ работъ являются третичныя млекопитающія — и въ этой области Марьей Васильевной сдѣлано много. Цѣлый рядъ этихъ работъ, основанныхъ на детальномъ изученіи ископаемыхъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, проливаетъ свѣтъ на распространеніе и филогенетическое развитіе копытныхъ. Особенно интереснымъ является новый взглядъ автора на гиппаріона, который всѣми считался за непосредственнаго предка лошади, а по мнѣнію М. В. представляетъ боковую вѣтвь, отошедшую отъ общаго съ лошадью предка-анхитерія. Такой взглядъ основывается на томъ, что у гиппаріона

замѣчается усиленное развитіе зубной системы и, напротивъ, отсталость въ развитіи другихъ органовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что у г-жи Павловой свой взглядъ на развитіе зубной системы, а именно по ея мнѣнію молочные зубы предковъ соотвѣтствуютъ кореннымъ зубамъ потомковъ, т.-е., другими словами, будущія измѣненія зубной системы потомковъ сказываются въ измѣненіяхъ молочной зубной системы предковъ. Прежде, согласно Рютимейеру, думали наоборотъ, что молочные зубы потомковъ повторяютъ собою коренные зубы предковъ. Хотя взглядъ г-жи Павловой на гиппаріона и не принятъ всѣми, онъ тѣмъ не менѣе является настолько хорошо обставленнымъ и интереснымъ, что съ нимъ приходится считаться. Изучая распространеніе гиппаріона и лошади, г-жа Павлова приходитъ къ заключенію, что лошадь перешла изъ Америки, которая является ея настоящей родиной, въ Азію, а оттуда уже, позднѣе, въ Европу.

Въ своихъ работахъ г-жа Павлова не ограничивается изученіемъ одной лошади и ея непосредственныхъ предковъ, а задается цѣлью начертать палеонтологическую исторію копытныхъ вообще. Кромѣ описанія отдѣльныхъ находокъ и вообще кромѣ описательныхъ палеонтологическихъ изслѣдованій, въ работахъ М. В. Павловой есть и интересныя обобщенія о разселеніи и миграціяхъ различныхъ представителей копытныхъ, а также и попытки по своему освѣтить ихъ генетическія отношенія и соотвѣтственно видоизмѣнить ихъ классификацію.

Я не имѣю возможности войти въ подробную оцѣнку работъ г-жи Павловой; ограничусь лишь замѣчаніемъ, что она занимаетъ почетное мѣсто въ ряду современныхъ палеонтологовъ, спеціалистовъ по млекопитающимъ, и что она цитируется даже въ руководствахъ по палеонтологіи.

Марья Кузминишна Цвѣтаева родилась въ 1854 г.; образованіе получила въ 1-й Московской женской гимназіи, гдѣ и окончила курсъ въ 1872 г. Въ томъ же году поступила преподавательницей естественной исторіи въ 4-ю гимназію, а черезъ десять лѣтъ и въ 1-ю гимназію; обѣ должности занимаетъ и до настоящаго времени. Въ 1873—1877 гг. прослушала полный курсъ физико-математическихъ наукъ на такъ называемыхъ Лубянскихъ курсахъ (при 3-й мужской гимназіи). Геологію и минералогію читалъ С. Н. Никитинъ, подъ руководствомъ котораго М. К. начала и впослѣдствіи продолжала свои занятія геологіей, какъ въ полѣ, такъ и въ лабораторіи. Имѣя на рукахъ больную мать-старушку и слѣпого дядю, г-жа Цвѣтаева принуждена добывать средства къ существованію добавочной работой сверхъ службы въ гимназіяхъ. Неудивительно, что у нея остается очень мало времени для научныхъ занятій; по ея собственному признанію, она занимается палеонтологіей только на святкахъ. Зато каждое лѣто за послѣдніе лѣтъ 10—15 М. К. посвящаетъ отдыху отъ педагогіи, а именно геологическимъ экскурсіямъ. Она изучаетъ геологическое строеніе центральной Россіи и исходила пѣшкомъ почти весь бассейнъ Волги. Результатомъ этихъ экс-

курсій явились наблюденія, часть которыхъ поступила въ качествѣ сырого матеріала въ распоряженіе геолога Никитина, отмѣчавшаго это въ надлежащихъ мѣстахъ своихъ работъ; большая же часть этихъ наблюденій еще не опубликована вслѣдствіе недостатка свободнаго времени для окончательной ихъ обработки. М. К. Цвѣтаева состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Минералогическаго Общества, Общества Испытателей Природы и Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ.

М. К. напечатаны самостоятельно двѣ большія обстоятельныя и очень интересныя палеонтологическія работы, посвященныя изученію головоногихъ изъ русскихъ каменноугольныхъ отложеній, въ которыхъ установлено много новыхъ видовъ.

Марья Кузьминишна Цвѣтаева.

Кромѣ того, съ 1884 по 1896 г. М. К. участвовала въ составленіи «Русской Геологической Библіотеки»—библіографическаго изданія, которое за означенные годы выходило при «Извѣстіяхъ Геологическаго Комитета», подъ редакціей С. Н. Никитина.

Самостоятельныхъ работницъ по геологіи въ Россіи до самаго послѣдняго времени было только три. Недавно въ этой области выступила еще четвертая—Анна Болеславовна *Миссуна*, напечатавшая въ «Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou», въ «Матеріалахъ къ познанію геологическаго строенія Россійской имперіи» большую работу подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ изученію конечныхъ мо-

ренъ Литовскаго Края». Эта работа является результатомъ самостоятельныхъ экскурсій и даетъ наглядное представленіе о характерѣ и распредѣленіи конечныхъ моренъ въ Литвѣ. На основаніи своихъ изслѣдованій, г-жа Миссуна приходитъ къ заключенію, что въ эпоху отложенія описанныхъ ею конечныхъ моренъ «край ледника не представлялся уже сплошнымъ, а разбивался на нѣсколько самостоятельныхъ ледниковъ, пріуроченныхъ къ долинамъ современныхъ намъ рѣкъ», подобно тому, какъ это констатировано и въ Сѣв. Америкѣ для той фазы ледниковаго періода, которая ознаменовалась отложеніемъ сохранившихся до настоящаго времени конечныхъ моренъ. Раньше, а именно въ 1898 г. г-жей Миссуной была напечатана замѣтка о кристаллической формѣ сѣрнокислаго аммонія.

Полноты ради, слѣдуетъ упомянуть, что изъ числа окончившихъ курсъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ по естественному отдѣленію нѣкоторыя приступали къ самостоятельной работѣ по геологіи, но, по разнымъ обстоятельствамъ, вскорѣ оставляли геологію, повидимому, навсегда. Къ этой категоріи относится г-жа В. Голубцова, напечатавшая химическій анализъ и замѣтку о тункинской лавѣ

Быть можетъ сюда же слѣдуетъ отнести Лидію Владиміровну Яковлеву, вышедшую замужъ за геолога В. М. Цебрикова; она напечатала тамъ же, гдѣ и г-жа Миссуна, замѣтку «О кристаллической формѣ праваго виннокислаго калія», и сдѣлала нѣсколько кристаллооптическихъ опредѣленій для Е. С. Федорова.

Нельзя, наконецъ, не упомянуть Анны Петровны Амалицкой, которая, не будучи спеціалистомъ-геологомъ, ежегодно съ 1890 года сопровождаетъ своего мужа, профессора геологіи въ Варшавскомъ университетѣ В. П. Амалицкаго, въ его экскурсіяхъ и такимъ путемъ участвуетъ до извѣстной степени въ его полевыхъ работахъ и раскопкахъ; она и сама сдѣлала нѣсколько интересныхъ палеонтологическихъ находокъ и изготовляетъ рисунки и таблицы къ палеонтологическимъ работамъ мужа. А. П. Амалицкая за все это избрана въ члены С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей.

Франція.

Въ Парижѣ женщины давно имѣютъ свободный доступъ въ университетъ; кромѣ того, тамъ читаются систематическіе курсы по всѣмъ отраслямъ естествознанія въ Muséum d'Histoire Naturelle, курсы публичные и доступные для всѣхъ желающихъ. Но этой свободой пользуются почти исключительно иностранки, между тѣмъ какъ французскія женщины не обнаруживаютъ стремленія къ научнымъ занятіямъ вообще и геологіей въ частности.

Несмотря на то, что иностранки со всѣхъ концовъ міра стремятся за научнымъ образованіемъ въ Парижъ, француженки имъ пренебре-

гаютъ и во многихъ слояхъ общества относятся къ нему даже неодобрительно.

Несмотря на это отрицательное отношеніе французскихъ женщинъ къ научнымъ занятіямъ, Франція дала женщину-геолога, которая во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія, а именно г-жу Элертъ.

Г-жа Элертъ (M-me Pauline Oehlert).

Г-жа Элертъ, по количеству сдѣланныхъ ею работъ, безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди женщинъ-геологовъ; но въ то же время она существенно отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что у нея нѣтъ ни одной работы, которая была бы всецѣло сдѣлана ею одной. Дѣло въ томъ, что г-жа Элертъ является сотрудницей своего мужа, участвуя съ 1882 г. во всѣхъ его работахъ: изслѣдованія на мѣстѣ, геологическія поѣздки, кабинетная и литературная работа— все было сдѣлано и до сихъ поръ дѣлается сообща, и раздѣленіе труда настолько равномѣрно, участіе обоихъ сотрудниковъ настолько одинаково, что, по собственному признанію г. Элерта, ни одинъ изъ нихъ не можетъ приписать себѣ всецѣло ни одной работы, ни одной части какой-либо изъ ихъ работъ. Эта чета представляетъ рѣдкій и поистинѣ завидный примѣръ научнаго сотрудничества супруговъ на равныхъ началахъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этого тѣснаго сотрудничества является подпись супруговъ Элертовъ подъ публикуемыми ими работами: съ 1882 г. всѣ работы подписываются D.-P. Oehlert (т.-е. Daniel et Pauline Oehlert). Если принять во вниманіе, что со времени ихъ сотрудничества супругами Элертами опубликовано свыше 50 работъ, что ихъ работы пользуются въ геологической литературѣ всеобщимъ уваженіемъ, что они считаются знатоками девонскихъ отложеній и ихъ фауны, то станетъ яснымъ, что г-жа Элертъ занимаетъ въ геологической литературѣ почетное мѣсто наравнѣ со своимъ мужемъ.

Областью изслѣдованій супруговъ Элертовъ является по преимуществу геологическое изученіе арморикансniaго массива и геологическая съемка департ. Майенны; палеонтологическія работы посвящены по преимуществу палеозойскимъ фаунамъ, въ особенности девонской, и притомъ преимущественно брахіоподамъ, криноидеямъ, трилобитамъ, пластинчатожабернымъ, гастероподамъ; кромѣ того, ими напечатаны также зоологическія изслѣдованія о нынѣ живущихъ брахіоподахъ по матеріалу, собранному глубоководными экспедиціями. Оцѣнка работъ супруговъ Элертовъ потребовала бы такихъ деталей, которыя выходятъ за предѣлы этой статьи. Достаточно указанія на то, что коллективный авторъ этихъ работъ D.-P. Oehlert недавно избранъ въ члены-корреспонденты Парижской академіи наукъ.

Насколько мнѣ извѣстно, г-жа Элертъ является единственной французской женщиной, работающей научно въ области геологіи. Но есть

еще одна французская женщина, которой нельзя не упомянуть въ этомъ очеркѣ: *это г-жа Станисласъ Менье* (M-me Stanislas Meunier), жена извѣстнаго геолога Стан. Менье, профессора геологіи въ Muséum d'Histoire Naturelle въ Парижѣ. Не будучи самостоятельнымъ изслѣдователемъ, она тѣмъ не менѣе можетъ быть причислена къ женщинамъ-геологамъ, такъ какъ является талантливымъ популяризаторомъ по геологіи. Ею написана большая книга о доисторическомъ человѣкѣ, въ которой описывается бытъ доисторическаго человѣка въ формѣ небольшихъ разсказовъ; во второй части книги, озаглавленной «Documents», приводятся извлеченія изъ всѣхъ сочиненій, въ которыхъ трактуется о находкахъ остатковъ доисторическаго человѣка, о фаунѣ каменнаго вѣка, о геологическихъ данныхъ, относящихся къ доисторическому человѣку и т. п. Ей принадлежитъ также популярное сочиненіе объ источникахъ, описаніе геологическаго конгресса и сопровождавшихъ его геологическихъ экскурсій въ Россіи въ 1897 г. и нѣкоторыя другія сочиненія.

Америка.

Въ Америкѣ есть нѣсколько женщинъ, интересующихся геологіей или преподающихъ ее въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но самостоятельныхъ работницъ по геологіи въ Америкѣ пока немного больше, чѣмъ во Франціи. Наиболѣе выдающейся изъ нихъ является г-жа Баскомъ.

Г-жа Баскомъ (Miss Florence Bascom, Ph. D.).

Г-жа Баскомъ родилась въ Виліамстоунѣ въ Массачаузетсѣ (Williamstown, Berkshire County). Послѣ высшей школы въ Мадисонѣ она поступила въ 1878 г. въ Висконсинскій университетъ въ Мадисонѣ и пріобрѣла послѣдовательно въ 1882 г. и 1884 г. нѣсколько степеней (баккалавра литературы, искусствъ, наукъ).

Послѣ занятій въ Висконсинскомъ университетѣ въ 1886—1887 гг. она пріобрѣла степень магистра наукъ, а затѣмъ была удостоена университетомъ Джона Гопкинса въ Бальтиморѣ, гдѣ она занималась въ 1891—1893 гг., степени доктора философіи. Г-жа Баскомъ является профессіональнымъ геологомъ; она заявила себя рядомъ научныхъ работъ и занимала различныя должности, гдѣ требовалось примѣненіе геологическихъ знаній. Такъ, въ 1889—1891 гг. она преподавала естественную исторію въ Рокфордскомъ Колледжѣ, въ 1893—1895 гг. она занимала должность геолога-ассистента въ Огайскомъ Университетѣ, а съ 1895 г. читаетъ лекціи по геологіи въ Бринъ-Морскомъ колледжѣ (Bryn Mawr College) въ Пенсильваніи. Она состоитъ соиздателемъ старѣйшаго американскаго геологическаго журнала «American

Geologist», членомъ американскаго геологическаго общества, американской ассоціаціи наукъ, членомъ Филадельфійской академіи наукъ и сотрудникомъ американскаго геологическаго учрежденія.

Г-жа Баскомъ избрала своей спеціальностью петрографію; но она не является лишь кабинетнымъ петрографомъ, который довольствуется изслѣдованіемъ микроскопическихъ препаратовъ горныхъ породъ и ихъ химическими анализами; она соединяетъ такое изслѣдованіе съ изученіемъ условій залеганія горныхъ породъ на мѣстѣ. Главная ея работа представляетъ результатъ подробной геологической съемки и всесторонняго изученія горныхъ породъ, слагающихъ Южную гору (South Mountain) въ Пенсильваніи; съ особенной любовью г-жа Баскомъ

Г-жа Баскомъ. (Miss Florence Bascom).

останавливается на изверженныхъ породахъ, изучая и объясняя ихъ распредѣленіе, метаморфизмъ, структуру и составъ. Эта работа можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими работами этого рода. Между прочимъ, въ ней введено и новое обозначеніе для такихъ вулканическихъ породъ, у которыхъ первоначально была стекловатая основная масса, разстекловавшаяся вслѣдствіе процессовъ метаморфизаціи: къ названію этихъ породъ приставляется по ея предложенію частица «апо» (напр., апо-ріолитъ), ею описана новая порода, названная перидостеатитомъ и т. д.

Г-жа Баскомъ является единственной женщиной-геологомъ, состоящей профессоромъ въ высшемъ учебномъ заведеніи (женскомъ).

Кромѣ г-жи Баскомъ, въ Америкѣ слѣдуетъ упомянуть еще г-жу Давидсонъ и г-жу Бойдъ.

Г-жа Ада Давидсонъ (Mrs. Ada Dean Davidson) изъ Индіаны получила первоначальное образованіе въ Painesville Academy, въ штатѣ Огайо и закончила его въ Ingham College, въ Le Roy (штатъ Нью-Іоркъ).

Выйдя въ 1894 г. замужъ за лейтенанта Давидсона, она переселилась въ Монтичелло (Monticello) въ штатѣ Іова. Она занялась изученіемъ геологическаго строенія этой мѣстности, очень богатой остатками кораллювъ, брахіоподъ и криноидныхъ, усердно собирала криноидеи и описала ихъ вмѣстѣ съ другимъ авторомъ въ сочиненіи «Petalocrinus mirabilis».

Коллекція окаменѣлостей изъ Ніагарской формаціи, собранная ею, находится въ Armour Institute въ Чикаго.

Г-жа Бойдъ (Mrs. Ella F. Boyd) изъ Гайдъ-Парка пріобрѣла извѣстность какъ популяризаторша, публичными чтеніями и т. п. Но она занимается также и самостоятельно геологіей; ея наблюденія въ полѣ были сдѣланы подъ руководствомъ проф. Бартона послѣ того, какъ она пріобрѣла необходимую подготовку по геологіи въ Массачузетскомъ технологическомъ институтѣ. Она изучаетъ преимущественно граниты, обращая вниманіе на значеніе химическаго состава для выясненія родственныхъ отношеній различныхъ породъ. Г-жа Бойдъ преподавала геологію и зоологію въ школахъ Гайдъ-Парка.

Нельзя не упомянуть, что и въ Сербіи женщины проявляютъ интересъ къ геологіи. Такъ, г-жа Ольга Гавриловичева неоднократно представляла Бѣлградскому геологическому обществу рефераты объ иностранныхъ работахъ по геологіи Балканъ.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ этого бѣглаго очерка? Мнѣ кажется, очень отрадное и благопріятное для женщинъ. Во всѣхъ областяхъ геологическихъ изслѣдованій мы встрѣчаемъ имена женщинъ. Онѣ съ одинаковой охотой и съ одинаковымъ успѣхомъ предаются кабинетнымъ изысканіямъ и работамъ въ полѣ. Имъ не чужды ни стратиграфическія работы, ни тектоническія проблемы, ни петрографія, ни палеонтологія. Мы видимъ женщинъ и на утомительной геологической экскурсіи, и за микроскопомъ, и въ химической лабораторіи за анализомъ, и за сравнительно-анатомической или иной палеонтологической работой [1]). И притомъ нѣкоторыя изъ женщинъ-геологовъ занимаютъ въ наукѣ очень почетное мѣсто. Если принять во вниманіе, что до послѣдняго времени возможность для женщины научно заниматься геологіей, какъ и всякой другой наукой, требующей подготовки и работы въ лабораторіяхъ, куда женщинамъ еще недавно доступъ былъ закрытъ, была сильно затруднена, нельзя не поставить женщинамъ-гео-

---

[1]) Женщинами-геологами не затронута еще динамическая геологія, экспериментальная геологія и лишь слегка затронута минералогія съ кристаллографіей.

логамъ еще болѣе въ заслугу достигнутыхъ ими результатовъ. Можно надѣяться, что число женщинъ-геологовъ будетъ въ будущемъ возрастать и что изъ ихъ среды со временемъ выйдутъ и такіе ученые, которые будутъ идти впереди въ качествѣ учителей. Нельзя не пожелать, чтобы женщинамъ былъ облегченъ доступъ къ высшему образованію, къ музеямъ и лабораторіямъ, безъ которыхъ немыслимо занятіе геологіей, такъ какъ всякій геологъ нуждается на первыхъ шагахъ въ руководителѣ, а при обработкѣ матеріала—въ коллекціяхъ, инструментахъ, лабораторіяхъ и спеціальныхъ библіотекахъ. Въ этомъ отношеніи женщина-геологъ, какъ и вообще всякая женщина-натуралистъ, находится въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ женщина, занимающаяся литературой или гуманитарными науками. За послѣдніе пятнадцать лѣтъ женщины доказали, что онѣ и на поприщѣ геологіи заслуживаютъ равноправности съ мужчинами, такъ какъ способны заниматься научно геологіей съ такой же любовью и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и мужчины. Будемъ же надѣяться, что недалеко то время, когда женщины не только не будутъ встрѣчать препятствій къ удовлетворенію своей жажды знанія, своихъ научныхъ стремленій, но и къ примѣненію своихъ знаній, къ передачѣ ихъ другимъ, наравнѣ съ мужчинами.

Профессоръ Ф. Левинсонъ-Лессингъ.

ФИЛОСОФІЯ КАНТА.

СТАТЬЯ 4-я.

(Эстетика и ученіе о цѣлесообразности).

Проф. Г. Челпанова.

*(Окончаніе *).*

Въ системѣ Канта послѣ его критики теоретическаго и практическаго разума получился дуализмъ. Именно ему пришлось признать съ одной стороны существованіе міра сверхчувственнаго, а съ другой стороны міра чувственнаго; съ одной стороны у него получился міръ свободы, а съ другой міръ причинности, коренным образомъ другъ отъ друга отличающіеся. Между тѣмъ, Кантъ въ дѣйствительности не признавалъ абсолютнаго различія между ними, онъ, наоборотъ, стремился къ признанію тожества между ними. Онъ долженъ былъ признать тожество міра свободы и міра причинности, потому что иначе, какъ могъ бы онъ допустить, что человѣческое существо съ его моральнымъ сознаніемъ принадлежитъ обоимъ мірамъ: что оно обнаруживаетъ свою «свободу» въ царствѣ «необходимости».

Канту нужно было устранить этотъ кажущійся дуализмъ, потому что могло возникнуть сомнѣніе даже относительно единства самого разума, т.-е. можно было подумать, что разумъ представляетъ собою нѣчто двойственное, не способное привести къ согласію свои собственныя построенія: именно оказалось бы, что нашъ разумъ мыслитъ или созидаетъ вещи (въ данномъ случаѣ міры), изъ которыхъ одна противорѣчитъ другой. Канту нужно было показать, что въ этихъ построеніяхъ нѣтъ противорѣчія, что между этими, разумомъ созданными мірами, нѣтъ основного различія, что они по существу представляютъ нѣчто тожественное.

Но какъ это можно было бы сдѣлать? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, нужно предварительно спросить, отчего произошло указанное

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1901 г. Въ заглавіи третьей статьи по ошибкѣ вмѣсто «*моральная* философія» напечатано «*теоретическая* философія».

различіе? Оно, очевидно, произошло оттого, что Кантъ признавалъ двѣ такихъ различныхъ функціи, какъ «теоретическій» разумъ и «практическій», которые и создали два различныхъ міра. Ему нужно было отыскать въ человѣческомъ умѣ такую функцію, о которой можно было бы сказать, что она представляетъ собою соединеніе какъ теоретической, такъ и практической функціи. Если это сдѣлать, то искомое единство установится.

Такая функція есть собственно *чувствованіе*, которое содержитъ въ себѣ въ одинаковой мѣрѣ и элементы познанія, и элементы воли. Въ чувствованіи мы имѣемъ, съ одной стороны, содержаніе: мы, напр., видимъ, чѣмъ вызывается то или другое чувствованіе, а это именно есть предметъ нашего *познанія*, съ другой стороны, во всякомъ чувствованіи есть извѣстное отношеніе къ цѣли, а цѣль поставляется *волей*.

Найдя такую функцію, именно чувствованіе, Кантъ опять становится на ту точку зрѣнія, на которой онъ стоялъ въ своихъ прежнихъ «критикахъ». Именно онъ и въ чувствованіи ищетъ апріорныхъ элементовъ и потому ставитъ вопросъ о «возможности апріорныхъ чувствованій», т.-е. чувствованій, обладающихъ характеромъ всеобщности и необходимости, подобно тому, какъ эти свойства онъ доказалъ по отношенію къ познанію и волѣ.

Этотъ вопросъ Кантъ изслѣдуетъ въ своей третьей критикѣ, именно въ «Критикѣ способности сужденія» *).

Почему Кантъ ставитъ вопросъ объ апріорности чувствованій именно въ этомъ сочиненіи, кажется совсѣмъ непонятнымъ **). Въ какомъ отношеніи апріорность чувствованій находится къ способности сужденія? Но это тотчасъ сдѣлается понятнымъ, если мы поставимъ вопросъ, какимъ образомъ можно произвести соединеніе между двумя такими разнородными мірами, какъ міръ природы и міръ свободы, міромъ теоретическаго разума и міромъ практическаго разума. Само собою разумѣется, что соединеніе просто между ними не возможно: они слишкомъ для этого различны, а потому остается только одно, это именно произвести соединеніе путемъ *подчиненія*.

Но что̀ слѣдуетъ чему подчинить?

Мы уже видѣли, что Кантъ не согласился бы міръ практическій подчинить міру теоретическому, какъ это дѣлали философы до него. Онъ именно подчиняетъ міръ теоретическій міру практическому, а это, другими словами, означаетъ, что онъ подчиняетъ природу свободѣ. Но

*) «Kritik der Urtheilskraft».

**) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что соединеніе вопроса объ эстетическомъ чувствѣ съ вопросомъ о цѣлесообразности, которое мы находимъ въ «Критикѣ способности сужденія», несомнѣнно, содержитъ въ себѣ много искусственнаго; и здѣсь, какъ и въ «Критикѣ практическаго разума» Кантъ исходилъ изъ схемы, созданной имъ въ «Критикѣ чистаго разума»; это было причиной того, что онъ соединилъ два такихъ разнородныхъ вопроса.

разъ дѣло идетъ о подчиненіи, то становится понятнымъ, почему Кантъ говоритъ объ этомъ въ «Критикѣ способности сужденія», потому что функція «сужденія», главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что оно производитъ подчиненіе.

Вообще подчиненіе можетъ производиться двояко. Мы можемъ производить подчиненіе въ области теоретической мысли. Тогда это просто означаетъ, что мы какой-либо «видъ» подводимъ подъ какой-либо «родъ». Это именно въ томъ случаѣ, когда мы познаемъ предметъ. Напр., въ сужденіи «дерево есть растеніе» мы подчиняемъ понятіе «дерева» понятію «растенія». Когда мы производимъ оцѣнку того или другого предмета, то мы должны оцѣниваемый нами предметъ подчинить тому или другому понятію, напр. понятію «хорошаго», «дурного» и т. п. Для этого мы должны произвести процессъ сужденія. Отсюда понятно, почему подчиненіе и сужденіе находятся въ связи другъ съ другомъ.

Но подчиненіе можетъ обнаружиться и иначе, и именно въ томъ случаѣ, когда мы пожелаемъ выразить «отношеніе» нашего субъекта къ тому или другому предмету. Напр., когда мы говоримъ, что предметъ для насъ *пріятенъ* или *непріятенъ*. Мы этими словами выражаемъ наше отношеніе къ нему. Мы и въ этомъ случаѣ произносимъ сужденіе. Отсюда ясно, что сужденія, выражающія наше отношеніе или оцѣнку, тѣсно связаны съ чувствованіями, потому что, въ дѣйствительности, чувствованіе есть не что иное, какъ соединеніе представленія о предметѣ съ какимъ-либо субъективнымъ состояніемъ.

Оцѣнка предмета можетъ быть двоякой. Или предметъ разсматривается съ точки зрѣнія какой либо цѣли, т.-е. опредѣляется, достигаетъ ли онъ той или иной цѣли, или нѣтъ. Въ такомъ случаѣ мы говоримъ о предметахъ *цѣлесообразныхъ* или *нецѣлесообразныхъ*. Но можетъ быть другой случай, когда мы разсматриваемъ предметъ не съ точки зрѣнія опредѣленной цѣли, а когда онъ намъ кажется просто *пріятнымъ* или *непріятнымъ*. Такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ о выраженіи нашего отношенія къ предмету, то ясно, что существуетъ несомнѣнная связь между признаніемъ цѣлесообразности предметовъ и чувствованіями. Эту связь можно объяснить ближе слѣдующимъ образомъ.

Въ каждомъ чувствованіи есть элементъ удовольствія и неудовольствія. Если предметъ служитъ для удовлетворенія какой-либо потребности, то онъ доставляетъ удовольствіе, если нѣтъ, то неудовольствіе. Такъ какъ удовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей мы можемъ назвать *цѣлью*, то поэтому все, что способствуетъ удовлетворенію тѣхъ или иныхъ потребностей, можно назвать цѣлесообразнымъ, а то, что не способствуетъ достиженію этого, можно назвать нецѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ ясно, что *цѣлесообразность связана съ чувствомъ удовольствія*. Связь чувствованій съ процессомъ сужденія также очевидна. Въ томъ или другомъ чувствованіи мы тотъ или другой пред-

метъ разсматриваемъ съ точки зрѣнія той или другой *цѣли*. Мы его подчиняемъ той или другой цѣли, мы его обсуждаемъ или о немъ *судимъ*.

Изъ сказаннаго о цѣлесообразности и чувствованіи ясно, что существуетъ два рода отношенія къ предметамъ, отличающіяся одинъ отъ другого тѣмъ, что въ одномъ изъ нихъ преобладаетъ моментъ *познавательный*, а въ другомъ *чувствованіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, оцѣнка предмета можетъ происходить при двухъ различныхъ условіяхъ. Мы при оцѣнкѣ можемъ руководиться какой-либо цѣлью, которая у насъ раньше существуетъ въ сознаніи. Въ такомъ случаѣ мы говоримъ о предметахъ, какъ о «полезныхъ» или «вредныхъ». Это будутъ сужденія *цѣлесообразности* въ собственномъ смыслѣ. Въ такихъ сужденіяхъ преобладаетъ моментъ познавательный. Но при оцѣнкѣ у насъ могутъ явиться также и субъективныя состоянія, т.-е. могутъ появиться чувства, относительно которыхъ мы должны сказать, что они не имѣютъ никакого отношенія къ какимъ бы то ни было сознательнымъ намѣреніямъ. При такой оцѣнкѣ предметы намъ кажутся просто «пріятными» или «непріятными». Въ этихъ сужденіяхъ преобладаютъ чувства. Мы говоримъ,—«преобладаютъ», потому что цѣлесообразность и въ этомъ случаѣ не исключается вполнѣ. Чувства, о которыхъ въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь, суть чувства, которымъ не предшествуютъ никакія сознательныя намѣренія или сознательныя желанія. Таковы именно чувства *прекраснаго* и *возвышеннаго*.

Такимъ образомъ, если мы оцѣниваемъ предметъ съ точки зрѣнія какой либо цѣли и находимъ его *цѣлесообразнымъ* и если у насъ при созерцаніи тѣхъ или иныхъ предметовъ рождается какое-либо *чувство*, то въ томъ и другомъ случаѣ у насъ совершается по существу родственный процессъ, функція той способности, которую Кантъ называетъ способностью *сужденія*.

Мы различаемъ два вида цѣлесообразности. Мы можемъ назвать предметъ цѣлесообразнымъ независимо отъ того, будетъ ли онъ оказывать какое-либо дѣйствіе на насъ или нѣтъ, или мы можемъ назвать предметъ цѣлесообразнымъ въ зависимости отъ того дѣйствія, которое онъ производитъ на насъ. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ объ *объективной* цѣлесообразности естественныхъ предметовъ, во второмъ случаѣ дѣло идетъ о *субъективной* цѣлесообразности, т.-е. о цѣлесообразности по отношенію къ нашимъ субъективнымъ состояніямъ. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ, что предметы соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ тѣмъ или инымъ цѣлямъ, во второмъ случаѣ мы говоримъ о предметахъ, доставляющихъ намъ чувство удовольствія или неудовольствія. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ просто отношеніе цѣлесообразности; чувствованіе въ этомъ случаѣ присоединяется, какъ что-либо второстепенное. Во второмъ случаѣ все заключается въ дѣйство-

ваніи на насъ чувствованій, цѣлесообразность же обнаруживается только тогда, когда мы начинаемъ анализировать наше душевное состояніе.

Теперь ясно, отчего Кантъ въ «Критикѣ способности сужденія» разсматриваетъ и вопросъ объ объективной цѣлесообразности, и вопросъ о прекрасномъ вмѣстѣ: и въ томъ, и другомъ случаѣ дѣло идетъ объ обсужденіи съ точки зрѣнія цѣли. Одно обсужденіе онъ называетъ *эстетическимъ*, а другое *телеологическимъ*.

Есть, конечно, различіе между собственно-эстетическимъ и телеологическимъ разсмотрѣніемъ.

Если, наблюдая природу, субъектъ оцѣниваетъ ея явленія съ точки зрѣнія цѣлесообразности ихъ для наблюдающаго субъекта, то это наблюденіе носитъ характеръ субъективный и вызываетъ извѣстныя чувства. Это будетъ эстетическое разсмотрѣніе. Но если субъектъ наблюдаетъ природу такъ, какъ если бы природа была цѣлесообразна сама по себѣ, независимо отъ субъективныхъ состояній наблюдателя, то это наблюденіе будетъ носить характеръ телеологическій. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ цѣлесообразность есть цѣлесообразность для наблюдающаго *субъекта*, во второмъ случаѣ это есть цѣлесообразность *природы* самой по себѣ. Но очевидно, что въ обоихъ случаяхъ обнаруживается отношеніе къ цѣли.

Въ первомъ случаѣ предметы приходятъ въ согласіе съ нашей способностью познанія, во второмъ случаѣ обнаруживается согласованіе между вещами, разсматриваемыми сами по себѣ. Если происходитъ первое, то предметъ вызываетъ удовольствіе, и такой предметъ мы называемъ *прекраснымъ*, если происходитъ второе, то предметъ мы называемъ *цѣлесообразнымъ*. Въ первомъ случаѣ мы получаемъ понятіе красоты природы, во второмъ случаѣ—понятіе цѣлесообразности природы. Тамъ мы имѣемъ дѣло съ эстетической, здѣсь—съ телеологической способностью сужденія.

Замѣтивъ такимъ образомъ, что между этими двумя способами разсмотрѣнія, не взирая на все ихъ различіе, существуетъ несомнѣнная связь, разсмотримъ теперь *эстетическія* воззрѣнія Канта въ собственномъ смыслѣ слова.

Предварительно слѣдуетъ опредѣлить предметъ эстетики, именно *прекрасное*, такъ какъ его легко смѣшать съ просто «пріятнымъ» и «хорошимъ въ нравственномъ смыслѣ» (gut).

Кантъ старается строго разграничить эти три понятія. «Пріятнымъ» мы называемъ все то, что кому-нибудь доставляетъ удовольствіе. Мы, напр., называемъ пріятнымъ ароматъ фіалки, вкусъ вина и т. п. «Хорошимъ въ нравственномъ смыслѣ» мы называемъ все то, что удовлетворяетъ извѣстной нравственной задачѣ. Мы, напр., называемъ хорошимъ какой либо самоотверженный поступокъ. Но ни ту, ни другую категорію явленій мы не назовемъ прекраснымъ. Между предметами, доставляющими намъ эстетическое удовольствіе и предметами просто

для насъ «пріятными» или «хорошими» есть огромное различіе. Чувство удовольствія въ обоихъ этихъ случаяхъ сильно отличается. То чувство удовольствія, которое мы получаемъ благодаря пріятному и хорошему, основывается на удовлетвореніи какой нибудь потребности. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чисто чувственными потребностями, въ другомъ случаѣ съ потребностями практическаго разума, которыя Кантъ называетъ «интересомъ практическаго разума». Въ томъ и другомъ случаѣ возникновенію чувства удовольствія предшествуетъ возникновеніе какой-либо потребности, влеченія, желанія и т. п. Относительно предметовъ «пріятныхъ» и «хорошихъ» слѣдуетъ сказать, что они возбуждаютъ нашу волю, у насъ рождаются извѣстныя желанія. Отъ всего этого отличается «прекрасное» именно тѣмъ, что оно не должно удовлетворять какимъ бы ни было интересамъ. Все истинно прекрасное совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было желаній или потребностей. Когда мы, напр., слушаемъ прекрасную музыку, или созерцаемъ картину, то мы при этомъ не думаемъ ни о какихъ потребностяхъ, касающихся лично насъ, у насъ нѣтъ предварительно никакихъ желаній, удовлетвореніемъ которыхъ являлись бы данные предметы. Эстетическое удовольствіе именно отличается тѣмъ, что оно есть «*удовольствіе безъ интереса*».

Можно также сказать, что прекрасное занимаетъ середину между пріятнымъ и хорошимъ. «Пріятное» оказываетъ воздѣйствіе на чувственную сторону нашего существа, хорошее оказываетъ воздѣйствіе и на то, и на другое. Оттого и происходитъ, что пріятное всегда имѣетъ ограниченное значеніе для того или другого индивидуума. Тотъ или другой вкусъ можетъ быть пріятнымъ для одного и непріятнымъ для другого. «Нравственно-хорошее» можетъ обладать всеобщимъ характеромъ, т.-е. можетъ быть признаваемо всѣми. Что касается прекраснаго, то такъ какъ оно воздѣйствуетъ и на чувственную, и на разумную природу, то оно частью имѣетъ индивидуальное значеніе, частью всеобщее. Именно, вслѣдствіе того, что прекрасное оказываетъ воздѣйствіе на нашъ разумъ, мы и можемъ говорить объ эстетическихъ сужденіяхъ, какъ о всеобщихъ и необходимыхъ. Это нужно именно понимать такимъ образомъ, что въ то время, какъ мы не требуемъ, чтобы пріятное для насъ было такимъ же для всякаго другого человѣка, мы выражаемъ притязаніе на то, чтобы наши сужденія о прекрасномъ, или наши эстетическія сужденія были всеобщими и необходимыми, т.-е. признавались бы всѣми. Такой общеобязательности и необходимости нельзя искать ни въ чувственномъ, ни въ нравственномъ, ни вообще въ какомъ бы то ни было интересѣ, оно можетъ заключаться только въ такихъ чувствахъ, которыя совершенно независимы отъ какого бы то ни было интереса. Это самая существенная и характерная особенность прекраснаго.

Чтобы понять это утвержденіе Канта, надо обратить вниманіе на

то обстоятельство, что, по его мнѣнію, такія свойства предмета, какъ цѣлесообразность и красота, не находятся въ самихъ предметахъ, а только лишь въ ихъ дѣйствіи на наше сознаніе. Этимъ онъ хочетъ сказать, что собственно прекрасное не есть что-либо такое, что находилось бы въ вещахъ самихъ въ себѣ. Если бы это было такъ, то о красотѣ у насъ могли бы быть только эмпирическія сужденія и не могло бы быть общеобязательныхъ сужденій, но эти послѣднія въ дѣйствительности существуютъ и именно потому, что красота не находится въ предметахъ самихъ по себѣ. Легко видѣть, что причины всеобщности здѣсь тѣ же, что и въ познаніи *).

Правда, что все-таки нельзя сказать, что въ эстетической области мы имѣемъ общеобязательныя сужденія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это имѣли въ двухъ предшествующихъ критикахъ, потому что въ эстетической области не можетъ быть такихъ доказательствъ, какія имѣемъ въ области познанія. Оттого-то и не существуетъ науки о прекрасномъ въ собственномъ смыслѣ и въ области эстетики мы поставлены въ необходимость ограничиться только лишь тѣмъ, чтобы предлагать вопросъ, при какихъ условіяхъ возможны синтетическія апріорныя сужденія въ области прекраснаго?

Кантъ находитъ полную аналогію между тѣмъ, что есть въ области познанія, съ тѣмъ, что есть въ области прекраснаго. Тамъ мы имѣемъ чистое познаніе, здѣсь мы имѣемъ *чистую* красоту. Кантъ называетъ ее еще «свободной» красотой. Ее можно найти въ цвѣтахъ, арабескахъ и т. п. Если мы видимъ какой-нибудь красивый орнаментъ, какое-нибудь красивое сочетаніе цвѣтовъ, то мы получаемъ чувство удовольствія только потому, что между частями этого прекраснаго есть гармоническое соотношеніе. Мы не спрашиваемъ, для какой цѣли могло бы быть полезнымъ подобное сочетаніе, а наслаждаемся чистой красотой. Есть еще красота, которую Кантъ называетъ «связанной» (anhängende) и которая должна содержать въ себѣ элементъ цѣлесообразности. Это такая красота, для воспріятія которой необходимо сочетаніе разума съ чувственностью. Это такая красота, въ которой форма не только сама по себѣ гармонична, но въ которой она, кромѣ того, находится въ согласіи съ *цѣлью* предмета. Напр., домъ, храмъ должны имѣть опредѣленную форму, чтобы доставить чувство эстетическаго удовольствія. Эта форма должна отвѣчать извѣстной цѣли, она должна такъ или иначе отражать сущность вещи. При созерцаніи такихъ предметовъ, мы соображаемъ, удовлетворяетъ ли ихъ форма той или другой цѣли, тому или другому назначенію.

Кромѣ этихъ двухъ видовъ красоты, которые Кантъ называетъ просто прекраснымъ, онъ признаетъ еще и *возвышенное* (Erhabene). Предметъ просто прекрасенъ, когда онъ дѣйствуетъ на насъ прямо и не-

*) *Windelband*. «Gesch. d. n. Philos». B. II.

посредственно, но когда къ чувственному созерцанію присоединяется еще и нравственная оцѣнка, то у насъ получается впечатлѣніе возвышеннаго.

Кантъ различаетъ два вида возвышеннаго. Съ одной стороны «математически-возвышенное», напр., звѣздное небо, океанъ. Это то, что оказываетъ воздѣйствіе на насъ при помощи огромныхъ размѣровъ. Съ другой стороны онъ признаетъ «динамически-возвышенное». Это явленія, которыя дѣйствуютъ на насъ своей огромной силой, напр., водопадъ, наводненіе.

Тѣ предметы и явленія, которыя мы называемъ возвышенными, задаютъ для нашего сознанія неразрѣшимую задачу, именно, они требуютъ, чтобы мы *чувственно* созерцали безконечность (размѣровъ и силы), которую мы въ дѣйствительности можемъ только мыслить. Изъ невыполнимости этой задачи у насъ рождается чувство неудовольствія; мы чувствуемъ себя безсильными, какъ существа чувственныя. Но въ то же время у насъ является сознаніе нашего превосходства надъ стихійными силами, потому что хотя мы и не въ состояніи чувственно представлять безграничные размѣры и безконечную силу, присущую возвышенному предмету или явленію, однако при помощи нашего разума, мы можемъ тотчасъ составить себѣ идею о размѣрахъ и силѣ возвышеннаго. Хотя мы не можемъ при помощи чувственныхъ образовъ вообразить безконечно большіе размѣры и безконечно большую силу, за то мы можемъ постигнуть эти свойства при помощи идей, т.-е. мы можемъ ихъ *мыслить*. Мы сознаемъ, что мы нашимъ разумомъ въ состояніи постигнуть то, чего не въ состояніи постигнуть наше воображеніе. Мы чувствуемъ себя подавленными, какъ чувственныя существа, но въ то же время у насъ является сознаніе превосходства нашего разума, нашего сверхчувственнаго существа, у насъ является сознаніе внутренняго величія и это доставляетъ намъ чувство высшаго удовольствія.

Чувство возвышеннаго есть такимъ образомъ какъ бы быстрая смѣна удовольствій и страданій, которыя соединяются въ гармоническое цѣлое.

Въ чувствѣ возвышеннаго мы въ дѣйствительности воспринимаемъ нашу собственную возвышенность. Возвышенное содержится не въ какомъ-либо предметѣ природы, а лишь въ нашей душѣ, поскольку мы сознаемъ наше превосходство надъ природой внутри насъ и внѣ насъ. Не мы это субъективно-возвышенное переносимъ на объекты и такимъ образомъ у насъ получается объективно-возвышенное.

Благодаря тому, что въ созерцаніи возвышеннаго содержится также и элементъ разума, восприятіе возвышеннаго пріобрѣтаетъ характеръ необходимости и всеобщаго значенія. Пока чувство имѣетъ только субъективный характеръ, пока я только одинъ испытываю такимъ или инымъ образомъ, то это чувство имѣетъ только субъективное значеніе,

но когда это чувство при тѣхъ же условіяхъ другими лицами испытывается такимъ же образомъ, какъ и мною, то ясно, что оно имѣетъ всеобщее и необходимое значеніе. Возможность всеобщаго и необходимаго характера эстетическихъ сужденій обусловливается нашимъ субъективнымъ отношеніемъ, какъ это мы имѣли и въ познаніи.

Такимъ образомъ, апріорныя чувства найдены и объяснены.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію кантовскаго ученія о *цѣлесообразности.*

Въ чемъ заключается самая проблема цѣлесообразности?

Она заключается въ предположеніи, что міръ, какъ цѣлое, и міровыя явленія служатъ извѣстной, заранѣе существующей *цѣли.* Мы знаемъ изъ нашего внутренняго опыта, что мы можемъ поставить извѣстную цѣль и затѣмъ стремиться къ тому, чтобы она была осуществлена. Мы знаемъ, что возникновенію тѣхъ или другихъ дѣйствій предшествуетъ сознательное ихъ представленіе. Это же самое мы можемъ перенести на міровую жизнь и сказать, что вообще всѣ явленія подчинены извѣстной цѣли; возникновенію тѣхъ или иныхъ событій предшествуетъ извѣстное сознательное намѣреніе или цѣль. Задача философіи заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить, въ чемъ эти цѣли заключаются, чтобы показать къ какой цѣли предназначены тѣ или другія вещи. Это будетъ объясненіемъ цѣлесообразности вещей или *телеологическимъ* объясненіемъ.

Противоположное телеологическому объясненію есть объясненіе *причинное,* иначе еще называемое *механическимъ.* Это объясненіе значительно проще того. Оно имѣетъ въ виду только лишь указать, какими причинами порождается то или другое явленіе. Это научное объясненіе въ собственномъ смыслѣ слова.

Какъ смотрѣлъ Кантъ на оба эти вида объясненія?

По его мнѣнію, естествознаніе можетъ быть только механическимъ. Оно должно все объяснять по причинности, оно не должно довольствоваться объясненіемъ изъ цѣлесообразности, какъ это думали нѣкоторые натурфилософы его времени, которые находили, что они вполнѣ объяснили то или иное явленіе, когда они могли сказать, что оно служитъ той или иной цѣли. По Канту, такія объясненія гибель для естествознанія. «Понятіе цѣли,—говоритъ Кантъ,—есть собственно пришлецъ въ естествознаніи; способъ представленія по конечнымъ причинамъ есть только лишь извѣстный вспомогательный пріемъ, который хотя намъ во многихъ случаяхъ удается, но не даетъ намъ права въ естествознаніи примѣнять ко всѣмъ случаямъ особенный способъ дѣйствія, отличный отъ причинности по чисто механическимъ законамъ». Естествознаніе не можетъ пользоваться въ своихъ объясненіяхъ понятіемъ цѣли по той причинѣ, что «мы въ природѣ не наблюдаемъ цѣлей, какъ сознательно дѣйствующихъ причинъ, и только при размышленіи относительно ихъ продуктовъ мы примышляемъ это по-

нятіе, какъ руководство силы сужденія, но они намъ не даны объектомъ».

Такимъ образомъ, Кантъ отвергаетъ объясненіе изъ конечныхъ причинъ, или телеологическое объясненіе, главнымъ образомъ, потому, что мы не имѣемъ возможности наблюдать въ природѣ сознательно дѣйствующія цѣли.

Но это утвержденіе Канта нельзя истолковывать такимъ образомъ, какъ если бы онъ хотѣлъ совершенно устранить телеологическое толкованіе. Онъ признаетъ важнымъ и телеологическое толкованіе, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда причинное объясненіе почему-либо оказывается невозможнымъ. Въ наукѣ есть случаи, когда или за недостаточностью фактическаго матеріала, или почему-нибудь другому мы не можемъ дать причиннаго объясненія. Тогда можно прибѣгать и къ телеологическимъ объясненіямъ, въ особенности, если мы видимъ, что то, что не можетъ быть объяснено механически, производитъ впечатлѣніе чего-то цѣлесообразнаго.

Прежде всего, по мнѣнію Канта, область, къ которой не можетъ быть примѣнено понятіе причинности, это понятіе *жизни*. Объяснить происхожденіе организма по механическимъ законамъ до сихъ поръ не удавалось, да такое объясненіе невозможно по самому существу дѣла. Нельзя объяснить жизнь механически потому, что мы вообще не можемъ понять, какимъ образомъ органическое возникаетъ изъ неорганическаго по обыкновеннымъ физическимъ законамъ. Если бы это было для насъ возможно, то мы были бы въ состояніи создать самые организмы. Въ организмахъ мы находимъ особый видъ причинности, который не можетъ быть объясненъ при помощи механическихъ законовъ. Напр., организмы растутъ совершенно своеобразнымъ способомъ. Этотъ ростъ не есть просто механическое соединеніе частей, когда части, существующія заранѣе, созидаютъ цѣлое. Въ организмахъ мы видимъ нѣчто иное: въ нихъ каждая часть такъ же обусловливается цѣлымъ, какъ и цѣлое обусловливается своими частями. Это-то взаимное причинное отношеніе между цѣлымъ и частями организма оказывается совершенно непонятнымъ. Мы не можемъ показать, что между ними существуетъ простое причинное отношеніе. Мы не можемъ сказать, что такая-то часть возникла благодаря такимъ-то причинамъ, а потому намъ остается только сказать, что такая-то часть служитъ такой то *цѣли*, имѣетъ такое-то назначеніе.

То обстоятельство, что каждый элементъ организма кажется намъ предназначеннымъ для извѣстной цѣли, приводитъ насъ къ тому, что мы считаемъ вообще весь организмъ цѣлесообразнымъ.

Въ организмахъ *части обусловлены цѣлымъ* по отношенію къ формѣ и существованію, т.-е. тѣ или другія части существуютъ у того или другого организма, потому что онѣ необходимы для жизни цѣлаго организма; онѣ имѣютъ ту или другую форму потому, что это необ-

ходимо для жизни организма именно въ такомъ видѣ, а не въ другомъ. Напр., рога у оленя существуютъ потому, что это необходимо для жизни оленя, они имѣютъ свою отличительную форму потому, что именно такіе рога наиболѣе полезны для него.

Такимъ образомъ, мы можемъ понимать *цѣлое*, какъ причину своихъ частей. Что вообще цѣлое можетъ быть причиною своихъ частей, есть явленіе для насъ хорошо извѣстное, именно въ произведеніяхъ человѣческаго искусства, ибо мы тутъ видимъ, что представленіе цѣлаго предшествуетъ осуществленію частей, идея цѣлаго обусловливаетъ появленіе частей въ томъ или въ другомъ видѣ. Стоитъ взять любое художественное произведеніе для того, чтобы это сдѣлалось понятнымъ. Картина имѣетъ цѣлью выразить ту или другую идею. Каждая часть этой картины, каждая фигура, каждая линія въ этой картинѣ, или даже тотъ или другой оттѣнокъ цвѣта имѣетъ въ виду способствовать выраженію этой идеи, служитъ именно этой цѣли картины. Точно также въ организмахъ идея цѣлаго какъ бы опредѣляетъ генезисъ отдѣльныхъ частей Въ организмахъ идея цѣлаго опредѣляетъ, какимъ образомъ части будутъ соединены другъ съ другомъ. О частяхъ организма мы должны сказать, что онѣ возникаютъ какъ бы подъ вліяніемъ идеи о цѣли. Въ организмѣ части существуютъ такимъ образомъ, какъ будто онѣ служатъ для жизни цѣлаго.

Такъ какъ мы не въ состояніи объяснить причиннаго возникновенія организма и его частей, то намъ остается при объясненіи воспользоваться тѣмъ, что намъ хорошо извѣстно изъ нашего внутренняго опыта, когда мы ставимъ опредѣленныя цѣли и стремимся къ достиженію ихъ. Это по аналогіи мы переносимъ на устройство частей организма и начинаемъ думать, что въ ихъ созданіи принимало участіе сознаніе, т.-е. мы начинаемъ думать, что было сознаніе, которое рѣшило, что тѣ или другіе организмы должны жить извѣстнымъ образомъ. Для достиженія этой цѣли нужны органы извѣстнаго устройства, извѣстной формы. Мы начинаемъ мыслить объ организмахъ такимъ образомъ, какъ если бы созданіемъ ихъ руководила сознательная цѣль, какъ если бы былъ субъектъ, который ставилъ опредѣленныя цѣли. При созиданіи организмовъ это и будетъ телеологическимъ объясненіемъ изъ соотвѣтствія извѣстной цѣли.

Другое понятіе, по отношенію къ которому примѣняется понятіе цѣлесообразности, есть понятіе «спецификаціи природы». Подъ этимъ Кантъ понимаетъ слѣдующее. Мы знаемъ, что природа подчиняется извѣстнымъ законамъ, законамъ общаго характера. Но на ряду съ этими законами мы имѣемъ еще и частные законы, относительно которыхъ мы не знаемъ, отчего они суть именно таковы, каковы они суть, т.-е. мы не въ состояніи вывести ихъ изъ общихъ законовъ. Мы не можемъ объяснить, почему тотъ или другой законъ имѣетъ то или другое содержаніе, но въ то же время мы знаемъ, что онъ оказывается

совершенно цѣлесообразнымъ. Напр., если бы мы захотѣли узнать *почему* изъ тѣхъ или другихъ соединеній вещества произошло то, а не другое, то мы на этотъ вопросъ не могли бы отвѣтить, но за то мы можемъ сказать, что то цѣлое, которое образуется каждой изъ этихъ частей, содержитъ основаніе именно для такого, а не для иного соединенія частей. *Это цѣлое—есть цѣль*, которой это опредѣленное соединеніе должно служить. Такимъ образомъ, намъ остается допустить, что особенное свойство частныхъ законовъ обусловливается идеей цѣлаго. Мы не можемъ объяснить, *почему* они суть таковы, каковы они суть, но за то мы знаемъ, что они должны быть именно таковы *для того*, чтобы могло осуществиться то цѣлое, которое изъ нихъ составляется. Причинной связи мы открыть не можемъ, но за то мы усматриваемъ въ нихъ цѣлесообразность.

Или это же самое можно объяснить иначе слѣдующимъ образомъ.

Положимъ, что мы открыли причину какого-либо явленія, мы нашли что оно порождается какимъ-либо ближайшимъ предшествующимъ состояніемъ. Положимъ, что мы нашли далѣе, что это состояніе порождается другимъ предшествующимъ состояніемъ и т. д. Но можемъ ли мы сказать, что мы дали бы законченное объясненіе даже въ томъ случаѣ, если бы мы разсмотрѣли длинный рядъ связанныхъ другъ съ другомъ явленій. Конечно, нѣтъ. Полное объясненіе мы дали бы только въ томъ случаѣ, если бы мы были въ состояніи показать какое-нибудь такое *первоначальное состояніе*, которое обусловливало бы всѣ послѣдующія состоянія. Но такого первоначальнаго состоянія мы не можемъ мыслить по самому складу нашего ума. Мы не можемъ представить себѣ того первоначальнаго состоянія, которое сдѣлалось бы причиной всего существующаго Поэтому мы не можемъ понять, какимъ образомъ создался тотъ міръ, который мы имѣемъ, со всѣмъ его специфическимъ содержаніемъ, со всѣми его частными законами. Мы не можемъ этого понять, потому что мы не можемъ дать причиннаго объясненія, но за то, съ другой стороны, если мы станемъ предполагать, что каждый процессъ опредѣляется чѣмъ-нибудь предшествующимъ, то мы непремѣнно должны придти къ заключенію, что есть *одна* какая-нибудь причина, которая всецѣло опредѣляетъ все послѣдующее; а это мы можемъ допустить только въ томъ случаѣ, если мы будемъ мыслить природу созданной согласно опредѣленной *цѣли*, если мы будемъ думать, что была *одна причина*, которая создала все существующее согласно заранѣе намѣченной цѣли, а это, другими словами, значитъ, что *человѣкъ долженъ мыслить природу такъ, какъ если бы она была твореніемъ разсудка*, разумѣется, божескаго *).

Мы уже знаемъ, что такое предположеніе Кантъ не можетъ вы-

*) См. *Windelband*. «Gesch. d. n. Philos». B. II. стр. 151 и д. *Zeller*. «Geschichte d. deutschen Philosophie». 1875 г., стр. 375—376.

давать за «доказательство», такъ какъ этотъ предполагаемый разумный зиждитель природы не данъ намъ въ опытѣ, а слѣдовательно, онъ не можетъ быть и доказываемъ. Это допущеніе разумнаго Творца, по словамъ Канта, есть только лишь извѣстный «способъ разсмотрѣнія», которое имѣетъ очень важное значеніе потому, что онъ служитъ подкрѣпленіемъ нашей моральной вѣры въ реальность Творца міра.

Какъ мы уже видѣли, наука собственно должна пользоваться причиннымъ объясненіемъ, къ объясненію же цѣлесообразности она должна прибѣгать только въ такомъ случаѣ, когда не возможно причинное. Но разсмотрѣніе природы съ точки зрѣнія цѣлесообразности имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и причинное объясненіе, потому что оно удовлетворяетъ потребности человѣческаго ума сводить къ одному единству множественность причинъ и законовъ. Нашъ умъ при объясненіи міра получаетъ удовлетвореніе въ томъ случаѣ, если онъ представляетъ себѣ, что міръ создается *одной* причиной, но въ то же время необходимо, чтобы эта единая причина имѣла и единую цѣль, а это возможно только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что всѣ явленія служатъ одной цѣли, или введемъ въ разсмотрѣніе точку зрѣнія цѣлесообразности. Т.-е. если мы станемъ смотрѣть на природу такъ, какъ если бы какой-нибудь умъ былъ основой единства разнообразныхъ эмпирическихъ законовъ. Мы смотримъ на природу какъ на одно цѣлое и видимъ въ ней осуществленіе разумной цѣли. Такое разсмотрѣніе, повторяю, не есть доказательство, но, какъ Кантъ его называетъ, это только «извѣстный способъ разсмотрѣнія». Не смотря, однако, на то, что за этимъ допущеніемъ не признается доказательнаго характера, за нимъ признается важное значеніе потому, что «оно удовлетворяетъ намъ духъ гармоній, въ которую приходятъ наши нравственныя убѣжденія съ нашимъ тереотическимъ познаніемъ»*). Съ этической точки зрѣнія, какъ мы уже видѣли, необходимо признать существованіе моральнаго міропорядка или Бога. Теперь, съ точки зрѣнія теоретической, мы приходимъ къ необходимости такого же допущенія.

Надо обратить вниманіе на то, что Кантъ цѣлью вселенной ставитъ не человѣка, какъ это дѣлали прежніе философы. Они думали, что центромъ вселенной былъ человѣкъ, что все существующее существуетъ именно для него. По мнѣнію Канта, это неправильно, потому что нельзя думать, что природа имѣетъ основанія заботиться о человѣкѣ почему либо больше, чѣмъ о какихъ бы то ни было другихъ существахъ. Было бы рискованнымъ утвержденіемъ, если бы мы предполагали, что пары для того падаютъ изъ воздуха въ формѣ снѣга, чтобы въ холодныхъ странахъ этотъ послѣдній защищалъ посѣвы отъ холода, или для того, чтобы лапландцамъ облегчить сообщеніе посред

*) *Sigwart*. „Kleine Schriften". II.

ствомъ саней; такимъ же произвольнымъ было бы утвержденіе, что въ полярныхъ странахъ водятся животныя, снабженныя ворванью, для того, чтобы самоѣды и лапландцы имѣли необходимыя для нихъ условія существованія. Кантъ находитъ, что это утвержденіе уже и потому неосновательно что «нельзя видѣть, почему люди даже жить должны въ полярныхъ странахъ». Поэтому нельзя утверждать, что человѣкъ является цѣлью вселенной *).

Можно сказать, что человѣкъ является конечною цѣлью природы, но только въ томъ смыслѣ, что онъ есть моральное существо. О немъ, какъ о моральномъ существѣ, нельзя спрашивать, какой цѣли онъ служитъ. Онъ, какъ мы видѣли, есть абсолютная самоцѣль, такъ какъ онъ есть носитель нравственнаго закона. О человѣкѣ, какъ о моральномъ существѣ, нельзя спрашивать, для чего онъ существуетъ? Его бытіе имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ; этой цѣли онъ долженъ считать подчиненнымъ все, что существуетъ въ природѣ.

Не трудно видѣть то различіе, которое существуетъ между Кантовской телеологіей и общепринятой.

Въ общепринятой телеологіи вещь или явленіе считаются научно объясненными, если показано, какой *цѣли* они служатъ. Кантъ же не считалъ телеологическое объясненіе научнымъ и даже думалъ, что собственно въ наукѣ не мѣсто телеологическому объясненію. При созерцаніи природы мы можемъ воспринимать явленія, въ которыхъ мы видимъ цѣлесообразность, но мы не должны на этомъ останавливаться и говорить, что такія-то вещи служатъ такой-то цѣли, а мы должны ставить себѣ задачу опредѣлить, при помощи какихъ *причинъ* тѣ или другія вещи достигаютъ тѣхъ или другихъ цѣлей.

Признавая, что точка зрѣнія цѣлесообразности должна быть примѣняема, и признавая природу цѣлесообразной, Кантъ дѣлаетъ то важное ограниченіе, что онъ считаетъ эту точку зрѣнія лишь *эвристическимъ* принципомъ изслѣдованія, лишь способомъ разсмотрѣнія. «Цѣлесообразность природы, говоритъ Целлеръ **), не есть для Канта какой нибудь законъ природы, объективное существованіе котораго можно было бы доказать, это есть только лишь извѣстный пріемъ, при помощи котораго мы можемъ оріентироваться въ многообразіи явленій». «Природа при помощи этого понятія представляется такъ, какъ если бы какой нибудь разсудокъ содержалъ въ себѣ основу единства многообразія явленій». Признаніе цѣлесообразности природы не есть доказательство въ собственномъ смыслѣ слова. Для того, чтобы быть въ состояніи рѣшить вопросъ относительно того, цѣлесообразна ли природа, разсматриваемая въ цѣломъ, мы должны были бы быть въ состояніи рѣшить вопросъ, какимъ именно содержаніемъ обладаетъ та божествен-

*) «Kritik d. Urtheilskraft». 363.

**) «Gesch. d Deutsch. Phil.», стр. 372—373.

ная цѣль, которой подчинены по нашимъ представленіямъ всѣ явленія. Но этого познать мы не можемъ. Поэтому, слѣдуетъ сказать, что цѣлесообразность природы, разсматриваемой въ цѣломъ, не можетъ быть предметомъ *познанія*, а можетъ быть только лишь предметомъ *вѣры*

Для правильнаго пониманія Канта слѣдуетъ помнить, что телеологическое разсмотрѣніе не исключаетъ причиннаго. Если мы, напр., говоримъ, что тотъ или другой аппаратъ въ нашемъ организмѣ служитъ для той, или иной цѣли, то, чтобы мы могли это утверждать, мы должны ознакомиться съ тѣмъ, какова причина того, что она можетъ служить этой цѣли. Если при изслѣдованіи природы мы примѣняемъ телеологическую точку зрѣнія, то это необходимо предполагаетъ, чтобы мы всесторонне разсмотрѣли причинныя отношенія, при помощи которыхъ осуществляются тѣ или другія цѣли.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что телеологическое разсмотрѣніе имѣетъ значеніе эвристическаго принципа. Если мы говоримъ, что легкія служатъ для дыханія, а желудокъ для пищеваренія, то это поставляетъ насъ въ необходимость опредѣлить, какимъ образомъ осуществляется процессъ дыханія, пищеваренія, а это предполагаетъ изслѣдованіе причиннаго отношенія.

Теперь мы можемъ видѣть, какое мѣсто занимаетъ третья критика Канта въ его системѣ. Обыкновенно значеніе этой части его философіи очень умаляется, или, по крайней мѣрѣ, изложенію этой части философіи Канта удѣляется очень мало мѣста. Въ дѣйствительности же ей принадлежитъ весьма существенное значеніе, и именно потому, что она, такъ сказать, связываетъ систему Канта въ одно цѣлое. Она возстанавливаетъ единство, которое, повидимому, было уничтожено двумя предшествующими критиками. Въ самомъ дѣлѣ, задача кантовской философіи, какъ и всякой другой, заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить то *единое, что лежитъ въ основѣ міровой жизни*. Съ точки зрѣнія теоретической, на этотъ вопросъ нельзя было получить отвѣта. Сущность міра лежитъ внѣ чувственнаго опыта, а сверхчувственное не можетъ быть нами познаваемо. Точно такимъ же образомъ, хотя практическій разумъ и даетъ намъ нѣкоторыя указанія для признанія этого единства, однако эти указанія не имѣютъ достаточной доказательной силы. Къ этому приводитъ только разсмотрѣніе съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Разсматривая міръ въ цѣломъ, и видя, что съ точки зрѣнія причинно-механической онъ не можетъ быть удовлетворительно объясненъ, мы приходимъ къ признанію его цѣлесообразности, а это заставляетъ насъ смотрѣть на міръ, какъ на цѣлесообразное устройство божескаго разума.

Такимъ образомъ получается основаніе для признанія единства міра; а изъ этого ясно, что въ этой части система Канта получаетъ до-

---

**) «Kritik d. Urtheilskraft» (Einleitung. IV).

стойное завершеніе. Въ этомъ смыслѣ мнѣ кажется совершенно правильной оцѣнка философіи Канта, которую даетъ Зигвартъ. «Телеологическое пониманіе въ его полномъ и цѣльномъ смыслѣ есть собственная философія Канта, его положительное міровоззрѣніе, его самое глубокое убѣжденіе, которое обыкновенно оставляется на заднемъ планѣ» *).

Указаніе на важность этой части философіи Канта мы находимъ у него самого. Въ «Критикѣ чистаго разума» онъ самъ говоритъ: «Систематическое единство цѣлей въ этомъ мірѣ умовъ, который просто, какъ природа, можетъ быть названъ чувственнымъ міромъ, а какъ система свободы, можетъ быть названъ умопостигаемымъ, или моральнымъ міромъ, необходимо приводитъ къ *цѣлесообразному* единству всѣхъ вещей, которыя составляютъ это великое цѣлое, и соединяетъ практическій разумъ съ теоретическимъ. Міръ нужно представлять себѣ возникшимъ изъ одной идеи» **).

Теперь мы можемъ указать то мѣсто, которое занимаетъ Кантъ въ ученіи о цѣлесообразности, или, вѣрнѣе сказать, мы можемъ опредѣлить то вліяніе, которое Кантъ оказалъ въ этомъ вопросѣ на современную философскую мысль.

Уже давно въ философіи принятъ взглядъ, который особенно ясно доказалъ *Спиноза* ***), именно, что понятіе цѣлесообразности должно быть совершенно устранено изъ науки, какъ такое понятіе, которое можетъ внести въ науку чрезвычайно много фантастическаго.

Какъ мы видѣли, по телеологическому пониманію, существуетъ разумъ, который и управляетъ жизнью мірового цѣлаго. Онъ поставляетъ опредѣленныя цѣли и стремится къ ихъ выполненію. Для него всѣ существующія явленія суть только средства. Этотъ разумъ поступаетъ такъ, какъ можетъ поступать человѣкъ, который, поставивъ опредѣленную цѣль, стремится къ достиженію ея, и отыскиваетъ необходимыя для этого средства. По большей части сторонники этого взгляда думали, что міръ существуетъ собственно для человѣка и именно для того, чтобы доставить все необходимое для него. Спиноза рѣшительно отвергаетъ тотъ взглядъ, что въ міровой жизни все предназначено для человѣка. Если бы этотъ взглядъ былъ правиленъ, то никакъ нельзя было бы понять, почему существуютъ тѣ многочисленныя явленія, которыя приносятъ несомнѣнный вредъ человѣку, напр., эпидемическія болѣзни, землетрясенія, наводненія и т. п. Слѣдуетъ отвергнуть ту мысль, что будто бы все существуетъ для человѣка и что будто бы есть опредѣленная цѣль, для которой все существующее есть только средство. По мнѣнію Спинозы, понятіе цѣли нужно просто выбросить и на всѣ явленія смотрѣть только лишь съ точки зрѣнія причинности,

*) *Sigwart*. «Kleine Schriften». II. стр. 57—58.
**) «Kritik d. reinen Vernunft» (изд. Kehrbach'a, стр. 617).
***) *Spinoza*. «Ethica». (Кн. 1-я. Прибавленіе).

т.-е. видѣть въ нихъ только причинно-связанный рядъ явленій и ничего больше. Всѣ явленія совершаются по необходимымъ законамъ, необходимо вытекаютъ другъ изъ друга. Одни явленія вытекаютъ изъ другихъ съ такою же необходимостью, съ какою изъ свойствъ треугольника необходимо вытекаетъ, что сумма его угловъ равняется двумъ прямымъ. Всѣ явленія слѣдуетъ объяснить только изъ причинности, всякое допущеніе какой бы то ни было цѣлесообразности слѣдуетъ устранить. Взглядъ Спинозы въ настоящее время можно считать общераспространеннымъ.

Но въ послѣднее время начинаетъ пользоваться признаніемъ и другой взглядъ, именно, что совершенное устраненіе точки зрѣнія цѣлесообразности нельзя считать достаточно обоснованнымъ. Есть явленія, которыя не допускаютъ причиннаго объясненія и которыя нуждаются, поэтому, въ объясненіи телеологическомъ. Напр., въ явленіяхъ жизни, или въ организмахъ причинное объясненіе не можетъ быть проведено въ должной полнотѣ. Поэтому въ нихъ можетъ быть допущена и точка зрѣнія телеологическая, т.-е. при объясненіи ихъ мы можемъ ставлять и вопросъ о цѣли. Постановка вопроса о цѣли представляетъ важность потому, что она способствуетъ разрѣшенію вопроса о причинности. Именно, мы иногда можемъ получить отвѣтъ на вопросъ *почему*, если мы отвѣтимъ на вопросъ *для чего*. Напр., если мы можемъ сказать, что тотъ или другой органъ въ жизни организма служитъ для достиженія той или иной цѣли, то благодаря этому мы можемъ иногда отвѣтить на вопросъ, почему указанный органъ имѣетъ ту или другую форму. Напр., почему хрусталикъ имѣетъ двояковыпуклую форму? На этотъ вопросъ мы прямо не могли бы отвѣтить. Но мы ставимъ другой вопросъ, именно мы спрашиваемъ, какой *цѣли* служитъ хрусталикъ въ нашемъ организмѣ? Мы знаемъ, что онъ въ нашемъ организмѣ служитъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ процессъ зрѣнія. Какъ только мы поставимъ вопросъ о цѣли, то для насъ тотчасъ сдѣлается яснымъ, почему хрусталикъ имѣетъ двояковыпуклую форму. Мы знаемъ, что для того, чтобы могъ осуществиться процессъ зрѣнія, необходимо, чтобы лучи преломлялись извѣстнымъ образомъ, чтобы они могли отражаться на поверхности сѣтчатки и т. п. Хрусталикъ имѣетъ какъ разъ такую форму, которая способствуетъ достиженію этой цѣли. Такимъ образомъ, на вопросъ, почему хрусталикъ имѣетъ двояковыпуклую форму, мы можемъ отвѣтить, такъ какъ мы знаемъ, для какой цѣли онъ служитъ *).

Такимъ образомъ, если мы привлечемъ къ разсмотрѣнію цѣль, то поймемъ и причину явленій. Въ этомъ смыслѣ телеологическое разсмотрѣніе или разсмотрѣніе съ точки зрѣнія цѣли имѣетъ эвристическое значеніе, т.-е. оно способствуетъ раскрытію причинныхъ отношеній.

*) *Sigwart*. «Kleine Schriften. Zweite Reihe». 1889 (ст. «Der Kampf gegen den Zweck»), стр. 47 и т. д.

Изъ этого разсужденія дѣлается также понятнымъ и то, что телеологическое разсмотрѣніе не исключаетъ причиннаго разсмотрѣнія и даже больше, можно сказать, что логически между точкою зрѣнія причинности и цѣлесообразности есть неразрывная связь, именно въ дѣйствительности точка зрѣнія цѣлесообразности есть не что иное, какъ обращенная причинная. Объяснить это очень не трудно:

Положимъ, что мы изучаемъ связь между двумя какими-нибудь явленіями и находимъ, что А созидаетъ В. Тогда мы говоримъ, что А есть причина В. Узнавъ, что А созидаетъ В, мы станемъ думать о томъ, чтобы создать В, и будемъ отыскивать способы, при помощи которыхъ это можно было бы сдѣлать. Мы уже знаемъ, что для этого нужно, чтобы существовало явленіе А. Тогда въ нашемъ сознаніи явленіе В будетъ *цѣлью*, а явленіе А будетъ *средствомъ*. Такимъ образомъ, во всякой причинной связи мы можемъ обратить точку зрѣнія и смотрѣть на дѣйствіе, какъ на цѣль, а на причину, какъ на средство. Въ причинной связи мы говоримъ, что А есть причина, В есть дѣйствіе. Мы можемъ посмотрѣть на дѣйствіе, какъ на цѣль, и сказать, что для достиженія этой цѣли В, необходимо А сдѣлать средствомъ. Точка зрѣнія цѣли есть, слѣдовательно, обращенная точка зрѣнія причинности; и даже больше, если мы къ разсмотрѣнію какой-либо связи вещей примѣняемъ точку зрѣнія цѣлесообразности, то изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что разсмотрѣніе причинной связи устраняется.

Взглядъ, что въ дѣйствительности точка зрѣнія цѣлесообразности не только не исключаетъ причинности, а, напротивъ, предполагаетъ ее, исходитъ именно изъ теоріи Канта, который думалъ, что различіе между причиннымъ объясненіемъ и объясненіемъ изъ цѣлесообразности заключается въ томъ, что причинное объясненіе исходитъ отъ *частей*, а объясненіе цѣлесообразности исходитъ отъ *цѣлаго* *).

Признаніе необходимости телеологической точки зрѣнія въ послѣднее время пріобрѣтаетъ все большее и большее распространеніе, причемъ различные писатели различнымъ образомъ понимаютъ сферу приложимости понятія цѣлесообразности, но одно несомнѣнно, что у нихъ въ большинствѣ случаевъ обнаруживается вліяніе кантовскихъ воззрѣній.

Вліяніе Канта можно усмотрѣть, напр., во взглядахъ *Паульсена* **), который, отвергая телеологическое толкованіе въ старомъ смыслѣ, является въ дѣйствительности сторонникомъ таковаго. Онъ является противникомъ того доказательства, по которому вся природа должна быть разсматриваема, какъ произведеніе разума. По его мнѣнію, это доказательство можно было бы признать только въ томъ случаѣ, если бы мы были въ состояніи выяснить цѣль, которую имѣлъ въ виду

*) См. *Wundt* «System d. Philosophie». 2-е изд. 1897, стр. 311—312. «Logik» В. I (посл. гл.).

**) «Введеніе въ философію». М. 1899. (Гл. «Причинность и цѣлесообразность»).

этотъ разумъ, а равнымъ образомъ показать, что природа есть соотвѣтствующая система средствъ для достиженія ея. Но ни того, ни другого доказать нельзя. «Всѣ доказательства, желающія принудить разсудокъ признать въ міровомъ порядкѣ дѣйствіе духа, дѣйствующаго по понятнымъ намъ намѣреніямъ, остаются безконечно далеко позади задачи научнаго доказательства». До сихъ поръ не было возможности указать, какая именно цѣль должна быть приписана міровой жизни. Если же обыкновенно признается, что цѣлью міра является человѣкъ, то въ природѣ есть такъ много явленій, которыя находятся въ противорѣчіи съ такимъ признаніемъ, что отъ него необходимо отказаться. Противникъ цѣлесообразности могъ бы сказать: «Покажите мнѣ образъ дѣйствія міровою разума, покажите мнѣ, гдѣ, когда и, главнымъ образомъ, какъ онъ создалъ органическія существа. Если вы не въ состояніи этого сдѣлать, то ваша фраза, что въ порядкѣ міра принималъ участіе духъ, не имѣетъ для меня никакого значенія».

Паульсенъ отрицаетъ цѣлесообразность въ обыкновенномъ ея пониманіи, онъ считаетъ неправильной попытку объяснять естественный ходъ вещей изъ *сознательныхъ* намѣреній, но въ то же время онъ является сторонникомъ телеологическаго міросозерцанія, которое онъ понимаетъ въ особенномъ смыслѣ.

Въ прежнее время думали, что если вещь объяснена телеологически, то изъ этого слѣдуетъ, что эта вещь не нуждается въ причинномъ объясненіи. Думали, что причинное объясненіе слѣдуетъ устранить и вмѣсто него принять телеологическое. Паульсенъ думаетъ, что телеологическое объясненіе не только не исключаетъ причиннаго, а, напротивъ, его предполагаетъ. Если мы какія-нибудь явленія объяснили изъ цѣли, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они не могутъ допускать причиннаго объясненія.

Его понятіе цѣлесообразности отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что въ немъ не предполагается понятія преднамѣренности. По его мнѣнію, нѣтъ необходимости, чтобы какая-либо цѣль существовала предварительно въ представленіи и чтобы потомъ движеніе въ природѣ совершалось по этому заранѣе *сознанному* плану. Цѣль въ природѣ существуетъ, конечно, но только эти цѣли вовсе не должны раньше своего осуществленія находиться въ сознаніи въ видѣ представленія, въ видѣ какого-либо сознаннаго представленія. Такую цѣлесообразность Паульсенъ называетъ *цѣлестремительностью* (Zielstrebigkeit). Онъ приписываетъ ее прежде всего жизненнымъ явленіямъ. «Жизненныя явленія, — говоритъ онъ, — образуютъ собою связь причинъ и дѣйствій; они въ каждомъ пунктѣ обусловливаются естественно закономѣрнымъ взаимодѣйствіемъ частей, но они въ то же время и цѣлестремительны въ томъ смыслѣ, что они замыкаются въ единое цѣлое, жизнь, на которую мы не можемъ не смотрѣть, какъ на *цѣль*, которой всѣ функціи служатъ средствами.

Охота, поимка добычи, пожираніе ея и перевариваніе суть причины сохраненія жизни, но въ то же время жизнь есть цѣль и эти функціи составляютъ средства для этой цѣли, а если функціи являются средствами, то средствами же являются и органы. Если зрѣніе существуетъ ради жизни, то глаза существуютъ ради зрѣнія. Вся жизнь должна пониматься какъ телеологическій процессъ, т.-е. какъ процессъ, въ которомъ одни явленія служатъ средствомъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей». Но легко понять, что разъ мы признали цѣлестремительность для жизненныхъ явленій, то мы должны распространить это пониманіе на всю природу. На всю природу нужно было бы смотрѣть, какъ на явленіе одной единой цѣлевой системы. Жизнь Бога была бы тогда мѣстомъ всѣхъ цѣлей, въ ней каждый элементъ дѣйствительности поставлялся бы съ разумной необходимостью, ея самоосуществленіе было бы основаніемъ и цѣлью всѣхъ вещей».

Но на это толкованіе нельзя смотрѣть, какъ на научное доказательство. По мнѣнію Паульсена, «телеологическое толкованіе почти не болѣе, какъ *постулатъ* или неопредѣленная возможность». Признаніе цѣли не есть предметъ науки въ собственномъ смыслѣ, а есть предметъ поэтически-религіознаго толкованія.

Другіе писатели признавали примѣнимость телеологическаго объясненія въ болѣе ограниченномъ смыслѣ. По большей части находятъ, что точка зрѣнія цѣлесообразности должна быть примѣняема не ко всѣмъ явленіямъ, а только лишь къ тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ обнаруживается *жизнь* и *сознаніе*.

Извѣстный авторъ большого сочиненія по соціологіи *Лудвигъ Штейнъ* находитъ, что Кантъ допустилъ весьма важный промахъ, что не признавалъ того, что въ настоящее время называютъ *имманентной телеологіей*. По его мнѣнію, Кантъ совершенно правильно отвергалъ объективную телеологію, по которой какой-то разумъ направляетъ дѣятельность міровой жизни и вообще жизнь природы, но за то, съ другой стороны, онъ напрасно не признавалъ телеологіи имманентной. Имманентная телеологія не утверждаетъ, что *внѣ* вещей существуютъ какія-нибудь цѣли, которыя руководятъ ихъ дѣятельностью, но за то она утверждаетъ, что та или другая вещь можетъ быть объяснена только въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на то, что она служитъ для достиженія той или иной цѣли. По мнѣнію Штейна, мы, дѣйствительно, не можемъ узнать существованія цѣлей въ безжизненной природѣ, но этого нельзя утверждать относительно живой природы. Безжизненную природу можно объяснять только механически. Что же касается живой природы, то здѣсь все должно быть объяснено съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Вездѣ, гдѣ существуетъ жизнь, гдѣ мы можемъ предполагать существованіе сознанія и воли, тамъ мы должны признать приспособленіе къ цѣлямъ, тамъ мы должны предполагать также и цѣлесообразность, потому что жизнь

предполагаетъ приспособленіе къ извѣстнымъ цѣлямъ. Въ мертвой природѣ существуютъ только *законы*, а въ живой, кромѣ того, существуютъ также и *цѣли*. Поэтому, мы должны сказать, что жизнь должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія цѣлесообразности *).

Въ послѣднее время считалось, что ученіе Дарвина является весьма важной опорной точкой зрѣнія для механическаго толкованія органической жизни. У животныхъ есть органы, приспособленные къ борьбѣ за существованіе. Какимъ образомъ они у нихъ появились? По телеологическому толкованію, разумная цѣль произвела то, что левъ имѣетъ крѣпкія мышцы и когти для того, чтобы легче расправляться со своей жертвой, и быкъ имѣетъ рога для того, чтобы защищаться отъ враговъ. Разумная причина предусмотрительно снабдила животныхъ различными органами, необходимыми имъ въ ихъ жизни.

Сторонники Дарвина на это возражаютъ. Причина того, что организмы имѣютъ цѣлесообразно устроенные органы, заключается совсѣмъ не въ томъ, что разумная природа позаботилась объ этомъ, а въ томъ, что животныя приспособляются къ средѣ, что вслѣдствіе этого тѣ изъ организмовъ, которые имѣютъ органы, помогающіе имъ вести борьбу за существованіе, выживаютъ, а тѣ, которые не имѣютъ такихъ органовъ, погибаютъ. Эти органы передаются выжившими организмами послѣдующимъ поколѣніямъ, у которыхъ повторяется тотъ же процессъ. Въ концѣ концовъ, остаются только такіе организмы, у которыхъ имѣются органы, необходимые для борьбы за существованіе.

Слѣдовательно, цѣлесообразное устройство объясняется не вліяніемъ разумной причины, а приспособленіемъ и естественнымъ отборомъ.

Защитники телеологіи находятъ, что теорія Дарвина не доставляетъ опоры для механическаго міровоззрѣнія, а наоборотъ, служитъ доказательствомъ правильности телеологическаго толкованія, потому что она показываетъ, что сохраняются только совершенные организмы. *Организмы стремятся къ усовершенствованію.* Слѣдовательно, есть опредѣленная *цѣль*, къ которой стремятся организмы **).

Риль ***) проводитъ рѣзкое различіе между явленіями безжизненной природы и явленіями, въ которыхъ участвуетъ человѣческая воля и сознаніе. Гдѣ нѣтъ основаній допускать жизни и сознанія, тамъ нѣтъ никакого основанія предполагать и цѣль. Цѣлесообразность существуетъ только тамъ, гдѣ есть воля. «Съ первымъ же произвольнымъ дѣйствіемъ животнаго вступила въ существованіе и цѣль. Человѣкъ

---

*) См. *L. Stein*. An der Wende des Jahrhunderts. 1899. (Статья «Naturgesetz und Sittengesetz»), стр. 269—271. Его же «Die Sociale Frage im Lichte d. Philosophie» 1897, стр. 39 и т. д.

**) См., напр., *L. Stein*. «Die Sociale Frage im Lichte d. Philosophie». 1897, стр. 41 *Wundt*. «System d. Philosophie». 2-е изд., стр. 315 и д.

***) *Riehl*. «Der philosophische Kriticismus». B. II. Th. II. стр. 317. *Риль*. «Теорія науки и метафизика». М. 1887, стр. 377. («Необходимость и цѣлесообразность»).

прежде всего есть существо, которое поставляетъ цѣли. Внутренними силами своего мышленія и своей воли онъ оказываетъ воздѣйствіе на внѣшній міръ. Онъ заставляетъ вещи идти тѣми путями, какія имъ предписываетъ его разсудокъ. Человѣкъ есть не только продуктъ естественнаго процесса, но въ то же время и самодѣятельная часть природы. Въ мышленіи и дѣйствованіи онъ противопоставляетъ себя внѣшней природѣ, онъ отличаетъ себя отъ вещей, которыя онъ подчиняетъ своимъ цѣлямъ, потому именно, что само его дѣйствованіе принадлежитъ ко всеобщему порядку природы; будущность вещей, между прочимъ, опредѣляется и его дѣйствованіемъ».

Ясно, что человѣкъ съ его сознаніемъ можетъ оказывать воздѣйствіе на природу, можетъ руководить ея ходомъ, согласно тѣмъ цѣлямъ, которыя онъ поставляетъ.

Разсмотрѣніе съ точки зрѣнія причинности и разсмотрѣніе съ точки зрѣнія цѣлесообразности представляютъ два различныхъ направленія мысли, не исключающихъ, впрочемъ, другъ друга. Это суть функціи двухъ различныхъ способностей. «Необходимость или причинность есть принципъ теоретическаго пониманія, цѣлесообразность есть принципъ практическаго обсужденія. Если я спрашиваю, что *есть* и что совершается, то это значитъ, что я хочу узнать факты и ихъ основаніе, а если я спрашиваю, что *должно* дѣлаться, то я ожидаю указанія цѣлей, къ которымъ я могу стремиться, какъ разумное существо. Само собою разумѣется, что теоретическое и практическое пониманіе природы никогда не могутъ противорѣчить другъ другу уже потому, что самая постановка вопроса въ обоихъ случаяхъ совершенно различна.

При изученіи, напр., соціальныхъ явленій нельзя довольствоваться однимъ только причиннымъ разсмотрѣніемъ. Въ духовной исторіи человѣчества цѣль непосредственно реальна, она прямо осуществляется. Исторія управляется идеями. Мы должны знать эти идеи, опредѣляющія ходъ историческихъ событій, если мы желаемъ понимать самыя событія. Совсѣмъ не справедливо, что умъ можетъ удовлетворяться однимъ указаніемъ механической причинности. Познаніе цѣлей и побудительныхъ причинъ человѣческаго дѣйствованія удовлетворяетъ потребностямъ нашего духа не менѣе, чѣмъ прослѣживаніе руководящей нити механической причинности».

Но эта противоположность наукъ о природѣ и науки о духѣ не вноситъ въ самую природу дуализма, она созидаетъ только дуализмъ явленій, или, вѣрнѣе сказать, способа ихъ изслѣдованія. Математико-механическому анализу съ одной стороны отвѣчаетъ телеологическое объясненіе съ другой. «Гдѣ цѣль имѣетъ творческій характеръ, какъ въ царствѣ человѣка и его культуры, тамъ она является и принципомъ объясненія». Въ соціальной жизни цѣль играетъ творческую роль, и поэтому разсмотрѣніе съ телеологической точки зрѣнія здѣсь имѣетъ значеніе больше, чѣмъ просто эвристическаго принципа; оно здѣсь имѣетъ значеніе также объяснительнаго принципа.

Эти взгляды на значеніе *телеологическаго* принципа дѣлаютъ понятнымъ, отчего онъ въ послѣднее время выдвигался и въ соціологіи. *Марксъ* и *Энгельсъ* думали, что соціальныя явленія ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ физическихъ явленій, они наступаютъ съ такою же необходимостью, съ какою наступаютъ и естественныя явленія. Они должны быть разсматриваемы съ той же причинно-механической точки зрѣнія, съ какой разсматриваются и физическія явленія *). Противъ нихъ выступилъ *Штаммлеръ* **), который доказывалъ, что въ соціальныхъ явленіяхъ мы не можемъ довольствоваться разсмотрѣніемъ съ точки зрѣнія одной причинности, а напротивъ, должны ввести еще и точку зрѣнія цѣлесообразности, потому что соціальныя явленія есть та область, въ которой дѣйствуютъ живыя существа, способныя поставлять опредѣленныя цѣли и стремиться къ ихъ осуществленію.

Штаммлеръ, подобно Канту, находитъ, что точка зрѣнія цѣлесообразности не только не исключаетъ точки зрѣнія причинности, а, напротивъ, ее предполагаетъ. Если при разсмотрѣніи соціальныхъ явленій примѣняется еще и точка зрѣнія цѣлесообразности, то это дѣлается потому, что эта область, въ которой дѣйствуетъ сознательная воля, отличается отъ просто физическихъ явленій.

Опытъ, по мнѣнію Штаммлера, долженъ представлять извѣстное единство. Человѣческое познаніе должно обладать извѣстною *закономѣрностью*. Но закономѣрность можетъ быть двоякой; можетъ быть или закономѣрность причинности, или закономѣрность цѣлесообразности. Закономѣрность причинности есть закономѣрность *познанія*, а цѣлесообразность есть закономѣрность *воли*. Хотя воля и познаніе психологически и тѣсно связаны другъ съ другомъ, однако, они должны быть строго отличаемы другъ отъ друга. Каждое человѣческое дѣйствіе должно быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ *причинно-произведенное*, или какъ *долженствующее* быть произведеннымъ. Это значитъ, другими словами, что каждое человѣческое дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо и причинно, и телеологически, и съ точки зрѣнія бытія, и съ точки зрѣнія долженствованія.

Различіе между просто причиннымъ разсмотрѣніемъ и разсмотрѣніемъ съ точки зрѣнія долженствованія можно объяснить слѣдующимъ примѣромъ. Если къ магниту поднести на извѣстное разстояніе кусочекъ желѣза, то этотъ послѣдній *необходимо* произведетъ извѣстное движеніе. Это явленіе мы можемъ разсматривать только съ точки зрѣнія причинности. Если мы возьмемъ процессъ принятія пищи, то на извѣстной стадіи развитія этого процесса онъ также представляется,

*) *Марксъ*. «Капиталъ». Кн. 1-я (изд. О. Н. Поповой), стр. 644—646. *Engels* въ предисловіи къ соч. Маркса «Elend d. Philosophie», стр. IX и д.

**) *Stammler*. «Wirthschaft u. Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung». 1896, стр. 349 и д., 430 и д.

только какъ причинно-необходимый. Ребенокъ на груди матери къ совершенію тѣхъ или другихъ движеній, направленныхъ на принятіе пищи, опредѣляется такъ же необходимо, какъ необходимо опредѣляется движеніе желѣза магнитомъ. Но тотъ же процессъ можетъ быть мыслимъ и иначе. Именно его можно мыслить, какъ долженствующій быть совершеннымъ. Напр., «приготовленіе къ завтраку» не можетъ быть мыслимо съ точки зрѣнія необходимо наступающаго процесса, но представляется какъ событіе, которое только лишь *долженствуетъ* быть выполнено. Въ одномъ случаѣ мы смотримъ на дѣйствія, какъ на необходимо совершающіяся, въ другой разъ—какъ на дѣйствія, долженствующія совершиться. Относительно этихъ послѣднихъ мы не думаемъ, что они должны необходимо совершиться; ихъ ненаступленіе для насъ вполнѣ мыслимо.

Такое различеніе двухъ точекъ зрѣнія является особенно важнымъ въ соціальныхъ наукахъ, въ которыхъ до сихъ поръ замѣчалась тенденція къ утвержденію, что человѣческія дѣйствія подчинены такой же необходимости, какъ и естественныя явленія, а потому они подлежатъ разсмотрѣнію только съ точки зрѣнія причинности. Теперь требуется, чтобы на нихъ смотрѣли также съ точки зрѣнія цѣли. Соціальныя явленія не обладаютъ характеромъ необходимости въ томъ смыслѣ, въ какомъ ими обладаютъ физическія явленія. Въ этомъ отношеніи существуетъ несомнѣнное различіе между законами природы и законами человѣческихъ дѣйствій. Естественныя явленія необходимо протекаютъ по причинному отношенію, слѣдовательно, механичны. Въ нихъ все необходимо. О человѣческихъ дѣйствіяхъ мы тоже можемъ сказать, что они необходимы, но только они необходимы согласно цѣли. Естественнымъ законамъ мы должны *необходимо* подчиняться. О такой необходимости нельзя говорить по отношенію къ нравственнымъ законамъ. Въ законахъ природы нѣтъ никакой возможности уклониться, а въ законахъ нравственныхъ существуетъ *свобода*. Свобода по отношенію къ нравственнымъ законамъ возможна потому, что наши волевыя дѣйствія совершаются не по механическому причинному отношенію, но по телеологическому средства и цѣли. Я свободенъ выбирать тѣ или другія цѣли. Я *свободенъ* потому, что могу выбирать какія угодно цѣли. Это значитъ, что мои дѣйствія опредѣляются только поставляемыми мною цѣлями. Но только въ этомъ отношеніи я свободенъ, что же касается средствъ, которыя я употребляю для достиженія этихъ цѣлей, то въ нихъ я, разумѣется, не свободенъ *).

Такимъ образомъ ясно, что нельзя сравнивать соціальныя явленія съ естественными съ точки зрѣнія необходимости.

---

*) *I. Stein* «An d. Wende d. Jahrhunderts», стр. 270.

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англійскаго.

(*Продолженіе*) *).

XIII.

Брадлей вновь встрѣчаетъ Иду.

Чрезъ нѣсколько дней Брадлей отправился въ городъ Айова и чѣмъ далѣе уносилъ его поѣздъ, тѣмъ болѣе ему казалось, что расширяется самый его умственный кругозоръ. Ему минуло тридцать лѣтъ, его развитіе сильно подвинулось впередъ, хотя никто изъ его друзей и сосѣдей не замѣчалъ той внутренней работы, которая происходила въ его умѣ, но скрытно—совершенно такъ же, какъ происходитъ работа тонкаго механизма на днѣ какой-нибудь сложной машины.

Пробывъ два года въ семинаріи, онъ пріобрѣлъ основательное знаніе англійскихъ законовъ, много читалъ по этому предмету, а главное посѣщалъ судебныя засѣданія, изъ которыхъ вынесъ ясное представленіе объ обычномъ правѣ. Судья утверждалъ, что всѣ законы просты и удобопонятны, но что для пользованія ими приходится иногда прибѣгать къ нѣкотораго рода крючкотворству. Каждый здравомыслящій человѣкъ можетъ справиться съ девятью изъ десяти судебныхъ процессовъ, говорилъ онъ, но въ данномъ случаѣ дѣло не въ этомъ. Настоящій законникъ обслѣдуетъ факты и группируетъ обстоятельства дѣла руководясь своимъ здравымъ смысломъ и знаніемъ обычнаго права, но прибѣгая при этомъ къ крючкотворству и ссылкамъ на прецедентъ. Однако, прецедентъ—опасная штука. Это—обращеніе къ прошлому, которое не знало и не могло знать, что такое истинное правосудіе.

Придерживаясь подобныхъ наставленій, Брадлей невольно усвоилъ себѣ множество самыхъ радикальныхъ взглядовъ на писанные законы.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1901 г

Онъ началъ изучать исторію узаконеній и возникновеніе статутовъ, не придерживаясь устарѣвшихъ теорій.

Ему очень нравилась юридическая школа, и онъ прекрасно выдержалъ экзаменъ. Онъ велъ жизнь тихую, трудолюбивую, зная, что имѣетъ въ запасѣ менѣе времени, нежели его товарищи, такъ какъ всѣ они были моложе его. Къ нему относились съ большимъ уваженіемъ, считая его человѣкомъ спокойнымъ и вполнѣ порядочнымъ, изъ котораго можетъ выйти хорошій теоретикъ, который врядъ-ли сдѣлаетъ что-нибудь на практическомъ поприщѣ. Однако, первая его рѣчь въ судѣ заставила всѣхъ перемѣнить это мнѣніе о немъ.

Время его проходило въ томъ, что изъ своего пансіона онъ отправлялся въ рабочій кабинетъ, а оттуда въ библіотеку, гдѣ рылся въ матеріалахъ. По временамъ, ему попадались на глаза отчеты о лекціяхъ миссъ Уильбёръ, по вопросу о Гранджѣ или разнымъ литературнымъ вопросамъ. Онъ рѣшилъ отправиться послушать ее, какъ только она будетъ читать въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ. Никто не могъ помѣшать ему въ этомъ.

Въ одинъ прекрасный зимній день онъ узналъ изъ мѣстной газеты что она будетъ читать въ конгрегаціонной церкви лекцію подъ заглавіемъ «Истинное положеніе женскаго вопроса». Ему захотѣлось вдругъ пѣть, но онъ благоразумно воздержался отъ этого, потому что не умѣлъ произвести ничего, что могло бы быть признано со стороны слушателя за какое-либо подобіе пѣнія. Судьба, очевидно, благопріятствовала ему.

Не смотря на тяжелую школу жизни, онъ сохранилъ чистоту сердца и мысли и былъ дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ. Его большіе ясные глаза никогда не оскорбили женщину нескромнымъ взоромъ, въ нихъ можно было прочесть только чувство симпатіи и восхищенія.

Мысль о томъ, что онъ скоро увидитъ ее, приводила его въ трепетъ. Съ величайшимъ волненіемъ ждалъ онъ вечера, на который была назначена эта лекція.

Яркій зимній день показался ему еще болѣе прекраснымъ, когда онъ услышалъ на почтѣ разговоръ двухъ дамъ, изъ котораго узналъ, что Ида была уже въ городѣ. Синія тѣни падали на только что выпавшій снѣгъ, блестящій и твердый какъ сталь; но яркое солнце грѣло такъ сильно, что уже утромъ съ крышъ начали падать свѣтлыя капли. По улицамъ быстро сновали сани, пестрѣли цвѣтныя шляпы и яркіе вязанные шарфы молодыхъ людей, рѣзко выступавшіе на сверкающемъ тонѣ голубовато-бѣлаго снѣга. Колокольчики наполняли воздухъ своей веселой музыкой.

Брадлей вышелъ изъ города. Онъ искалъ уединенія. Ему было и сладко, и страшно чувствовать себя до такой степени взволнованнымъ при мысли о неожиданномъ появленіи любимой женщины. Онъ тольок

и думалъ о томъ, чтобы скорѣе увидѣть ее и услышать ея рѣчь. Руки его дрожали, а сердце учащенно билось.

Ему думалось, что она мало измѣнилась. Конечно, она стала немного старше, но на видъ она должна была быть такою же, какъ прежде. Она живо представлялась ему, какъ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ, подъ тѣнью деревьевъ. Солнечные лучи скользили по ея темнымъ волосамъ; она заговорила, и слова ея, пробудившія въ его сердцѣ столько благородныхъ стремленій, звучали для него, какъ бы пророчествомъ о будущихъ соціальныхъ преобразованіяхъ.

«Я желаю сдѣлать все возможное для того, чтобы приблизить время, когда наша страна будетъ наполнена веселой молодежью, когда и старость будетъ чувствовать себя счастливою, лунный свѣтъ будетъ казаться болѣе прозрачнымъ и звѣзды болѣе яркими».

Брадлей вполнѣ раздѣлялъ ея мысли, и сознаніе собственной убогой и полной лишеній жизни не тяготило его.

Умственный трудъ пріучилъ его къ самоанализу, но въ немъ были какія-то глубины, въ которыя онъ еще не умѣлъ проникнуть своимъ сознаніемъ, какое-то святилище, куда онъ не позволялъ себѣ заглядывать. Цѣлый вихрь мыслей кружился въ его головѣ, но онъ постоянно возвращался къ одной и той же—о томъ, что онъ скоро увидитъ ее, будетъ говорить съ нею.

Въ этотъ вечеръ онъ одѣлся такъ-же тщательно, какъ если бы шелъ съ визитомъ къ ней на домъ; теперь онъ привыкъ къ хорошей одеждѣ; платье его было сшито изъ хорошаго матеріала и прекрасно сидѣло на немъ. Впродолженіе года онъ не занимался физическимъ трудомъ, и потому руки его стали бѣлы и нѣжны, а лицо болѣе интеллигентнымъ и выразительнымъ. Глаза сдѣлались мягкими и вдумчивыми, окончательно потерявъ бычачье выраженіе, свойственное деревенскимъ парнямъ. Онъ производилъ впечатлѣніе красиваго молодого человѣка, преисполненнаго чувства собственнаго достоинства, а манеры его были мужественны, безъ всякой аффектаціи.

Лекція происходила въ церкви, и всѣ мѣста были заняты. Ожидая ея появленія, онъ чувствовалъ, что у него снова начали дрожать руки; у него вдругъ захватило дыханіе и онъ сталъ такъ волноваться, какъ если бы онъ самъ долженъ былъ произнести рѣчь предъ публикой.

Раздались рукоплесканія. Въ церковь вошли двѣ, три дамы. Онѣ тихо пробирались чрезъ проходъ и когда поровнялись съ нимъ, предъ его глазами мелькнула, какъ видѣніе, красивая головка съ темными волосами. Отвѣчая на аплодисменты, дѣвушка скромно кланялась, и отъ нея распространялся нѣжный запахъ фіалокъ. Брадлей не могъ оторвать глазъ отъ этой высокой фигуры съ граціозной, твердой поступью, медленно идущей между двумя пожилыми женщинами. Было что-то изящное и горделивое въ ея походкѣ; тонкій запахъ ея души-

скаго платья, достигалъ до него, но онъ все еще не былъ увѣренъ, что это она, пока дѣвушка не поднялась на возвышеніе и не обратилась къ нему лицомъ.

Онъ сидѣлъ неподвижно, но когда ясные темные глаза ея, оглядывая публику, случайно остановились на немъ, сердце его забило страшную тревогу. Она оставалась по прежнему самой очаровательной женщиной, о какой только онъ мог мечтать. Фигура ея сдѣлалась нѣсколько округленнѣе, манера держать голову еще женственнѣе, но въ ней жилъ тотъ же духъ, который сдѣлался такимъ мощнымъ источникомъ его жизненнаго вдохновенія.

Она несомнѣнно выросла за это время; иначе, послѣ всего пріобрѣтеннаго имъ въ процессѣ его роста и развитія, онъ почувствовалъ бы въ ней что-то совсѣмъ юное, нѣжно-дѣвическое; но теперь разница между ними оставалась прежняя. Ея самообладаніе передъ такой многочисленной публикой совершенно очаровывало его. Ея платье также чрезвычайно нравилось ему, въ каждой складкѣ его было столько индивидуальнаго, и при всей простотѣ—истинно прекраснаго.

Она говорила болѣе сдержанно, нежели прежде, и въ разговорной формѣ, но самый голосъ ея волновалъ Брадлея. Звукъ его проникалъ до глубины сердца, а произносимыя ею слова шевелили его умъ. Она защищала права женщинъ, доказывала, что онѣ имѣютъ право жить общечеловѣческой жизнью и развиваться, также, свободно, какъ и мужчины.

«Я требую права быть прежде всего человѣкомъ, а потомъ уже женщиной,—говорила она.—Почему моя случайная принадлежность къ извѣстному полу должна создавать всевозможныя ограниченія и стѣснять мою свободу? Я требую, чтобы мнѣ дали право самой знать, что я могу и чего не могу, что должно опредѣлять сферу моей дѣятельности: моя собственная натура или законы, придуманные мужчинами? Вотъ самый главный вопросъ. Я не признаю права мужчины предначертывать мнѣ путь, по которому я должна идти. Я требую одинаковаго съ мужчинами права на жизнь, свободу и счастье. Не одного только права голоса на выборахъ я желаю, — это самое ничтожное изъ моихъ требованій, а одинаковыхъ правъ съ мужчиною вообще и во всемъ. Неужели свобода существуетъ только для одной половины рода человѣческаго?»

Присутствующія дамы, чувствуя, что свобода дѣло хорошее, начали потихоньку апплодировать, пока заглушили болѣе сильные апплодисменты радикаловъ, которые лучше ихъ понимали настоящій смыслъ рѣчи. Брадлей не двигался, онъ впалъ въ глубокую задумчивость.

«Женскій вопросъ не есть только политическій, но, главнымъ образомъ,—экономическій вопросъ,—продолжала она.—Это главный вопросъ о заработкѣ, а также, о развитіи промышленности. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы женщина не смотрѣла на мужчину, какъ на един-

ственнаго работника въ семьѣ. Покуда будетъ существовать подобная зависимость, одна сторона въ семьѣ всегда будетъ слабою. Покуда одинъ будетъ опираться на другого, до тѣхъ поръ не стоитъ и говорить о выработкѣ человѣческой личности—въ самомъ истинномъ и и лучшемъ смыслѣ этого слова. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Броунинга и Рёскина, что признаніе правъ личности есть конечная цѣль человѣческаго рода».

Услышавъ ссылку на такія громкія литературныя имена, присутствующія дамы не могли не согласиться съ высказанными идеями, но нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли съ нахмуренными бровями, считая эти слова ересью.

«Будемъ надѣяться, что скоро настанетъ время, когда женщины не захотятъ быть въ зависимости и не потерпятъ ни жалости, ни обмана, со стороны мужчинъ, гордо и независимо будутъ онѣ стоять рядомъ съ своими мужьями, требуя одинаковой съ ними свободы дѣйствія и одинаковаго вознагражденія за трудъ. Женщина должна имѣть возможность заработать себѣ кусокъ хлѣба *честнымъ* образомъ. Тогда она будетъ себя чувствовать свободно даже въ томъ случаѣ, если дѣятельность ея не выйдетъ за предѣлы кухни».

Нѣкоторые изъ присутствующихъ соглашались со сказаннымъ, а нѣкоторые находили эти идеи черезчуръ новыми и даже революціонными.

Умственный кругозоръ Брадлея снова расширился. До сихъ поръ женскій вопросъ мало занималъ его, онъ или игнорировалъ, или идеализировалъ женщину, смотря по впечатлѣніямъ минуты. Онъ и не осуждалъ и не сожалѣлъ ее и вообще никогда не думалъ объ ея экономическомъ положеніи и объ ея участіи въ соціальномъ движеніи.

Какъ и въ первый разъ, ораторша пробудила въ немъ новыя мысли и стремленія, и онъ сидѣлъ совершенно неподвижно, ошеломленный напоромъ новыхъ идей. Онъ увидѣлъ женщину въ новомъ свѣтѣ, онъ вновь преклонился передъ силою слова Миссъ Уильбёръ, чувствуя, что она по прежнему играетъ для него роль наставницы. Публика заволновалась, начались разговоры о ея туалетѣ, голосѣ, слышались и некоторые благопріятные отзывы относительно высказанной идеи.

Нѣкоторые толпились возлѣ нея, что бы пожать ей руку, другіе молча удалялись.

Брадлей долго оставался на мѣстѣ, страстно желая, но не рѣшаясь подойти къ ней. Наконецъ, онъ медленно вышелъ изъ залы. Придя домой, онъ сѣлъ къ столу въ своей обыкновенной задумчивой позѣ, положивъ локти на колѣна и опершись подбородкомъ на руку. Неотступно преслѣдовала его мысль, что ему необходимо видѣть ее и говорить съ нею, высказать ей, какъ много онъ ей обязанъ.

Какъ лучше устроить это—вотъ вопросъ, который теперь всецѣло поглощалъ его. Желая уединиться, онъ покинулъ шумный домъ, въ которомъ жилъ, и вышелъ прогуляться на улицу. Звѣзды были для

него теперь самыми лучшими спутниками; ихъ ясный, быстролетный свѣтъ какъ будто помогалъ ему разобраться въ своихъ мысляхъ.

Онъ зналъ, что скоро надо будетъ придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію, относительно своей участи вообще, но теперь всѣ прежнія, общія заботы отошли для него на задній планъ, заслоненныя мыслью о томъ, какимъ образомъ увидѣть ее.

Когда онъ вернулся въ свою комнату, рѣшеніе его уже созрѣло. Завтра онъ пойдетъ къ ней въ гостинницу. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что, будучи ораторшей, общественной дѣятельницей, она является какъ бы достояніемъ публики и потому не найдетъ въ его посѣщеніи ничего особенно страннаго. Но во всякомъ случаѣ—такъ или иначе—онъ долженъ былъ непремѣнно видѣть ее.

Однако, когда настало утро, дѣло приняло въ его глазахъ совершенно другую окраску. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ не такъ-то легко было исполнить планъ задуманный, имъ въ ночной тиши. Утромъ онъ случайно узналъ, что послѣ полудня она уже уѣзжаетъ.

Онъ стремительно бросился въ отель, гдѣ она остановилась, но, подойдя, нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ мимо двери, чувствуя, что рѣшимость его ослабѣваетъ.

Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ вошелъ и самъ удивился той увѣренности, съ какою спросилъ швейцара, дома ли миссъ Уильберъ. Осмотрѣвъ нумерные ключи, швейцаръ отвѣтилъ, что она дома. «Желаете послать визитную карточку?» спросилъ онъ.—«У меня нѣтъ визитной карточки»,—отвѣчалъ Брадлей и написалъ на клочкѣ бумаги, поданной ему швейцаромъ.

— Скажите, что я желаю видѣть миссъ Уильберъ, всего на нѣсколько минутъ,—прибавилъ онъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ хотѣлъ обдумать все, что будетъ говорить ей, но горло его пересохло, а въ головѣ все перемѣшалось. Онъ не замѣтилъ, какъ очутился въ дамской гостиной.

Комнатка была оклеена яркими, красными съ золотомъ обоями и уставлена красной же плюшевой мебелью.

Кровь бросилась ему въ голову, губы его задрожали и поблѣднѣли, онъ заслышалъ шелестъ женскаго платья. Наконецъ, она стояла съ улыбающимся лицомъ и протянутой рукою.

— Вы м-ръ Талькотъ? Вы желали видѣть меня?

Дружеское движеніе ея руки и привѣтливая улыбка успокоили его. Сердце перестало усиленно биться, слабость въ членахъ исчезла. Онъ совершенно забылъ о своемъ смущеніи, онъ видѣлъ и слышалъ только ее, и самъ не помнилъ, какъ сказалъ:

— Я пришелъ выразить вамъ свое восхищеніе по поводу вашей вчерашней лекціи и той, которую вы произнесли когда-то въ Рокъ-Риверѣ на пикникѣ Гренджеровъ.

— Вы слышали меня тогда? Это одна изъ моихъ прежнихъ рѣчей,

должна сознаться, что съ тѣхъ поръ мои убѣжденія во многомъ измѣнились,—отвѣчала она.

Говоря съ нимъ, она смотрѣла на него, безъ всякаго кокетства. Видно было, что она относится къ нему просто какъ къ товарищу студенту, занимающемуся тѣми же соціальными вопросами, которые разрабатывала она сама.

— Я очень рада,—продолжала она,—что вы одобряете мою рѣчь о женскомъ вопросѣ, многіе находятъ ее черезчуръ радикальной.

— Я нахожу ее вполнѣ справедливой,—сказалъ Брадлей, и ему показалось, что мысли ихъ соединились какимъ-то электрическимъ токомъ. Я никогда недумалъ о женскомъ вопросѣ,—продолжалъ онъ,—а теперь я понялъ, что женщина, дѣйствительно, унижена въ жизни. Мы воображаемъ, что лучше ея самой знаемъ, что для нея хорошо и что дурно. Бѣда въ томъ, что мы, мужчины, просто не думаемъ обо всемъ этомъ. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы намъ говорили на эту тему.

— Это правда,—отвѣчала она.—Сдѣлавъ это открытіе, я и начала произносить рѣчи о женскомъ вопросѣ. Одинъ радикальный взглядъ расчищаетъ путь другому. Сдѣлаться радикаломъ,—значитъ отворить двери истинному колдовству...

Быть можетъ и вы принадлежите къ нимъ,—т.-е. къ радикаламъ, а не колдунамъ?—сказала она съ улыбкой.

— Не знаю, пока только учусь, отвѣтилъ Брадлей просто.—Во всякомъ случаѣ, я знаю, что не могу согласиться со многими.

— Со многими!—воскликнула Ида.—Я часто думаю о томъ, какъ отрадно было бы встрѣтить хоть одного человѣка,—хоть одного!—съ которымъ я могла бы согласиться... Однако раскажите же мнѣ что-нибудь о себѣ. Принимаете ли вы участіе въ движеніи Гренджеровъ?

— Нѣтъ, не вполнѣ, хотя я и содѣйствовалъ ему, на сколько это было въ моихъ силахъ.

— Однако, каково положеніе дѣлъ въ вашей мѣстности? Повидимому, общество совершенно распадается.

Она смолкла, и лицо ея подернулось облакомъ задумчивости.

— Да, я очень боюсь, что фермеры не съумѣютъ оказать поддержку другъ другу,—сказала она. — Не странно ли это? Другіе промышленники и торговцы имѣютъ организацію и крѣпко стоятъ одинъ за другого, а фермеры какъ будто не чувствуютъ необходимости въ этомъ. Я думаю, что имъ придется еще многое пережить, пока тяжелый трудъ научитъ ихъ этому, а до тѣхъ поръ сколько еще страданій и лишеній перенесутъ ихъ бѣдныя жены! Но они *должны* научиться! — заключила она энергично.—Они должны, рано или поздно, придти къ сознанію, что стоять за своего товарища значитъ стоять за себя самого. Въ этомъ состоитъ задача цивилизаціи.

Брадлей ничего не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Никогда не слышалъ онъ подобныхъ словъ, никогда не видѣлъ онъ

женщины, до такой степени погруженной въ разрѣшеніе философскихъ вопросовъ. Ея склоненная головка казалась ему очаровательной, а простое широкое платье напоминало царскую порфиру. Ея присутствіе совершенно подавляло его мыслительныя способности; онъ могъ только слушать ее.

— Фермеръ страдаетъ отъ недостатка сравнительныхъ понятій,— продолжала она.—Онъ не понимаетъ и не сознаетъ, насколько онъ бѣденъ. Но когда онъ пойметъ это, плохо будетъ политиканамъ и ихъ друзьямъ банкирамъ. Покуда же онъ дойдетъ до этого сознанія, дѣти его будутъ рости въ полномъ невѣжествѣ, а жены умирать отъ переутомленія. Иногда эти мысли приводятъ меня просто въ отчаяніе!

Въ голосѣ ея звучала рѣшимость оставаться до конца вѣрной своей огромной, почти безнадежно трудной задачѣ.

— Фермеръ долженъ научиться понимать, что, помогая другимъ, онъ помогаетъ самому себѣ,—продолжала она. — Вотъ главная задача современнаго общества. Что вы объ этомъ думаете?

— Я не знаю, я совершенно измѣнилъ свои взгляды на многіе предметы. Я начинаю думать, что протекціонизмъ вреденъ.

— Конечно, вреденъ,—сказала она.—Пріѣхавъ на востокъ, я нашла тамъ полное господство свободы торговли. Мой дядя, фабрикантъ, ссылаясь на свой опытъ, утверждаетъ, что хотя эта свобода и хороша въ теоріи, но не на практикѣ. А я, какъ женщина, полагаю, что все, что хорошо въ теоріи, должно быть хорошо и на практикѣ. Скажите мнѣ, однако, вы попрежнему живете въ Рокъ-Риверѣ?

— Да, я здѣсь только временно, я изучаю законы.

— Вѣроятно, вы многихъ знаете въ Рокъ-Риверѣ?

Она начала разспрашивать его про Мильтона, котораго она хорошо помнила и про Диринга. Потомъ она опять вернулась къ вопросу о гренджѣ.

— Да, это движеніе представляетъ огромную силу, — говорила она,—но мнѣ кажется, что настало время, когда оно должно либо расшириться по своему смыслу, либо замереть. Не знаю, что выйдетъ изъ всего этого въ дѣйствительности, но думаю, что въ настоящемъ своемъ видѣ оно не исчерпываетъ сути предмета.

Она произнесла эти слова очень тихо, задумчиво положивъ голову на руки и опустивъ глаза. Это было истинное олицетвореніе дѣйствующей мысли, а не простой мечты. Платье ея ниспадало длинными красивыми складками, и на его темно-пурпуровомъ фонѣ необыкновенно изящно оттѣнялись ея прекрасныя бѣлыя руки. Но главнымъ ея очарованіемъ была эта способность ея всецѣло уходить въ собственную мысль или въ рѣчь своего собесѣдника. Ее, очевидно, интересовалъ этотъ красивый молодой человѣкъ съ ясными глазами, который со временемъ могъ сдѣлаться соціальнымъ реформаторомъ. Ей хотѣлось вполнѣ выяснить ему свои взгляды. Къ тому же онъ такъ внимательно слушалъ ее.

— Къ сожалѣнію, я начинаю замѣчать въ жизни одну тенденцію, совершенно противоположную моему идеалу фермерской общины. Есть сила, которая можетъ совершенно подавить гренджеровъ и другія однородныя движенія,—сказала она.

— Вы подразумѣваете политическія силы?—спросилъ Брадлей.

— Нѣтъ, я говорю о земельной монополіи. Я признаю наилучшей формой владѣнія земельныя общины, въ которыхъ каждый членъ имѣетъ свою маленькую ферму со всѣми возможными культурными усовершенствованіями. Вотъ что я до сихъ поръ постоянно защищала и пропагандировала. Но я не могу не видѣть, что современное владѣніе землею имѣетъ совершенно противоположный характеръ. Крупные землевладѣльцы поглощаютъ мелкихъ обращаютъ ихъ въ своихъ арендаторовъ и работниковъ. Вы не согласны со мною?

— Я не обдумывалъ этого вопроса, но полагаю, что вы правы, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нашей мѣстности,—сказалъ Брадлей.

— Всюду, гдѣ я была, наблюдается то же самое, — продолжала она.—Я еще не уразумѣла причинъ этого явленія, но, вѣроятно, скоро доберусь до нихъ. А пока я проповѣдую устройство союзовъ и развитіе образованія. Не знаю, къ чему приведетъ все это, но я знаю...— Она какъ бы стряхнула съ себя сомнѣніе. — Но я знаю, что умъ человѣческій не долженъ быть скованъ. Я знаю, что никакія силы не могутъ уничтожить въ человѣкѣ любви къ истинѣ и справедливости. Она постепенно развивается, двигается впередъ, и это внушило мнѣ вѣру въ будущее. Фермеръ уже начинаетъ сравнивать свою перезаложенную ферму съ роскошнымъ жилищемъ банкира, и нельзя не видѣть, куда это должно привести его. Самое важное то, что онъ уже началъ вдумываться въ свое положеніе.

Она встала и протянула ему руку.

— Я очень рада, что вы пришли ко мнѣ, — сказала она. — Передайте мой привѣтъ м-ру Дирингу и другимъ друзьямъ, скажите имъ, чтобы они не думали, что я забыла ихъ, что я перестала заботиться объ ихъ интересахъ съ тѣхъ поръ, какъ не читаю у нихъ лекцій. А вы сами—вы должны быть въ курсѣ дѣла. Не прочтете ли вы книги, которыя я вамъ пришлю? — спросила она, увлекаясь желаніемъ пріобрѣсти единомышленника.

— Конечно, я буду очень радъ,—сказалъ Брадлей.

— Я вамъ пришлю нѣсколько прочтенныхъ мною памфлетовъ.

По тону ея голоса нужно было понять, что свиданіе окончено, но Брадлей не уходилъ. Онъ, видимо, хотѣлъ сказать ей еще что-то. Наконецъ, послѣ многозначительнаго молчанія, онъ проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Не позволите ли вы мнѣ писать вамъ время отъ времени?

Ея глаза немного расширились.

— Я буду очень рада имѣть отъ васъ извѣстія,—сказала она лас-

ково.—И мнѣ пріятно будетъ узнать ваше мнѣніе о памфлетахъ, которые я вамъ пришлю.

У него достало храбрости, подавая ей руку, еще разъ посмотрѣть въ ея лучистые каріе глаза. Ея рукопожатіе было крѣпкое и дружеское.

— Прощайте, надѣюсь что мы скоро увидимся. Мой постоянный адресъ: Демуанъ, хотя, вообще, я много путешествую,—сказала она.

Онъ вышелъ съ такимъ ощущеніемъ, какъ если бы надъ нимъ совершилось какое-то таинство. Теперь ему казалось просто невѣроятнымъ, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ ее и даже осмѣлился просить у нея позволенія переписываться съ нею!

Золотисто-красные лучи солнца блистали на снѣгу, на которомъ словно чернильныя пятна пестрѣли тѣни. Небо было покрыто оранжевыми и золотыми облаками, которыя еще болѣе выдѣляли синеву неба и деревья, окаймлявшія восточный горизонтъ. Мало-по-малу онъ сталъ собираться съ мыслями. Такъ не могло болѣе продолжаться.

До сихъ поръ онъ былъ мальчикомъ. Теперь онъ чувствовалъ себя мужчиною, и онъ сознавалъ, что душою его окончательно овладѣла любовь. Не то, чтобы онъ произнесъ себѣ это слово, сказалъ себѣ: я люблю ее, но глаза его невольно поднялись къ небу съ рѣшимостью сдѣлаться достойнымъ ея.

Онъ весь былъ подъ обаяніемъ ея женственной прелести. Онъ видѣлъ ее въ домашнемъ туалетѣ, и восхищеніе ея умомъ и красотою сливалось у него теперь съ какою-то тайною мыслью о возможности сдѣлаться мужемъ и отцомъ.

Теперь, когда онъ не находился больше въ ея присутствіи, въ головѣ его толпился цѣлый рой мыслей. Каждое произнесенное ею слово съ магической силой вызывало въ немъ безконечную вереницу размышленій. Онъ долго гулялъ въ этотъ тихій вечеръ, гулялъ, пока не успокоился. Часъ, проведенный съ нею, казался ему какой-то блестящей точкой, послѣ которой день перешелъ въ чудную зимнюю ночь.

Черезъ часъ, придя къ себѣ домой, онъ нашелъ на письменномъ столѣ ожидающее его письмо. Это было одно изъ полу-дѣтскихъ любовныхъ посланій бѣдной маленькой Нетти. Чувство стыда и отвращенія внезапно охватило его. Онъ скомкалъ письмо и уже готовъ былъ выбросить его, но вдругъ опомнился и смягчился. Рядомъ съ миссъ Уильбёръ бѣдная маленькая Нетти была не болѣе, какъ своевольнымъ ребенкомъ.

Нѣсколько дней спустя онъ получилъ памфлетъ; адресъ былъ надписанъ рукою женщины. Заглавіе этого памфлета было совершенно ново для него.

Приближеніе конфликта, серія лекцій, возвѣщающихъ возстаніе бѣдняковъ противъ національныхъ банковъ и всякаго рода косвенныхъ налоговъ. Посвященіе было отмѣчено карандашемъ, и Брадлей не разъ перечиталъ его. Оно гласило слѣдующее: «Посвящаю эту книгу мил-

ліонамъ тружениковъ, которые создаютъ богатства, но не имѣютъ возможности вліять на законодательство, а потому остаются въ страшной бѣдности, тогда какъ землевладѣльцы и банкиры захватили въ свои руки излишекъ національнаго богатства—на столь же законныхъ основаніяхъ, какъ рабовладѣльцы законно владѣли нѣкогда невольниками. Это положеніе вещей остановило на себѣ исключительное вниманіе автора».

Въ первый разъ предстало предъ Брадлеемъ все значеніе того громаднаго движенія, которое поднималось изъ глубины американскаго общества. Однако, въ самомъ памфлетѣ многое показалось неяснымъ, сбивчивымъ, и онъ откровенно написалъ миссъ Уильбѣръ, что не вполнѣ удовлетворенъ имъ, хотя онъ навелъ его на серьезныя размышленія.

Онъ самъ былъ пораженъ тою легкостью, съ какою мысли его выливались на бумагу. Но отправивъ письмо, онъ вдругъ испугался: оно было такъ пространно. Дни, проходившіе въ ожиданіи ея отвѣта, текли съ мучительной медлительностью. Наконецъ, желанный часъ насталъ. Кровь бросилась ему въ лицо, когда клеркъ съ усмѣшкой подалъ ему письмо, говоря: «Наконецъ-то она осчастливила васъ своимъ письмомъ!» Онъ охотно отхлесталъ бы этого рыжаго наглеца, который сидѣлъ за конторкою, засунувъ себѣ за щеку щепотку табаку и усмѣхаясь особенно подлою, оскорбительною усмѣшкой.

Придя въ свою комнату, онъ распечаталъ письмо со страхомъ и трепетомъ. Что-то отвѣтитъ ему?

Письмо распространяло запахъ тѣхъ же духовъ, какъ и ея платье. Записка оказалась короткою, но ласковою. Она обращала вниманіе его на нѣкоторыя фразы памфлета и въ особенности просила перечесть главы, касающіяся земельныхъ и денежныхъ вопросовъ. Самое сильное впечатлѣніе произвели на него слѣдующія заключительныя слова ея:

«Вообще ваше письмо чрезвычайно понравилось мнѣ. Оно показываетъ искреннее стремленіе къ истинѣ, отъ которой вы, навѣрное, никогда не уклонитесь. Но будьте готовы къ тому, что вамъ придется принести много жертвъ ради нея. Я буду слѣдить за вашей дѣятельностью съ живѣйшимъ участіемъ. Искренно преданная вамъ Ида Уильбѣръ».

XIV.

Брадлей мѣняетъ свои убѣжденія.

Жители запада всегда были республиканцами. Западные штаты примкнули къ союзу въ качествѣ республиканскихъ штатовъ. Мало по-малу однако, югъ начиналъ сливаться съ сѣверо-западомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сложилось твердое убѣжденіе, что спасеніе націи заключается въ вѣрности военнымъ традиціямъ и въ принципѣ покровительства американской промышленности. Ораторы принимали всѣ мѣры, чтобы

поддерживать солидарность своей партіи, но выборы каждаго депутата отодвигали вопросъ о войнѣ и ея послѣдствіяхъ въ глубь исторіи и увеличивали число лицъ, не желающихъ, чтобы искра перешла въ огонь. Айова, Канзасъ и Небраска представляли истинную твердыню отживающихъ традицій. Особенно Канзасъ ратовалъ за поддержаніе принциповъ республиканской партіи, хотя лучшіе руководители ея перешли уже на другіе пути мышленія и республиканская партія уже перестала быть партіей народа.

Жители Айовы также были отчаянные республиканцы. Большинство находилось подъ вліяніемъ Новой Англіи, которая строго держалась республиканскихъ идей, внушая своей молодежи, что если и не всѣ демократы воры, то, во всякомъ случаѣ, «всѣ воры - демократы». Однако, подъ давленіемъ здраваго смысла приходилось признать, что и между демократами попадаются иногда порядочные люди.

Въ концѣ пребыванія Брадлея въ Айовѣ, предстояла новая президентская кампанія. Но лишь немногіе допускали, что она принесетъ съ собою какія-либо перемѣны. Мѣстная борьба побуждала республиканскихъ коноводовъ къ энергическимъ дѣйствіямъ, но они умалчивали о настоящемъ положеніи народа и старались вовсе не затрагивать экономическихъ вопросовъ.

Округъ Рокъ-Риверъ всегда считался республиканскимъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ мѣстные демократы старались провести своего кандидата въ конгрессѣ, но всѣ эти попытки оказывались совершенно безуспѣшными. Республиканцы постоянно поднимали ихъ на смѣхъ, не обращая вниманія на то, сколько истиннаго драматизма было въ дѣйствіяхъ этихъ борцовъ, заранѣе увѣренныхъ, что битва будетъ вновь и вновь проиграна ими. Каждый годъ одинъ изъ старыхъ демократовъ отправлялся на тотъ свѣтъ, но остальные продолжали свое дѣло и приступали къ голосованію съ чувствомъ какого-то благоговѣнія съ почти религіозной сосредоточенностью.

Юные республиканцы называли ихъ «фритредерами» и «мѣдноголовыми» какъ если бы слова эти были синонимами. Названіе «фритредеровъ» заключало въ себѣ для нихъ что-то не вполнѣ понятное, таинственное, а кличка «мѣдноголовые» напоминала змѣй, которыя жили въ расщелинахъ известковыхъ утесовъ *).

Въ дѣйствительности, многіе изъ этихъ демократовъ были люди интеллигентные, стараго Джефферсоновскаго типа, державшіеся принциповъ свободы. Другіе, можно сказать, родились демократами пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и не признавали никакой перемѣны въ убѣжденіяхъ. Они оставались вѣрны демократическимъ идеямъ какъ бы по привычкѣ, какъ носили по привычкѣ старомодныя шляпы и длинные некрасивые

*) «Copperhad»—буквально «мѣдноголовый», есть также названіе змѣи—мѣдянки *Примѣч. перевд.*

сюртуки. Были среди нихъ и люди, одержимые духомъ противорѣчія, предпочитающіе партію демократовъ именно потому, что она была въ меньшинствѣ, считающіе безнравственнымъ примкнуть къ большинству. Къ этому типу людей принадлежали, между прочимъ полковникъ Пиви и старый Джудъ Кольвель. Каждый годъ демократы представляли полковника на должность казначея, а Кольвея въ шерифы, и каждый разъ глава демократовъ предсказывалъ ихъ утвержденіе конгрессомъ, но всегда напрасно. Весь штатъ оставался неизмѣнно республиканскимъ. Современные избирательные маневры были слишкомъ сложны и недоступны старымъ политиканамъ.

Однако школы, избирательные клубы, газеты, — все это мало-помалу подготовляло страну къ политической революціи. Повсюду воспитывались радикалы. Люди, подобные Редбурку, считались республиканцами только номинально, а множество молодежи и прогрессистовъ совершенно разочаровались въ протекціонизмѣ и готовы были къ возстанію. Но для того, чтобы открыто перейти въ другую партію и перемѣнить свое названіе они нуждались въ какомъ-нибудь энергичномъ руководителѣ.

Всѣ эти броженія, происходившія въ радикализмѣ, захватили и Брадлея. Юноши съ увлеченіемъ разрабатывали въ школахъ текущіе вопросы и многіе изъ нихъ переходили на новые пути.

По совѣту судьи, Брадлей не ѣздилъ на вакаціи въ Рокъ-Риверъ, а продолжалъ свои юридическія занятія у одного извѣстнаго адвоката, имѣющаго громадную юридическую библіотеку. Впрочемъ, теперь онъ и самъ неохотно возвращался домой: онъ втянулся въ эту тихую, уединенную, трудолюбивую жизнь. Незамѣтно для самого себя, онъ привыкъ къ сосредоточенной умственной работѣ, совершенно отличной по характеру отъ должности на чисто-политическомъ поприщѣ. Впрочемъ, это и не безпокоило его. Теперь стремленія его были направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше знаній, сдѣлаться ученымъ человѣкомъ, какимъ представлялась въ его глазахъ миссъ Уильбёръ.

Онъ много читалъ и притомъ съ большою пользою для себя, такъ какъ легко справлялся съ выборомъ книгъ. Время отъ времени онъ писалъ ей о своихъ занятіяхъ, и когда она упоминала о какой-нибудь книгѣ, онъ немедленно разыскивалъ ее и старался прочесть какъ можно скорѣе. Такимъ образомъ, жизнь его протекала тихо и мирно.

Но было два вопроса, которые, тѣмъ не менѣе, постоянно вносили тревогу въ его душу: во-первыхъ, его отношенія къ Нетти, и во-вторыхъ, желаніе видѣть миссъ Уильбёръ. Нетти писала ему такъ же часто, какъ и прежде; письма ея были кратки и походили одно на другое, она говорила о своей любви, посылала ему поцѣлуи. Она плохо владѣла перомъ, и даже вдохновляясь любовью, не могла написать двухъ страницъ безъ повторенія одного и того же. «Мнѣ очень трудно

писать, хотѣлось бы, чтобы вы поскорѣе вернулись домой, когда вы пріѣдете?»—повторяла она на всѣ лады.

Любопытно было видѣть, на сколько различались письма къ этимъ двумъ женщинамъ самого Брадлея. «Дорогая Нетти,—писалъ онъ ей нахмуривъ брови.—Я *не могу* писать чаще, во-первыхъ, потому, что я очень занятъ, а во-вторыхъ потому, что ничего не произошло новаго, для васъ интереснаго. Я долженъ окончить свои занятія здѣсь, я никакъ не разсчитывалъ, что вы будете скучать обо мнѣ и предполагалъ, что, по своему обыкновенію, вы веселитесь на танцовальныхъ вечерахъ».

Но когда получались письма отъ миссъ Уильбёръ, онъ поглощалъ ихъ съ лихорадочною поспѣшностью, а потомъ просиживалъ цѣлыя ночи, обдумывая отвѣтъ, тогда какъ письма Нетти ждали отвѣта по цѣлымъ недѣлямъ. «Миссъ Идѣ Уильбёръ. Дорогая миссъ,—писалъ онъ. Онъ боялся называть ее «дорогая миссъ Уильбёръ», считая это чрезчуръ фамильярнымъ, ни однимъ словомъ не выражалъ онъ своихъ чувствъ къ ней, но онъ давалъ знать о себѣ и въ пространности его писемъ, и даже въ быстротѣ отвѣтовъ. Она писала ему въ дружескомъ тонѣ, но всегда обсуждая серьезные, наводившіе на размышленія вопросы. Писала она рѣдко, потому что была въ постоянныхъ разъѣздахъ. Обыкновенно она рекомендовала ему для прочтенія тѣ или другія книги.

«Я склонна видѣть во всемъ какъ разъ ту сторону, которую не видятъ другіе,—писала она однажды,—и потому я большая сторонница м-ра Хоуеля. Читали ли вы его послѣдній разсказъ въ «Century», онъ мнѣ нравится, потому что такъ необыкновененъ. Вамъ слѣдуетъ также прочесть сочиненія м-ра Кебль, Генри Джемса и миссъ Джоуетъ. Всѣ они принадлежатъ къ современной литературѣ, неизвѣстной въ восточныхъ штатахъ. Мои друзья выхваляютъ классиковъ, потому что это такъ принято, а я разбиваю идоловъ, которымъ они привыкли поклоняться. Мистеръ Хоуэль доказываетъ, что идея прогресса въ искусствѣ несовмѣстима съ представленіемъ о законченности его развитія. Точно также, какъ и въ области соціальнаго развитія, здѣсь всегда открывается перспектива новаго труда и новыхъ завоеваній».

Но всего чаще она высказывалась по экономическимъ вопросамъ, совсѣмъ не имѣющимъ личнаго характера, и видно было, что стремленіе ея сдѣлать изъ Брадлея реформатора было въ ней значительнѣе, чѣмъ желаніе развить въ немъ любовь къ современному искусству.

«Духъ преобразованій,—писала она,—распространяется все дальше и проникаетъ все глубже. Всякій, кто, подобно мнѣ, переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, не можетъ не видѣть этого. Рабочій вопросъ въ городахъ и фермерскій въ деревняхъ скоро сдѣлаются самыми настоятельными вопросами въ политикѣ. Теорія протекціонизма отживаетъ свой вѣкъ: она основывается на понятіи привилегіи, а новая борьба,

также какъ и прежняя военная борьба, покажетъ несостоятельность системъ какихъ-либо специальныхъ привилегій».

Брадлей читалъ это отреченіе миссъ Уильберъ отъ ея прежней идеи внутренняго рынка не безъ грустнаго, тягостнаго чувства. Казалось, что-то милое, прекрасное уплывало отъ него. И однако, онъ не могъ не соглашатся съ нею: онъ уже начиналъ понимать, что созданіе внутренняго рынка законодательнымъ путемъ было бы неестественно и ошибочно. Наставленія судьи Брауна не прошли для него безслѣдно.

Онъ сообщилъ ей о нѣкоторыхъ своихъ сомнѣніяхъ. Она отвѣчала, что собственно не отказывается отъ самой идеи внутренняго рынка, а измѣнила взглядъ только на методъ осуществленія этой идеи. Она пришла къ убѣжденію, что вѣрить можно только въ свободное, естественное, а не искусственное и вынужденное силою.

«Если вы обратитесь къ прошедшему,—писала она,—вы увидите, что прогрессъ законодательства всегда шелъ въ направленіи, противоположномъ обезпеченію какихъ-либо спеціальныхъ привилегій. Возьмите, напримѣръ, время Стюартовъ, когда король выдавалъ монополіи на торговлю тѣми, или другими предметами. Для насъ—это что-то ужасное, а между тѣмъ, нужно думать, что купцы, обезпеченные такими монополіями, считали ихъ своимъ законнымъ достояніемъ, своимъ правомъ. Мало-по-малу такія «права» стали казаться безправіемъ, и народъ ниспровергъ ихъ. Точно такъ же будутъ уничтожены и всѣ другія привилегіи; нужно только, чтобы народъ научился понимать, что привилегіи, которыми одинъ классъ пользуется въ ущербъ другимъ классамъ, являются нарушеніемъ свободы. Создать внутренній рынокъ можно только однимъ путемъ: дать средства народу покупать все, что ему нужно. Нашъ народъ всегда былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы покупать то, что ему нужно. Въ нашихъ восточныхъ факторіяхъ товары лежатъ безъ всякаго употребленія; множество продуктовъ, которые фермеръ съ радостью потребилъ бы, если бы только былъ въ состояніи, мы вывозимъ за границу. Фермеръ бѣденъ; но это не значитъ, что онъ нуждается въ спеціальномъ покровительствѣ; это значитъ, что онъ недостаточно производитъ, а то, что онъ производитъ отнимаютъ у него банкиры и толстосумы».

Много разъ перечитывалъ Брадлей ея письмо. Ничьи слова не производили на него такого впечатлѣнія. Въ каждомъ письмѣ онъ старался найти что-нибудь, касающееся его лично, но, повидимому, она тщательно избѣгала этого, и хотя его письма изрѣдка переходили на личную почву, она всегда оставалась нейтральной. Она отвѣчала ему дружески и сердечно, но съ большою сдержанностью, на которую онъ, казалось бы, долженъ былъ обратить вниманіе. Но онъ словно не замѣчалъ этого: онъ былъ слишкомъ взволнованъ.

Подъ вліяніемъ ея писемъ, Брадлей развилъ въ себѣ удивительную работоспособность. Любовь—этотъ величайшій стимулъ—двигала его

впередъ и если бы она прекратилась, онъ навѣрное сразу почувствовалъ бы себя ослабѣвшимъ. Но онъ не задумывался надъ этимъ.

XV.

Опять дома съ судьей.

Наконецъ, насталъ день окончанія занятій въ Айовѣ. Брадлей чувствовалъ себя какъ бы обновленнымъ. Въ вагонѣ онъ находился въ томъ же напряженномъ состояніи, какое овладѣло имъ при отъѣздѣ изъ Рокъ-Ривера. Теперь передъ нимъ открывалась настоящая жизнь. Его ученіе окончено, и онъ вступитъ въ ряды юристовъ. Будетъ ли онъ заниматься политикой, онъ еще не рѣшилъ. Онъ хотѣлъ обсудить этотъ вопросъ съ судьей Брауномъ.

Стоялъ іюнь мѣсяцъ, и природа сіяла своею красотою. Деревья были покрыты роскошной листвой, рѣки бѣжали вдаль, извиваясь подъ тѣнью вязовъ и липъ, поля, засѣянныя пшеницей и рожью, чередовались съ обильными пастбищами, на которыхъ паслись стада. Повсюду изъ окна вагона открывались чудесные сельскіе пейзажи, на которые Брадлей смотрѣлъ теперь съ восхищеніемъ. Утомленіе, пыль и грязь, которую онъ переносилъ, когда самъ занимался полевыми работами— были забыты.

Онъ вспомнилъ о томъ іюньскомъ днѣ, когда онъ впервые встрѣтилъ миссъ Уильбёръ. Потомъ онъ подумалъ о Нетти, отъ которой не получалъ извѣстій впродолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ недѣль. Онъ даже не могъ отдать себѣ отчета, когда получилъ онъ ея послѣднее письмо? И что бы это могло означать? Можетъ быть, она забыла его? Вотъ былъ бы счастливый исходъ изъ затруднительнаго положенія!

Судья выѣхалъ встрѣтить его въ каретѣ. На вокзалѣ было много знакомыхъ лицъ, но никто не узнавалъ его. Темная борода чрезвычайно измѣнила его, а новая шляпа какъ будто еще болѣе прибавляла ему росту.

— Сюда, сюда!--говорилъ судья своимъ спокойнымъ голосомъ, немножко въ носъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ наружности Брадлея, но въ виду многочисленной публики ограничился только крѣпкимъ пожатіемъ руки. — Вы поражаете всѣхъ своею бородою и этой шелковой шляпой,— продолжалъ онъ. Я уже боялся, что вы не исполните моихъ совѣтовъ относительно покупки шляпы.

— Да, въ угоду вамъ я уже пошелъ на это, но завтра же она отправится въ дальній чемоданъ,—отвѣчалъ Брадлей.—А какъ здоровье М-съ Браунъ?

— Благодарю васъ, очень хорошо, хотя, конечно, она сильно постарѣла. Зимою она простудилась, начала кашлять и съ тѣхъ поръ все еще не можетъ оправиться. Я настоялъ, чтобы она взяла прислугу, хотя

м-ссъ Браунъ такъ давно сама занимается хозяйствомъ, что считаетъ преступленіемъ впустить кого-либо въ свое домашнее царство.

М-ссъ Браунъ встрѣтила ихъ на порогѣ дома. Въ глазахъ ея Брадлей прочелъ столько любви и материнской ласки, что совершенно невольно крѣпко обнялъ и расцѣловалъ ее. Она была чрезвычайно тронута этимъ порывомъ и на глазахъ у нея выступили слезы, такъ что ей пришлось протереть очки, чтобы хорошенько разсмотрѣть его. Ужинъ былъ уже на столѣ, и она посадила его около себя.

— Борода страшно измѣнила васъ, Брадъ, я просто не узнала васъ въ первую минуту. Что-то скажетъ Нетти?—замѣтила она.

— А какъ она поживаетъ?

— Развѣ вы не получаете отъ нея писемъ?

— Давно уже не получалъ.

— Должно быть тогда слухи справедливы!

Брадлей посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Говорятъ, что она забыла васъ и увлечена новымъ бухгалтеромъ своего отца,—продолжала она, испытующе поглядывая на Брадлея.

Брадлей молчалъ. Лицо его стало задумчиво, глаза опустились внизъ.

— Откровенно говоря, Брадъ, я буду рада, если это справедливо. Не жена она вамъ, потому что умственно и нравственно вы переросли ее на цѣлую голову, и она сдѣлалась бы для васъ настоящею обузою. Я тутъ встрѣчала ее съ какимъ-то юношей, онъ, должно быть, совершенно въ ея вкусѣ, такъ что она, очевидно, не очень-то убивается по васъ!

Брадлей нѣсколько смутился. Онъ вспомнилъ канунъ своего отъѣзда, когда въ припадкѣ отчаянія, Нетти бросилась передъ нимъ на колѣни. Какъ онъ ни желалъ подобной развязки, но все же былъ пораженъ тѣмъ, что она такъ скоро забыла его.

— Скажите же мнѣ, м-ссъ Браунъ, что вы думаете о моемъ новомъ компаньонѣ?—сказалъ судья, глядя на Брадлея съ отцовской гордостью.

— Вѣроятно, вы говорите, о своемъ пріемномъ сынѣ, м-ръ Браунъ.

На другой день, Брадлей собрался идти въ церковъ. Онъ зналъ, что всѣ обратятъ вниманіе на его бороду и хорошо сшитое платье, зналъ, что онъ привлечетъ всеобщее вниманіе, но все-таки рѣшилъ идти, чтобы положить конецъ этому дѣлу.

Окна его комнаты были открыты, звонъ колоколовъ смѣшивался съ шумомъ листвы и жужжаніемъ насѣкомыхъ. Какъ и всегда, когда съ нимъ случалось что-либо пріятное, онъ вспоминалъ о миссъ Уильбѣръ. Ему хотѣлось бы, чтобы она раздѣляла его пріятное чувство. Онъ замечтался и просидѣлъ у окна до тѣхъ поръ, пока не перестали звонить колокола.

— Не пойдете ли и вы со мною въ церковь, судья? — спросилъ онъ, проходя мимо.

Судья медленно посмотрѣлъ на него. Онъ сидѣлъ у воротъ, положивъ ноги на заборъ, и внимательно читалъ «Чикагскую Газету».

— М-ссъ Браунъ, нашъ мальчикъ идетъ въ церковь, — проговорилъ онъ.

— Можетъ быть, и вы пойдете, съ нимъ? Это, навѣрное, было бы ему пріятно! — отозвалась м-ссъ Браунъ, сидѣвшая съ работою у открытаго окна.

— Онъ идетъ смотрѣть на дѣвушекъ! Не знаю я, что ли!.. Ну идите, идите молодой человѣкъ, а я ужъ дома посижу.

Брадлей вышелъ. Проходя мимо одного маленькаго домика, онъ увидѣлъ у воротъ знакомое лицо. Это былъ молодой человѣкъ, сидѣвшій безъ сюртука, въ одной рубашкѣ, и окруженный дѣтьми.

— Здорово, Мильтонъ! — ласково сказалъ Брадлей.

Молодой человѣкъ поднялъ голову, и лицо его озарилось радостною улыбкою.

— Здравствуйте Брадъ Талькотъ. Дьявольски радъ васъ видѣть! Когда же вы вернулись?

— Вчера вечеромъ. А эти ребятишки ваши? — спросилъ Брадлей, показывая на дѣтей.

— Да. Ну а вы какъ поживаете, старина? Никогда бы я васъ не узналъ съ этой длинной бородою. Зайдите ко мнѣ, побесѣдуемъ.

— Нѣтъ, я иду въ церковь. Пойдемте вмѣстѣ.

— Нельзя! Кто же присмотритъ за этими пострѣлятами.

Мильтонъ растолстѣлъ, и его бородка дѣлала его похожимъ на методистскаго пастора, но его лучистые голубые глаза по прежнему ласково смотрѣли на Брадлея.

— Скажите, — продолжалъ онъ, — вы снова поселились у судьи? Навѣрное, онъ васъ куда-нибудь пристроитъ. Теперь вы подниметесь даже выше, чѣмъ когда-то мечтали! Помните, какъ вы мечтали о мѣстѣ окружного казначея?.. Такъ заходите же на обратномъ пути; Елена будетъ рада васъ видѣть, — закричалъ онъ ему вслѣдъ.

Когда Брадлей вошелъ въ церковь, всѣ встали для пѣнія, и онъ могъ сѣсть не привлекая къ себѣ особаго вниманія. Слушая хорошо знакомые гимны, онъ почувствовалъ то же благоговѣніе, какое овладѣвало имъ въ церкви и прежде. Брадлей не былъ особенно религіознымъ человѣкомъ и не болѣе думалъ о спасеніи души и будущей жизни, чѣмъ какой-нибудь могучій древній грекъ. Его чувство благоговѣнія происходило отъ того, что съ церковью у него соединялись представленія о красотѣ, музыкѣ и любви, присутствіе красивой женщины вызывало въ немъ почти такія же настроенія.

Городскія церкви были единственными общественными зданіями, на которыхъ лежалъ отпечатокъ красоты и изящества. Въ большинствѣ случаевъ, это были маленькія деревянныя постройки съ разноцвѣтными окнами, которыя, умѣряя яркость солнечныхъ лучей, фанта-

стически чудесно освѣщали склоненныя головки молящихся дѣвушекъ. Это было единственное зданіе въ городѣ, не имѣющее никакихъ практическихъ утилитарныхъ цѣлей.

Когда всѣ сѣли и началась проповѣдь, Брадлей ощутилъ ароматъ церковныхъ облаченій, въ которыхъ смѣшивались камфара, корица, фіалка, роза и запахъ свѣжаго сѣна, лежащаго на солнцѣ кругомъ церкви. Чрезъ полуоткрытыя окна проникалъ легкій вѣтерокъ. Пчела влетѣла въ церковь, бабочка на минуту сѣла на раму, проповѣдникъ молился въ пышныхъ словахъ за различныя государственныя учрежденія.

Брадлей почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ. Осторожно обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ Нетти. Она улыбнулась и со своей обычной беззастѣнчивостью кивнула ему головою. Два-три молодыхъ парня также поклонились ему, но большинство присутствующихъ сидѣло съ наклоненными головами, сознавая присутствіе Высшей силы, которая хотя временно устраняла мысли о всѣхъ горестяхъ и заботахъ борьбы за существованіе.

Молодежь сгруппировалась на заднихъ скамьяхъ и хотя, повидимому, была поглощена молитвою, но въ сущности мало интересовалась богослуженіемъ. Смерть, адъ, могильный холодъ! Зачѣмъ думать о такихъ непріятныхъ вещахъ, когда горячая кровь кипѣла во всѣхъ жилахъ, а за окнами іюньскій вѣтерокъ игралъ съ тѣнями шепчущейся листвы. Вблизи сидѣли дѣвушки съ плутовскими глазками и нѣжными, какъ персики, щечками. Ихъ праздничныя платья, перчатки, шляпы совершенно преображали ихъ: онѣ казались такими недоступными, а между тѣмъ каждый ихъ взглядъ и движеніе манили и соблазняли юношей.

Брадлей не слушалъ проповѣди, онъ обдумывалъ значеніе улыбки Нетти и слова, которыя она скажетъ ему. Онъ не хотѣлъ никакой фальши, ничего недосказаннаго. Онъ долженъ или окончательно порвать съ прошедшимъ, или сдержать обѣщаніе, которое долгъ повелѣвалъ ему исполнить.

По окончаніи богослуженія, онъ отправился на паперть, чтобы поздороваться со своими прежними товарищами. Дѣйствительно, онъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ фермеровъ, которые дружелюбно пожимали ему руку. Вмѣстѣ съ ними, онъ прошелъ въ палисадникъ, гдѣ большинство прихожанъ раздѣлилось на группы. Разряженныя женщины вели за руку шалуновъ мальчиковъ, закутанныхъ въ теплыя пальто съ высокими воротниками, тогда какъ дѣвочки держались неподвижно, какъ куклы, смотря на своихъ шаловливыхъ братьевъ нѣсколько свысока. Нѣкоторые купцы обсуждали проповѣдь, нѣкоторые толковали объ урожаяхъ, другіе бесѣдовали съ Брадлеемъ о политикѣ.

Разговаривая со знакомыми, Брадлей замѣтилъ, что Нетти подошла къ одному молодому человѣку, тенору церковнаго хора, и болтая от-

правилась посидѣть съ нимъ на скамейкѣ подъ тѣнью клена. Она была разодѣта въ бѣлое съ розовымъ платье, онъ былъ въ щегольской модной парѣ съ розаномъ въ петлицѣ. Брадлей посмотрѣлъ на нихъ довольно равнодушно, только придя домой, въ свою комнату, онъ невольно задумался о томъ, что Нетти совершенно разлюбила его. На другой день онъ встрѣтилъ ее, возвращаясь изъ конторы.

— Здорово, Брадлей!—сказала она безъ всякаго смущенія, хотя и избѣгая смотрѣть ему въ глаза.

Онъ протянулъ ей руку съ привѣтливой улыбкою.

— Здравствуйте, Нетти! Куда направляетесь?—спросилъ онъ.

— Иду домой, а сейчасъ была въ лавкѣ. Хотите идти вмѣстѣ?

— Съ удовольствіемъ. Но скажите, однако, какъ вы поживаете?

— Очень хорошо. А знаете, вѣдь, борода придаетъ вамъ ужасно смѣшной видъ! Вы смотрите такимъ старикомъ,—шутила Нетти.

— Неужели?—сказалъ онъ.

— Право вы кажетесь такимъ солиднымъ, что вамъ только и мѣсто въ конгрессѣ,—отвѣчала она. — Скажите, имѣете ли вы извѣстія отъ Редборна?

Брадлей отрицательно покачалъ головою.

— А Лили онъ пишетъ, что много занимается и сотрудничаетъ въ газетахъ,—продолжала Нетти.—Представьте себѣ, Лили до сихъ поръ влюблена въ Редборна, вотъ глупая! Я не слѣдую ея примѣру!—прибавила она со своею обычною откровенностью.

— Да, я вижу, что у васъ по пословицѣ — съ глазъ долой изъ сердца вонъ!—отвѣтилъ Брадлей съ такою же искренностью.

— Не совсѣмъ. Однако, не хотите ли зайти къ намъ? — спросила Нетти.

— Нѣтъ, я вѣдь еще помню запрещеніе вашего отца переступать чрезъ его порогъ,—сказалъ Брадлей.

Она весело засмѣялась.

— Ну, теперь, я думаю, не бѣда!

— Неужели? Въ такомъ случаѣ я какъ-нибудь зайду, въ другой разъ!—сказалъ Брадлей, удаляясь.

XVI.

Выборы кандидатовъ.

Въ слѣдующій же понедѣльникъ по возвращеніи Брадлея состоялось цѣлое собраніе у Робби. Полковникъ Пиви и судья Браунъ пришли вмѣстѣ, Ридингсъ и Дирингъ уже ожидали ихъ, комфортабельно расположившись въ бесѣдкѣ и оживленно споря съ Робби, который проповѣдывалъ права свободной торговли,—«просто, изъ духа противорѣчія», какъ увѣрялъ Дирингъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я это утверждаю потому, что это мое мнѣніе,— отвѣчалъ Робби.

И такъ много искренности прозвучало въ его словахъ, что Ридингсъ нѣсколько смутился.

— Однако, съ какихъ же поръ?

— Да такъ—съ недѣлю!

— Что же заставило васъ перемѣнить ваши убѣжденія?

— Здравый смыслъ,—отвѣтилъ Робби.—Я прочелъ кое-какія книги противоположнаго лагеря, и, если бы вы взяли съ меня примѣръ, то, навѣрное, тоже измѣнили бы ваши проклятые свинскіе взгляды!

Демократы начали пересмѣиваться, а республиканцы смотрѣли на Робби, какъ на сумасшедшаго.

— Повѣсьте меня, коли я пойму, какія книги могли заставить васъ перейти въ лагерь мѣдноголовыхъ,—проговорилъ, наконецъ, его сводный братъ Смитъ.

Робби показалъ ему нѣсколько брошюръ. Судья началъ ихъ разсматривать, громко читая заглавія передъ удивленною публикой:

— «Деньги, какъ средство тираніи», «Философія свободной торговли», «Денежный вопросъ», «Право пользованія землею»—Герберта Спенсера. «Сельскохозяйственная и рабочая библіотека», «Прогрессъ и бѣдность»—Генри Джоржа.

— Я вижу, вы добрались до Спенсера и Джоржа,—сказалъ судья.

— Нѣтъ, не я добрался до нихъ, а они завладѣли мною, — отвѣчалъ Робби.

— Спенсеръ!—сказалъ Смитъ съ какимъ-то отвращеніемъ.—Какого чорта намъ до него!

Остальные сидѣли молча. Шутить было теперь не время.

— Гдѣ вы достали всѣ эти вещи?—спросилъ судья, перелистывая книги.

— Редборнъ мнѣ ихъ прислалъ.

— Такъ я и зналъ. Я всегда говорилъ, что если гдѣ на бѣломъ свѣтѣ найдется какая-нибудь подлая книжонка, такъ ужъ онъ, навѣрное, выкопаетъ ее!—сказалъ Смитъ.

— Что-жъ, если эти книги, дѣйствительно, такъ хороши, то я распространяю ихъ между молодыми республиканцами,—сказалъ судья.— Господа, будемъ надѣяться, что нынѣшній годъ мы побѣдимъ!

— Вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы это слышимъ отъ васъ,—сказалъ Ридингсъ.

— Теперь теченіе повернуло въ нашу сторону господа! Повѣрьте мнѣ, я прислушиваюсь ко всему окружающему и вижу, что рѣка, наконецъ, выходитъ изъ береговъ и на этотъ разъ я приму рѣшительныя мѣры. Я выставлю человѣка умнаго, энергичнаго, который побѣдитъ округъ, если только вы поддержите его. Онъ молодъ, уменъ, хорошій ораторъ и главное—неподкупенъ.

Рабби ударилъ по столу кулакомъ:

— Вы говорите про Брада Талькота! Выберемъ же его, провались я сквозь землю.

Амосъ попробовалъ возразить:

— Брадъ республиканецъ.

— Онъ сторонникъ свободной торговли,—спокойно отвѣтилъ судья.

— Почему вы знаете?

— Какъ мнѣ не знать! Я занимался съ нимъ впродолженіи двухъ лѣтъ, а неужели вы думаете, я не съумѣю сдѣлать изъ него послѣдователя Симоно-Джеферсоновской демократіи?

— Не повѣрю до тѣхъ поръ, какъ не услышу этого отъ самого Брадлея,—возражалъ Амосъ.—Я очень желаю, чтобы онъ попалъ въ конгрессъ въ Демуанъ, но не иначе, какъ въ качествѣ республиканца.

— Что-жъ! Приходите на будущей недѣлѣ на засѣданіе независимаго конвента, и вы услышите не мало новаго. Теперь ваше общество гренджа утрачиваетъ свое значеніе. Въ прошломъ году вы опять провалили своего кандидата, а если мы выставимъ образованнаго фермера, который съумѣетъ покорить весь округъ и поддержать Рокъ-Риверъ, почему бы намъ не соединиться и не поддержать его.

Желѣзнодорожный вопросъ имѣлъ громадное значеніе, и такъ какъ судья былъ большой политикъ, онъ вѣрно разсчиталъ, что это и будетъ точкой соприкосновенія между фермерами-республиканцами и демократами. Онъ былъ, дѣйствительно, самымъ способнымъ человѣкомъ въ этой мѣстности, и могъ управлять всѣмъ округомъ. Мало-по-малу ему удалось уговорить Амоса, Каунсиля, Дженкинса и другихъ коноводовъ гренджа подписать его воззваніе къ народному конвенту о назначеніи окружного кандидата и членовъ законодательнаго собранія. А это уже знаменовало сліяніе независимыхъ республиканцевъ съ юными демократами.

Тѣмъ не менѣе прежніе коноводы твердо стояли на своемъ и стремились направить рѣшеніе конвента къ своимъ цѣлямъ. Все это ясно высказалъ въ своей рѣчи самъ президентъ конвента старый Кольвель, избранію котораго значительно способствовалъ судья.

— Наконецъ, насталъ для насъ великій день,—сказалъ президентъ.——Долго мы ждали того времени, когда народъ увидитъ, что происки республиканцевъ подкапываютъ всѣ основанія политической честности. Теперь народъ видитъ это. Наше многочисленное собраніе, граждане, доказываетъ, что безсмертные принципы Джаксоновской демократіи не погасли еще подъ пепломъ пораженія.

Онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ спокойнаго разсужденія, обращаясь и къ молодежи и къ обросшимъ мохомъ старикамъ, какъ ихъ презрительно называлъ Мезонъ.

Вслѣдъ за этимъ полковникъ Пиви представилъ списокъ, въ которомъ снова были помѣщены всѣ прежніе кандидаты, такъ какъ

по его словамъ, нельзя не оцѣнить самопожертвованіе и терпѣніе людей, такъ тщетно ожидающихъ избранія на мѣста, оплачиваемыя жалованіемъ. Молодой Мезонъ вскочилъ съ мѣста.

— Господинъ президентъ!—началъ онъ.

— Господинъ Мезонъ.

— Хотя я глубоко цѣню терпѣніе и самопожертвованіе, съ которыми ваши кандидаты ожидали своего избранія, но я долженъ сказать, что если списки не будутъ измѣнены, то пройдетъ еще двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ мы будемъ имѣть шансы на мѣста, оплачиваемыя жалованьемъ. Но, главнымъ образомъ, я долженъ вамъ сказать, что вся сила современнаго движенія заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ личныхъ цѣлей и оно вполнѣ независимо отъ прежнихъ партій. Сила его заключается въ неотъемлемомъ правѣ фермера возставать противъ неправильныхъ налоговъ и желѣзнодорожныхъ повинностей, а также обращаться ко всей молодежи нашего округа.

Сильные аплодисменты служили доказательствомъ, что юный ораторъ увлекъ своихъ слушателей. Онъ былъ маленькаго роста, но его голосъ былъ великолѣпенъ, и краснорѣчіе глубоко содержательно и вдохновляюще.

— Если мы побѣдимъ на этотъ разъ, то намъ необходимо,—продолжалъ ораторъ,—поставить во главѣ движенія человѣка, вполнѣ безкорыстнаго, который сумѣлъ бы поддержать грендже́рскія права общества трезвости, молодежь и индепендентовъ. Этотъ человѣкъ...

— Господинъ президентъ,—воскликнулъ полковникъ Пиви, вставъ съ своего мѣста, величественно и рѣшительно завертываясь въ пальто какъ въ тогу.

— Господинъ президентъ,—кричалъ Мезонъ,—я получилъ право голоса и вы не вправѣ разрѣшить другимъ говорить прежде, нежели я кончу

— Господинъ президентъ, я хотѣлъ только сдѣлать одно замѣчаніе,—сказалъ полковникъ Пиви.

— Говорите ваше замѣчаніе,—отвѣтилъ президентъ.

— Я хотѣлъ только спросить молодого человѣка, сколько разъ онъ вотировалъ во всю свою жизнь,—отвѣчалъ Пиви.

Мезонъ покраснѣлъ отъ злости, тѣмъ не менѣе сдержанно отвѣчалъ.

— Я могу удовлетворить любопытство своего противника—я вотировалъ всего одинъ разъ во всю свою жизнь и, не смотря на то, имѣю право снова подавать голосъ и свободно высказывать свои убѣжденія.

Делегаты были на сторонѣ юнаго Мезона, а полковникъ сидѣлъ нахмуренный въ кругу старой гвардіи. Мильтонъ и Брадлей сидѣли вмѣстѣ и оба душевно радовались успѣшной выходкѣ своего молодого друга, который энергично продолжалъ:

— Мы не можемъ одержать побѣду на выборахъ, если будемъ вести борьбу на старыхъ основаніяхъ. Мы недостаточно сильны въ этомъ округѣ и хотя я убѣжденный демократъ (*аплодисменты*), я предлагаю присоединиться къ партіи независимыхъ. Мы имѣемъ въ виду одного

кандидата, вполнѣ отвѣчающаго нашимъ требованіямъ. Этотъ молодой человѣкъ хорошо изучилъ вопросы о налогахъ, притомъ онъ хорошій ораторъ, сумѣющій поддержать нашъ округъ. Я предлагаю своего кандидата—Брадлея Талькота изъ Риверъ-Рока.

Брадлей сидѣлъ смирно, чрезвычайно смущенный апплодисментами, которые раздались при его имени. Браунъ приготовилъ его къ мысли объ избраніи, но онъ не разсчитывалъ на поддержку такого множества избирателей.

Судья Браунъ всталъ съ мѣста.

— Я поддерживаю кандидатуру, господинъ президентъ! Я демократъ стараго покроя, но не желаю обрости мохомъ (какъ говорятъ наши противники) и дать молодежи опередить себя въ радикализмѣ. Я стою за прогрессъ и, зная, что Брадлей Талькотъ также сочувствуетъ прогрессу, поддерживаю его кандидатуру. Его программа дѣйствія дѣлаетъ честь его убѣжденіямъ и покроетъ славою весь округъ.

Амосъ Ридингсъ всталъ.

— Я поддерживаю эту кандидатуру въ качествѣ члена общества гренджа, республиканца и главное потому, что твердо убѣжденъ, что Брадлей Талькотъ не пойдетъ ни на какой подкупъ, такъ какъ у него честныя убѣжденія, и я буду стоять за него, покуда онъ будетъ вѣренъ своимъ принципамъ.

Эти слова дали Брадлею поддержку главенствующей партіи, такъ какъ Амосъ былъ силою въ округѣ. Кто-то крикнулъ Мильтова Дженкинса, и послѣ небольшого колебанія, онъ также всталъ съ своего мѣста.

— Господинъ президентъ,—началъ онъ,—я не состою делегатомъ конвента, но все-таки хочу высказать полное сочувствіе этой кандидатурѣ. Я ничего не зналъ объ предполагаемомъ избраніи Талькота, но если бы мнѣ сказали объ этомъ заблаговременно, то вмѣстѣ съ другими я сталъ бы агитировать за него. Теперь, я уже заранѣе обѣщалъ свой голосъ другому лицу, но если мнѣ разрѣшатъ съ честью взять обратно свою поддержку намѣченному кандидату, то я съ радостью перейду на сторону моего друга дѣтства и уважаемого сотрудника.

При этихъ словахъ, избраніе было принято съ энтузіазмомъ. Президентъ призналъ его единодушнымъ.

— Прошу слова!—раздался крикъ въ толпѣ.

Молодой Мезонъ вскочилъ на ноги и сказалъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Господинъ президентъ, пусть полковникъ Пиви и Амосъ Ридингсъ войдутъ на эстраду вмѣстѣ съ кандидатомъ.

Предложеніе было принято и приведено въ исполненіе со смѣхомъ. Когда вытащили Брадлея съ мѣста и повели къ возвышенію, раздался всеобщій хохотъ. Уилльямъ Каунсиль далъ пинка полковнику, когда тотъ проходилъ мимо его, Робби хлопнулъ его по спинѣ. Полковникъ все переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Когда они дошли до эстрады, Мезонъ сказалъ:

*

— Предлагаю три раза крикнуть ура за достоуважаемаго Брадлея Талькольта.

При крикахъ своихъ единомышленниковъ, Брадлей въ первый разъ сталъ лицомъ къ лицу предъ своими избирателями. Его колѣна дрожали и голосъ былъ такъ слабъ, что едва можно было его разслышать.

— Граждане избиратели!—началъ онъ.—Знаете ли вы, что дѣлаете?

— Конечно, знаемъ,—кричала толпа.—Почему вы это спрашиваете?

— Знаете ли, что вы избрали кандидата, не имѣющаго ни одного доллара за душою?—отвѣчалъ Брадлей.

— Тѣмъ лучше. Борьба пойдетъ на честныхъ началахъ!—воскликнулъ Мезонъ.

У Брадлея пересохло горло и закружилась голова.

— Я не могу больше говорить граждане-избиратели! У меня захватываетъ духъ отъ волненія, и я могу только выразить признательность за оказанную мнѣ честь и обѣщать вамъ, что постараюсь исполнить свой долгъ, какъ на выборахъ, такъ и въ конгрессѣ, если меня выберутъ.

Избиратели окружили его, пожимали ему руки и обѣщали свое содѣйствіе. Брадлей былъ потрясенъ до глубины души и могъ только улыбаться и молча подавать всѣмъ руку. Судья ликовалъ, и если бы Брадлей былъ его родной сынъ, то онъ не могъ бы радоваться сильнѣе.

— У насъ будутъ такіе выборы, какъ никогда,—говорилъ онъ всѣмъ,—выборы человѣка съ принципомъ и хорошо образованнаго.

Теперь Брадлею предстояло много дѣла. Онъ долженъ былъ посѣтить старыхъ друзей и сосѣдей, рекомендуя себя демократомъ, ему приходилось выслушивать много противоположныхъ воззрѣній, и защищая свои убѣжденія, подъ часъ идти въ разрѣзъ съ мнѣніями и предубѣжденіями фермеровъ.

Высказывая свои принципы, онъ былъ неотразимъ. Онъ широко ставилъ вопросъ и, оставляя въ сторонѣ всѣ личные мѣстные интересы, прямо переходилъ къ разсмотрѣнію общихъ принциповъ свободы и справедливости. Принимая кандидатуру, онъ высказалъ свою программу на митингѣ, бывшемъ на слѣдующій день, въ зданіи опернаго театра. Залъ былъ переполненъ, даже въ проходахъ стояла масса народа со всѣхъ концовъ округа. Всѣ находились въ какомъ-то выжидательномъ состояніи, всѣ какъ бы предчувствовали, что должны произойти большія перемѣны въ мнѣніяхъ избирателей Рокъ-Ривера.

Всѣ замѣтили большую перемѣну въ наружности Брадлея и находили, что борода его очень старитъ. Судья Браунъ и докторъ Карверъ сидѣли на возвышеніи вмѣстѣ съ Брадлеемъ и Мезономъ. Судья казался преисполненнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, походка его отличалась нервностью, и голосъ звучалъ какъ-то особенно, въ немъ слышалась гордость за своего пріемнаго сына.

Онъ сказалъ, что ему особенно пріятно содѣйствовать новому повороту политики въ Рокъ-Риверѣ.

— Питейный вопросъ я считаю рѣшеннымъ, говорилъ онъ,—но налогами надо усиленно заняться. Я кончаю свою рѣчь, полагая, что вамъ мало интереса выслушивать насъ стариковъ съ предвзятыми идеями, для васъ лучше молодые коноводы съ ихъ новыми принципами.

Затѣмъ выступилъ Мезонъ и произнесъ по обыкновенію самую необузданную рѣчь.

— Смерть — вотъ другъ прогресса и молодости, — сказалъ онъ. — Слава Богу, старики умираютъ и оставляютъ свободное мѣсто новымъ принципамъ и новымъ людямъ. По истинѣ, друзья и сосѣди, демократическая партія возродилась вновь, должна возродиться, чтобы принести дѣйствительную пользу.

Брадлей выступилъ впередъ совершенно блѣдный.

— Друзья и товарищи-сограждане! — началъ онъ. — Я не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ свою благодарность за честь, которую вы мнѣ сдѣлали. Я благодарю гражданъ Рокъ-Ривера за ихъ содѣйствіе и долженъ предупредить, что буду исключительно поддерживать интересы фермеровъ, потому что нашъ штатъ чисто земледѣльческій, слѣдовательно то, что принесетъ вредъ земледѣльцу, повредитъ и всему штату. Не должно быть вражды между городомъ и деревней, война объявлена между народомъ и монополистами, гдѣ бы они ни находились, въ городѣ или въ деревнѣ, это безразлично. Несправедливо утверждаютъ многіе, будто житель деревни врагъ жителямъ города—народное благо всюду одно. Положеніе вещей совершенно таково, какъ въ Англіи и Ирландіи. Говорятъ, ирландскій народъ воюетъ съ англичанами, — это неправда: существуютъ непріязненныя отношенія только между ирландцами и англійскими ландлордами. Совершенно то же и въ Америкѣ, гдѣ идетъ борьба между народомъ и немногими лицами, пользующимися привилегіями, и такъ какъ эти немногіе живутъ въ городахъ, то намъ и кажется, что мы ведемъ борьбу съ жителями городовъ. Какъ справедливо сказалъ судья, питейный вопросъ оконченъ въ нашемъ штатѣ, онъ не поднимется снова, если его не затронутъ заинтересованные въ немъ искатели мѣстъ. До сихъ поръ питейный и желѣзно-дорожные вопросы имѣли самое главное значеніе въ штатахъ, но разъ они сошли со сцены, мы должны обратить все свое вниманіе на устройство правильнаго взиманія налоговъ.

— А денежный вопросъ?—закричала толпа.—А упраздненіе національнаго банка?

Брадлей отвѣтилъ нерѣшительно.

— Это дѣло невозможное, уничтожить его нельзя, но можно измѣнить его исключительныя права. По моему мнѣнію,—продолжалъ онъ,— самый большой вредъ приноситъ военный бюджетъ, который насъ окончательно съѣдаетъ. Я вамъ откровенно высказываю свои убѣжденія и уже ваше дѣло выбирать меня или нѣтъ. Я считаю прямымъ

безобразіемъ существующій порядокъ взиманія податей, которыя были учреждены въ то время, когда требовались громадные расходы на войну. Знаю заранѣе, мнѣ скажутъ, что лучше имѣть избытокъ нежели дефицитъ въ государственномъ казначействѣ. Согласенъ, но еще лучше, если этотъ избытокъ останется въ карманѣ народа. Обложить народъ непосильнымъ налогомъ, имѣть избытокъ въ государственномъ казначействѣ, лишь бы имъ пользоваться для нелѣпыхъ нововведеній,— это настоящій разбой.

Вся его рѣчь была въ томъ же духѣ и производила громадное впечатлѣніе. Ему яростно апплодировали, митингъ окончился при самыхъ горячихъ преніяхъ; это повторилось и на слѣдующій день. Вопросъ о налогахъ и желѣзныхъ дорогахъ, разбилъ всѣхъ на два лагеря. Юный ораторъ возбуждалъ умы и всюду, гдѣ онъ произносилъ рѣчи, нарождались новыя воззрѣнія и возникали безконечные споры. Серьезное отношеніе къ дѣлу избирателей этого штата выдвинуло ихъ впередъ предъ всѣми другими округами. Люди бросали работы, собирались на дорогахъ у пыльныхъ возовъ пшеницы и цѣлыми часами, подъ жгучими августовскими солнечными лучами, сидѣли и разсуждали о желѣзнодорожныхъ нуждахъ, устанавливали цифру налоговъ и спорили объ избыткахъ въ государственной казнѣ. Старые коноводы также принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ и помогали совѣтами.

Брадлей понималъ, что онъ молодъ, неопытенъ и притомъ диссидентъ, и потому охотно обращался за содѣйствіемъ опытныхъ людей, которые были вполнѣ свѣдующи въ вопросахъ о налогахъ и желѣзнодорожныхъ усложненіяхъ и, кромѣ того, были искренними радикалами и хорошими ораторами. Судья Браунъ совершенно удалился отъ дѣлъ.

— Я не хочу,—говорилъ онъ,—чтобы въ этой борьбѣ было два теченія. Мы старые могауки (индѣйцы) и приносимъ только вредъ, а не пользу. Нашъ молодецъ сумѣлъ самъ за себя постоять, боюсь только, какъ бы онъ не сталъ слишкомъ радикаленъ, даже для демократовъ,— придется тогда создать новую партію, потому что на двухъ стульяхъ усидѣть нельзя.

XVII.

Выборы въ депутаты.

Выборы возбуждали громадный интересъ, и такъ какъ Рокъ-Риверъ имѣлъ рѣшающій голосъ, то зданіе судебныхъ учрежденій, гдѣ происходили выборы, было переполнено народомъ. Непрестанное движеніе продолжалось съ утра. Толпа стояла у дверей и двигалась по всѣмъ корридорамъ и проходамъ; все усиливалась бѣготня на лѣстницахъ и увеличивалась тѣснота въ залѣ засѣданія, темной, тускло освѣщенной комнатѣ. Стонъ стоялъ отъ шумныхъ разговоровъ, среди облаковъ дыма, и учащеннаго дыханія присутствующихъ. Всѣ жители города, казалось, были на лицо начиная отъ старика Дика, извѣстнаго

вора куръ, рыбака, и холодно-аристократическаго Русселя, мѣстнаго банкира. Озорники мальчишки кривлялись, кричали, играли въ прятки, шныряя подъ ногами присутствующихъ. Занимая немногія оставшіяся мѣста, они даже ухитрялись залѣзать на спинки скамеекъ, у которыхъ были вынуты сидѣнія. Керосиновыя лампы распространяли слабый свѣтъ, затемняемый облаками дыма. Огня въ комнатахъ не разводили, публика была въ шляпахъ и пальто и согрѣвалась яростно споря и и жестикулируя.

По временамъ какой-нибудь мальчуганъ испускалъ пронзительный крикъ или свистъ, или возбужденный демократъ одобрительно восклицалъ: «Вотъ это ловко! Молодцы наши!» Вдоль стѣнъ за скамьями оставался свободный проходъ, гдѣ стояли группы болѣе спокойныхъ избирателей обѣихъ партій, которые хладнокровно обсуждали шансы кандидатовъ.

Брадлея тутъ не было, но Мезонъ и Мильтонъ считались его представителями, и къ нимъ постоянно обращались съ выраженіемъ сочувствія. Около девяти часовъ вечера должна была настать рѣшительная минута.

Вдругъ раздался громкій звонокъ, потомъ водворилось гробовое молчаніе, и клеркъ началъ читать телеграммы съ отчетами изъ сосѣднихъ городовъ. Толпа взволновалась и всѣ ринулись къ судейской скамьѣ на которую взобрался клеркъ. Затаивъ дыханіе всѣ слушали его чтеніе въ носъ и на распѣвъ: «Рокъ Риверъ-подалъ 190 голосовъ за Кимбаля и 225 за Талькота». При этихъ словахъ раздался радостный крикъ Мезона и Мильтона.

— Побѣда!—кричали они.

— Впередъ ничего нельзя сказать,—отвѣтилъ кто-то изъ толпы,—надо подождать извѣстій изъ Седарвиля.

Чтеніе продолжалось, сопровождаемое возгласами демократовъ и республиканцевъ, смотря по извѣстіямъ; главный интересъ сосредоточивался на избраніи кандидата той и другой партіи. Впродолженіи всего вечера приходили извѣстія изъ другихъ городовъ. Курьеры быстро поднимались по лѣстницѣ мимо взволнованной толпы и передавали въ залъ избирательныя бюлетени. Постоянно мелькали посланные съ маленькихъ телеграфныхъ станцій.

Когда узнали, что демократы одержали побѣду въ нѣсколькихъ округахъ, республиканцы пришли въ ярость.

— Это политическій переворотъ!—воскликнулъ Мезонъ.—Наконецъ, демократы побѣдили!

Въ комнатѣ водворилось молчаніе, прерываемое только возгласами неукротимыхъ мальчишекъ.

Вдругъ пронесся крикъ «Седарвиль! Седарвиль!» и человѣкъ съ телеграфнымъ бланкомъ въ рукѣ сталъ торопливо пробираться по залѣ къ пюпитру. Тамъ телеграмма перешла въ руки клерка.

— Изъ Седарвиля семьдесятъ голосовъ за Кимбаля и сто десять за Талькота.

Независимые начали кричать до хрипоты, бросая вверхъ шапки. Талькотъ былъ избранъ въ двухъ городкахъ округа, а на фермеровъ можно было разсчитывать съ увѣренностью.

Мальчишки кричали какъ дикари и стаскивали другъ друга со стульевъ, мяли шляпы, хлопали по спинѣ избирателей, прятались у нихъ подъ ногами, тогда какъ клеркъ продолжалъ съ большими перерывами читать докладъ изъ другихъ штатовъ и округовъ. Старые демократы были въ восторгѣ, обѣтованная земля была не за горами.

Около половины перваго полковникъ Руссель объявилъ Брадлея избраннымъ, и тогда два здоровенныхъ человѣка, по обычаю, принесли двѣ бочки яблоковъ. Среди громкихъ криковъ публики, они опрокинули на полъ бочки и яблоки, какъ сѣверные лазутчики, разсыпались во всѣ стороны. Тогда начались громкіе крики, превосходящіе все, что было до сихъ поръ. Масса мужчинъ и мальчишекъ набросились на яблоки. Люди взлѣзали другъ другу на спину, вырывали изъ рукъ добычу, царапались и дрались, мяли шляпы, рвали платья и, вообще, ломали кости. Какъ только одинъ изъ борющихся захватывалъ яблоки въ руки или набивалъ ими карманы, немедленно на него налетали другіе и выхватывали изъ рукъ добычу, опустошали карманы и даже подъ часъ сшибали съ мѣста, такъ что онъ валялся въ пыли у ногъ разсвирѣпѣвшей толпы. Эта дикая игра окончилась только тогда, когда не осталось больше ни одного яблока. Тогда началась перестрѣлка кожурой и обрѣзками яблоковъ. Попасть въ блестящую высокую шляпу, или измять шелковую шапку, казалось, было для всѣхъ наслажденіемъ. Черезъ пять минутъ не осталось ни одной высокой шляпы. Полковникъ Пиви завернулъ свою въ платокъ, чѣмъ привлекъ на себя всеобщее вниманіе, такъ что ему ничего болѣе не оставалось, какъ удрать поскорѣе.

Тогда начали бросать яблоки въ плѣшивыя головы.

Шумъ продолжался, хотя никто не былъ пьянъ, никто не сошелъ съ ума. Долго продолжалась эта невообразимая сцена и вмѣстѣ съ тѣмъ заразительное веселье.

Полились бранныя слова и все мужское населеніе города яростно бросилось на лѣстницу, чтобы поскорѣе добраться до залъ засѣданія, гдѣ шла безумная игра. Если бы посторонній человѣкъ попалъ сюда, то легко могъ бы представить себя въ аду.

На улицѣ мальчишки нисколько не заботились о томъ, кто былъ избранъ, но они хватали пустыя керосиновыя бочки, пустые ящики, чтобы устроить потѣшные огни. Когда до нихъ дошелъ слухъ о раздачѣ даровыхъ яблокъ, они пришли въ отчаяніе оттого, что пропустили даровое угощеніе, и рѣшили избрать депутацію къ судьѣ Брауну, чтобы высказать ему свое горе. Наконецъ, одинъ отчаянный юноша сталъ въ головѣ шествія и всѣ отправились. Онъ шелъ по улицѣ на-

пѣвая: «Бумъ, бумъ, бумъ». Всѣ остальные ему подражали и выравнялись попарно. Они отправились прямо къ судьѣ Брауну, гдѣ находился Брадлей. У дверей судья вышелъ къ нимъ и они начали ему кричать: «Трижды ура за достоуважаемаго Брадлея». Потомъ они высказали свое горе криками: «Яблоковъ, яблоковъ, яблоковъ». Судья сказалъ: «Ладно, ребята, я сейчасъ вамъ пришлю яблоковъ съ Робби». Мальчишки снова закричали «ура!» и удалились.

Брадлей сидѣлъ въ кабинетѣ судьи совершенно, какъ въ туманѣ. Онъ не могъ говорить ни слова, его мысли помутились, онъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что это его судьба рѣшалась, но, наоборотъ, ему казалось, что рѣчь идетъ о комъ-нибудь другомъ. Онъ не былъ взволнованъ, но скорѣе удивленъ и пораженъ. Наконецъ, толпа оставила зданіе суда. Крики все рѣже раздавались по улицамъ. Заиграла музыка и шаги прохожихъ какъ бы выбивали тактъ по тротуарамъ. Послышалось приближеніе толпы и такъ была знакома Брадлею каждая дощечка на мостовой, что онъ легко могъ опредѣлить въ какомъ мѣстѣ находились приближающіеся люди. Теперь они переходили черезъ улицу, затѣмъ шли по дрожащимъ половицамъ мостовой, возлѣ лавки мясника, теперь на новомъ тротуарѣ возлѣ Робби. Наконецъ, послышался шумъ на лѣстницѣ и Мезонъ и Мильтонъ ворвались въ комнату съ криками:

— Ура! Мы-таки васъ вывезли. Теперь ужъ вы выбраны, хочешь— не хочешь!

— Крикнемъ три раза ура за демокракратію и за прогрессъ,—воскликнулъ судья въ страшномъ возбужденіи.

Предложеніе было принято съ восторгомъ, раздались шумные возгласы и затѣмъ толпа запѣла «Hail Columbia!»

Было два часа ночи, когда Брадлей и судья выбрались изъ толпы и пришли домой. Миссисъ Браунъ еще не ложилась. Съ обычной мужской безпечностью, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ, что она также безпокоится.

— Какъ! М-ссъ Браунъ, вы еще не спите?

— Да, м-ръ Браунъ, мнѣ хотѣлось васъ дождаться. Неужели вы думаете, что я могла спокойно заснуть, не зная, чѣмъ рѣшится судьба нашего дорогого Брадлея? — отвѣтила она сдержанно, хотя вся дрожала отъ внутренняго волненія.

— Мы избраны депутатомъ,—съ гордостью отвѣтилъ судья.

Она подошла къ Брадлею съ выраженіемъ радости и гордости на лицѣ. Брадлей обнялъ ее и положилъ голову къ ней на плечо. Онъ чувствовалъ, что она относится къ нему, какъ мать, и понималъ, что она гордится его успѣхомъ, отчего она стала ему вдвойнѣ дорога.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* * *

Не утра ты златой разсвѣтъ,—
Не полдень, свѣтлый и мятежный
Не ночь волшебная, о нѣтъ!
Ты—вечеръ, ясный, кроткій, нѣжный.
Ты робкій призракъ тишины,
Рожденный сумракомъ печальнымъ,
Въ тотъ часъ, когда лучемъ прощальнымъ
Въ послѣдній разъ озарены
Дубравы сонныя и нивы,
Въ тотъ часъ таинственный, когда
Природа грезитъ молчаливо,
И загорается стыдливо
На небѣ первая звѣзда.

Ты все—вечерняя, чужая
Дневнымъ тревогамъ и страстямъ.
Какъ будто изъ иного края
Ты забрела случайно къ намъ,
И, на землѣ полуживая,
Грустишь, о прошломъ вспоминая.—
Ты вся—унывная. Твой взоръ
Улыбкой свѣтится закатной,
Исполненъ грусти непонятной
Твоихъ рѣчей нѣмой укоръ...
Какъ вечеръ, сны мои чаруя,
Печалишь душу ты мою,
И оттого тебя люблю я,
Что тихій вечеръ я люблю.

С. Маковскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *)

V.

Утописты.—Робертъ Оуэнъ.

Исторія—большая фантазерка. Она любитъ самыя неожиданныя, причудливыя комбинаціи, которыя не придумаешь по заказу. Мы уже видѣли мало образованнаго биржевого игрока въ роли замѣчательнѣйшаго теоретика политической экономіи. Теперь передъ нами богатый фабрикантъ, возстающій противъ зла наемной работы; человѣкъ съ поразительными способностями къ практическому дѣлу, съ совершенно исключительной коммерческой сметкой въ роли величайшаго утописта. Робертъ Оуэнъ былъ очень плодовитымъ авторомъ и написалъ на своемъ вѣку огромное множество книгъ, брошюръ, памфлетовъ, адресовъ, статей по самымъ различнымъ поводамъ и вопросамъ. Но, безъ сомнѣнія, самое интересное поучительное и глубокое его произведеніе—это его собственная жизнь.

Одной изъ своихъ статей Оуэнъ далъ характерное названіе, которое можно было бы поставить эпиграфомъ ко всей его литературной дѣятельности, даже болѣе, ко всей его жизни: «Попытка превратить этотъ сумасшедшій домъ въ разумный міръ». На склонѣ лѣтъ Оуэнъ не могъ не придти къ убѣжденію, что эта попытка безнадежна; но весь его чрезвычайно богатый жизненный опытъ только подтверждалъ его невысокое мнѣніе о человѣческомъ родѣ. Ошибка Оуэна заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ постоянно забывалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и говорилъ съ безумцами, какъ съ людьми, вполнѣ владѣющими умственными способностями.

Первые шаги Оуэна на жизненномъ пути (род. въ 1771 г., умеръ въ 1858 г.) тѣсно связаны съ ростомъ фабричной промышленности. Сынъ бѣднаго ремесленника въ маленькомъ валлійскомъ городкѣ, Оуэнъ былъ всѣмъ обязанъ самому себѣ. Его успѣхи на поприщѣ обогащенія были столь же быстры и блистательны, какъ и успѣхи другого

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1901 г.

знаменитаго дѣятеля въ области общественной мысли — Рикардо. Но въ то время, какъ Рикардо, банкиръ и биржевой дѣлецъ, былъ далекъ отъ сѣрой народной массы, которая своимъ пòтомъ и трудомъ создаетъ богатство, Оуэнъ самъ вышелъ изъ этой массы и до конца жизни не терялъ тѣснаго соприкосновенія съ ней. 10-ти лѣтъ Оуэнъ поступилъ въ суконную лавку, затѣмъ сдѣлался приказчикомъ. Ему было только 18 лѣтъ, когда онъ рѣшился начать самостоятельное дѣло и устроилъ въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ Манчестера небольшую бумагопрядильную фабрику съ нѣсколькими незадолго передъ тѣмъ изобрѣтенными прядильными (мюльными) машинами. Его дѣло пошло отлично, но будучи человѣкомъ смѣлой инипіативы, Оуэнъ скоро бросилъ свое крохотное предпріятіе, для того, чтобы поступить управляющимъ на настоящую большую бумагопрядильную [фабрику съ нѣсколькими сотнями рабочихъ. Въ это время Оуэну еще не было 20-ти лѣтъ; затѣмъ его жизненная карьера идетъ быстрыми прыжками. 26-ти лѣтъ Оуэнъ уже покупаетъ, во главѣ компаніи капиталистовъ, одну изъ старѣйшихъ въ Шотландіи огромную бумагопрядильную фабрику въ Нью-Ланаркѣ и становится полновластнымъ распорядителемъ ея. Съ этого времени начинается и реформаторская дѣятельность Оуэна, сначала стяжавшая ему общее уваженіе и почетъ, сдѣлавшая его одной изъ наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ личностей въ Англіи, а затѣмъ приведшая къ совершенному разрыву Оуэна съ современнымъ ему образованнымъ обществомъ и потерѣ имъ всякаго авторитета.

Первый и самый блестящій періодъ дѣятельности Оуэна связанъ съ Нью-Ланаркомъ. Онъ сталъ во главѣ обширнаго фабричнаго населенія въ 2—3 тысячи человѣкъ, населенія, представлявшаго наиболѣе деградированную группу людей, какую только можно вообразить. Всѣ ужасы нерегулируемой фабричной системы имѣлись въ концентрированномъ видѣ въ Нью-Ланаркѣ. Почти четверть рабочихъ были дѣтьми пауперовъ, купленными у приходовъ; это были въ полномъ смыслѣ слова бѣлые рабы, съ которыми обращались, какъ съ рабочимъ скотомъ, и которыхъ только такое обращеніе могло побудить къ работѣ. Въ числѣ этихъ дѣтей, работавшихъ по 12 и болѣе часовъ въ день, были семи, шести и даже пятилѣтняго возраста. Взрослые рабочіе состояли изъ всевозможнаго общественнаго отброса, такъ какъ при началѣ фабричной промышленности сколько-нибудь порядочный рабочій не шелъ на фабрику, представлявшуюся ему чѣмъ-то вродѣ кромѣшнаго ада, гдѣ стальныя машины губили и тѣло и душу людей. Преступники, бродяги, пьяницы, пауперы—вотъ изъ кого слагалось населеніе Нью-Ланарка. Эта разношерстная, грубая, дикая и своевольная толпа сдерживалась сколько-нибудь въ порядкѣ только желѣзной дисциплиной и суровыми наказаніями и штрафами. Открытая вражда характеризовала отношеніе рабочихъ къ хозяевамъ.

Положеніе Оуэна затруднялось еще тѣмъ, что рабочіе-шотландцы видѣли въ немъ, какъ англичанинѣ, иностранца и относились къ нему съ сугубымъ недовѣріемъ.

И несмотря на все это, черезъ нѣсколько лѣтъ управленія фабрикой Оуэну удалось достигнуть поразительныхъ, прямо феерическихъ результатовъ. Какъ будто онъ обладалъ волшебной силой для искорененія дурныхъ свойствъ человѣка и его нравственнаго возрожденія! Два года, по словамъ Оуэна, длилась горячая битва между нимъ и подвластнымъ ему фабричнымъ населеніемъ Нью-Ланарка. Рабочіе видѣли въ Оуэнѣ своего злѣйшаго врага; онъ рѣшилъ держать себя съ ними, какъ искренній другъ. Его неизмѣннаго доброжелательства не могло побѣдить никакое проявленіе ненависти рабочихъ. Оуэнъ сократилъ рабочій день, повысилъ заработную плату, уменьшилъ дѣтскую работу, организовалъ цѣлую сѣть учрежденій воспитательнаго характера, общественныя кухни, столовыя и жилища, лавки для снабженія рабочихъ за дешевую цѣну провизіей лучшаго качества, позаботился о пенсіяхъ для престарѣлыхъ, кассахъ взаимопомощи, больницахъ и медицинской помощи для больныхъ и т. д., и т. д. Въ результатѣ получилось полное пересозданіе рабочаго населенія. Нью - Ланаркъ сталъ единственной въ мірѣ фабрикой по своему образцовому устройству, по благосостоянію, довольству и образованности своихъ рабочихъ, по высокому уровню ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Можно было бы усомниться въ дѣйствительности достигнутыхъ Оуэномъ успѣховъ, если бы не свидѣтельства многихъ частныхъ лицъ и нѣсколькихъ правительственныхъ и общественныхъ коммиссій, осматривавшихъ учрежденія Нью-Ланарка и воздававшихъ самыя восторженныя похвалы его руководителю и патрону. Слава Нью-Ланарка гремѣла во всемъ свѣтѣ и ежегодно около 2.000 лицъ, въ числѣ которыхъ были и коронованныя особы, посѣщало эту удивительную фабрику, на которой производились въ огромныхъ размѣрахъ любопытнѣйшіе соціальные эксперименты, какіе когда-либо видѣлъ міръ.

И что всего поразительнѣе—эти эксперименты не только не вредили коммерческому успѣху дѣла, не только не шли въ ущербъ барышамъ фабриканта, но приводили къ еще болѣе быстрому росту богатства послѣдняго. Нью-Ланаркская фабрика была куплена Оуэномъ въ 1798 г. за 60 тысячъ ф. с.; въ 1812 г. она цѣнилась уже въ 200 тысячъ ф. с. (т.-е. около двухъ милліоновъ рублей), причемъ доходъ ея достигалъ 12°/o этой послѣдней суммы.

Все это время Оуэнъ еще не выступалъ въ литературѣ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова автодидактомъ и его образованіе оставалось до конца жизни скуднымъ. Его дѣятельность въ Нью-Ланаркѣ не вытекала ни изъ какой теоріи; но теорія естественно вытекала изъ нея. Эту теорію Оуэнъ и изложилъ въ своемъ первомъ литературномъ произведеніи—«Новый взглядъ на общество или опыты о

принципахъ образованія человѣческаго характера», вышедшемъ въ 1813—1816 гг. и содержащемъ, несмотря на свою краткость, все существенное въ основныхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ Оуэна, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни.

Отправнымъ пунктомъ Оуэна въ его разсужденіяхъ является постоянно повторяемое имъ положеніе, что человѣкъ не создаетъ и не можетъ самъ создать своего характера. Характеръ человѣка слагается подъ вліяніемъ условій его жизни и воспитанія, причемъ самъ человѣкъ играетъ вполнѣ пассивную роль. Тезисъ этотъ, который отнюдь не можетъ считаться оригинальной мыслью Оуэна и былъ внушенъ ему господствовавшей въ то время утилитарной философіей Бентама, приводитъ Оуэна къ выводу, что человѣкъ не можетъ считаться отвѣтственнымъ за свои достоинства или недостатки, отвѣтственность за которые падаетъ на общество. Всѣ люди могутъ быть сдѣланы вполнѣ нравственными существами, если только они будутъ поставлены въ обстановку, благопріятствующую развитію ихъ нравственныхъ свойствъ. «Съ помощью надлежащихъ мѣръ,—говоритъ Оуэнъ,—можно пріучить человѣка жить въ какой угодно странѣ безъ нищеты, безъ преступленій и безъ наказаній; потому что всѣ эти несчастія проистекаютъ изъ ложныхъ системъ воспитанія, основанныхъ на грубомъ незнаніи человѣческой природы... Въ человѣкѣ можно воспитать какія угодно чувства, свойства и какой угодно характеръ... Причина всѣхъ золъ—невѣжество, происходящее отъ заблужденій, переданныхъ нашему поколѣнію предшествующими, и, главнымъ образомъ, отъ величайшаго изъ заблужденій, отъ того взгляда, будто личности сами образуютъ свой характеръ».

Оуэнъ даетъ яркую картину бѣдствій рабочаго населенія Англіи подъ вліяніемъ фабричной системы. «Съ тѣхъ поръ, какъ на британскихъ фабрикахъ были повсемѣстно введены машины,—съ негодованіемъ говоритъ Оуэнъ,—на человѣка стали смотрѣть, какъ на машину второстепенную и низшую. Стали обращать гораздо больше вниманія на усовершенствованіе дерева, металла и сырыхъ матеріаловъ, чѣмъ на человѣческое тѣло и душу».

Вопросъ объ уничтоженіи бѣдности связывался для Оуэна съ болѣе широкимъ вопросомъ о нравственномъ перевоспитаніи человѣчества.

Кто же долженъ выступить въ роли спасителей человѣчества изъ глубины бѣдствій и порока, въ которую оно пало? Тѣ самые, кто теперь получаетъ выгоды отъ этого порядка вещей. «Стоитъ только обнаружить страданія милліоновъ,—надѣется Оуэнъ,—чтобы вынудить у лицъ, управляющихъ свѣтомъ, такое восклицаніе: «можетъ ли существовать подобное положеніе вещей и могли ли мы не знать о немъ?..». По мнѣнію Оуэна возможно искоренить нищету и нравственно воскресить людей безъ всякаго ущерба для кого бы то ни было. Доказательствомъ этого является, въ глазахъ Оуэна, его опытъ въ Нью-Ланаркѣ.

Его богатство не потерпѣло никакого ущерба отъ его соціальныхъ опытовъ. Почему же невозможно повторить такой же опытъ въ большихъ размѣрахъ, для всей страны? «Привилегированные классы докажутъ свою мудрость, если будутъ искренно содѣйствовать лицамъ, не желающимъ тронуть ни іоты изъ ихъ теперешнихъ мнимыхъ выгодъ, напротивъ, старающимися доставить возможное счастье какъ этимъ привилегированнымъ классамъ, такъ и всему обществу».

Въ этомъ своеобразномъ сплетеніи вѣрныхъ и глубокихъ мыслей съ самымъ наивнымъ оптимизмомъ обнаруживается весь Оуэнъ, съ его яснымъ пониманіемъ общественныхъ недуговъ и человѣческихъ слабостей и непоколебимой, дѣтски-простодушной вѣрой въ хорошія свойства человѣческой природы. Непониманіе соціальныхъ антагонизмовъ и глубокихъ причинъ классовой борьбы въ современномъ капиталистическомъ обществѣ было кореннымъ недостаткомъ міросозерцанія не только Оуэна, но и другихъ утопистовъ. И Оуэнъ не могъ никогда избавиться отъ этого недостатка, несмотря на горькія разочарованія, которыя ему пришлось перенести впослѣдствіи.

Блестящій успѣхъ Нью-Ланарка являлся, въ глазахъ Оуэна, доказательствомъ осуществимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ предлагаемыхъ имъ соціальныхъ преобразованій. Но Оуэнъ упускалъ изъ виду однокоренное различіе: во главѣ Нью-Ланарка стоялъ человѣкъ такой огромной духовной мощи, направленной на благо людей, какъ онъ самъ. И понятно, если бы всѣ фабриканты, или хотя многіе изъ нихъ, походили на Оуэна, то въ планахъ его не было бы ничего утопическаго. Къ сожалѣнію, такихъ фабрикантовъ, какъ Оуэнъ, мы знаемъ не очень много—точнѣе говоря, не знаемъ никого, кромѣ его самого.

Въ періодъ управленія Нью-Ланаркомъ Оуэнъ былъ лучшимъ и благороднѣйшимъ типомъ гуманнаго фабриканта-филантропа, но не болѣе. Его еще нельзя было назвать соціалистомъ; всѣ его планы улучшенія участи рабочаго класса покоились на существующихъ отношеніяхъ труда и капитала. Онъ выступилъ иниціаторомъ нѣкоторыхъ важныхъ соціальныхъ реформъ; такъ, Оуэну принадлежитъ великая заслуга проведенія фабричнаго закона 1818 г., регулировавшаго трудъ дѣтей на фабрикахъ. Съ этого закона начинается фабричное законодательство Англіи (болѣе ранніе законы не имѣли никакого практическаго значенія), завершившееся,—биллемъ 1847 г. о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Но все это было соціальной реформой, а не соціализмомъ. Рѣшительный шагъ въ сторону соціализма Оуэнъ сдѣлалъ въ 1817 г., въ докладѣ комитету, изслѣдовавшему мѣры помощи нуждающемуся населенію Англіи.

Образованіе этого комитета было вызвано тяжелымъ промышленнымъ кризисомъ. Оуэнъ попалъ въ число членовъ комитета, образованнаго изъ извѣстнѣйшихъ лицъ Англіи, для выработки средствъ борьбы съ пауне-

ризмомъ, ростъ котораго пугалъ общественное мнѣніе, и выступилъ съ грандіознымъ планомъ переустройства всего хозяйственнаго строя страны на новыхъ началахъ. Вмѣсто того, чтобы тратить, совершенно непроизводительно, огромныя суммы на содержаніе пауперовъ, не занимающихся никакимъ полезнымъ трудомъ, ничего не производящихъ и развращающихся морально, государство должно, по мнѣнію Оуэна, приступить къ систематической организаціи труда пауперовъ. Для этой цѣли государство должно заняться устройствомъ общинъ одновременно земледѣльческаго и промышленнаго характера. Населеніе каждой общины не должно превышать 1.500 человѣкъ. Всѣ жители общины должны жить въ одномъ зданіи и обрабатывать собственными силами общинную землю въ размѣрѣ 1.000—1.200 акровъ на каждую общину. Хозяйственныя работы должны производиться сообща за счетъ общины, причемъ изготовляемые продукты поступаютъ въ распоряженіе общины. Каждая семья имѣетъ свою особую квартиру въ общинномъ домѣ, но дѣти съ трехлѣтняго возраста воспитываются сообща. Обѣдъ долженъ получаться изъ общественной кухни. Община всецѣло беретъ на себя содержаніе каждаго своего члена, требуя отъ него соотвѣтствующей его силамъ и способностямъ работы. Такъ какъ все производство и потребленіе будутъ организованы въ крупныхъ размѣрахъ, то послѣдуетъ огромная экономія въ расходахъ и огромный выигрышъ въ производительности труда. Благодаря этому общины, при первоначальной поддержкѣ со стороны государства, получатъ возможность сами себя содержать, доставляя своему населенію такія удобства и такое благосостояніе, которыя совершенно недоступны рабочему классу при современныхъ условіяхъ производства. Преимущества общинной работы должны быть такъ велики, что Оуэнъ надѣется на постепенное вытѣсненіе этимъ новымъ типомъ хозяйственныхъ организацій господствующей системы наемнаго труда. Такимъ образомъ, мало-по-малу, безъ всякаго принужденія и безъ ущерба кому бы то ни было, наемная работа прекратится и кооперативныя общины (какъ Оуэнъ называетъ ихъ) станутъ единственными формами хозяйственныхъ предпріятій. Планомѣрная организація труда замѣнитъ существующую свободную конкуренцію, сводящуюся къ борьбѣ всѣхъ со всѣми. Незанятые капиталы, не находящіе работы рабочіе, пустующіе земельные участки найдутъ себѣ выгодное примѣненіе. Пауперизмъ исчезнетъ благодаря тому, что производительныя силы общества, которыя теперь остаются безъ надлежащаго использованія вслѣдствіе неорганизованности общественнаго хозяйства, будутъ утилизоваться по опредѣленному плану въ общихъ интересахъ.

Этотъ проектъ знаменовалъ собой рѣшительный поворотъ въ дѣятельности Оуэна. Передъ нами уже не гуманный фабрикантъ. Новыя задачи открываются передъ Оуэномъ; дѣло идетъ о созданіи новаго міра общественныхъ отношеній. На смѣну этого хозяйственнаго строя

Робертъ Оуэнъ.

долженъ быть созданъ новый, въ основу котораго будетъ положена разумная, планомѣрная организація общественнаго хозяйства въ интересахъ всѣхъ.

Съ этого времени кипучая общественная дѣятельность все болѣе и болѣе захватываетъ Оуэна. Онъ превращается въ самаго неутомимаго агитатора, какого только можно себѣ представить. Изъ-подъ его пера выходятъ массы памфлетовъ, статей, записокъ, проектовъ, онъ устраиваетъ по всей странѣ митинги, гдѣ произноситъ длинныя рѣчи и ведетъ дебаты со своими противниками, онъ участвуетъ, черезъ посредство друзей, въ парламентской дѣятельности, стремясь воздѣйствовать на правительство, организовываетъ всевозможныя общества для распространенія и практическаго осуществленія своихъ идей. Мало-по-малу отношеніе къ Оуэну господствующаго общества измѣняется; честность его намѣреній, безкорыстіе его побужденій еще не заподозриваются (впослѣдствіи ему пришлось пережить и это), но его авторитетъ, какъ богатаго фабриканта и удачнаго общественнаго реформатора, исчезаетъ, въ виду новаго характера его дѣятельности. Въ Оуэнѣ видятъ уже не благоразумнаго и заслуживающаго довѣрія практическаго человѣка, а вреднаго и опаснаго безумца и мечтателя. Восторженныя похвалы, къ которымъ такъ привыкъ Оуэнъ въ началѣ своей карьеры, смѣняются все болѣе рѣзкими порицаніями, которыя постепенно переходятъ въ ожесточенную брань и клевету. Пропасть между Оуэномъ и образованнымъ обществомъ быстро растетъ; отъ его былой популярности среди вліятельныхъ и богатыхъ людей, лордовъ, архіепископовъ и даже принцевъ крови, не остается и слѣда. Онъ теряетъ своихъ прежнихъ друзей, многіе изъ которыхъ дѣлаются его ожесточенными врагами.

Для характеристики взглядовъ Оуэна, а вмѣстѣ и всего утопическаго соціализма, весьма поучительно его отношеніе къ политическимъ реформамъ. Двадцатые годы были временемъ чрезвычайно энергичнаго политическаго движенія въ Англіи, имѣвшаго цѣлью парламентскую реформу—расширеніе числа избирателей въ парламентъ. Оуэнъ всегда выступалъ противъ этого движенія, равно какъ и противъ позднѣйшаго политическаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ — чартизма. Съ точки зрѣнія Оуэна, форма правленія не имѣла никакого значенія по отношенію къ экономическому положенію народной массы и осуществленію проектируемыхъ имъ соціальныхъ реформъ. На конгрессѣ своихъ послѣдователей въ 1832 г. Оуэнъ даже заявилъ, что «деспотическія правительства нерѣдко оказываются лучшими, чѣмъ такъ называемыя демократическія... по отношенію къ кооперативной системѣ не имѣетъ ровно никакого значенія, деспотично ли правительство или нѣтъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Оуэнъ до конца жизни остался чуждъ идеи классовой борьбы. Онъ неизмѣнно настаивалъ на томъ, что его планы отнюдь не враждебны богатымъ. При господствѣ кооперативной си-

стемы всѣ выиграютъ, всѣмъ станетъ лучше. Рабочіе выиграютъ, разумѣется, гораздо больше, чѣмъ хозяева, такъ какъ положеніе тѣхъ и другихъ сравняется. Но и хозяева не проиграютъ; жизнь въ новомъ мірѣ, исполненномъ свободы, братской любви и общаго благополучія, при огромномъ ростѣ народнаго богатства, благодаря соединенію труда и производству въ крупныхъ размѣрахъ, благодаря разумному и планомѣрному использованію силъ природы, примѣненію машинъ, усовершенствованію самого человѣка путемъ раціональнаго воспитанія и обученія, будетъ настолько счастливѣе, богаче наслажденіемъ и прекраснѣе, чище и выше во всѣхъ отношеніяхъ жалкой жизни въ современномъ обществѣ, страдающемъ отъ бѣдности, преступленій, пороковъ и угнетеній всякаго рода, которые не могутъ не отравлять существованія даже и богатаго человѣка, что и богатые имѣютъ всѣ основанія пламенно желать этого новаго міра. «Тѣ, кто проводитъ новые принципы общества,—сказалъ Оуэнъ въ засѣданіи одного кооперативнаго конгресса,—не желаютъ причинять зла кому бы то ни было и не желаютъ, что бы то ни было отнимать у богатыхъ, ибо они имѣютъ возможность создать болѣе новаго богатства, чѣмъ кто-либо въ состояніи потребить». По словамъ Голайока, ученика Оуэна и автора «The History of Cooperation in England», «Оуэнъ всегда оставался вѣренъ той идеи, что кооперація не засовываетъ руки ни въ чей карманъ и не посягаетъ ни на чью личность». Никакія разочарованія, никакіе горькіе уроки, которые ему въ такомъ изобиліи преподносила жизнь, не могли разрушить въ Оуэнѣ его прирожденной вѣры въ человѣка. По своей натурѣ, онъ не могъ проповѣдывать вражды; съ словомъ любви онъ обращался ко всѣмъ—и если богатые оставались глухи къ его проповѣди, то это вызывало въ Оуэнѣ только жалость къ этимъ неразумнымъ людямъ, не понимающимъ своихъ собственныхъ интересовъ.

Поэтому вполнѣ естественно, что Оуэнъ не сочувствовалъ всякимъ проявленіямъ классовой борьбы. Онъ не былъ другомъ стачекъ, и хотя самъ принималъ энергичное участіе въ рабочихъ союзахъ и даже стоялъ во главѣ многихъ изъ нихъ, но видѣлъ задачу этихъ союзовъ не въ борьбѣ съ хозяевами, а во взаимопомощи рабочихъ.

Съ этой цѣлью Оуэну удалось образовать въ 1833 г. огромную федерацію рабочихъ союзовъ, число членовъ которой считалось около полумилліона. Федерація эта называвшаяся «General Union of the Productive Classes» просуществовала недолго и черезъ нѣсколько лѣтъ распалась. Но несмотря на эту неудачу, вліяніе Оуэна на рабочіе союзы было очень глубоко и, въ общемъ, благотворно, такъ какъ Оуэнъ внесъ въ англійское рабочее движеніе духъ энтузіазма, котораго оно раньше было чуждо.

Къ двадцатымъ годамъ относятся и практическія попытки Оуэна осуществленія новаго соціальнаго строя. Самая крупная изъ такихъ по-

пытокъ была сдѣлана въ Америкѣ. Старая Европа оказалась малопригодной почвой для воспріятія новаго ученія. И вотъ Оуэнъ, въ несокрушимой увѣренности въ осуществимость своихъ соціальныхъ утопій, покидаетъ родину и ѣдетъ въ Новый Міръ—въ Америку. Здѣсь въ штатѣ Индіана, въ глухой, малонаселенной мѣстности, онъ пріобрѣтаетъ 30.000 акровъ земли, принадлежавшей раньше одной религіозной общинѣ. Поселокъ носилъ символическое имя «Гармони» (Гармонія). Оуэнъ переименовываетъ его въ Нью-Гармони и приступаетъ къ устройству новаго общества.

Но опытъ Нью-Гармони, въ концѣ концовъ, окончился полнымъ фіаско; удивительно, что такое фантастичное предпріятіе могло всетаки осуществиться и хотя нѣсколько лѣтъ держаться не безъ нѣкотораго блеска. Около 1.000 человѣкъ — энтузіастовъ, бѣдняковъ и просто проходимцевъ и искателей приключеній—откликнулось на зовъ Оуэна. Община вскорѣ распалась на нѣсколько меньшихъ, нѣкоторыя изъ которыхъ, на первыхъ порахъ, оправдывали самыя горячія надежды искателей новой правды. Вотъ, напр., въ какихъ привлекательныхъ краскахъ описываетъ жизнь въ одной изъ такихъ общинъ, образовавшейся преимущественно изъ болѣе интеллигентныхъ людей, одинъ изъ ея участниковъ въ 1826 г.

«Послѣ трудовъ мы почти каждый вечеръ имѣемъ балы, концерты или общія бесѣды. У насъ есть прекрасный оркестръ, равно какъ и другія утонченности общественной жизни. Наши ученыя и литературныя собранія хотя немногочисленны, но согласіемъ и гармоніей превосходятъ собранія въ большихъ городахъ. Забава служитъ вознагражденіемъ труду и дѣятельность находитъ въ отдыхѣ вознагражденіе, неизвѣстное лѣнивымъ. Наши молодыя женщины, вставъ изъ-за фортепіано, идутъ доить коровъ или стряпать на кухнѣ, что весьма забавляло герцога Саксенъ-Веймарскаго, который прожилъ у насъ съ недѣлю. Его секретарь танцовалъ на всѣхъ нашихъ балахъ въ костюмѣ общины; этотъ костюмъ состоитъ изъ изящной греческой туники и широкихъ панталонъ для мужчинъ. Женскій костюмъ также походитъ на этотъ. Тотъ и другой сдѣланы такъ, чтобы нисколько не стѣснять движеній человѣка.

«...Можетъ быть, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ столь большаго числа людей, соединенныхъ въ одномъ мѣстѣ, столь свободныхъ отъ предразсудковъ и столь далекихъ отъ всѣхъ старыхъ ошибокъ, политическихъ и религіозныхъ... Мы имѣемъ отъ пяти до шести тысячъ томовъ лучшихъ сочиненій, и довольно времени для того, чтобы просвѣщать себя чтеніемъ и разговорами. Изъ будущихъ поколѣній мы надѣемся образовать людскую расу, болѣе совершенную, чѣмъ тѣ, которыя существовали до сихъ поръ, и на развалинахъ стараго общества образовать новое, устройство котораго будетъ согласно съ природой и потребностями человѣка».

Въ 1827 г. въ разныхъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ существовало уже до 20 кооперативныхъ общинъ сходнаго характера. Но всѣ онѣ, какъ и слѣдовало ожидать, благополучно распались черезъ нѣсколько лѣтъ. Неудача попытокъ такого рода—создать на началахъ братской любви новый маленькій міръ, какъ цвѣтущій и благоуханный оазисъ среди безпредѣльной и мрачной пустыни стараго міра—не представляетъ собой ничего удивительнаго. Жители Нью-Гармони воспитались и выросли въ совершенно иной соціальной обстановкѣ, чѣмъ та, которую они стремились создать въ своей кооперативной общинѣ. Ихъ нравы, привычки, характеры, симпатіи, потребности развились на почвѣ борьбы за существованіе и закона конкуренціи, верховныхъ владыкъ капиталистическаго міра. Какъ же могли они годиться для созданія новаго общества, основной законъ котораго требовалъ безкорыстнаго служенія общимъ интересамъ? Порыва энтузіазма могло хватить на нѣсколько лѣтъ, но огонь воодушевленія не принадлежитъ къ числу прочныхъ и устойчивыхъ строительныхъ матеріаловъ. Новый соціальный строй требуетъ и новаго человѣка, который не можетъ явиться по первому зову благороднаго мечтателя.

Итакъ, американскій опытъ окончился полнымъ крушеніемъ. Столь же неудачны были попытки устройства кооперативныхъ общинъ и въ Англіи. Но все это нисколько не ослабило непоколебимой вѣры Оуэна въ свое дѣло. Каждая новая неудача только пришпоривала его почти нечеловѣческую энергію; его пропаганда развертывалась все шире и шире, захватывала все новые и новые слои общества. О кипучей дѣятельности Оуэна можно составить себѣ представленіе по слѣдующему разсчету, приводимому Ребо, авторомъ книги «Etudes sur les Reformateurs». По словамъ Ребо, Оуэнъ за время 1826—1837 гг. произнесъ около 1.000 публичныхъ рѣчей, издалъ около 500 адресовъ разнымъ классамъ общества, написалъ около 2.000 газетныхъ и журнальныхъ статей и сдѣлалъ отъ 200 до 300 путешествій. Въ 30-хъ годахъ число послѣдователей Оуэна въ Англіи считалось уже сотнями тысячъ; идеи Оуэна глубоко вкоренились въ умахъ англійской рабочей массы, смотрѣвшей на него, какъ на новаго Моисея, обѣщающаго вывести свой народъ изъ капиталистическаго плѣненія. Около этого времени Оуэнъ занялся новымъ предпріятіемъ, на которое онъ, по своему обыкновенію, возлагалъ великія надежды—устройствомъ «рабочей биржи». Подъ «рабочей биржей» Оуэнъ разумѣлъ весьма своеобразное учрежденіе, идея котораго возникла у него подъ вліяніемъ тяжелыхъ промышленныхъ кризисовъ, причинявшихъ такія страданія англійскому рабочему населенію. Непосредственными причинами или, во всякомъ случаѣ, наиболѣе очевиднымъ симптомомъ этихъ кризисовъ были переполненіе рынка товарами и невозможность сбыта послѣднихъ, несмотря на то, что общественная потребность въ этихъ товарахъ была далека отъ удовлетворенія. Въ кризисахъ особенно выпукло обнаруживался свое-

образный парадоксъ капиталистическаго хозяйства—парадоксъ бѣдности, вызываемой богатствомъ. Такъ называемое перепроизводство товаровъ отнюдь не означаетъ собой, что товаровъ имѣется больше, чѣмъ общество можетъ потребить ихъ; у огромнаго большинства населенія остается масса неудовлетворенныхъ потребностей. Товары не находятъ сбыта только потому, что у тѣхъ лицъ, которые испытываютъ нужду въ нихъ, не хватаетъ средствъ для покупки этихъ товаровъ. Съ другой стороны, отсутствіе сбыта товаровъ разстраиваетъ промышленность, ведетъ къ сокращенію производства, безработицѣ и еще большей бѣдности.

Отсюда легко придти къ мысли, что возможно уничтожить кризисы увеличеніемъ покупательныхъ средствъ въ рукахъ населенія. Но откуда взять эти средства? Оуэнъ рѣшилъ, что эти средства могутъ быть созданы, если только отказаться отъ употребленія, какъ мѣноваго посредника, денегъ. Вмѣсто денегъ мѣновымъ посредникомъ должны стать просто бумажные знаки, на которыхъ обозначено, какое количество средняго человѣческаго труда заключено въ данномъ товарѣ. Естественное мѣрило цѣнности есть трудъ. Однако, при существующемъ характерѣ обмѣна, цѣнности товаровъ сравниваются лишь при посредствѣ денегъ. Кто не имѣетъ денегъ, тотъ не можетъ ничего купить, хотя бы онъ и располагалъ трудовой цѣнностью, заключенной въ товарѣ. Чтобы избавить производителей отъ гибельной власти денегъ, достаточно создать учрежденія, въ которыхъ бы трудовая цѣнность товаровъ выражалась не деньгами, а ничего не стоющими бумажными знаками, причемъ обмѣнъ товаровъ совершался бы при посредствѣ этихъ бумажныхъ знаковъ. Такимъ учрежденіемъ и должна была быть «рабочая биржа» Оуэна.

Каждый кліентъ этой биржи имѣлъ право доставить въ нее любой товаръ для сбыта. Свѣдущія лица устанавливали, какое количество труда было потрачено на производство этого товара и выдавали собственнику товара бланкъ, на которомъ было обозначено это количество труда. Этотъ бланкъ могъ быть обмѣниваемъ на любой другой товаръ равной трудовой цѣнности, имѣвшійся въ распоряженіи биржи. Такимъ образомъ. обмѣнъ совершался безъ всякаго посредства денегъ и цѣнность товаровъ измѣрялась только трудомъ.

«Рабочая биржа» должна была, по мнѣнію Оуэна, произвести полный переворотъ въ условіяхъ товарнаго сбыта, прекратить кризисы, уничтожить зависимость производителя отъ денежнаго капитала и обезпечить каждому рабочему пользованіе продуктами его труда. Теперь для насъ вполнѣ ясна ошибочность основной идеи «рабочей биржи». Невозможность сбыта товаровъ зависитъ не отъ недостатка денегъ, а отъ неправильнаго распредѣленія общественнаго производства. Оуэнъ разсчитывалъ организовать обмѣнъ, оставляя неорганизованнымъ общественное производство. Но именно въ неорганизованности

общественнаго производства и лежитъ корень зла, основная причина промышленныхъ кризисовъ.

Если производитель изготовляетъ не тѣ товары, которые требуются потребителемъ, то товары эти должны остаться непроданными, какова бы ни была организація обмѣна. Затрудненіе сбыта указываетъ на непропорціональность распредѣленія общественнаго производства; гарантировать сбытъ всѣхъ товаровъ, независимо отъ того, соотвѣтствуютъ ли они спросу или нѣтъ, значило бы уничтожить тотъ естественный механизмъ, которымъ въ настоящее время возстановляется пропорціональность общественнаго производства. Если бы каждый могъ разсчитывать продать свой товаръ, все равно, нуженъ этотъ товаръ или ненуженъ потребителю, то предложеніе товаровъ перестало бы приспособляться къ спросу, производитель пересталъ бы руководствоваться вкусами и нуждами потребителя, и всякая пропорціональность должна была бы исчезнуть въ народномъ хозяйствѣ.

Поэтому, всѣ подобные попытки организаціи обмѣна безъ посредства денегъ неизмѣнно кончались неудачей. «Рабочая биржа» стояла передъ альтернативой: или принимать только такіе товары, на которые имѣлся спросъ, и по той цѣнѣ, по которой покупатели соглашались эти товары пріобрѣтать — но въ такомъ случаѣ биржа не удовлетворяла своему назначенію—обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ по ихъ трудовой цѣнности; или же биржа, оставаясь вѣрной своей задачѣ, должна была безъ разбора принимать всякіе товары по ихъ трудовой цѣнности, не имѣя никакой возможности сбыть эти товары, за отсутствіемъ на нихъ спроса.

«Рабочая биржа» была новой неудачей Оуэна. Она продержалась около двухъ лѣтъ благодаря денежной поддержкѣ со стороны, но въ концѣ концовъ должна была ликвидировать свои дѣла съ большимъ убыткомъ для Оуэна. Послѣдующая дѣятельность Оуэна тѣсно связана со всѣми движеніями англійскаго рабочаго класса 30-хъ и 40-хъ годовъ. Онъ близко стоялъ къ агитаціи въ пользу 10-ти часового рабочаго дня; съ чартизмомъ Оуэнъ боролся, хотя изъ рядовъ его послѣдователей вышли нѣкоторые вожди чартистовъ. Главнымъ литературнымъ произведеніемъ Оуэна этой эпохи можетъ считаться его многотомная работа «A book of the new moral world». «Новый нравственный міръ», о которомъ мечтаетъ Оуэнъ, не имѣетъ ничего общаго со старымъ міромъ. Каждый гражданинъ новаго общества будетъ занятъ въ возрастѣ отъ 12—25 лѣтъ производствомъ богатства; затѣмъ дѣятельность его найдетъ себѣ примѣненіе въ другихъ сферахъ—въ области общественнаго управленія, художественнаго и научнаго творчества и т. д. Современные большіе города должны исчезнуть. Ихъ замѣнятъ общины, разсѣянныя по всей странѣ, съ населеніемъ въ 500—3.000 человѣкъ, главнымъ занятіемъ которыхъ будетъ земледѣліе и обработка добываемыхъ продуктовъ. Обмѣнъ будетъ происходить

только между отдѣльными общинами, но вообще его область сократится. Обитатели «новаго нравственнаго міра» будутъ жить вмѣстѣ, въ обширныхъ роскошныхъ домахъ, частная собственность совершенно исчезнетъ, женщины будутъ пользоваться полной равноправностью съ мужчинами, воспитаніе дѣтей будетъ лежать на общинѣ. Бракъ станетъ вполнѣ свободнымъ и люди будутъ сходиться и расходиться только по взаимному влеченію. Само собою разумѣется, что тюрьмы, наказанія, полиція, войско и вообще всѣ средства насилія стараго міра не найдутъ себѣ мѣста въ мірѣ будущаго.

Эти соціальныя фантазіи, значеніе которыхъ заключается въ новомъ соціальномъ идеалѣ, показываемомъ Оуэномъ человѣчеству, не мѣшали нашему великому утописту дѣятельно работать надъ практическимъ улучшеніемъ и этого стараго міра. Мы подходимъ теперь къ главному практическому дѣлу Оуэна, блестящій успѣхъ котораго покрываетъ всѣ испытанные Оуэномъ неудачи.

Мы видѣли, какъ далеко заносился Оуэнъ въ своихъ мечтахъ. Но въ натурѣ этого поразительнаго человѣка было единственное въ своемъ родѣ соединеніе необузданнаго полета воображенія съ самымъ трезвымъ пониманіемъ практическаго дѣла. Утопистъ Нью-Гармони былъ въ то же время разсчетливымъ хозяиномъ Нью-Ланарка. Эта драгоцѣнная черта, составлявшая главную силу Оуэна, спасла дѣло его жизни. Среди общаго крушенія начатыхъ имъ предпріятій мало-помалу упрочилось и окрѣпло могучее и практическое *кооперативное* движеніе, которое представляетъ въ настоящее время, на ряду съ трэдъ-юніонизмомъ, одну изъ главныхъ формъ самопомощи рабочихъ во всемъ мірѣ и которое въ огромныхъ размѣрахъ содѣйствовало несомнѣнному подъему за послѣднее время его экономическому благосостоянію.

Неутомимая пропаганда Оуэна повела къ тому, что сотни тысячъ трезвыхъ и практическихъ англійскихъ людей повѣрили въ проповѣдуемое имъ новое евангеліе. Но усвоивъ новую вѣру, они не перестали быть практическими людьми. Они вѣрили въ будущее наступленіе «новаго нравственнаго міра». Что же дѣлать, однако, теперь, пока міръ еще не измѣнился? Ждать они не могли и искали немедленнаго дѣла. И такое ближайшее практическое дѣло нашлось. Оуэнъ объяснилъ имъ, въ какой огромной мѣрѣ возрастаютъ экономическія силы вслѣдствіе ихъ соединенія; разрозненные бѣдняки, соединившись вмѣстѣ, могли достигнуть благосостоянія. Задача заключалась въ томъ, чтобы дать возможность мелкимъ производителямъ и потребителямъ воспользоваться выгодами крупнаго производства и потребленія, въ такихъ заманчивыхъ краскахъ рисуемыми Оуэномъ. Но для крупнаго производства требуется и крупный капиталъ, — откуда его взять? Ощупью и шагъ за шагомъ практическая мысль англичанина искала рѣшенія этой трудной задачи. Наконецъ, мало-по-малу, путь къ достиженію цѣли сталъ выясняться. Если рабочій не располагаетъ ни шиллингомъ ка-

питала, то все же онъ представляетъ нѣкоторую экономическую силу въ качествѣ потребителя. Лавочникъ, продающій рабочему провизію, живетъ барышами, получаемыми со многихъ подобныхъ бѣдняковъ. Въ своей совокупности, бѣдняки эти достаточно богаты, чтобы поддерживать лавочника и давать ему высокіе барыши. Почему же потребители, соединившись вмѣстѣ, не могутъ замѣнить лавочника и сохранить всѣ эти барыши въ своихъ карманахъ? Такимъ образомъ можетъ возникнуть фондъ, который постепенно, послѣ ряда лѣтъ, можетъ превратиться въ крупный капиталъ, необходимый для организаціи производства на кооперативныхъ началахъ.

Итакъ, первымъ шагомъ къ кооперативному производству является кооперація потребителей. Потребители соединяютъ свои средства, заводятъ кооперативную лавочку, изъ которой берутъ товары и сберегаютъ въ свою пользу прибыль лавочника. Вотъ основная идея такъ называемыхъ кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, получившихъ въ настоящее время такое развитіе на всемъ земномъ шарѣ.

Когда идея этой организаціи достаточно выяснилась, во всей Англіи стали возникать потребительныя товарищества среди рабочихъ. Въ 1832 г. такихъ товариществъ насчитывалось уже около 500. Большинство изъ нихъ были очень мелкими и плохо организованными. Всѣ они были проникнуты идеями Оуэна и разсматривали кооперацію потребленія только, какъ первый шагъ къ кооперативной организаціи производства; поэтому они не выдавали никакихъ дивидендовъ своимъ членамъ, а накапливали дивиденды для образованія фонда будущей производительной ассоціаціи.

Въ нѣсколько лѣтъ Англія покрылась цѣлой сѣтью потребительныхъ обществъ. Связью между ними являлись различнаго рода общества, непрерывно возникавшія по инниціативѣ Оуэна и также быстро распадавшіяся; кооперативное движеніе имѣло нѣсколько своихъ газетъ, тщательно слѣдившихъ за всѣми успѣхами кооперативнаго дѣла и стремившихся улучшить его организацію.

Однако, первые успѣхи оказались весьма эфемерными. Огромное большинство первоначальныхъ потребительныхъ обществъ не продержалось и нѣсколько лѣтъ и быстро распалось, вслѣдствіе ли неумѣлости руководителей, неподготовленности рабочихъ, необезпеченности имущества ассоціацій въ юридическомъ отношеніи, неудовлетворительности внутренней организаціи или другихъ причинъ.

Но сѣмя, брошенное Оуэномъ, не заглохло. Прошелъ десятокъ лѣтъ и кооперативное движеніе возобновилось съ новой силой. Колыбелью этого новаго движенія былъ маленькій ланкаширскій городокъ Рочдэль, гдѣ въ 1844 г. 28 рабочихъ основали крошечное потребительное общество съ нѣсколькими фунтами капитала. Изъ этого слабаго ростка выросло современное могущественное кооперативное движеніе Англіи, съ его милліономъ членовъ, 36 милліонами фунтовъ (360 милл. руб.) еже-

годнаго оборота, тремя милліонами фунтовъ ежегодной прибыли и 12 милліонами фунтовъ накопленнаго капитала.

Мы не будемъ останавливаться на этой поучительной и славной страницѣ новѣйшей соціальной исторіи Англіи. Намъ достаточно констатировать, что, по общему мнѣнію, современное кооперативное движеніе всецѣло вытекло изъ пропаганды Оуэна. Правда, оно далеко не осуществило возвышеннаго идеала Оуэна. Оно не послужило переходной ступенью къ «новому нравственному міру». То, что Оуэнъ считалъ только первымъ шагомъ къ цѣли — кооперація потребителей—является для современныхъ продолжателей дѣла Оуэна конечной цѣлью. Вообще, юношескій энтузіазмъ, отличавшій первые, робкіе шаги кооперативнаго движенія, совершенно чуждъ послѣднему въ настоящее время. Но все это нисколько не колеблетъ кардинальнаго факта, что милліоны рабочихъ Англіи и всего міра, извлекающіе нынѣ вполнѣ реальные экономическіе выгоды изъ кооперативнаго движенія, обязаны благодарностью никому иному, какъ мечтателю и утописту Оуэну, вызывавшему въ свое время столько издѣвательствъ со стороны людей такъ называемаго здраваго смысла, отлично понимающихъ свои ближайшіе выгоды, но совершенно лишенныхъ способности проникать взоромъ въ грядущее. Мѣсто идеалиста Оуэна заняли теперь другіе идеалисты, которые точно также *пока* вызываютъ только насмѣшки толпы, но дѣло жизни которыхъ получитъ достойную оцѣнку со стороны будущихъ поколѣній.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

М. Туганъ-Барановскій.

ФРАУ БЕРТА ГАРЛАНЪ.

Романъ Артура Шницлера.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Гуревичъ.

(*Продолженіе* *).

Когда Берта, уже поздно вечеромъ, вошла въ свою комнату, мысль сейчасъ же отправиться на чердакъ, гдѣ хранилась сумка съ письмами, показалась ей почти сумасбродной. Она боялась, что въ домѣ могутъ замѣтить ея ночное отсутствіе и счесть ее просто сумасшедшей. А завтра можно было сдѣлать это, не обращая на себя ничьего вниманія, самымъ спокойнымъ образомъ. И она заснула съ чувствомъ ребенка, которому обѣщали на завтра поѣздку за городъ.

Утромъ у нея было не мало дѣла; разныя домашнія хлопоты и уроки музыки заняли все время до обѣда. Нужно было также сообщить невѣсткѣ все, что касалось поѣздки въ Вѣну. Она разсказала, что послѣ обѣда ходила гулять со своей кузиною, и представила дѣло такъ будто она письменно отказалась отъ приглашенія, полученнаго отъ родственницы фрау Рупіусъ.

Только послѣ обѣда она поднялась на чердакъ, гдѣ и нашла запыленную дорожную сумку, лежавшую подлѣ сундука и двухъ ящиковъ, прикрытыхъ совершенно истрепанной красной узорчатой скатертью. Берта помнила, что въ послѣдній разъ открывала эту сумку, чтобы положить туда переписку, оставшуюся отъ ея покойныхъ родителей. И дѣйствительно, когда она открыла сумку въ своей комнатѣ, первое, что бросилось ей въ глаза, были письма ея братьевъ и еще какія-то съ незнакомыми ей почерками. Потомъ она вынула тщательно связанный пакетикъ съ немногочисленными письмами къ ней отъ ея родителей; двѣ приходо-расходныя книжки ея матери; маленькую тетрадочку, сохранившуюся отъ ея собственнаго школьнаго времени, съ росписаніемъ уроковъ и того, что задавалось выучить на дому; потомъ нѣсколько котильонныхъ бездѣлушекъ съ вечеровъ на которыхъ она

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1901 г.

бывала еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, и, наконецъ—письма Эмиля завернутыя въ голубую мѣстами прорвавшуюся шелковую бумагу. Теперь она вспомнила даже когда именно въ послѣднiй разъ, не читая, держала ихъ въ рукахъ: это было въ то время, когда отецъ ея уже лежалъ больной, и она долго безвыходно сидѣла дома. Она отложила этотъ пакетикъ въ сторону. Ей хотѣлось разсмотрѣть раньше все остальное, что сохранялось здѣсь и что было такъ интересно разобрать. На днѣ сумки лежало нѣсколько разрозненныхъ писемъ—одни въ конвертахъ, другiя просто такъ; она заглянула наудачу въ нѣкоторыя изъ нихъ. Это были письма старыхъ подругъ, нѣсколько записокъ отъ кузины, а это письмо отъ того врача, который за нее сватался; оно заключало въ себѣ приглашенiе на первый вальсъ на вечерѣ въ одномъ докторскомъ кружкѣ. А здѣсь—что бы это могло быть? Да, это было то анонимное письмо, посланное ей кѣмъ-то въ консерваторiю. Она взяла его въ руку: «Mein Fräulein, вчера я опять имѣлъ счастье любоваться Вами при встрѣчѣ на Вашемъ обычномъ пути, не знаю, имѣлъ ли я также счастье быть замѣченнымъ Вами». Нѣтъ этого счастья онъ не имѣлъ! За этимъ слѣдовали еще цѣлыхъ три страницы, наполненныя комплиментами ей; никакихъ желанiй, ни одного рискованнаго слова. И она никогда ничего больше не слышала о человѣкѣ, написавшемъ ей это письмо. А вотъ письмо, подписанное инициалами: М. Г. Это былъ тотъ наглецъ, который осмѣлился разговаривать съ нею на улицѣ и здѣсь, въ этомъ письмѣ, дѣлалъ ей какiя-то предложенiя—какiя именно? Да, вотъ это мѣсто, отъ котораго у нея тогда вся кровь бросилась въ голову: «Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ васъ, съ того момента, какъ вы устремили на меня свой строгiй и въ тоже время многообѣщающiй взглядъ, я полонъ одною мечтой, однимъ желанiемъ: цѣловать эти глаза». Она не отвѣтила разумѣется; это было то самое время когда она любила Эмиля. Да, она подумала, было, даже, не показать ли ему это письмо, но опасенiе вызвать его ревность удержало ее. Эмиль такъ и не узналъ ничего объ этомъ М. Г. А эта мягкая ленточка, попавшая ей подъ руку? Какой-то бантикъ... Но она не могла отдать себѣ отчета, на память о чемъ хотѣла когда-то сохранить его. А это бальный альбомчикъ, гдѣ были записаны имена ея кавалеровъ. Она хотѣла припомнить, кто такiе были эти люди, но не могла. А между тѣмъ какъ разъ на этомъ балу былъ тотъ человѣкъ, нашептывавшiй ей пламенныя слова, какихъ она никогда не слышала на своемъ вѣку ни отъ кого другого. Въ эту минуту образъ его вдругъ побѣдоносно всплылъ въ ея памяти среди носившихся вокругъ нея тѣней. Да, это было уже въ то время, когда свиданiя ея съ Эмилемъ становились все рѣже. Какъ странно это было... или это ей только пригрезилось? Танцуя съ нею, онъ страстно прижалъ ее къ себѣ, и она не противилась и чувствовала прикосновенiе его губъ къ своимъ волосамъ, и это было невѣроятно и прекрасно... Да, а потомъ? Она

никогда больше не видала его. Ей показалось вдругъ, что въ то время она пережила очень многое — много чего-то такого страннаго, и она удивилась, что всѣ эти воспоминанія такъ долго спали въ ея душѣ, какъ эти сувениры на днѣ старой дорожной сумки... Однако, нѣтъ! Иногда она думала обо всемъ этомъ: о людяхъ, которые ухаживали за нею, объ анонимномъ письмѣ, о страстномъ танцорѣ, о прогулкахъ съ Эмилемъ—но такъ какъ если бы во всемъ этомъ не было ничего особеннаго, какъ если бы это было просто прошедшее, обычная юность молодой дѣвушки, перешедшая въ тихую жизнь замужней женщины. Но сегодня всѣ эти воспоминанія представились ей вдругъ какими-то неисполненными обѣщаніями; все, что было когда-то пережито ею, говорило ей теперь о ея неудачно сложившейся жизни: словно судьба обманывала ее съ того самого времени, какъ она вышла замужъ и до сегодняшняго дня, и словно теперь только она поняла это и остановилась, не зная, какъ ей быть, что дѣлать... Однако, что же это? Она думала обо всѣхъ этихъ пустякахъ, а здѣсь подлѣ нея лежитъ въ этой голубой шелковой бумажкѣ настоящее сокровище, ради котораго она и стала рыться въ старой сумкѣ,—письма единственнаго человѣка, котораго она любила, письма отъ того времени, когда она была счастлива. Многія могли бы завидовать ей теперь, если бы знали, что онъ, именно онъ, когда-то любилъ ее, и притомъ—иначе, лучше, горячѣе, чѣмъ кого-либо послѣ нея. И она почувствовала себя обиженною въ самой глубинѣ при мысли, что она — которая могла бы быть его женою, если бы только... если бы... Мысли ея спутались.

Рѣшительнымъ движеніемъ, словно стремясь освободиться отъ сомнѣнія или страха, сорвала она голубую обертку и схватилась за письмо. И она читала, читала одно за другимъ... Короткія и длинныя, маленькія бѣглыя записочки со словами: «Завтра въ семь часовъ вечера, мое сокровище», или: «Моя милая, только одинъ поцѣлуй—прежде чѣмъ я лягу спать», и большія письма, въ нѣсколько страницъ, какія онъ писалъ ей, обыкновенно отправляясь лѣтомъ въ пѣшеходныя странствія съ товарищами, или тѣ, въ которыхъ онъ изливалъ ей свои впечатлѣнія отъ какого-нибудь концерта, немедленно по возвращеніи домой; и еще — особенно пространныя, гдѣ онъ развивалъ свои планы относительно будущаго о томъ какъ они вмѣстѣ совершатъ путешествіе по Испаніи и Америкѣ, знаменитые и счастливые... Она перечитывала всѣ, всѣ, одно за другимъ, какъ если бы ее мучила неутолимая жажда, отъ самаго перваго, которое онъ писалъ, препровождая ей нѣсколько тетрадей нотъ, до послѣдняго, два съ половиною года спустя, заключавшаго въ себѣ только привѣтъ изъ Зальцбурга. И когда она кончила, руки ея опустились, а взглядъ неподвижно застылъ на этихъ разсыпанныхъ вокругъ нея листкахъ. Почему это письмо было послѣднимъ? Какъ же это кончилось? Какъ это могло кончиться? Какимъ образомъ могло случиться, чтобы эта большая серьезная любовь пре-

кратилась? Между ними не произошло ни разрыва, ни даже какого-нибудь объясненія въ этомъ смыслѣ, а между тѣмъ въ одинъ прекрасный день все было кончено... Когда именно? Она не знала. Вѣдь тогда когда она получила эту карточку изъ Зальцбурга, она еще любила его; осенью она еще видѣла его, а въ слѣдующую за этимъ зиму все какъ будто вновь ожило. Ей вспомнились нѣкоторыя прогулки по хрустѣвшему снѣгу, рука съ рукой, къ церкви св. Карла. Когда же это было въ послѣдній разъ? Они даже не сказали другъ другу послѣдняго прости... Она не понимала этого. Какъ могла она съ такою легкостью отказаться отъ счастья, удержать которое было въ ея власти? Какимъ образомъ она разлюбила его? Неужели эта глухая будничная жизнь, тяготѣвшая надъ нею дома съ того момента, какъ она вышла изъ консерваторіи, усыпила въ ней, вмѣстѣ съ честолюбіемъ, и самыя ея чувства? Или на нее имѣли такое отрезвляющее дѣйствіе замѣчанія ея родителей, недовольныхъ ея отношеніями съ молодымъ пылкимъ скрипачемъ? Теперь ей вспомнилось, что послѣ того, какъ они уже нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ не видѣлись, онъ еще одинъ разъ зашелъ къ ней и, стоя въ передней, поцѣловалъ ее. Да, это и былъ послѣдній разъ. Она вспомнила также, что въ то время ей невольно приходилось подмѣчать, какъ отношеніе его къ женщинамъ мѣнялось, становилось какимъ-то другимъ; онъ переживалъ многое, о чемъ она не должна была знать,—но это не причиняло ей никакой сердечной боли. И она спрашивала себя: какъ сложилось бы все это, если бы она не была такой добродѣтельной дѣвушкой, если бы она могла отнестись къ жизни также легко, какъ другія? Ей вспомнилась одна консерваторская товарка, съ которой она порвала отношенія изъ-за того, что та сошлась съ ученикомъ драматической школы. И потомъ вспомнилось ей опять рискованное слово Эмиля—когда они проходили мимо его окна, и то желаніе, которое охватило ее, когда они стояли на берегу Вѣны. Непостижимымъ казалось ей теперь, что то слово не подѣйствовало на нее гораздо живѣе, что то желаніе пробудилось въ ней только однажды и на такое короткое время. И съ какимъ-то безпомощнымъ недоумѣніемъ думала она теперь объ этомъ времени своего безгрѣшнаго дѣвачества, и съ внезапнымъ мучительнымъ чувствомъ стыда, отъ котораго кровь застучала ей въ виски, представила она себѣ ту равнодушную готовность, съ какою она отдалась человѣку, котораго никогда не любила. И сознаніе, что все счастье, какое она когда-либо испытала, какъ женщина, состояло въ томъ, что она лежала въ объятіяхъ нелюбимаго ею человѣка, впервые предстало передъ нею во всей своей ужасной безотрадности. Такъ вотъ, что было для нея жизнью, желаннымъ таинственно-манящимъ счастьемъ?..

Глухое недовольство поднималось въ ней, какое-то возмущеніе противъ всѣхъ и всего, что окружало ее въ прошедшемъ и настоящемъ, противъ мертвыхъ и противъ живыхъ. Она сердилась на своего покойнаго мужа,

на своихъ родителей, сердилась на людей, среди которыхъ жила здѣсь и на глазахъ у которыхъ она не могла ничего себѣ позволить. Съ обидою думала она о фрау Рупіусъ, которая не была настолько расположена къ ней, чтобы она могла найти въ ней какую-либо поддержку. Она ненавидѣла Клингеманна за то, что онъ былъ безобразенъ и противенъ и имѣлъ какія-то притязанія на нее. И, наконецъ, горячая досада поднялась въ ней на возлюбленнаго ея юности—за то, что онъ не дѣйствовалъ смѣло за то, что онъ не далъ ей полнаго высокаго счастья и оставилъ ей одни только воспоминанія, эти ароматныя, но такія мучительныя воспоминанія... Теперь она сидѣла въ своей одинокой комнатѣ, между этими пожелтѣвшими документами своей безплодно и безрадостно прожитой молодости, почти на границѣ того возраста, когда для человѣка уже нѣтъ болѣе ни надеждъ, ни желаній. Жизнь прошла у нея какъ-то между пальцевъ, и она была такъ жалка со своей неутоленною жаждою.

Она быстро собрала письма, запихала ихъ, измявъ и какъ попало въ сумку, заперла ее и подошла къ окну. Приближался вечеръ. Мягкій воздухъ, которымъ вѣяло отъ виноградниковъ, коснулся ея. Все застилалось у нея передъ глазами отъ невыплаканныхъ слезъ—слезъ горечи, а не боли. Что ей теперь дѣлать? Цѣлыми днями, ночами, мѣсяцами, годами жила она безъ всякаго ожиданія, безъ страха передъ будущимъ, а теперь ее пугала пустота этого наступающаго вечера.

Это былъ тотъ часъ, когда она обыкновенно возвращалась со своей прогулки. Сегодня она послала мальчика съ дѣвушкой; и она ни на минуту не заскучала по немъ; было даже мгновеніе, когда и на этого ребенка упалъ какъ бы лучъ того гнѣва, который она почувствовала по отношенію ко всему человѣчеству и къ своей собственной судьбѣ. И среди этого безпредѣльнаго неудовольствія ее вдругъ охватила зависть ко многимъ людямъ, участь которыхъ обыкновенно вовсе не казалась ей завидною. Она завидовала фрау Мартинъ, окруженной нѣжностью своего мужа; продавщицѣ табачнаго магазина, которую любили и Клингеманнъ и капитанъ полка; завидовала своей невѣсткѣ за то, что она уже состарилась, Элли—за то. что она была такъ молода; завидовала служанкѣ, которая сидѣла тамъ, на бревнѣ, рядомъ съ солдатомъ, и смѣхъ которой доносился до нея. Ей стало вдругъ невыносимо оставаться дома. Она взяла шляпу и зонтикъ и поспѣшно вышла на улицу. Здѣсь ей стало немножко легче. Въ комнатѣ она чувствовала себя несчастной, теперь ей было только не совсѣмъ по себѣ.

На Главной улицѣ ей встрѣтились супруги Мальманъ, дѣтямъ которыхъ она давала уроки музыки. Фрау Мальманъ уже знала, что Берта заказала себѣ вчера платье у вѣнской портнихи и поговорила съ нею объ этомъ въ тонѣ величайшей серьезности. Потомъ она увидѣла своего деверя, который, выходя изъ каштановой аллеи, сказалъ ей:

— Ты, вѣдь, была вчера въ Вѣнѣ, что ты тамъ дѣлала? Были у тебя какія-нибудь приключенія?

— То-есть какъ?—спросила Берта съ испуганнымъ видомъ, какъ если бы ее словили на чемъ-то.

— Нѣтъ? Неужели? Ты вѣдь была съ фрау Рупіусъ, навѣрное, всѣ мужчины бѣгали за вами слѣдомъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ? Фрау Рупіусъ держитъ себя безукоризненно. Это одна изъ самыхъ порядочныхъ, безупречныхъ дамъ, какихъ я только знаю.

— Еще бы! Я вѣдь и не говорю ничего ни противъ фрау Рупіусъ, ни противъ тебя.

Она взглянула ему въ лицо; въ глазахъ его былъ какой-то блескъ, какъ бывало когда онъ выпивалъ немножко лишняго. Ей вдругъ вспомнилось, что кто-то предсказывалъ Гарлану смерть отъ удара.

— Я тоже какъ-нибудь поѣду въ городъ,—сказалъ онъ.—Я, вѣдь, тамъ не былъ съ первой недѣли поста. Нужно бы навѣдаться къ своимъ покупщикамъ. Возьмите меня съ собою, когда поѣдете слѣдующій разъ, фрау Рупіусъ и ты.

— Съ удовольствіемъ,—сказала Берта.—Мнѣ, вѣдь, скоро нужно будетъ ѣхать для примѣрки.

Гарланъ засмѣялся:

— Ну, вотъ и возьми меня съ собой на примѣрку.

Онъ подступилъ къ ней ближе, чѣмъ это было нужно. Эта манера приставать къ ней и всѣ эти шуточки были обычнымъ явленіемъ, но сегодня это было ей особенно несносно. Ее злило, что именно этотъ человѣкъ постоянно говорилъ о фрау Рупіусъ какія-то двусмысленныя вещи.

— Присядемъ, если ты ничего не имѣешь противъ этого,—сказалъ Гарланъ.

Они сѣли на скамейку. Гарланъ вынулъ изъ кармана газету.

— А!—невольно воскликнула Берта.

— Хочешь взять ее?—спросилъ Гарланъ.

— А развѣ твоя жена уже читала?

— Ну, вотъ еще!—отозвался Гарланъ презрительно.—Хочешь, такъ возьми.

— Если она больше не нужна тебѣ.

— Тебѣ съ удовольствіемъ отдамъ. А то можно читать и вмѣстѣ. Онъ пододвинулся къ Бертѣ и развернулъ газету.

Супруги Мартинъ, проходившіе мимо подъ ручку, остановились передъ ними.

— Ну что? Уже возвратились изъ дальняго путешествія?—спросилъ господинъ Мартинъ.

— Ахъ да! Вѣдь вы были въ Вѣнѣ!—сказала фрау Мартинъ, прижимаясь къ мужу.—И при томъ съ фрау Рупіусъ?—прибавила она, какъ если бы это придавало дѣлу какой-то особенный смыслъ.

Бертѣ пришлось снова докладывать о заказанномъ туалетѣ. Она сдѣлала это почти механически, чувствуя въ то же время, что давно уже она не была такой интересной, какъ сегодня. Прошелъ Клингеманнъ. Онъ раскланялся съ насмѣшливою любезностью и бросилъ на Берту взглядъ, который, казалось, выражалъ его сожалѣніе о томъ, что она принуждена быть въ такомъ обществѣ. Берта какъ будто получила сегодня даръ читать въ глазахъ людей.

Начинало смеркаться. Всѣ вмѣстѣ отправились домой. На Берту нашло вдругъ безпокойство при мысли, что она не встрѣтила своего мальчика. Она шла впереди съ фрау Мартинъ, которая старалась навести разговоръ на фрау Рупіусъ. Она явно хотѣла добиться, не замѣтила ли Берта чего-нибудь относительно ея времяпревожденія.

— Да чего же собственно, фрау Мартинъ? Я проводила фрау Рупіусъ къ ея брату, а потомъ поѣхала за ней.

— И вы убѣждены, что фрау Рупіусъ все время была у брата?

— Право, я не знаю, что такое нужно предполагать относительно фрау Рупіусъ? Гдѣ же она должна была быть?

— Ну!—отозвалась фрау Мартинъ.—Вы ужасно наивны, или нарочно представляетесь такой? Вы забываете, что...

И она сдѣлала на ухо Бертѣ одно замѣчаніе, отъ котораго та густо покраснѣла. Никогда еще не слышала она ни отъ одной женщины такого выраженія. Она была возмущена.

— Фрау Мартинъ!—сказала она.—Вѣдь и я тоже еще не старая женщина, и, однако, вы видите, что можно прекрасно жить и такъ.

Фрау Мартинъ немножко смутилась.

— Ну, конечно, конечно!—сказала она.—Пожалуй, вы скажете, что я на этотъ счетъ немножко избалована...

Берта боялась, чтобы фрау Мартинъ не вздумала дать ей еще болѣе детальныхъ разъясненій и потому была очень рада, что какъ разъ въ эту минуту они подошли къ углу улицы, на которомъ нужно было распрощаться.

— Берта!—закричалъ ей вслѣдъ деверь.—Возьми же газету!

Берта быстро обернулась и взяла ее, потомъ поспѣшила домой. Ея мальчикъ поджидалъ ее, стоя у окна. Она быстро вошла, обняла и расцѣловала его, какъ если бы не видѣла его уже цѣлую недѣлю. Она чувствовала себя преисполненной любви къ своему ребенку, и это наполнило ея душу гордостью. Она заставила его разсказать, какъ онъ провелъ день, гдѣ былъ, съ кѣмъ игралъ, сама дала ему поужинать, раздѣла, отнесла его въ постельку и осталась довольна собою. Ея сегодняшнее послѣобѣденное настроеніе,—когда она рылась въ старыхъ письмахъ, проклинала свою судьбу и готова была завидовать продавщицѣ изъ табачной лавки, казалось ей теперь какимъ-то приступомъ лихорадки. Она поужинала съ большимъ аппетитомъ и рано легла въ постель. Но прежде, чѣмъ заснуть, она хотѣла почитать газету; она

растянулась, сложила вдвое мягкую подушку, чтобы подложить ее подъ голову и придвинула газету поближе къ свѣчѣ. Сначала она пробѣжала по обыкновенію хронику театра и искусства. Но со времени поѣздки въ Вѣну отдѣлъ «мелкихъ сообщеній», такъ же какъ и мѣстная хроника, снова пріобрѣли для нея живой интересъ. У нея уже начинали смыкаться глаза, какъ вдругъ, среди извѣстій, касающихся разныхъ вѣнскихъ знаменитостей, она натолкнулась на имя Эмиля Линдбаха. Она широко открыла глаза, приподнялась на постели и стала читать: «Придворный солистъ баварскаго короля Эмиль Линдбахъ, объ успѣхѣ котораго при испанскомъ дворѣ мы имѣли недавно возможность вкратцѣ сообщить, отличенъ нынѣ испанскою королевою пожалованіемъ ордена Спасителя».

Лицо ея освѣтилось улыбкою. Она была рада. Эмиль Линдбахъ получилъ орденъ Спасителя... да... тотъ самый, письма котораго она читала сегодня... тотъ самый, который цѣловалъ ее,—тотъ самый, который написалъ ей однажды, что никогда не будетъ такъ обожать никакую другую женщину... да, Эмиль—единственный человѣкъ изъ всѣхъ на землѣ, который еще болѣе или менѣе интересовалъ ее, кромѣ ея мальчика, разумѣется. Казалось, будто эта замѣтка была напечатана въ газетѣ спеціально для нея, будто Эмиль нарочно избралъ этотъ способъ, чтобы дать ей знать о себѣ. Не его ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣла она вчера—издали, сзади? Она чувствовала себя теперь такъ близко отъ него; она все еще улыбалась, произнося только: «Эмиль Линдбахъ! Придворный солистъ баварскаго короля... поздравляю васъ.» Губы ея остались полуоткрытыми. Ей пришла вдругъ въ голову одна мысль. Она быстро поднялась, набросила блузу, взяла съ ночного столика свѣчу, вышла въ сосѣднюю комнату и, присѣвъ къ письменному столу, написала—легко, не задумываясь, какъ если бы подлѣ нея стоялъ кто-то, диктовавшій ей, слѣдующія строки:

«Милый Эмиль!

«Только что прочла въ газетѣ, что ты отличенъ испанской королевою пожалованіемъ ордена Спасителя. Не знаю, помнишь ли еще ты меня,—написавъ эти слова, она улыбнулась,—но я не хочу пропустить этого случая, не поздравивъ тебя съ твоими многочисленными успѣхами, о которыхъ я такъ часто и съ такимъ удовольствіемъ читаю. Я живу въ маленькомъ городкѣ, куда забросила меня судьба, очень довольная своимъ существованіемъ; мнѣ вполнѣ хорошо. Была бы очень счастлива получить отъ тебя нѣсколько строкъ въ отвѣтъ.

«Твой старый другъ Берта.

«P. S. Мой маленькій Фрицъ (пяти лѣтъ) также шлетъ тебѣ свой привѣтъ».

Она кончила. На одну минуту ей подумалось, не упомянуть ли также о томъ, что она овдовѣла; но если даже онъ и не зналъ объ этомъ, это само собою вытекало изъ ея письма. Она перечла его еще разъ и

удовлетворенно кивнула головой. Потомъ она подписала адресъ: «Г. Эмилю Линдбаху, придворному солисту баварскаго короля, кавалеру ордена Спасителя»—нужно ли это? У него, конечно, есть еще много другихъ орденовъ. «Вѣна»... Однако, гдѣ же онъ теперь живетъ? Впрочемъ, имя его такъ извѣстно, что это все равно. Притомъ же эта неполнота адреса показывала, что она не придавала уже такого особеннаго значенія всему этому дѣлу; а если письмо дойдетъ,—ну, тѣмъ лучше. Это былъ какъ бы способъ испытать судьбу... Да, но какъ увѣриться, что письмо дѣйствительно получено имъ? Отвѣтъ тоже можетъ не дойти, если только вообще... Нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ. Навѣрное онъ поблагодаритъ ее. Ну, теперь въ постель.

Она держала письмо въ рукѣ. Нѣтъ, невозможно теперь идти спать, ей больше совсѣмъ не хочется; и къ тому же, если отправить письмо завтра утромъ, оно пойдетъ только съ дневнымъ поѣздомъ, и онъ получитъ его не раньше, чѣмъ послѣзавтра. Это безконечно долго. Вѣдь она говоритъ съ нимъ, а онъ услышитъ ее только черезъ тридцать шесть часовъ! Не пойти ли на почту... нѣтъ, на вокзалъ—теперь же? Онъ встаетъ, навѣрное, очень поздно, ему принесутъ письмо въ комнату вмѣстѣ съ утреннимъ кофе завтра же утромъ... Да, такъ оно и будетъ! Она быстро одѣлась, сбѣжала съ лѣстницы внизъ—было еще не поздно,—быстро прошла по Главной улицѣ къ вокзалу, опустила письмо въ желтый ящикъ для срочнаго отправленія и поспѣшно вернулась. Стоя въ своей комнатѣ передъ безпорядочно раскрытою постелью, глядя на упавшую газету, тихо колеблющееся пламя свѣчки, она чувствовала себя такъ, какъ если бы она возвратилась домой послѣ какого-то страннаго приключенія. Долго еще сидѣла она потомъ на краю постели, всматриваясь черезъ окно въ свѣтлую звѣздную ночь, полная неопредѣленныхъ радостныхъ ожиданій.

«Моя милая Берта!

«Не могу высказать, до чего я обрадовался твоему письму. Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, еще думаешь обо мнѣ? Какъ смѣшно, что именно орденъ далъ мнѣ поводъ вновь узнать что-нибудь о тебѣ. Во всякомъ случаѣ, можно только сказать, что хоть на этотъ разъ орденъ, дѣйствительно, сослужилъ мнѣ службу. Итакъ, сердечно благодарю за поздравленіе. А затѣмъ, не соберешься ли ты какъ-нибудь въ Вѣну? Вѣдь это не такъ ужъ далеко. Я былъ бы неимовѣрно радъ видѣть тебя. Такъ пріѣзжай же скорѣе! Отъ всего сердца твой старый

«Эмиль».

Берта сидѣла за завтракомъ подлѣ своего мальчика, не слушая того, что онъ болталъ ей, а на столѣ, передъ нею, лежало это письмо. Это было настоящее чудо! Только третьяго дня ночью она отправила свое письмо, а сегодня уже пришелъ отвѣтъ. Онъ не сталъ откладывать его ни на одинъ день, ни на одинъ лишній часъ! И съ какой сердечностью онъ написалъ ей, словно, они вчера только разстались. Она

взглянула въ окно. Какое чудесное утро! За окномъ пѣли птицы, а отъ холмовъ вѣяло ароматомъ только что расцвѣтшаго лѣта. Берта еще и еще разъ перечла письмо. Потомъ она взяла своего мальчика, приподняла и поцѣловала его.

Давно уже не была она такъ счастлива. Она стала одѣваться, не переставая раздумывать. Сегодня былъ четвергъ; въ понедѣльникъ нужно было ѣхать въ Вѣну для примѣрки; еще цѣлыхъ четыре дня, столько же, сколько прошло до сегодняшняго съ воскресенья, когда она обѣдала у деверя, а чего только не произошло за это время! Нѣтъ, она должна была видѣть Эмиля скорѣе. Можно было бы попасть въ Вѣну завтра же и остаться тамъ на нѣсколько дней. Но только, что она скажетъ на этотъ счетъ своимъ домашнимъ?.. Ну, да ужъ какой-нибудь предлогъ можно придумать! Самое главное—какъ отвѣтить ему и гдѣ его увидѣть?.. Не можетъ же она написать ему: я пріѣду и прошу тебя указать мнѣ, гдѣ я могу тебя видѣть... Вдругъ онъ скажетъ: пріѣзжай ко мнѣ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Самое лучшее—это поставить его лицомъ къ лицу съ чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Она напишетъ ему: я пріѣду въ Вѣну въ такой-то и такой-то день и ты можешь встрѣтить меня тамъ-то и тамъ-то... О, если бы у нея только былъ кто-нибудь, съ кѣмъ она могла бы говорить обо всемъ этомъ... Она подумала о фрау Рупіусъ; ее охватила настоящая потребность сообщить ей все это. И къ тому же, у нея было такое ощущеніе, будто этимъ самымъ она могла вообще приблизиться къ этой женщинѣ, пріобрѣсти ея уваженіе. Она чувствовала, что со времени полученія этого письма она сдѣлалась гораздо значительнѣе. Теперь она замѣтила также, что до полученія этого письма ее мучило безотчетное опасеніе: Эмиль могъ совершенно перемѣниться, сдѣлаться самомнительнымъ избалованнымъ. Но, очевидно, въ немъ не было и слѣда чего-либо подобнаго; у него былъ все тотъ же твердый, размашистый почеркъ, тотъ же теплый тонъ, какъ и въ прежнихъ его письмахъ. А если онъ многое пережилъ съ тѣхъ поръ, такъ вѣдь и она многое пережила и однако все это какъ будто уже не существовало больше.

Передъ тѣмъ, какъ выйти на улицу, она еще разъ перечла письмо Эмиля. Онъ все живѣе вставалъ въ ея воображеніи; она слышала интонацію его словъ и это заключительное «пріѣзжай же скорѣе» звучало, какъ нѣжный призывъ. Она засунула письмо себѣ за корсетъ и вспомнила какъ она дѣлала то же самое съ его маленькими записочками, будучи молодой дѣвушкой, и какимъ радостнымъ трепетомъ наполняло ее ихъ легкое прикосновеніе къ ея кожѣ.

Она пошла сначала къ Мальманамъ, у которыхъ обучала музыкѣ двухъ близнецовъ. Очень часто бывало, что ихъ упражненія, которыя ей приходилось выслушивать, причиняли ей истинное страданіе и когда дѣти ошибались, она гнѣвно хлопала ихъ по рукамъ. Сегодня въ ней не было ни тѣни строгости. Когда фрау Мальманъ, толстая и веселая,

вошла въ комнату, чтобы освѣдомиться объ успѣхахъ своихъ дѣтей, Берта расхвалила ихъ и вдругъ сказала:

— А теперь вѣдь я дамъ имъ нѣсколько дней отдыха.

— Отдыха? то-есть, какъ это, милая фрау Гарланъ?

— Да, фрау Мальманъ! Иначе мнѣ никакъ невозможно. Представьте себѣ, когда я была въ послѣдній разъ въ Вѣнѣ, моя кузина стала такъ настоятельно просить меня чтобы я пріѣхала къ ней еще на нѣсколько дней!

— Ну что-жъ! Конечно!—сказала фрау Мальманъ.

Берта ободрилась и продолжала лгать уже съ какимъ-то удовольствіемъ отъ сознанія своей смѣлости:

— Я собственно хотѣла отложить это до іюня. Но сегодня вдругъ получаю письмо отъ нея: мужъ ея уѣзжаетъ, она тамъ одинока и какъ разъ теперь...—Она почувствовала, какъ хрустнуло за корсажемъ письмо, и ей невыразимо захотѣлось вытащить его, но она сдержалась.—И я полагаю, что нельзя не воспользоваться случаемъ...

— Ну, еще бы,—сказала фрау Мальманъ и, взявъ Берту за обѣ руки, прибавила:—если бы у меня была въ Вѣнѣ кузина я бы черезъ каждыя двѣ недѣли ѣздила пожить къ ней дней на восемь...

Берта просіяла. Словно какая то невидимая рука устранила всѣ препятствія съ ея пути. Все шло какъ по маслу. Что жъ такое, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ она должна была отдавать кому-нибудь отчетъ въ своихъ поступкахъ? Но вдругъ у нея мелькнуло опасеніе, что деверь и вправду захочетъ поѣхать съ ней въ Вѣну. Все опять спуталось, отовсюду всплыли опасности и даже добродушная улыбка фрау Мальманъ скрывала за собою, казалось, нѣкоторое подозрѣніе... Нѣтъ, она непремѣнно должна посвятить во все это фрау Рупіусъ. По окончаніи урока она направилась прямо къ ней.

Только тогда, когда она увидѣла фрау Рупіусъ, сидящую на диванѣ въ бѣлой утренней блузѣ, и замѣтила удивленный взглядъ какимъ ее встрѣтили, она вдругъ сообразила, насколько странно было ея появленіе въ этотъ утренній часъ.

— Здравствуйте! Немножко рановато я сегодня, не правда ли?—произнесла она съ искусственной веселостью.

Фрау Рупіусъ сохраняла серьезность; противъ обыкновенія, она даже не улыбнулась.

— Очень рада васъ видѣть, въ какомъ бы это часу ни было!—при этомъ она подняла на Берту вопросительный взглядъ, и Берта рѣшительно не знала, что сказать. Ей стало досадно на свою ребяческую застѣнчивость, которая каждый разъ охватывала ее въ присутствіи этой женщины.

— Я хотѣла спросить васъ, какъ вы чувствуете себя послѣ нашей поѣздки?—сказала она, наконецъ.

— Какъ нельзя лучше,—отвѣтила фрау Рупіусъ нѣсколько сухо.

Но вдругъ лицо ея преобразилось и она прибавила тономъ преувеличеннаго дружелюбія:—Собственно, вѣдь это я должна была бы задать вамъ этотъ вопросъ. Я-то привыкла къ такимъ поѣздкамъ!

Говоря это, она смотрѣла въ окно, и Берта, невольно слѣдя за ея взглядомъ, замѣтила, что онъ былъ устремленъ черезъ площадь на окно съ горшками цвѣтовъ въ одномъ изъ противоположныхъ домовъ. Было совсѣмъ тихо—особенною тишиною лѣтняго полудня, повисшаго надъ соннымъ городомъ. Бертѣ хотѣлось сѣсть подлѣ фрау Рупіусъ; хотѣлось, чтобы она поцѣловала въ лобъ и благословила ее; но вдругъ ей стало жаль ее. Всѣ эти быстро смѣняющіяся движенія ея души были загадочны для нея самой. Зачѣмъ собственно она пришла сюда? Что хотѣла сказать ей? «Я ѣду завтра въ Вѣну, чтобы видѣть возлюбленнаго моей юности»?.. Какое дѣло было до этого фрау Рупіусъ? Могло ли это хоть въ малѣйшей степени интересовать ее? Фрау Рупіусъ все продолжала сидѣть, окутанная какимъ-то облакомъ непроницаемости; невозможно было подойти къ ней. Вѣрнѣе сказать, она не могла, не умѣла подойти къ ней. Безъ сомнѣнія, было какое-то слово, которымъ можно было бы открыть себѣ доступъ къ ней, и Берта не могла найти этого слова.

— Ну, какъ поживаетъ вашъ сынокъ?—спросила фрау Рупіусъ, не отрывая взгляда отъ горшковъ съ цвѣтами.

— О, ничего, отлично, какъ и всегда; такой славненькій. Это удивительно хорошее дитя.

Она произнесла это слово съ какою-то преднамѣренною нѣжностью, какъ если бы надѣялась подкупить этимъ сердце фрау Рупіусъ.

— О, да,—отозвалась фрау Рупіусъ, а въ тонѣ ея какъ будто прозвучало: «само собою разумѣется, оттого я и не хотѣла спрашивать объ этомъ». Потомъ она прибавила:—А няня у васъ надежная?

Берта нѣсколько удивилась этому вопросу и отвѣчала:

— Моей дѣвушкѣ приходится дѣлать и многое другое, но я не могу на нее пожаловаться. Она и готовитъ отлично.

Наступило короткое молчаніе. Потомъ фрау Рупіусъ сказала съ какою-то особенною сухостью:

— Это должно быть большое счастье—имѣть такого ребенка.

— Да вѣдь это мое единственное счастье,—сказала Берта громко. Это былъ отвѣтъ, который она уже не разъ давала въ разговорахъ съ людьми, но сегодня она сознавала, что онъ былъ не вполнѣ искрененъ. Она чувствовала прикосновеніе къ своей кожѣ бумажнаго листка и почти съ испугомъ убѣждалась, что обладать этимъ письмомъ также было для нея истиннымъ счастьемъ. Въ то же время она вдругъ вспомнила, что у этой женщины, сидѣвшей противъ нея, не было ребенка, не могло быть даже надежды имѣть его; ей хотѣлось взять свои слова обратно; и она уже готова была прибавить что-нибудь въ

ограниченіе сказаннаго, когда фрау Рупіусъ, которая какъ будто читала въ ея душѣ и отъ которой не могла укрыться никакая ложь, вдругъ отвѣтила:

— Ваше единственное счастье? Скажите лучше: большое счастье, и это не мало! Я иногда завидую вамъ въ этомъ отношеніи, хотя я собственно полагаю, что жизнь сама по себѣ доставляетъ вамъ радость.

— Я живу такъ одиноко, такъ...

Анна улыбнулась:

— Ну, конечно. Я вѣдь не думала ничего такого, я хотѣла сказать: и то, что солнце свѣтитъ, что у насъ теперь такая хорошая погода, и это уже доставляетъ вамъ радость.

— О, да, дѣйствительно,—проговорила Берта какъ-то особенно старательно.—Я вообще очень завишу въ моихъ настроеніяхъ отъ погоды. Когда, нѣсколько дней тому назадъ, собиралась гроза, я чувствовала себя совершенно подавленной, а потомъ, когда гроза прошла...

— Это у всѣхъ такъ!—перебила фрау Рупіусъ.

Берта притихла; она чувствовала, что была недостаточно умна для этой женщины; она могла только такъ болтать о томъ и о другомъ, какъ всѣ другія провинціалки. Казалось, будто фрау Рупіусъ подвергла ее какому-то испытанію, котораго она не выдержала, и вдругъ ей стало страшно при мысли о свиданіи съ Эмилемъ. Какое впечатлѣніе произведетъ она на него? Какою забитою, безпомощною сдѣлалась она за эти шесть лѣтъ своей жизни въ узкомъ провинціальномъ кругу!

Фрау Рупіусъ поднялась. Въ своей бѣлой утренней блузѣ она казалась выше и красивѣе обыкновеннаго, и Берта невольно вспомнила объ одной актрисѣ, которую она когда-то, уже давно, видѣла на сценѣ и на которую фрау Рупіусъ была чрезвычайно похожа. «Если бы я была такая, мнѣ не приходилось бы бояться», думалось ей; и въ то же время она вспомнила, что эта очаровательная женщина была замужемъ за больнымъ человѣкомъ.—Быть можетъ, люди и правду говорятъ? Но дальше этого она не пошла; въ чемъ именно должна была состоять та правда, которую говорили о ней люди, она не могла себѣ представить. И въ то же самое мгновеніе она смутно почувствовала всю тяжесть судьбы, выпавшей на долю этой женщины, хотя для нея было неясно, переноситъ ли она ее терпѣливо или пытается бороться съ нею. Но Анна опять словно прочла мысли Берты и, какъ бы не желая допустить, чтобы она вкралась въ довѣріе, вдругъ измѣнила хмурое, сосредоточенное выраженіе своего лица и самымъ невиннымъ тономъ проговорила:—Представьте себѣ, мой мужъ все еще спитъ! Завелъ себѣ теперь эту привычку—сидѣть до глубокой ночи, читать или разсматривать гравюры,—а потомъ спать до полудня! Впрочемъ, это дѣйствительно только дѣло привычки. Когда я еще жила въ Вѣнѣ, я сама была невѣроятная соня.

И она принялась болтать о своей дѣвической жизни, весело и съ

такой довѣрчивостью, какой Берта никогда раньше не замѣчала у нея Она разсказывала о своемъ отцѣ, который былъ офицеромъ генеральнаго штаба, о своей матери, умершей еще совсѣмъ въ молодыхъ годахъ, о маленькомъ домикѣ съ садомъ, гдѣ она играла, будучи ребенкомъ. Берта впервые узнала теперь, что она познакомилась со своимъ мужемъ, когда онъ былъ мальчикомъ, что онъ жилъ, вмѣстѣ со своею семьею, въ смежномъ съ ними домѣ и что они были помолвлены еще дѣтьми. Передъ Бертою какъ бы всплывала вся юность этой женщины, юность, залитая солнечнымъ свѣтомъ, полная счастья и надежды, а когда фрау Рупіусъ стала разсказывать о тѣхъ путешествіяхъ, которыя они предпринимали съ мужемъ во времена молодости, въ самомъ голосѣ ея зазвучали, казалось, какія-то свѣжія нотки. Берта только слушала, боясь прервать ее, словно она была взобравшійся на крышу лунатикъ. Но по мѣрѣ того, какъ фрау Рупіусъ говорила о своемъ прошедшемъ особенную прелесть котораго, очевидно составляло счастье взаимной любви, въ душѣ Берты начинала пробуждаться надежда на собственное, никогда еще не испытанное ею счастье. А когда фрау Рупіусъ разсказывала о тѣхъ пѣшеходныхъ странствіяхъ, которыя они съ мужемъ совершали по Швейцаріи и Тиролю, Берта уже ясно видѣла себя, совершающей такой же путь рядомъ съ Эмилемъ, и такое волненіе охватило ее, что ей захотѣлось сейчасъ же встать, поѣхать въ Вѣну, отыскать его и броситься въ его объятія, чтобы извѣдать наконецъ это блаженство, остававшееся до сихъ поръ закрытымъ для нея.

Мысли ея блуждали Богъ знаетъ гдѣ и она совсѣмъ не замѣтила, что фрау Рупіусъ уже давно молчитъ, сидя на диванѣ и неподвижно уставившись на горшки съ цвѣтами въ противоположномъ домѣ. Наступившая тишина заставила Берту опомниться; казалось, вся комната была полна чѣмъ-то таинственнымъ, какою-то странною игрою между прошедшимъ и будущимъ. Она почувствовала вдругъ неуловимое соотношеніе между собою и этою женщиной. Она поднялась, протянула ей руку, и на прощанье обѣ женщины совершенно невольно и естественно поцѣловались, какъ старыя подруги. Уже стоя въ дверяхъ, Берта сказала: «Завтра я опять ѣду въ Вѣну на нѣсколько дней». И съ этими словами она улыбнулась, какъ невѣста.

Отъ фрау Рупіусъ она отправилась къ невѣсткѣ. Племянникъ ея уже сидѣлъ за роялемъ и барабанилъ по клавишамъ какую-то дикую фантазію; онъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣтилъ ея прихода, и перешелъ къ упражненіямъ, которыя игралъ искусственно, напрягая кисть руки.

— Сегодня мы будемъ играть въ четыре руки,—сказала Берта и отыскала тетрадь съ маршами Шуберта. Она не слушала собственной игры и почти не обратила вниманія на то, что, нажимая педаль, племянникъ старался коснуться ея ноги. Между тѣмъ вошла Элли и поцѣловала тетку. «Въ самомъ дѣлѣ! Я и забылъ»...—сказалъ племянникъ и, продолжая играть, приблизилъ губы къ щекѣ Берты.

Вошла невѣстка, побрякивая связкой ключей, со слѣдами глубокаго разстройства на блѣдномъ, расплывшемся лицѣ.

— Пришлось отказать Бригиттѣ,—проговорила она беззвучнымъ голосомъ.—Дольше терпѣть было нельзя.

— Не привезти ли тебѣ служанку изъ Вѣны?—сказала Берта съ легкостью, удивившей ее самое. И она стала вторично разсказывать выдуманную ею исторію о приглашеніи кузины—съ еще большею увѣренностью и нѣкоторыми новыми подробностями... Внутренняя радость, которую она ощущала въ себѣ во время этого разсказа, придавала ей мужества. Даже возможность, что деверь захочетъ поѣхать вмѣстѣ съ нею, не пугала ее больше. Она сознавала, что въ самой его манерѣ черезчуръ близко подходить къ ней, было нѣчто такое, что давало ей извѣстное преимущество передъ нимъ.

— Какъ долго думаешь ты пробыть въ городѣ?—спросила невѣстка.

— Два-три дня, не дольше, конечно. Вѣдь въ понедѣльникъ, какъ ты знаешь, мнѣ, все равно, пришлось бы ѣхать—къ портнихѣ.

Рихардъ продолжалъ что-то наигрывать, но Элли стояла, опершись обѣими руками на рояль и устремивъ на тетку почти испуганный взглядъ. Берта невольно воскликнула:

— Что съ тобой?

— А что?—спросила Элли.

— Ты такъ смѣшно смотришь на меня, — сказала Берта, — какъ будто... да право, какъ будто тебѣ непріятно остаться на два дня безъ уроковъ музыки!

— Нѣтъ,—отозвалась Элли и улыбнулась.— Не то. Но... нѣтъ, я не могу сказать.

— Да что жё?—настаивала Берта.

— Нѣтъ, ну, пожалуйста, я, право, не могу сказать!—И она, умоляюще обвила руками шею тетки.

— Элли!—сказала мать,—я терпѣть не могу, чтобы у тебя были какія-то тайны.

И она опустилась на стулъ, словно почувствовавъ себя глубоко оскорбленною и страшно уставшею.

— Ну, Элли,—проговорила Берта, томимая какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ.— Если я прошу тебя...

— Но только ты не смѣйся, надо мною, тетя!

— Ну, конечно, нѣтъ!

— Видишь ли, уже и въ тотъ разъ, когда ты тамъ была, я такъ боялась... я знаю, что это глупо... но только... вѣдь на улицахъ такъ много экипажей...

Берта съ какимъ то облегченьемъ вздохнула и погладила Элли по щечкѣ.

— Я буду осторожна, ты можешь быть вполнѣ спокойна.

Мать покачала головой.

— Боюсь, что Элли будетъ ужасной фантазеркой!

Прежде, чѣмъ Берта ушла, было рѣшено, что вечеромъ она придетъ ужинать, а на время своего отсутствія оставитъ здѣсь своего мальчика.

Послѣ обѣда Берта сѣла за письменный столъ, перечла письмо Эмиля еще нѣсколько разъ и набросала отвѣтъ.

«Милый Эмиль!

«Это очень любезно съ твоей стороны, что ты такъ скоро отвѣтилъ. Я была такъ счастлива»—она вычеркнула слова «такъ счастлива» и написала: «такъ обрадована, получивъ твои милыя строки. Какъ многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, что мы не видѣлись! Ты сдѣлался знаменитымъ артистомъ, что, впрочемъ, никогда не подлежало для меня сомнѣнію». Она остановилась и вычеркнула всю послѣднюю фразу. «Я вполнѣ раздѣляю твое желаніе поскорѣе увидѣть меня»...—нѣтъ, что за безсмыслица! А, вотъ: «Мнѣ тоже было бы невѣроятно отрадно побесѣдовать съ тобою».—Вдругъ ей блеснула великолѣпная мысль и она съ особеннымъ удовольствіемъ написала: «Собственно говоря, странно даже, что мы такъ давно не встрѣчались, потому что я нерѣдко бываю въ Вѣнѣ,—напримѣръ, въ концѣ настоящей недѣли»... Она опустила перо и задумалась. Она рѣшила ѣхать въ Вѣну завтра послѣ обѣда, остановиться въ отелѣ и переночевать тамъ, чтобы къ слѣдующему дню быть вполнѣ свѣжей и прежде, чѣмъ встрѣтиться съ нимъ, подышать нѣсколько часовъ вѣнскимъ воздухомъ. Оставалось только опредѣлить мѣсто. Но это не представляло уже никакой трудности. «Согласно твоему милому желанію, сообщаю тебѣ, что въ эту же субботу, въ одиннадцать часовъ утра»... нѣтъ, это уже совсѣмъ никуда не годится: дѣловито и притомъ съ какою то излишнею расторопностью. Она написала: «Если ты хочешь воспользоваться этимъ случаемъ и повидать своего стараго друга, потрудись придти въ субботу, въ одиннадцать часовъ утра въ Художественно-Историческій музей, въ отдѣлъ нидерландцевъ». Выписывая эти слова, она чувствовала, что задача была разрѣшена ею довольно ловко, и всѣ затрудненія были такимъ образомъ устранены. Она перечитала набросанный ею черновикъ. Письмо показалось ей суховатымъ, но заключало въ себѣ все существенное; и, главное, она не уронила себя. Все остальное выяснится само собой въ музеѣ, у нидерландцевъ. Она переписала набросокъ начисто, подписалась, вложила въ конвертъ и поспѣшила на залитую солнцемъ улицу, чтобы бросить письмо въ ближайшій ящикъ.

Вернувшись домой, она сняла платье, накинула блузу, сѣла на диванъ и стала перелистывать романъ Герштекера, читанный и перечитанный ею уже, по крайней мѣрѣ, десять разъ. Но ни одно слово не шло ей въ голову. Она попробовала, было, отогнать осаждавшія ее мысли, но это не помогало. Она стыдилась самой себя, но вновь и

вновь грезились ей объятія Эмиля. Что же это? Вѣдь она и не думала объ этомъ! Нѣтъ... и не можетъ думать... Развѣ она такая... Нѣтъ, она не можетъ быть ничьей возлюбленной... и ужъ во всякомъ случаѣ не теперь, не на этотъ разъ... Быть можетъ, если она еще разъ поѣдетъ въ Вѣну, и еще, и еще... да, потомъ когда-нибудь, долго спустя,—можетъ быть. А впрочемъ, онъ не посмѣетъ и заговорить объ этомъ, даже намекомъ... Но все это ни къ чему не приводило: она не могла думать ни о чемъ другомъ. Все настойчивѣе осаждали ее эти грезы, и, наконецъ, она сдалась, устало откинулась въ уголъ дивана и, не поднимая съ полу упавшей книги, закрыла глаза.

Когда она черезъ часъ поднялась, ей казалось, что цѣлая ночь прошла за это время; особенно визитъ къ фрау Рушіусъ представлялся чѣмъ-то уже совсѣмъ далекимъ. И опять удивилась она неравномѣрности пробѣгающихъ часовъ; въ самомъ дѣлѣ, они кажутся то короче, то длиннѣе—какъ имъ вздумается. Она одѣлась, чтобы идти гулять съ Фрицемъ. Она была въ томъ усталомъ и равнодушномъ настроеніи, въ какомъ бываешь обыкновенно послѣ непривычнаго послѣобѣденнаго сна, когда даже самого себя сознаешь какъ-то не вполнѣ отчетливо и все привычное кажется страннымъ и относящимся къ кому-то другому. Въ первый разъ показалось ей вдругъ удивительнымъ, что мальчикъ, котораго она теперь одѣвала, былъ ея собственнымъ ребенкомъ, котораго она имѣла отъ человѣка, давно уже погребеннаго, и котораго она въ мученіяхъ произвела на свѣтъ. Что-то говорило ей, что сегодня нужно опять пойти на кладбище. Но это было не такое ощущеніе, какъ если бы это требовалось для искупленія своего грѣха, а напротивъ, какъ если бы дѣло шло просто о томъ, чтобы отдать долгъ вѣжливости, опять посѣтить кого-то, отъ кого она отдалилась безъ достаточно уважительной причины. Она выбрала путь черезъ каштановую аллею. Здѣсь жара казалась особенно давящею. Только когда она вышла на солнце, повѣяло легкимъ вѣтеркомъ, и деревья кладбища издали привѣтствовали ее легкимъ наклоненіемъ своихъ зеленыхъ вершинъ. Проходя со своимъ мальчикомъ въ ворота кладбища, она ощутила освѣжающую прохладу. Съ чувствомъ тихой, почти сладостной усталости прошла она по большой средней аллеѣ, пустила мальчика бѣжать впередъ и не тревожилась, когда онъ на нѣсколько секундъ исчезалъ у нея изъ глазъ, скрываясь за тѣмъ или другимъ памятникомъ, хотя обыкновенно рѣшительно не могла выносить этого. Подойдя къ могилѣ мужа, она остановилась, но не смотрѣла, какъ бывало прежде, на окружающую памятникъ клумбу цвѣтовъ, а устремила взглядъ, мимо мраморнаго монумента, черезъ кладбищенскую стѣну—въ голубое небо. Она не чувствовала ни слезъ на своихъ глазахъ, ни умиленія, ни страха; она и не думала о томъ, что прошла по мертвецамъ и что здѣсь, подъ нею, распадался въ прахъ человѣкъ, державшій ее когда-то въ своихъ объятьяхъ.

Вдругъ она услышала за собою чьи-то шаги, приближавшіеся по гравію,—поспѣшные, какихъ она совсѣмъ не привыкла здѣсь слышать. Почти съ возмущеніемъ она обернулась. Передъ нею стоялъ Клингеманнъ; онъ держалъ въ рукѣ свою соломенную шляпу, прикрѣпленную шнуркомъ къ пуговицѣ сюртука, и, привѣтствуя Берту, отвѣсилъ ей глубокій поклонъ.

— Вотъ странный случай!—проговорила она.

— Отнюдь не случай, сударыня! Я увидѣлъ васъ съ улицы и узналъ васъ по манерѣ ходить.

Онъ говорилъ очень громко, и Берта почти невольно сказала: «Ш-ш!» На лицѣ Клингеманна сейчасъ же появилась насмѣшливая улыбка, и онъ проговорилъ сквозь зубы: «Вѣдь онъ не проснется!» Берта была такъ возмущена этимъ замѣчаніемъ, что даже не искала никакого отвѣта, а отвернулась, позвала Фрица и хотѣла уйти. Но Клингеманнъ схватилъ ее за руку и, глядя въ землю, прошепталъ: «Останьтесь!» Берта широко открыла глаза; она не могла понять, что это означаетъ? Вдругъ Клингеманнъ поднялъ глаза отъ земли и вперилъ ихъ въ Берту. Потомъ онъ сказалъ: «Я люблю васъ». Берта слегка вскрикнула. Клингеманнъ выпустилъ ея руку и прибавилъ тономъ безпечнаго разговора:

— Вамъ кажется это удивительнымъ?

— Это возмутительно, возмутительно! — она снова хотѣла уйти и закричала:—Фрицъ!

Клингеманнъ заговорилъ теперь умоляющимъ тономъ:

— Останьтесь! Если вы теперь оставите меня одного, Берта...

Берта уже пришла въ себя.

— Не называйте меня—Берта, кто вамъ далъ право на это? — сказала она съ горячностью.—Я не имѣю ни малѣйшаго желанія продолжать этотъ разговоръ съ вами... особенно здѣсь,—прибавила она, бросивъ взглядъ внизъ и какъ бы прося прощенія у покойника.

Между тѣмъ Фрицъ уже подошелъ. Клингеманнъ, казалось, былъ совсѣмъ сбитъ съ позиціи.

— Сударыня,—сказалъ онъ, слѣдуя за Бертой, которая медленно удалялась, ведя за руку своего мальчика,—я сознаю свою ошибку, я долженъ былъ бы начать иначе и только въ заключеніе какой-нибудь подходящей къ случаю рѣчи высказать то, чѣмъ я, повидимому, только испугалъ васъ.

Берта даже не взглянула на него, а, напротивъ, сказала какъ бы обращаясь сама къ себѣ:

— Я просто представить себѣ не могла ничего подобнаго. Я думала, что благовоспитанный человѣкъ...

Они были уже у воротъ кладбища. Клингеманнъ обернулся еще разъ назадъ, и во взглядѣ его промелькнуло сожалѣніе о томъ, что ему не удалось разыграть до конца свою сцену надъ могилою. Однако

идя по-прежнему подлѣ Берты со шляпою въ рукѣ и крутя на пальцѣ шнурокъ, которымъ она была прикрѣплена, онъ продолжалъ:

— Я не могу сдѣлать ничего другого, какъ только повторить, что я люблю васъ, что вы преслѣдуете меня въ моихъ снахъ, словомъ: вы должны быть моею.

Берта опять, какъ бы пораженная ужасомъ, остановилась.

— Быть можетъ, это замѣчаніе покажется вамъ дерзкимъ, но посмотримъ на вещи по просту: вы...—онъ сдѣлалъ длинную паузу,— вы одиноки, я не менѣе.

Берта неподвижнымъ застывшимъ взглядомъ посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Я знаю, о чемъ вы думаете,—сказалъ Клингеманнъ. — Но все это ничего не значитъ, все это, по первому же вашему приказанію, будетъ устранено. Какое-то смутное чувство говоритъ мнѣ, что мы какъ нельзя лучше подходимъ другъ къ другу. Да, если только я не обманываюсь во всемъ рѣшительно, то ваша кровь, сударыня, струится въ вашихъ жилахъ не менѣе горячо, чѣмъ...

Устремленный на него взглядъ Берты, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ полонъ такого гнѣва и отвращенія, что Клингеманнъ не могъ даже окончить фразы. Поэтому онъ началъ другую:

— Ахъ! Какую цѣну можетъ имѣть эта жизнь, которую я веду! Уже столько времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ любимъ истинной, благородной женщиною, подобной вамъ. Я понимаю вашу нерѣшительность или, вѣрнѣе, вашъ отказъ. Чортъ возьми! Нужно, конечно, не мало смѣлости, чтобы сойтись съ такимъ опустившимся человѣкомъ, какъ я... Хотя, быть можетъ, это и не такъ скверно, какъ кажется... О, если бы мнѣ только удалось найти живую человѣческую душу, добрую, женскую душу...—Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ «душу».—Да, сударыня, и мнѣ, какъ и вамъ, ничто казалось, не предвѣщало, что я долженъ буду прозябать и изнывать въ подобной дырѣ. Вы не должны гнѣваться на меня, если я... если я...—Съ той минуты, какъ онъ началъ выражать какую-то, хотя бы только приблизительную правду, слова стали измѣнять ему; онъ показался ей въ эту минуту немножко комичнымъ, почти достойнымъ состраданія и такимъ старымъ! И она съ удивленіемъ подумала о томъ, что у этого человѣка хватало духу даже не искать ея руки, нѣтъ, а просто добиваться ея благосклонности. И однако, къ ея собственному удивленію и стыду, даже отъ этихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ словъ смѣшного для нея человѣка, въ ней поднялась какая-то волна желанія; ибо когда эти слова уже смолкли, она вновь услышала ихъ внутри себя, какъ бы изъ устъ другого, который ждалъ ее въ Вѣнѣ; и она почувствовала, что не сможетъ устоять передъ ними. Клингеманнъ продолжалъ говорить дальше; онъ говорилъ о томъ, что существованіе его было загублено, но все же достойно спасенія; женщины были виновны въ его

погибели, и женщина же должна была вновь поднять его. Еще будучи студентомъ, онъ бѣжалъ съ одною изъ нихъ, и это было началомъ его несчастій. Онъ говорилъ о своихъ необузданныхъ чувствахъ, и Берта невольно улыбалась; и въ то же время ей становилось стыдно отъ сознанія, что она такъ понимаетъ все, о чемъ онъ говорилъ, и что это именно вызывало ея улыбку. Подойдя къ дверямъ дома, Клингеманнъ сказалъ:

— Я буду ходить подъ вашимъ окномъ сегодня вечеромъ. Вѣдь вы будете играть на роялѣ?

— Не знаю.

— Я увижу въ этомъ знакъ съ вашей стороны...

Съ этими словами онъ удалился.

Вечеромъ она сидѣла, какъ это бывало очень часто, за столомъ у деверя и невѣстки, между Рихардомъ и Элли. Говорили о предстоящей ей поѣздкѣ въ Вѣну въ такомъ тонѣ, какъ если бы дѣло и вправду шло ни о чемъ другомъ, какъ о посѣщеніи кузины, примѣркѣ платья и нѣкоторыхъ порученіяхъ для хозяйства невѣстки, которыя она взялась исполнить. Къ концу ужина, когда деверь курилъ свою трубку, Рихардъ читалъ ему вслухъ газету, мать вязала, а Элли, склонившись къ Бертѣ, положила ей на грудь свою головку, Берта вдругъ почувствовала себя отъявленной лгуньей. Какъ! Она, вдова честнаго человѣка, сидѣвшая здѣсь, въ этой семьѣ, которая приняла ее въ свой кругъ съ такимъ довѣріемъ, подлѣ молоденькой дѣвушки, которая смотрѣла на нее, какъ на свою старшую подругу, — она, до сихъ поръ сама бывшая вполнѣ порядочной женщиной, проводившая свою жизнь безукоризненно и въ честномъ трудѣ, жившая только для своего маленькаго сына,—да въ своемъ ли умѣ она была, когда вздумала пренебречь всѣмъ этимъ, налгать этимъ прекраснымъ людямъ и броситься въ приключеніе, конца котораго она даже не могла предвидѣть? И что это сдѣлалось съ ней за послѣдніе дни, какія мечты овладѣли ею, что все ея существо, казалось, стремилось къ одному только моменту,— когда она будетъ лежать въ объятіяхъ мужчины? Стоило ей подумать объ этомъ, и ее охватывалъ невыразимый трепетъ, и она вся подчинялась этому ощущенію, безвольно, словно какой-то посторонней, внѣшней силѣ. И въ то время, какъ слова, прочитываемыя Рихардомъ, однотонно ударяли ей въ уши, а пальцы ея играли кудрями Элли, она еще разъ, въ послѣдній разъ возмутилась и поклялась себѣ, что она будетъ стойкой, что ей не нужно ничего другого, какъ только повидать Эмиля, что какъ и всѣ извѣстныя ей порядочныя женщины, какъ ея давно умершая мать, какъ ея вѣнская кузина, какъ фрау Мальманъ, какъ фрау Мартинъ, какъ ея невѣстка и какъ... да, конечно, какъ и фрау Рупіусъ, она хочетъ принадлежать только тому, который сдѣлалъ ее своею женою. Но въ то самое время, когда она думала объ этомъ, словно молнія блеснула въ ней мысль: а если бы онъ.. если бы

Эмиль... Но она испугалась этой мысли и отстранила ее. Она не должна была ѣхать на это свиданіе съ такими дерзкими мечтами. Вѣдь онъ—великій артистъ, а она бѣдная вдова съ ребенкомъ... Нѣтъ, нѣтъ! Она увидитъ его еще разъ въ Музеѣ, у нидерландцевъ, одинъ только разъ, въ послѣдній разъ, и прямо скажетъ ему, что не желаетъ ничего другого, какъ только повидать его. Съ улыбкою самоудовлетворенія представляетъ она себѣ его нѣсколько разочарованное лицо и, какъ бы для упражненія, дѣлаетъ строгую мину и уже знаетъ тѣ слова которыя она скажетъ ему: О нѣтъ, Эмиль, если ты это думаешь... Только не нужно произносить эти слова слишкомъ суровымъ тономъ, чтобы не вышло какъ тогда... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ когда она остановила его на первой же попыткѣ: онъ долженъ просить ее объ этомъ и во второй разъ, долженъ просить ее и въ третій разъ—ахъ, Господи! онъ долженъ просить ее, пока она не сдастся... Ибо она чувствуетъ сидя посреди всѣхъ этихъ добрыхъ порядочныхъ, добродѣтельныхъ людей, къ которымъ она, конечно, уже не сможетъ причислить себя, что стоитъ ему только пожелать этого, и она сдастся. Она ѣдетъ въ Вѣну только для того, чтобы сдѣлаться его возлюбленной, а потомъ, если нужно, то хоть умереть.

На слѣдующій день послѣ обѣда Берта выѣхала. Было очень жарко; солнце нажгло кожаное сидѣнье. Берта открыла окно и подняла желтую занавѣску, которая отъ движенія воздуха отдувалась то въ одну, то въ другую сторону. Она была одна. Но она почти не думала ни о томъ, куда она ѣхала, ни о человѣкѣ, котораго она должна была увидѣть, ни вообще о томъ, что могло предстоять ей, а только о тѣхъ странныхъ словахъ, которыя она слышала за какой-нибудь часъ до своего отъѣзда. Ей хотѣлось бы забыть о нихъ, по крайней мѣрѣ на эти ближайшіе дни. Зачѣмъ не осталась она на эти нѣсколько часовъ, между обѣдомъ и отъѣздомъ, дома? Какая внутренняя тревога побудила ее въ этотъ огненно-жаркій полдень выйти изъ комнаты на улицу, на Базарную площадь и пройти мимо жилища Руліуса? Онъ сидѣлъ на балконѣ, устремивъ глаза на сверкающую бѣлую мостовую и разложивъ на колѣняхъ свой сѣрый пледъ, концы котораго свѣшивались между прутьями балконныхъ перилъ; передъ нимъ стоялъ маленькій столикъ съ графиномъ воды и со льдомъ. Какъ только онъ завидѣлъ Берту, глаза его устремились на нее, какъ бы прося о чемъ-то, и она замѣтила, какъ онъ звалъ ее къ себѣ легкимъ движеніемъ головы. Зачѣмъ она поняла его? Зачѣмъ не приняла этого за простое привѣтствіе и не пошла, отвѣтивъ ему поклономъ своею дорогою? Но когда она, какъ бы повинуясь его движенью, подошла къ подъѣзду, она увидѣла, что на губахъ его скользнула улыбка благодарности, и то же самое прочла она и въ выраженіи его лица, когда она прошла черезъ прохладную,

полутемную комнату на балконъ, пожала протянутую ей руку и сѣла напротивъ него, по другую сторону столика.

— Какъ вы поживаете?—спросила она.

Онъ сначала не отвѣтилъ вовсе; потомъ она замѣтила по волненію въ его лицѣ, что онъ хотѣлъ говорить, но какъ будто не могъ произнести ни одного слова; наконецъ, онъ выговорилъ эти первыя слова особенно громкимъ голосомъ:—Она хочетъ меня...—и потомъ, какъ бы испугавшись этого почти кричащаго звука, докончилъ совсѣмъ тихо:— покинуть. Моя жена хочетъ меня покинуть.

Берта невольно оглянулась.

Рупіусъ, какъ бы успокаивая ее приподнялъ руку:

— Она не слышитъ. Она у себя въ комнатѣ; она спитъ.

Берта была въ совершенномъ смущеніи:

— Почему вы знаете?—пробормотала она.—Этого быть не можетъ!

— Уѣхать она хочетъ—уѣхать, на время, какъ она говоритъ... на нѣкоторое время... Вы понимаете меня?

— Ну да, вѣроятно, къ своему брату.

— На всегда хочетъ уѣхать... навсегда! Разумѣется, она не скажетъ мнѣ: прощай! ты никогда больше не увидишь меня! Вотъ она и говоритъ: мнѣ хотѣлось бы немножно проѣхаться, я нуждаюсь въ отдыхѣ, я поживу нѣсколько недѣль на берегу озера, буду плавать, мнѣ нужна перемѣна воздуха! Конечно, она не скажетъ мнѣ: я не могу болѣе выносить этого, я молода и красива, а ты разбитъ параличемъ и скоро умрешь, и я боюсь твоей болѣзни и всего того отвратительнаго, что еще предстоитъ тебѣ прежде, чѣмъ наступитъ конецъ. Поэтому она и говоритъ мнѣ: я ѣду всего на нѣсколько недѣль, а потомъ вернусь обратно, потомъ буду съ тобою.

Мучительное волненіе присоединилось теперь къ смущенію Берты. Она не могла отвѣтить ничего другого, какъ только: «Вы, навѣрно ошибаетесь». Рупіусъ быстро натянулъ на колѣни соскальзывающій пледъ; казалось, его охватилъ ознобъ. Продолжая говорить, онъ натягивалъ пледъ все выше и, наконецъ прижалъ его обѣими руками къ груди.

— Я предвидѣлъ это. Въ теченіе многихъ лѣтъ видѣлъ я приближеніе этого момента. И подумайте, что это за существованіе: предвидѣть это и быть безсильнымъ, и чувствовать, что нужно молчать! Почему вы такъ глядите на меня?

— О нѣтъ!—сказала Берта и посмотрѣла на площадь.

— Простите меня, пожалуйста, что я говорю вамъ объ этомъ. Я не имѣлъ этого намѣренія, но когда я увидѣлъ, что вы идете... словомъ, я очень благодаренъ вамъ, что вы захотѣли меня выслушать.

— Помилуйте! — сказала Берта и невольно протянула ему руку. Но онъ не замѣтилъ этого, и она опустила руку на столъ.

— Теперь кончено,—проговорилъ Рупіусъ.—Теперь наступитъ одиночество и все, что можетъ быть самаго ужаснаго.

— Но развѣ ваша жена... вѣдь она любила васъ!.. Я увѣрена, что вы создаете себѣ совсѣмъ напрасное безпокойство. И мнѣ право, кажется, господинъ Рупіусъ, что было бы всего проще если бы вы попросили вашу жену отказаться отъ этого путешествія.

— Попросилъ бы? — сказалъ Рупіусъ почти высокомѣрно. — Да имѣю ли я право на это? Всѣ эти шесть или семь лѣтъ были милостью, которую она мнѣ оказывала. Посудите сами пожалуйста. За всѣ эти семь лѣтъ съ ея устъ не сорвалось ни одного слова жалобы на ея загубленную молодость...

— Она любила васъ! — сказала Берта рѣшительно, — вотъ отчего это зависѣло.

Рупіусъ продолжительно посмотрѣлъ на нее.

— Я понимаю, что вы хотите сказать и чего не рѣшаетесь выразить... Но вашъ мужъ, сударыня, покоится въ могилѣ, не спитъ каждую ночь бокъ-о-бокъ съ вами.

Во взглядѣ его мелькнуло что-то, похожее на посылаемое къ небу проклятіе.

Время шло. Берта думала о своемъ поѣздѣ.

— Когда же ѣдетъ ваша жена?

— Объ этомъ мы еще не говорили. Однако, я задерживаю васъ?

— Право же нѣтъ, господинъ Рупіусъ, но... развѣ Анна не сказала вамъ? Я ѣду сегодня въ Вѣну...

Она покраснѣла. Онъ снова продолжительно посмотрѣлъ на нее. Казалось, онъ все понялъ.

— А когда вы вернетесь?—спросилъ онъ сухо.

— Черезъ два-три дня.

Ей хотѣлось сказать ему, что онъ ошибается, что она ѣдетъ вовсе не къ человѣку, котораго она любитъ, что всѣ эти оскорбительныя для него вещи грязны и низки и не могутъ интересовать женщинъ; но она не умѣла найти подходящихъ словъ.

— Если вы вернетесь черезъ два или три дня, то навѣрное еще застанете мою жену здѣсь. Итакъ, до свиданія. Будьте здоровы.

Она чувствовала, какъ онъ слѣдилъ за ней взглядомъ, когда она проходила черезъ полутемную комнату и потомъ черезъ площадь. И даже теперь, сидя въ купэ, чувствовала она на себѣ этотъ взглядъ, и все раздавались въ ея ушахъ эти слова, раскрывшія передъ ея сознаніемъ ужаснѣйшее несчастье, котораго она до сихъ поръ совсѣмъ не понимала. Это тягостное воспоминаніе оказывалось сильнѣе, чѣмъ ожиданіе предстоящей радости, и чѣмъ ближе подъѣзжала она къ столицѣ тѣмъ тяжелѣе становилось у нея на сердцѣ. Думая о сегодняшнемъ вечерѣ, который приходилось провести въ одиночествѣ она чувствовала себя такъ какъ если ѣхала куда-то на чужбину, въ неизвѣстность, безъ всякой надежды. Письмо, которое она все еще хранила у себя подъ корсажемъ, потеряло свои чары; теперь это былъ

просто хрустящій листокъ исписанной бумаги съ немножко оборвавшимися уголками. Она попробовала представить себѣ наружность Эмиля. Лицо, имѣвшее отдаленное сходство съ его лицомъ, выплывало въ ея памяти, минутами ей казалось, что она уже уловила его, но оно сейчасъ же опять ускользало. Она уже начала сомнѣваться, хорошо ли она сдѣлала, что поѣхала сегодня. Зачѣмъ не подождала она по крайней мѣрѣ до понедѣльника? Она вѣдь не могла больше скрывать этого отъ себя она ѣхала въ Вѣну на свиданіе съ молодымъ человѣкомъ, который уже десять лѣтъ не видался съ нею и который, быть можетъ, ожидалъ увидѣть ее совсѣмъ другою, не такою, какой она завтра предстанетъ предъ нимъ. Да, вотъ что такъ безпокоитъ ее, теперь она поняла это. Его письмо, отъ котораго уже начинала болѣть ея нѣжная кожа, было написано къ двадцатилѣтней Бертѣ, потому что вѣдь Эмиль не могъ знать, какъ она выглядѣла теперь. И хотя она сознавала, что черты ея лица со времени дѣвичества совсѣмъ не измѣнились и весь ея обликъ сохранялъ только въ болѣе пышномъ видѣ тѣ же очертанія, какъ въ годы юности, но все-таки развѣ не бросится ему въ глаза все, что за эти десять лѣтъ измѣнилось, быть можетъ, незамѣтно для нея самой, разрушилось въ ней?

Клостернейбургъ. Звонкіе голоса, топотъ быстро бѣгущихъ ногъ поразили ея слухъ. Она выглянула въ окно. Цѣлая толпа школьниковъ тѣснилась на платформѣ, со смѣхомъ и крикомъ влѣзая въ вагонъ. Теперь Бертѣ вспомнилось, какъ возвращались домой съ загородныхъ экскурсій ея братья тогда еще дѣти, и вдругъ встала въ ея воображеніи выкрашенная въ голубую краску комната, гдѣ спали мальчики. Какой-то трепетъ пробѣжалъ по ея душѣ, когда она подумала, что все прошедшее разсѣялось по вѣтру, что люди, которымъ она была обязана своимъ существованіемъ, умерли, тѣ, съ которыми она въ теченіе многихъ лѣтъ жила подъ одной кровлей, совсѣмъ скрылись изъ виду, что отношенія, казавшіяся такими прочными порвались. Какъ ненадежно, какъ преходяще все въ мірѣ!.. А онъ... онъ написалъ ей такъ какъ если бы за эти десять лѣтъ ничто не измѣнилось, какъ если бы между прошедшимъ и настоящимъ не было всѣхъ этихъ похоронъ, рожденій, страданій, болѣзней, заботъ, и для него по крайней мѣрѣ—столько счастья и славы. Она невольно покачала головою. Мысли ея начали путаться отъ сознанія, что повсюду было столько непостижимаго. И даже шумъ поѣзда, который мчалъ ее навстрѣчу новымъ неизвѣстнымъ ей событіямъ, казался ей какимъ-то удивительно грустнымъ напѣвомъ. Она думала о томъ времени, которое было еще такъ недалеко, отъ котораго ее отдѣляло всего лишь нѣсколько дней, когда она была спокойна и довольна и вела жизнь, свободную отъ всякихъ желаній, сожалѣній и неожиданностей. Какимъ образомъ все это нашло на нее? Она не понимала.

Все скорѣе, казалось, летѣлъ поѣздъ къ своей цѣли. Уже испаре-

нія большого города поднимались откуда-то—словно изъ глубины. У Берты застучало сердце. Казалось, что-то ждетъ ее, что-то неопредѣленное, чего она не могла бы назвать, что-то многорукое, готовое обхватить ее. Каждый домъ, мимо котораго пробѣгалъ поѣздъ, зналъ, что она ѣдетъ; отблески заходящаго солнца сверкали ей навстрѣчу, а когда поѣздъ вошелъ подъ стеклянную крышу вокзала, она сразу почувствовала себя въ безопасности. Теперь только поняла она, что пріѣхала въ Вѣну, въ свою Вѣну, городъ, съ которымъ была связана вся ея юность, всѣ ея мечты, на родину свою! Она словно и не думала объ этомъ до сихъ поръ. Она пріѣхала не изъ дому, а домой. Шумъ вокзала наполнялъ ее такимъ пріятнымъ ощущеніемъ, суматоха людей и экипажей радовала ее, все печальное совершенно разсѣялось. Въ теплый майскій вечеръ стояла она здѣсь, въ Вѣнѣ, на вокзалѣ Франца-Іосифа,—она, Берта Гарланъ, молодая, прекрасная, свободная, никому ни въ чемъ не обязанная отдавать отчета, а завтра утромъ увидитъ она того, кого любитъ, возлюбленнаго, который позвалъ ее къ себѣ...

Она остановилась въ маленькомъ отелѣ неподалеку отъ вокзала. Она рѣшила избрать одинъ изъ менѣе шикарныхъ отелей — отчасти изъ экономіи, отчасти потому, что побаивалась элегантныхъ кельнеровъ и швейцаровъ. Ее провели въ комнату третьяго этажа, выходившую окнами въ переулокъ. Когда пріѣзжая вошла, горничная затворила дверь и принесла свѣжей воды; человѣкъ поставилъ подлѣ печки ея сундучекъ, а кельнеръ положилъ передъ нею листокъ для записей постояльцевъ, который она немедленно заполнила съ увѣренностью и гордостью человѣка, сознающаго себя безупречнымъ.

Давно уже не испытанное ею ощущеніе внѣшней свободы охватило ее. Никакихъ мелкихъ будничныхъ заботъ по хозяйству, ни обязательныхъ разговоровъ съ родственниками и знакомыми; въ этотъ вечеръ она могла дѣлать все, что хотѣла. Переодѣвшись, она открыла окно. Нужно было бы уже зажечь свѣчи, но на улицѣ было еще не совсѣмъ темно. Она облокотилась на подоконникъ и стала смотрѣть внизъ. Снова вспоминалось ей ея дѣтство, когда она, бывало, такъ же смотрѣла изъ окна, иногда съ однимъ изъ своихъ братьевъ, который при этомъ обхватывалъ ее рукою за плечи. Она думала также о своихъ родителяхъ, чувствуя при этомъ такое умиленіе, что слезы навертывались ей на глаза. Внизу зажгли уже фонари. Пора было предпринимать что-нибудь. Завтра, въ это время... подумалось ей. Она не могла представить себѣ этого. Какъ разъ въ этотъ моментъ внизу проѣхалъ извощичій экипажъ, въ которомъ сидѣли господинъ съ дамою. Если бы все могло сложиться, согласно ея желанію, они поѣхали бы завтра за городъ—да, это было бы всего лучше! Посидѣть гдѣ-нибудь въ саду, въ тихомъ ресторанчикѣ, со свѣчею подъ стекляннымъ колпакомъ на столѣ,—рука съ рукою, какъ сидятъ молодые влюблен-

ныe, а потомъ обратно,—а потомъ... Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ. Гдѣ бы онъ могъ теперь быть? Одинъ ли онъ, или говоритъ съ кѣмъ-нибудь? И съ кѣмъ? Съ мужчиной или съ женщиной? Съ какой-нибудь дѣвушкой? Впрочемъ, не все ли это равно. И главное, это вовсе ея не касается! Точно также, и его вѣдь не касается, что Клингеманнъ сдѣлалъ ей вчера признаніе въ любви, что ея племянникъ, дерзкій мальчишка, иногда цѣлуетъ ее и что она питаетъ большое уваженіе къ господину Рупіусу. Но завтра она разспроситъ его—да. Она должна знать обо всемъ этомъ—прежде, чѣмъ...—прежде, чѣмъ она поѣдетъ съ нимъ вечеромъ за городъ.

Пора, однако же, идти. Но куда? Передъ дверью она въ нерѣшительности остановилась. Ей не оставалось ничего другого, какъ только погулять немножко, а потомъ—ужинать... Но гдѣ?—Дамѣ, одной... Нѣтъ, она поужинаетъ у себя въ комнатѣ и пораньше ляжетъ въ постель, чтобы къ завтрашнему дню выспаться хорошенько, быть свѣжей, молодой и прекрасной. Она замкнула свою комнату и, выйдя на улицу, пошла по направленію къ центру города. Она шла очень быстро, потому что ей было непріятно идти вечеромъ одной. Скоро она добралась до Рингштрассе и прошла мимо университета къ ратушѣ. Но эта безцѣльная ходьба не доставляла ей ни малѣйшаго удовольствія. Она почувствовала скуку и голодъ, сѣла въ конку и поѣхала обратно. Но у нея не было ни малѣйшей охоты подниматься къ себѣ въ комнату. Уже съ улицы она замѣтила, что ресторанный залъ гостинницы былъ едва освѣщенъ, и, очевидно, почти совсѣмъ пустъ. Тамъ она и поужинала. Скоро она почувствовала утомленіе и склонность ко сну и не безъ усилія поднялась въ третій этажъ, къ себѣ въ комнату. Когда она, сидя на постели, развязывала ботинки, на сосѣдней колокольнѣ пробило десять часовъ.

Проснувшись рано утромъ, она поспѣшно подошла къ окну и подняла штору: ей хотѣлось какъ можно скорѣе видѣть свѣтъ дня и городскія улицы. Было солнечное утро, и воздухъ казался такимъ свѣжимъ, какъ будто бы онъ собрался сюда, въ городъ, изъ тысячи источниковъ, изъ всѣхъ окрестныхъ лѣсовъ и горъ. Красота утра подѣйствовала на Берту, какъ хорошее предзнаменованіе. Она подивилась на самое себя при мысли о томъ, какъ глупо и скучно провела вчерашній вечеръ—словно она сама не знала, зачѣмъ пріѣхала въ Вѣну. Она чувствовала, что наполняло ее теперь такою радостью. Сознаніе, что желанный, ожидаемый ею часъ не былъ болѣе отдѣленъ отъ нея сномъ ночи. Потомъ она вдругъ съ недоумѣніемъ подумала о томъ, какъ это она могла, будучи въ послѣдній разъ въ Вѣнѣ, даже не попытаться увидѣть Эмиля. Да, теперь ей казалось непостижимымъ, что она могла цѣлыми недѣлями, мѣсяцами, даже годами откладывать это—безъ всякой основательной причины. Сначала она не отдавала себѣ отчета въ томъ, что за все это время даже почти не думала о

немъ, но когда она сознала это, ей показалось это просто невѣроятнымъ.

Нужно было потерпѣть еще четыре часа слишкомъ,—тогда она, наконецъ, увидитъ его. Она опять прилегла на постель и, не закрывая глазъ, говорила тихонько,—словно желая отдаться очарованію этихъ словъ: пріѣзжай скорѣе. Она вслушивалась въ эти слова, какъ если бы онъ самъ произносилъ ихъ—уже не издали, нѣтъ, а въ одной комнатѣ съ нею; губы его шептали ихъ подлѣ самыхъ ея губъ: пріѣзжай скорѣе,—говорилъ онъ, и это значило: Будь моею, будь моею! И она раскрыла объятія, какъ бы готовясь прижать возлюбленнаго къ своему сердцу, и проговорила: Я люблю тебя! и губы ея дрогнули отъ поцѣлуя.

Наконецъ, она поднялась и стала одѣваться. На этотъ разъ она взяла съ собою простое сѣрое платье англійскаго фасона, которое по общему мнѣнію очень шло къ ней. Окончивъ свой туалетъ, она осталась вполнѣ довольна собою. Правда, она не походила на элегантную даму изъ Вѣны, но не выглядѣла и нарядной провинціалкой; собственно говоря—думалось ей—ее можно было бы принять за гувернантку изъ какого-нибудь графскаго или княжескаго дома. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней было что-то дѣвическое никто не призналъ бы въ ней замужнюю женщину, мать пятилѣтняго мальчика. Правда, подумала она съ легкимъ вздохомъ, она вѣдь и жила все это время, какъ дѣвушка. Оттого-то она и чувствовала себя теперь словно невѣста.

Девять часовъ. Еще два долгихъ часа. Что дѣлать съ собою въ продолженіи этого времени? Она велѣла принести себѣ кофе, сѣла къ столу, медленными глотками выпила чашку. Не было никакого смысла оставаться долѣе въ комнатѣ. Лучше выйти на улицу.

Она прошлась немного по близъ лежащимъ переулкамъ, съ особеннымъ удовольствіемъ ощущая прикосновеніе воздуха къ своимъ щекамъ. Что-то дѣлаетъ теперь ея мальчикъ? Вѣроятно, съ нимъ играетъ Элли. Берта направилась къ публичному саду; она радовалась при мысли погулять по тѣмъ аллеямъ, гдѣ она много лѣтъ тому назадъ играла, будучи ребенкомъ. Она вошла въ садъ черезъ ворота, расположенныя противъ Бургтеатра. Въ эти ранніе часы здѣсь бывало немного народу. На пескѣ играли дѣти; бонны и няньки сидѣли на скамейкахъ; дѣвочки бѣгали по ступенямъ храма Тезея и въ проходахъ между его колоннами. По тѣнистымъ аллеямъ прохаживались люди постарше; юноши, учившіеся по какимъ-то толстымъ тетрадямъ, дамы съ книгами въ рукахъ пріютились въ прохладной тѣни деревьевъ. Берта сѣла на скамью и стала смотрѣть на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, скакавшихъ черезъ веревочку—совершенно такъ же, какъ и она часто дѣлала это, будучи ребенкомъ, и даже, казалось ей,—на томъ же самомъ мѣстѣ. Нѣжный вѣтерокъ пробѣгалъ по листвѣ, издали доносились возгласы и смѣхъ дѣтей, игравшихъ въ пятнашки; мало-по-малу они приближа-

лись и, наконецъ, пробѣжали мимо нея. Какой-то молодой человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ медленно прошелся передъ нею и, дойдя до конца аллеи, еще разъ обернулся на нее, что пріятно шевельнуло ея самолюбіе. Потомъ прошла совсѣмъ молоденькая чета,—она со сверткомъ нотъ въ рукѣ, миленькая, но черезчуръ ярко одѣтая, онъ—съ бритымъ лицомъ, въ свѣтломъ пальто и цилиндрѣ. Берта почувствовала себя весьма опытной, когда, взглянувъ на нихъ, увѣренно рѣшила, что онъ долженъ быть начинающимъ актеромъ, а она—ученицей музыкальной школы. Ей было очень пріятно сидѣть здѣсь, не имѣть передъ собою никакого опредѣленнаго дѣла и смотрѣть, какъ проходятъ мимо люди, какъ бѣгаютъ и играютъ дѣти. Да, это было бы такъ хорошо—жить въ Вѣнѣ, имѣть возможность дѣлать все, что вздумается. Кто знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ сложатся обстоятельства, что принесетъ съ собою слѣдующій часъ, въ какомъ свѣтѣ предстанетъ передъ нею существованіе сегодня же вечеромъ! И что собственно принуждаетъ ее жить въ этомъ ужасномъ маленькомъ городкѣ? Какъ тамъ она пополняетъ свои средства уроками, такъ точно она могла бы зарабатывать кое-что и здѣсь. Почему бы и нѣтъ? Здѣсь уроки будутъ оплачиваться даже лучше, и къ тому же... Вотъ по истинѣ благопріятное обстоятельство!.. Если бы онъ пришелъ ей на помощь, если бы онъ, знаменитый музыкантъ, захотѣлъ рекомендовать ее? Вѣдь одного его слова было бы достаточно. Не поговорить ли съ нимъ объ этомъ? И развѣ это не было бы также выгодно для ея мальчика? Черезъ какихъ-нибудь 3—4 года ему придется поступить въ гимназію, а здѣсь гимназіи ужъ, конечно, лучше, чѣмъ тамъ. Нѣтъ, это просто невозможно провести всю свою жизнь въ какомъ-то маленькомъ городишкѣ—въ непродолжительномъ будущемъ она непремѣнно переѣдетъ въ Вѣну. Хотя бы для этого нужно было даже кое въ чемъ стѣснить себя и... и... Напрасно пытается она отогнать дерзкія мысли, которыя такъ бурно осаждаютъ ее... Если она понравится Эмилю, если онъ опять... если онъ снова полюбитъ ее... если онъ захочетъ, чтобы она была его женой? Если только она поумнѣе поведетъ себя, если она сможетъ устоять, если сумѣетъ опутать его... Она сама немножко стыдится своего коварства... Однако, развѣ ужъ это такъ худо съ ея стороны—думать объ этомъ, если она любитъ его? Если она никогда не любила такъ никого другого? И развѣ весь тонъ его письма не далъ ей права думать объ этомъ? А когда она вдругъ вспоминаетъ, что человѣкъ, съ которымъ связаны всѣ ея надежды, сейчасъ предстанетъ передъ нею, у нея начинаетъ кружиться голова. Она встаетъ, она едва держится на ногахъ. Тамъ, за воротами сада, противъ Бургтеатра, исчезаетъ у нея изъ глазъ молодая чета, которая незадолго передъ тѣмъ прошла мимо нея; она направляется тѣмъ же путемъ. Вотъ передъ ней уже высится и блеститъ куполъ музея. Она старается идти медленно, чтобы не быть слишкомъ возбужденной или запыхав-

шейся, когда онъ увидитъ ее. Еще разъ словно пронизываетъ ее опасеніе: а вдругъ онъ не придетъ? Но какъ бы то ни было, на этотъ разъ она не уѣдетъ изъ Вѣны, не повидавъ его. Пожалуй, было бы даже лучше, если бы онъ не пришелъ сегодня... Она такъ взволнована... Вдругъ она скажетъ какую-нибудь глупость, сдѣлаетъ неловкость?... Такъ много зависитъ отъ этого перваго момента, быть можетъ все ея будущее... Музей уже передъ нею. Она поднимается по ступенямъ, входитъ въ двери зданія, останавливается въ большой, прохладномъ вестибюлѣ, видитъ передъ собою массивную лѣстницу и тамъ, гдѣ лѣстница раздѣляется, поворачивая направо и налѣво,— огромную мраморную статую Тезея, поражающаго Минотавра. Медленно поднимается она, оглядывается, успокаивается немножко. Великолѣпіе окружающаго очаровываетъ ее. Она смотритъ вверхъ, на эти галлереи съ золочеными перилами внутри купола,—все въ ней затихаетъ. Вотъ дверь, надъ нею золотыми буквами надпись: Нидерландская школа. Сердце ея опять вздрагиваетъ. Впереди—убѣгающая перспектива залъ. Тамъ и сямъ передъ картинами стоятъ люди. Она входитъ въ первую залу, начинаетъ внимательно всматриваться въ первую картину, висящую у самаго входа. Ей вспоминается папка господина Рупіуса. Но въ эту минуту она слышитъ слова: «Здравствуй, Берта!»

Это его голосъ. Она оборачивается. Онъ стоитъ передъ нею, молодой, стройный, элегантный, нѣсколько блѣдный, съ улыбкою, въ которой мелькаетъ что-то насмѣшливое и, склонивъ голову, беретъ ея руку и на минуту удерживаетъ ее въ своей. Это онъ, и кажется, въ самомъ дѣлѣ, они видѣлись не далѣе, какъ вчера. «Здравствуй, Эмиль», говоритъ она, и оба смотрятъ другъ на друга. Во взглядѣ его выражается многое: удовольствіе, любезность и что-то испытующее. Все это она ощущаетъ съ необычайною отчетливостью, въ то время, какъ глаза ея, устремленныя на него, сіяютъ отъ счастья.

— Ну, какъ же ты поживаешь?—спрашиваетъ онъ.

— Хорошо.

— Собственно, смѣшно, что я задаю тебѣ этотъ вопросъ въ такой формѣ—послѣ восьми или девяти лѣтъ разлуки. Вѣроятно, въ разное время жилось по разному.

— Да, правда. Ты, вѣдь, знаешь, что мужъ мой умеръ три года тому назадъ?—Она чувствуетъ себя обязанной выразить на своемъ лицѣ нѣкоторую печаль.

— Да, знаю. И что у тебя есть сынъ, знаю. Кто это разсказалъ мнѣ?

— Кто же?

— Ну, все равно, потомъ вспомню. Но что ты интересуешься картинами—это для меня ново.

Она улыбается.

— Положимъ, что я не ради картинъ только... А, впрочемъ, ты

не долженъ думать, что я такая ужъ дурочка. Я и картинами интересуюсь.

— Да, я тоже. Если сказать правду, то я всего больше хотѣлъ бы быть художникомъ!

— Ты могъ бы быть вполнѣ доволенъ и тѣмъ, чего достигъ.

— Ну, это, положимъ, не такъ-то просто. Мнѣ, конечно, очень пріятно, что я умѣю хорошо играть на скрипкѣ, но что останется отъ всего этого? Я хочу сказать: умри я — надолго ли переживетъ меня мое имя? А это...—онъ указалъ глазами на картину, передъ которой они стояли,—это другое дѣло!

— Ты ужасно честолюбивъ!

Онъ взглянулъ на нее, но какъ-то разсѣянно.

— Честолюбивъ? Нѣтъ, дѣло не въ этомъ только. Впрочемъ, оставимъ это. Странная идея — завести теоретическіе разговоры объ искусствѣ послѣ того, какъ мы сто лѣтъ не видались! Разскажи же что-нибудь, Берта! Что ты подѣлываешь? Какъ живется? И что это тебѣ вдругъ пришло въ голову—поздравить меня съ какимъ-то глупымъ орденомъ?

Она опять улыбнулась.

— Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь написать тебѣ. А главное,—хотѣлось услышать что-нибудь о тебѣ. Это, право, такъ мило съ твоей стороны, что ты сейчасъ же отвѣтилъ!

— Нисколько не мило, дитя мое! Я такъ обрадовался, когда вдругъ пришло это письмо—я сейчасъ же узналъ твою руку... У тебя и теперь почеркъ маленькой гимназисточки, какъ... ну, скажемъ: какъ въ былое время, хотя я терпѣть не могу подобныхъ словъ.

— Почему же?—спросила она съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Онъ взглянулъ на нее, потомъ быстро произнесъ:

— Такъ какъ же ты поживаешь? Ты, вѣрно, ужасно скучаешь обыкновенно?

— Мнѣ некогда скучать,—возразила она серьезно,—вѣдь я даю уроки.

— О!—произнесъ онъ тономъ такого неподдѣльнаго состраданія, что она почувствовала необходимость прибавить какъ можно скорѣе:

— О! не потому, чтобы я ужъ такъ нуждалась!—Но все-таки это мнѣ весьма кстати, потому что...—Она почувствовала что всего лучше быть съ нимъ откровенной.—Вѣдь того, что я имѣю, мнѣ не хватало бы.

— Что же ты преподаешь?

— Какъ что? Развѣ я не сказала, что даю уроки музыки?

— Музыки? Вотъ какъ!.. Ну, разумѣется... Ты вѣдь была очень даровита. Если бы ты тогда не вышла изъ консерваторіи... Конечно, великой піанистки изъ тебя бы не вышло, но къ нѣкоторымъ вещамъ у тебя было совершенно несомнѣнное дарованіе. Напримѣръ, Шопена и небольшія вещицы Шумана ты превосходно исполняла.

— Ты еще помнишь?

— Впрочемъ, ты избрала благую часть.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Если не можешь обладать всѣмъ, то ужъ лучше просто выйти замужъ и родить дѣтей.

— У меня одинъ единственный.

Онъ засмѣялся:

— Ну, разсказывай же мнѣ про этого единственнаго. И вообще про всю свою жизнь.

Они сѣли на диванъ въ маленькомъ залѣ съ картинами Рембрандта.

— Что мнѣ о себѣ разсказывать? Это совсѣмъ не интересно. Разскажи лучше про себя.—Она съ восхищеніемъ посмотрѣла на него.—У тебя все сложилось такъ великолѣпно, ты сталъ такою знаменитостью...

Онъ, словно отъ неудовольствія, немножко закусилъ нижнюю губу.

— Разумѣется!—продолжала она, не смущаясь.—Я еще совсѣмъ недавно видѣла твой портретъ въ одной иллюстрированной газетѣ.

— Да, да,—сказалъ онъ нетерпѣливо.

— Но я всегда знала это,—продолжала она,—помнишь еще, когда ты сыгралъ концертъ Мендельсона на выпускномъ экзаменѣ,—и тогда уже всѣ говорили объ этомъ!

— Пожалуйста, милое дитя мое, не будемъ же мы обмѣниваться комплиментами!.. Что собственно за человѣкъ былъ твой мужъ?

— Очень хорошій, можно сказать—благородный человѣкъ!

— А ты знаешь, что я встрѣтился съ твоимъ отцомъ,—такъ приблизительно за недѣлю до его смерти.

— Правда?

— А ты не знала?

— Онъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ.

— Мы простояли съ нимъ на улицѣ около четверти часа. Я тогда только что возвратился изъ моей первой артистической поѣздки.

— Ну хоть бы слово онъ мнѣ сказалъ! Хоть бы слово!—Она проговорила это почти гнѣвно, какъ будто отецъ ея помѣшалъ чему-то, что должно было совершенно иначе устроить всю ея послѣдующую судьбу.—Но почему ты тогда не пришелъ къ намъ? И какъ это вообще случилось, что ты вдругъ пересталъ бывать у насъ—еще задолго до того?

— Вдругъ? Нѣтъ, постепенно.

Онъ посмотрѣлъ на нее, и на этотъ разъ взглядъ его пробѣжалъ по всему ея тѣлу, такъ что она невольно, словно защищаясь подобрала ноги подъ платье и тѣснѣе прижала руки къ туловищу.

— Такъ, какъ же это сложилось съ твоимъ замужествомъ?

Она разсказала всю исторію. Эмиль слушалъ ее, повидимому, вни-

мательно, но пока она еще говорила, продолжая сидѣть на диванѣ, онъ всталъ и началъ смотрѣть въ окно. Когда она закончила свой разсказъ, упомянувъ о добросердечіи своихъ родственниковъ, онъ сказалъ:

— Ну, что-жъ! Разъ ужъ мы здѣсь—не осмотримъ ли мы хоть нѣсколько картинъ?

Они медленно пошли по заламъ, останавливаясь то передъ одной, то передъ другой картиной. Иногда Берта говорила:

— Какъ хорошо! Чудесно!

Онъ утвердительно кивалъ головою. Казалось, будто онъ совсѣмъ забылъ, что ходитъ здѣсь съ нею. Она уже начинала немножко ревновать его къ этимъ интересующимъ его картинамъ.

Вдругъ они очутились передъ одною изъ картинъ, которыя она знала по гравюрамъ Рупіусъ. Эмиль хотѣлъ пройти дальше, но она остановилась, обрадовавшись, какъ при видѣ стараго знакомаго.

— Чудесно! Эмиль!—окликнула она.—Не правда ли, это чудесно? И вообще я такъ люблю картины Фалькенборга.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Она смутилась и попробовала продолжать:

— ...Потому что въ нихъ такъ много... потому что цѣлый міръ...—Она почувствовала, что поступаетъ нечестно, что она обворовываетъ человѣка, который не могъ защищаться, и, какъ бы раскаиваясь, прибавила:—У насъ въ городѣ есть одинъ господинъ, у котораго есть альбомъ или, вѣрнѣе, папка съ гравюрами; оттого я и знаю эту картину. Нѣкто Рупіусъ; онъ очень боленъ—представь себѣ совсѣмъ разбитъ параличемъ.

Ей казалось необходимымъ сообщить Эмилю обо всемъ этомъ, потому что въ глазахъ его она все время читала какой-то вопросъ.

— Вотъ исторія,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Нужно, однако, надѣяться, что у васъ имѣются также и господа... не разбитые параличомъ,—договорилъ онъ, понизивъ голосъ, какъ бы немножко устыдясь своей недоброй шутки.

Ей показалось, что она должна взять бѣднаго Рупіуса подъ свою защиту, и она сказала:

— Онъ ужасно несчастенъ!—Она вспомнила, какъ сидѣла съ нимъ вчера на балконѣ, и глубокая жалость охватила ее.

Но Эмиль, слѣдя только за ходомъ собственныхъ мыслей, сказалъ:

— Да, хотѣлось бы мнѣ знать все, что ты пережила за это время.

— Ты же знаешь!

— Я разумѣю—послѣ смерти твоего мужа.

Она поняла теперь, о чемъ онъ думалъ, и немножко обидѣлась:

— Я живу только для моего сына,—сказала она твердо.—Я не допускаю, чтобы за мной ухаживали. Я держу себя вполнѣ благопристойно.

Онъ не могъ не разсмѣяться надъ той забавной серьезностью, съ какою она доложила ему о своихъ добродѣтеляхъ. Она также почувствовала, что должна была бы выразить это иначе, и тоже засмѣялась.

— Какъ долго пробудешь ты въ Вѣнѣ?—спросилъ Эмиль.

— До завтра или послѣ-завтра.

— Такъ мало? А гдѣ остановилась?

— У моей кузины,—отвѣчала она. Что-то удержало ее отъ признанія, что она остановилась въ отелѣ. Однако она сейчасъ же разсердилась на себя за эту глупую ложь и хотѣла поправиться. Но Эмиль быстро спросилъ ее:

— Надѣюсь, у тебя найдется для меня немножко времени?

— О, да!

— Ну, такъ условимся же.—Онъ взглянулъ на часы.—О!

— Ты торопишься?—спросила она.

— Да, собственно говоря, я уже долженъ былъ бы быть къ двѣнадцати...

Мучительное безпокойство охватило ее при мысли, что сейчасъ она опять останется одна, и она сказала:

— У меня сколько угодно времени. Только—не слишкомъ поздно, конечно.

— А развѣ твоя кузина такъ строга?

— Нѣтъ...—сказала она.—Вѣдь на этотъ разъ я остановилась не у нея.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она покраснѣла.

— Но обыкновенно... то-есть, иногда... у нея, знаешь, такое большое семейство...

— Такъ, значитъ, ты живешь въ отелѣ?—сказалъ онъ нѣсколько нетерпѣливо.—Ну, въ такомъ случаѣ ты никому не обязана отдавать отчета, и мы можемъ преспокойнѣйшимъ образомъ провести вечеръ вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ. Только поздно я никакъ не могу... Даже и въ отелѣ не могу.

— Да нѣтъ же, мы просто поужинаемъ вмѣстѣ, а въ десять часовъ ты будешь ужъ давнымъ-давно въ постели.

Они медленно сошли по большой лѣстницѣ.

— Итакъ, если это тебѣ удобно, мы встрѣтимся въ семь часовъ.

Она чуть было не воскликнула: «Такъ поздно», но удержалась, вспомнивъ о своемъ рѣшеніи—не поддаваться.

— А гдѣ же?.. На улицѣ, я думаю? Тогда можно будетъ поѣхать, куда вздумается... вѣдь жизнь, такъ сказать, открыта передъ нами... да...

Онъ казался теперь поразительно разсѣяннымъ. Они прошли черезъ вестибюль и у выхода остановились.

— Значитъ, въ семь, у моста Елизаветы.

— Да, въ семь, у моста Елизаветы.

Передъ ними въ блескѣ полуденнаго солнца лежала площадь съ памятникомъ Маріи-Терезіи. Было по прежнему жарко, но теперь поднялся сильнѣйшій вѣтеръ. Бертѣ почудилось, что Эмиль испытующе смотритъ на нее. И въ то же время онъ показался ей холоднымъ и чуждымъ, совсѣмъ другимъ, чѣмъ былъ тамъ, передъ картинами.

— Ну, теперь мы простимся!—сказалъ онъ.

Она почувствовала себя несчастной, словно онъ покидалъ ее.

— А ты не хочешь меня немножко... или, можетъ быть, мнѣ проводить тебя?

— Ахъ, нѣтъ,—сказалъ онъ.—И къ тому же такъ вѣтрено. Идти рядомъ и держать шляпу, чтобы она не слетѣла,—не Богъ вѣсть какое удовольствіе. Вообще на улицѣ неудобно разговаривать, и потомъ—я такъ спѣшу... Но, можетъ быть, посадить тебя на извощика?

— Нѣтъ, нѣтъ, я—пѣшкомъ.

— Можно, конечно, и такъ. Ну, такъ прощай же, до вечера.

Онъ протянулъ ей руку и быстро пошелъ черезъ площадь. Она долго смотрѣла ему вслѣдъ; онъ снялъ шляпу и держалъ ее въ рукѣ, а вѣтеръ развѣвалъ его волосы. Онъ перешелъ черезъ Рингштрассе, вошелъ подъ Арку и скрылся у нея изъ виду.

Она невольно медленными шагами шла за нимъ. Почему онъ вдругъ сдѣлался такъ холоденъ? Почему такъ быстро удалился? Почему не захотѣлъ, чтобы она проводила его? Быть можетъ, онъ стыдился ея? Она осмотрѣла себя: не была ли она смѣшна и слишкомъ по провинціальному одѣта? Нѣтъ. Да и по тѣмъ взглядамъ, которые бросали на нее проходящіе, можно было замѣтить, что она была вовсе не смѣшна, а напротивъ, очень привлекательна. Такъ почему же онъ такъ внезапно простился? Думая о прошедшемъ, она какъ будто припоминала, что и тогда у него была эта странная манера совершенно неожиданно обрывать разговоръ, при чемъ онъ вдругъ уходилъ въ себя и во всемъ его существѣ выражалось нетерпѣніе, съ которымъ онъ, очевидно, не могъ совладать. Да, конечно, и тогда уже это было. Только тогда это, можетъ быть, не такъ бросалось въ глаза. Она вспомнила, что и тогда ей приходилось отъ времени до времени подшучивать надъ его капризами, которые она объясняла его «артистическою натурою». А съ тѣхъ поръ онъ сталъ настоящимъ артистомъ и, натурально, сдѣлался еще болѣе разсѣяннымъ и непонятнымъ даже для знающихъ его.

Часы били двѣнадцать на нѣсколькихъ колокольняхъ заразъ; вѣтеръ дулъ еще сильнѣе, пыль летѣла ей прямо въ глаза. Передъ нею была цѣлая вѣчность, и она рѣшительно не знала, что предпринять. Почему онъ не пожелалъ встрѣтиться съ нею раньше; только въ семь часовъ! Она безсознательно разсчитывала, что онъ проведетъ съ нею цѣлый день. Какія такія дѣла у него? Впрочемъ, можетъ быть, онъ долженъ готовиться къ концерту? И она представила его себѣ со скрипкою въ

рукѣ, прислонившимся спиною къ шкафу или роялю—какъ онъ игралъ, бывало, у нихъ. Да, это было бы такъ хорошо — присутствовать при этомъ, сидѣть въ его комнатѣ, на диванѣ, и слушать, какъ онъ играетъ или даже аккомпанировать ему. Пошла ли бы она къ нему, если бы онъ попросилъ ее? Почему онъ не сдѣлалъ этого? Нѣтъ, не могъ же онъ сдѣлать это въ первый же часъ послѣ свиданія... Но вечеромъ—попроситъ ли онъ ее объ этомъ вечеромъ? И согласится ли она? А если согласится, то есть ли вообще что-нибудь, въ чемъ она могла бы отказать ему, если только онъ попроситъ? Онъ умѣетъ такъ просто выражать все. Какъ онъ раздѣлался со всѣми этими десятью годами! Вѣдь онъ заговорилъ съ нею, какъ будто они ежедневно видѣлись за все это время. «Здравствуй, Берта, какъ поживаешь?» приблизительно такъ же, какъ спрашиваютъ, сказавъ «покойной ночи» или «до свиданья» наканунѣ вечеромъ! А сколько онъ долженъ былъ пережить за это время! И какъ знать, кто сидитъ сегодня на диванѣ въ его комнатѣ въ то время, какъ онъ играетъ, прислонившись къ роялю... Ахъ, нѣтъ, лучше не думать объ этомъ. Вѣдь, если это дѣйствительно такъ, ей оставалось бы только сейчасъ же вернуться домой!

Она проходила мимо рѣшетки публичнаго сада и могла видѣть аллею, гдѣ сидѣла часъ тому назадъ и гдѣ носились теперь облака пыли. Итакъ, то, чего она такъ ждала, уже совершилось—она увидѣла его. Было ли это такъ хорошо, какъ она ожидала? Чувствовала ли она что-нибудь особенное, идя съ нимъ рядомъ, касаясь рукою его руки? Нѣтъ. Ощутила ли она какую-нибудь боль, прощаясь съ нимъ? Можетъ быть. Могла ли бы она теперь уѣхать, не повидавъ его? О, Боже сохрани! нѣтъ! При одной мысли объ этомъ ее охватилъ какой-то испугъ. Вѣдь, вся ея жизнь за послѣдніе дни наполнена имъ! И развѣ всѣ эти годы, оставшіеся позади, имѣли какой-нибудь другой смыслъ, какъ только тотъ, что въ извѣстный часъ она должна была вновь найти его? О, если бы она только была немножко опытнѣе, немножко практичнѣе! Тогда она могла бы навѣрняка разсчитать, какимъ путемъ она должна идти къ своей цѣли. Она спрашиваетъ себя, что разумнѣе: быть ли съ нимъ сдержанной или уступчивой? Ей такъ нужно было бы знать, какъ она должна вести себя сегодня вечеромъ, чтобы вѣрнѣе завоевать его. Она чувствуетъ, что все можетъ привести ее къ побѣдѣ и все можетъ повести къ тому, что она потеряетъ его. Но она знаетъ также, что всѣ ея разсужденія безплодны, что она пойдетъ на все, чего бы онъ только ни захотѣлъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СИРОТА.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ СѢРЕНЬКОЙ ЖИЗНИ).

Повѣсть М. АЛЬВОВА.

(*Окончаніе* *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Позорная ночь.

XL.

Въ цѣляхъ послѣдовательности, необходимо отмѣтить, что дѣлалъ и думалъ Павелъ Иванычъ въ теченіе послѣднихъ трехъ дней, остававшихся до свадьбы Скворешникова.

Онъ весь погрузился въ заботы по поводу предстоявшей ему торжественной роли.

Во-первыхъ, отысканъ былъ магазинъ, снабжавшій, на условіяхъ проката, желающихъ готовою одеждою, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ примѣрокъ, оказалась совершенно подходящая къ фигурѣ и комплекціи Павла Иваныча и весьма приличная фрачная пара. Произведенъ былъ осмотръ всему наличному ассортименту бѣлья и выбрана лучшая крахмальная сорочка съ гофрированной грудью, требовавшая лишь небольшого ремонта. Куплена была пара сапогъ, ибо имѣвшіеся у Павла Иваныча, хотя и не предъявляли пока никакого изъяна, однако по своему ладьеобразному виду признаны были способными испортить общій ансамбль. Затѣмъ возникъ вопросъ о шляпѣ-цилиндрѣ и, по совѣту Клеопатры (принимавшей во всѣхъ этихъ заботахъ самое горячее и живое участіе) отыскана была таковая среди гардероба Павла Иваныча. Она принадлежала прежде отцу его и старомоднымъ фасономъ своимъ (сильно выгнутыми тульей и полями) возбудила было сперва большое сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1901 г.

при примѣркѣ на головѣ Павла Иваныча оказала наклонность съѣзжать на бекрень, то къ правому, то къ лѣвому уху, но такъ какъ шляпа была совсѣмъ еще крѣпкая, плюшевая, съ неутраченнымъ глянцемъ, то, въ концѣ концовъ, была признана способной принять удовлетворительный видъ, при помощи болѣе или менѣе тщательной чистки. Что-же касается нѣкотораго несоотвѣтствія ея съ размѣрами головы Павла Иваныча, то таковое обстоятельство оказалось легко устранимымъ посредствомъ полоски газетной бумаги, согнутой въ нѣсколько слоевъ и вложенной подъ изнанку подбоя. Тотчасъ же сдѣланъ былъ опытъ, и результатъ получился блистательный.

Еще оставался открытымъ вопросъ о бѣлыхъ перчаткахъ и галстухѣ.

Недалеко отъ бураго дома, на углу перекрестка, существовала табачная лавка, куда иногда заходилъ, на прогулкѣ, Павелъ Иванычъ, ибо тамъ имѣлся всегда къ его услугамъ излюбленный имъ сортъ нюхательнаго табаку—„бергамотный“, фабрики Виссаріона Гребнева.

Она имѣла, на уровнѣ тротуара, два небольшихъ квадратныхъ оконца, гдѣ виднѣлись, въ симметрическихъ группахъ, сигарныя и папиросныя пачки, карандаши и банки съ помадой, а на святкахъ оттуда строили рожи прохожимъ картонныя маски. Чтобы попасть во внутрь помѣщенія, приходилось спуститься по тремъ крутоватымъ ступенькамъ. На створкахъ низенькой двери висѣли двѣ желѣзныя, значительно уже потерпѣвшія отъ времени вывѣски. Одна изображала разноцвѣтнаго турка, курящаго трубку, а на другой былъ нарисованъ голый арапъ, съ выпученными свирѣпо глазами и съ огромной сигарой. Подъ ногами обоихъ тянулась бѣлыми буквами, пополамъ разбитая подпись; подъ туркомъ: *„Духи, помада и разные“*, а подъ голымъ арапомъ: *„Галантерейные Товары“*.

Озабоченный вопросомъ о бѣлыхъ перчаткахъ и галстухѣ, Павелъ Иванычъ сюда и направился. То состояніе духа, изъ сочетанія пріятныхъ волненій, доставляемыхъ необычными хлопотами, съ торжественнымъ сознаніемъ долженствующихъ быть имъ совершонными обязанностей, которое ощущалось Павломъ Иванычемъ во всѣ эти дни, сопровождало его и теперь.

При входѣ его, колокольчикъ, задѣтый отворившейся дверью, издалъ слабую, дребезжащую трель, похожую на младенческій кашель, а за прилавкомъ тотчасъ же показалась откуда-то морщинистая, болѣзненнаго вида, старушка, въ чепчикѣ и съ повязаннымъ горломъ.

— Здравствуйте, Авдотья Макаровна,—сказалъ Павелъ Иванычъ.

— Здравствуйте, Павелъ Иванычъ,—тягуче и печально отвѣчала старушка.

Съ тѣхъ поръ, какъ Елкинъ зазналъ эту старушку, онъ помнилъ ее все такой же морщинистою, съ болѣзненнымъ видомъ и тягуче-печальною рѣчью, какъ будто вѣчно она находилась подъ сокрушающимъ гнетомъ унынія. Здѣсь постоянно царилъ полусвѣтъ, скорѣй похожій на сумерки, и солнечный лучъ казался рѣдкимъ и неожиданнымъ гостемъ. Вслѣдствіе этого, всѣ предметы въ табачной—и дребезжащій колокольчикъ надъ дверью, и прилавокъ, и стеклянныя полки, и картонный мальчикъ въ углу, растопырившій руки надъ пестрой коллекціей запыленныхъ лошадокъ, барабановъ и куколъ, своими выпученными, изъ фарфора, глазами, созерцавшій теперь Павла Иваныча—всѣ эти предметы тоже, казалось, изнемогли подъ сокрушающимъ гнетомъ унынія.

Старушка отворила стеклянную дверцу и полѣзла было рукою на полку, гдѣ находился „бергамотный“ табакъ, но Павелъ Иванычъ остановилъ ее тотчасъ же фразой:

— Нѣтъ, табаку мнѣ не нужно, а я хотѣлъ бы купить... тово... бѣлыя перчатки и галстухъ...

— Охъ, Господи, гдѣ-же они?—заволновалась старушка, какъ будто это заявленіе Павла Иваныча открыло передъ нею новый источникъ страданія.—Вотъ уже, право, не помню, гдѣ и лежатъ-то они... Охъ, Боже мой, Боже мой!—растерянно лепетала старушка и, обернувшись къ двери, воскликнула жалобнымъ голосомъ:—Вѣра, а Вѣра! Поди-ка сюда поскорѣе!

На это воззваніе за стойкой появилась стройная молодая дѣвица, съ раскрытой книжкой въ рукахъ.

— Что угодно вамъ, маменька?—спросила дѣвица, холодно отвѣтивъ на поклонъ Павла Иваныча.

Она представляла совершенную противоположность съ старушкой въ томъ смыслѣ, что насколько Авдотья Макаровна была преисполнена тревоги и сокрушенія, настолько молодая дѣвица, по-видимомому, была далека отъ всякихъ жизненныхъ дрязгъ и, появившись теперь съ раскрытой книжкой и мечтательнымъ взоромъ, устремленнымъ къ окошкамъ, мимо которыхъ мелькали ноги прохожихъ, она казалась исторгнутой въ сферу будничной прозы изъ какого-то нездѣшняго міра...

Заходя въ эту табачную лавочку, Павелъ Иванычъ, кромѣ старухи, чаще всего имѣлъ дѣло съ другою, старшей, дѣвицей, Глафирой, на которой по преимуществу и лежала обязанность отпускать покупателей. Съ нею онъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе, между тѣмъ какъ въ присутствіи Вѣры испытывалъ смущеніе и робость. Съ нѣкоторыхъ поръ почему-то Глафира перестала появляться за выручкой. Не то она захворала, не то

поселилась отдѣльно—Павелъ Иванычъ не зналъ хорошенько, ибо на вопросъ его объ этой особѣ, какъ-то предложенный имъ Авдотьѣ Макаровнѣ, та отдѣлалась неопредѣленнымъ отвѣтомъ, произнесеннымъ въ добавокъ съ очевиднымъ усиліемъ и неохотой, изъ чего можно было понять, что тутъ скрывалось нѣкое обстоятельство интимнаго свойства...

— Гдѣ у насъ лежатъ перчатки, Вѣруша?—спросила старушка.

— Ахъ, маменька, какъ это несносно... Почемъ же я знаю... Вонъ тамъ, гдѣ-то, кажется...

— Вспомнила, вспомнила! — воскликнула, оживляясь, старушка и полѣзла въ какой-то нижній ящикъ за стойкой.

Молодая дѣвица подавила въ себѣ легкій вздохъ, какъ бы отдавая тѣмъ дань сожалѣнія будничной прозѣ, и снова исчезла въ область нездѣшняго міра...

Старушка достала и поставила передъ Павломъ Иванычемъ длинную коробку съ перчатками и, послѣ снятія мѣрки съ руки его, была выбрана и куплена подходящая пара бѣлыхъ и нѣжныхъ, какъ сливки, перчатокъ, затѣмъ также выбранъ и купленъ батистовый галстухъ.

Такъ какъ хозяйка не обнаружила пока любопытства относительно цѣли этихъ покупокъ, то Павелъ Иванычъ счелъ выраженіемъ любезности самому о ней заявить.

— А я приглашенъ быть на свадьбѣ... Пріятель мой женится...

— Вотъ какъ!—покачала головою старушка.

— Да, кромѣ того, еще шаферомъ... Признаться... тово... не хотѣлось, да что было дѣлать? Пріятель! Старинный!.. Обидѣлся даже!

— Ска-ажите!—воскликнула старушка съ участіемъ.

— Признаться, никогда еще мнѣ не случалось,—продолжалъ словоохотливо Павелъ Иванычъ,—а вотъ и подвелъ старинный пріятель! „Полѣзай, братъ, во фракъ“, говоритъ... хе-хе-хе!

— Охъ, Боже мой, Боже мой!—вздохнула старушка.—Что же, оно, конечно пріятно... Люди вы молодые...

— Полноте, какой уже я молодой!—не безъ удовольствія скромно потупился Павелъ Иванычъ.

— Нѣтъ, еще совсѣмъ молодые!—повторила старушка.

— Ну, вотъ еще, что вы! Совсѣмъ я старикъ!—махнулъ рукою весь покраснѣвшій Павелъ Иванычъ и прибавилъ:—Прощайте, Авдотья Макаровна!

— Прощайте, Павелъ Иванычъ!—отвѣчала старушка и вздохнула въ слѣдъ.

„Какая она славная, эта старуха!“—размышлялъ дорогой Елкинъ.—„Такая простая и добрая... Чудесная, право старушка!“

Какъ изволите видѣть, все служило къ тому, чтобы поддерживать въ Павлѣ Иванычѣ самое свѣтлое настроеніе духа.

Въ самый день свадьбы Павелъ Иванычъ началъ испытывать волненіе чуть не съ утра, а съ наступленіемъ вечера, когда пришлось собираться, это волненіе перешло почти въ лихорадку.

При этомъ, какъ водится, не обошлось безъ нѣсколькихъ мелочныхъ непріятностей. Во-первыхъ, во время бритья Павелъ Иванычъ немного порѣзался. Фракъ оказался нѣсколько узкимъ и жалъ подъ мышками. Но больше всего огорчилъ Павла Иваныча галстухъ, который противился принять форму банта и, несмотря на долгія и многосложныя старанія Павла Иваныча, споспѣшествуемыя посильной помощью Клеопатры, топырился кверху, образовывая однимъ изъ концовъ своихъ нѣчто похожее на заячье ухо.

Какъ бы то ни было, всѣ препятствія оказались, въ концѣ концовъ, побѣжденными, и ровно въ половинѣ осьмого Павелъ Иванычъ, совершенно готовый, во фракѣ, со Станиславомъ на шеѣ, въ бѣлой перчаткѣ, надѣтой на лѣвую руку, и въ тщательно вычищенномъ отцовскомъ цилиндрѣ, щеголевато сдвинутомъ нѣсколько на бокъ, предсталъ предъ лицомъ Клеопатры.

— Ну, что, каково?—спросилъ, принимая молодцоватую позу, Павелъ Иванычъ.

Клеопатра попятилась немного назадъ и, окинувъ критическимъ окомъ фигуру хозяина, выразила полное свое одобреніе.

— Ну, а не морщитъ фракъ на спинѣ?—спросилъ, поворачиваясь задомъ къ ней Павелъ Иванычъ.

— Нѣтъ, не морщитъ, ничего...

— Ну, а штаны?

— И штаны.

— *Адье*, Клеопатра Максимовна!—весело воскликнулъ Павелъ Иванычъ, одѣтый уже въ шубу, и сдѣлалъ жестъ, довольно игриваго свойства, правымъ колѣномъ...

— Да ну, полно балясничать! Идите ужъ, штоль!—отозвалась Клеопатра и, давъ шлепка ему вдоль спины, сказала шутливо:—Засохни!

— Ха-ха-ха!—расхохотался Павелъ Иванычъ и вышелъ на лѣстницу.

Спустившись во дворъ, онъ направилъ шаги къ Семену Семенычу.

Скворешниковъ, облеченный въ мундиръ гражданскаго вѣдомства, подстриженный и завитой, былъ уже совершенно готовъ и преисполненъ подобающею въ его положеніи торжественностью. Таковой же торжественностью была преисполнена и Анна Гавриловна, въ шумящемъ, фіолетоваго цвѣта, платьѣ муаръ, бѣлой

„турецкой“ шали, въ пестрыхъ букетахъ, въ видѣ огромныхъ вопросительныхъ знаковъ, о существованіи коей и не подозрѣвалъ никогда Павелъ Иванычъ, и новомъ чепцѣ съ атласными лентами. Отъ Скворешникова отдавало довольно чувствительно ароматомъ пачули. Въ углу, на маленькомъ столикѣ, покрытомъ чистой салфеткой, стоялъ образъ въ серебряной ризѣ, а передъ нимъ хлѣбъ, съ врѣзанною въ его верхнюю корку солонкой, наполненной солью.

Кромѣ жениха и Анны Гавриловны, здѣсь еще находился во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, бѣлокурый, съ длинными волосами молодой человѣкъ, необыкновенно озабоченнаго и торопливаго вида, по которому въ немъ тотчасъ же можно было признать одного изъ тѣхъ неоцѣненныхъ господъ, безъ коихъ не мыслимъ никакой торжественный человѣческій актъ, въ родѣ похоронъ или свадьбы, когда нужно куда-либо поспѣть или что-либо устроить, при полной и безкорыстной готовности ихъ лечь во всякое время даже костьми... Онъ сидѣлъ въ углу и лихорадочно курилъ папироску, съ видомъ этой самой готовности и какъ будто изнывалъ даже въ желаніи поскорѣе вскочить и летѣть.

— Кувыркинъ!—познакомилъ съ нимъ Скворешниковъ Елкина и взволнованно прошелся по комнатѣ.

Анна Гавриловна испустила подавленный вздохъ.

Павелъ Иванычъ усѣлся на стулъ, причемъ новые его сапоги издали скрипъ. Молодой человѣкъ торопливаго вида строго взглянулъ на Павла Иваныча.

Женихъ молчалъ и ходилъ, благоухая пачулей, взадъ и впередъ. Обстановка удручала своею торжественностью.

Обыкновенно бываетъ въ компаніяхъ подобнаго рода, что всякія попытки участниковъ настроить себя на простой, обиходный, такъ сказать, тонъ не имѣютъ никакого успѣха. Семенъ Семенычъ, старавшійся казаться спокойнымъ и даже не придающимъ большаго значенія тому, что было должно совершиться, тщился нѣсколько разъ завязать разговоръ. Такъ, онъ спросилъ: каково на дворѣ? Кувыркинъ немедленно ему сообщилъ, что, кажется, градусъ мороза.

— Будетъ оттепель,—замѣтилъ женихъ.

На это никто ничего ему не отвѣтилъ, и разговоръ прекратился. Немного спустя, Семенъ Семенычъ повѣдалъ присутствовавшимъ о множествѣ сдѣланныхъ имъ въ эти дни по случаю свадьбы расходовъ и о томъ, сколько заломилъ съ него пѣвческій хоръ.

— Ну, сколько, какъ бы ты думалъ?—остановился онъ передъ Павломъ Иванычемъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Павелъ Иванычъ.

— Ну, однакò, по твоему, сколько?

— Гм,—произнесъ задумчиво Елкинъ и сталъ ломать себѣ голову.

— Двѣ четвертныхъ!—воскликнулъ Скворешниковъ.

— Неужели? Вотъ подлецы!—возмутился Кувыркинъ.

— За то дьяконъ будетъ на славу... *Апостола* такъ отломаетъ, что въ ушахъ зазвенитъ! Неопалимскаго знаете?

— Нѣтъ,—отвѣтили Елкинъ съ Кувыркинымъ.

— Оболенскому *) самому не уступитъ. Басъ изумительный! Я и на свадьбу его пригласилъ. И попа пригласилъ. Оба знакомые,—прибавилъ Скворешниковъ, и разговоръ снова угасъ.

Наконецъ, все не переставая шагать, Семенъ Семенычъ разсказалъ, какъ его подвелъ „генералъ", котораго онъ, еще съ недѣлю назадъ, просилъ быть посаженымъ отцомъ.

— Что же вы думаете? Прихожу вчера я къ нему: такъ и такъ, молъ, ваше пр-ство, завтра вѣнчанье—и вдругъ, представьте, *не можетъ!* Флюсище—во!—показалъ наглядно Скворешниковъ, отставляя ладонь на аршинъ отъ щеки.—„Куда уже мнѣ, говоритъ, съ эдакой мордой на свадьбу!"

Даже и этотъ разсказъ произвелъ мало эффекта, и Скворешниковъ принялся снова безмолвно шагать. Всѣ молчали, словно нѣмые. Обстановка все пуще удручала своею торжественностью.

Наконецъ, Семенъ Семенычъ прекратилъ круто хожденіе, взглянулъ на часы и, глубоко вздохнувъ, обратился къ Кувыркину:

— Ну, Иванъ Алексѣичъ, пора!

— Я готовъ-съ!—вскочивъ, воскликнулъ Кувыркинъ.

— Кольца у васъ?

— У меня-съ.

— И подножки, и свѣчи?

— Все-съ, ничего не забыто!

— Поѣзжайте, Иванъ Алексѣичъ!

Кувыркинъ быстро потушилъ папиросный окурокъ, кивнулъ головой всей компаніи и умчался изъ комнаты, потрясая фрачными фалдочками.

. . . .

Впослѣдствіи, припоминая не разъ впечатлѣнія этого вечера, Павелъ Иванычъ сознавался, что даже тогда уже ему не понравился этотъ торопливый молодой человѣкъ (котораго, какъ тогда казалось ему, онъ видитъ впервые), такъ, совершенно безъ всякой причины, по какому-то инстинктивному чувству враждебности, называемому иными предчувствіемъ и нерѣдко нами испытываемому

---

*) Знаменитый въ тѣ времена своимъ голосомъ протодіаконъ Исаакіевскаго Собора. *Авт.*

относительно лицъ, отъ которыхъ намъ суждено получить огорченіе. Объ этомъ мы всегда вспоминаемъ позднѣе, какъ было и съ Павломъ Иванычемъ, далекимъ тогда отъ всякой мысли о томъ, что его умиленно-торжественное настроеніе духа будетъ въ конецъ уничтожено самымъ неожиданнымъ и фантастическимъ образомъ.

. . . .

Все, чему потомъ надлежало случиться, воспринималось Павломъ Иванычемъ словно сквозь какой-то туманъ, такъ какъ онъ не могъ положительно владѣть своими чувствами, какъ подобаетъ обыкновенному зрителю, который имѣетъ возможность хладнокровно, въ надлежащей послѣдовательности, воспринимать впечатлѣнія и отдавать себѣ въ нихъ отчетъ. Елкинъ ни на минуту не могъ забыть своего положенія главнаго участника въ предстоящемъ важномъ событіи, долженствующаго стоять на виду всей толпы приглашенныхъ гостей и держать вѣнецъ надъ головою своего стариннаго, закадычнаго друга. Онъ какъ-бы огрѣшился на все это время отъ себя самого, вобравъ въ себя, такъ сказать, чувства и помыслы Семена Семеныча. Такъ благоговѣйно, можно сказать, понималъ онъ свое назначеніе и не могъ относиться къ нему инымъ образомъ. Это была жертва, приносимая имъ въ память дружбы, узы, которыя дружба эта на него наложила и тяжесть которыхъ все время давала ему чувствовать себя и физически: высокій воротничокъ крахмаленной сорочки позволялъ ему поворачивать голову лишь при значительной долѣ страданія, ноги въ новыхъ сапогахъ затекли и ныли тупою, тоскливою болью, а фракъ, положительно оказавшійся узкимъ, все время рѣзалъ подъ мышками.

Но вотъ пора уже ѣхать.

Семенъ Семенычъ чрезвычайно взволнованъ. Онъ подходитъ къ Аннѣ Гавриловнѣ и кланяется ей земнымъ поклономъ. Въ рукахъ старушки образъ въ серебряной ризѣ, тотъ самый, что раньше стоялъ на столѣ. Она осѣняетъ имъ склоненную голову сына, креститъ и плачетъ... На нѣсколько времени они замираютъ въ объятіяхъ другъ друга... Минута глубоко-потрясающая! Павелъ Иванычъ чувствуетъ, что къ горлу его подступаетъ какой-то клубокъ и онъ самъ черезъ силу удерживается... Наконецъ, Семенъ Семенычъ вырывается изъ материнскихъ объятій и спрашиваетъ дрожащимъ, растроганнымъ голосомъ:

— Волосы у меня не растрепаны, маменька?

— Нисколько, дружокъ,— всхлипывая, отвѣчаетъ старушка.

— Матрену вы никуда не послали?

— Здѣсятко я!—откликается громогласно Матрена, появляясь въ дверяхъ.

— Подавай салопъ барынѣ,—говоритъ ей Скворешниковъ и

прибавляетъ, придавъ своему голосу твердость:—Ѣдемте, маменька! Ѣдемъ, Павелъ Иванычъ!

Всѣ трое выходятъ въ прихожую. Женихъ и шаферъ его облекаются въ шубы. Матрена накидываетъ на голову Аннѣ Гавриловнѣ легкій, вязаной шерсти, платокъ и осторожно, чтобы не испортить парадный чепецъ, завязываетъ концы вокругъ шеи, потомъ подаетъ ей салопъ. Всѣ спускаются съ лѣстницы. Во дворѣ сіяетъ зажженными фонарями карета.

— Подавай!—кричитъ ей женихъ.

Карета подъѣзжаетъ къ дверямъ. Наемный верзила, въ ливреѣ съ галунами и блестящими пуговицами, слетаетъ турманомъ съ козелъ и подсаживаетъ Анну Гавриловну. За нею ныряетъ въ карету женихъ, потомъ шаферъ. Верзила въ ливреѣ съ трескомъ захлопываетъ дверцу кареты и зычно восклицаетъ:

— Пошелъ!!

Колеса визжатъ по подмерзшему снѣгу.

Дорогой всѣ трое безмолвствуютъ. Въ каретѣ свирѣпо благоухаетъ пачуля.

Карета, наконецъ, останавливается.

Церковная паперть. По сторонамъ хаосъ изъ каретъ и саней. На ступеняхъ, ведущихъ въ храмъ, копошится въ уличномъ сумракѣ масса зѣвакъ—преимуществено женскаго пола. Появленіе великолѣпной жениховой кареты производитъ сенсацію, и Павелъ Иванычъ чувствуетъ, что онъ и пріятель его, съ этой минуты, сдѣлались центромъ вниманія всѣхъ.

„*Тебе, Бога, хвалимъ, Тебе, Господа, исповѣдуемъ*!"—громкой перекатной волной встрѣчаетъ ихъ хоръ.

Ярко-освѣщенная церковь. Душно. Вокругъ аналоя, съ горящими по бокамъ его восковыми свѣчами въ высокихъ, массивныхъ подсвѣчникахъ, тѣснится группа людей въ парадныхъ костюмахъ. Павелъ Иванычъ узнаетъ между ними Фонтанщикова. Рядомъ съ нимъ стоитъ низенькій, толстый старикъ, одѣтый въ генеральскую интендантскую форму. Дамы и дѣвицы составляютъ отдѣльную группу, являя собою пестрый цвѣтникъ. Павелъ Иванычъ узнаетъ двухъ дѣвицъ Трубадуровыхъ. Дальше, въ сѣрой толпѣ простыхъ зрителей, онъ видитъ свою Клеопатру, рядомъ съ прачкой Варварой и незнакомою женщиной съ ребенкомъ на рукахъ. Словомъ, бурый домъ выслалъ сюда значительную часть своего населенія, и Павлу Иванычу приходится безпрестанно раскланиваться. Но еще много лицъ совсѣмъ для него незнакомыхъ—со стороны, очевидно, невѣсты.

„*Тебе вси А-ангели, Тебе Небеса и вся Си-илы*..."—нѣжно выводятъ дисканты и альты.

Семенъ Семенычъ тотчасъ оказывается окруженнымъ толпою

устремившихся къ нему съ разныхъ сторонъ бальныхъ платьевъ и фраковъ. Павелъ Иванычъ отброшенъ назадъ—и съ этой минуты для него начинается состояніе долгой и мучительной пытки.

Кто-то притиснулъ цилиндръ его... Кто-то наступилъ ему на мозоль... Со своей стороны, Павелъ Иванычъ далъ локтемъ пинка интенданту и запутался въ шлейфѣ какой-то декольтированной дамы... Его, отъ макушки до пятокъ, обливаетъ испарина, и затѣмъ онъ уже окончательно перестаетъ принадлежать самъ себѣ...

Въ этой толпѣ знакомыхъ и незнакомыхъ ему разряженныхъ лицъ онъ чувствуетъ себя растеряннымъ и уничтоженнымъ. Въ первый разъ онъ тутъ вспоминаетъ о своихъ покойныхъ туфляхъ и халатѣ, покинутыхъ дома...

„*Гряди, гряди, голубице моя*!“—поютъ снова пѣвчіе, и опять происходитъ смятеніе.

Шеренга стоящихъ впереди дамскихъ платьевъ и фраковъ стремительно пятится на Павла Иваныча, и въ очистившемся впереди нихъ свободномъ пространствѣ онъ уловляетъ промелькнувшую мимо фигуру Скворешникова, а навстрѣчу ему плывущее какое-то бѣлое облако, за которымъ выступаетъ торжественнымъ шагомъ Кувыркинъ. Впереди—маленькій мальчикъ, въ красной рубашечкѣ, съ образомъ.

— Невѣста... невѣста... — проносится шопотъ въ рядахъ простыхъ зрителей.

Баба съ ребенкомъ совсѣмъ налѣзаетъ на Павла Иваныча. Онъ тоже, со своей стороны, хотѣлъ-бы разсмотрѣть хорошенько невѣсту, но все время ее заслоняетъ фракъ ея шафера. Волей-неволей Павлу Иванычу приходится созерцать господина Кувыркина.

Видъ этого юноши необыкновенно торжественъ. Онъ поворачиваетъ направо и налѣво длинную свою шевелюру, шаркаетъ, кланяется и раздаетъ рукопожатія во всевозможныя стороны. Онъ не кажется теперь торопливымъ молодымъ человѣкомъ. Напротивъ! Онъ преисполненъ достоинства, важности, словно одинъ онъ несетъ на плечахъ всю отвѣтственность въ имѣющихъ впереди совершиться событіяхъ... Павелъ Иванычъ начинаетъ питать къ нему почти ненависть.

Но вотъ Кувыркинъ кому-то кивнулъ головою и моментально исчезъ, словно провалился сквозь землю. Слава-Богу! Павелъ Иванычъ можетъ теперь безпрепятственно видѣть невѣсту.

И онъ видитъ ее, эту самую дѣвушку, эту „Варюшу“, которая отняла у него стараго друга... Она высока, худощава. Глаза ея темные, равно какъ и волосы. Павелъ Иванычъ старается разсмотрѣть, что есть въ чертахъ ея такое особенное,

что могло покорить Семена Семеныча? Ничего особеннаго не замѣчаетъ Павелъ Иванычъ... А баба съ ребенкомъ вплотную на него навалилась и дышитъ со свистомъ ему прямо въ ухо...

— Господинъ Елкинъ! Павелъ Иванычъ!

Нѣсколько человѣкъ на него оборачиваются, и среди этихъ господъ Павелъ Иванычъ замѣчаетъ Кувыркина, а изъ-за плеча его—самого Семена Семеныча, которые вмѣстѣ дѣлаютъ ему руками какіе-то знаки. У Скворешникова озабоченный видъ, у Кувыркина видъ обозленный... Павелъ Иванычъ торопливо протискивается, въ предчувствіи какихъ-то новыхъ мученій...

— Куда вы пропали?—шепчетъ ему, раздраженнымъ тономъ Кувыркинъ.

— Куда ты исчезъ, братъ?—шепчетъ ему, съ своей стороны, и Скворешниковъ.

Павелъ Иванычъ хочетъ объяснить, оправдаться, но Кувыркинъ увлекаетъ его за собою, и, продравшись сквозь толпу, оба они оказываются въ углу, передъ стойкой, гдѣ продаютъ свѣчи и просфоры. На ней лежитъ разграфленная книга, а тутъ же стоящій мужчина, съ лицомъ, нѣсколько тронутымъ оспой и издающій отъ себя легкій букетъ алкоголя, подаетъ Кувыркину обмакнутое въ чернила перо, которое тотъ принимаетъ, расписывается съ залихватскимъ росчеркомъ: „Коллежскій регистраторъ Иванъ Алексѣичъ Кувыркинъ“ и, въ свою очередь передаетъ перо Павлу Иванычу. Тотъ скромно пишетъ внизу: „Коллежскій ассессоръ П. Елкинъ“.

Теперь, когда онъ узналъ, какой чинъ на этомъ Кувыркинѣ, онъ глубоко возмущенъ его дерзкой заносчивостью... Вдругъ Елкина осѣняетъ воспоминаніе, что онъ гдѣ-то уже раньше видалъ этого юношу... Да, да, положительно такъ! Кувыркинъ даже былъ представленъ ему, въ качествѣ недавно поступившаго въ ихъ департаментъ... Такъ и есть! Вонъ онъ отошелъ къ группѣ развязной молодежи во фракахъ, среди которой Павелъ Иванычъ усматриваетъ знакомыхъ канцелярскихъ чиновниковъ... Вонъ Данковъ, Пуповъ, Потрясучкинъ...

Павелъ Иванычъ не успѣваетъ еще разобраться въ мысляхъ, какъ ему надлежитъ вести себя съ этихъ поръ съ нахальнымъ мальчишкой, какъ мужчина съ алкогольнымъ букетомъ, облеченный теперь ужъ въ стихарь и потому оказавшійся никѣмъ инымъ, какъ дьячкомъ, заявляетъ ему, что сейчасъ начнется вѣнчанье, и приглашаетъ за собою послѣдовать.

Вѣнчанье. Павелъ Иванычъ съ Кувыркинымъ становятся позади жениха. Шаферами невѣсты оказываются: долговязый молодой человѣкъ въ болтающемся на немъ, словно на вѣшалкѣ, фракѣ съ короткими фалдочками, дѣлающемъ его очень похожимъ на аиста, и черненькій юноша въ юнкерской формѣ.

Всѣ, въ разъ, какъ по командѣ, откашливаются.

Кувыркинъ держится свободно и граціозно. Хотя Павелъ Иванычъ, рѣшившій на этотъ разъ не уступать ему преимущества, занялъ первое мѣсто, однако онъ чувствуетъ себя сильно смущеннымъ. Его стѣсняетъ до крайности шляпа-цилиндръ, съ которымъ онъ не разставался все время и который теперь, когда священникъ, облаченный въ парчевую ризу, протягиваетъ Павлу Иванычу, черезъ плечо жениха, тяжелый вѣнецъ, оказывается совершенной обузой. Павелъ Иванычъ бросаетъ окрестъ отчаянный взоръ, не зная, что ему дѣлать съ проклятымъ цилиндромъ.

Благодареніе Богу! Сбоку протягивается чья-то рука и сердобольно освобождаетъ его отъ мучителя.

Теперь, облегченный, хотя весь въ испаринѣ, онъ беретъ въ правую руку вѣнецъ и вздымаетъ его надъ головой жениха...

Въ ту же минуту, нѣкій тихій, зловѣщій, имъ однимъ слышимый трескъ даетъ знать Павлу Иванычу, что фракъ его лопнулъ подъ мышкой...

„О, Господи-Боже, за что ты караешь меня?!.“—скрежещетъ въ отчаяніи Павелъ Иванычъ.

Во все время вѣнчанія онъ не можетъ забыть объ этой бѣдѣ, и онъ убѣжденъ, что для всѣхъ очевидно дурацкое его положеніе. Его муки усиливаются, когда, при пѣніи „Исаія, ликуй“, нужно ходить вокругъ аналоя, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ поспѣвать по пятамъ жениха и стараться при этомъ не кокнуть его въ голову краемъ вѣнца...

Но вотъ, слава Богу, вѣнчанье окончено.

Вся публика ринулась и окружила молодыхъ съ поздравленіями. Все смѣшалось и перепуталось... Посторонняя публика тоже лѣзетъ и напираетъ, особенно женщины, преимущественно же баба съ ребенкомъ, которымъ любопытно разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, вблизи, „молодую“.

Павелъ Иванычъ вдругъ вспоминаетъ объ исчезновеніи цилиндра... Къ довершенію ужаса, онъ не знаетъ въ лицо, у кого долженъ этотъ окаянный цилиндръ находиться! Онъ бросается впередъ, назадъ, направо, налѣво... Всѣ поиски тщетны! Павелъ Иванычъ въ полномъ отчаяніи. Развѣ есть какая-либо возможность обойти и разсмотрѣть каждаго по одиночкѣ въ этой тѣсной, оживленной, разгоряченной и жужжащей толпѣ?.. Онъ хотѣлъ бы отыскать Клеопатру, чтобы заставить ее принять участіе въ поискахъ, но Клеопатра исчезла. Павелъ Иванычъ, совершенно убитый, отходитъ къ сторонкѣ—и вдругъ съ превеликою радостью обрѣтаетъ предметъ, причинившій ему столько терзаній! Его цилиндръ — цѣлый и невредимый — стоитъ преспокойно себѣ на окошкѣ!

Такъ какъ Елкинъ еще не поздравилъ пріятеля, то онъ устремляется снова въ толпу; но его намѣреніе оказывается теперь запоздалымъ, ибо всѣ уже двинулись къ выходу, и Павелъ Иванычъ захватывается общимъ теченіемъ. Съ немалымъ трудомъ отыскавъ за стойкой, гдѣ продаютъ свѣчи и просфоры, свои калоши и шубу, онъ, наконецъ, вылѣзаетъ благополучно на паперть.

Здѣсь идетъ кутерьма.

Замѣтивъ у кареты Скворешникова, Павелъ Иванычъ бросается прямо къ нему. Тотъ занятъ усаживаніемъ своей новобрачной жены. Ему помогаетъ Кувыркинъ. Семенъ Семенычъ все-таки замѣчаетъ пріятеля. Онъ восклицаетъ:

— А, вотъ и ты! Превосходно!

Онъ взволнованъ, торопится и, вслѣдъ за молодой, бросается тоже въ карету. На лету онъ успѣваетъ, однако, крикнуть Кувыркину, кивая на Павла Иваныча, въ то время, какъ карета уже трогается:

— Вы его возьмите съ собой, Иванъ Алексѣичъ!

Карета молодыхъ отъѣзжаетъ. Кувыркинъ куда-то исчезъ. Павелъ Иванычъ стоитъ въ ожиданіи, толкаемый справа и слѣва, наблюдая, какъ толпа гостей разсаживается по своимъ экипажамъ. Наконецъ, онъ замѣчаетъ Кувыркина, который вскакиваетъ въ эту минуту въ отворенную дверцу двухмѣстной кареты, гдѣ уже сидитъ интендантъ.

— Постойте!—кричитъ Павелъ Иванычъ.

— Гдѣ же вы были? Пардонъ, больше нѣтъ мѣста,—заявляетъ Кувыркинъ, и затѣмъ восклицаетъ:—Пошелъ!

Дверца захлопывается и карета мчится впередъ.

Павелъ Иванычъ остается, что называется, при пиковомъ интересѣ. Огорошенный внезапностью дурацкаго своего положенія, онъ устремляется со всѣхъ ногъ въ пространство, вопія на всю улицу:

— Извозчикъ! Извозчикъ!

Бросившись въ первыя, попавшіяся ему на глаза, изъ нѣсколькихъ, подлетѣвшихъ къ нему съ разныхъ сторонъ извозчичьихъ санокъ, онъ велитъ ѣхать въ догонку за экипажами.

Во время дороги Павелъ Иванычъ чувствуетъ себя недовольнымъ до крайности. Не говоря уже про возмутительное поведеніе Кувыркина, онъ сознаетъ, что и самъ онъ, Павелъ Иванычъ, велъ себя въ церкви совершенно недостойно званія шафера, робѣлъ и терялся по всякому поводу, не поставилъ себя съ первой минуты въ подобающее ему положеніе, а потому очень понятно, что какой-нибудь нахальный мальчишка, въ родѣ Кувыркина, позволилъ себѣ надъ нимъ издѣваться. Да, Павелъ Иванычъ глубоко собой недоволенъ и даетъ себѣ клятву, такъ или иначе, возстановить себя

въ своемъ собственномъ мнѣніи, а главное—показать передъ всѣми, что онъ далеко не изъ тѣхъ, кои позволяютъ наступать себѣ на ногу, и что, наконецъ, будучи стариннѣйшимъ другомъ Семена Семеныча, онъ даже требуетъ полнаго къ себѣ уваженія. Это долженъ онъ показать всѣмъ во-очію и непремѣнно покажетъ сегодня же, при первомъ удобнѣйшемъ случаѣ.

Поглощенный этими думами, онъ не замѣтилъ, какъ извозчикъ давно уже влекъ его совсѣмъ не туда, куда было нужно. Пришлось повернуть въ обратную сторону, и потерять такимъ образомъ почти цѣлый часъ времени. Наконецъ, извозчичьи санки подвезли его къ подъѣзду кухмистерской, гдѣ былъ назначенъ свадебный пиръ.

Подъ крышей подъѣзда, обтянутаго полосатымъ холстомъ, мерцаетъ фонарь. Поодаль, во мракѣ, сгрудилась масса извозчичьихъ каретъ и санокъ.

Въ швейцарской, загроможденной верхнимъ платьемъ и кучами шапокъ, шляпъ и калошъ, вылѣзая изъ шубы, Елкинъ слышитъ нестройную разладицу скрипокъ, покрываемую глухимъ воемъ контрабаса. Это оркестръ, помѣщающійся вонъ тамъ, наверху, рядомъ съ площадкой, гдѣ зіяетъ обширная дверь въ танцовальное зало, настраиваетъ свои инструменты... Видны сквозь дверь мелькающіе черные фраки и обнаженныя женскія плечи... Масса народу... Свѣтло, шумно и душно...

Павелъ Иванычъ испытываетъ припадокъ малодушнаго страха, но затѣмъ овладѣваетъ собою и храбро поднимается вверхъ.

Минуя танцовальное зало, онъ попадаетъ въ гостиную, наполненную разгоряченною толпою всяческихъ лицъ, вооруженныхъ бокалами. Елкинъ не успѣваетъ опомниться, какъ у самаго локтя его вдругъ возникаетъ подносъ, протянутый изъ-за чьей-то спины субъектомъ съ прыщеватымъ лицомъ и въ засаленномъ фракѣ. Подносъ совсѣмъ мокрый, и на немъ плещутся налитые шампанскимъ бокалы. Павелъ Иванычъ беретъ одинъ изъ бокаловъ и, подхваченный въ ту же минуту теченіемъ толпы, оказывается передъ овальнымъ столомъ, за которымъ стоятъ на ногахъ новобрачные, тыча туда и сюда пустыми бокалами.

— Съ законнымъ бракомъ!.. Многихъ лѣтъ здоровья и счастья!.. Успѣха, богатства!..—раздаются со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Изнемогающіе подъ бременемъ сыпящихся на нихъ пожеланій, какъ бы съ застывшими на все это время улыбками, въ коихъ сіяетъ блаженство, молодые еле лишь успѣваютъ расточать во всѣ стороны поклоны, рукопожатія и поцѣлуи...

Увидавъ передъ собою Павла Иваныча, Скворешниковъ крѣпко жметъ ему руку, троекратно съ нимъ лобызается и обращается къ своей новобрачной:

— Вотъ, Варюша, рекомендую тебѣ моего стариннаго и лучшаго друга...

Но въ это время откуда-то слышится:

— Горько!

(Павелъ Иванычъ могъ бы поклясться, что это голосъ Кувыркина).

Моментально крикъ этотъ подхватывается всѣми присутствующими, и раздается хоръ восклицаній:

— Горько! Горько!

Какая-то тучная дама, необыкновенно возбужденнаго вида, съ багровымъ цвѣткомъ въ волосахъ, оттискиваетъ прочь Павла Иваныча, протягивая бокалъ къ Семену Семенычу. За нею устремляются еще нѣсколько рукъ, вооруженныхъ бокалами. Скворешниковъ исчезаетъ изъ глазъ Павла Иваныча, и онъ видитъ только красныя, возбужденныя лица и разверзтые рты...

— Горько! Горько!

— Го-орько!!—присоединяетъ свой голосъ и Елкинъ.

Оживленье безмѣрное. Кажется, въ самомъ даже воздухѣ разлиты веселье и радость.

Павелъ Иванычъ чувствуетъ себя умиленнымъ. Онъ даже примирился съ Кувыркинымъ, который, прицѣпивъ къ лацкану фрака большой бѣлый бантъ, мелькаетъ и носится по всѣмъ направленіямъ. То онъ виднѣется около музыкантовъ, гдѣ какъ бы держитъ совѣтъ съ дирижеромъ, то торопливо бесѣдуетъ о чемъ-то съ оффиціантами, мчится, исчезаетъ и опять появляется... Онъ, очевидно, въ большихъ хлопотахъ... Ну, и Господь съ нимъ!

Замѣтивъ вдали Анну Гавриловну, Павелъ Иванычъ къ ней направляетъ стопы свои.

Миніатюрная старушка сидитъ на диванѣ, въ своемъ эффектномъ фіолетовомъ платьѣ муаръ, полуспустивъ съ узенькихъ плечиковъ парадную бѣлую шаль, въ которой она совсѣмъ утопаетъ. Рядомъ съ ней, на диванѣ, помѣщаются: съ одной стороны—высокій, худощавый священникъ, въ голубой рясѣ, съ наперснымъ крестомъ,—тотъ, что вѣнчалъ; съ другой стороны—интендантъ, которому Павелъ Иванычъ далъ давеча въ церкви пинка. Нѣсколько поодаль отъ нихъ, въ креслѣ, сидитъ о. дьяконъ, мужчина тучный и довольно мрачнаго вида.

Павелъ Иванычъ поздравляетъ съ новобрачными Анну Гавриловну и цѣлуетъ ей ручку, а та его въ темя. Поднявшіеся съ своихъ мѣстъ батюшка и интендантъ подаютъ ему руки. Ихъ примѣру слѣдуетъ и о. дьяконъ, который, памятуя о своемъ „изумительномъ“ басѣ, съ осторожностью кашляетъ въ рукавъ своей рясы. Затѣмъ всѣ садятся. Садится и Павелъ Иванычъ въ другое, свободное кресло, vis-à-vis отца дьякона. Включивъ

себя въ эту компанію, составляющую самую почтенную группу, онъ держитъ себя съ молчаливымъ достоинствомъ.

Оффиціантъ подноситъ имъ чай. Сначала беретъ Анна Гавриловна, потомъ батюшка, потомъ интендантъ. Послѣ нихъ беретъ свой стаканъ Павелъ Иванычъ и, наконецъ уже, о. дьяконъ, который наливаетъ при этомъ въ чай себѣ рому.

Возобновляется бесѣда, прерванная только-что Павломъ Иванычемъ. Батюшка о чемъ-то разсказываетъ.

— ...А Рождественскій былъ переведенъ потомъ въ Колтовскую...

— Кто же былъ назначенъ на мѣсто Рождественскаго?— задаетъ вопросъ интендантъ.

— А на мѣсто Рождественскаго перевели потомъ Заозерскаго.

— Это котораго? Ладожскаго?—съ необыкновеннымъ интересомъ спрашиваетъ опять интендантъ.

— Ладожскаго.

— Зналъ Заозерскаго!—киваетъ головой интендантъ.—Онъ спился вѣдь потомъ?

— Спился. А братъ его посланъ былъ на Валаамъ, подъ началъ...

— Это Парфеній?.. Зналъ и Парфенія! Скажите, гдѣ онъ теперь, батюшка?

— Спился.

— Тоже спился?!

— Тоже спился!

Разговоръ, должно быть, весьма интересенъ, судя по тому, что интендантъ слушаетъ съ живѣйшимъ вниманіемъ. Анна Гавриловна тоже внимательно слушаетъ, умиленно переводя взоръ съ лица одного на лицо другого изъ собесѣдниковъ. О. дьяконъ пристально смотритъ въ батюшкинъ ротъ, облокотившись себѣ на колѣни, и только отъ времени до времени осторожно покашливаетъ въ рукавъ своей рясы.

А въ залѣ начались уже танцы. Сквозь растворенныя настежъ двери Павелъ Иванычъ видитъ, какъ носятся пары. Пронесся Кувыркинъ, держа за талію барышню въ палевомъ платьѣ, за нимъ — давешній черненькій шаферъ въ юнкерской формѣ, съ барышней въ розовомъ платьѣ... Оркестръ работаетъ дружно.

Павелъ Иванычъ, покинувъ бесѣдующихъ, пробирается въ залъ и присоединяется къ зрителямъ, стоящимъ шеренгой у стѣнки. Это разные солидные люди, для которыхъ прошло время танцевъ и осталось одно—созерцать молодое веселье.

Посмотрѣвъ на танцующихъ, Павелъ Иванычъ рѣшаетъ за лучшее—опять вернуться въ гостиную, къ обществу интенданта и батюшки. Но ихъ тамъ уже нѣтъ. Павелъ Иванычъ находитъ

ихъ въ смежной комнатѣ, гдѣ разставлены столы для картежной игры, за которые разсаживаются, съ озабоченнымъ видомъ, партнеры. Батюшка и интендантъ сидятъ уже другъ противъ друга, имѣя, съ одной стороны, какого-то лысаго старика въ мундирѣ гражданскаго вѣдомства, украшенномъ пряжкою за безпорочную службу, съ римскою цифрою XXXV, съ другой, отца дьякона.

— По восьмой мы играемъ? — спрашиваетъ озабоченно батюшка.

— По восьмой, такъ по восьмой,—снисходительно говоритъ интендантъ.

Павелъ Иванычъ понимаетъ, что имъ уже не до него и сиротливо отходитъ.

Онъ возвращается обратно въ гостиную. Тамъ нѣтъ никого. Только опустѣлыя кресла съ диваномъ простираютъ ему радушно объятія.

Павелъ Иванычъ погружается въ кресла. Теперь онъ чувствуетъ себя утомленнымъ. Онъ съ удовольствіемъ снялъ бы съ себя свою парадную сбрую, а главное — эти проклятые сапоги, которые доставляютъ ему столько страданія. О, какъ хорошо бы очутиться теперь дома, въ халатѣ!

И вотъ демонъ тоски овладѣваетъ Павломъ Иванычемъ. Все окружающее становится вдругъ для него противнымъ и чуждымъ. Никому здѣсь нѣтъ до него ни малѣйшаго дѣла! Вонъ тамъ танцуютъ кадриль... Съ мѣрнымъ, ритмическимъ шарканьемъ движутся пары... Вонъ промчался Кувыркинъ, развѣвая длинной своей шевелюрой, словно гривой дикій степной жеребецъ, уцѣпивъ младшую изъ дѣвицъ Трубадуровыхъ... За нимъ тоже промчались съ разноцвѣтными барышнями Данковъ, Пупковъ, Потрясучкинъ...

— *Дамъ! О галò!*—раздается голосъ Кувыркина.

— Играю въ червяхъ! Пасъ!—слышатся, съ другой стороны, восклицанія играющихъ въ карты...

Никому, никому нѣтъ до него ни малѣйшаго дѣла! Зачѣмъ онъ сидитъ здѣсь? Что если теперь же, сейчасъ, подъ шумокъ, незамѣтно удрать?..

„Удеру!"—рѣшается Павелъ Иванычъ.

Но онъ продолжаетъ сидѣть, не трогаясь съ мѣста, и слѣдитъ безотчетно за тѣмъ, что теперь происходитъ въ углу.

Тамъ суетятся оффиціанты. Они раскинули столъ и покрыли его чистой скатертью. Павелъ Иванычъ догадывается, что они сервируютъ закуску. Онъ наблюдаетъ, какъ столъ мало-по-малу усѣивается бутылками, стаканами, рюмками, какъ приносятъ сыръ, селедку, икру и прочія снѣди... Затѣмъ вносятся два канделябра съ зажженными свѣчками, и озаренный теперь ихъ лучами столъ, съ разстановленными на немъ въ пріятной гармоніи питіями и яствами, представляетъ чрезвычайно соблазнительный видъ...

„Удеру!“—говоритъ опять про себя Павелъ Иванычъ.

Онъ соображаетъ, какъ удобнѣе будетъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Надо уйти незамѣтно. Лучше бы было, конечно, пройти черезъ угольную комнату, но оттуда нѣтъ выхода. Придется, волей-неволей, проникнуть въ залъ, гдѣ танцуютъ. Надо только дождаться, когда окончатъ кадриль, и пройти во время антракта.

Павелъ Иванычъ вылѣзаетъ изъ кресла, тихонько подходитъ къ дверямъ и принимается смотрѣть на танцующихъ. Кавалеры и дамы стоятъ неподвижно, образуя собою неправильный кругъ. Въ центрѣ — Кувыркинъ. Весь багровый, въ поту, съ разинутымъ ртомъ и слипшимися на лбу и вискахъ волосами, онъ тяжко, прерывисто дышитъ, обводя какими-то полоумными глазами танцующихъ, и вдругъ, словно укушенный, пронзительно взвизгиваетъ:

— *Шенъ шиноас-съ!!*

Одновременно всѣ пары стремительно срываются съ мѣстъ, шаркаютъ, топаютъ, кружатся, сплетаясь руками...

Со вздохомъ страданія Елкинъ отходитъ въ свой уголокъ. Демонъ тоски все пуще и пуще овладѣваетъ душою Павла Иваныча, и снова онъ про себя повторяетъ, что нужно уѣхать.

Онъ уныло вступаетъ въ игорную комнату. Онъ тихо слоняется между столами и, постоявъ у одного, отходитъ къ другому. Онъ наблюдаетъ лица играющихъ въ карты. Одни сосредоточены, играютъ въ суровомъ молчаніи, другіе возбуждены, горячатся... Батюшка играетъ съ кроткимъ спокойствіемъ, записывая взятки ровными, красивыми цифрами. Интендантъ, очевидно, взволнованъ, размашисто чиркаетъ мѣломъ и безпрестанно роняетъ щеточку на полъ. О. дьяконъ играетъ съ мрачной серьезностью, покашливая отъ времени до времени въ рукавъ своей рясы...

Павелъ Иванычъ долго стоитъ у стола, машинально слѣдя за движеніемъ картъ, потомъ уставляется взоромъ въ переносицу дьякона... Тотъ, на секунду, вскидываетъ глазами на Павла Иваныча и снова погружается въ карты.

— Безъ двухъ! Это чортъ знаетъ что!—вдругъ восклицаетъ старикъ съ пряжкою за безпорочную службу, за спиною котораго помѣстился Павелъ Иванычъ, и, повернувшись на стулѣ всѣмъ туловищемъ, гнѣвнымъ взоромъ окидываетъ съ ногъ до головы Павла Иваныча. Батюшка тоже поднимаетъ глаза на Павла Иваныча, и тотъ читаетъ во взорѣ его кроткій упрекъ...

Только тутъ вспоминаетъ Павелъ Иванычъ о суевѣрной игрецкой примѣтѣ относительно лицъ, въ игрѣ не участвующихъ, но однимъ своимъ присутствіемъ вблизи того или другого партнера приносящихъ ему удачу или несчастіе, и, глубоко смущенный своею безтактностью, стушевывается обратно въ гостиную.

На душѣ у него смутно и скверно.

Передъ нимъ опять столъ, уставленный закусками и строемъ бутылокъ, который манитъ къ себѣ неодолимымъ соблазномъ...

Павелъ Иванычъ испытываетъ сперва колебаніе, но затѣмъ храбро подходитъ, беретъ въ руки графинъ и наливаетъ себѣ рюмку водки... Выпивъ ее и закусивъ тоненькимъ ломтикомъ сыра, онъ наливаетъ себѣ повторительно, потомъ еще и еще...

И вотъ отсюда-то вышла погибель!

XLI.

— Охъ, Боже мой, Боже мой!—раздалось среди мертваго безмолвія спальни... Затѣмъ глубокій, сокрушительный вздохъ и стенанье.

Въ полусвѣтѣ догоравшихъ свѣчей виднѣлась по прежнему въ креслѣ фигура облаченнаго въ бальный костюмъ Павла Иваныча, съ поникшей скорбно на грудь головой.

Злобное, уязвленное чувство его давно улеглось. Вмѣсто того наступило состояніе апатіи, и въ то время, какъ онъ, развалившись разслабленно въ креслѣ, мутнымъ и безжизненнымъ взоромъ созерцалъ виднѣвшіеся повсюду слѣды давешнихъ сборовъ его на свадьбу пріятеля, въ головѣ Павла Иваныча то мчались, то медленно плыли воспоминанія о недавнихъ событіяхъ, и все, тогда пережитое имъ, снова возникало въ душѣ съ томительною болью. Время текло, и свѣчи сгорали, а онъ все пребывалъ безжизненнымъ тѣломъ какъ бы внѣ пространства и времени, и лишь безотчетно прислушиваясь къ мѣрному стуканью въ столовой часовъ. Раза два слышалъ онъ, какъ били они, и Павелъ Иванычъ считалъ машинально удары, но если бы его тогда же спросили, сколько ихъ было, онъ врядъ ли былъ бы въ состояніи отвѣтить... Онъ понималъ, что теперь почти уже утро, что давно пора спать, что хорошо бы освободить себя отъ неудобнаго фрака и тѣсныхъ сапогъ... Но для этого нужно бы было встать съ кресла и продѣлать цѣлый рядъ необходимыхъ движеній, между тѣмъ какъ онъ чувствовалъ полнѣйшій упадокъ всѣхъ силъ.

Теперь онъ былъ совсѣмъ уже трезвъ. Голова не болѣла, онъ въ ней не испытывалъ тяжести,—даже напротивъ, тамъ ощущалась какая-то необычайная ясность, — за то сердце сжималось словно въ тискахъ, и глубокая тоска облегала всю душу Павла Иваныча... По мѣрѣ того, какъ голова его освобождалась отъ винныхъ паровъ, все случившееся въ концѣ этого вечера возникало въ сознаніи, озаренное подобающимъ свѣтомъ—и вдругъ вся гадость и неприличіе его поведенія ярко возстали передъ Павломъ Иванычемъ!

Вотъ почему онъ теперь, одинъ, въ тишинѣ, издалъ вдругъ свое восклицаніе и застоналъ, словно отъ боли, самой жестокой изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ болей, именно той, какую мы сами причиняемъ себѣ, вспоминая о чемъ-либо такомъ, нами содѣянномъ, что всегда должно терзать насъ раскаяніемъ и не можетъ быть изглажено въ памяти никакимъ долгимъ временемъ,— именно то, что случилось съ нимъ, когда выпилъ онъ залпомъ эти четыре окаянныя рюмки, и что онъ затѣмъ натворилъ вплоть до момента, когда попалъ на уличный воздухъ, послѣ чего все дальнѣйшее застлалось туманомъ...

Нѣтъ, нѣтъ, нужно поскорѣе лечь и укрыться совсѣмъ, съ головою, чтобы ничего не видѣть, не слышать, а главное — не думать, не думать объ этомъ!

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ вскочилъ стремительно съ кресла—и въ ту же минуту, тамъ, въ зеркалѣ, озаренномъ огнями пары свѣчей, тоже вскочила и вытянулась, на фонѣ сѣраго сумрака, другая фигура... И словно притягиваемый какою-то постороннею силой, Павелъ Иванычъ подошелъ къ зеркалу и принялся разсматривать пристально эту фигуру.

Она была въ измятомъ, перепачканномъ фракѣ, открывавшемъ грудь крахмальной сорочки, которая пестрѣла грязными пятнами, словно обрызнутая какою-то жидкостью... Бантъ бѣлаго галстуха представлялъ изъ себя нѣкій безобразный комокъ и совсѣмъ съѣхалъ на бокъ, путаясь съ алой орденской лентой, на которой, какъ бы негодуя и смущаясь скандальнымъ сосѣдствомъ, тускло сіялъ Станиславъ... А надъ всѣмъ этимъ виднѣлось лицо, измятое и опухшее, бритое некрасивое лицо, съ толстыми щеками и носомъ, которое смотрѣло на Елкина мутнымъ, остекловившимся взоромъ...

Разсмотрѣвъ во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ своего двойника, Павелъ Иванычъ показалъ ему злобно языкъ и покачалъ головою... Одновременно съ нимъ это же самое повторилъ и двойникъ...

„Хорошъ!"—съ горькимъ укоромъ, покивая ему головою, пробормоталъ Павелъ Иванычъ.—„Коллежскій ассесоръ и кавалеръ, Павелъ Ивановичъ Елкинъ... Хорошъ!!. У, ты, поскудная р-рожа!!"—ненавистно потрясъ кулакомъ онъ своему двойнику, который одновременно отвѣчалъ ему тѣмъ же.

Онъ принялся срывать съ себя всѣ принадлежности параднаго своего одѣянія, свирѣпо разбрасывая, куда ни попало, фракъ, штаны, сапоги, скомкалъ и шваркнулъ о полъ сорочку, вслѣдъ за которой полетѣли носки и, оставшись въ одной лишь фуфайкѣ, подошелъ босикомъ къ подзеркальнику и задулъ обѣ свѣчи.

Совсѣмъ уже бѣлое утро глядѣло въ окно.

Онъ бросился ничкомъ на постель и уткнулся въ подушку лицомъ.

Ни откуда ни звука, ни шороха. Только изъ двери въ столовую мѣрно и назойливо слышалось:

„*Си-ро-та... си-ро-та... си-ро-та...*"

И опять глубокій, страдальческій стонъ, полузаглушенный подушкой, раздался въ тишинѣ... Это мучился Павелъ Иванычъ. Онъ мучился тишиною, безсонницей, а главное—мучился своими мыслями, отъ которыхъ не видѣлось ни откуда спасенія... Теперь-то вотъ именно, когда онъ улегся, съ надеждой освободить себя отъ всякихъ мыслей, память съ пущимъ упорствомъ, безжалостностью, повлекла передъ нимъ разные сцены и образы... Ничего не подѣлаешь! Онъ сбросилъ одѣяло и сѣлъ, свѣсивъ босыя ноги съ кровати и спрятавъ въ руки лицо, чтобы воспроизвести въ своей головѣ, отъ точки до точки, все происшедшее...

Это оказывалось не малымъ трудомъ, ибо связующей нити, той самой, которая должна была проходить черезъ все, что онъ говорилъ и дѣлалъ тогда, совсѣмъ не имѣлось. Конечно, она, эта нить, должна была существовать несомнѣнно, только онъ никакъ не могъ ее уловить. Ясно было только одно, что онъ былъ тогда совсѣмъ пьянъ и находился все время въ полномъ туманѣ. Вглядываясь въ этотъ туманъ, онъ выискивалъ въ немъ то или другое обстоятельство, случившееся раньше или позже другого, разсматривая каждое въ мельчайшихъ подробностяхъ и старался привести ихъ во взаимную связь. Но это было совсѣмъ невозможно, такъ какъ связь эта нѣкогда прерывалась полосами безпамятства.

XLII.

Онъ помнилъ ясно, что послѣ выпитыхъ имъ четырехъ рюмокъ водки онъ вдругъ освѣжѣлъ, ободрился и выбросилъ изъ головы всякую мысль ѣхать домой. Онъ даже, напротивъ, рѣшилъ, что это будетъ совсѣмъ неприлично, и что онъ долженъ остаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ открытіе, что здѣсь до чрезвычайности весело, и онъ удивлялся, почему это раньше ему было такъ скучно... Онъ отыскалъ вдругъ въ себѣ полную духовную связь со всѣмъ окружающимъ обществомъ и потребность сліянія съ нимъ посредствомъ участія въ его развлеченіяхъ. Положимъ, въ карты онъ не играетъ... Такъ что-жъ? Онъ можетъ за то танцовать. Правда, онъ не танцовалъ съ первыхъ классовъ гимназіи, гдѣ этому его обучали... Плевать! Великая мудрость ногами-то двигать!..

Между тѣмъ, у стола составилась группа закусывающихъ, и Павелъ Иванычъ чокался съ батюшкой, интендантомъ и дьякономъ... Чокался онъ тоже съ Скворешниковымъ, увѣряя его въ

своей неизмѣнной любви, причемъ подъ конецъ прослезился... Все-таки онъ чувствовалъ себя превосходно и даже принялъ участіе въ танцахъ.

Танцовалъ онъ кадриль съ какою-то барышней, а можетъ и барыней—чортъ ее знаетъ,—одѣтою, помнится, въ желтое платье. Лица ея теперь онъ себѣ представить не могъ. Помнится только, что вскорѣ же ему танцовать надоѣло, такъ какъ это была не кадриль, а неразбериха какая-то! Приходилось толкаться, протискиваться, и часто Павелъ Иванычъ становился въ тупикъ, не зная, что ему слѣдуетъ дѣлать... Тогда желтая дама хватала своего кавалера за локти, тащила его то вправо, то влѣво, заставляла пятиться назадъ или бросаться впередъ, кружиться и прыгать...

— *Гранъ-ронъ!*—крикнулъ Кувыркинъ.

„А ну васъ, всѣхъ, къ дьяволу!"—рѣшилъ про себя совершенно измученный Павелъ Иванычъ, и когда танцующіе схватились руками, образуя собою широкій, растянутый кругъ, онъ отошелъ, бросивъ на произволъ судьбы свою желтую даму, и скрылся въ гостиную...

Тамъ онъ выпилъ еще... Затѣмъ все послѣдующее онъ помнитъ ужъ только въ видѣ отдѣльныхъ клочковъ.

Помнитъ онъ, что его опять потянуло въ танцовальное зало, гдѣ визжали и пиликали скрипки и ревѣлъ контрабасъ. Онъ нашелъ, что флейта фальшитъ, и заявилъ о томъ дирижеру. Онъ хотѣлъ даже отнять инструментъ у флейтиста и показать, какъ нужно играть, ибо онъ въ юности самъ игралъ превосходно на флейтѣ.

— На минуту... дайте только мнѣ на минуту... Я вамъ всѣмъ покажу...—убѣждалъ Павелъ Иванычъ.

Дирижеръ отрицательно качалъ головою, и Павелъ Иванычъ подумалъ, что онъ, чего добраго, обидѣлъ его. Въ знакъ пріязни, онъ предложилъ ему вмѣстѣ выпить, но тотъ отказался, и потому Елкинъ ушелъ и выпилъ одинъ.

Затѣмъ онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и смотрѣлъ на танцующихъ. Онъ наблюдалъ новобрачныхъ, танцовавшихъ въ первой парѣ, и думалъ о Семенѣ Семенычѣ, о томъ, что вотъ тотъ теперь пляшетъ, что вотъ онъ женатъ, что на свѣтѣ нѣтъ истинной дружбы, и что-то еще въ этомъ родѣ,—во всякомъ случаѣ мысли Павла Иваныча были глубоко скорбнаго свойства.

„А все-таки я сейчасъ вотъ возьму да и поцѣлую его!"—рѣшилъ про себя Павелъ Иванычъ.—„Сейчасъ же вотъ подойду и скажу: „свинья, молъ, ты, братецъ, а все-таки я люблю тебя"... Да! Пусть всѣ видятъ и понимаютъ!"

И онъ направилъ шаги черезъ залъ, лавируя между танцующими. Онъ чувствовалъ, что ноги плохо ему повинуются, но не обращалъ на это вниманія.

Произошелъ безпорядокъ. Сперва вокругъ стало тихо, даже музыканты перестали играть, потомъ раздались восклицанія:

— Господа! Что это?

— Боже мой! Пьяный! —взвизгнула, съ ужасомъ, какая-то дама.

Кто-то взялъ его подъ руки, кто-то старался оттащить его въ сторону, но Павелъ Иванычъ рвался впередъ и вдругъ увидалъ передъ собою Скворешникова. Исполняя намѣреніе, онъ полѣзъ было къ нему цѣловаться, но Семенъ Семенычъ повлекъ его за собою, и затѣмъ они очутились вдвоемъ, въ той самой комнатѣ, гдѣ стояла закуска, и Павелъ Иванычъ, приникнувъ къ груди Семена Семеныча, излилъ ему свои чувства.

— Спасибо, спасибо, только ты успокойся,—отвѣчалъ ему на это Скворешниковъ.

Но увѣщанія его не имѣли успѣха, ибо Павелъ Иванычъ чувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ и, заливаясь слезами, увѣрялъ Семена Семеныча, что скоро, онъ знаетъ, могильный прахъ приметъ его бездыханное тѣло, ибо онъ отнынѣ остался одинъ во всемъ мірѣ, какъ перстъ. Поэтому онъ желалъ бы лишь одного: чтобы Семенъ Семеновичъ пришелъ къ нему на могилу. Онъ настойчиво требовалъ отъ Семена Семеныча, чтобы тотъ теперь же, сейчасъ, далъ ему честное и благородное слово, что придетъ къ нему на могилу...

— Ладно, ладно, только, прошу тебя, успокойся пожалуйста!—отвѣтилъ Скворешниковъ.—Не хочешь ли зельтерской? А не то, можетъ, соснулъ бы?..

Эти слова глубоко оскорбили Павла Иваныча, ибо онъ прозрѣлъ въ нихъ насмѣшку надъ самыми завѣтными чувствами и заявилъ Семену Семенычу, чтобы тотъ убирался къ чертямъ, а онъ самъ, Павелъ Иванычъ, больше здѣсь ни за что не останется и тотчасъ же уйдетъ, куда глаза глядятъ.

И съ силою вырвавшись отъ Семена Семеныча, онъ устремился было изъ комнаты, но тотъ моментально догналъ его и снова просилъ успокоиться, взывая къ его дружескимъ чувствамъ. Это смягчило Павла Иваныча.

— Ты меня любишь?—спросилъ онъ Скворешникова.

— Люблю,—отвѣтилъ Скворешниковъ.

— Поцѣлуй меня!—сказалъ Павелъ Иванычъ.

Они обнялись и поцѣловались, а затѣмъ Павелъ Иванычъ очутился вдругъ на диванѣ, и Семена Семеныча съ нимъ уже не было.

Тутъ ощущался пробѣлъ въ воспоминаніяхъ Елкина.

Дальнѣйшее начиналось съ момента, когда онъ вдругъ почувствовалъ себя въ темнотѣ... Теперь, на трезвую голову, онъ понималъ, какъ могло это случиться, но тогда вышло какъ-то за-

гадочно, странно... Вокругъ было темно, откуда-то рѣзко, порывисто дуло и обдавало струею холоднаго воздуха голову Павла Иваныча, но онъ съ удовольствіемъ отдавался ощущенію этого холода. Какъ оказывалось, эта струя проникала посредствомъ небольшого отверстія въ стѣнкѣ, въ которое свѣтила луна... Вокругъ скверно пахло, но Павлу Иванычу здѣсь было лучше, чѣмъ тамъ, въ бальной залѣ. Онъ сидѣлъ, освѣжаясь и предаваясь разборкѣ своихъ впечатлѣній. Онъ сознавалъ себя оскорбленнымъ. Ни отъ кого онъ не видѣлъ вниманія, какъ будто его совсѣмъ не существуетъ на свѣтѣ. Это началось уже въ церкви. Онъ вспомнилъ Кувыркина и ощутилъ опять къ нему ненависть. Представивъ себѣ его глупую, нахальную рожу, онъ заскрежеталъ даже зубами.

„А вѣдь я, кажется, пьянъ?"—промелькнула догадка въ его головѣ.

Положимъ... Такъ что-жъ? До кого ему дѣло? Онъ пьянъ потому, что радъ счастью друга, и это ни до кого не касается. Плевать онъ хочетъ на всѣхъ! Въ сущности, если разобрать хорошенько, то онъ теперь лишь находится въ такомъ состояніи, когда понимаетъ съ чрезвычайною тонкостью себя и людей... Ему вредило всегда особенно тѣ, что онъ слишкомъ деликатенъ и добръ... Вотъ въ томъ и бѣда-то, что онъ добръ, снисходителенъ и всегда всѣмъ прощаетъ обиды... Нѣтъ, такъ невозможно. Баста! Довольно! Онъ покажетъ сегодня же всѣмъ, что сейчасъ вотъ, съ этой самой минуты, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ!

Въ то время, какъ онъ предавался таковымъ размышленіямъ, передъ нимъ вдругъ возникла фигура оффиціанта со свѣчкой, который приглашалъ его пожаловать къ ужину. Онъ заявилъ, что насилу его отыскалъ, и что раньше искали его и Семенъ Семенычъ, и Иванъ Алексѣичъ, и очень о немъ безпокоились...

— Уже садятся за столъ-съ, — прибавилъ офиціантъ, ловко и услужливо приводя въ порядокъ нѣкоторыя статьи довольно разстроеннаго его туалета. Онъ даже хотѣлъ было подхватить его подъ локоть, но Елкинъ съ достоинствомъ устранилъ помощь лакея.

Очутившись въ залѣ, Павелъ Иванычъ увидѣлъ, что танцы уже прекратились и всѣ гости унизывали длинный, уставленный приборами столъ. Откуда этотъ столъ появился? Когда? Какимъ образомъ?.. Чортъ его знаетъ!.. Всѣ, съ шумомъ, двигая стульями, усаживались. Усѣлся и Павелъ Иванычъ.

Было очень свѣтло отъ горѣвшихъ повсюду свѣчей. Было душно и тѣсно отъ множества сидѣвшихъ людей. Всѣ ѣли, пили, кричали, гремѣли ножами и вилками... Помнится, передъ Елкинымъ стояла тарелка, на которой лежало какое-то кушанье, не

то смѣсь говядины съ чѣмъ-то, не то холодная рыба подъ соусомъ... Онъ попробовалъ ѣсть, но послѣ неудачныхъ попытокъ поймать загадочное яство на вилку, это занятіе скоро его утомило. Вмѣсто того, онъ выпилъ стоявшій близко къ нему стаканъ съ какимъ-то виномъ... При этомъ его сосѣдъ слѣва пристально на него посмотрѣлъ. Павелъ Иванычъ прочелъ въ его взглядѣ оскорбительное для себя выраженіе. Какъ будто господинъ этотъ надъ нимъ насмѣхался и даже хотѣлъ нанести ему какую-то дерзость... И тотчасъ Павелъ Иванычъ увидѣлъ, что все это общество—и вонъ тотъ, сидящій противъ него лысый старикъ съ пряжкою за безпорочную службу, который странно на него посмотрѣлъ, и вонъ та тучная барыня, съ багровымъ цвѣткомъ въ волосахъ, которая давеча толкнула его, когда онъ поздравлялъ Семена Семеныча, и чему-то вдругъ сейчасъ засмѣялась (конечно, она надъ нимъ засмѣялась!)—всѣ, всѣ рѣшительно глумились надъ нимъ и собирались его оскорбить... Всѣ лица Павелъ Иванычъ видѣлъ словно сквозь какой-то туманъ, въ которомъ всѣ они какъ-то плавали, рѣяли, то пропадали, то вновь появлялись, и ни одно онъ не могъ разсмотрѣть хорошенько... Стоялъ полный содомъ... Всѣ пили, жевали, хохотали. галдѣли... Чему всѣ хохотали, о чемъ всѣ галдѣли?.. Это было совсѣмъ непонятно. Во всякомъ случаѣ, Павелъ Иванычъ зналъ только одно, что во всѣхъ онъ возбуждаетъ насмѣшку къ себѣ и всѣ готовы его оскорбить... Поэтому онъ питалъ ко всѣмъ этимъ людямъ чрезвычайную злобу.

— Здоровье новобрачныхъ! Ура!

Послышались шумъ и двиганье стульями. За столомъ началось движеніе, чоканье. Павелъ Иванычъ предпочелъ остаться на мѣстѣ. Онъ пребывалъ въ своей неподвижности, пока около него ходили, двигали стульями, толкали его и задѣвали локтями. Шумъ и восклицанія усилились.

— Ура!—кричалъ кто-то.

Кто-то стучалъ по тарелкѣ ножемъ.

— Господа! Позвольте!

— Тсс... Господа!

— Господа, тише, пожалуйста! Батюшка рѣчь хочетъ...

— Батюшка! Рѣчь!

— Достопочтеннѣйшіе господа и милостивѣйшія госпожи! — послышался елейный батюшкинъ голосъ. — Въ оный высокоторжественный день, когда единымъ сердцемъ мы празднуемъ и веселимся...

Что такое онъ говорилъ?., Павелъ Иванычъ не сталъ его слушать, потому что то была, навѣрное, какая-нибудь чепуха и вранье, и погрузился на время въ состояніе, такъ сказать, отвлеченное отъ внѣшняго міра.

— Благ-год-ден-ствен-но-е и мир-рно-е жи-ті-е... здр-ра-віе и спа-се-ніе... и в-во всемъ... благ-гое... по-спѣ-ше-ні-е...—загудѣлъ вдругъ, въ довершеніе всего, изумительный басъ отца діакона.

Все замерло и стало прислушиваться...

Этотъ изумительный басъ все ширился, росъ, точно то былъ нѣкій шаръ, постепенно разбухавшій до гигантскихъ размѣровъ, грозившій повалить стѣны этого дома и положить лоскомъ гостей, такъ что Павлу Иванычу сдѣлалось жарко, и онъ инстинктивно попробовалъ попятиться въ сторону вмѣстѣ со стуломъ, при чемъ чуть не свалился, и когда этотъ шаръ касался уже потолка, который, подъ напоромъ его, казалось, сталъ уже колебаться, онъ вдругъ какъ бы лопнулъ и разсыпался на массу кусковъ, покатившихся съ трескомъ въ разныя стороны.

— И с-сохр-ра-ни... ихъ... на... мно-о-г-гая... лѣ-ѣ-т-та!!

— Мно-гая, мно-о-гая лѣта!!—подхватилъ хоромъ весь залъ.

— Ура! Умру за Семена!—возопилъ Павелъ Иванычъ, моментально воспрянувъ и преисполнившись вдругъ чрезвычайнымъ восторгомъ. Но крикъ его въ тотъ же мигъ потонулъ въ пѣніи многолѣтія и крикахъ „ура“ прочихъ гостей.

— Господа! Я хочу предложить...

— Господа, тссс...

— Тссс... Господа!

— Господа, я хочу предложить выпить за здоровье нашихъ дорогихъ и милѣйшихъ...—послышался было чей-то тонкій, пронзительный голосъ, и Павелъ Иванычъ увидѣлъ по другую сторону стола, невдалекѣ отъ себя, фигуру одного изъ невѣстиныхъ шаферовъ, того самаго долговязаго юношу, который похожъ былъ на аиста. Поднявшись съ бокаломъ въ рукѣ, онъ собирался произнести какую-то рѣчь...

Павелъ Иванычъ, коего восторгъ еще не покинулъ, прозрѣлъ въ этой выходкѣ нарушеніе его собственныхъ неотъемлемыхъ правъ и крикнулъ:

— Стопъ! Я самъ скажу рѣчь!

Онъ грузно воздвигся, оперся руками о столъ и обвелъ глазами присутствовавшихъ.

Взоры всѣхъ были обращены на него. Всѣ были поражены неожиданностью...

Затѣмъ, раздались восклицанія. Очевидно, ему не хотѣли давать говорить... Кое-кто цыкалъ, другіе махали руками, нѣкоторые даже его просто сажали на мѣсто, ухвативъ безцеремонно за плечи; но онъ твердо рѣшилъ, что *именно теперь-то* и нужно ему настоять на своемъ.

— Хотѣлъ бы я знать... кто смѣетъ... мнѣ... запретить...

— Господа, что же это такое?—пропищалъ обиженно долговязый ораторъ.

— Эдакъ нельзя! — поддержали его два-три голоса съ разныхъ сторонъ.

— Замолчите, пожалуйста!

— Замолчите, господинъ Елкинъ!

— Ничего, пусть говоритъ! — поощрительно откликнулся кто-то...

— Пусть говоритъ господинъ Елкинъ!

— Говорите, Павелъ Иванычъ!

— Ха, ха, ха! Это занятно!

Павелъ Иванычъ выдержалъ всю эту бурю поднявшихся вокругъ него криковъ и стоялъ непоколебимо и твердо, подобно скалѣ, пока не наступило затишье... Теперь его уже слушали всѣ...

— Семенъ!.. С-старый... м-мой... другъ! — съ чувствомъ началъ Павелъ Иванычъ. — Гдѣ ты, Семенъ?.. Я скажу... тебѣ... р-рѣчь!

Онъ обвелъ глазами весь столъ, отыскивая ими пріятеля, но Скворешниковъ былъ уже тутъ, возлѣ него. Онъ стоялъ тихо шепталъ ему что-то... Кажется, онъ его успокоивалъ, и Павелъ Иванычъ почувствовалъ приливъ нѣжнѣйшей любви къ Семену Семенычу.

— Ты позволишь мнѣ, Сеня? А? Сеня?.. Я для тебя одного... Ну ихъ, всѣхъ, къ чорту! Правда? Плевать?.. Я скажу тебѣ рѣчь...

— Вотъ такъ славно! — раздалось вдругъ откуда-то, но тотчасъ же послышалось: — Тссс!..

На этотъ перерывъ Павелъ Иванычъ не обратилъ ровно никакого вниманія. Благополучно справившись съ первыми фразами, онъ почувствовалъ, что дальнѣйшія слова упорствуютъ слѣзать у него съ языка. Тѣмъ не менѣе, рѣшимость его говорить была непреклонна, и онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, двинулся дальше.

— Вотъ теперь ты женатъ... да!.. такъ сказать... тово... прилѣпился... Ибо въ Писаніи сказано... — Павелъ Иванычъ поднялъ кверху указательный перстъ и, грозясь имъ въ пространство, прочелъ твердо, на память: — „Оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ...“ *При-лѣ-пит-ся*... Ага!.. Что это значитъ?.. (Павелъ Иванычъ сдѣлалъ глубокую паузу). Понимаешь ты... эту... штуку?... Оно, братъ, тово... не комаръ начихалъ... Ау, братъ, *фертихъ!* шабашъ!.. Съ ноги ужъ не сбросишь... Такъ? Справедливо я... говорю?.. Да! Справедливо!.. Что вы всѣ на меня таращите буркалы-то? (Павелъ Иванычъ обвелъ затуманеннымъ взоромъ своихъ ближайшихъ сосѣдей). Я не къ вамъ... Ну васъ... всѣхъ! Я — къ Семену... Слушай, Семенъ!.. Ты думаешь, ничего я не чувствую? Врешь! Я чувствую все, и потому горько мнѣ... больно!.. обидно!!.. Помнишь, какъ, бывало, играли мы въ шашки?.. Ходили другъ къ другу?.. Ты — ко мнѣ, я — къ тебѣ...

Водочка это, бывало, у насъ... грибочки... колбаска... (Голосъ Павла Иваныча патетически дрогнулъ). Бывало, выпьемъ съ тобой... дружно... душевно... А теперь... А теперь...

Елкинъ вдругъ всхлипнулъ и заплакалъ навзрыдъ.

— Бра-а-во!—крикнулъ восторженно кто-то.

— Вотъ дакъ-такъ!

— Ай да рѣчь!

— Чудеса!

— Ха-ха-ха!

Кто-то захохоталъ и захлопалъ въ ладоши, затѣмъ еще и еще—и дружный, оскорбительный хохотъ, уже въ нѣсколько глотокъ, огласилъ стѣны брачнаго пиршества...

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!—грохоталъ весь свадебный залъ.

Все хохотало. Повсюду виднѣлись разверстые рты. Кто припалъ къ плечу сосѣда и хохоталъ, какъ въ истерикѣ, кто прямо катался головой по столу... Тучная барыня съ багровымъ цвѣткомъ въ волосахъ закрыла руками лицо и сквозь слезы жалобно взвизгивала:

— Ой, не могу! Ой, умру!

— Браво!!—крикнулъ опять прежній голосъ.

Пуще всѣхъ заливался Кувыркинъ... Только сейчасъ, въ эту минуту, примѣтилъ его Павелъ Иванычъ... Онъ сидѣлъ совсѣмъ близко, почти рядомъ, въ компаніи Данкова, Пупкова и другой молодежи, и весь сотрясался отъ хохота... Этотъ повторный крикъ „браво“ издалъ, несомнѣнно, не иной кто, какъ онъ...

— Молчать!!—возопилъ, облитый слезами, Павелъ Иванычъ, въ которомъ вспыхнула старая ненависть противъ торопливаго юноши. — Мальчишка! Щенокъ!

— Что-о?! Какъ вы смѣете? — заоралъ, вскочивъ съ мѣста, Кувыркинъ.

Павелъ Иванычъ рванулся къ Кувыркину, но въ ту же минуту увидѣлъ себя окруженнымъ. Его держали за руки и не пускали...

Въ мигъ произошло нѣчто безобразно-нелѣпое.

Возникъ страшный гвалтъ. Образовалась толпа. Сквозь эту толпу Елкинъ видѣлъ лицо торопливаго юноши, багровое, съ растрепанными, застилавшими ему глаза волосами и разинутымъ ртомъ... Кувыркина тоже держали, а онъ что-то кричалъ и рвался къ Павлу Иванычу. Павелъ Иванычъ, въ свою очередь, рвался къ Кувыркину, отбиваясь отъ Семена Семеныча, который въ чемъ-то его убѣждалъ... Анна Гавриловна тоже его убѣждала... А вокругъ стояли, вперившись глазами въ Павла Иваныча, насмѣшливыя и враждебныя лица...

— Къ чорту! Оставьте меня!—кричалъ Павелъ Иванычъ въ какомъ-то безпамятствѣ...

Вообще, онъ былъ въ полномъ безпамятствѣ... Словно все это происходило во снѣ... Какъ во снѣ, сознавалъ онъ, что его куда-то влекутъ, а онъ не можетъ противиться, какъ во снѣ, видѣлъ стѣны швейцарской, заваленной шубами, группу людей, которые окружали его, видѣлъ огорченное лицо Семена Семеныча, чувствовалъ, какъ на него напялили шубу, какъ кто-то надѣлъ на его ноги калоши, а кто-то другой, какъ будто Пупковъ, или, быть можетъ, Фонтанщиковъ, нахлобучилъ цилиндръ, затѣмъ въ лицо ему пахнула струя холоднаго воздуха—и, наконецъ, все смѣшалось... Помнилось только, что кто-то сидѣлъ рядомъ съ нимъ на извозчикѣ, но кто именно это могъ быть—не имѣлось никакихъ указаній. Помнилось чувство проникавшей все его существо глубокой, неизгладимой обиды, которое онъ изливалъ сопровождавшему его незнакомцу, потомъ неодолимая потребность заснуть, потомъ ощущеніе, будто онъ валится въ какую-то темную яму, къ нему откуда-то съ неба нагнулось чье-то каменное, съ незрячими очами лицо, а рядомъ, прямо, въ упоръ, свѣтитъ луна, и все это кажется ему очень странно, необычайно, неловко, онъ хочетъ подняться, уйти и лечь спать, но ноги стали тяжелыми, словно это не ноги, а бревна, и онъ безсильно покоряется своему положенію... Затѣмъ, наступаетъ промежутокъ забвенія, при чемъ онъ чувствуетъ только, что ему очень холодно— и, въ концѣ концовъ, онъ приходитъ въ себя и вполнѣ уже явственно видитъ, что лежитъ на ступенькахъ своего департамента, а вокругъ — не то сумерки, не то раннее утро — и какъ это вышло, что онъ здѣсь очутился—Павелъ Иванычъ совсѣмъ не можетъ постичь.

XLIII.

Позоръ! О, какой глубокій, неизгладимый позоръ!

Елкинъ все сидѣлъ на кровати, раздѣтый, съ босыми ногами, спрятавъ голову въ руки, и мучительно переживая въ душѣ послѣднія событія этой навѣки памятной ночи.

Свѣтъ бѣлаго дня проникалъ въ окна спальни. Во дворѣ давно началось уже движеніе.

Павелъ Иванычъ медленно пошевелился, какъ просыпающійся, восклонилъ съ усиліемъ голову и принялся смотрѣть на окна квартиры Скворешникова.

Шторы на двухъ окнахъ спальни были плотно опущены... Молодые встрѣчали зарю новой жизни. Міръ особыхъ, неиспытанныхъ радостей открывался теперь передъ ними, а вся прошлая жизнь кончилась для нихъ навсегда и болѣе не можетъ уже повториться, какъ не можетъ болѣе никогда повториться всякій прожитый день.

А передъ нимъ, Павломъ Иванычемъ, опять эти старыя, постылыя стѣны, халатъ, глубокій, какъ смерть, послѣобѣденный сонъ,—а тамъ, впереди, цѣлый рядъ похожихъ одинъ на другой, одинокихъ, безрадостныхъ и безсмысленныхъ дней, коимъ не видно конца...

Сирота! Сирота! Сирота!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Зачало новаго дня.

XLIV.

Между тѣмъ, проснувшійся, съ разсвѣтомъ дня, вѣтерокъ постепенно усилился и нагналъ облака, которыя загромоздили все небо. Потомъ повалилъ крупными хлопьями снѣгъ. Онъ скоро замелъ всякій слѣдъ, оставленный на ступенькахъ подъѣзда бураго дома покоившимся тамъ, въ эту ночь, коллежскимъ ассесоромъ Елкинымъ. Снѣгъ все валилъ и валилъ непрерывно и тотчасъ же таялъ, а вѣтеръ, какъ бы удовлетворенный тѣмъ, что онъ сдѣлалъ и достигъ, чего онъ хотѣлъ—всѣмъ испортить съ утра настроеніе духа—опять успокоился.

Уныло и хмуро занялся бѣлый день надъ невской столицей, пробудивъ голубей подъ крышей бураго дома, которые принялись тотчасъ же возиться и ссориться. Распахнулась тяжелая дубовая дверь, извергнувъ Ивана Шувалова, съ тряпкою и стертымъ кирпичикомъ. Сгибаясь, какъ трость, и изнемогая отъ кашля, занялся онъ своею обычной работой надъ бронзовой ручкой подъѣзда, изображавшей голову льва съ разинутой пастью, и, судя по тому, съ какимъ выраженіемъ поплевывалъ онъ въ физіономію благороднаго звѣря и возилъ по ней тряпкой, можно было понять, что старикашка не выспался, золъ и ненавидитъ весь міръ, начиная съ погоды и кончая своей постылой работой, заставляющей дрогнуть на слякоти его тощее, дряхлое тѣло, и что онъ даже питаетъ желаніе, что бы все и вся, за одно съ этою окаянною ручкою, провалилось куда-нибудь въ преисподнюю. Казалось, что его настроеніе духа раздѣляли и бездушныя дѣвы бураго дома, обреченныя вѣчно, не взирая ни на какую погоду, держать на своихъ головахъ массивную тяжесть подъѣзда. Обливаемыя водяными потоками, въ которыя превращался одолѣвавшій ихъ снѣгъ, онѣ будто злились въ молчанку на свое положеніе, обративъ мокрыя лица на улицу, гдѣ падавшій снѣгъ постепенно дѣлался темною жижей, которую понуро мѣсили ногами многострадальныя извозчичьи

клячи, разбрасывая во всѣ стороны грязныя брызги. Бурый домъ началъ свою обычную жизнь. Забухалъ топоръ по полѣну, разнося гулкое эхо по всему пространству двора. Захлопали двери квартиръ „галдареи". Тамъ уже гомозилось и кашляло все ея населеніе. Орали, послѣ полученной ими законной утренней порціи шлепковъ, ребятишки, и визжала на всю „галдарею" кофейная мельница.

А тѣмъ временемъ снѣгъ все падалъ и таялъ, все падалъ и таялъ, превращаясь въ грязную воду, которая капала съ крышъ, струилась изъ трубъ и растекалась въ широкія лужи.

Но то, чему установлено быть, должно совершаться своимъ надлежащимъ порядкомъ, независимо отъ какихъ-бы то ни было стихійныхъ явленій, и потому дѣловая жизнь департамента тоже вступала въ свою обычную фазу. Иные уже засѣдали на своихъ всегдашнихъ мѣстахъ, угрюмо углубляясь въ работу, другіе пока еще только разминались, лѣниво приступая къ занятіямъ, но замѣчались еще и такіе, кои слонялись безъ дѣла, подобно отравленнымъ мухамъ, или сидѣли праздно, съ тупымъ выраженіемъ смертоноснѣйшей скуки, словно думая тайную думу:

„Эхъ, кабы послать все это къ дьяволу, а самому завалиться въ постель и спать себѣ, спать сколько влѣзетъ!!"

Во всемъ чувствовалось что-то гнетущее, носившееся невидимо въ воздухѣ и навѣваемое, по всей вѣроятности, отвратительнымъ утромъ, болѣе походившимъ на сумерки, что глядѣло въ высокія окна департаментскихъ залъ. Главнымъ же образомъ, существовали причины, характера, такъ сказать, спеціальнаго, не имѣвшаго отнюдь отношенія къ формальному порядку вещей. Сказать откровенно, нѣкоторыхъ, просто на просто, какъ говорится, „ломало"...

Въ числѣ ихъ, въ первую голову, слѣдовало поставить Кувыркина. Онъ былъ совершенно зеленый и, отъ времени до времени, схватывалъ себя за виски. Появившись на службу, онъ первымъ дѣломъ послалъ конфиденціально за сельтерской, не принесшей ничуть облегченія бѣдному юношѣ, равно какъ и огуречный разсолъ, за коимъ еще раньше было послано дома. Сквозь нестерпимую боль, отъ которой, казалось, готовилась лопнуть его голова, въ страдальцѣ возникала безотвязная мысль о блаженной участи всѣхъ спящихъ въ могилѣ. Этой безотрадной идеѣ не мало способствовало воспоминаніе о вчерашнемъ скандалѣ на свадьбѣ Скворешникова, о которомъ, онъ былъ убѣжденъ, извѣстно уже всему департаменту, а затѣмъ станетъ извѣстно и самому „генералу"...

Дѣйствительно, многіе знали уже о скандалѣ, равно какъ и обо всемъ примѣчательномъ, случившемся на вышеупомянутой свадьбѣ.

Объ этомъ шли разговоры между отдѣльными группами, но главнымъ центромъ, гдѣ сосредоточивались всѣ любопытныя свѣдѣнія, была комната, смежная съ черною лѣстницею и выходившая окошкомъ на неоштукатуренную кирпичную стѣну, съ постоянно отворенной форточкой, по причинѣ присутствовавшаго здѣсь скверваго запаха, котораго не въ силахъ былъ побороть даже дымъ папиросъ, выкуриваемыхъ на скорую руку чиновниками, забѣгавшими сюда въ промежуткахъ занятій. На этотъ разъ здѣсь собралась довольно многочисленная группа курильщиковъ около толстаго и лысаго старца, отца двухъ очаровательныхъ дѣвицъ Трубадуровыхъ. Онъ не присутствовалъ на свадьбѣ Скворешникова и не зналъ до сихъ поръ, что тамъ было, такъ какъ ушелъ въ департаментъ, когда дѣвицы покоились еще сладостнымъ сномъ. Трубадуровъ грузно, какъ нѣкая глыба, возсѣдалъ на подоконникѣ, подъ отворенной форточкой, дымилъ папиросой и слушалъ Данкова съ Пупковымъ, влюбленныхъ, какъ извѣстно было всему департаменту, въ обѣихъ дѣвицъ и потому на перерывъ изощрявшихся передъ папашей ихъ въ остроуміи. (Сердце Данкова было отдано старшей, Пупковъ состоялъ обожателемъ младшей. Объ этомъ было тоже извѣстно всему департаменту.)

— Не понимаю я вкуса уважаемаго Семена Семеныча!— воскликнулъ съ жаромъ Данковъ послѣ обстоятельнаго доклада папа-Трубадурову о невѣстѣ, поведеніи ея подъ вѣнцомъ и на свадебномъ вечерѣ, ея костюмѣ и проч.—Представьте себѣ: черномазая...

— Тощая!—прибавилъ тотчасъ Пупковъ.

(Надо замѣтить, что старшая изъ дѣвицъ Трубадуровыхъ была бѣлокура, а младшая, хотя и имѣла темнорусые волосы, но обладала весьма аппетитными формами).

— „*Черна, какъ галка,*“—началъ извѣстными стихами Данковъ.

— „*Суха, какъ палка*“, — перебилъ его неугомонный Пупковъ,—„*тебя мнѣ жалко*“...

— „*Моя весталка*“!—быстро докончилъ Данковъ.

— Ха-ха-ха!—поощрили ихъ слушатели, а папа-Трубадуровъ раздвинулъ свои толстыя губы въ подобіе благосклонной улыбки и произнесъ, съ отеческой укоризной покачавъ головою:

— Ахъ, злодѣи, злодѣи... Стоитъ приглашать васъ на свадьбы!

— А что, господа,—послѣ того, какъ веселость всѣхъ, наконецъ, унялась, пониженнымъ тономъ и опасливо оглянувшись на дверь, произнесъ одинъ изъ чиновниковъ.—Никто не видалъ еще Елкина?

— Еще нѣтъ его, кажется, да и врядъ ли сегодня придетъ...— отозвался кто-то изъ группы.—Н-да, вотъ такъ исторія!

— Что такое? Какая исторія? Я не слыхалъ, — произнесъ Трубадуровъ.

— Да неужели еще не слыхали? Помилуйте, батенька, объ этомъ всѣ уже знаютъ...

— Какъ? Что такое?

— Елкинъ подрался!

— Елкинъ подрался? Павелъ Иванычъ?

— Елкинъ! Павелъ Иванычъ!

Но тутъ раздались возраженія.

— Неправда, совсѣмъ не подрался, а только всѣхъ обругалъ...

— И не всѣхъ, а одного Кувыркина...

— Кувыркина онъ чуть не избилъ, а всѣхъ назвалъ свиньями...

— Полноте, что вы разсказываете! Я отлично все слышалъ!

— А я еще лучше вашего слышалъ и видѣлъ, потому что стоялъ въ двухъ шагахъ.

— *Вы* стояли въ двухъ шагахъ?.. Перестаньте, пожалуйста!

— Право, я удивляюсь, что вы со мной спорите!

— Нѣтъ, я удивляюсь, что *вы* со мной спорите!

Пока шли пререканія между свидѣтелями интересной исторіи, Трубадуровъ сипѣлъ въ большой ажитаціи:

— Что такое? Что такое? Разскажите же мнѣ, наконецъ, ради Создателя!!

— Я сейчасъ разскажу! — воскликнулъ Данковъ.

— Нѣтъ, я разскажу! — перебилъ его быстро Пупковъ.

— Нѣтъ, я!

— Нѣтъ, я!

Такъ какъ Данковъ ухватилъ Трубадурова за пуговицу его вицмундира, то Пупковъ, со своей стороны, продѣлалъ немедленно то же съ другой его пуговицей, и оба, въ одинъ голосъ, стали разсказывать, но такъ какъ они безпрестанно перебивали другъ друга, то исторія выходила довольно запутанной. Трубадуровъ только моргалъ и пыхтѣлъ, впадая въ испарину, а потому одинъ изъ безмолвствовавшихъ до сихъ поръ слушателей, потерявшій терпѣніе, перебилъ пылкихъ юношей и, принудивъ ихъ замолчать, обстоятельно изложилъ все происшествіе.

— Безъ ножа, можно сказать, зарѣзалъ пріятеля! — закончилъ разсказчикъ.

— Я полагаю... Хе-хе-хе!.. Я полагаю! — затрясшись всѣмъ чревомъ отъ смѣха, просипѣлъ Трубадуровъ, маленькіе глазки котораго во время разсказа горѣли злорадствомъ, ибо онъ еще съ прошлаго лѣта точилъ зубы на Семена Семеныча за то, что тотъ ему отказалъ въ полномъ ремонтѣ квартиры, согласившись только окрасить полы и побѣлить потолки. — Не желалъ бы я быть на мѣстѣ молодого супруга, не пожелалъ бы, нѣтъ... хе-хе-хе! —

затрясся опать Трубадуровъ, потомъ осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и произнесъ съ большимъ чувствомъ:—Благодареніе Господу-Богу, что Онъ меня уберегъ! Двугривенную свѣчку Николаю-Чудотворцу поставлю! Честное слово, поставлю!..

— Я убѣжденъ, что Елкинъ плохо окончитъ!—замѣтилъ зловѣще кто-то изъ слушателей.

— Да онъ и теперь уже человѣкъ совершенно пропащій,—прибавилъ другой.

— Совершенно пропащій!

— Ну и чѣмъ же, чѣмъ же все это окончилось-то?—взывалъ между тѣмъ Трубадуровъ.

Отвѣта ему не удалось получить, ибо въ эту минуту дверь распахнулась, и просунувшаяся въ комнату голова сторожа тревожнымъ голосомъ объявила всѣмъ:

— „Генералъ“!

Это произвело моментально такой же эффектъ, какъ если бы вдругъ повалилась стѣна.

Трубадуровъ, кряхтя, поспѣшно полѣзъ съ подоконника. Данковъ и Пупковъ, побросавъ папироски, ринулись, сломя голову, къ двери. За ними гурьбою устремилась вся остальная компанія.

Немного спустя, всѣ сидѣли уже на мѣстахъ, и по всей анфиладѣ департаментскихъ залъ виднѣлись только ряды безмолвныхъ головъ, погруженныхъ въ занятія, а весь департаментъ принялъ присущую ему физіономію храма, посвященнаго совершенію таинствъ, невѣдомыхъ и непонятныхъ профану, если бы таковой дерзнулъ здѣсь появиться.

Трубадуровъ работалъ съ видомъ жреца, чуждаго всякимъ житейскимъ тревогамъ, и съ трудомъ можно бы было повѣрить, что это — тотъ самый счастливый отецъ двухъ прелестныхъ дѣвицъ, который, за нѣсколько минутъ передъ этимъ, сидя на подоконникѣ и болтая ногами, какъ обыкновеннѣйшій смертный, слушалъ съ большимъ любопытствомъ разсказъ о скандалѣ на свадьбѣ своего сослуживца. Невольно возникали вопросы: куда же дѣвались всѣ тѣ господа изъ пировавшихъ на свадьбѣ, которые только-что страдали изжогой, жаловались, что у нихъ трещитъ голова, болитъ поясница, что ихъ мутитъ и ломаетъ, что имъ хочется спать?.. Неужели Кувыркинъ, въ это же самое утро, пилъ огуречный разсолъ и посылалъ дважды за сельтерской? Если допустить даже, что это случилось дѣйствительно, то все же показалось бы страннымъ, зачѣмъ ему эти напитки понадобились... Неужели они, эти серьезно нахмуренные Данковъ и Пупковъ— тѣ самые два жизнерадостные юноши, которые, въ эту самую ночь, съ такимъ увлеченіемъ отплясывали? Нѣтъ, невозможно! Все это были жрецы, чуждые всякой мірской суеты и врядъ ли

даже способные чувствовать тѣ же житейскія радости и испытывать тѣ же тѣлесныя муки, которыя знакомы намъ, слабымъ смертнымъ... Таково было бы заключеніе каждаго, кто заглянулъ бы сюда, въ качествѣ простого туриста.

Только вотъ что еще должно сказать по секрету.

Возвращаясь къ тому, что было изложено по поводу такового туриста въ предварительныхъ главахъ этой исторіи, я вынужденъ былъ бы сгустить значительно краски, если бы представить его проникнувшимъ въ этотъ день въ департаментъ... Этимъ я отнюдь не намѣренъ сказать, что ему былъ бы теперь причиненъ какой-нибудь физическій вредъ... Нѣтъ, онъ остался бы цѣлъ, невредимъ, только я убѣжденъ, что послѣ того, какъ онъ прошелъ бы сквозь строй, такъ сказать, всѣхъ этихъ суровыхъ жрецовъ и очутился снова въ швейцарской, — по меньшей мѣрѣ, онъ проклялъ бы тотъ злополучный моментъ, когда зародилось въ его головѣ это намѣреніе...

XLV.

А въ то самое время, какъ весь бурый домъ живетъ каждымъ самомалѣйшимъ нервомъ своимъ, найдется въ немъ кое-кто, чуждый всему, что вокругъ происходитъ.

Въ квартирѣ Скворешниковыхъ царствуютъ тишина и безмолвіе. Не взирая на то, что время прешло уже за полдень, тамъ еще никто не пилъ чаю, судя по тому, что на столѣ стоитъ самоваръ, при чемъ всѣ его принадлежности: стаканъ въ серебряномъ рѣзномъ подстаканникѣ, чашки, чайникъ, полоскательница, молочникъ и проч., поражаютъ своею необыкновенною чистотою и свѣжестью, которыя присущи вещамъ, недавно украшавшимъ магазинныя полки и еще необновленнымъ ни разу. Самоваръ вычищенъ до послѣднихъ предѣловъ возможнаго и своимъ ослѣпительнымъ блескомъ соперничаетъ съ новёхонькими чайными ложечками. Все остальное, что можно замѣтить,—какъ-то: французскія булки, чухонское масло и сливки—тоже самое свѣжее и самаго лучшаго качества. Все это давно приготовлено и только лишь ждетъ, когда ему, наконецъ, будетъ оказана честь. Самоваръ, очевидно, потерялъ уже послѣдніе остатки терпѣнія, прекратилъ свою болтовню и только отъ времени до времени издаетъ слабый стонъ, выражающій унылую жалобу:

„Господи, Господи, доколѣ меня еще будутъ томить?!“

Даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ, можно замѣтить, что въ квартирѣ произошли перемѣны. Старая мебель столовой исчезла и по стѣнкамъ стоятъ новые стулья. Вмѣсто стараго чайнаго шкафчика красуется солидный дубовый буфетъ. Бонапартъ,

висѣвшій ранѣе въ кабинетѣ хозяина, помѣщенъ теперь здѣсь, какъ разъ надъ столомъ. Онъ такъ же, попрежнему хмурится, изъ чего можно думать, что онъ совсѣмъ недоволенъ новымъ порядкомъ вещей.

За чайнымъ столомъ сидитъ, въ одиночествѣ, Анна Гавриловна. По всей вѣроятности, она сидитъ тоже томясь въ ожиданіи, но терпѣніе ея безгранично, да едва ли и замѣчаетъ она текущее время, погрузившись въ глубокую думу, которая ярко написана на морщинистомъ личикѣ миніатюрной старушки...

— Барыня...

Анна Гавриловна вздрагиваетъ и, обернувшись къ дверямъ, видитъ Матрену. Старушка испуганно машетъ рукою, шипя:

— Шш!.. Не можешь потише?

— Господи, барыня! да ужъ я, кажется, тихо!

— Что тебѣ нужно?—шепчетъ Анна Гавриловна.

— Не слыхать, не встаютъ?—тоже шепчетъ Матрена.

Старушка, тихонько, на цыпочкахъ, приближается къ плотно затворенной двери, за коею спятъ „молодые", приникаетъ къ ней ухомъ и отрицательно трясетъ головою. Безмолвная пауза...

— Такъ не подогрѣть ли опять самоваръ-то? Небось, совсѣмъ ужъ потухъ,—снова шепчетъ Матрена.

Самоваръ неожиданно испускаетъ глухое ворчанье и круто смолкаетъ, уже окончательно, какъ бы отвѣтивъ:

„А ну васъ, всѣхъ, къ чорту! Прощайте!"

— Подогрѣть, что ли, а?—шипитъ нетерпѣливо Матрена, такъ какъ Анна Гавриловна стоитъ въ нерѣшимости.

Старушка дѣлаетъ головою утвердительный знакъ. Матрена закусываетъ нижнюю губу, потомъ, съ сосредоточеннымъ видомъ, словно собираясь произвести похищеніе, безшумно подкрадывается и, схвативъ самоваръ, устремляется вонъ. Старушка слѣдитъ за каждымъ движеніемъ Матрены, бросая опасливые взгляды на дверь.

Оставшись опять въ одиночествѣ, она разглаживаетъ бѣлоснѣжную скатерть, перемѣняетъ зачѣмъ-то мѣстами молочникъ и сахарницу, сдуваетъ какую-то невидимую глазомъ соринку и, опустившись на прежнее мѣсто, вновь погружается въ думу.

Сегодня она встала значительно позже, чѣмъ вставала всегда, напилась кофе съ просвиркой, поданной съ поминаніемъ „о здравіи" еще позавчера за обѣдней, имѣла продолжительную бесѣду съ Матреной по хозяйственной части и принялась ожидать терпѣливо возстанія отъ сна новобрачныхъ.

Сидя одна одинёхонька и припоминая весь рядъ вчерашнихъ событій, начиная вѣнчаньемъ и вплоть до скандала, учиненнаго Павломъ Иванычемъ и омрачившаго торжественность брачнаго

мира, она въ то же самое время думала совсѣмъ объ иномъ, какъ будто всѣ воспоминанія эти, до упомянутаго скандала включительно, только скользили около чего-то болѣе важнаго, передъ чѣмъ все остальное теряло значеніе, ибо оно уже совершилось, прошло, потонетъ въ забвеніи и не оставитъ слѣда,—а вотъ *это*, самое главное, стоитъ и безотвязно глядитъ прямо въ глаза, наполняя ея старое сердце глухою тревогою. Оно существуетъ давно уже, но объ этомъ она никому не можетъ повѣдать, не смѣетъ ни съ кѣмъ подѣлиться, лишь тайкомъ, про себя, съ этимъ носится, съ этимъ отходитъ ко сну и встрѣчаетъ наступающій день, и что бы ни дѣлала, о чемъ бы ни думала Анна Гавриловна — оно неизбѣжно къ ней возвращается. Вотъ и сегодня утромъ оно возникло тотчасъ же, какъ только она открыла глаза. Вотъ и теперь, какъ она ни старается не думать объ этомъ, она все-таки не можетъ не думать, маясь въ своемъ одиночествѣ, въ ожиданіи возстанія отъ сна новобрачныхъ и, отъ времени до времени, боязливо посматривая на закрытую дверь, откуда должна появиться невѣстка, *ибо она-то и есть*—предметъ ея непрестанной тревоги — эта новая и почти совсѣмъ ей неизвѣстная женщина, съ коей отнынѣ ей суждено коротать свою жизнь... Чтó она? Ктó она? Чтó она сдѣлаетъ съ Сеней, у коего до сихъ поръ не было ни одного существа въ цѣломъ мірѣ ближе его старой матери, чьи права, съ этого дня, возьметъ въ свои руки эта чуждая женщина?.. А она, Анна Гавриловна, носившая своего сына подъ сердцемъ и не отдѣлявшая отъ него до сихъ поръ своихъ мыслей и желаній, должна теперь стоять въ сторонѣ и только вчужѣ смотрѣть, какъ въ ея исконныхъ владѣніяхъ будетъ хозяйствовать женщина, отнявшая у нея навсегда ея сына, коей отнынѣ обязана она угождать!..

Старушка издаетъ изъ всей глубины своего существа тяжкій вздохъ и встрѣчаетъ глазами устремленный на нее со стѣны взоръ Бонапарта, свидѣтеля длиннаго ряда семейныхъ событій. Онъ помнитъ рыжаго гимназиста Сеньку, помнитъ, какъ исключили его изъ гимназіи, помнитъ, какъ за то жестоко порολъ его покойный отецъ, не взирая на мольбы и слезы Анны Гавриловны, видалъ затѣмъ Бонапартъ этого Сеньку въ образѣ взрослаго Семена Семеныча солиднаго смотрителя бураго дома... Все это помнитъ онъ хорошо, этотъ давній и безмолвный свидѣтель, готовясь теперь быть очевидцемъ новыхъ грядущихъ событій... Онъ слышитъ эти тяжкіе вздохи тоскующей въ одиночку старухи, понимаетъ, о чемъ эти вздохи и, глядя хмуро со стѣнки, какъ бы хочетъ сказать:

„Нехорошо, охъ, какъ нехорошо это все, господа!“

— Господи! Умереть бы скорѣе!—шепчетъ, вслухъ, Анна

Гавриловна и въ ту же минуту опасливо взглядываетъ на закрытую дверь, откуда ей почудился шорохъ...

Но тамъ по прежнему тихо. Крѣпкій сонъ все еще нѣжитъ въ своихъ сладкихъ объятіяхъ счастливую пару, и не видятъ они этого ненастнаго дня, глядящаго въ окна, въ кои бьетъ мокрый снѣгъ и, тая, струится, какъ слезы, не слышатъ подавленныхъ вздоховъ томящейся втихомолку, за дверью, старухи, которая не смѣетъ даже поплакать, ибо это было бы до крайности странно и неприлично, съ ея стороны, для перваго дня новобрачныхъ... Пусть спятъ они крѣпкимъ сномъ!

XLVI.

Пусть спитъ крѣпкимъ сномъ и Павелъ Иванычъ, разметавшійся на своей сиротской постели, послѣ всѣхъ треволненій и терзательныхъ думъ этой достопамятной ночи! Смачно и звучно храпитъ онъ, безъ всякой помѣхи, одинъ одинехонекъ въ своей пустынной квартирѣ, ибо Клеопатра заперла его на замокъ и исчезла.

Она уже побывала на рынкѣ и возвращалась домой, какъ подъ воротами наткнулась на группу сосѣдокъ, занятыхъ оживленной бесѣдой. Предметъ разговора заинтересовалъ Клеопатру, и она стала внимательно слушать.

Рѣчь принадлежала Матренѣ Скворешниковыхъ. Разогрѣвъ, Богъ вѣсть въ который уже разъ самоваръ для хозяевъ, она бѣгала въ мелочную, на углу перекрестка, испоконъ вѣка процвѣтавшую здѣсь благодаря близкому сосѣдству бураго дома, чрезъ посредство всѣхъ кухарокъ своихъ, состоявшаго ея вѣрнымъ данникомъ. Возвращаясь домой, Матрена повстрѣчалась съ Трубадуровской кухаркой Агафьей, и остановилась съ ней на минуту, а тутъ еще къ нимъ подошла прачка Варвара. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы Матрена, выслушавшая сегодня утромъ разсказъ Анны Гавриловны о нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ брачнаго пира, главнѣйшимъ образомъ связанныхъ со скандаломъ, авторомъ коего былъ Павелъ Иванычъ, почувствовала себя на высотѣ своего положенія—и кто бы, на мѣстѣ Матрены, могъ устоять, чтобы не подѣлиться съ сосѣдками такими животрепещущими новостями?

Въ одушевленной передачѣ Матрены о поведеніи Павла Иваныча за ужиномъ, по произнесеніи имъ извѣстнаго спича, сплошь состоявшаго, по увѣренію разсказчицы, изъ однихъ скверныхъ ругательствъ, выходило нѣчто совсѣмъ гомерическое. Оказывалось будто бы Елкинъ вызывалъ драться съ нимъ на кулачки все общество.

— А нашему-то, Семену Семенычу-то, онъ еще вотъ что сказалъ:—„раньше, говоритъ, ты мнѣ былъ первый другъ, а съ нынѣшняго числа, говоритъ, я тебя за послѣднюю дрянь почитаю! Плевать, говоритъ, мнѣ съ эфтихъ поръ на тебя!“ — съ увлеченіемъ повѣствовала Матрена.—„Тьфу, вотъ что ты съ эфтихъ поръ для меня!“—Такъ и отрѣзалъ!

— Это онъ такъ самому Семену Семенычу-то? — переспросила, изумляясь, Агафья.

— Самому Семену Семенычу-то!! А самъ на него такъ кулаками и сучитъ, такъ кулаками и сучитъ!

— Цссс... Значитъ, совсѣмъ обалдѣлъ?

— Совсѣмъ обалдѣлъ!

— А слышали, что Лука-то разсказываетъ? — вмѣшалась въ разговоръ прачка Варвара.

— Нѣтъ. Что такое разсказываетъ?—въ одно слово откликнулись Матрена съ Агафьей. Одна Клеопатра продолжала оставаться безмолвной, довольствуясь ролью внимательной слушательницы.

— А вотъ что такое разсказываетъ. Былъ онъ сегодня дежурнымъ и спалъ у воротъ. Спалъ онъ, спалъ, да вдругъ и проснулся. Видитъ, посередь самой улицы санки, а у санокъ двое господъ съ извозчикомъ борются. И таково это тихо, безъ шума, безъ крика безъ всякаго, только крехтятъ. Тутъ только онъ домекнулся, что это какой-то баринъ съ извозчикомъ вмѣстѣ другого барина въ санки усаживаютъ—пьянаго, значитъ.—Что мнѣ за дѣло, — Лука-то подумалъ, да опять и заснулъ. А утромъ, чуть свѣтъ, проснулся, всталъ и пошелъ. Пошелъ это онъ, глядь—анъ у крыльца, на ступенькахъ что-то чернѣетъ... Словно быть, человѣкъ какой-то валяется... Подходитъ, глядитъ,—анъ и въ самъ-дѣлѣ тамъ человѣкъ... Какъ бы вы думали, кто?

Тутъ Варвара оглядѣла всѣхъ своихъ слушательницъ и объявила, обращаясь исключительно уже къ Клеопатрѣ:

— Баринъ твой! Елкинъ!

Сказавъ это, она замолчала, въ ожиданіи, что отвѣтитъ на то Клеопатра. Матрена съ Агафьей тоже молчали и смотрѣли на Клеопатру, съ любопытствомъ ожидая того-же. Но всѣ онѣ обманулись въ разсчетѣ. Клеопатра не молвила по прежнему ни единаго слова, будто рѣчь шла о совсѣмъ незнакомомъ ей человѣкѣ.

— Ну, и что же потомъ?—нетерпѣливо спросила Агафья.

— Хотѣлъ ужъ Лука его растолкать, да тутъ Емельянъ изъ воротъ ему крикнулъ: иди, молъ, скорѣича, чего тамъ копаешься? Такъ Лука и бросилъ Елкина тутъ да за Емельяномъ вдогонку, а тотъ уже эвона гдѣ. Разсказалъ догнавши ему, что вотъ, молъ,

притча какая, и рѣшили, что слѣдуетъ сейчасъ же его разбудить. А пока сдѣлали тамъ, что, значитъ, требовалось (не знаю ужъ, что!), вернулись, идутъ, а Елкинъ имъ ужъ на встрѣчу плетется... Самъ, значитъ, проснулся... Вотъ какія дѣла-то! Стыдъ-то какой!

— Ай-ай-ай! Господи! Да приведись эдакъ со мной, я-бы, кажется, прямо сгорѣла!—вскричала Агафья.

— Какъ въ люди-то послѣ того показаться! Съ какими глазами-то! — вздохнула Матрена. — Ну, однако, надо бѣжать мнѣ! Заболталась тутъ съ вами.

— А мнѣ еще терпитъ,—заявила Агафья.—Самъ на службѣ, а въ барышень теперича хоть изъ пушекъ пали. Лежатъ, какъ колоды!

— Еще не вставали?

— Безъ заднихъ ногъ дрыхнутъ. Не скоро подняться имъ. Надо быть, наплясались нынѣшней ночью-то! Чуть живы ужъ домой-то вернулись.

— Ну, будьте здоровы!—сказала, съ своей стороны, прачка Варвара.

Группа разсыпалась.

Клеопатра отошла отъ нихъ еще раньше и медленнымъ, задумчивымъ шагомъ приближалась къ квартирѣ.

А Павелъ Иванычъ, испившій до дна, въ эту ночь, полную чашу позора, былъ теперь недоступенъ ни для чьихъ постороннихъ сужденій, не нуждался ни въ чьихъ сожалѣніяхъ и не испытывалъ никакихъ угрызеній.

Онъ пировалъ на свадьбѣ Скворешникова. То-есть, то было не свадьба, ибо Скворешниковъ совсѣмъ и не собирался жениться, но просто какой-то веселый, фантастическій балъ, на каковомъ никогда еще не приводилось бывать Павлу Иванычу. Происходилъ этотъ балъ въ нѣкоемъ огромнѣйшемъ залѣ, съ терявшимся въ недосягаемой вышинѣ потолкомъ, на огромныхъ колоннахъ, или, пожалуй, деревьяхъ, среди коихъ скрывались трубы оркестра.—„Трамъ-тамъ-тамъ! Трамъ-тамъ-тамъ!“—играютъ живо и весело трубы, и подъ эту музыку скачутъ и прыгаютъ гости, исполняя чудеснѣйшій танецъ, называемый „шенъ-шиноазъ“. Павелъ Иванычъ тоже танцуетъ, и притомъ превосходно, въ числѣ несмѣтнаго количества паръ. Онъ танцуетъ съ хорошенькой барышней, одѣтою въ желтое платье, которая ему до чрезвычайности нравится, и онъ знаетъ, что онъ тоже ей нравится.—„Вы прекрасно танцуете“,—говоритъ ему желтая барышня.—„Помилуйте, сударыня, я еще лучше умѣю“, — отвѣчаетъ ей Павелъ Иванычъ.—„Полно, оставь ее, брось!“—строго шепчетъ ему подвернувшаяся сбоку откуда-то маменька. Она декольте, и съ багровымъ цвѣткомъ въ волосахъ.—„Охота танцовать тебѣ съ флей-

той!“—„Какъ съ флейтой?“—„Да такъ, на которой нельзя ужъ играть“. И Павлу Иванычу вдругъ становится ясно, что онъ дѣйствительно крѣпко прижималъ къ себѣ флейту, лежа въ крайне неудобной и тряской телѣгѣ, которая куда-то везетъ его, и въ этой телѣгѣ ему непріятно и даже больно лежать... „Оставьте, отпустите меня! Ой, батюшки, ой!“

— Ой, батюшки, о-о-ой!—простоналъ Павелъ Иванычъ, и этотъ страдальческій стонъ ясно раздался среди тишины и достигъ до ушей Клеопатры.

Она вышла изъ кухни, гдѣ принялась было стряпать, тихо, на ципочкахъ, приблизилась къ спальнѣ и заглянула туда чрезъ настежъ открытую дверь.

Павелъ Иванычъ лежалъ на спинѣ, разметавшись, весь красный и потный, подложивъ кулакъ себѣ подъ голову и кривилъ губы въ гримасу, какъ бы испытывая сильную боль.

Клеопатра шагнула впередъ, съ намѣреніемъ его разбудить, но Павелъ Иванычъ перевернулся неожиданно на бокъ, лицомъ къ Клеопатрѣ, и лицо это приняло теперь сосредоточенный видъ, словно Павелъ Иванычъ къ чему-то прислушивался. Не открывая глазъ, онъ усмѣхнулся самымъ веселымъ манеромъ и пробормоталъ, очевидно отвѣчая на чей-то вопросъ:

— Хе-хе! Съ творогомъ и свѣжими яйцами... Ну, и подите къ чертямъ!—прибавилъ онъ гнѣвно.

Клеопатра удалилась обратно и снова принялась за стряпню.

На плитѣ, въ мѣдной кастрюлѣ, закипала вода, въ коей варилась говядина. Клеопатра чистила картофель и зелень. На этотъ разъ почему-то движенія ея не отличались обычнымъ проворствомъ. Все она дѣлала какъ-то вяло и медленно, будто подъ вліяніемъ сильной разсѣянности... Наконецъ, она бросила ножъ, отошла и сѣла на табуретъ въ уголку, погруженная въ какую-то глубокую думу.

Дума эта была совсѣмъ не обычнаго рода, и породили ее полученныя только что подъ воротами свѣдѣнія о безобразныхъ поступкахъ Павла Иваныча сегодняшней ночью. Она припоминала каждое слово изъ разсказа Матрены; воображая предъ собою все это въ ясныхъ картинахъ, безъ малѣйшихъ сомнѣній въ подлинной истинѣ разсказанныхъ фактовъ. Развѣ не правда, что Павелъ Иванычъ валялся на улицѣ? Она вѣдь видала сама, своими глазами, что онъ пришелъ весь въ снѣгу... Все было правда, онъ былъ достоинъ произнесеннаго надъ нимъ осужденія и отнынѣ навѣки оплеванъ всѣмъ бурымъ домомъ.

Кончилась дружба съ Скворешниковымъ... Теперь онъ воистину, остался одинъ.

„Я одинъ... Сирота...“—вспоминались Клеопатрѣ слова Павла

Иваныча, которыя онъ бормоталъ ей надняхъ, когда прокрался сюда, со свѣчей, среди ночи, якобы съ цѣлью напиться воды, послѣ чего повторилось опять то же самое, что произошло въ первый разъ между ними обоими, лѣтомъ, при такихъ же условіяхъ, въ такую же глухую полночную пору... И тогда уже въ мысляхъ Клеопатры зародилось нѣчто въ родѣ какихъ-то смутныхъ надеждъ, вѣрнѣе мечтаній, но онѣ вскорѣ же исчезли, едва зародившись, такъ какъ дальнѣйшее поведеніе Павла Иваныча должно было показывать ясно всю несбыточность подобныхъ мечтаній... А между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что Клеопатра напрасно тогда сложила оружіе... Нѣтъ, ужъ теперь она такой дурой не будетъ! Она не отступитъ!.. Вѣдь даже сама судьба устроила такъ, что предвидится полный успѣхъ...

Между тѣмъ супъ въ кастрюлѣ, уже успѣвшій вскипѣть, забурлилъ и съ шипѣньемъ полился на плиту. Клеопатра поднялась съ табуретки и отодвинула кастрюлю на край. Продѣлала это она совсѣмъ безсознательно, поглощенная своею прежнею думой.

Подъ вліяніемъ все этой же думы, она вышла изъ кухни, медленно миновала столовую и, очутившись въ гостиной, остановилась тамъ передъ зеркаломъ, отразившимъ ея фигуру до пояса. Она стояла и смотрѣла на свое отраженіе. Она видѣла въ зеркалѣ красивую, смуглую женщину, съ стройными плечами и высокою грудью... Баба совсѣмъ хоть куда! Если бы надѣть на нее шляпку съ перомъ или даже съ цвѣтками, а вмѣсто сарафана— господское платье съ корсетомъ, то выйдетъ уже совсѣмъ настоящая барыня!..

„Клеопатра Максимовна Елкина... Чиновница Елкина... Ха! Почему бъ и не такъ?.. Совсѣмъ даже просто!"

И алыя губы на смугломъ лицѣ любовавшейся на свое отраженіе женщины раздвинулись, обнаживъ ослѣпительно бѣлые зубы, и не сомкнулись тотчасъ же, съ ихъ обычной манерой, дѣлавшей улыбку на этомъ смугломъ лицѣ подобною короткому отблеску молніи, но застыли въ одномъ выраженіи, представлявшемъ образчикъ горделивой и самодовольной усмѣшки...

А въ это самое время Павелъ Иванычъ жестоко страдалъ. Онъ попалъ въ какой-то неизвѣстный пустырь, состоявшій сплошь изъ безконечныхъ заборовъ. Нигдѣ ни единой души человѣческой, словно совсѣмъ здѣсь не существуетъ людей. Неизвѣстно, какъ очутился онъ въ этихъ мѣстахъ. Онъ стоитъ, прислонившись къ забору, не въ состояніи сдвинуться съ мѣста, и испытываетъ чувство безъисходной тоски, ибо онъ остался одинъ, совершенно одинъ, всѣми покинутый, потерявшійся въ этомъ незнакомомъ ему пустырѣ, и не знаетъ, какъ выбраться. Изрѣдка появляются какіе-то люди — появляются вдругъ, неизвѣстно откуда. Всѣ они

быстро проходятъ мимо Павла Иваныча, спѣша по какому-то, имъ однимъ извѣстному, тайному и важному дѣлу. Они, молча, съ ядовитой насмѣшкой взглядываютъ на Павла Иваныча и исчезаютъ въ ту же минуту, словно сквозь землю проваливаются... Пройдутъ и исчезнутъ, пройдутъ и исчезнутъ... Павелъ Иванычъ въ полномъ отчаяніи и готовъ хоть сейчасъ умереть.

„Что съ вами? Какъ вы попали сюда?“—раздается надъ нимъ нѣжный, ласкающій голосъ, проникнутый глубокимъ участіемъ.

Кто это? А! это Лиза, въ томъ самомъ бѣломъ, съ голубыми бантами, платьѣ, въ которомъ была она во время причастія, послѣ чего онъ провожалъ ее издали до дому и долго стоялъ у воротъ, пока его не прогналъ грубо прочь дворникъ Герасимъ, сказавъ, что ему здѣсь нечего ждать, ибо Лиза сдѣлалась женою Кувыркина.

„Развѣ Кувыркинъ не женился на васъ?“—бормочетъ вслухъ Павелъ Иванычъ.

„Нѣтъ, все это напуталъ Герасимъ“,—отвѣчаетъ во снѣ ему Лиза.—Онъ за это давно ужъ казненъ.

Она улыбается Павлу Иванычу своею милой и доброй улыбкой и шепчетъ:

„Обопритесь на меня... Крѣпче, сильнѣе, вотъ такъ... Я васъ поведу“.

Онъ склоняетъ голову къ ней на плечо и ощущаетъ въ себѣ такую силу и бодрость, какія никогда еще не испытывалъ. Никогда онъ не былъ такъ счастливъ! Никогда онъ не былъ такъ гордъ!

А Лиза приближаетъ уста къ его уху и шепчетъ:

„*Я тебя все время ждала...*“

Выраженіе блаженства и торжества разливается по лицу спящаго Павла Иваныча. Такъ лежитъ онъ, спокойно и мирно, обративъ сомкнутыя глаза къ потолку. Дыханіе его ровно и мѣрно, и раздается чуть слышно въ обступившей его вокругъ тишинѣ. Только въ столовой стучитъ неустанно, назойливо маятникъ, твердя все одно:

„*Си-ро-та... Си-ро-та... Си-ро-та...*“

Мих. Альбовъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

II.

Наслѣдство Петра Великаго въ рукахъ его фаворитовъ, аристократической оппозиціи и дѣльцовъ-иностранцевъ. — Новая культура становится соціальнымъ признакомъ высшаго общественнаго слоя.—Ея успѣхи при дворѣ: ихъ значеніе и послѣдствія. — Служебное положеніе и чинъ, какъ средство опредѣлить соціальное положеніе лица. — Чиновная аристократія. — Табель о рангахъ, какъ носитель новой культуры.—Медленность распространенія этой культуры изъ столицы въ провинцію—въ рядовомъ дворянствѣ.—Иллюстрація Болотова. — «Завѣщаніе» Посошкова, какъ матеріалъ для характеристики отживающаго міровоззрѣнія «подлыхъ людей».—Критика лютеранства, какъ главнаго источника новаго «свѣтскаго житія».—Проектъ искорененія раскола.—Препятствія для осуществленія евангельской морали въ собственномъ складѣ воззрѣній Посошкова и въ окружающей средѣ. — Житейскій компромиссъ, какъ основаніе его морали.—Житейскій кодексъ шляхетства по руководствамъ для свѣтскаго обращенія.—Курсъ шляхетскихъ наукъ.—Слабость критическихъ элементовъ въ новой культурной средѣ и ея послѣдствія для будущаго.—Теорія «естественнаго закона», какъ первое міровоззрѣніе, послужившее теоретическимъ оправданіемъ «свѣтскаго житія». — «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ» Татищева, какъ первый опытъ такого оправданія и первая проба русской интеллигентной мысли.—Счастье—цѣль жизни; удовлетвореніе потребностей — средство къ ея достиженію.—Отношеніе церковнаго закона къ естественному.—Роль науки, какъ средства познанія естественнаго закона.—Возраженія противъ нея. — Естественная теорія общественныхъ союзовъ.—Требованіе сознательнаго отношенія къ вѣрѣ и жизни въ «Духовной».—Неблагопріятныя условія для распространенія такого отношенія въ шляхетской средѣ. — Политическая идеологія «естественнаго права» въ примѣненіи къ борьбѣ русскихъ общественныхъ группъ при воцареніи императрицы Анны.

Въ 1728 г. саксонскій посланникъ Лефортъ сравнивалъ оставленное Петромъ наслѣдство съ кораблемъ, который носится по волѣ вѣтровъ, угрожаемый бурей, тогда какъ капитанъ, и экипажъ корабля спятъ или пьянствуютъ. «Непостижимо, какъ такой обширный механизмъ можетъ дѣйствовать безъ всякой помощи и усилій со стороны. Всякій стремится только свалить съ себя тяжесть, никто не хочетъ принять на себя ни малѣйшей отвѣтственности, всѣ жмутся къ сторонкѣ»... «Огромная машина пущена на удачу; никто не думаетъ о будущемъ;

*) См. «Міръ Божій», № 5, 1901 г.

экипажъ ждетъ, кажется, перваго урагана, чтобы подѣлить между собой добычу послѣ кораблекрушенія».

Въ этой яркой картинѣ иностранный дипломатъ забылъ одну существенную черту: это то могучее подводное теченіе, которое направило корабль Петра въ опредѣленный фарватеръ и которое теперь по тому же фарватеру продолжало нести покинутое капитаномъ судно, несмотря на всю панику, охватившую экипажъ, несмотря даже на явное желаніе части экипажа—повернуть корабль противъ теченія. Мы, которые знаемъ, что руль и компасъ совсѣмъ не оказали Петру такихъ огромныхъ услугъ, какъ думали его поклонники,—легко можемъ понять, какъ преувеличены были опасенія ихъ за судьбу корабля, осужденнаго двигаться нѣкоторое время безъ руля и компаса.

Конечно, этихъ опасеній не могла не вызывать разнузданная борьба аппетитовъ и честолюбій, которая происходила на глазахъ дипломатовъ и поражала ихъ пестротой, неожиданностью и непрочностью результатовъ. Но, въ сущности, и самая эта борьба совсѣмъ не была такъ безтолкова, какъ могло показаться со стороны: въ ней былъ свой внутренній смыслъ. Несомнѣнно, смерть Петра застала Россію врасплохъ: и это дорисовываетъ намъ его реформу. Такова, какова она была, она и не могла быть завѣщана никому другому. Петръ слишкомъ отожествлялъ самого себя съ своимъ дѣломъ, чтобы подумать о замѣстителѣ, и слишкомъ погруженъ былъ всегда въ интересы текущей минуты, чтобы останавливаться еще на мысли о будущемъ. Вотъ почему, умирая, онъ оставилъ на первыхъ мѣстахъ только покорныхъ исполнителей, неспособныхъ, а чаще всего и не желавшихъ принять на себя никакой инціативы въ государственныхъ дѣлахъ. Въ интересахъ самосохраненія, эти лично близкіе къ Петру люди должны были ухватиться за власть, которая была въ ихъ рукахъ въ моментъ смерти ихъ покровителя. Но у нихъ не было ни умственныхъ, ни образовательныхъ, ни моральныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы удержать захваченную власть за собою надолго. Вотъ почему,—независимо отъ всякихъ случайностей придворной борьбы,—рядомъ съ ними, а потомъ и надъ ними должны были выдвинуться другія наличныя силы, уже знакомыя намъ изъ петровскаго времени: съ одной стороны иностранцы-дѣльцы, заслоненные петровскими ничтожностями, съ другой—отодвинутая Петромъ на второй планъ аристократическая оппозиція. Послѣдняя, къ тому же, представляла и извѣстную соціальную силу, а ея отношеніе къ реформѣ, какъ мы знаемъ, совпадало въ значительной степени съ настроеніемъ средняго дворянства. Естественно, что аристократическая оппозиція—и сознательно, и самою силой вещей — должна была первая замѣнить во власти петровскихъ фаворитовъ. Таковъ, дѣйствительно, и былъ смыслъ и исходъ первой партійной борьбы по смерти преобразователя. Послѣ короткаго торжества людей, державшихъ власть въ моментъ смерти Петра, оппозиціи удалось заставить

ихъ подѣлиться властью съ собою: фавориты и оппозиціонеры заняли мѣста рядомъ другъ съ другомъ во вновь учрежденномъ Верховномъ совѣтѣ. Затѣмъ, оппозиція провела своего кандидата на престолъ, сына своего злосчастнаго вождя, царевича Алексѣя, и обезпечила себѣ закономъ верховныя права и полную равноправность членовъ въ верховномъ правительствѣ *). Наконецъ, та же оппозиція беспрепятственно провела совершенно уже искусственную кандидатуру (Анны Ивановны), съ единственною цѣлью закрѣпить навсегда свое участіе въ верховной власти путемъ органическаго закона. Только сопротивленіе новаго вліятельнаго общественнаго слоя помѣшало осуществленію этой попытки, къ которой мы еще вернемся, и вмѣстѣ съ тѣмъ положило конецъ политическому преобладанію аристократической оппозиціи.

Какъ же воспользовалась оппозиція этими нѣсколькими годами своей сравнительной силы? У нея была, какъ мы знаемъ, своя программа, правда, больше отрицательная, чѣмъ положительная. Обстоятельства и личности государей (Екатерины I и Петра II) не особенно благопріятствовали энергическому проведенію этой программы, но они и не препятствовали ея предъявленію, тѣмъ больше, что значительная часть ея какъ разъ и заключалась въ *прекращеніи* энергической дѣятельности правительства по извѣстнымъ отдѣламъ управленія. Дѣйствительно, заботы о войскѣ и особенно о флотѣ были тотчасъ же ослаблены или вовсе прекращены. Интересъ къ иностранной политикѣ сохранился чуть не у одного Остермана, тщетно старавшагося поддержать хоть внѣшній видъ регулярности въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Мысль объ облегченіи податного бремени легче было высказать, чѣмъ осуществить: вотъ почему, въ ожиданіи податной реформы, эта часть оппозиціонной программы была осуществлена лишь въ своеобразной формѣ—накопленія недоимокъ; мѣстныя власти просто воспользовались ослабленіемъ контроля надъ ними и стали продавать отсрочки во взысканіи податей съ плательщиковъ за чистыя деньги, которыя клали, разумѣется, въ собственный карманъ. Зато радикально пресѣченъ былъ новый расходъ, который долженъ былъ лечь на населеніе—на содержаніе цѣлой арміи проектированныхъ Петромъ областныхъ чиновниковъ; эта реформа просто была зачеркнута, и русская провинція вернулась къ до-петровскому воеводскому управленію (ср. Оч. I, 166—7). Та же судьба постигла и предпринятую Петромъ расквартировку арміи. Еще усерднѣе проводилась та часть оппозиціонной программы, которая вытекала прямо изъ интересовъ служилаго сословія. Уже въ 1726 г.

*) Въ завѣщаніи Екатерины I было сказано, что во время малолѣтства Петра II Верховный Совѣтъ будетъ «имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя», и что онъ долженъ «множествомъ голосовъ вершать всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ». Послѣдними словами у Меншикова отнималось право, которымъ онъ пользовался со времени Петра, издавать распоряженія, равносильныя царскимъ указамъ.

разрѣшено было отпустить по домамъ двѣ трети офицеровъ и рядовыхъ изъ шляхетства, «чтобы могли привести свои деревни въ порядокъ», а оставить при полкахъ треть, «иноземцевъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованья прожить не могутъ», и дворянство спѣшило воспользоваться этимъ условнымъ разрѣшеніемъ, не дожидаясь, «когда конъюнктуры допустятъ», какъ сказано было въ указѣ. Наконецъ, и ненависть къ Петербургу нашла свое выраженіе въ предположеніяхъ—вернуть внѣшнюю торговлю опять въ Архангельскъ, а дворъ—переселить въ Москву. Послѣдній планъ и былъ осуществленъ съ воцареніемъ Петра II: въ Москву переселялись съ 1728 года навсегда, и на стѣнахъ старой столицы красовались объявленія, грозившія «бить кнутомъ нещадно» всякаго, кто заговоритъ о возвращеніи въ С.-Петербургъ. Переселяясь въ 1732 г. обратно въ Петербургъ, имп. Анна принуждена была притвориться, что это дѣлается только на время. Даже въ самомъ образѣ жизни двора замѣчалась реакція: отъ «тяжелыхъ забавъ» Петра дворъ возвращался снова къ «легкимъ забавамъ» царя Алексѣя и Θеодора:—къ всевозможнымъ видамъ охоты, къ лошадиному спорту; въ покояхъ Анны появились снова дураки и сказочники - бахари царя Алексѣя. Поговаривали и о возстановленіи патріаршества; можетъ быть, только отсутствіе подходящаго кандидата и политическая ловкость Θеофана Прокоповича помѣшала перейти отъ словъ къ дѣлу. Какъ бы то ни было, Анна дала оппозиціи обязательство—особенно позаботиться о православіи и послѣ побѣды надъ нею, набожная по старинному царица не позабыла объ этомъ своемъ обязательствѣ. Первымъ присутствіемъ своимъ въ сенатѣ она воспользовалась, чтобы объявить свой демонстративный указъ 17-го марта 1730 г., которымъ предписывалось аккуратное посѣщеніе церковныхъ службъ, обновленіе запущенныхъ храмовъ и богадѣленъ, возстановленіе крестныхъ ходовъ, благодарственныхъ молебновъ въ царскіе дни и панихидъ по усопшимъ предкамъ, молебствій и постовъ по случаю разныхъ общественныхъ бѣдствій, словомъ, всего, «какъ прежде при *дѣдѣ и отцѣ* нашемъ было». Упоминая Алексѣя и Ивана и тщательно умалчивая о Петрѣ, Анна какъ бы подчеркивала реакціонную тенденцію указа: а требуя присутствія архіереевъ во всѣхъ процессіяхъ, какъ бы формально отрекалась отъ солидарности съ протестантскими тенденціями любимца Петра и своего политическаго единомышленника, Θеофана.

Однако же эти и нѣкоторыя другія (см. ниже) уступки оппозиціонной программѣ никого не могли ввести въ заблужденіе: въ тотъ моментъ, когда онѣ дѣлались, роль аристократической оппозиціи была уже сыграна. Мѣсто фаворитовъ и оппозиціонеровъ Петра заняли его дѣльцы: правительство Анны было дѣловымъ правительствомъ иностранцевъ; его программа была дѣловой программой, имѣвшей цѣлью не столько новое политическое творчество, сколько реставрацію всего

упущеннаго и запущеннаго при двухъ предыдущихъ правительствахъ: и въ войскѣ, и во флотѣ, и въ податяхъ, и въ иностранныхъ сношеніяхъ.

Болѣе энергичная дѣятельность во всѣхъ этихъ сферахъ государственной жизни, также какъ и ликвидація областной реформы Петра, вызывалась соображеніями государственной необходимости; соображенія эти были тѣ же, которыя вызвали и самую реформу Петра. Потолкавшись о берега и посидѣвъ немного на мели, громоздкій государственный «корабль» двинулся потихоньку дальше, внизъ по теченію.

Въ сферѣ собственно культурной *внѣшности* реформы, которая насъ теперь преимущественно интересуетъ, даже и эти боковые толчки и остановки прошли совершенно незамѣтно. Аристократическая оппозиція ничего противъ этой внѣшности не имѣла; а установившаяся уже при Петрѣ придворная рутина, послужила первымъ надежнымъ проводникомъ для этого рода культурныхъ заимствованій, измѣнившихъ мало-по-малу всю житейскую обстановку верхняго общественнаго слоя.

Дѣйствительно, уже въ послѣдніе годы Петра петербургскій дворъ, по отзыву иностранныхъ наблюдателей, не уступалъ по внѣшности любому германскому. Прошли тѣ недавнія времена, когда полъ въ пріемныхъ покояхъ приходилось устилать на полъ-аршина сѣномъ, чтобы спасти его отъ вольныхъ и невольныхъ человѣческихъ остатковъ пира. Смолкли десятки дураковъ и шутовъ, оглушавшихъ гостей своимъ крикомъ, свистомъ, визгомъ и пѣніемъ, плевавшихъ и сморкавшихся другъ другу въ лицо. Кабакъ, въ которомъ еще Юль засталъ (1710 г.) примитивныя попойки Петра, превратился въ церемонный придворный званый столъ, съ болѣе или менѣе строгимъ этикетомъ, и въ оффиціозный jour-fixe, поочередно назначавшійся у болѣе видныхъ членовъ петербургскаго общества,—въ петровскую «ассамблею» двадцатыхъ годовъ. Случалось, правда, и въ это время Петру, по старой привычкѣ, проплясать по столамъ подъ пьяную руку, или старику Бутурлину, «князю-папѣ», съ высоты своего Бахусоваго трона открыть не тотъ кранъ, который слѣдовало: но эти милыя неожиданности уже являлись исключеніемъ, не подходившимъ къ установившемуся общему тону *). Молодежь спѣшила отъ стола къ танцамъ и состязалась во всевозможныхъ галантностяхъ. Съ этого времени, по выраженію кн. Щербатова, «страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать» (Ср. «Оч.», II, 176—178). Голштинскій камеръ-юнкеръ Бергхольцъ, побывавшій и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, находилъ, что петербургскія придворныя дамы двадцатыхъ годовъ не уступаютъ ни

*) Исключеніе составляла и пьяная толпа «славильщиковъ», «неусыпаемая обитель» Петра, набранная изъ людей всякаго происхожденія, ѣздившая съ Петромъ попрежнему каждыя святки славить Христа по Петербургу и совершавшая всевозможныя безчинства.

нѣмкамъ, ни француженкамъ—ни въ свѣтскихъ манерахъ, ни въ умѣньѣ одѣваться, краситься и причесываться. Вѣроятно, имъ уже не приходилось въ это время по три ночи спать сидя, чтобы не испортить прически, какъ это случалось въ старой столицѣ, гдѣ на весь петровскій бомондъ была одна только «убирательница волосъ». Старинная кичка царицы Прасковьи при петербургскомъ дворѣ бросалась въ глаза, какъ исключеніе; а чтобы встрѣтить молодую и знатную даму безъ модной прически, нужно было ѣхать въ Москву. Въ Петербургѣ русскій костюмъ употреблялся только для маскарадовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше новые придворные костюмы прогрессировали въ роскоши и дороговизнѣ, и тѣмъ чаще приходилось мѣнять фасоны. Простая обшивка галунами скоро стала казаться черезчуръ бѣдной; явилось золотое и серебряное шитье, все болѣе заполнявшее костюмъ; сукно было замѣнено шелкомъ, бархатомъ и даже парчей; для манжетъ стали употребляться дорогія кружева, для отдѣлки платья—жемчугъ, для пуговицъ—брилліанты. Являться часто ко двору въ одномъ костюмѣ стало считаться неловкимъ. Немудрено, при этихъ условіяхъ, что уже въ срединѣ XVIII вѣка «часто гардеробъ составлялъ почти равный капиталъ съ прочимъ достаткомъ» придворныхъ людей (Щербатовъ).

Но требованія новой «людскости» шли гораздо далѣе простой перемѣны манеръ и костюма. Люди, желавшіе играть роль, не могли ограничиться тѣмъ, что являлись сами при дворѣ; они должны были быть готовы принять дворъ у себя. Петръ, у котораго лично не было никакого двора и который не любилъ расходовъ на представительство, переложилъ эти расходы на окружающихъ: принимать и угощать его и его компанію—для извѣстнаго круга лицъ было обязательно. Въ Петербургѣ двадцатыхъ годовъ—это обязательство было регулировано и регламентировано (правилами объ «ассамблеяхъ»). Такимъ образомъ, старинный русскій домъ, открытый прежде безъ зову только для близкихъ родственниковъ и никогда не видавшій даже званыхъ гостей въ часы семейнаго обѣда и ужина *), теперь долженъ былъ открыть свои двери для всѣхъ лицъ извѣстнаго общественнаго круга. Знаменитое хлѣбосольство русскихъ баръ—при всей его національной своеобразности — есть, такимъ образомъ, продуктъ нововведенной «людскости» эпохи реформы, наравнѣ съ домашними оркестрами, тѣшившими гостей за столомъ, картами, составлявшими послѣобѣденное развлеченіе гостей постарше, и танцами, занимавшими гостей помоложе и сдѣлавшимися главной страстью петербургскихъ дамъ и барышенъ.

Для того. чтобы «держать открытый столъ», нужно было имѣть

*) Традиціонное угощеніе почетнаго гостя чаркой вина съ поцѣлуемъ хозяйки дома только подчеркиваетъ замкнутость старой семьи. Такъ теперь у христіанъ Балканскаго полуострова женщина молча подноситъ гостю на подносѣ ракію, кофе или варенье во время церемоннаго визита и молча удаляется, поцѣловавъ ему руку, если онъ старикъ.

соотвѣтственный погребъ, кухню и обстановку. «Простой» домашней водкой уже Петра нельзя было удовлетворить; онъ требовалъ «приказной» (голландской анисовой) или «гданской». Приходилось выписывать изъ-за границы и вина, «эрмитажное», «венгерское»; вскорѣ появилось и «бургонское» и, наконецъ, «шампанское». Иностранное вино подавалось, конечно, на первыхъ порахъ только для гостей: хозяинъ приказывалъ принести запечатанную четвертную бутыль, наливалъ гостямъ по рюмкѣ и, тщательно запечатавъ, отсылалъ опять бутыль на погребъ. Однако, эта старомодная бережливость уцѣлѣла не надолго. Уже на петровскихъ праздникахъ иностранное вино лилось рѣкой. Въ серединѣ вѣка шикъ состоялъ въ томъ, что подъ приборы на званомъ обѣдѣ клались цѣлые списки винъ, и каждый спрашивалъ изъ хозяйскаго погреба, какое хотѣлъ. Одновременно съ этимъ прогрессировала и кухня. Хозяева старались перещеголять другъ друга «чужестранными приправами» и дессертомъ. Кабинетъ-министръ Елизаветы, Черкасовъ, первый полакомилъ Петербургъ свѣжимъ виноградомъ; но гр. П. И. Шуваловъ поразилъ придворную публику ананасами и бананами. Поварамъ платили въ срединѣ вѣка по 500 р. въ годъ, кромѣ содержанія ($3^1/_2$ тысячи на наши деньги). Измѣнилось и убранство комнатъ. Оставлять стѣны безъ обоевъ, довольствоваться самодѣльной мебелью изъ простого дерева и освѣщать комнаты сальными свѣчами считалось уже неприличнымъ. Для обоевъ стали употребляться штофныя и шелковыя матеріи; на стѣнахъ явились зеркала, двери и потолокъ украшались позолотою. Мебель обязательно должна была быть англійская, краснаго дерева. Свѣчи употреблялись восковыя, и притомъ не желтаго, а бѣлаго воска. Соотвѣтствующія измѣненія видимъ и въ прислугѣ, и въ выѣздныхъ экипажахъ.

Разъ заведенная, вся эта новая обстановка поддерживалась и прогрессировала вовсе не вслѣдствіе одной только потребности въ комфортѣ. Обстановка отражала соціальное положеніе лица, если оно уже было составлено, закрѣпляла это положеніе, если его еще не было или если требовалось его создать. «Человѣкъ дѣлался почтенъ по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ», какъ выразился Щербатовъ. Другими словами, соперничество въ роскоши было своего рода мѣстничествомъ, въ которомъ, однако, побѣждали далеко не самые родовитые. При цѣломъ рядѣ женскихъ правленій, какъ слѣдствіе фаворитизма и родственныхъ связей, появилось множество новыхъ шальныхъ состояній, цѣликомъ употреблявшихся на поддержаніе той придворной жизни, изъ которой они возникли. Сынъ знаменитаго фельдмаршала Б. П. Шереметева, одного изъ членовъ молчаливой петровской оппозиціи и перваго богача въ Россіи, могъ еще держаться на высотѣ положенія и даже заслужить «особливое уваженіе» Елизаветы своею роскошью, которую онъ поддерживалъ поневолѣ, и своей готовностью—во всякое время угостить императрицу съ какой угодно свитой. Но и ему при-

ходилось пасовать передъ новымъ аристократомъ, какимъ-нибудь «графомъ» И. Г. Чернышевымъ, насаждавшимъ con amore новыя заграничныя моды на счетъ жены, родственницы императрицы и тоже «графини» Ефимовской, и на счетъ казны, продавшей ему за 90 тысячъ мѣдные заводы, имъ же перепроданные казнѣ обратно, въ разоренномъ видѣ за 700 тысячъ. Другой графъ императрицы Елизаветы, П. И. Шуваловъ—не имѣлъ даже открытаго стола и поддерживалъ свое положеніе инымъ способомъ, «находя нужныя суммы для удовлетворенія роскоши императрицы» въ качествѣ перваго финансиста того времени; но и онъ, имѣя 400 тысячъ руб. ежегоднаго дохода, ухитрился накопить на себѣ больше милліона казеннаго долга. Очевидно, что старая знать никакой «домашней экономіей» не могла добыть средствъ на подобныя безумныя траты. Принужденная тянуться за случайными людьми, она только «изнуряла свое состояніе» и зачастую кончала полнымъ разореніемъ. Такимъ образомъ, естественнымъ послѣдствіемъ колоссальныхъ затратъ на эту новую обстановку, «превосходившую», по компетентному свидѣтельству герцога де-Лиріа (1729), «своей роскошью и великолѣпіемъ даже самые богатѣйшіе дворы» Европы, — была полная перетасовка въ составѣ высшей придворной аристократіи, а также и необходимость постоянно подновлять ее случайными людьми и подкрѣплять случайными состояніями.

Новаго тутъ, въ сущности, не было ничего. Это было только болѣе широкимъ, чѣмъ прежде, примѣненіемъ стараго, извѣстнаго намъ принципа, по которому всякій человѣкъ на Москвѣ «великъ и малъ живетъ (т.-е. бываетъ) государевымъ жалованьемъ». Послѣ самаго дворянскаго изъ русскихъ царствованій, имп. Павелъ еще могъ выразить эту же самую мысль въ утрированной формѣ: «у меня тотъ великъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю». Петру Великому только удалось найти средство точно измѣрять «государево жалованье», сообразуя съ этимъ и мѣру личнаго достоинства каждаго, и мѣру его участія въ благахъ новой культуры. Этимъ изобрѣтеніемъ была петровская «табель о рангахъ».

Иностранцевъ, привыкшихъ къ твердой соціальной группировкѣ, къ рѣзко проведеннымъ соціальнымъ гранямъ, всегда смущало и удивляло отсутствіе общественныхъ перегородокъ (кромѣ установленныхъ самою властью) въ русскомъ обществѣ. «Русскіе сановники», замѣчаетъ Юль (1709), «весьма невыдержанны въ соблюденіи своей чести и достоинства. То ихъ офицеры, до бригадировъ включительно, ухаживаютъ за ними, какъ лакеи, прислуживаютъ и наливаютъ имъ вино, то они обращаются съ ними за панибрата, какъ съ товарищами... Отъ обѣда до поздней ночи сановники могутъ съ самыми младшими своими подчиненными курить, пить и играть въ карты на деньги, что у насъ считалось бы неприличнымъ и для простого капрала». Это безразличіе въ общественныхъ сношеніяхъ между людьми разнаго соціаль-

наго положенія было и осталось источникомъ простоты и человѣчности отношеній. Но оно имѣло, однако же, и свою обратную сторону, особенно чувствовавшуюся въ тогдашней Россіи. За отсутствіемъ выработаннаго кодекса соціальныхъ отношеній, каждому члену этого безформеннаго общества приходилось самому создавать свое личное положеніе, измѣряя при этомъ степень высоты или низменности своего мѣста на общественной лѣстницѣ—тою степенью надменности или низкопоклонства, которую онъ могъ или долженъ былъ обнаружить въ своихъ сношеніяхъ съ другими. При этомъ, самая необходимость быстрыхъ переходовъ отъ надменности къ низкопоклонству лишала всякой возможности выработать въ себѣ ту «выдержанность», «ровность» обращенія, которая для всякаго иностранца была чѣмъ-то само собой разумѣющимся, необходимымъ ингредіентомъ культурности. Чувство личнаго достоинства, которое могло бы служить общественной гарантіей противъ насилія, едва-ли можно считать выработаннымъ и въ наше время. Замѣнявшее его чувство сословной чести, какъ скоро увидимъ, выработалось у насъ только во второй половинѣ XVIII в. и только въ привилегированномъ сословіи. За отсутствіемъ того и другого, служебное положеніе лица оставалось единственнымъ основаніемъ для опредѣленія степени его «чести». На этомъ основаніи классифицировалась «честь» и таксировалось «безчестье» старыхъ «чиновъ» московскаго государства; къ нему же сводилось и «утягиванье» другъ друга мѣстническими «случаями». Но классификація по московскимъ классовымъ группамъ была черезчуръ обща и ничего не могла дать для опредѣленія взаимныхъ отношеній людей одного и того же «чина», а это-то и было особенно нужно. Оцѣнка же мѣстническихъ «случаевъ» всегда могла оказаться болѣе или менѣе случайной и субъективной. Въ виду этого, являлась необходимость найти какое-нибудь объективное основаніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній, особенно между членами высшаго общественнаго слоя. Но что могло быть объективнѣе и нагляднѣе самой занимаемой должности? Естественно было придти къ мысли о замѣнѣ іерархіи лицъ іерархіей должностей. Любопытно, что первая попытка установить такую іерархію должностей сдѣлана была вмѣстѣ съ отмѣной мѣстничества (1680 г.); очевидно, на это смотрѣли, какъ на лучшій, болѣе совершенный способъ достигнуть той же самой цѣли. Іерархія устанавливалась только для тѣхъ высшихъ должностей, которыя могли быть доступны людямъ высшихъ, думныхъ чиновъ: боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ. Но вѣдь только здѣсь и сосредоточивались мѣстничавшіеся между собой «родословные» люди. Всѣ возможныя должности, которыя эти люди могли занимать, были раздѣлены на 34 «степени», и каждой должности присвоенъ особый титулъ, феодальнаго или византійскаго происхожденія. Двѣнадцать первыхъ мѣстъ въ Боярской Думѣ должны были принадлежать «намѣстникамъ» важнѣйшихъ городовъ: при этомъ, намѣстникъ

владимірскій считался въ 3-й степени, новгородскій—въ 5-й, казанскій—въ 7-й и т. д. Промежуточныя степени распредѣлены были между важнѣйшими придворными чинами, получавшими византійскіе титулы «доместиковъ», «стратопедарховъ» и т. д., а также между начальниками военныхъ округовъ. Попытка осуществить этотъ проектъ не удалась, такъ какъ патріархъ увидалъ въ немъ опасность для монархической власти. Онъ опасался, что намѣстники главныхъ городовъ, «великородные люди», со временемъ «обогатѣютъ и огордѣютъ», отступятъ отъ московскаго самодержавства, разорятъ единовластіе и раздѣлятъ Россію «себѣ въ особенность».

Мы знаемъ отношеніе Петра къ «великороднымъ людямъ». Когда, 42 года спустя, появилась его табель о рангахъ, она, на первый взглядъ, преслѣдовала совершенно другія и даже прямо противоположныя цѣли сравнительно съ проектомъ 1680 г. «Стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги», съ горечью замѣчаетъ кн. Щербатовъ о дѣйствіи табели. Какъ извѣстно, по этой табели всѣ, дослужившіеся до первыхъ восьми «ранговъ», «въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всѣхъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были». И однако, не смотря на этотъ бросающійся въ глаза контрастъ между подвижной, открытой снизу для всѣхъ лѣстницей петровскихъ «ранговъ» и замкнутымъ кругомъ 34 «ступеней», предоставленныхъ однимъ «родословнымъ людямъ», несомнѣнно, что, въ сущности, цѣль тѣхъ и другихъ одна и та же: опредѣлить взаимное положеніе членовъ ближайшаго къ правительству общественнаго слоя. Составъ этого слоя могъ очень рѣзко перемѣниться: Петръ могъ набрать себѣ въ «царедворцы», кого угодно; но кругъ «царедворцевъ» продолжалъ, однако же, существовать, и чѣмъ необычайнѣе былъ его составъ, тѣмъ онъ болѣе нуждался въ новой правительственной санкціи; тѣмъ въ большей степени онъ былъ продуктомъ «государева жалованья», тѣмъ необходимѣе становилось привести результаты отдѣльныхъ мѣръ въ одну цѣльную систему *). Табелью

*) Соціальный составъ петровскаго придворнаго круга мы можемъ прослѣдить напр. по списку участвовавшихъ въ маскарадѣ 1723 г., длившемся цѣлую недѣлю. Изъ 138 участвующихъ можно насчитать всего около десятка старыхъ титулованныхъ аристократовъ и столько же членовъ старыхъ дворянскихъ фамилій, частью пожалованныхъ новымъ титуломъ «графовъ». Обѣ группы вмѣстѣ равняются числу иностранцевъ, достигшихъ высшихъ чиновъ на русской службѣ. Вся остальная масса (97)—авантюристы, дѣльцы и служаки, сдѣлавшіе карьеру при Петрѣ и, можетъ быть, на цѣлую треть вышедшіе не изъ дворянства, а изъ приказныхъ (секретари; съ 1724 года велѣно и ихъ набирать изъ дворянъ). Напротивъ, по табели о рангахъ составъ масокъ оказывается вовсе не такимъ пестрымъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій (доступъ которыхъ ко двору тоже предусмотрѣнъ табелью) всѣ остальныя маски облечены болѣе или менѣе высокимъ «характеромъ», сообразно которому и занимаютъ мѣсто въ маскарадной процессіи и въ отдѣльныхъ группахъ масокъ. Это—президенты, совѣтники, ассесоры и секре-

о рангахъ Петръ санкціонировалъ совершившійся фактъ, а о томъ, насколько демократизируются его «ранги» и само «лучшее старшее дворянство» дальнѣйшимъ автоматическимъ дѣйствіемъ табели, едва ли онъ особенно задумывался.

О чемъ Петръ заботился и что дѣйствительно было нужно въ тотъ моментъ, это созданіе такого общаго знаменателя къ которому можно было бы легко привести каждаго изъ выдвинутыхъ имъ сотрудниковъ. За отсутствіемъ такого общеобязательнаго масштаба, петровскіе карьеристы мѣстничались ничуть не менѣе «великородныхъ людей» XVII в. Еще въ годъ изданія табели о рангахъ оберъ-прокуроръ сената, Скорняковъ-Писаревъ, попрекалъ сенатора М. Шафирова тѣмъ, что тотъ «жидовской породы, холопа боярскаго сынъ», а послѣдній отвѣчалъ ему, что онъ потомокъ «площаднаго писаря и скорняка», а отецъ его пахалъ землю. Теперь «рангъ» все покрылъ. Обиженный братомъ Шафирова, вице-канцлеромъ, совѣтникъ Степановъ въ томъ самомъ году (1722) уже заявлялъ: «я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо побои, но и брани терпѣть». Правда, житейская практика скоро показала, что и петровскій «чинъ» возвышаетъ только надъ младшими, но не мѣшаетъ самоуправству старшихъ. Дворянинъ въ чинахъ могъ, сколько угодно, бить простого дворянина и безчинствовать въ собственномъ дворцѣ имп. Анны, и самъ московскій главнокомандующій и родственникъ царицы, П. Салтыковъ, «не смѣлъ ничего сдѣлать» съ нимъ—«для того, что онъ имѣетъ чинъ генералъ-поручика». Кабинетъ-министръ могъ невозбранно избить простого секретаря, но отвѣчалъ за то, что избилъ его въ домѣ герцога курляндскаго, чѣмъ нанесъ «безчестье» послѣднему.

Какъ бы то ни было, за неимѣніемъ лучшаго, масштабъ соціальнаго положенія «служителей» былъ найденъ и Петръ могъ предписать имъ—при всѣхъ придворныхъ церемоніалахъ и богослуженіяхъ каждому знать свое мѣсто: а кто займетъ мѣсто выше своего ранга или уступитъ его лицу низшаго ранга, подвергается штрафу въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья. Петръ, правда, оговорился въ табели, что эти новыя правила мѣстничества устанавливаются лишь для оффиціальныхъ собраній, «но не въ такихъ оказіяхъ, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся», или въ публичныхъ ассамблеяхъ. Но нововведеніе слишкомъ хорошо отвѣчало на этотъ разъ общественной потребности: «чинъ» надолго сдѣлался основой, на которой строились всѣ общественныя отношенія.

«Чинъ» не былъ, конечно, самостоятельной силой, способной доставить или преградить доступъ ко двору. Табель о рангахъ была достаточно демократична, чтобы допустить пожалованіе генеральскимъ чи-

тари коллегій и другихъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ (около 85): генералъ-лейтенанты, генералъ-маіоры, бригадиры, полковники, поручики и подпоручики гвардіи)—около 45 ч.

номъ повара имп. Елизаветы, но не настолько демократична, чтобы открыть путь ко двору всякому честному служакѣ. При дѣйствіи табели, какъ при всякомъ другомъ порядкѣ, можно было служить и не дослужиться, и можно было выслужиться, не служивши. Но, послѣ личныхъ связей при дворѣ, чинъ былъ, несомнѣнно, вторымъ проводникомъ новой культурной обстановки. Онъ соединялъ дворъ съ ближайшимъ ко двору соціальнымъ слоемъ. То соціальное значеніе, которое новая обстановка имѣла для придворнаго круга, она скоро пріобрѣла и здѣсь. Уже Петръ заботится о томъ, чтобы культурная внѣшность соотвѣтствовала соціальному положенію, создаваемому рангомъ, — «понеже знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ». Аргументъ этотъ былъ такъ хорошо усвоенъ, что отъ поощреній правительство скоро перешло къ цѣлой системѣ ограниченій. При Елизаветѣ было опредѣлено, въ какую цѣну матеріи имѣютъ право носить лица различныхъ ранговъ (1742): первые пять ранговъ — не дороже 4 р. за аршинъ, слѣдующіе три—не дороже 3 р., остальные—не дороже 2 р. Манифестъ 1775 г. регламентировалъ еще детальнѣе характеръ выѣздныхъ экипажей. Только первые два класса могли ѣздить шестеркой съ двумя форрейторами, слѣдующіе три безъ форрейторовъ, дальнѣйшіе три—только четверкой, остальные парой, а простые дворяне—верхомъ или въ одноколкѣ и саняхъ на одной лошади.

Итакъ, въ придворныхъ и близкихъ къ придворнымъ, чиновныхъ кругахъ общества первое употребленіе, сдѣланное изъ европейской культурной внѣшности, было узко-практическое. Успѣхъ новой обстановки гарантированъ былъ здѣсь тѣмъ соціальнымъ значеніемъ, которое она пріобрѣла, какъ показатель извѣстнаго общественнаго положенія. Но за предѣлами этого круга стояло все столичное дворянство, участіе котораго въ придворной жизни Петра сводилось къ угощенію высшаго общества гвардейской сивухой, отъ которой бѣгали фешенебельные посѣтители Лѣтняго сада. Какова была судьба новыхъ культурныхъ элементовъ въ этой рядовой дворянской средѣ?

Въ первые полвѣка реформы русское рядовое дворянство очень медленно входило во вкусъ европейской культуры. Кое-кому изъ этихъ дворянъ поневолѣ пришлось побывать и за границей, по царскому наряду. Они возвращались, слегка обчищенные и обтесанные; но, попавъ въ старую среду, въ прежнюю семейную обстановку, быстро отдѣлывались отъ культурныхъ привычекъ и погружались въ «прежнее свинство». Кто видѣлъ ихъ за границей, черезъ годъ не могъ бы уже узнать ихъ», замѣчаетъ Фокеродтъ. Не оставляла прочныхъ слѣдовъ даже и служба въ русскомъ «регулярствѣ», отъ которой такъ страдали дворяне. Изъ одного указа 1726 г. мы узнаемъ, что едва вернувшись по домамъ, они спѣшили запустить бороду и надѣвали старое русское платье. Указъ предписываетъ всѣмъ такимъ отставнымъ и

отпускнымъ дворянамъ «содержать себя всегда въ чистотѣ, какъ въ полкахъ служили»; платье носить нѣмецкое, со шпагой; «буде же кто нѣмецкаго сукна за скудостью купить не можетъ, чтобы дѣлали, хотя изъ русскаго сермяжнаго сукна съ обшлагами другого цвѣта, окрася какою похочетъ краскою». Таково начало дворянскихъ мундировъ. Бороду также приказывалось брить; «а ежели гдѣ въ деревняхъ», предусмотрительно прибавлялъ указъ, «такихъ людей, кто брить умѣетъ, не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды».

Несмотря на угрозы штрафами и батогами, указъ плохо исполнялся. Впрочемъ, скоро, при Аннѣ, разбредшихся по деревнямъ дворянъ вернули опять въ полки; усадьбы стояли пустыя; въ уѣздахъ остались лишь дряхлые и больные старики, да женщины: ни тѣ, ни другія, конечно, не могли насадить въ уѣздахъ новую дворянскую культуру. Условія коренным образомъ измѣнились лишь во второй половинѣ вѣка.

Въ ожиданіи этого времени, только въ столичномъ дворянствѣ начало появляться сознаніе, что европейская внѣшность можетъ имѣть и для него никакъ не меньшее соціальное значеніе, чѣмъ она имѣла для правящихъ круговъ. На самомъ дѣлѣ значеніе это должно было быть огромно. Новой культурѣ суждено было положить ту рѣзкую грань между «благородствомъ» и «подлостью», которая послужила основой и санкціей дворянскаго сословнаго самосознанія. Но, оригинальнымъ образомъ, къ этому самосознанію привело русское дворянство не его положеніе въ деревнѣ, а его положеніе въ столицѣ. Оно сперва почувствовало себя политически сильнымъ, а потомъ употребило эту силу для закрѣпленія своего экономическаго преобладанія и сословной солидарности. Его культурное положеніе, такимъ образомъ, явилось лишь послѣдствіемъ той роли, которую оно сыграло, какъ «опора власти».

Извѣстно, какъ эта роль была сыграна. Въ первые же 16 лѣтъ по смерти Петра дворянство четыре раза участвовало въ государственныхъ переворотахъ, каждый разъ являясь все въ болѣе и болѣе активной роли. Изъ роли простыхъ статистовъ (при воцареніи Екатерины I) дворянская гвардія переходитъ въ роль возстановителей самодержавія (при воцареніи Анны), затѣмъ, даетъ свою помощь для сверженія регента (Бирона) и сама свергаетъ, наконецъ, правящаго государя-младенца, въ ожиданіи, пока свергнетъ взрослаго. О плодахъ этой дѣятельности рѣчь будетъ ниже.

Поскольку вліяніе столичнаго дворянства могло проникать въ провинцію, — уже и въ первой половинѣ вѣка мы замѣчаемъ кое-какіе признаки усвоенія европейской культурной внѣшности. Извѣстный мемуаристъ Болотовъ оставилъ намъ изображеніе двухъ провинціальныхъ дворянскихъ обществъ 1750-хъ годовъ, которое какъ нельзя лучше можетъ иллюстрировать послѣдовательный ходъ культурныхъ заимствованій въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ псковской деревнѣ своего зятя Не-

клюдова, Опанкинѣ, Болотовъ встрѣчаетъ общество, «которому свѣтское обхожденіе не менѣе знакомо, какъ и петербургскимъ жителямъ». Сестра гордится его свѣтскими талантами, его костюмомъ, его разговорами, когда онъ пріѣзжаетъ къ ней изъ Петербурга, и приходитъ въ ужасъ, когда онъ, одичалый, растерявши всѣ свои «поступки, и поведеніе, и обхожденіе», въ «смѣшномъ, неловкомъ и непристойномъ» платьѣ является къ ней изъ своего каширскаго захолустья, Дворянинова. Ей «стыдно показать сосѣдямъ»—«деревенскаго пентюха». Сосѣди эти проводятъ деревенскій досугъ въ томъ, что поочередно ѣздятъ другъ къ другу всей компаніей въ гости. Одинъ изъ сосѣдей возитъ съ собой и музыку: двѣ-три скрипки, на которыхъ его собственные лакеи изображаютъ польскіе, менуэты и контрадансы. Послѣ обѣда, продолжающагося нѣсколько часовъ, съ обильными возліяніями,—«хотя бы и не въ деревнѣ»,—барыни засаживаются играть въ карты, въ модную игру «памфелъ», барышни и кавалеры весь вечеръ танцуютъ, а отцы семействъ, «держа въ рукахъ то и дѣло подносимыя рюмки, упражняются въ разговорахъ». Но, начавшись по-петербургски,—если не по-европейски,—вечеръ кончается чисто по-русски. Подгулявшіе господа хотятъ плясать сами, и деликатные «менуэты» и «контрадансы» молодежи смѣняются болѣе знакомой зрѣлому поколѣнію русской плясовой, въ которой принимаютъ участіе и дамы, бросивъ свой «памфелъ». Когда истощается и этотъ рессурсъ, компанія переходитъ къ русскимъ пѣснямъ: зовутъ дѣвокъ и лакеевъ, которые и занимаютъ господъ до самаго ужина, шокируя молодежь, у которой теперь свои модныя любовныя пѣсенки, еще не перешедшія въ распоряженіе лакеевъ и горничныхъ.

До такого «свѣтскаго» образа жизни далеко мелкопомѣстнымъ сосѣдямъ каширской деревни Болотова,—доживающимъ свой вѣкъ сверстникамъ его отца и матери. Ходятъ они въ старинномъ платьѣ, «долгополыхъ кафтанахъ» съ «ужасной величины обшлагами», другъ къ другу почти не ѣздятъ, да и не къ кому ѣздить, потому что все мѣстное дворянство—на службѣ; а когда соберутся, то только пьютъ или ведутъ практическій разговоръ про мѣстныя тяжбы, причемъ самымъ ловкимъ сутягой и и знатокомъ приказнаго крючкотворства оказывается мѣстный батюшка. За то двѣнадцатилѣтній Болотовъ, съ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка и ариѳметики. съ начатками французскаго и географіи, кажется всѣмъ въ этой компаніи чудомъ учености. И самое жилье здѣсь остается, какимъ было до реформы. Семья ютится въ двухъ теплыхъ комнатахъ огромнаго дома; холодный залъ, съ почернѣвшими отъ времени деревянными стѣнами, потолками и корявымъ дубовымъ поломъ, съ цѣлымъ иконостасомъ у одной стѣны, съ деревянными лавками по стѣнамъ и простымъ деревяннымъ столомъ вмѣсто всякой мебели — открывается только для молебновъ по большимъ праздникамъ. А между тѣмъ у псковскаго зятя уже есть и мебель, а стѣны покрыты холстомъ, разрисованнымъ масляными красками.

Такъ намѣчаются предѣлы и степень распространенія новой культурной внѣшности въ первой половинѣ XVIII в. Въ предѣлы эти входятъ: дворъ, высшее чиновничество, столичное и отчасти провинціальное дворянство. Внѣ предѣловъ остается духовенство и приказные, горожане и крестьяне. Всѣмъ этимъ общественнымъ слоямъ суждено надолго остаться чуждыми новой культурѣ,—и не потому только, что міровоззрѣніе этихъ «подлыхъ» людей принципіально противорѣчитъ міровоззрѣнію «благородныхъ», а также и потому, что одни «подлы», а другіе «благородны»: другими словами, потому что вскорѣ послѣ своего водворенія на Руси новая культура становится соціальнымъ признакомъ привилегированнаго сословія.

Въ моментъ этого рѣшительнаго культурнаго и соціальнаго разрыва между «благородствомъ» и «подлостью», не лишнее будетъ остановиться и разсмотрѣть внимательнѣе, въ чемъ именно состоитъ разница обоихъ міровоззрѣній. Для характеристики того и другого мы выберемъ два литературныхъ произведенія, относящіяся къ одному и тому же времени: «Завѣщаніе отеческое» Посошкова, оконченное, повидимому, въ 1719 г., и «Юности честное зерцало», появившееся первымъ изданіемъ въ 1717 г.

Какой соціальный кругъ имѣется въ виду Посошковымъ въ его «Завѣщаніи», видно изъ перечня тѣхъ общественныхъ положеній, въ которыя ставитъ поочередно отецъ своего сына, чтобы преподать ему соотвѣтственные совѣты. Сынъ Посошкова (или его читателя) можетъ сдѣлаться купцомъ, крестьяниномъ, работникомъ, нищимъ, можетъ пойти въ причетники, попы, монахи, удостоиться архіерейства и даже патріаршества, попасть въ приказные и сдѣлаться судьей, поступить въ солдаты и выслужиться до офицерскаго чина. Одного онъ не можетъ: сдѣлаться помѣщикомъ и дворяниномъ. Итакъ, авторъ, — самъ дворцовый крестьянинъ, пишетъ свои правила добродѣтельной жизни для «подлаго состоянія». Однако, и этотъ кругъ настолько широкъ, что въ началѣ XVIII в. и въ немъ уже не существуетъ полнаго единства міровоззрѣнія. Возстановить это единство—является самымъ горячимъ желаніемъ автора, которое, однако, уже тогда оказывается неосуществимой мечтой. Въ предѣлахъ соціальнаго кругозора Посошкова оказываются на лицо всѣ возможные виды и оттѣнки религіознаго міровоззрѣнія. Масса погружена въ двоевѣріе, недалеко ушедшее отъ язычества; изъ вѣрующаго меньшинства—многіе ушли въ расколъ; среди приказныхъ и горожанъ начинаетъ распространяться протестантизмъ и сектантство («лжехристовщина» и «лжемоисѣевщина» ср. «Оч.», II, 106, 99—102). Наконецъ, на крайнемъ предѣлѣ доступнаго Посошкову круга наблюденій возникаетъ призракъ «свѣтскаго житія», совсѣмъ уже ничего не имѣющаго общаго съ «евангельскимъ»: люди «проводятъ время до полуночи, а то и до свѣта въ скаканіи и танцованіи безъ сна; пьютъ съ музыками и въ карты играютъ». Среди всѣхъ

этихъ уклоненій православному человѣку предстоитъ трудная задача проложить себѣ средній путь, не увлекаясь ни «на шую страну» народнаго язычества, ни на «мнимое десно» раскола и сектантства.

Какъ видимъ, «свѣтское житіе», собственно, вовсе выходитъ изъ строго-религіознаго кругозора Посошкова, такъ какъ не опирается ни на какое религіозное міровоззрѣніе. Хотя онъ и формулируетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ писаній тотъ практическій «атеизмъ» (нѣтъ ни Бога, ни души, ни безсмертія, ни вѣчныхъ мукъ), на который могло бы опереться «свѣтское житіе», — но эта формулировка такъ чужда его складу мысли, что съ ней онъ не находитъ ни средствъ, ни желанія бороться. Для него этотъ «атеизмъ» есть скорѣе логическій выводъ, своего рода reductio ad absurdum, которымъ онъ грозитъ протестантству, чѣмъ дѣйствительный противникъ, съ которымъ онъ считалъ бы нужнымъ полемизировать. Настоящаго противника онъ видитъ въ породившемъ подобный выводъ, но все же религіозномъ міровоззрѣніи. За «атеизмъ», какъ и за «свѣтское житіе» отвѣчаетъ Посошкову Мартинъ Лютеръ. Это онъ, сугубый еретикъ, ища оправданія своему «скверному житію», «отъ презѣльной ярости въ блудѣ» изобрѣлъ широкій, «легкостный» путь жизни и увлекъ на него «сластолюбцевъ». Все, что есть хорошаго у лютеранъ, всѣ ихъ «житейскіе уставы» — изобрѣтены до Лютера: «издревле, до Мартинова бытія, нѣкто былъ у нихъ пришлецъ или изъ нихъ выродокъ; онъ уставилъ у нихъ гражданскіе уставы, какъ купеческіе, такъ и ремесленные, и воинскіе, и судейскіе». Весь же строй жизни основанъ Лютеромъ — на «свѣтскомъ разумѣ», а не на «духовномъ»: подражать ему—значитъ идти прямымъ путемъ къ погибели. «Святые апостольскіе послѣдователи жить по вашему не умѣли», заявляетъ онъ противникамъ,— «вмѣсто ренскаго пили воду мутную; вмѣсто златотканныхъ одеждъ носили рубища; вмѣсто постелей пуховыхъ спали на голой землѣ; вмѣсто свѣтлыхъ свѣтлицъ жили въ темныхъ вертепахъ; вмѣсто французскихъ танцевъ проводили ночи во всенощномъ бдѣніи; вмѣсто множества денегъ имѣли множество вшей; вмѣсто музыкъ и веселія — плакали день и ночь о грѣхахъ».

Оставаясь на почвѣ религіозной, какія доказательства можно привести въ пользу «свѣтскаго житія?» Посошковъ знаетъ только одно— не вычитанное, а подслушанное у иноземцевъ — и обрушивается на него со всѣмъ жаромъ своего православнаго негодованія. «По Мартинову толкованію: еже есть на свѣтѣ, то все чисто и свято, и они всѣ святы, и грѣха ни въ чемъ нѣтъ»; «всѣ свои грѣхи причитаютъ къ Божіей винѣ, а не къ своей, говоря: таковыхъ-де насъ Богъ сотворилъ». О, безуміе, о безстрашіе, протестуетъ Посошковъ противъ лютеранскаго фатализма; значитъ», «по вашему люторскому высокоумію ни за какую вину наказанія чинить не слѣдуетъ?» Неправда, настаиваетъ онъ: «Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ; идти

скорбнымъ или веселымъ путемъ,—въ томъ воля наша»; «хотимъ здѣсь веселиться,—тамъ возрыдаемъ; а хотимъ тамъ веселиться, подобаетъ намъ здѣсь нужду претерпѣти» (ср. споръ Ѳеофана съ Стефаномъ Яворскимъ, «Оч.» II, 155). Въ связи съ этимъ взглядомъ на свободу воли, очевидно, находится и вражда Посошкова къ астрономіи, служившей у насъ первымъ проводникомъ детерминизма (Оч. II, 256, 260—61). Особенно ненавистно автору ученіе «проклятаго Коперника, Богу супёрника», хотящаго быть мудрѣе самого Соломона, превратившаго «солнце въ Бога», «а землѣ съ людьми» повелѣвшаго «служить солнцу» ежедневнымъ обхожденіемъ.

Подобно московскимъ начетчикамъ XVII в. Посошковъ признаетъ одну науку или, что то же, одно искусство: «какъ жить душеполезно», чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія (Оч. II, 238—239). Но на этомъ пути встрѣчаетъ его другая опасность, другой видъ «мнимаго десна» или «ложнаго благочестія»—расколъ. Уже изъ сдѣланныхъ выписокъ можно было бы заключить, что Посошковъ не чуждъ самъ «недугу раскольничьей болѣзни»,—и онъ откровенно признается, что «изначала хромалъ» ею (въ концѣ XVII в.; Посошковъ родился въ 1652 г.). Нѣкоторыя раскольничьи мнѣнія онъ удержалъ и впослѣдствіи, но отказавшись отъ главныхъ, сталъ отчаяннымъ врагомъ раскола, тѣмъ болѣе непримиримымъ, чѣмъ яснѣе понималъ силу раскола надъ современными умами и чѣмъ ближе самъ стоялъ къ духу раскола. По его мнѣнію, если этихъ «плевелъ» не «истребить безъ замедленія», то можно опасаться, какъ бы они «и остатковъ доброй пшеницы не подавили и въ конецъ безъ вѣсти бы не учинили». А такъ какъ раскольниковъ «никогда добромъ не научить» и «наукой съ ними и въ двадцать лѣтъ нельзя столько добра сдѣлать, сколько за одинъ годъ жестокостью», и такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи или погибели душъ христіанскихъ,—то Посошковъ предлагаетъ драконовскій способъ обращенія раскольниковъ въ православіе. Надо переписать подворно всѣ епархіи, описать всѣ дворы и задворки, и завести книги для записей крещенныхъ, причащенныхъ и вѣнчанныхъ прихожанъ. Всѣ возможныя лазейки, которыми можно было бы уйти отъ этихъ записей и переписи, артистически предусмотрѣны авторомъ; при малѣйшемъ сомнѣніи—духовенству является на помощь полиція, слѣдуетъ обыскъ, дознаніе, пытка, и не могущіе оправдаться, объяснить, напр., у какого священника они состоятъ прихожанами и отправляютъ требы и таинства,—немедленно отсылаются на костеръ. Сожженіе грозитъ и укрывшимъ ихъ изъ корысти православнымъ священникамъ, «понеже раскольниковъ ни отъ чего такъ не умножается, какъ отъ потачки поповской».

По мѣрѣ того, какъ развиваются детали этого невѣроятнаго плана, самому автору онъ начинаетъ казаться «диковатымъ и противноватымъ». Но, какъ человѣкъ практическій, онъ правильно разсуждаетъ, что *если* ужъ задаться цѣлью искоренить расколъ, то болѣе мягкія средства тутъ ни къ чему не поведутъ.

Это только доказываетъ, конечно, что искорененіе раскола было такой же безнадежной и неосуществимой мечтой, какъ и искорененіе «свѣтскаго житія». Предложенныя противъ раскола мѣры были похоронены въ синодѣ, вмѣстѣ съ этой частью рукописи «Завѣщанія»; а относительно «свѣтскаго житія» Посошковъ не могъ даже рѣшиться предлагать никакихъ мѣръ и ограничился безсильнымъ и безполезнымъ протестомъ, дѣлая при этомъ видъ, что протестуетъ противъ иностранцевъ и что не пришло еще время «заткнуть диру», черезъ которую они проникли въ Россію. Можно подумать, читая эти выходки Посошкова противъ иностранцевъ, что мы имѣемъ дѣло съ современникомъ Крижанича. На самомъ дѣлѣ, позиція, на которой продолжалъ стоять шестидесятилѣтній старикъ, логически вытекала изъ стараго міровоззрѣнія; но занимать ее было уже поздно: она взята была жизнью.

Трагизмъ положенія Посошкова этимъ не ограничивался. Дѣло въ томъ, что и его собственный идеалъ жизни, согласный съ евангельской моралью, встрѣчалъ неодолимыя препятствія и въ собственномъ міровоззрѣніи Посошкова и въ окружающихъ условіяхъ. Не желая склониться на «мнимое десно», онъ часто, не замѣчая того самъ, отклонялся слишкомъ далеко на «шуюю страну». Желаніе освѣтить и согрѣть жизнь вѣрой постоянно вступаетъ у него въ безсознательный компромиссъ съ житейской практикой Домостроя и съ религіознымъ міровоззрѣніемъ кіевскаго Патерика. Говоря о брачной жизни, онъ находитъ, что «то добро и свято, еже бы оба изъ воли и изъ любви сошлись», какъ уже и требовалъ петровскій законъ; онъ находитъ, что невѣсты— «не лошади», чтобы ихъ сватать по нѣскольку одновременно. Но, однако, знакомиться съ невѣстой онъ не дозволяетъ, а разрѣшаетъ только взглянуть на нее ненарокомъ, гдѣ-нибудь «у церкви или на переходѣ». Онъ знаетъ, что «Богъ нарекъ жену помощницей, а не работницей», но совѣтоваться съ ней о дѣлахъ рекомендуетъ не столько для пользы, сколько изъ принципа: вѣдь иной разъ «Богъ черезъ малосмысленныхъ, паче мудрыхъ, открываетъ сокровенный совѣтъ». Въ воспитаніи дѣтей онъ безусловно становится на сторону ветхозавѣтной педагогіи: дѣтей надо держать «въ великой грозѣ», чтобы «взгляду вашего боялись»: нельзя не только смѣяться съ ними, но и позволять имъ играть. Даже грудныхъ младенцевъ не надо забавлять, учить матери «кукуши казать и по щекамъ бить»; вмѣсто «папа» и «мама» надо имъ показывать «Богъ на небѣ», «Богъ съ неба смотритъ», «Богъ за то тебя убьетъ». Посошковъ видитъ «Бога на небѣ» такъ же ясно, какъ Аввакумъ и Лазарь въ своихъ богословскихъ теоріяхъ *). На

*) «Троица радкомъ сидитъ,—писалъ, напр., Лазарь,—Сынъ одесную, а Духъ Святый—ошуюю Отца на небеси на разныхъ престолахъ—яко царь съ дѣтьми сидитъ Богъ Отецъ, а Христосъ на четвертомъ престолѣ особномъ сидитъ предъ Отцемъ небеснымъ». Посошковъ при словахъ: «Яко Спаса родила еси» совѣтовалъ: «Умными своими очами въ той часъ зри его ясно, Господа Іисуса Христа, на небесѣхъ суща».

землѣ, напротивъ, повсюду и всегда сторожитъ человѣка дьяволъ, который, впрочемъ, «аще и вельми естествомъ тонокъ и проницателенъ есть, иже и сквозь желѣзо проходитъ, а въ человѣка безъ диры внити не можетъ». Но малѣйшая оплошность, малѣйшее отвлеченіе мысли отъ Бога могутъ открыть дьяволу эту «диру». Поэтому необходимо постоянно твердить въ умѣ молитву и всякое дѣло начинать крестнымъ знаменіемъ, прогоняющимъ дьявола. «Острая молитва всѣ небеса пробиваетъ и престола Божія касается», но невнимательную молитву перехватываютъ у ангела-хранителя летающіе между землей и небомъ «воздушные демоны». Тѣ же демоны стерегутъ на пути къ небу грѣшную душу и не даютъ ей «свободно дойти до царствія небеснаго». Посошковъ убѣждаетъ сына не вѣрить въ примѣты; но самъ очень боится колдуновъ и волхвовъ, въ которыхъ видитъ агентовъ «дьявольской силы», и совѣтуетъ принимать всяческія мѣры противъ «порчи». На сосудъ съ питьемъ надо дунуть крестообразно; входя въ незнакомый или давно не посѣщавшійся домъ, необходимо перекреститься: тогда дьяволъ не сдѣлаетъ никакой «пакости». Дьяволъ дѣйствуетъ въ домѣ, главнымъ образомъ, «изъ запечья, или изъ задняго угла, или изъ бани,—гдѣ нѣтъ святыхъ образовъ». Лѣчиться у колдуна или проглотить письменный заговоръ противъ болѣзни—значитъ прямо «съѣсть прикровеннаго въ такомъ письмѣ дьявола» и самому сдѣлаться его пищей. Безъ сомнѣнія, такое лѣченіе можетъ помочь,—но только вражьей силой; вотъ почему Посошковъ предпочитаетъ лѣчиться у доктора, травами: въ травахъ «лѣчебную силу *Богъ* положилъ».

Естественно, что и въ своихъ протестахъ противъ народнаго фетишизма, Посошковъ не могъ быть послѣдователенъ. Онъ запрещаетъ называть иконы «богами», отдавать Николѣ чудотворцу или другимъ излюбленнымъ святымъ предпочтеніе передъ Спасителемъ и Богоматерью, молиться своимъ иконамъ въ церкви. Но онъ твердо вѣритъ, что именно Варварѣ великомученицѣ надо молиться объ избавленіи отъ внезапной смерти и болѣзни, а св. Власію—«о благополученіи»; что Іоаннъ Предтеча научаетъ «цѣломудренному житію», а св. Спиридонъ «утверждаетъ въ православіи». Онъ разрѣшаетъ пожертвовать въ церковь свою икону съ тѣмъ, чтобы передъ ней усиленно ставить свѣчи. Чтобы «образовъ святыхъ не почитать всѣхъ за едино равенство», онъ придумываетъ цѣлую систему своеобразнаго мѣстничества между ними: степень почитанія измѣряется при этомъ глубиной поклоновъ (Посошковъ различаетъ цѣлыхъ пять видовъ ихъ), толщиной свѣчей и мѣстомъ, къ которому нужно прикладываться. Когда дѣло касается обряда, Посошковъ неистощимъ въ своей изобрѣтательности и въ мелочности своей регламентаціи. «Онъ увѣренъ, что ветхозавѣтный «законъ» не только не отмѣненъ, но, напротивъ, подкрѣпленъ новой «благодатью», и потому Христовъ законъ долженъ быть гораздо «тяжелоноснѣе» Моисеева. «Книжниковъ и фарисеевъ» необходимо

«превзойти» не только евангельской нравственностью, но и обрядомъ. «Фарисей дважды въ недѣлю постился, а ты, кромѣ среды и пятницы, постись еще всѣ четыре поста: тогда и въ постѣ превзойдешь фарисеевъ». Отдѣливъ Богу положенную десятину отъ своего имѣнія, «приложи рублевъ пять (къ сотнѣ), дабы тебѣ превысить фарисеево подаяніе».

Такимъ же препятствіемъ для осуществленія евангельскихъ совѣтовъ Посошкова, какъ его собственное міровоззрѣніе, оказывается и окружающая его среда. Въ современной ему дѣйствительности эти совѣты или не находятъ себѣ никакого приложенія, или получаютъ неожиданно-низменный, утилитарный смыслъ. И Посошковъ очень хорошо понимаетъ самъ, что до-петровская старина нисколько не помогаетъ, а только мѣшаетъ его благимъ намѣреніямъ. Какъ бы ни грозило будущее его идеаламъ, ему не приходитъ еще и въ голову искать спасенія въ прошломъ. Онъ не приглашаетъ никуда «вернуться», потому что самъ видитъ, что возвращаться некуда и незачѣмъ. Прошлое еще и не ушло никуда; оно тутъ, оно окружаетъ со всѣхъ сторонъ человѣка; оно даже со стороны такого націоналиста, какъ Посошковъ, вызываетъ только борьбу и обличеніе, а отнюдь не прикрашиваніе и не идеализацію. Развивая свои идеалы «евангельскаго житія» для всевозможныхъ общественныхъ положеній, Посошковъ вмѣстѣ съ тѣмъ развертываетъ передъ нами яркую картину тѣхъ нравственныхъ недостатковъ и соціальныхъ золъ стараго русскаго общества, которые полагали этому житію непреодолимыя препятствія. За искусственно-огражденной твердыней старой русской семьи ничѣмъ не сдерживаемая, звѣрская страсть кипитъ и клокочетъ кругомъ. Ребенку шагу нельзя сдѣлать изъ отцовскаго дома: ежеминутно грозитъ ему «содомскій грѣхъ», отъ котораго можно спастись только «воплемъ, елико сможетъ воскричать». Юношу—лишняя минута разговора съ женщиной, лишняя улыбка или даже родственный поцѣлуй грозятъ сдѣлать «внѣ ума». Мужчина—«звѣрски» удовлетворяетъ свою похоть. Особенно опасны для женъ «иноки», и для мужчинъ—молодыя монахини. Посошковъ нисколько не скрываетъ отъ себя низкаго культурнаго уровня и жалкаго общественнаго положенія того сословія, которое призвано проводить въ жизнь его идеалы. Попы «валяются пьяные на улицѣ» и «пьянствуютъ въ кабакахъ», паству посѣщаютъ ради угощенья, службу отправляютъ кое-какъ и сокращаютъ въ угоду «сильнымъ людямъ»; посвящаются не только не зная «грамматическаго разума», но даже «не разумѣя чтомаго», а иногда и вовсе не умѣя читать: «торгуютъ церквами», покупая священническія мѣста исключительно ради доходовъ; берутъ взятки съ раскольниковъ и показываютъ ихъ православными; о собственной паствѣ небрегутъ, не только не поучая ихъ въ вѣрѣ, но даже не пріучая и къ требамъ: «многіе крестьяне, и близь Москвы живущіе, лѣтъ до шестидесяти не прича-

щаются и не исповѣдуются; многіе и умираютъ безо всего». Никто и не церемонится съ подобными пастырями. Архіерейскіе чиновники «ни во что ихъ ставятъ» и «обираютъ кругомъ». «Дворяне пресвитеровъ сельскихъ ведутъ хуже холопей своихъ; боясь ихъ, тѣ пресвитеры служатъ у нихъ всякую работу рабью, паче послѣдняго челядинца» *).

При этихъ условіяхъ, требованіе евангельскаго «смиренія» оказывалось въ неожиданно полномъ согласіи съ русской дѣйствительностью. Что значило человѣку «подлаго состоянія» подставить другую ланиту— въ томъ обществѣ, гдѣ аристократъ, князь Шаховской, при дворѣ за червонецъ давалъ себя бить по щекѣ всякому желающему? Что могъ значить совѣтъ Посошкова—притворяться, будто не слышишь брани, когда отвѣтить обидчику—зачастую значило рисковать гораздо худшей обидой, когда и сама народная мудрость учила, что «брань на вороту не виснетъ». Въ концѣ концовъ «жить по евангельски» оказывалось иной разъ очень выгодно, и самъ Посошковъ не упускаетъ случая указать на это преимущество. Конечно, онъ совѣтуетъ «смиреніе творить не того ради, дабы тебя люди хвалили»; но на той же страницѣ поощряетъ услужливаго человѣка соображеніемъ: «тако творя, отъ всѣхъ похваленъ будеши и добрымъ человѣкомъ прослывеши». Однако, выгода отъ добраго поведенія можетъ быть и болѣе реальная. Если ты молодой подъячій, «выбѣги и встрѣть судью» «у саней»; «судья тебя будетъ любить: кому батоги, а тебѣ будетъ доброе слово и милость и дѣлами тебя прибыточными наполнятъ». Если ты работникъ, и хозяинъ «станетъ тебя посылать (дѣло обыкновенное въ то время) на разбой, на воровство или на убійство, отвѣчай кротко, чтобы его не озлобить: «благоволи де послать кого посмѣлѣй, а я человѣкъ несмѣлый и несловесный», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, «только бы тебѣ себя поберечь, а его не оскорбить». Даже заповѣдь евангельской нищеты превращается въ рукахъ разбогатѣвшаго коммерческими операціями

*) Горячо относясь къ «дворянскимъ обидамъ», Посошковъ приводитъ и примѣръ. Къ помѣщику Ханыкову пришелъ на Пасху съ крестомъ попъ, «не въ ихъ вотчинѣ служащій»—побывавъ по дорогѣ на винокуренномъ заводѣ у Посошкова. Ханыковъ, «вышедъ на крыльцо, ударилъ того пресвитера по щекѣ и крестъ святый изъ рукъ у него вышибъ и, съ крыльца его спихнувъ, началъ его во всемъ облаченіи съ людьми своими бить и по грязи волочить и топтать: ты де меня промѣнялъ на Посошкова». Не смѣя жаловаться архіерею, «дабы послѣ больше того не пострадать отъ него», попъ самъ же просилъ у помѣщика прощенія «и едва умолилъ, что святый крестъ и иконы отдалъ имъ назадъ». Другой примѣръ, изъ близкаго времени (1733): поручикъ Болотовъ, посадивъ пріѣхавшаго къ нему попа за столъ и «наливъ вина, сталъ ему подносить, а за непитье вина (т.-е. какъ разъ за то, чего требовалъ въ такихъ случаяхъ Посошковъ) ударилъ въ щеку, а потомъ билъ палкой», затѣмъ вторично сталъ угощать. Послѣ новаго отказа помѣщикъ велѣлъ солдатамъ принести батоги, «и раздѣвъ, оные солдаты били (попа) батожьемъ съ четверть часа». Помѣщикъ оправдывался тѣмъ, что сельскій попъ долженъ ему во всемъ повиноваться и что онъ имѣлъ право наказать попа за непослушаніе. Ср. Оч. II, 138—141.

крестьянина въ ловкій практическій совѣтъ: «если не будешь страстно желать богатства, то оно и само не побѣжитъ отъ тебя, только ты умѣй его держать: не давайся ему подъ власть, но ты имъ господствуй». А, разбогатѣвъ, «если будешь пить хорошіе напитки, вспомни мыслью своей бѣдныхъ людей, которые и чистой воды не имѣютъ, а пьютъ, черпая изъ болота, мутную, съ мухами и червями; а когда ѣшь жирную и сладкую пищу, вспомни убогихъ, которые и хлѣба чистаго не имѣютъ, а ѣдятъ гнилой и съ мякиной. И подумай, что вотъ тебя Богъ наполнилъ и удовлетворилъ такимъ изобиліемъ, а другіе, такіе же какъ ты, люди—страдаютъ. И вспомнивъ про такое ихъ страданіе, воздай Богу благодареніе объ изобиліи твоемъ». Такимъ образомъ, смиреніе и богатому человѣку можетъ послужить на пользу, помогая пищеваренію и становясь источникомъ своеобразнаго наслажденія, такъ хорошо знакомаго русскому кулаку.

Какъ видимъ, въ этой покладливой морали немного осталось «аскетическаго», или «византійскаго». Она является вполнѣ національнымъ продуктомъ національныхъ условій существованія. Это—мораль практическаго человѣка, поставившаго задачей — сохранить душевное равновѣсіе среди всевозможныхъ случайностей окружающей дѣйствительности, готоваго добиться своей цѣли цѣной какого-угодно компромисса, а чаще всего и не сознающаго вовсе, въ какіе компромиссы онъ вступаетъ. Мораль Посошкова, какъ и его міровоззрѣніе, такъ же «простосложны» и «удобопоемны» для огромной массы «подлыхъ людей», какъ и языкъ, которымъ онъ говоритъ съ нею, какъ и его полемическіе пріемы.

Совершенно иные интересы, иныя житейскія задачи и иной складъ воззрѣній мы найдемъ въ томъ соціальномъ кругѣ, который извѣстенъ Посошкову лишь въ качествѣ «обидчиковъ». Этотъ кругъ, какъ мы видѣли, систематически исключенъ Посошковымъ изъ числа всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ общественныхъ положеній, съ которыми онъ имѣетъ дѣло и къ которымъ обращаетъ свои совѣты. Онъ чувствуетъ, очевидно, что для дворянства его совѣты уже не годятся; что здѣсь окончательно возобладало то самое «свѣтское житіе», для котораго, даже съ точки зрѣнія своего услужливаго міросозерцанія, онъ не можетъ найти въ своей головѣ никакого оправданія *).

Но, можетъ быть, и за «свѣтскимъ житіемъ» стояло какое-нибудь

*) Впрочемъ, оговоримся: Посошковъ обнаруживаетъ, въ крайнемъ случаѣ склонность оправдать и новую моду—ея соціальнымъ значеніемъ. «Паруки составляютъ предметъ его особой ненависти, но онъ допускаетъ, что «ради офицерскаго украшенія и *ради отмѣны отъ простого народа*, по чину» ихъ «надлежитъ носити»; но и тутъ онъ совѣтуетъ—отростить, вмѣсто парика, собственные волосы. О новомъ платьѣ онъ говоритъ только одинъ разъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ—въ этомъ же смыслѣ—классоваго отличія, которое предлагаетъ распространить и на купечество, и даже проектируетъ фасонъ.

другое, свое міровоззрѣніе,—хотя бы тотъ «атеизмъ», на которомъ «нѣцыи стояли», по утвержденію Посошкова, говоря, что «сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ, нѣсть у него ни создателя, ни владѣтеля, но мы де сами собою и всѣмъ свѣтомъ владѣемъ» и т. д.? Изъ того, что мы уже знаемъ о новой культурѣ, не трудно вывести заключеніе, что «свѣтское житіе» не было какой-нибудь теоріей или системой: это былъ новый соціальный фактъ, явившійся самъ собою, какъ стихійное послѣдствіе стихійной реформы. Люди, подчинившіеся этому факту добровольно или невольно, съ охотой или съ отвращеніемъ, чаще всего вовсе не думали, что измѣняютъ старому міровоззрѣнію и являются выразителями какого-то новаго. Извѣстныя уже намъ обстоятельства — слабость и низменность религіознаго сознанія въ древней Руси, ослабленіе его переходомъ усерднѣйшихъ въ расколъ — еще болѣе облегчили этотъ переходъ. Соединяющимъ звеномъ между старымъ и новымъ міровоззрѣніями явился религіозный индифферентизмъ, т.-е. отсутствіе потребности въ какомъ бы то ни было цѣльномъ религіозномъ міровоззрѣніи, слѣдовательно и въ атеизмѣ (ср. Оч. II, 369 и ниже).

При такомъ положеніи дѣла, вовлеченная въ новое культурное движеніе общественная среда нуждалась вовсе не въ какомъ-либо особомъ міровоззрѣніи, а въ скорѣйшей выработкѣ и усвоеніи новаго кодекса жизни, правилъ «житейскаго обхожденія», которыя помогли бы ей выдѣлиться изъ остальной массы и войти въ роль привилегированнаго общественнаго слоя, какимъ сдѣлалъ ее историческій процессъ. Для этой цѣли появился цѣлый рядъ практическихъ руководствъ, по большей части переводныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались очень популярными и распродавались въ большомъ количествѣ, не смотря на довольно ничтожное содержаніе и совершенно нескладное изложеніе. «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» въ первые же два года (1717—18) разошлось въ 189 экземплярахъ: успѣхъ для того времени совершенно исключительный. Въ 1767 г. вышло уже пятое изданіе «Зерцала». «Совершенное воспитаніе дѣтей, содержащее правила о благопристойномъ поведеніи молодыхъ знатнаго рода и шляхетнаго достоинства людей», аббата Бельгарда, разошлось въ трехъ изданіяхъ (1747, 1759, 1778) *).

Главная задача всѣхъ этихъ руководствъ научить молодого дворянина «не быть подобнымъ деревенскому мужику» и, по возможности, приблизить его къ идеалу «придворнаго человѣка». Чтобы уничтожить сходство съ мужикомъ, руководства даютъ самыя подробныя наставленія, какъ вести себя въ порядочномъ обществѣ. Для русскаго «шляхтича» эти наставленія надо было начинать съ азовъ: надо было научить его сидѣть за столомъ, стоять, ходить, кланяться, разговаривать,

*) Нѣсколько позже характеризуемаго времени появился въ печати и русскій переводъ знаменитаго Cortegiano графа Кастильоне, итальянскаго гуманиста, подъ заглавіемъ: «Придворный человѣкъ» Граціана Вальтазара (1760).

не причинять безпокойства сосѣдямъ своимъ носомъ, ртомъ, руками и ногами, умѣть обходиться съ ножомъ и вилкой, съ тарелкой, съ носовымъ платкомъ, съ шляпой. Всѣмъ этимъ обстоятельно занимается «Зерцало». Затѣмъ надо было внушить правила свѣтскаго обращенія. «Говоря о печальныхъ вещахъ, надо имѣть видъ печальный и имѣть сожалѣніе; въ радостномъ случаѣ быть радостну и являть себя веселымъ съ веселыми» («Зерцало»). Собесѣднику не противорѣчить рѣзко, по возможности соглашаться, свое мнѣніе высказывать осторожно, правду говорить не всегда («Зерцало» и «Совершенное воспитаніе»). «Скупому надо говорить, что онъ бережливъ и хорошій хозяинъ; расточителю—что онъ щедръ, лицемѣру—что онъ богобоязненъ» и т. д. (рукописное «Наставленіе о хорошемъ поведеніи при государевомъ дворѣ»). При дворѣ надо быть «смѣлымъ», самому объявлять о своихъ заслугахъ и искать награды. «Кто при дворѣ стыдливъ бываетъ, съ порожними руками отъ двора отходитъ»; между тѣмъ даромъ служатъ только Богу; государю же надо «служить ради чести и прибыли» («Зерцало»), показывая, однако, при этомъ видъ, «будто вы дѣлаете все токмо для услугъ отечеству» («Наставленіе»). Не слѣдуетъ никому раскрывать своихъ цѣлей, чтобы ими не воспользовались другіе («Зерцало»); не надо также содѣйствовать возвышенію человѣка «искуснѣе и способнѣе» себя — на мѣсто, гдѣ онъ можетъ оказаться конкурентомъ («Наставленіе»). Для полнаго успѣха при дворѣ или въ хорошемъ обществѣ необходимы и нѣкоторыя познанія, или, точнѣе говоря, искусства. «Прямымъ придворнымъ человѣкомъ» можетъ быть лишь тотъ «младый шляхтичъ или дворянинъ», который «въ экзерциціи своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованіи, въ шпажной битвѣ и можетъ добрый разговоръ учинить, къ тому жъ красноглаголивъ и въ книгахъ наученъ». Особенно важны, какъ признакъ хорошаго тона, иностранные языки; на нихъ надо говорить всегда «между собою», во-первыхъ, «дабы тѣмъ навыкнуть могли», во-вторыхъ, «чтобы слуги и служанки дознаться не могли и чтобъ можно» было порядочнаго человѣка «отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать» («Зерцало»). Извѣстенъ разсказъ Фонвизина, какъ сынъ одного аристократа, познакомясь съ нимъ, тогда еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, на елизаветинскомъ спектаклѣ, сразу перемѣнилъ обращеніе, какъ только узналъ, что Фонвизинъ не говоритъ по-французски. «Чтобы не забыть языковъ», необходимо, помимо разговоровъ, поддерживать это знаніе «чтеніемъ полезныхъ книгъ» («Зерцало»). Но, вообще говоря, не слѣдуетъ «прилѣпляться много къ читанію книгъ» («Наставленіе»). «Обходительство съ двумя, тремя умными людьми—лучше науки всѣхъ школьныхъ мастеровъ и педантовъ» (переведено въ скобкахъ: «вралей»). «Откровенные такихъ мудрыхъ людей разговоры отворяютъ у человѣка умъ, запертой природнымъ невѣдѣніемъ въ темнотѣ незнанія, и въ одинъ часъ больше покажутъ, не-

жели человѣкъ въ три дня изъ книгъ научиться можетъ» («Совершенное воспитаніе»).

Итакъ, наука нужна лишь постольку, поскольку она можетъ пригодиться все для той же цѣли, для «людскости», для пріобрѣтенія необходимыхъ въ свѣтскомъ обиходѣ знаній, привычекъ, вкусовъ; самое большее—для того, чтобы вести занимательный разговоръ. Мы знаемъ, что такимъ образомъ создалось представленіе объ особомъ кругѣ наукъ и искусствъ, необходимыхъ шляхетству, и что дворянство долго лишь постольку цѣнило казенныя учебныя заведенія, поскольку тамъ преподавались именно эти, нужныя для молодого шляхтича знанія и техническіе навыки (Оч. II, 285, 291, 322). Не находя этого въ существовавшихъ школахъ, дворяне предпочитали воспитывать дѣтей въ частныхъ пансіонахъ или посредствомъ гувернеровъ, причемъ часто иностранные языки оказывались единственнымъ предметомъ преподаванія. Но очень скоро потребность въ особомъ курсѣ шляхетскихъ наукъ была удовлетворена Анной въ открытомъ ею, по желанію дворянства, для подготовки офицеровъ — сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ. И здѣсь тотчасъ же обнаружилось, къ какого рода предметамъ дворянство тяготѣетъ всего болѣе. Изъ 245 русскихъ кадетъ, воспитывавшихся въ корпусѣ въ 1733 году, обучались:

нѣмецкому языку	237	челов.
танцамъ	110	»
французскому	51	»
фехтованію	47	»
музыкѣ	39	»
геометріи	36	»
рисованію	34	»
исторіи	28	»
верховой ѣздѣ	20	»
русскому	18	»
географіи	17	»
латинскому	15	»
юриспруденціи	11	»

Верховая ѣзда, очевидно, лишь потому стоитъ такъ низко, что это искусство пріобрѣталось и помимо ученія въ корпусѣ. Съ этой поправкой, программа «Зерцала» выполнялась въ корпусѣ гораздо усерднѣе, чѣмъ курсъ петровскихъ наукъ. Нѣмецкій языкъ необходимъ былъ при Аннѣ, но послѣ нея онъ долженъ былъ навсегда уступить мѣсто французскому, какъ неотъемлемому признаку шляхтескаго хорошаго тона. Послѣ всего сказаннаго, намъ приходится констатировать, что въ новой русской культурной средѣ, въ первое время ея существованія, было очень немного того, что мы назвали «критическими элементами»; а то, что въ ней было на лицо,—совсѣмъ не благопріятствовало развитію этихъ

элементовъ и въ ближайшемъ будущемъ. Мы пока еще не встрѣтили въ этой средѣ достаточно сознательнаго отношенія къ самой себѣ и къ окружающему. За отсутствіемъ такого отношенія, «свѣтское житіе» начинало складываться въ такую же безсознательную традицію, какою было «духовное житіе» дореформенной Руси. Оно даже лишено было одного важнаго преимущества, которое давала старому «житію» его, такъ сказать, психологическая непрерывность. Изъ другихъ мѣстъ «Очерковъ» мы знаемъ, что въ той старой средѣ назрѣвали нѣкоторыя самостоятельныя движенія въ вѣрѣ и творчествѣ, которыя теперь, когда надъ ней вдругъ поднялся новый культурный пластъ, спустились сразу внизъ и продолжали развиваться въ низшихъ слояхъ, конечно, уже далеко не въ тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились бы, если бы остались наверху. (См. Оч. II, 169—170, 175, 213—215, 225, 369—371). Напротивъ, къ вновь введенному въ жизнь культурному матеріалу—отношеніе новой культурной среды было вначалѣ совершенно пассивное (Оч. II, 154, 206, 216—217, 225).

Это должно было отразиться какъ на содержаніи, такъ и на характерѣ развитія критическихъ элементовъ въ будущемъ. Не предупреждая дальнѣйшаго изложенія, мы, однако, должны теперь же намѣтить отличительныя черты, вытекавшія для будущаго изъ только-что сдѣланнаго изображенія того, какъ стояло дѣло въ началѣ XVIII в.

Во-первыхъ,—и объ этомъ почти не нужно говорить,—ясно, что въ будущемъ культурномъ движеніи отодвинутые внизъ пласты общественной жизни и мысли никакой дальнѣйшей роли играть не будутъ. У нихъ была съ этихъ поръ своя культурная исторія, которую мы и старались прослѣдить во II т. «Очерковъ».

Во-вторыхъ, что касается новой культурной среды, ясно, что при ея общей неподготовленности къ доставшейся ей роли, при полномъ отсутствіи какого-либо связующаго ее общаго міровоззрѣнія, при разладѣ ея мысли и жизни, всякія попытки мыслить сознательно въ ея средѣ — по необходимости будутъ индивидуальными попытками отдѣльныхъ ея членовъ, не связанныхъ въ этихъ своихъ попыткахъ ни прошлымъ, котораго у новой культурной среды нѣтъ, ни настоящимъ, котораго она еще не успѣла выработать.

Въ-третьихъ, именно благодаря послѣднему условію, критическая мысль отдѣльныхъ, стремящихся къ сознательному мышленію, членовъ новой культурной среды будетъ въ состояніи болѣе или менѣе свободно отнестись къ этой самой средѣ. Другими словами, вмѣсто идейнаго оправданія и обоснованія культурныхъ и сословныхъ основъ, на которыхъ зиждется соціальное положеніе этой среды, она сдѣлаетъ своимъ предметомъ критику тѣхъ и другихъ основъ. Она раскритикуетъ культурныя основы потому, что найдетъ ихъ недостаточно сознательными, т.-е. обвинитъ ихъ въ безсознательномъ подражаніи, въ слѣпомъ заимствованіи. Она даже попытается, въ видѣ протеста

противъ безсознательной европеизаціи, со свойственной ей утрировкой подражанія, идеализировать русскую старину. Но это будетъ протестъ не во имя традиціоннаго націонализма, навсегда спустившагося въ низы общества, а во имя большей сознательности національной жизни, то-есть, во имя настоящихъ критическихъ элементовъ, противъ элементовъ, кристаллизовавшихся въ новую безсознательную традицію, въ простой символъ привилегированной общественной группы. Это будетъ первый шагъ къ дѣйствительной, а не оффиціальной только, побѣдѣ критическихъ элементовъ. Вторымъ шагомъ будетъ критика, обращенная на сословныя основы новаго культурнаго быта.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, такъ какъ вся эта работа критической мысли имѣетъ отчасти безсословный, отчасти прямо антисословный характеръ, хотя и совершается отчасти въ дворянской средѣ, то выработка и усвоеніе ея результатовъ будетъ идти параллельно развитію новой безсословной или, точнѣе, междусословной культурной среды, такъ наз. «интеллигенціи». Чтобы уяснить ея происхожденіе, напомнимъ пока одинъ только извѣстный уже намъ фактъ: именно, присутствіе въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, за все время ихъ существованія весьма значительнаго не дворянскаго элемента (Оч. II, 278, 285, 289—293, 303, 314, 322, 329, 332, 348—349).

Свободная отъ какой бы то ни было національной культурной традиціи, русская критическая мысль получила возможность черпать полными руками изъ богатаго запаса европейской критической мысли. О «слѣпомъ» и «безсознательномъ» заимствованіи здѣсь не можетъ быть рѣчи уже потому, что въ данномъ случаѣ заимствованіе имѣло цѣлью именно выработку сознательнаго отношенія къ окружающему. Русская мысль воспринимала европейскую, разумѣется, въ той формѣ, въ какой та имѣлась на лицо въ данное время; но она брала изъ нея только то, что могла понять и что ей было нужно, и дѣлала изъ воспринятой мысли болѣе или менѣе оригинальное употребленіе, чтобы разобраться съ ея помощью въ собственномъ матеріалѣ. Такимъ образомъ, не оригинальная въ своемъ источникѣ, русская критическая мысль была до извѣстной степени самостоятельна какъ въ процессѣ усвоенія, такъ и въ процессѣ приложенія усвоеннаго къ русской дѣйствительности.

Для начала, тамъ, на западѣ, не было недостатка, конечно, и въ теоретическомъ оправданіи «свѣтскаго житія». Соотвѣтствующее общее міровоззрѣніе выражалось въ той самой формулѣ—«все созданное Богомъ чисто и свято»,—которую Посошковъ слышалъ отъ иноземцевъ въ Москвѣ. Но мотивировка этого тезиса далеко ушла отъ богословской теоріи лютеранства и кальвинизма о предопредѣленной и фаталистически дѣйствующей «благодати»,—не разрывая въ то же самое время окончательно съ старой религіозной традиціей. Это былъ не только не «атеизмъ», но даже и не философскій деизмъ. Это была теорія «естественнаго закона» вѣры и жизни, самымъ мирнымъ обра-

зомъ укладывавшаяся въ головахъ протестантскихъ богослововъ и пасторовъ.

Главное свое примѣненіе теорія «естественнаго закона» нашла въ юридической наукѣ, вмѣстѣ съ которой и перешла въ Россію. Руководствами для преподаванія юриспруденціи должны были служить сочиненія двухъ главныхъ теоретиковъ «естественнаго права», Гуго Гроція и Пуффендорфа, переведенныя и изданныя по приказанію Петра. Въ шляхетскомъ корпусѣ «юсъ натурале», дѣйствительно, вошло въ число предметовъ, обязательно преподававшихся тѣмъ, кто хотѣлъ идти въ гражданскую службу,—хотя такихъ и было, какъ мы знаемъ, очень немного (ср. «Оч.» II, 286). Еще при Петрѣ «естественное право» послужило, какъ скоро увидимъ, Ѳеофану Прокоповичу—для оффиціальнаго доказательства «Правды воли монаршей» относительно престолонаслѣдія. По своему общественному положенію, Ѳеофанъ и не могъ сдѣлать изъ философской теоріи болѣе широкаго употребленія: о деликатныхъ вопросахъ онъ позволялъ себѣ лишь разговаривать въ тѣсномъ кругу земляковъ. Но такое употребленіе сдѣлалъ публицистъ и полигисторъ В. Н. Татищевъ, отчасти именно подъ вліяніемъ разговоровъ съ Ѳеофаномъ. Въ сочиненіи подъ скромнымъ заглавіемъ «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», распространявшемся анонимно, въ рукописныхъ спискахъ, Татищевъ, дѣлая все время видъ, что говоритъ не объ этомъ, а совсѣмъ о другомъ, представилъ первую въ Россіи принципіальную защиту «свѣтскаго житія». Онъ совсѣмъ не отвергалъ и «житія духовнаго», по крайней мѣрѣ открыто: онъ только защищалъ право свѣтскаго житія на совмѣстное съ нимъ существованіе. Въ этихъ предѣлахъ, однако, вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Если духовное житіе ставитъ цѣлью спасеніе души, то свѣтское имѣетъ полное право рядомъ съ нимъ поставить стремленіе къ земному счастью. Если для перваго—удовлетвореніе природныхъ склонностей человѣка есть грѣхъ, то для второго—это есть только выполненіе «естественнаго закона».

Дѣло въ томъ, что «естественный законъ» человѣческой природы—есть такой же «божественный законъ», какъ и тотъ, который записанъ въ священномъ писаніи. Только первый вложенъ Богомъ въ человѣка при самомъ его сотвореніи: онъ вездѣ, всегда и для всѣхъ людей одинаковъ, какъ ихъ натура; тогда какъ писанный законъ «словесно отъ Бога преданъ»—первоначально однимъ евреямъ. Оба закона никакъ не могутъ противорѣчить одинъ другому, хотя каждый имѣетъ свою независимую область. Но какъ же не противорѣчитъ, спрашиваетъ собесѣдникъ, выведенный Татищевымъ въ его «Разговорѣ»? Вѣдь человѣку вкоренено «желаніе благополучія», т.-е. *эгоизмъ*; между тѣмъ писанный законъ основанъ на *любви* къ Богу и ближнему? Тутъ противорѣчія нѣтъ, отвѣчаетъ Татищевъ; разумный эгоизмъ обязательно включаетъ въ себя любовь къ Богу и ближнему, такъ какъ это—необходимыя условія человѣческаго «благополучія». Чело-

вѣкъ «взаимодательно» будетъ любить, потому что нуждается въ чужой любви для своего счастья. Но вѣдь церковь требуетъ, чтобы человѣкъ отрекся отъ своего счастья, а не стремился къ нему: воздержаніе отъ потребности есть добродѣтель; удовлетвореніе ея есть грѣхъ,—продолжаются возраженія. Напротивъ, утверждаетъ Татищевъ: излишнее воздержаніе есть сокращеніе жизни, самоубійство, т.-е., дѣйствительно, величайшій грѣхъ. «Любочестіе, любоимѣніе и плотоугодіе намъ отъ Творца всѣхъ вмѣстѣ съ душой вкоренены, а такъ какъ Богъ есть творецъ добра, то и все, что онъ сотворилъ, не иначе какъ добромъ именовать можемъ». Если удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей совершается разумно, т.-е. «порядочно и умѣренно», то оно есть добродѣтель; если «безпорядочно и чрезмѣрно», то обращается въ преступленіе. И притомъ природа человѣческая устроена такъ премудро, что она сама указываетъ мѣру, награждаетъ удовольствіемъ за ея соблюденіе, и страданіемъ за ея нарушеніе. «Богъ во всѣ оныя противоприродныя преступленія вложилъ наказанія, дабы каждому преступленію естественныя и наказанія послѣдовали». Грѣхъ есть то, что вредно натурѣ человѣка, добродѣтель—то, что ей полезно. Но вредное и полезное можно и нужно знать: слѣдовательно, знаніе себя, своей натуры—вотъ необходимое условіе всякаго разумнаго поступка, всякой добродѣтели. Извращеніе человѣческой природы послѣ грѣхопаденія Адама состояло именно въ затрудненіи самопознанія. «Воля, страсть надъ умомъ власть возымѣла; черезъ это не всякъ въ состояніи истинное благо различить отъ мнимаго». Но наука, знаніе должны вернуть человѣчеству это равновѣсіе души, нарушенное адамовымъ грѣхомъ.

Какъ же, однако, быть съ положительными предписаніями «церковнаго закона»? Татищевъ отвѣчаетъ: церковный законъ—не то, что «естественный» или что священное писаніе. Это законъ «не божескій, а самовольный человѣческій», наравнѣ съ «закономъ гражданскимъ». Молитва, напр., есть законъ божескій,—законъ любви (естественный) и долга (письменный); но «время и мѣра», «когда и какъ молиться», это божескимъ закономъ оставлено на нашу возможность», а церковнымъ закономъ регламентировано. Или постъ: «по божественкому онъ весьма полезенъ»—для сохраненія здравія (по естественному закону) и для укрощенія страстей (по писанію); но онъ «состоитъ въ волѣ человѣка» и по человѣческому соглашенію опредѣлены скоромные и постные дни и пища. Бракъ — необходимъ; но дѣло «человѣческихъ законовъ» церкви опредѣлить чинъ брака, возрастъ и другія условія для брачущихся; когда же она «запрещаетъ то, что человѣку закономъ божественнымъ опредѣлено» и, какъ въ католицизмѣ (Татищевъ часто имъ пользуется), требуетъ безбрачія молодыхъ священниковъ, то это уже явное злоупотребленіе. Поэтому-то «мнится пристойнѣе», чтобы «законы церковные» «состояли подъ властію высшаго мірскаго правленія», какъ это существуетъ въ Англіи, Швеціи, Даніи, Голландіи, Германіи, и

какъ отчасти хотѣлъ сдѣлать Петръ. Какъ «самоизвольный», «законъ церковный есть разный—по разности церквей». Между тѣмъ, законъ естественный одинъ для всѣхъ. Даже «если бъ кто думалъ, что не отъ одного Адама люди начались», все-таки онъ долженъ признать, что «всѣ люди равное принужденіе къ пріобрѣтенію благополучія въ сердцѣ имѣютъ», хотя бы и не имѣли «никакого письменнаго закона»: это законъ «человѣческой природы», «познаваемый помощью здраваго ума»; его не лишены даже животныя *).

Прямой выводъ отсюда—требованіе полной вѣротерпимости. Татищевъ всецѣло принимаетъ его, маскируя только логическую связь, изъ которой оно вытекаетъ, и обсуждая вопросъ о вѣротерпимости исключительно «свѣтски», т.-е. съ точки зрѣнія государственныхъ соображеній. Вопреки мнѣнію «папистовъ», онъ утверждаетъ, что «разность вѣръ великой въ государствѣ бѣды не наноситъ», и въ Россіи «отъ разности вѣръ вреда не имѣли, но еще пользу видѣли». Писаніе прямо запрещаетъ «силою въ соединеніе приводить», несогласныхъ мучить, казнить или изгонять (Ефес. 6, 12; 9, 56); и Татищевъ рѣзко обрушивается на «Никона и его наслѣдниковъ», которые «надъ безумными раскольниками свирѣпость свою исполняя, многія тысячи пожгли и порубили или изъ государства выгнали»; онъ восхваляетъ Петра, прекратившаго безполезныя жестокости. Только для іезуитовъ, по ихъ «коварству», и для евреевъ—«не для вѣры, но паче для ихъ злой природы» — Татищевъ склоненъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила о терпимости.

Таково міровоззрѣніе, котораго, навѣрное, не подозрѣвалъ Посошковъ, когда опровергалъ мнѣніе, что «все чисто», — необходимостью омовеній отъ плотской скверны и проектировалъ инквизицію для раскольниковъ.

Право на свѣтскую жизнь, какъ ее понимаетъ Татищевъ, само собой предполагаетъ право свободнаго изслѣдованія и необходимость свѣтской науки. Дѣло въ томъ, что это — «разумная», сознательная жизнь, основанная на «знаніи правилъ естественнаго закона», т.-е. того, «что человѣку полезно и нужно, и что вредно и не нужно». Невѣжественный человѣкъ «настоящаго страха не боится, а гдѣ нѣтъ страха—трепещетъ, въ печали и радости неумѣренъ, въ счастьѣ и несчастьи—непостояненъ и во всемъ, вмѣсто пользы, наноситъ себѣ вредъ». Не

*) Припомнимъ, кстати, разсужденія о душѣ животныхъ Ѳеофана Прокоповича, записанныя его землякомъ Марковичемъ: «Оное мнѣніе Картезія («всякое чувство отъ животныхъ всѣхъ отнимающаго, а только единому человѣку, имущему умъ, причитающаго» и поэтому называющаго животныхъ автоматами») есть не крѣпкое, ибо явственно споритъ противъ повседневныхъ экспериментовъ». Сущность духа—«не въ самомъ помышленіи, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы не видимъ». Поэтому «можно нѣкоторый видъ дебелаго и весьма скуднаго помышленія животнымъ причесть, однако онаго безсмертнымъ назвать невозможно, а какое оно есть, неизвѣстно, для того, что (мы) *не знаемъ существъ, не только духа, но и тѣла.*

понимая силы знанія, онъ, какъ ребенокъ, подчиняется шарлатанамъ и обманщикамъ, умышленно «содержавшимъ народъ въ темнотѣ и суевѣріи»; онъ вѣритъ вмѣшательству сверхъестественныхъ силъ и «мнитъ черезъ дьявола сдѣлать» себѣ пользу, тогда какъ «многіе ученые физически и богословски доказали, что человѣкъ черезъ дьявола ничего учинить не можетъ». Только наука вывела человѣчество изъ этого младенческаго состоянія. Рѣшающими моментами въ исторіи человѣчества Татищевъ считаетъ, помимо пришествія Христа,—изобрѣтеніе письма, составляющаго для младенческаго общества то, что для новорожденнаго младенца составляетъ языкъ,— средство «собственныя приключенія въ памяти всѣ сохранить», и изобрѣтеніе книгопечатанія. Благодаря послѣднему, сразу умножилось число ученыхъ и училищъ и открытъ былъ «свѣтъ истиннаго разума въ богословіи, философіи, юриспруденціи, медицинѣ, математикѣ, физикѣ, исторіи и пр.»; «обрѣтены многіе способы къ испытанію и дознанію недознанныхъ прежде свойствъ, яко трубы зрительныя, микроскопіи, зеркала зажигательныя, насосы водяные, трубы воздушныя, антліа пневматика» и т. д. «Папа и его сообщники» «противъ быстроты онаго теченія постоять не могъ»; «плотина прорвалась»; за Виклефомъ и Гусомъ явились Лютеръ и Кальвинъ, которые «довольно престолъ оный назадъ подвигнули»; а затѣмъ «въ нравоученіи Гуго Гроцій, потомъ Пуффендорфъ, въ физикѣ или всей философіи Картезій, въ маѳематикѣ, а паче астрономіи Коперникъ и Галилей, яко же и Араго, несмотря на папежскія пресѣченія и не боясь проклятія его, истину доказали, «такъ утвердили, что, наконецъ, и сами папписты со стыдомъ принуждены истину оныхъ признать». Но они отмстили имъ клеветой и проклятіями, огласили ихъ «аѳеистами», какъ всегда говорили невѣжды объ «умныхъ и ученыхъ людяхъ», «которые наивящше о Богѣ учили»: судьба Эпикура и Сократа была такова же, какъ Коперника, Декарта и Пуффендорфа. Авторъ «Камня вѣры», повторяя эти клеветы папистовъ противъ протестантовъ и обвиняя ихъ въ «безбожіи», только показываетъ примѣръ подобной же недобросовѣстности.

Воображаемый собесѣдникъ Татищева отъ имени стараго русскаго міровоззрѣнія выставляетъ цѣлый рядъ возраженій противъ такого необычнаго преклоненія передъ свѣтомъ науки. «Въ старину меньше учились, но больше благополучія видѣли»; «въ тѣ древнія времена столько было святыхъ отцовъ и праведниковъ, сколько теперь и въ тысячу лѣтъ не увидимъ». Подобныя утвержденія, отвѣчаетъ Татищевъ, только показываютъ незнаніе исторіи и лишній разъ подтверждаютъ тотъ психологическій фактъ, то «отъ природы во всѣхъ насъ вкорененное, что мы мимошедшее хвалимъ, наставшему дивимся»; «златого времени» древнихъ поэтовъ не надо искать назади, гдѣ встрѣтимъ только одно варварство и мракъ. Такъ какъ «въ темнотѣ малая искра болѣе видима, нежели въ свѣтлое время великій огонь», то не-

мудрено, что «мы въ слабомъ—малому совершенству удивляемся», какъ въ ребенкѣ, а въ сильномъ и зрѣломъ—гораздо болѣе крупныхъ достоинствъ не замѣчаемъ. Однако же «многіе духовные и богобоязненные люди» говорятъ,— продолжаетъ собесѣдникъ развивать древнерусскія «сумнѣнія»,—«что науки человѣку вредны и пагубны»; что изъ-за нихъ многіе отъ Бога отстали и въ ересь впали»? Татищевъ соглашается: дѣйствительно, есть философія, «отвращающая отъ Бога», какъ, напр., ученія *древнихъ* философовъ, что «тварь самобытна», что «душа человѣческая отъ души міра часть есть и по смерти туда же возвращается,—чѣмъ воскресеніе отрѣшается» и т. п. Вѣрно также и то, что измыслить ересь можетъ только человѣкъ «ученый» и остроумный, «а по малой мѣрѣ—читатель книгъ (т.-е. начетчикъ)». Но вѣдь злоупотребить можно и священнымъ писаніемъ,—изъ чего вовсе не слѣдуетъ, какъ утверждаютъ «паписты», что Библію можно читать только духовнымъ. «Истинная» философія,—та, которая «нужна къ познанію Бога и къ пользѣ человѣка», — не только «не грѣшна», но полезна и необходима. Сами святые отцы «другихъ языковъ и многіе— философіи научены были». Истощивши религіозныя возраженія противъ науки, собесѣдникъ Татищева, наконецъ, прибѣгаетъ къ «политическому», яко бы слышанному имъ отъ «людей искусныхъ въ гражданствѣ»: «въ государствѣ чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и смятеній безопаснѣе; и для того науки распространять за полезное не почитаютъ». Татищевъ отвѣчаетъ, что въ Россіи, какъ и въ Турціи, бунтовала именно безграмотная «подлость», а не цивилизуемое теперь дворянство, что въ обученіи послѣдняго—правительство нуждается для собственныхъ цѣлей; что и изъ «подлости» теперь человѣкъ можетъ дослужиться хоть до полковничьяго чина, такъ что и здѣсь нужна наука; что «отъ неученія народа», въ собственномъ смыслѣ, происходитъ тотъ «вредъ», что народъ не знаетъ ни естественнаго, ни божественнаго закона; вмѣсто «внутреннихъ добродѣтелей» его учатъ духовные пастыри «человѣческимъ преданіямъ и внѣшнимъ благочестіямъ», что не мѣшаетъ ему впадать въ самыя грубыя преступленія, подвергающія его карѣ гражданскаго закона. «Противъ онаго маккіавелиста вкратцѣ скажу,— кончаетъ Татищевъ,— если бы ему всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ всѣхъ опредѣлить дураковъ, а въ дворецкіе, конюшіе, стряпчіе и въ деревни прикащиковъ безграмотныхъ, то онъ бы узналъ, какой порядокъ и польза въ его домѣ явятся; я же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ». Нельзя не замѣтить, что при всей силѣ отвѣта *суть* возраженія обойдена Татищевымъ, и центръ тяжести вопроса, надо думать, сознательно, перенесенъ на пользу науки, для государственныхъ «служителей» и для выясненія «подлому народу» его общественныхъ *обязанностей*, диктуемыхъ ему естественнымъ закономъ.

Обязанности эти, вполнѣ послѣдовательно, выводятся Татищевымъ изъ принципа разумнаго эгоизма, какъ и любовь къ ближнему. «Волѣ человѣка положена узда неволи для его же пользы, чтобы чрезъ это онъ могъ прочія благополучія въ уравненіи возможномъ имѣть и въ лучшемъ благополучіи пребывать». Но, однако, эта «неволя» не должна идти дальше, чѣмъ требуетъ личное «благополучіе». «Воля, по естеству, человѣку толико нужна и полезна, что ни едино благополучіе ей сравниться не можетъ и ни что ей достойно есть, ибо кто воли лишаемъ, тотъ купно всѣхъ благополучій лишается». «Весьма нужна» лишь та «узда неволи», которая налагается *«по природѣ»*, по недостатку собственнаго разума, напр., въ младенчествѣ власть «отеческая», изъ которой происходитъ, по Татищеву, и «власть монаршеская». Отъ этой власти «свободы иной нѣтъ, какъ природное разрѣшеніе». «Полезна» также и другая узда—«своевольной неволи», возлагаемой на себя самимъ человѣкомъ *«по договору»*: сюда относится и то «общественное согласіе, гдѣ для защищенія своего отъ нападенія сильнаго многіе совокупляются», составляя «общенародія или республики». Эта «неволя» разрушается нарушеніемъ договора. Наконецъ, «третіе лишеніе воли есть *насильное*, именуемое рабство»; оно «ничѣмъ кончиться не можетъ, какъ милостивымъ освобожденіемъ или собственнымъ невольника избавленіемъ». «Понеже человѣкъ по естеству имѣетъ свободу въ защищеніи и охраненіи себя, то онъ такое лишеніе своей воли терпѣть болѣе не долженъ, какъ до возможнаго къ освобожденію случая: зане естество намъ опредѣлило здравіе и вольность или свое собственное благополучіе защищать, а учиненныя обиды—отмщать, дабы не имущій страха отмщенія на большія обиды не дерзалъ». Въ другомъ мѣстѣ «Разговора» Татищевъ не останавливается передъ приложеніемъ этихъ общихъ разсужденій къ русскому крѣпостному праву. «Премѣненіемъ древнихъ обычаевъ иногда не малый вредъ наносился», говоритъ онъ; «напримѣръ, до царства Борисова въ Руссіи крестьянство было все вольное; но онъ слугъ, холопей и крестьянъ сдѣлалъ крѣпостными; за которое холопи Пронской, Болловня, собравъ свою братью и крестьянства немалое войско, великія пакости подѣлалъ». Съ точки зрѣнія естественнаго права—это было только «неразумно»: «ибо, если бы я былъ въ неволѣ у разбойниковъ или въ плѣнѣ у непріятеля, и дерзнулъ несравненно малою моею силою имъ отмщать и себя освобождать, тобъ я самъ своей погибели причиною былъ». Впрочемъ, при наличныхъ условіяхъ, Татищевъ обнаруживаетъ, повидимому, склонность отнести положеніе крѣпостныхъ къ «неволѣ по природѣ», т. е. къ первой категоріи. «Шляхтичъ всякій по природѣ судья надъ своими холопи и рабами и крестьяны». Такимъ образомъ, полагается начало теоріи, по которой власть помѣщика занимаетъ средину между отеческой и монархической. Рисуя въ своихъ «Экономическихъ запискахъ» идеалъ помѣщика, Татищевъ уже не углубляется въ принципіальный разборъ вопроса.

Но онъ остается вѣренъ себѣ, повторяя идеи «Разговора» объ относительности понятія «богатства» и ставя цѣлью помѣщичьяго хозяйства—не удовлетвореніе «ненасытныхъ желаній» обогащенія, а возможность «по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ прожить». «Познать законъ» крестьяне должны, учась читать и писать, отъ 5 до 10 лѣтъ; но это не устраняетъ необходимости самой строгой опеки надъ ними со стороны помѣщика, чтобы они не привыкли къ праздности и не разорились: очевидно, ихъ «неволя» вызывается, по первой категоріи, «недостаткомъ собственнаго разума».

Въ своей «Духовной» сыну (1734), предназначавшейся, очевидно, для болѣе широкой публики, чѣмъ «Разговоръ», и дѣйствительно распространившейся и въ рукописныхъ спискахъ, и въ печатномъ изданіи 1773 г., Татищевъ обнаруживаетъ еще больше уклончивости въ выраженіи своихъ мнѣній. Претерпѣвъ самъ «немало невиннаго поношенія и бѣдъ» за свое вольномысліе, онъ и сыну совѣтуетъ крайнюю осторожность и сдержанность въ разговорахъ, особенно съ «папистами» и «лицемѣрными ханжами», подъ которыми, очевидно, разумѣются враги направленія Ѳеофана Прокоповича. «Не обличай безумнаго, да не возненавидитъ ти»: это правило Соломоновой премудрости онъ самъ практикуетъ въ «Духовной», и потому ея содержаніе выходитъ гораздо ординарнѣе, чѣмъ могло бы быть при иныхъ обстоятельствахъ. Но свой главный принципъ—свободнаго изслѣдованія и сознательно-критическаго отношенія къ жизни—Татищевъ рѣзко подчеркиваетъ и здѣсь; и этого одного достаточно, чтобы сдѣлать изъ его «Духовной» полную противоположность «Завѣщанію» Посошкова, несмотря на частыя совпаденія обоихъ памятниковъ въ правилахъ прописной морали и совѣтахъ житейской опытности. «Главнѣйшее есть вѣра»,—провозглашаетъ Татищевъ,—но «главное» въ этомъ главнѣйшемъ дѣлѣ жизни есть—«охраняться» отъ «лицемѣрныхъ поступковъ и фарисейскихъ ученій», для чего необходимо критическое отношеніе къ «избыткамъ, законами человѣческими въ тягость положеннымъ». Татищевъ предвидитъ, что при такой критикѣ его сынъ «и подлинно» найдетъ «нѣкоторыя погрѣшности и неисправы или излишки въ своей церкви»; онъ только требуетъ, чтобы тотъ «никогда *явно* отъ церкви не отставалъ и вѣры не перемѣнялъ». Политическое вольномысліе, конечно, было еще опаснѣе религіознаго,—и Татищевъ совѣтуетъ сыну «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не соглашаться... какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали». Мы сейчасъ увидимъ, однако, что къ числу этихъ «нѣкоторыхъ» принадлежалъ одинъ моментъ и самъ Татищевъ, оставаясь, впрочемъ, въ то же время убѣжденнымъ монархистомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ настаиваетъ на сознательномъ отношеніи и къ общественной дѣятельности, требуя при этомъ—вопреки наставленіямъ разобранныхъ выше шляхетскихъ руководствъ,—чтобы сынъ его «при-

лежалъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной». Не надѣясь провести этотъ принципъ въ придворной службѣ, «понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва ли не всѣмъ добродѣлямъ предходятъ», онъ рекомендуетъ сыну гражданскую службу, такъ какъ она—вопреки мнѣнію большинства—«въ государствѣ есть главная, ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничто въ добромъ порядкѣ содержимо быть не можетъ, и во ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно». Именно поэтому необходима для такого рода службы—какъ, впрочемъ, и вообще для сознательнаго отношенія къ окружающему—серьезная научная подготовка. Когда Посошковъ говоритъ о «чтеніи книгъ», онъ разумѣетъ только священныя; необходимая наука для него одна—грамматика, признанная таковою еще въ XVII вѣкѣ, а идеалъ учености—курсъ славяно-греко-латинской академіи. Татищеву ясно, что этотъ максимумъ Посошкова есть лишь устарѣлая средневѣковая схоластика. «Шляхетскія науки», рекемендуемыя Зерцаломъ, онъ не отвергаетъ; но для его сына «необходимый» курсъ наукъ долженъ состоять частью изъ наукъ, введенныхъ Петромъ: «ариѳметики, геометріи и части инженерства», частью же,—для правильнаго понимавія окружающей дѣйствительности—изъ русской исторіи, русской географіи и русскихъ законовъ, гражданскихъ и военныхъ. Это—минимумъ, такъ какъ «Разговоръ» требуетъ гораздо бóльшаго.

Какъ видимъ, Татищевъ сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы примирить результаты своей критики съ традиціонными формами вѣры и жизни. Если не его теорія, то *какая-нибудь* подобная теорія была нужна для принципіальнаго оправданія новаго «свѣтскаго житія». «Подлымъ людямъ» не было нужды въ новомъ міровоззрѣніи; имъ легко было сохранить гармонію жизни и вѣры, хотя и мнимую, какъ мы видѣли у Посошкова, но тѣмъ не менѣе освященную традиціей. Новая жизнь необходимо требовала новой вѣры, такъ какъ со старой посошковской вѣрой ее *дѣйствительно* нельзя было примирить, а отказаться отъ нея, перемѣнить жизнь—было еще невозможнѣе. Русское шляхетство спаслось изъ этого затрудненія совершенно своеобразно: оно просто не сознавало ясно противорѣчія между старой вѣрой и новой жизнью, а потому и не спѣшило изъ него выходить. Жизнь была для него нѣчто вполнѣ наглядное, конкретное; а чѣмъ была для него вѣра? Она и прежде такъ мало занимала фактическаго мѣста въ жизни этого общественнаго слоя, такъ сводилась къ простой формальности—притомъ, весьма неаккуратно выполняемой (Посошковъ убѣждалъ своего образцоваго архіерея принуждать не только крестьянъ, но и дворянъ хоть разъ въ годъ говѣть),—что изъ отношенія къ ней большинство вовсе и не думало дѣлать вопроса совѣсти. Придумывать для «спокойствія души и совѣсти» новую теорію, какъ дѣлалъ Татищевъ,—никому не могло придти въ голову: просто потому, что въ этомъ не было никакой

внутренней потребности. Церковная обрядность никому не мѣшала и могла оставаться; а если она прикрывала иной разъ трупъ, лишенный жизни,—объ этомъ никто не тревожился, такъ какъ это происходило не отъ излишка, а отъ недостатка религіознаго чувства. При этихъ условіяхъ, дѣйствительно, страдалъ и подвергался упрекамъ въ «безбожіи» и «ереси» тотъ, кто «наивящше училъ о Богѣ», а кто объ этомъ вовсе не думалъ, могъ оставаться совершенно спокоенъ.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ общественномъ слоѣ традиціонныя формы вѣры, неприспособленныя къ новымъ формамъ жизни, отмирали мало-по-малу, оставляя одну пустоту, нечувствительную для большинства и поэтому не заполненную своевременно никакими новыми формами. Татищевъ пытался сохранить вѣру, своевременно отбросивъ изъ нея то, что его поколѣніе считало «суевѣріемъ». Большинство не рѣшалось и не чувствовало особой потребности отдѣлять вѣру отъ «суевѣрія». Зато, сохранивъ формально то и другое, оно фактически то и другое заразъ рисковало утратить. При посредствѣ дядекъ оба элемента усваивались нераздѣльно въ деревнѣ. При посредствѣ товарищей-офицеровъ оба выбрасывались изъ головы, въ вихрѣ свѣтскихъ увеселеній, въ столицѣ. Легкость, съ какой они выбрасывались, конечно, столько же объяснялась силой свѣтскихъ соблазновъ, сколько и слабостью деревенской морали. Чаще всего, деревенское времяпрепровожденіе уже являлось подготовкой къ столичному. По замѣчанію Татищева, «понеже все шляхетство... во отлученіи домовъ своихъ пребываютъ, а дѣти подъ призрѣніемъ матерей и холоповъ воспитываются, (то) обхожденіе дѣтей въ домѣ съ бабами, дѣвками и рабскими дѣтьми есть весьма вредное»; а именно, молодежь въ деревнѣ, «научается только нѣгѣ, спѣси, лѣности и свирѣпству»; напротивъ, «нужнѣйшее, именно знаніе исповѣданія вѣры, законовъ гражданскихъ и состоянія собственнаго отечества—назади въ забвеніи остается». Поэтому, «вмѣсто благонравнаго... часто развращенное воспитаніе въ дѣтяхъ знатныхъ людей примѣчено». И кн. Щербатовъ, совсѣмъ съ другой точки зрѣнія (см. о ней далѣе), приходитъ къ подобному же заключенію, оплакивая упадокъ традиціоннаго міровоззрѣнія, не замѣненнаго никакимъ другимъ. «Уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра», замѣчаетъ онъ объ интересующемъ насъ настроеніи столичнаго шляхетства въ ближайшее къ Петру время; «исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону: и нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить».

Итакъ, почва была неблагопріятна для распространенія сознательнаго отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности въ шляхетской средѣ. Шляхетство не могло усвоить себѣ новаго міровоззрѣнія, которое бы *на религіозныхъ началахъ* устраивало его отношеніе къ новымъ основамъ жизни. Отъ безсознательной вѣры ему гораздо легче было перейти къ безсознательному невѣрію.

Повидимому, иначе и благопріятнѣе складывались условія для выработки сознательнаго отношенія къ политическимъ вопросамъ въ средѣ шляхетства. Та же жизнь, которая заглушала въ немъ религіозное чувство, являлась для него школой политической мысли. Обстоятельства сложились, наконецъ, такъ, что столичному шляхетству пришлось формально высказать свое мнѣніе по важнѣйшему вопросу государственнаго строя (1730, при воцареніи императрицы Анны). Какую же степень сознательности оно при этомъ обнаружило?

Въ этомъ любопытномъ эпизодѣ ярко и рельефно обрисовались всѣ общественныя и интеллектуальныя силы тогдашней Россіи. Старая родовая аристократическая оппозиція сдѣлала послѣднее усиліе вернуть себѣ ту политическую роль, которую, по ея мнѣнію, отнялъ у ней Петръ Великій. Поставивъ все на карту, она все сразу проиграла. Главнымъ соперникомъ, помѣшавшимъ успѣху родовой аристократіи и ничего не выигравшимъ для себя, явилась новая чиновная аристократія петровской табели о рангахъ. Настоящимъ господиномъ положенія, спутавшимъ всѣ разсчеты знати и чина, была новая — и единственная дѣйствительная—соціальная сила, благородное шляхетство. Вмѣсто того, чтобы дожидаться подачки отъ одного изъ спорящихъ и одинаково безсильныхъ соперниковъ, которые наперерывъ принялись ухаживать за шляхетствомъ, какъ только увидѣли свою слабость, и все-таки предлагали ему за союзъ, по его мнѣнію, недостаточно много,—шляхетство предпочло обратиться за привилегіями непосредственно къ монаршей власти, и не ошиблось въ разсчетѣ. Наконецъ, новая государственная теорія поочередно служила для оправданія притязаній всѣхъ трехъ общественныхъ группъ, чтобы въ концѣ концовъ раствориться и потонуть въ традиціонныхъ чувствахъ рядоваго шляхетства. Прослѣдимъ же судьбу этой теоріи, которая насъ здѣсь главнымъ образомъ интересуетъ.

Въ рядахъ начавшей дѣло родовой аристократіи единственнымъ представителемъ европейской государственной теоріи явился кн. Дм. Мих. Голицынъ. Въ то время, какъ Долгорукіе при малолѣтнемъ Петрѣ II играли роль Шуйскихъ при царѣ Иванѣ IV—вплоть до разграбленія царскихъ драгоцѣнностей включительно, Голицына скорѣе можно было бы уподобить кн. Курбскому, съ его теоріей «избранной рады» и «совѣта всенародныхъ человѣкъ». Теперь эта теорія явилась въ шведскомъ костюмѣ. «Избранная рада»—это былъ теперь «Верховный совѣтъ», дѣлившій, подобно шведскому «государственному совѣту», съ государемъ его прерогативу. «Совѣтъ всенародныхъ человѣкъ»—это были, на подобіе шведскаго риксдага, т.-е. представительства государственныхъ сословій,—двѣ сословныя палаты депутатовъ отъ шляхетства и горожанъ (въ Швеціи были еще двѣ—отъ крестьянства и духовенства).

Дѣлежъ прерогативы съ «совѣтомъ» былъ утвержденъ имп. Анной

въ формѣ посланныхъ ей «кондицій». Это было захватомъ верховной власти въ руки «знатнѣйшихъ фамилій»,—такъ какъ своимъ сословнымъ палатамъ Голицынъ не предоставлялъ участія въ верховныхъ правахъ, а только охрану интересовъ соотвѣтствующихъ сословій; притомъ же и вся эта часть проекта Голицына еще находилась въ процессѣ разработки и обсужденія тѣмъ же Верховнымъ совѣтомъ. Но главное: проектъ вовсе обошелъ чиновную аристократію, которая со времени смерти Петра составляла особую политическую группу «генералитета»: это были высшіе четыре ранга, по табели соотвѣтствовавшіе «думнымъ чинамъ» XVII столѣтія (генералы, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники). Ни въ совѣтѣ, ни въ сословныхъ палатахъ голицынскаго проекта для нея не было мѣста, какъ для отдѣльной общественной группы. Между тѣмъ, помимо совѣта, она только одна и имѣла право оффиціально высказаться по вопросу. Она и воспользовалась этимъ, чтобы немедленно протестовать противъ проекта Голицына, расчитывая при этомъ опереться на собравшееся въ Москву къ свадьбѣ Петра II шляхетство. Послѣднее уже негодовало на «тираннію» совѣта, ничего еще не зная въ большинствѣ о сословныхъ палатахъ голицынскаго проекта. Но «генералитетъ протестовалъ не во имя своихъ собственныхъ интересовъ, а во имя принципа, во имя теоріи «естественнаго права». Выразителемъ—и чуть не инищіаторомъ—этого протеста явился Татищевъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, невольнымъ орудіемъ чиновной группы. Что гласило «естественное право» по поводу даннаго случая? Случай былъ предвидѣнъ и приложеніе къ нему теоріи — сдѣлано уже Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ упомянутой выше защитѣ «Правды воли монаршей». По «законамъ естественнымъ», подъ которыми и Ѳеофанъ разумѣетъ тѣ, которые «сами собою крѣпки» и основаны на томъ, что «не можетъ здравый разумъ человѣческій инако разсуждати», — по этимъ законамъ «единственная цѣль установленія какой бы то ни было формы правленія есть всенародная польза». «Всякій образъ правленія, и сама наслѣдственная монархія происходитъ отъ первоначальнаго соглашенія въ томъ или другомъ народѣ» (ср. выше). Заключивъ между собой договоръ и, такимъ образомъ, «совлекшись общей своей воли», народъ, однако, уже обязанъ безусловно повиноваться избранной имъ государственной власти и «не оставляетъ самому себѣ никакой свободности къ общимъ опредѣленіямъ». Но отъ народа зависитъ опредѣлить, на какой срокъ онъ отказывается отъ своей «общей воли» и передаетъ ее власти. Если народъ предпочтетъ монархію избирательную, то воля возвращается народу по смерти избраннаго монарха. Если же народъ установитъ монархію наслѣдственную, то тѣмъ самымъ онъ разъ навсегда «совлекается своей воли». Однако и тутъ, если «оскудѣетъ вся ближайшая фамилія» государя и не останется ни наслѣдниковъ, ни завѣщанія, «тогда воля, бывшимъ монархамъ отданная, возвращается къ народу».

Вотъ этотъ-то последній случай и представился по смерти Петра II: дочери Петра I и Екатерины I устранялись, какъ незаконныя, другихъ «ближайшихъ» наследниковъ и завещанія не было; следовательно, народная воля возвращалась къ «общенародію», и «народъ» могъ на основаніи естественнаго права, свободно выбирать себе ту или другую форму правленія. Но «народъ», а не Верховный советъ. Решеніе, каково бы оно ни было, по утвержденію Татищева, «должно быть согласіемъ всехъ подданныхъ, — некоторыхъ персонально, другихъ черезъ поверенныхъ». Вместо того, «четыре или пять человекъ» навязали «общенародію» новаго государя и новую форму правленія. По известной намъ классификаціи Татищева, это будетъ «насильственная неволя», противъ которой необходимо протестовать «и оное право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснеть», чтобы обидчики «на большій безпорядокъ не дерзнули» (ср. выше). Въ виду этого, Татищевъ предложилъ «требовать» отъ совета немедленнаго созыва представителей отъ шляхетства для перерешенія незаконно решенныхъ вопросовъ. Онъ не сомневался, что личность выбранной государыни эти депутаты «общенародія» утвердятъ, новую форму правленія забракуютъ, такъ какъ для блага Россіи необходимо самодержавіе,—но въ то же время выработаютъ «на время, доколе намъ Всевышній мужскую персону на престолъ даруетъ», особую организацію законодательной власти. Эта власть, временно учреждаемая «въ помощь ея величеству», должна состоять изъ двухъ палатъ, «вышняго (21)» и «нижняго правительства», которыя *сами себя пополняютъ* и въ сущности являются органами чиновной аристократіи, съ упраздненіемъ Верховнаго совета.

Итакъ, голосъ шляхетскаго «общенародія» предполагалось эксплуатировать въ интересахъ «генералитета», лишивъ шляхетство даже и той доли постояннаго участія въ правительстве, которая давалась ему сословными палатами Голицына. Этимъ воспользовался Верховный советъ и предложилъ шляхетству высказать свои желанія прямо, безъ посредства «генералитета». Естественно, что оно пожелало осуществить права «общенародія» полнее и непосредственнее — и потребовало *постояннаго* участія выборныхъ отъ шляхетства (100) при обсужденіи новыхъ законовъ и назначеніи на высшія должности. Насколько заинтересовалось собравшееся въ Москве «общенародіе» неожиданнымъ примененіемъ теоріи «естественнаго права» къ русской государственной практике, видно будетъ изъ следующихъ цифръ. Изъ 2000 присутствовавшихъ въ Москве офицеровъ около половины участвовали своими подписями въ заявленіяхъ шляхетства. Татищевскій проектъ, передававшій власть руками шляхетства генералитету, второпяхъ былъ подписанъ 288 лицами *). Но, получивъ предложеніе подать прямо

*) Изъ генералитета (170) присутствовало въ Москве 87 чел.

отъ шляхетства оффиціальное заявленіе, шляхетство собрало въ 2½ раза болѣе голосовъ (743) подъ заявленіемъ, которымъ требовало себѣ самому права постояннагó представительства.

На это Верховный совѣтъ точно такъ же не хотѣлъ согласиться, какъ и на собственное упраздненіе въ проектѣ генералитета. Шляхетству оставалось обратиться съ просьбой о выработкѣ новаго государственнаго устройства «по большинству голосовъ»—къ самой императрицѣ. Извѣстно, что это заявленіе передоваго кружка, вновь растаявшаго до 87 человѣкъ (въ ихъ числѣ Татищевъ), хотя и было подписано императрицей, но тотчасъ же стушевалось передъ раздраженными криками гвардейскихъ офицеровъ. Молчавшая до сихъ поръ половина шляхетства оказалась противъ всякаго примѣненія къ Россіи теорій «естественнаго права».

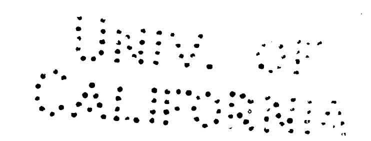
И она, однако же, не прочь была воспользоваться тѣми сословными льготами, которыя требовались всѣми проектами и общественными группами безъ различія: и Голицынымъ, и генералитетомъ, и конституціонной частью шляхетства. И всѣ эти требованія въ продолженіе тѣхъ же тридцатыхъ годовъ были удовлетворены правительствомъ: и отмѣна совѣта, и переустройство сената въ нѣкотораго рода «вышнее правительство» изъ 21 члена, куда введены были главные представители движенія—изъ болѣе чиновныхъ, и возстановленіе дворянскихъ баллотировокъ въ должности, и возстановленіе стараго порядка наслѣдованія, съ отмѣной закона о майоратѣ, и учрежденіе шляхетнаго корпуса, и наконецъ важныя льготы по военной службѣ, съ сокращеніемъ срока службы до 25 лѣтъ. Такимъ образомъ, на первый разъ, примѣненіе политической теоріи къ русской дѣйствительности только дало лишній толчокъ стихійному процессу развитія сословныхъ привилегій, не имѣвшему, конечно, съ теоріей ничего общаго, кромѣ случайнаго хронологическаго совпаденія.

Для общей исторіи времени пособія: Исторія Соловьева, т. XVIII—XX (IV компактнаго изданія); *Waliszewski*, L'héritage de Pierre le Grand, régne des femmes, gouvernement des favoris (1725—1741), Paris, 1900. На этой книгѣ невыгодно отразилось недостаточное изученіе эпохи въ русской литературѣ. *Brückner*, Die Europäisirung Russlands, Gotha, 1888. О развитіи роскоши при дворѣ см. *кн. Щербатова*, О поврежденіи нравовъ въ Россіи, въ его сочиненіяхъ, т. II, Спб. 1898 (также въ «Русской старинѣ» 1870). О провинціальномъ дворянствѣ см. Записки Болотова ч. I, изд. «Русск. Старины» (3 изд. 1875). Матеріалъ этихъ Записокъ обработанъ въ книгѣ *Е. Н. Щепкиной*: Старинные помѣщики на службѣ и дома. «Завѣщаніе отеческое» Посошкова впервые издано въ полномъ видѣ подъ ред. Е. Прилежаева. Спб. 1893. Помимо «Завѣщанія» для характеристики употреблено специальное сочиненіе Посошкова противъ раскола и протестантства: его «Зеркало», изд. въ сочиненіяхъ Посошкова, ч. II, М. 1863, кромѣ 23 главы, трактующей о протестантствѣ и до сихъ неизданной: ея изложеніе см. въ книгѣ *А. Царевскаго*: Посошковъ и его сочиненія М. 1883. Юности честное зерцало. Спб. 1767 (5 изд.). Совершенное воспитаніе дѣтей, *Беллегарда*, пер. С. Волчкова. 1747. Выписки изъ того и другого, а также и изъ

двухъ рукописныхъ руководствъ, цитированныхъ въ текстѣ, см. въ Исторіи русской педагогики *М. И. Демкова*, ч. II, Спб. 1897. «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ» Татищева изданъ *Н. А. Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1887, I. Изложеніе его у *Бестужева-Рюмина*: Біографіи и характеристики, Спб. 1882, слабо характеризуетъ этотъ замѣчательный памятникъ. Объ источникахъ теоріи Татищева, см. мои Главныя теченія русской исторической мысли, 2-е изд. М. 1898. «Краткія экономическія до деревни слѣдующія записки» Татищева изданы въ Временникѣ Общ. ист. и древ., книга XII, М. 1852. «Духовная» издана *А. Островскимъ* въ Извѣстіяхъ археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ унив. т. IV, Каз. 1884 (1885). Правда воли монаршей Ѳеофана см. въ собраніи записокъ и т. д. *Туманскаго*, ч. X. Спб., 1788. О попыткѣ верховниковъ см. Воцареніе имп. Анны Іоанновны *Д. А. Корсакова*, Казань, 1880 и моя статья: Попытка государственной реформы при воцареніи имп. Анны Іоанновны въ сборникѣ «Въ пользу воскресныхъ школъ», М. 1894.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Шагъ за шагомъ» (изъ записокъ учителя), И. Котлова.—Надежды и дѣйствительность современнаго педагога.—Почему надежды такъ скоро улетучиваются.—Бѣгство, какъ единственный выходъ изъ педагогической трясины.—Изъ текущей беллетристики—«Софья Пушкарева», повѣсть г. Гегидзе.—Воззваніе г. Мережковскаго къ «дѣтямъ» противъ «отцовъ».

Есть наболѣвшіе, жгучіе вопросы, которые, какъ назрѣвшій нарывъ, при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи вызываютъ ощущеніе острой, пронизывающей боли. И какъ съ нарывомъ, съ ними обращаются бережно, осторожно, устраняя все, что можетъ ихъ задѣть, разбередить или надавить. Въ такомъ положеніи былъ еще недавно и вопросъ о системѣ нашей школы вообще, нашего просвѣщенія, сверхъ до низу представлявшаго одно сплошное наболѣвшее мѣсто русской жизни. Къ нему подходили съ оглядкой, почти украдкой, стараясь съ возможной нѣжностью, съ тысячами китайскихъ церемоній коснуться робко и осторожно того или иного, особенно намозолившаго всѣмъ глаза, недостатка системы. Если дѣло шло о народной школѣ, говорилось льстиво и заискивающе о томъ, какое огромное значеніе можетъ имѣть просвѣщеніе для развитія нашей промышленности, приводились цитаты изъ чуть-ли не академическихъ трудовъ, доказывавшихъ съ мудрою осторожностью неразрывную связь между грамотностью и производствомъ. Какъ на одинъ изъ особыхъ соблазновъ, указывалось и на нѣмецкаго учителя, который яко-бы побѣдилъ Францію, или же нѣкоторые изъ ревнителей просвѣщенія пытались соблазнить аргусовъ онаго мыслью о важности грамоты въ борьбѣ съ пьянствомъ, причемъ строилась цѣлая система борьбы съ послѣднимъ на почвѣ народнаго просвѣщенія. Подымаясь выше, къ средней школѣ, мы становились еще осторожнѣе, еще скромнѣе и заботливѣе. Сквозь робкое лепетаніе запуганнаго родителя только и можно было разобрать что-то объ избыткѣ классицизма, о тягости экзаменовъ, о ненормальности порядковъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, гдѣ не столько учатъ, сколько блюдутъ за благонадежностью питомцевъ, дабы таковые, сохрани Богъ, не заразились тлетворнымъ ядомъ ложныхъ ученій. Запуганный родитель дѣлалъ видъ, что онъ самъ, собственными руками готовъ совершить казнь надъ своимъ дѣтищемъ, буде замѣтитъ въ немъ заразу, и только униженно просилъ не о справедливости, а о снисхожденіи, какъ бы напередъ признавая себя и всѣхъ присныхъ виноватыми. О высшемъ просвѣщеніи даже и не заикались, по крайней мѣрѣ, за послѣдніе 2—3 года это было великое, священное «табу», которое обходилось со страхомъ и смущеніемъ.

Но всякій нарывъ, какъ его не береги, долженъ вскрыться,—вскрылся, наконецъ, и вопросъ о необходимости «коренной реформы» нашего просвѣщенія, вопросъ не о частичныхъ измѣненіяхъ, не о преимуществахъ классической или реальной системы, а о реформѣ всего просвѣщенія сверху до низу, такъ какъ все оказалось пошатнувшимся и требующимъ не передѣлокъ, а новаго устроенія

на совершенно иныхъ, чѣмъ прежде, началахъ. Вопросъ такой огромной важности потребуетъ, конечно, и огромныхъ силъ и матеріала для своего разрѣшенія. Литература стояла до сихъ поръ въ сторонѣ отъ него, почему и нѣтъ этого матеріала, кромѣ рѣдкихъ и робкихъ попытокъ приподнять завѣсу, за которой скрывался этотъ своеобразный міръ, гдѣ воспитывались будущіе граждане и гражданки. И ждетъ этотъ міръ еще своего Помяловскаго, который описалъ бы его ужасы и страданія.

На одну изъ такихъ попытокъ мы хотѣли бы обратить вниманіе читателей. Это «Шагъ за шагомъ», записки учителя, въ которыхъ безхитростно разсказана исторія молодого учителя, его упованій и надеждъ, съ которыми онъ начинаетъ свое учительское поприще, и полнаго разочарованія и бѣгства изъ педагогическаго міра... въ желѣзнодорожное управленіе. Записки своего рода «человѣческій документъ», интересъ котораго въ томъ и заключается, что это—одна изъ безчисленныхъ исторій такого рода, обыденный случай и потому характерный.

Предъ нами учитель, только-что соскочившій съ университетской скамьи, повидимому, юноша съ добрымъ сердцемъ и открытымъ характеромъ, съ твердой вѣрой въ высокое призваніе педагога. Скептическія замѣчанія товарищей по факультету, болѣе трезвыхъ и менѣе способныхъ къ увлеченіямъ всякаго рода, не только не расхолаживаютъ его, но напротивъ, возбуждаютъ сожалѣніе, что они не могутъ понять всего значенія его высокой задачи, какъ учителя и воспитателя. «Или у васъ не достаетъ фантазіи представить себѣ, чѣмъ становится человѣкъ, разъ онъ учитель? Да кто же выше, кто же сильнѣе?.. Вы не урокъ сидите съ дѣтьми, не два, вы шагъ за шагомъ слѣдите за ними, вы подчиняете ихъ себѣ, и что же мудренаго, если отъ васъ не скроется малѣйшее движеніе той или другой ихъ способности, если вы поймете то или другое недосказанное слово, поворотъ головы, всѣ привычки учениковъ, всѣ слабости, всѣ капризы и баловство, радость и печаль, смѣхъ и слезы, и вамъ остается наставлять и направлять... Положительно, моя дорога опредѣлилась, и лучше ея нѣтъ». Читая эти строки, положительно завидуешь такому бодрому настроенію, съ какимъ нашъ авторъ начинаетъ свою трудную работу. Безъ увлеченія работой, безъ преклоненія предъ своей задачей нѣтъ и не можетъ быть истиннаго работника, настоящаго дѣятеля, который вноситъ въ дѣло свою душу и, подымаясь самъ надъ жизнью, поднимаетъ и другихъ. Если во всякомъ дѣлѣ это первое условіе успѣха, тѣмъ болѣе это должно быть такъ въ живомъ дѣлѣ, гдѣ приходится работать надъ живымъ матеріаломъ, который нельзя кромсать и рѣзать по мѣркѣ.

И на первыхъ порахъ условія складываются, повидимому, благопріятно для автора. Онъ получаетъ урокъ въ женской частной гимназіи и въ одномъ низшемъ профессіональномъ училищѣ. И тутъ, и тамъ его нѣсколько охлаждаетъ невозможность просто и свободно относиться къ предмету и ученикамъ. Останавливали также холодность и равнодушіе однихъ и скрытая враждебность другихъ товарищей по дѣлу. Они или равнодушно смотрѣли на свои занятія, какъ на одинъ изъ способовъ кормленія, или относились къ нимъ чуть не со злобой. Шалости учениковъ вызывали чуть не скрежетъ зубовный и противъ нихъ педагоги вооружались цѣлымъ арсеналомъ мѣръ и наказаній, удивлявшихъ нашего новичка своимъ несоотвѣтствіемъ съ размѣрами простой ученической рѣзвости. «Не годится распускать классъ», «нельзя позволять ходить на головѣ учащимся», «всякую дерзость и шалости необходимо карать по всей строгости, если хочешь пользы дѣтямъ и не желаешь держать отвѣта передъ Богомъ»,—такими сентенціями угощаютъ его на каждомъ шагу, дѣлая то дружескія, то начальническія замѣчанія, что вызываетъ въ нашемъ новичкѣ тоскливыя размышленія: «Воспитывать—это великое слово. Но развѣ значитъ воспитывать наказывая, отсылая «наверхъ» для расправы, или заставляя уче-

никовъ и ученицъ сидѣть такъ, чтобы слышно было муху въ классѣ? Въ такомъ случаѣ, почему же не посадить какого-нибудь дворника или сторожа—пусть онъ воспитываетъ. «Смирно!», «руки по швамъ!» Можно его даже какимъ-нибудь жезломъ вооружить. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, почему бы ему не исполнять педагогическихъ функцій? Вѣдь сторонники строгости дѣлаютъ то же самое. Развѣ нужно кончать курсъ въ университетѣ для того, чтобы придти въ классъ и крикнуть: «вонъ изъ класса!» или «пошелъ въ уголъ!»—И чѣмъ дальше, тѣмъ больше дисциплина смущаетъ автора, который такъ и не можетъ выбиться изъ противорѣчій. Съ одной стороны университетскія тенденціи, высшіе запросы отъ учителя и его дѣятельности, съ другой,—дворницкая манера усмиренія учениковъ посредствомъ палки, хотя не реальной, тѣмъ не менѣе совершенно опредѣленной и настоятельно рекомендуемой учителю начальствомъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ предметомъ преподаванія, въ данномъ случаѣ русскимъ языкомъ и словесностью. На первый планъ выдвигается опять-таки формальная сторона, грамматика и зубреніе правилъ, а литература, чтеніе, сознательное отношеніе къ прочитанному считается если не прямо и открыто вреднымъ занятіемъ, то лишь терпимымъ, какъ необходимое зло, котораго нельзя избѣжать, а потому надо уменьшить по возможности.

Выразителемъ такого отношенія педагогической среды къ литературѣ выступаетъ батюшка, который такъ аттестуетъ въ учительской комнатѣ современный театръ и литературу: «Это современная-то пьеса будитъ мысль?—Богъ съ вами! Мы за современный театръ, какъ и за всю современную литературу, передъ Богомъ отвѣчать будемъ. Молодежь посылать въ театръ? А по моему, нужно запретить мимо театра ходить молодежи; кажется, ужъ предѣлъ всякой безнравственности перейденъ, а вы молодежь хотите посылать въ современный театръ. Нѣтъ-съ, все одна грязь, все тенденція, словно ничего свѣтлаго не осталось. Во всякой-то, во всякой самой невинной исторіи непремѣнно черную сторону отыщутъ; чему же тутъ учиться, изъ чего извлекать для себя урока? А что, если это за примѣръ для себя возьмутъ, какъ и бываетъ теперь на каждомъ шагу? Отъ того у нашей молодежи и святого ничего нѣтъ, отъ того и вѣковыя традиціи поруганы, отъ того и совѣсть спитъ непробуднымъ сномъ. Къ нашимъ писателямъ примѣнимы слова Христа Спасителя: «не вѣдаютъ, что творятъ!» По истинѣ, трудно сказать, куда мы идемъ, и чего ожидать надлежитъ».

Еще большую тоску наводитъ на нашего молодого энтузіаста окружающая его учительская среда, гдѣ формализмъ уже вытравилъ всѣ порывы и высшія стремленія. Со злобой и пренебреженіемъ относятся его товарищи къ дѣлу и ученикамъ, сплетничаютъ другъ про друга и льстиво виляютъ хвостомъ передъ начальствомъ. И послѣднее ждетъ и требуетъ этой лести, какъ законной дани. Когда авторъ, считая праздничные визиты пустой и ненужной формой, не дѣлаетъ ихъ, ему при первой встрѣчѣ послѣ праздниковъ дѣлаютъ весьма прозрачное замѣчаніе со стороны начальницы. Но еще хуже оказалось дѣло, когда авторъ поступилъ въ мужскую гимназію для замѣны заболѣвшаго товарища. Тамъ его встрѣтила уже прямая подлость, въ видѣ склонности къ доносамъ другъ на друга, передачи директору всего, что сорвется обиднаго про его высокую особу.

И получается у него тягостный выводъ, что «учителя нерѣдко напоминаютъ автоматовъ». Это его пугаетъ, какъ бы и самому не стать автоматомъ, а требованія гимназическаго начальства побуждаютъ ясно и строго быть еще и «свирѣпымъ» автоматомъ. Авторъ никого изъ учениковъ не записываетъ въ такъ называемый «штрафной журналъ», и получаетъ выговоръ за то, что распускаетъ классъ. Инспекторъ, какъ кошка, бродитъ по коррвдорамъ и подслушиваетъ, какъ занимаются учителя съ учениками, нѣтъ-ли вольностей и не подходящихъ занятій.

*

Добиваетъ бѣднягу ужасная сцена, при которой ему приходится присутствовать. Захворавшій товарищъ его, Золотистовъ, при смерти, и авторъ приходитъ навѣстить его.

«— Ну,—прерывающимся голосомъ заговорилъ онъ,—что гимназія?—Я отвѣчалъ, что все въ ней благополучно и что тамъ дожидаются его. Золотистовъ улыбнулся.

«— Смотрите, продолжалъ онъ нѣсколько прерывающимся голосомъ,—не очень-то давайтесь въ руки нашей гимназіи... Держитесь подальше отъ нея... Пропадете иначе... Вотъ я погубилъ же себя... Водку пилъ, а она для меня ядъ... Вотъ и допился...

«Вдругъ скрипнула дверь, и въ тускло освѣщенной комнатѣ показались двѣ фигуры. Первой была сконфуженная и уничтоженная жена Золотистова, а второй оказался самъ Аристархъ Платоновичъ Кочинъ, директоръ нашей гимназіи, Павелъ Петровичъ мгновенно приподнялся, рукой оперся о подушку, буквально сверкнулъ глазами, какъ ни трудно было повѣрить этому нѣсколько минутъ тому назадъ, обернулся въ мою сторону какъ будто съ недовѣріемъ и бросилъ въ меня вопросомъ:—Аристархъ Платоновичъ?—Я не успѣлъ отвѣтить. Золотистовъ выпрямился и быстро-быстро заговорилъ:

«— Добро пожаловать, Аристархъ Платоновичъ, дорогой гость, рѣдкій гость, именитый гость... Жена, что же ты стоишь? чествуй, угощай такого гостя!.. Да не забудь, золотыми буквами на стѣнѣ запиши, какой мы чести удостоились... А стулъ, стулъ, кресло гдѣ же?

«Золотистовъ собирался, кажется, встать, но тутъ и директоръ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія.

«— Павелъ Петровичъ, успокойтесь,—сказалъ онъ и сѣлъ на одинъ изъ стульевъ.—Золотистовъ не унимался.

— Жаль вотъ, я-то прихворнулъ немножко, Аристархъ Платоновичъ, а тобы, охъ, какъ встрѣтилъ васъ! Ну да что ужъ; не посѣтуйте, займу васъ, займу разговоромъ... Да вы, впрочемъ, разсчитаться пришли со мной? Готовъ, Аристархъ Платоновичъ! Вы думаете, что за ваше посѣщеніе я забуду, какъ вы жилы-то изъ меня тянули, какъ вы душу мою вымотали...

«— Павелъ Петровичъ,—прервалъ Аристархъ Платоновичъ,—вы...

«— Да съ, я—Павелъ Петровичъ, и желаю вамъ сказать, что будетъ, будетъ, довольно меня одного... Перемѣните свою политику, пожалѣйте другихъ, Бога вамъ въ свидѣтели призываю, кусочекъ хоть жизни имъ оставьте... Вѣдь вздохнуть вы имъ не даете... Я, бывало, дня не видалъ, ночи не замѣчалъ, все съ гимназіей нянчился... Сколько разъ вы обѣщали прогнать меня! Меня, бывало, лихорадка два дня треплетъ, когда вы ко мнѣ на урокъ соберетесь, а какъ кто изъ учениковъ плохо отвѣтитъ, вѣдь вы меня измочалите, живого мѣста во мнѣ не оставите... Бывало, обнимусь съ бутылкой, да такъ и... охъ!

«И въ Золотистовѣ вдругъ словно что-то оборвалось: онъ покатился на постель и залился кашлемъ. Жена бросилась за водой. Директоръ схватился за голову и съ возгласомъ «охъ Боже мой!»—выбѣжалъ изъ комнаты, часъ спустя Золотистова покинуло сознаніе, а черезъ полтора его не было на свѣтѣ».

Подавленный и пораженный этой сценой авторъ рѣшаетъ безповоротно: «нѣтъ вонъ, вонъ изъ гимназіи!» Къ концу года онъ бѣжитъ совсѣмъ изъ міра педагоговъ и переходитъ въ желѣзнодорожное управленіе, «гдѣ нѣтъ никакого самообмана въ смыслѣ увѣренности въ своей широкой дѣятельности».

Кто могъ-бы осудить нашего автора за такую измѣну? Во всякомъ случаѣ не мы. Онъ поступилъ такъ, какъ должны были поступать—и поступали—многіе, болѣе даровитые и искренніе, педагоги. Онъ бѣжалъ не потому, что не было силы работать, а потому, что, кромѣ злѣйшаго вреда, его работа не могла ничего приносить. Ему предстояло стать однимъ изъ рядовыхъ той

арміи, задача которой заключалась не въ воспитаніи, не въ просвѣщеніи, а въ обезличеніи дѣтей и въ отупленіи ихъ. Грубо-лицемѣрная роль, предстоявшая ему на дѣлѣ, могла примирить съ собой только уже обезличеннаго и отупѣлаго человѣка. Живая личность не выноситъ лжи, величайшая тягость которой заключается именно въ невозможности проявить себя, развернуть всѣ свои дарованія, искренно, съ увлеченіемъ отдаться дѣлу. Вотъ почему живые люди бѣжали изъ школы, бѣжали безъ оглядки, кто въ акцизъ, кто на желѣзнодорожную службу, кто куда глаза глядятъ, лишь бы вырваться изъ этого кошмара лжи и лицемѣрія.

Теперь, оглядываясь на тридцатилѣтіе этой страшной системы, испытываешь нервную дрожь при воспоминаніи, скольких людей эта система полицейской школы загубила—однихъ, какъ Золотистова, доведя до пьянства, другихъ до полнаго нравственнаго паденія, третьихъ отупивъ и лишивъ послѣдней искры человѣческаго достоинства, какъ этого директора, уже неспособнаго даже замѣтить того, что творитъ. И подумать только, что такимъ людямъ было довѣрено воспитаніе нашихъ дѣтей! Однако, мы все это знали, все видѣли, присутствовали при ежедневномъ забиваніи и уродованіи этихъ дѣтей... Въ высшей степени трудно рѣшить, кто въ данномъ случаѣ былъ хуже—мы, родители, или дѣятели школьной системы. Быть можетъ, это покажется страннымъ, но мы склонны снисходительнѣе отнестить къ педагогамъ, чѣмъ къ родителямъ. Послѣдніе никакого снисхожденія не заслуживаютъ. Система была ужасна, спору нѣтъ, и дѣятели ея тоже, но они не встрѣчали противодѣйствія, за рѣдчайшими исключеніями. Это не только развязывало руки, но до нѣкоторой степени оправдывало дѣятелей системы въ собственныхъ глазахъ. Отсутствіе противодѣйствія создавало особую атмосферу безнравственности и разврата, въ которой самое вопіющее дѣяніе оставалось безъ осужденія, и совершившій такое дѣяніе чувствовалъ себя правымъ. Онъ не встрѣчалъ никого, кто могъ бы его остановить, а стоны и вопли жертвъ только раздражали. Голосъ совѣсти, положимъ, нельзя было заглушить въ себѣ, но совѣсть, какъ и все, требуетъ поддержки, и разъ ея нѣтъ, она слабѣетъ и глохнетъ. Чувство притупляется, и то, что еще сегодня вызываетъ дрожь отвращенія, завтра только непріятно волнуетъ, а тамъ дѣлается обыденнымъ явленіемъ, мимо котораго мы проходимъ, даже не поморщившись. Такъ было и въ данномъ случаѣ, и только не умирающая въ людяхъ жажда правды могла вскрыть противорѣчіе, лежащее въ основѣ системы, нынѣ, повидимому, осужденной на смерть.

Мы говоримъ «повидимому», какъ бы сомнѣваясь, такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Невольное смущеніе охватываетъ насъ при мысли, кто же будетъ создавать *новую* школу? Неужели тѣ же педагоги и дѣятели, которые тридцать лѣтъ съ усердіемъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть насаждали и укрѣпляли полицейскую школу? Если бы это было такъ,—отъ чего да хранитъ насъ судьба,—то позволительно усомниться въ результатахъ. Кто тридцать лѣтъ гнулъ все въ одну сторону, тотъ и самъ согнулся въ ту же сторону. Ему уже не разогнуться. Къ новому дѣлу онъ можетъ приступить только съ прежними пріемами, внося туда ту же ложь, то же лицемѣріе, что было и въ старомъ, быть можетъ, только болѣе утонченное лицемѣріе и ложь, болѣе скрытую и потому еще болѣе опасную. Устраненіе отжившихъ элементовъ отъ новаго дѣла—это первый шагъ по пути къ реформѣ. Нечего бояться, что не найдется достаточно живыхъ силъ, которыя приняли бы на себя дѣло новой школы. Онѣ есть въ нашемъ обществѣ, и готовы внести весь тотъ жаръ и жажду живого дѣла, которые до сихъ поръ не находили себѣ пищи и глохли втунѣ. Необходимы только условія для ихъ проявленія, въ этомъ весь вопросъ, а остальное все приложится.

Давно уже не приходилось намъ дѣлать обзора текущей беллетристики, и произошло это главнымъ образомъ отъ того, что текущая жизнь и текущая беллетристика сильно разошлись за послѣднее время, которое выдвигаетъ столько живыхъ злободневныхъ вопросовъ, въ родѣ только что отмѣченнаго нами. Поневолѣ все вниманіе устремляется въ другую сторону — въ жизнь, и приходится положительно дѣлать надъ собой усиліе, чтобы отвлечься отъ нея. Сама по себѣ беллетристика текущаго сезона очень интересна и даетъ болѣе чѣмъ достаточно матеріала для очень взыскательнаго читателя. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ обычныхъ разсказовъ и очерковъ, укажемъ на такія крупныя вещи, какъ «Трое», повѣсть г. Горькаго, или романъ г. Боборыкина «Жестокіе». Оба произведенія еще далеко не закончены, почему неудобно пока заняться ихъ разсмотрѣніемъ. Мы позволимъ себѣ поэтому остановить вниманіе читателей на новой повѣсти, начатой въ «Рус. Богатствѣ»,—«Софья Пушкарева» начинающаго автора г. Гегидзе. Повѣсть его почти закончена, хотя конецъ ея еще не появился, но ко времени выхода нашихъ замѣтокъ онъ уже появится, и читатели будутъ въ состояніи провѣрить правильность нашего заключенія объ этомъ «произведеніи» начинающаго автора.

Встрѣчая въ обществѣ новыхъ, незнакомыхъ намъ людей, мы безсознательно стараемся опредѣлить, насколько они похожи или нѣтъ на насъ, на нашихъ знакомыхъ, и чѣмъ менѣе они похожи, чѣмъ болѣе новыхъ чертъ мы замѣчаемъ въ нихъ, тѣмъ они интереснѣе для насъ. То же самое происходитъ и въ литературѣ, когда появляется новый писатель, въ особенности, если среди массы мелкихъ произведеній появляется нѣчто, повидимому, большое и широко задуманное. Нѣчто въ этомъ родѣ возбудилъ своей «Софьей Пушкаревой» и г. Борисъ Гегидзе, но, увы!—лишь на весьма малое время, такъ какъ выходъ слѣдующей же книги «Рус. Богатства» повергъ читателей въ крайнее недоумѣніе, не есть ли это своего рода мистификація или остроумная шутка? Оказалось, что новый авторъ копируетъ Толстого съ тщательностью и стараніемъ, которыя дѣлаютъ честь его трудолюбію, но никакъ не таланту. Можно было подумать, что почтенная редакція задалась цѣлью провѣрить, помнятъ ли ея читатели Толстого и смогутъ ли угадать, что предъ ними не самъ Толстой, а лишь искусная на него пародія, выдержанная по внѣшности до мелочей.

Подражаніе и копировка начинается съ перваго момента и чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе, пока, наконецъ, авторъ не становится совершенно наивнымъ, списавъ у Толстого цѣликомъ смерть Ивана Ильича почти до мельчайшихъ подробностей. Содержаніе «повѣсти» г. Гегидзе весьма несложно. Взята обыкновенная изъ обыкновенныхъ женщина и столь же обыкновенный, ничѣмъ не выдающійся мужчина. Они женятся, какъ бываетъ у многихъ и многихъ,— онъ потому, что ему нравится красивая дѣвушка, разбудившая въ немъ извѣстные инстинкты, она потому, что всѣ выходятъ замужъ. Слѣдуетъ абзацъ a la Толстой для объясненія. Когда они поженились, авторъ, опять-таки какъ яко бы и Толстой, начинаетъ самымъ подробнымъ образомъ излагать, какъ сложились ихъ супружескія отношенія, какъ вначалѣ героиня не желаетъ «этого», а герой только объ «этомъ» и мечтаетъ, и какъ въ концѣ концовъ добивается своего. Далѣе слѣдуетъ уже какъ по писанному—т.-е. все по Толстому: роды, первая измѣна мужа и первая любовь жены, затѣмъ повтореніе измѣны, наконецъ «смерть Ивана Ильича», т.-е. героя. Г. Борисъ Гегидзе выдерживаетъ свое подражаніе во внѣшнихъ, конечно, чертахъ, т. е. многословно, съ повтореніями разсказываетъ, причемъ его герои остаются, за рѣдкими исключеніями, за сценой, а вмѣсто нихъ ратоборствуетъ авторъ. Онъ изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы доказать, что всѣ несчастья жизни происходятъ изъ-за половыхъ отношеній, и такъ называемая любовь есть чистѣйшій вздоръ и одинъ самообманъ, прикрывающій низменные инстинкты человѣческой природы. Усвоивъ

манеру Толстого обобщать отдѣльные случаи и на нихъ строить цѣлыя системы, нашъ авторъ не усвоилъ, къ сожалѣнію, его громаднаго художественнаго таланта — давать живыхъ людей, которые поражаютъ насъ правдой изображенія ихъ жизни, такъ что, даже не соглашаясь съ общими выводами Толстого, читатель проникается этой правдой изображенія и, потрясенный, иногда просто убитый ею, долженъ признать, что это такъ, что иначе и быть не можетъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены лица повѣствованія. Ничего подобнаго, конечно, у г. Гегидзе нѣтъ и тѣни. Его Софья Пушкарева и ея супругъ все время остаются въ сторонѣ, мы ихъ не видимъ и должны вѣрить автору на-слово, что онъ говоритъ правду, что они именно такъ, а не иначе думаютъ, дѣйствуютъ, чувствуютъ. Еще въ началѣ, кое-гдѣ авторъ побалуетъ читателя, описавъ одну-двѣ сценки, какъ веселятся или любезничаютъ его герои, но чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ меньше считаетъ онъ нужнымъ церемонится, и «разговоръ» исчезаетъ окончательно, замѣняясь безконечными мертвыми страницами, написанными по трафарету а la Левъ Толстой. Мы выбираемъ для образца отнюдь не самую характерную страничку, чтобы показать, какъ потѣшно перелицовываетъ г. Гегидзе избранный имъ оригиналъ. Дѣло идетъ о томъ, какъ героиня начинаетъ замѣчать, что ея красота пропадаетъ и близится старость.

«Софья Николаевна всегда, во всю свою жизнь, вѣрила, что то, что случается съ другими, не можетъ случиться съ нею. Она видѣла, какъ многія женщины были хороши, какъ онѣ дурнѣли потомъ изъ года въ годъ и становились стары. Она видѣла, какъ Катя изъ прелестной дѣвочки въ двѣнадцать лѣтъ превратилась въ толстую некрасивую самку, и она плакала надъ этой гибелью. Она знала, что это естественно и что красота не можетъ быть вѣчной, она даже не жалѣла этихъ женщинъ, съ которыми это случалось. Для другихъ, для женщинъ всего міра, даже для Кати, какъ это ни было непріятно, все это было естественно и возможно. Но для нея, Софьи Николаевны Пушкаревой, съ *ея* умомъ и душой, съ *ея* мыслями, чувствами и желаніями—для нея это было совсѣмъ другое. Другія женщины были вообще другія, постороннія, существующія только по отношенію къ ней, вообще люди. Но она вѣдь была совсѣмъ отличное отъ всѣхъ людей существо, она была «я» съ «моими» радостями, «моимъ» горемъ, и ясно, что то, что примѣнимо къ нимъ, постороннимъ, совсѣмъ не можетъ относиться къ ней. Иначе, къ чему отреченіе отъ дѣтей, къ чему выходить замужъ не любя, за состоятельнаго Николая Александровича, къ чему выѣзжать на балы, увлекать мужчинъ и дѣлать все то, что она дѣлала въ жизни?.. Разсужденіе ея было самое простое. Она видѣла, какъ Катя и другія женщины дурнѣли, и, должна была, казалось, сказать себѣ: красота Кати пропала и красота другихъ женщинъ тоже пропадаетъ, пропадетъ и моя красота. А если такъ, если красота исчезнетъ въ концѣ концовъ, то нельзя такъ жить, какъ я живу, нельзя выше всего ставить ее и приносить ей жертвы, а надо искать чего-нибудь другого, высшаго, безсмертнаго, и ему служить. Но она говорила какъ разъ наоборотъ: Катя подурнѣла и другія женщины дурнѣютъ. Какъ это ужасно. Значитъ мнѣ нужно стараться, чтобъ у меня всегда была красота, и для того нужно не думать, что она можетъ пропасть, а вѣрить, что она всегда остается, и тогда будетъ все спокойно, и можно будетъ жить такъ, какъ я всегда жила. Такъ она думала и такъ она вѣрила и жила, а вотъ теперь оказалось иное».

И такими разсужденіями, написанными все такимъ языкомъ, наполнены десятки страницъ. Въ апрѣльской книгѣ «Рус. Богатства» изъ 54 стр. сорокъ заняты размышленіями на подобныя темы. Авторъ до того увлекается этой стороной творчества Толстого, что мѣстами совершенно забываетъ своихъ героевъ, ихъ жизнь и интересы, и начинаетъ цѣлыми страницами «списывать» у Тол-

стого. Такое именно впечатлѣніе производятъ страницы, посвященныя описанію болѣзни и смерти мужа героини. Сходство положеній, причины болѣзни, лѣченіе, мысли окружающихъ и больного—все это почти совпадаетъ, а поддѣлка подъ слогъ Толстого довершаетъ остальное, и получается такой странный выводъ, что г. Гегидзе выбросилъ изъ «Смерти Ивана Ильича» всѣ художественныя описанія, сохранивъ всѣ мысли и заключенія Толстого. Пусть читатели судятъ сами по слѣдующему небольшому отрывку.

«Всѣ знакомые Николая Александровича знали, что онъ тяжело боленъ, что надежды нѣтъ, и пользовались этимъ сообразно своимъ интересамъ. Очищалось мѣсто въ судѣ, и это было для всѣхъ важно. Товарищъ предсѣдателя Голубевъ поѣхалъ уже въ Петербургъ заручиться на случай смерти Николая Александровича обѣщаніемъ его мѣста. Сначала его посѣщали, но видъ его наводилъ на всѣхъ такое унылое настроеніе, напоминая, что вѣдь съ каждымъ изъ нихъ тоже можетъ случиться и что всѣ они умрутъ, и онъ самъ такъ неохотно разговаривалъ, что перестали бывать. Нѣкоторые, недовольные имъ, въ душѣ были рады, что онъ умираетъ, другимъ было жаль, что вообще умираетъ человѣкъ. Людей же искренно огорченныхъ не было. И не было въ этомъ ничего удивительнаго, потому что у Николая Александровича были хорошіе знакомые, съ которыми было пріятно поговорить и поиграть въ винтъ, но такихъ, которые бы его истинно любили и которыхъ бы онъ любилъ до забвенія своего «я»—такихъ людей не было. Николай Александровичъ хотя и жилъ въ обществѣ, жилъ въ сущности одинъ. То единеніе и братство людей, о которомъ Николай Александровичъ зналъ изъ евангелія и разсуждалъ въ гимназіи, казалось ему во всю жизнь безсмысленной мечтою и соціалистической утопіей или, по крайней мѣрѣ, какимъ-то отдаленнымъ, не касающимся его и не примѣнимымъ къ теперешней жизни, теоретическимъ идеаломъ».

Читая эти «толстовскія» мысли въ изложеніе г. Гегидзе, невольно недоумѣваешь, какими судьбами эта наивная копія Толстого могла очутиться въ печати, да еще на страницахъ одного изъ лучшихъ журналовъ, который до сихъ поръ не выказывалъ особой склонности даже къ самому Л. Толстому? Въ то же время возникаетъ и другой вопросъ, насколько вообще такой родъ «творчества» законенъ и умѣстенъ? Безъ подражателей и послѣдователей не создаются школы,—это несомнѣнно такъ. Но подражанія бываютъ разныя, дѣло не только въ степени и качествѣ. Можно очень искусно уловить манеру и духъ извѣстнаго писателя, но чтобы такое подражаніе имѣло право на бытіе, надо проявить и *себя*, въ заимствованную форму внести *свое* содержаніе. Только такимъ образомъ и создается школа. Подражаніе, доведенное до копировки, не имѣетъ никакихъ правъ на существованіе. Оно не нужно по существу, такъ какъ всякій предпочтетъ читать «Смерть Ивана Ильича» Толстого, чѣмъ въ передѣлкѣ г. Гегидзе. Кромѣ того, такое подражаніе несомнѣнно вредно прежде всего для самого г. Гегидзе, который и въ самомъ дѣлѣ вообразитъ себя писателемъ только на томъ основаніи, что написалъ десять печатныхъ листовъ, заимствованныхъ имъ у Толстого. Увлекаясь легкостью подобной работы, молодой авторъ утратитъ и слабые задатки оригинальности, которые, быть можетъ, у него есть, но которыхъ совершенно не замѣтно въ его «Софьѣ Пушкаревой». Не имѣя своего, оригинальнаго таланта, и лишь обладая нѣкоторой литературной способностью, такой подражатель, не замѣчая того, схватываетъ только слабыя стороны своего оригинала, которыя у послѣдняго выкупаются другими его громадными достоинствами. У Льва Толстого, напр., слогъ отличается особой оригинальной грубоватостью, благодаря которой его мысли и образы врѣзываются вамъ въ душу неизгладимыми чертами. Нашъ подражатель, г. Гегидзе уловилъ эту особенность, и его слогъ такъ и пестритъ этими повторяющимися «и», массой вводныхъ предложеній, союзами и т. п.,—и,

навѣрное, въ восторгѣ отъ такого сходства. Онъ забылъ только главное—художественность Толстого, у котораго каждое слово — новый образъ, каждое вводное предложеніе—новая черта, дополняющая общую картину, вслѣдствіе чего получается полное воспроизведеніе жизни, понятой и освѣщенной такъ, какъ безъ Толстого мы бы никогда ея не поняли.

Можетъ быть, г. Гегидзе напишетъ еще десятокъ—другой такихъ повѣстей, но въ литературу онъ не внесетъ ничего новаго, потому что *своего* у него ничего нѣтъ. Онъ просто копировальщикъ, не лишенный нѣкотораго литературнаго дарованія, ровно на столько, что-бы по его копіи можно было сразу угадать, съ какого образца она снята.

Г. Мережковскій разослалъ по всѣмъ редакціямъ письмо подъ заглавіемъ «Отцы и дѣти русскаго либерализма», въ которомъ жалуется на «гнетъ общественнаго мнѣнія», на то, что онъ «осужденъ при закрытыхъ дверяхъ». Этимъ письмомъ онъ желаетъ доказать, что не былъ понятъ своими обвинителями, и апеллируетъ къ молодому поколѣнію, къ «дѣтямъ» либерализма противъ «отцовъ». Изъ-за чего же шумъ?

Дѣло въ томъ, что, какъ разсказываетъ г. Мережковскій, предсѣдателю Литературнаго фонда П. И. Вейнбергу онъ предложилъ прочесть въ пользу этого учрежденія публичную лекцію: «Л. Толстой и Наполеонъ-антихристъ». Предложеніе это было принято, лекція разрѣшена и назначена. Но затѣмъ, послѣ извѣстной лекціи г. М-ого въ философскомъ Об-вѣ, комитетъ фонда постановилъ отклонить чтеніе лекціи. «Фактъ самъ по себѣ ничтожный,—говоритъ г. Мережковскій,—но нѣкоторый особый смыслъ пріобрѣтаетъ онъ въ связи съ тѣмъ негодованіемъ, которое возбудилъ мой докладъ въ Философскомъ Обществѣ—«объ отношеніи Л. Толстого къ христіанству». Въ лицѣ Литературнаго фонда представители извѣстной части русскаго общества, пользующіеся всеобщимъ и моимъ глубокимъ уваженіемъ, выразили мнѣ по этому поводу, хотя и въ самой вѣжливой формѣ, но все-таки понятное нравственное неодобреніе».

Г. Мережковскій протестуетъ противъ такого неодобренія и взываетъ къ общественному мнѣнію. Признаемся, его протестъ намъ кажется и страннымъ, и непонятнымъ. Фондъ, какъ учрежденіе исключительно благотворительное, заинтересованъ въ лекціи нашего автора прежде всего по-стольку, по-скольку она могла имѣть успѣхъ, а что успѣхъ ея былъ больше, чѣмъ сомнителенъ, это едва-ли кто сталъ бы отрицать. Кромѣ того, фондъ, не преслѣдующій никакихъ тенденцій въ своей дѣятельности, стоящій совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ литературныхъ партій и направленій, поступилъ бы крайне неосторожно, выступивъ съ лекціей, въ которой рѣзко проводился бы вполнѣ опредѣленный и враждебный взглядъ на дѣятельность и міровоззрѣніе одного изъ уважаемѣйшихъ русскихъ писателей. Такимъ неосторожнымъ поступкомъ фондъ ввязался бы въ партійную борьбу, что никоимъ образомъ не отвѣчало бы его задачамъ. Поэтому, отказъ комитета фонда, послѣ того какъ онъ ближе ознакомился изъ первой лекціи г. Мережковскаго съ взглядами и тенденціями его и съ манерой выраженія, доказываетъ только похвальную осторожность комитета и правильное пониманіе имъ задачъ и цѣлей фонда.

Г. Мережковскій можетъ держаться какихъ ему угодно взглядовъ и проводить ихъ всѣми средствами, какія находятся въ его распоряженіи. Это его несомнѣнное право, которымъ онъ и пользуется безпрепятственно, излагая свои взгляды на страницахъ «Міра Искусствъ» и «Новаго Времени», или издавая цѣлыя книги, въ которыхъ съ полнѣйшей свободой «раздѣлываетъ» Толстого. Такимъ образомъ никакого спеціальнаго «гнета общественнаго мнѣнія» онъ не испытываетъ, а произошло лишь то, что со всякимъ писателемъ бы-

ваетъ: онъ долженъ прибѣгать къ поддержкѣ тѣхъ органовъ печати, которые ему сочувствуютъ, и только. Было бы крайне странно, если бы для г. Мережковскаго сдѣлали исключеніе, и всѣ газеты и журналы открыли ему свои страницы, а фондъ и разныя другія благотворительныя учрежденія, устраивали бы лекціи и собирали публику его слушать. Непонятно поэтому, гдѣ здѣсь «утонченное, внутреннее насиліе», о которомъ говоритъ г. Мережковскій? Именно онъ то не можетъ жаловаться на насиліе, такъ какъ гораздо свободнѣе можетъ проводить свои взгляды, чѣмъ его противники, или, какъ онъ ихъ величаетъ—«мои обвинители». Послѣдніе могутъ отвѣчать ему только молчаніемъ, и г. Мережковскій, кажется, долженъ бы это понять. Только въ такомъ случаѣ онъ былъ бы правъ, если бы условія и для него, и для его противниковъ были равны, и тогда отказъ отъ его лекціи еще имѣлъ бы хоть тѣнь основательности. Но разъ этого нѣтъ, пусть г. Мережковскій довольствуется «Новымъ Временемъ» и не сѣтуетъ, если не согласно съ нимъ мыслящіе позволяютъ себѣ одно, возможное въ ихъ положеніи, отрицательно-молчаливое къ нему отношеніе.

Съ этой точки зрѣнія его обращеніе къ «дѣтямъ» противъ «отцовъ» едва ли умѣстно. Напрасно онъ думаетъ, что «дѣти» ополчатся за него въ данномъ случаѣ, возмущенные якобы «гнетомъ», какой «отцы» оказываютъ на свободу мысли г. Мережковскаго.

«Въ Россіи,—говоритъ онъ,—существуютъ «либералы» и «консерваторы»—пишу оба слова въ ковычкахъ: въ настоящее время очень трудно употреблять эти слова въ ихъ первомъ значеніи,—до такой степени не только явныя дѣйствія, но и тайныя чувства, мысли въ обоихъ лагеряхъ спутались. Кажется иногда, что главное свойство современнаго русскаго либерала заключается въ его безсознательной консервативности, такъ же какъ главное свойство наиболѣе искреннихъ консерваторовъ заключается въ ихъ безотчетномъ либерализмѣ. Консервативная русская дѣйствительность внушаетъ самыя либеральныя грезы, и, въ свою очередь, либеральныя русскія грезы кончаются самою консервативною дѣйствительностью. По мѣрѣ того, однако, какъ прежняя граница между «либералами» и «консерваторами» стирается, выступаетъ новое, гораздо болѣе жизненное, хотя еще не сознанное раздѣленіе между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, между «отцами» и «дѣтьми» русскаго либерализма. «Отцы» либералы съ каждымъ днемъ все болѣе кажутся дѣтямъ своимъ «консерваторами», а теперешніе отцы, подобно отцамъ всѣхъ временъ, считаютъ дѣтей своихъ непокорными блудными дѣтьми, «нигилистами», отступниками (въ политикѣ отцы—«народники», дѣти—«марксисты», въ искуствѣ—«реалисты» и «декаденты», въ философіи—«позитивисты» и «мистики»); считаютъ ихъ даже людьми «по ту сторону добра и зла»,—къ числу послѣднихъ, кажется, въ настоящую минуту отнесенъ и я. Я не обманываю себя: «отцы» либерализма не поймутъ меня, просто не услышатъ, потому ли, что нѣтъ у меня словъ для ихъ ушей, или потому, что у нихъ нѣтъ ушей для моихъ словъ. Но я теперь и обращаюсь не къ «отцамъ», а къ «дѣтямъ», къ моимъ сверстникамъ»...

Путаница, допущенная авторомъ въ этомъ обращеніи, такъ велика, что разобраться въ ней дѣло нелегкое. Онъ нигдѣ не поясняетъ, о какихъ консерваторахъ и либералахъ идетъ у него рѣчь, у какихъ именно либераловъ онъ подмѣтилъ «безсознательную консервативность» и у какихъ «искреннихъ консерваторовъ»—«безотчетный либерализмъ». Дѣло въ томъ, что оба понятія имѣютъ строго опредѣленное—политическое содержаніе, и понимаемые въ этомъ смыслѣ, консерваторы и либералы нисколько не измѣнились. Что же касается «дѣтей» и «отцовъ» либерализма, то въ политическомъ смыслѣ мы не знаемъ между ними никакой борьбы и никакихъ разногласій. Если «дѣти» въ цѣломъ рядѣ вопросовъ пошли теперь по иному пути, то это не мѣшаетъ имъ въ дру-

гихъ, не менѣе важныхъ вопросахъ быть съ «отцами» за одно, составлять съ ними «единъ духъ и едино тѣло». И въ вопросѣ относительно «христіанства» или «нехристіанства» Толстого дѣти не расходятся съ «отцами» нисколько. Для тѣхъ и другихъ этотъ вопросъ вовсе не представляетъ какой-то «бездны» или еще чего-то въ этомъ родѣ, какимъ онъ представляется самому г. Мережковскому. Напрасно, поэтому, думаетъ онъ втянуть въ свой споръ о Толстомъ «дѣтей» и «отцовъ», для которыхъ вопросъ о томъ или иномъ отношеніи къ «ученію» Толстого утратилъ свою остроту еще въ 80-ые годы. А та *совсѣмъ особая* точка зрѣнія, съ которой разсматриваетъ это ученіе самъ г. Мережковскій, такова, что меньше всего на ней могутъ столкнуться «отцы» и «дѣти». И тѣ, и другіе охотно уступаютъ эту точку зрѣнія г. Мережковскому, «Міру Искусства», «Нов. Времени» въ полную и нераздѣльную собственность, изъ вполнѣ понятнаго для насъ чувства, не позволяющаго касаться извѣстныхъ вещей, разъ нельзя говорить о нихъ съ полной искренностью и откровенностью. Положимъ, есть всякія «дѣти», но если г. Мережковскій имѣетъ въ виду опредѣленную группу,—а судя по его противопоставленіямъ, онъ обращается къ «дѣтямъ» опредѣленнаго лагеря,—то онъ обратился по ошибочному адресу. Эти «дѣти» ничего общаго не имѣютъ съ его взглядами въ вопросѣ о вѣрѣ Л. Толстого...

Свое обращеніе г. Мережковскій заканчиваетъ на всякій случай замѣчаніемъ: «Весьма вѣроятно, что меня и теперь не поймутъ или поймутъ ложно. Но тутъ уже по слову апостола: «не разумѣющій пусть не разумѣетъ». На это мы можемъ отвѣтить, что если и онъ насъ не пойметъ, то вина не наша, а тѣхъ обстоятельствъ, которыя такъ благосклонны г. Мережковскому, позволяя ему договаривать все до конца и не допуская насъ сказать самаго главнаго, въ чемъ заключается непроходимая пропасть между нимъ и нами. Думаемъ, однако, что онъ догадается, а если онъ такъ недогадливъ,—что дѣлать! Пусть тогда повѣритъ намъ на слово, что въ оцѣнкѣ поведенія г. Мережковскаго въ данномъ случаѣ — «отцы» и «дѣти» нисколько не расходятся, поступокъ комитета Литературнаго фонда «дѣти» вполнѣ одобряютъ и на мѣстѣ комитета поступили бы совершенно такъ же.

Впрочемъ, и самъ г. Мережковскій, хотя и взываетъ къ защитѣ, говоритъ, что «ихъ (т.-е. комитета фонда) безотчетное и благородное негодованіе по поводу взглядовъ моихъ на Л. Толстого я уважаю, какъ нѣчто глубоко-историческое, слѣдовательно, глубоко жизненное, безсознательно *консервативное*, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова—*охранительное*, дающее крѣпость всякой исторической плоти». Съ этимъ его заключеніемъ и мы вполнѣ согласны. Есть вещи, которыя надо охранять, оставляя въ сторонѣ партійную рознь, и въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, *общественная порядочность*.

А. Б.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

Нетерпимость ортодоксальнаго марксизма.—Теоретически несостоятельное и практически предосудительное «чтеніе въ мысляхъ», практикуемое ортодоксами подъ видомъ психологическихъ экскурсій. — Субъективный методъ г. Михайловскаго упраздненъ имъ самимъ въ февралѣ 1901 г. —Когда появились неортодоксальные марксисты и начался критическій поворотъ въ русскомъ марксизмѣ?—Нѣсколько словъ о моемъ литературномъ развитіи.—Мнимое пораженіе и исчезновеніе марксизма.—Опасенія г. Подарскаго и отставка, данная мнѣ г. Адамовичемъ. — Десятилѣтіе смерти Н. В. Шелгунова.—Идейная связь между его писаніями 1886—1891 гг., и умственнымъ движеніемъ 90-хъ гг.—Нѣсколько мыслей объ интеллигенціи и очередныхъ задачахъ нашего времени.

Какъ бы пишущему эти строки ни хотѣлось, чтобы въ нашей литературѣ упразднилась возможно скорѣе всякая ненужная полемика, но ему приходится поневолѣ полемически говорить по адресу тѣхъ, съ кѣмъ онъ въ настоящее время считалъ бы излишнимъ вести прямой споръ. Полемика была бы ненужна, если бы дѣло сводилось просто къ разномыслію и разногласіямъ, итоги которымъ, быть можетъ, вдумчивый читатель своими средствами подведетъ не хуже, чѣмъ нашъ братъ—полемизирующій писатель. Но что дѣлать, если г. Сурковъ многимъ тысячамъ читателей, черпающихъ изъ журналовъ не только мнѣнія, но и знанія или факты, преподноситъ фактически невѣрное освѣщеніе такихъ крупныхъ историческихъ дѣятелей, какъ Лассаль? Необходимо съ нимъ полемизировать, чтобы возстановить истину въ интересахъ нашихъ общихъ читателей *).

Съ г. Адамовичемъ, авторомъ чрезвычайно бойкаго письма въ редакцію «Жизни» (января 1901 г.), съ этой точки зрѣнія мнѣ нечего полемизировать. Фактовъ (въ общепринятомъ смыслѣ) онъ не извращаетъ, съ обезоруживающей откровенностью признаваясь, впрочемъ, что нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ пишетъ, онъ самъ въ сущности не знаетъ **). Онъ полагаетъ, что я «возвратился» не къ Фихте, а къ г. Михайловскому, что я идеалистъ не въ смыслѣ нѣмецкой идеалистической метафизики, а въ смыслѣ русской субъективной соціологіи. Эту тему г. Адамовичъ развиваетъ въ довольно забавной формѣ. Я не сомнѣваюсь, что онъ нашелъ много читателей, которые не только одобрили его за бойкость пера, но и повѣрили ему. Тѣмъ не менѣе, я не ощущаю охоты и не вижу надобности теперь, по случаю появленія статьи г. Адамовича

*) См. «На разныя темы», «Міръ Божій», мартъ.

**) Напр., Фихте и его философію. Нѣкогда г. Бельтовъ обличалъ г. Михайловскаго (конечно, безмѣрно преувеличивая въ полемическомъ задорѣ) въ томъ, что онъ знакомъ съ Гегелемъ и вообще съ исторіей философіи «по Льюису». Вѣрный ученикъ г. Бельтова, недурно подражающій его манерѣ, г. Адамовичъ самъ съ достойной всяческаго признанія откровенностью обнаруживаетъ, что онъ знакомъ съ философіей Фихте по Льюису и даже судитъ о ней, руководствуясь авторитетомъ англійскаго экономиста. Какъ скоро забыты злыя насмѣшки г. Бельтова!

и послѣ выхода въ свѣтъ моего предисловія къ книгѣ Н. А. Бердяева, разубѣждать читателя въ томъ, что мои воззрѣнія глубочайшимъ образомъ отличаются отъ взглядовъ г. Михайловскаго и прочихъ русскихъ субъективистовъ. Это не значитъ, чтобы я не чувствовалъ и сильной потребности, и серьезнаго обязательства развивать въ положительной формѣ нѣкоторыя идеи, намѣченныя въ указанномъ предисловіи. Но—да проститъ мнѣ г. Адамовичъ—спорить съ нимъ по существу я считаю излишней тратой времени. Есть, однако, въ писаніяхъ г. Адамовича и его товарищей одна черта, которую надлежитъ отмѣтить и достодолжнымъ образомъ освѣтить. Постараюсь сдѣлать это съ наименьшей затратой полемики. Указываемая мною черта заслуживаетъ освѣщенія не только по поводу ея обнаруженія въ ортодоксально-марксистской литературѣ, но и независимо отъ тѣхъ или другихъ историческихъ облаченій. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особою разновидностью *нетерпимости*. Нетерпимость можетъ проявляться въ двухъ областяхъ: въ теоретической и практической. Нѣтъ ничего болѣе привлекательнаго и для нравственной, говоря точнѣе, для нравственно-личной и нравственно-общественной жизни болѣе цѣннаго, какъ извѣстная практическая нетерпимость. Въ нравственно-личной и въ нравственно - общественной жизни необходимымъ, дѣйственнымъ, творческимъ и въ то же время санитарнымъ, предохраняющимъ и исцѣляющимъ началомъ является увѣренная въ себѣ, бодрая и рѣшительная *нетерпимость ко злу*. Но для того, чтобы признать что-нибудь зломъ, нужно имѣть основанія, незыблемо укрѣпленныя и въ нравственномъ сужденіи, и въ нравственномъ чувствѣ. Зло должно быть съ исчерпывающей ясностью познано и почувствовано какъ таковое. Нельзя никакими признаками описать и охарактеризовать этотъ процессъ моральнаго познаванія зла и переживанія его чувствомъ. Его испытывалъ на себѣ каждый, кто пробуждался отъ нравственной спячки, отъ заученнаго слѣдованія традиціи и принятымъ образцамъ къ свободной моральной дѣятельности, къ автономному, или самочинному рѣшенію проблемъ должнаго. Оглядываясь вокругъ себя, онъ замѣчалъ зло тамъ, гдѣ его не видѣлъ раньше, и открывалъ добро въ томъ, что прежде съ чужого голоса принималъ за зло. Эта эпоха пробужденія къ истинной моральной жизни, свободной и дѣятельной, вливаетъ въ душу множество новаго содержанія. Точно въ темную комнату врывается яркій дневной свѣтъ и окружающія вещи, прежде извѣстныя только на ощупь, начинаютъ расцвѣчиваться красками, выступаютъ въ зрительной перспективѣ и изъ нанизываемыхъ по-одиночкѣ слѣпыхъ ощущеній превращаются въ брызжущую свѣтомъ цѣльную картину...

Такъ пріобрѣтается неоцѣнимое право на нетерпимость ко злу. Всякому, кто недавно пробудился къ моральной дѣятельности, которая всегда является самодѣятельностью, мнѣ бы хотѣлось сказать: держитесь всѣми силами души за это право на нетерпимость, дорожите имъ, какъ бы дорого ни стоила вамъ его защита. Кто теряетъ въ себѣ сознаніе этого права и перестаетъ дѣятельно упражнять его, тотъ, медленно или быстро, постепенно или разомъ, подпадаетъ нравственному отупѣнію, заканчивающемуся подлинной нравственной смертью. Практическая нетерпимость въ особенности нужна и прямо незамѣнима въ эпохи, когда—по слову поэта-гражданина Ив. Аксакова—«сплошного зла стоитъ твердыня, царитъ безсмысленная ложь», когда она острыми зубьями впивается въ молодую развивающуюся жизнь и, не имѣя силъ побороть ее, наноситъ ей нестерпимую боль, плодя лицемѣріе, трусость и отступничество. Но практическая нетерпимость ко злу будетъ тѣмъ чище и сильнѣе, чѣмъ полнѣе и живѣе она будетъ соединяться съ широкой терпимостью въ области теоретическихъ разногласій, разногласій не о томъ, что должно быть по нравственному закону, а о томъ, что было, есть и будетъ въ силу естественной необходимости. Именно, какъ жиз-

ненное и живое начало, практическая нетерпимость не должна связываться съ догматической, безжизненно-сухой, мелко-подозрительной нетерпимостью къ чужимъ взглядамъ. Не надо забывать, что тотъ путь, который ведетъ къ познанію практической правды, гораздо прямѣе и яснѣе извилистой и темной дороги къ теоретической истинѣ...

Все, что я писалъ за послѣднее время по теоретическимъ вопросамъ, питало теоретическую нетерпимость ортодоксальныхъ марксистовъ (вродѣ г. Адамовича), переходящую, въ силу своеобразнаго характера марксистской догмы, у ея представителей въ нетерпимость практическую, хотя для послѣдней, казалось бы, здѣсь не должно быть никакого мѣста.

Эта нетерпимость практическаго свойства вытекаетъ изъ воззрѣнія, согласно которому извѣстные теоретическіе взгляды сами по себѣ—независимо отъ ихъ приложенія къ конкретнымъ проблемамъ и вопросамъ реальной общественной жизни, къ практически дознаннымъ интересамъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ и, что не менѣе важно, независимо отъ ихъ отношенія къ соціальному идеалу — признаются за буржуазные и реакціонные. Конечно, истинная наука совершенно не причемъ въ этой нетерпимости, которая выростаетъ на почвѣ мнящаго себя наукой суевѣрія. Ходъ мыслей, приводящій черезъ ортодоксальное суевѣріе къ нетерпимости, въ общихъ чертахъ таковъ. Извѣстному практическому воззрѣнію, выражающему и, такъ сказать, отстаивающему интересы опредѣленнаго общественнаго класса, а вмѣстѣ съ ними прогрессивное развитіе и интересы всего человѣчества, отвѣчаетъ одно вполнѣ опредѣленное теоретическое построеніе; всѣ же прочія теоретическія концепціи суть не отвѣчающія общечеловѣческому прогрессу выраженія интересовъ другихъ классовъ, антагонистическихъ или, по крайней мѣрѣ, прямо не солидарныхъ съ классомъ «избраннымъ». Вотъ въ краткой формулѣ то, что я назвалъ бы *основнымъ разсужденіемъ* ортодоксіи.

Это разсужденіе состоитъ изъ двухъ утвержденій, которыя совершенно напрасно выступаютъ у ортодоксовъ съ непререкаемой претензіей на истинность. Прежде всего, въ понятіи практическаго воззрѣнія, выражающаго и отстаивающаго практическіе интересы опредѣленнаго общественнаго класса, слиты два момента: моментъ цѣли и моментъ средствъ. Отстаиваніе опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ предполагаетъ, съ одной стороны, извѣстную, подлежащую достиженію цѣль и, съ другой—систему средствъ, направленныхъ на осуществленіе этой цѣли. Догматически выступающій ортодоксальный марксизмъ мнитъ себя обладающимъ безошибочнымъ знаніемъ единственно дѣйствительныхъ и потому правильныхъ средствъ для достиженія данной практической цѣли—общественной справедливости. Между тѣмъ вопросъ о правильномъ соотношеніи между цѣлью и средствомъ, т.-е. о выборѣ средствъ, не только могущихъ, но и съ естественной необходимостью долженствующихъ привести къ осуществленію поставленной цѣли, есть вопросъ теоретическаго знанія чрезвычайно сложныхъ и текучихъ общественныхъ отношеній. Въ такихъ вопросахъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста безапелляціонному догматическому рѣшенію. И нѣтъ мѣста абсолютной истинѣ. На словахъ ортодоксія признаетъ это, на дѣлѣ она, обуянная гордыней псевдонаучнаго знанія, постоянно третируетъ своихъ противниковъ такъ, какъ будто бы она обладала абсолютнымъ знаніемъ средствъ, ведущихъ къ осуществленію общественной справедливости. Но хуже того: ортодоксія не спрашиваетъ въ сущности о морально-соціальныхъ цѣляхъ разногласящихъ съ нею ученій, объ ихъ практическомъ разумѣ. Она оцѣниваетъ ихъ иначе: по тѣмъ средствамъ, которыя они предлагаютъ, она судитъ о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ выразителями этихъ ученій, о духѣ, ихъ проникающемъ, квалифицируя его, какъ буржуазный или реакціонный. Съ изумительной наивностью и непринужденностью представители ортодоксальнаго

марксизма производятъ подъ именемъ и подъ видомъ экскурсій въ область классовой психологіи это теоретически несостоятельное и практически предосудительное «чтеніе въ мысляхъ». Теоретическая несостоятельность этого своеобразнаго психологическаго «изслѣдованія» состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что здѣсь на основаніи чисто теоретическихъ сужденій о соотношеніи между средствами и цѣлью оцѣнивается практическій духъ ученій, писателей и дѣятелей, во-вторыхъ—въ томъ, что въ сущности сами оцѣнщики не обладаютъ никакимъ прочно установленнымъ научнымъ знаніемъ средствъ, ведущихъ безошибочно къ осуществленію общественной справедливости. Они читаютъ въ душахъ на основаніи весьма сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ подлежащихъ долгой теоретической и практической провѣркѣ положеній. Этого мало. Практически-теоретическая нетерпимость идетъ еще дальше. Припомнимъ нашу формулу, резюмирующую «основное разсужденіе» ортодоксіи. Это разсужденіе содержитъ въ себѣ ученіе о томъ, что извѣстному практическому міросозерцанію соотвѣтствуетъ одно вполнѣ опредѣленное теоретическое міросозерцаніе, всѣ же прочія построенія суть «отъ лукаваго», отъ буржуазіи и, значитъ, реакціонны. Это воззрѣніе представляющее въ крупномъ масштабѣ воспроизведеніе разобраннаго нами выше заблужденія и опирающееся опять-таки на «классовую психологію», есть не болѣе не менѣе, какъ чистѣйшее суевѣріе. Оно фактически невѣрно, являясь выраженіемъ вовсе не дѣйствительности, а лишь страстнаго желанія остановить движеніе мысли на одной его ступени, своей обаятельной стройностью и законченностью производящей какое-то гипнотизирующее дѣйствіе. Кромѣ того, въ корнѣ его лежитъ несостоятельная a priori и убійственная одинаково и для теоріи, и для практики мысль о какой-то единообразной зависимости между практическимъ и теоретическимъ міросозерцаніемъ. Такой зависимости нѣтъ и быть не можетъ. Связь между научно-философскимъ пониманіемъ, съ одной стороны, и практическими воззрѣніями на общественно-должное, съ другой стороны, представляетъ чрезвычайно важный предметъ индивидуальной и соціальной психологіи. Но психологическое истолкованіе, призванное вскрывать и объяснять эту связь, если оно желаетъ быть научнымъ, а не топорнымъ, должно всего болѣе беречься тѣхъ грубыхъ пріемовъ, при помощи которыхъ ортодоксальный марксизмъ огромной, поистинѣ малярной, кистью произвольно и разомъ окрашиваетъ самыя тонкія и сложныя психологическія явленія въ одинъ цвѣтъ... классовой психологіи. Связь между теоретическими положеніями и практическими идеями во всѣхъ сколько-нибудь цѣнныхъ и оригинальныхъ построеніяхъ индивидуальна и чрезвычайно сложна. И главное: психологическое изслѣдованіе этой связи не даетъ ничего ни для обоснованія, ни для опроверженія тѣхъ теоретическихъ построеній, которыя въ силу этой связи сожительствуютъ въ сознаніи съ такими-то и такими-то практическими идеями. Возьмемъ довольно грубый примѣръ. Связь классической и вульгарной политической экономій съ практическими буржуазными идеями не опровергаетъ и не обосновываетъ теоретическихъ положеній буржуазныхъ экономистовъ. Практическія идеи могутъ, вторгаясь въ извѣстныя теоретическія построенія, фальсифицировать ихъ *), но этой судьбѣ принципіально одинаково подвержены и воззрѣнія Маркса, и воззрѣнія его противниковъ. Для успѣховъ научнаго изслѣдованія огромную важность имѣетъ принципіальное раздѣленіе между теоретическими построеніями и практическими идеями, устанавливающее взаимную независимость и тѣхъ, и другихъ. Это принципіальное раздѣленіе должно быть признано за руководящее

*) Съ другой стороны, практическія идеи могутъ косвеннымъ путемъ чисто психологическихъ ассоціацій и наведеній оплодотворять теоретическую работу мысли новыми точками зрѣнія.

начало отысканія теоретической истины. Только при сознательномъ и полномъ проведеніи этого начала за научнымъ изслѣдованіемъ можетъ быть обезпечена та внутренняя свобода, которая есть основное условіе развитія науки. Ортодоксальный марксизмъ, постоянно выслѣживающій теоретическую мысль и съ особымъ усердіемъ, по заранѣе данной формулѣ, подкарауливающій ея «психологическія» связи съ практическими идеями, слишкомъ часто по этимъ связямъ, а не по объективнымъ критеріямъ логики и опыта, судитъ объ истинности теоретическихъ построеній *).

Построенія, изобличенныя въ психологической связи съ буржуазными идеями, отметаются, другія, чистыя порожденія прогрессивной классовой психологіи, на основаніи этого происхожденія, возводятся въ рангъ истинъ. Научныя истины добываются тутъ не—или, во всякомъ случаѣ, не только процессомъ, руководимымъ правилами логики и указаніями опыта. Въ значительной мѣрѣ процессъ критическаго добыванія истины сводится къ тому, что теоріи и положенія подвергаются психологическому «разбору» или «сыску», который и рѣшаетъ ихъ судьбу.

Таковъ субъективный методъ ортодоксальнаго марксизма. Съ точки зрѣнія теоріи познанія, онъ—какъ я показалъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Бердяева—ничуть не хуже, но и не лучше *бывшаго* субъективнаго метода г. Михайловскаго. Я не шучу, читатель, говоря о *бывшемъ* субъективномъ методѣ. Fuit Troja! Субъективный методъ Н. К. Михайловскаго упраздненъ. Эту ампутацію произвелъ не кто иной, какъ самъ г. Михайловскій, и я такому счастливому событію могу только радоваться. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Небольшая бѣда и въ томъ, что г. Михайловскій свое теперешнее отношеніе къ субъективному методу переноситъ въ прошлое. «Я,—говоритъ онъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства»,—не только не обращалъ несомнѣнный соціально-психологическій фактъ субъективнаго отношенія къ дѣйствительности въ гносеологическую норму, а, напротивъ, рекомендовалъ нѣчто вродѣ того, что въ астрономіи называется пріемомъ, (а, пожалуй, и методомъ) «личнаго уравненія»... Не подчинять интеллектуальную совѣсть этической совѣсти предлагалъ я изслѣдователямъ, а выяснять эту этическую совѣсть себѣ и другимъ, регулировать—на сколько это возможно—въ интересахъ самого познанія вліяніе того соціально-психологическаго факта, неизбѣжность котораго признаютъ и г. Струве, и г. Бердяевъ» (стр. 119).

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, «упорство, легкомысліе, тупость» (таковы подлинныя деликатныя выраженія г. Михайловскаго, стр. 117) писателей, возражавшихъ противъ субъективнаго метода, скрывали отъ нихъ, что таково его существенное содержаніе? Вѣдь, если субъективный методъ, который отстаивался

*) Приведу одинъ весьма выпуклый образчикъ.

Съ наивностью неофита и съ лично ему свойственной развязностью г. Андреевичъ заявилъ, что его интересуютъ въ сущности не «алгеброическія формулы» и «объективныя доказательства», выдвинутыя въ спорѣ о цѣнности, а «волевые, субъективные элементы», въ которые «проникнуть» бываетъ однако, по его собственному признанію, «обыкновенно очень трудно». Но трудности—для другихъ: г. Андреевичъ съ изумительною легкостью преодолѣваетъ ихъ тутъ же на глазахъ читателя. Онъ прямо изрекаетъ: «признаніе того, что цѣнности создаются не только трудомъ, но и капиталомъ—вотъ формула, теоретически оправдывающая мѣщанство». Въ этой формулѣ—по словамъ г. Андреевича—окончательно «оформились, опредѣлились»—«мѣщанскія симпатіи г. Струве» (Жизнь Январь 1901 г. Очерки текущей русской литературы, стр. 251). Вотъ яркій примѣръ подмѣны научнаго отысканія истины психологическимъ «чтеніемъ въ мысляхъ», выслѣживаніемъ «волевыхъ, субъективныхъ элементовъ».

г. Михайловскимъ, по своему существу сводится къ этому, то непонятно, зачѣмъ онъ былъ съ такою помпою провозглашенъ и противопоставленъ методу объективному. Это была бы въ такомъ случаѣ чистѣйшая загадка.

Несмотря на всю спутанность формулировки и неясность мысли г. Михайловскаго, онъ все-таки выражался на столько ясно, что мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать слѣдующее: подъ названіемъ субъективнаго метода онъ отстаивалъ вовсе не то, что онъ теперь подразумѣваетъ подъ этимъ наименованіемъ, а нѣчто иное и гораздо болѣе содержательное, въ чемъ выдвигаемая теперь мысль играла роль лишь одной и даже не главной черты. Субъективный методъ въ соціологіи въ той полнотѣ, въ какой его нѣкогда отстаивалъ г. Михайловскій, сводился къ двумъ основнымъ идеямъ или, вѣрнѣе, на нихъ опирался.

1) Соціологіи недоступно, по самому соціально-психологическому существу ея проблемъ, общеобязательное, или объективное ихъ рѣшеніе.

2) Соціологія, въ силу той же особенности ея проблемъ, задается и должна задаваться не только вопросомъ о томъ, что есть, но и вопросомъ о томъ, что должно быть. Иначе говоря, соціологія есть дисциплина не только объясняющая, но и нормирующая.

Эти особенности соціологіи отводятъ въ ней крупное мѣсто субъективному элементу, или субъективизму, или субъективному методу, и какъ тамъ еще называется это милое дитя, которое, по-нѣмецкой поговоркѣ, носитъ много именъ. Настаивая на соціологическомъ субъективизмѣ, г. Михайловскій прежде разсматривалъ его не какъ нѣчто, въ конечномъ итогѣ подлежащее устраненію, а какъ нѣчто, подлежащее *оправданію*. Теперь субъективный методъ объявляется системой пріемовъ, призванной устранять или парализовать субъективизмъ познаванія въ области общественныхъ явленій. Если субъективный методъ есть методъ, направленный противъ субъективизма въ познаніи, если онъ есть методъ «личнаго уравненія» въ соціологіи, то не лучше ли, во славу логики и здраваго смысла, весь споръ о немъ рѣшительно прикончить тѣмъ, что признать этотъ столь много нашумѣвшій субъективный методъ самозванцемъ и перекрестить его въ *антисубъективный*?..

Такъ, въ февралѣ 1901 года русскій соціологическій субъективизмъ, безъ всякихъ раздирательныхъ сценъ, волею самого г. Михайловскаго, тихо скончался, о чемъ я считаю полезнымъ довести до свѣдѣнія всѣхъ друзей и знакомыхъ почившаго. Дѣлаю это, однако, не только безъ всякаго душевнаго прискорбія, но наоборотъ, съ нескрываемой превеликою радостью.

Въ этомъ фактическомъ отступленіи безъ видимости отступленія сказывается однако черта, вообще, къ сожалѣнію, рѣзко отличающая г. Михайловскаго. Онъ слишкомъ снисходителенъ къ себѣ и своимъ ошибкамъ, будучи въ то же время слишкомъ строгимъ и прямо несправедливымъ къ своимъ противникамъ, а потому невнимательнымъ и забывчивымъ въ тѣхъ пунктахъ, о которыхъ ему надлежало бы хорошо помнить. Такъ, онъ говоритъ, что «маленькое слово» «ортодоксальность» есть небольшое облачко, намѣчающееся въ предисловіи г. Бердяева», и продолжаетъ: «Ортодоксальность вошла въ словесный обиходъ нашихъ марксистовъ очень недавно и появилось это слово какъ-то внезапно и безшумно, именно какъ легкое облачко на ясномъ небѣ. Для меня, впрочемъ, давно была ясна его необходимость, вслѣдствіе чего я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ добивался разрѣшенія вопроса о настоящихъ и ненастоящихъ марксистахъ».

Однако, какъ плохо помнитъ г. Михайловскій ту литературу, съ которой онъ такъ рѣзко спорилъ! Если ужъ говорить о легкомъ облачкѣ, то въ каче-

ствѣ таковаго слово «ортодоксальность» или «ортодоксія» появилось на небѣ русскаго марксизма, во всякомъ случаѣ, не позже, какъ въ 1894 году въ предисловіи къ моимъ «Критическимъ замѣткамъ». Это слово появилось тутъ въ контекстѣ, очень близкомъ къ цитируемой г. Михайловскимъ фразѣ Бердяева. Бердяевъ въ 1900 г. пишетъ: «авторъ примыкаетъ къ совершенно опредѣленному направленію, но чуждъ ортодоксальности», я въ 1894 году писалъ: «примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ *) взглядамъ, онъ (т. е. авторъ) нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ, если только подъ ортодоксіей не разумѣть стремленія къ послѣдовательному мышленію».

Г. Михайловскій утверждаетъ, что критическій поворотъ въ русскомъ марксизмѣ есть главнымъ образомъ отраженіе поворота, происшедшаго въ западноевропейской литературѣ марксизма. Однако, это *фактически невѣрно*. Въ чемъ состоятъ самыя характерныя черты критическаго поворота въ марксизмѣ? Въ попыткахъ сочетать марксизмъ съ критической философіей, исходящей отъ Канта и въ отрицаніи тѣхъ построеній, которыя извѣстны подъ названіями Zusammensbruchstheorie и Verelendungstheorie; наконецъ, въ чрезвычайно осторожномъ отношеніи къ сложной и трудной проблемѣ аграрной эволюціи. Въ «Критическихъ замѣткахъ» была сдѣлана первая въ литературѣ марксизма попытка привлечь къ развитію и обоснованію марксизма критическую философію; въ нихъ же были развиты взгляды, заключавшіе въ себѣ отрицаніе Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie; наконецъ, по отношенію къ проблемѣ аграрной эволюціи рекомендовалась необходимая осторожность и излагались взгляды, ничего общаго съ ортодоксіей не имѣющіе, но не оставшіеся безъ вліянія въ послѣдующей литературѣ **).

Такимъ образомъ, основные мотивы критическаго поворота въ марксизмѣ были предвосхищены, правда, въ очень несовершенной и рудиментарной, но все-таки довольно явственной формѣ, въ моей книгѣ 1894 года. Вообще въ «Критическихъ замѣткахъ» была цѣлая куча ересей, и неудивительно поэтому что и въ 1894 г. многимъ изъ ортодоксальныхъ марксистовъ моя неортодоксальность казалась не легкимъ облачкомъ, а скорѣе,—если ужъ брать метеорологическія сравненія—зловредной еретической тучей, весьма выразительнымъ доказательствомъ «буржуазности» моего образа мыслей. Но то было иное время, чѣмъ теперь. Главною задачей «Критическихъ замѣтокъ» была полемика съ народническимъ пониманіемъ экономическаго и общественнаго развитія Россіи, и этотъ *антинароднический* характеръ моей первой литературной попытки въ значительной мѣрѣ скрадывалъ отъ литературныхъ противниковъ мою неортодоксальность, а ортодоксальныхъ марксистовъ съ нею до извѣстной степени примирялъ. Въ тоже время я и разумомъ, и чувствомъ понималъ тогда, что прежде всего необходимо вести и покончить союзную борьбу противъ народничества и подготовлять новое пониманіе русской дѣйствительности. И, не будучи никогда ортодоксомъ, я чувствовалъ себя въ этой задачѣ вполнѣ солидарнымъ съ ортодоксіей. Въ то время мнѣ казалось преждевременнымъ рѣзко выдвигать и развивать критическія сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что они во мнѣ самомъ еще не отвердились въ достаточной мѣрѣ. Когда народничество—силой вещей и аргументовъ—оказалось разбитымъ и въ сущности упраздненнымъ, положеніе дѣла измѣнилось. Я не считалъ уже ни нуж-

---

*) Конечно, рѣчь шла не о русской литературѣ.

**) Такъ нѣкоторые взгляды, высказанные въ «Критическихъ замѣткахъ», несомнѣнно отразились на одномъ изъ основныхъ построеній изслѣдованія Булгакова «Капитализмъ и земледѣліе». Долженъ, однако, замѣтить, что съ большинствомъ взглядовъ и методическихъ пріемовъ Булгакова я не согласенъ.

нымъ, ни возможнымъ воздерживаться отъ открытой постановки критическихъ задачъ и принялся за дальнѣйшее развитіе своихъ еретическихъ сомнѣній и думъ. Тутъ критическая работа шла у меня параллельно съ выработкой положительнаго міровоззрѣнія, расширившейся далеко за предѣлы критическаго исправленія и истолкованія марксизма, и во многомъ съ нимъ порывавшей. Впрочемъ, этотъ пересмотръ начался еще во время моего союза съ ортодоксіей, не нарушая тогда этого союза. Я уже указалъ на критическій характеръ моей книги, вышедшей въ 1894 году. Въ ней была намѣчена и, если можно такъ выразиться предъуказана въ значительной мѣрѣ моя критическая эволюція. Дальнѣйшій рѣшительный шагъ въ критикѣ ортодоксальнаго марксизма былъ сдѣланъ мною въ напечатанной въ самомъ началѣ 1897 года статьѣ *), которая получила форму замѣтки по поводу книги Штаммлера «Хозяйство и право» и рецензіи на нее С. Н. Булгакова, но по своему содержанію сложилась еще до выхода въ свѣтъ сочиненія Штаммлера; въ этой статьѣ я рѣшительно возсталъ противъ марксистскаго пониманія соотношенія между свободою и необходимостью. Въ томъ же году въ статьѣ о Цюрихскомъ конгрессѣ я въ совершенно категорической формѣ свелъ счеты съ Verelendungstheorie и Zusammenbruchstheorie. Все это было до «великаго событія» въ западно-европейской литературѣ марксизма, до выхода въ свѣтъ книги Бернштейна **). Г. Михайловскому, вѣроятно, также не безызвѣстно, что и въ западно-европейской литературѣ я выступилъ съ работой, которая, каковы бы ни были ея недостатки, во всякомъ случаѣ не списана ни съ Бернштейна, ни съ Вольтмана, ни съ Массарика и вовсе не навѣяна этими и другими критиками марксизма. Г. Михайловскій могъ замѣтить вообще, что русское критическое движеніе въ марксизмѣ отличается отъ западно-европейскаго гораздо большей смѣлостью, рѣшительно и безъ всякихъ примирительныхъ оговорокъ и недомолвокъ, порывая съ тѣми положеніями марксизма, которые оказываются въ глазахъ представителей этого движенія несостоятельными. Замѣчу кстати, что мой ближайшій товарищъ по литературной дѣятельности М. И. Туганъ-Барановскій такъ же, какъ и я, никогда не былъ ортодоксальнымъ марксистомъ и всегда относился сдержанно и критически къ трудовой теоріи цѣнности. Критическое движеніе въ русскомъ марксизмѣ не только возникло независимо отъ западно-европейскаго, но и носитъ на себѣ вполнѣ оригинальныя черты.

Если за мой критическій радикализмъ г. Михайловскій и ортодоксальные марксисты считаютъ справедливымъ лишить меня званія марксиста, то да будетъ ихъ воля. Я не боюсь быть «дикимъ» и брать то, что мнѣ нужно, и у Канта, и у Фихте, и у Маркса, и у Брентано, и у Родбертуса, и у Бемъ-Баверка, и у Лассаля.

Тѣхъ, однако, кто указываетъ на глубокія перемѣны, происшедшія въ моихъ взглядахъ съ тѣхъ поръ, что я опубликовалъ «Критическія замѣтки», я покорнѣйше просилъ бы не забывать, что въ очень многомъ и очень существенномъ я не только не отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но, наоборотъ, въ нихъ еще болѣе укрѣпился. Я считаю до сихъ поръ вѣрными взгляды на экономическое развитіе Россіи, высказанные мною въ 1894 году.

Мнѣ кажется, что именно эти взгляды, чуждые крайностей какъ ортодок-

---

*) «Свобода и историческая необходимость» въ «Вопросахъ философіи и психологіи».

**) Это уже отмѣтилъ одинъ изъ сотрудниковъ «Жизни», въ общемъ, кажется, болѣе сочувствующій «ортодоксіи», чѣмъ «критикѣ». Ср. П. Берлинъ. «О бернштеніанствѣ» Жизнь 1901 г. февраль, стр. 120. «Не Бернштейнъ первый указалъ на эту необходимость внести поправку въ распространенное представленіе о марксизмѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, его опередилъ П. Струве».

сальнаго марксизма, такъ тѣмъ болѣе народничества, въ полемикѣ съ которымъ они были высказаны, вошли уже въ значительной мѣрѣ въ общее сознаніе и даже, быть можетъ, незамѣтно для самого г. Михайловскаго, очень сильно даютъ себя знать въ «Русскомъ Богатствѣ». Случилось это просто потому, что эти взгляды имѣли за собой сильную союзницу—силу вещей и жизни. Сущность ихъ сводится къ утвержденію тождества въ общихъ чертахъ экономическаго и соціальнаго развитія Россіи и другихъ странъ европейской культуры, къ соціально-экономическому *западничеству*, не только не исключающему, но, наоборотъ, подкрѣпляющему и незыблемо утверждающему западничество во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Это всестороннее западничество отнюдь не отрицаетъ своеобразія національнаго развитія. Наоборотъ, только торжество чаяній такого западничества обезпечитъ—на основахъ общечеловѣческой свободы—всю возможную полноту оригинальнаго и дѣятельнаго національнаго развитія, истиннаго творчества народнаго духа и жизни. Въ русскомъ западничествѣ всегда жило и живетъ настоящее уваженіе къ національному духу и та истинная ревность о немъ, которой наиболѣе приличествуетъ загаженное ненавистниками свѣта и свободы наименованіе патріотизма. Истинные ревнители національнаго величія, истинные патріоты вовсе не тѣ, кто помышляетъ только о томъ, какъ бы разъ навсегда приковать національный духъ—точно каторжника къ тачкѣ—къ опредѣленнымъ формамъ духовно-общественнаго бытія, но, наоборотъ, тѣ, кто, вѣря въ силу и крѣпость свободно зиждущаго національнаго духа, стремятся снять съ него всѣ путы, утвердивъ незыблемую основу достойнаго національнаго существованія — «отвержденныя» въ правѣ права личности *)... Впрочемъ, я увлекся нѣсколько въ сторону отъ отчета о своей литературной работѣ. Такой отчетъ я считаю нужнымъ дать въ виду того, что за послѣднее время я слишкомъ часто фигурирую у однихъ въ роли отступника и даже чуть не самозванца, съ котораго слѣдуетъ безжалостно «сорвать маску» **), у другихъ—въ роли вернувшагося «блуднаго сына», начисто отказавшагося отъ своихъ юношескихъ увлеченій и въ нихъ раскаявшагося. Слишкомъ это ужъ просто, господа!

Между прочимъ, въ критикѣ народничества мною было показано, что это направленіе было какъ бы загипнотизировано мастерской, написанной рукой Маркса, картиной капиталистическаго развитія Англіи и принимало этотъ частный случай капиталистическаго развитія за капиталистическую эволюцію вообще. Это заблужденіе было вскрыто, какъ одинъ изъ источниковъ пресловутаго народническаго ученія о своеобразныхъ путяхъ нашего экономическаго развитія, ученія, побѣдоносно ссылавшагося на очевидное несходство экономической эволюціи Англіи и Россіи. Теперь, полемизируя съ марксизмомъ, представители народнической экономіи принуждены не просто ссылаться на Маркса, бывшаго для нихъ нѣкогда непогрѣшимымъ авторитетомъ, которому они рабски слѣдовали въ пониманіи западно-европейскихъ и американскихъ хозяйственныхъ отношеній. Теперь они должны—вмѣстѣ съ прочими критиками Маркса—критиковать общеприложимость и обоснованность всей его концепціи развитія капиталистическаго хозяйства вообще. Въ этомъ радикальномъ измѣненіи позиціи народническихъ экономистовъ и ихъ продолжателей повинны «марксисты». А это измѣненіе позиціи народниковъ означаетъ собой не болѣе не менѣе, какъ упраздненіе народничества. Ибо народники, ссылающіеся на западноевропейскую т. н. «бур-

---

*) Пользуемся формулой, недавно пущенной въ оборотъ въ газетѣ «Право».

**) Новѣйшее открытіе состоитъ въ томъ, что я «либералъ, переодѣтый марксистомъ». Представьте себѣ мой ужасъ, читатели, когда я однажды проснулся не болѣе не менѣе, какъ... презрѣннымъ «либераломъ»! Я схватилъ себя за голову и въ сознаніи своей неисправимой либеральной грѣховности сталъ читать «Вѣстникъ Европы».

жуазную» экономію противъ Маркса и марксистовъ и отрицающіе такимъ образомъ, что и западное экономическое развитіе идетъ по Марксу, еще менѣе похожи на своихъ, нѣкогда слѣпо слѣдовавшихъ Марксу, предшественниковъ, чѣмъ такіе явно отпавшіе отъ «марксизма» еретики, какъ пишущій эти строки, похожи на ортодоксовъ. Разница между положеніемъ народничества и марксизма только та, что ортодоксальные народники, держащіеся классическаго противопоставленія капиталистическаго Запада некапиталистической Россіи и на этомъ противопоставленіи основывающіе свои предвидѣнія и чаянія, почти совершенно исчезли и не пользуются никакимъ вліяніемъ, тогда какъ ортодоксальные марксисты, несмотря на то, что ихъ союзъ съ г-номъ Туганъ-Барановскимъ и мною распался, до сихъ поръ представляютъ довольно многочисленную и вліятельную литературную группу.

Вотъ почему, когда я читаю досужіе толки о пораженіи и гибели марксизма, мнѣ дѣлается какъ-то неловко. Вѣдь, если литературный лагерь марксистовъ распался (я этого не отрицаю), то противный литературный *лагерь* какъ таковой, просто *пересталъ существовать*. И пусть мнѣ не указываютъ на «Русское Богатство». Несмотря на присутствіе въ немъ, въ качествѣ руководителя, г. Михайловскаго, никогда, впрочемъ, не имѣвшаго никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ по основному предмету марксистско-народническаго разногласія—по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи, «Русское Богатство» именно въ этомъ основномъ пунктѣ волей-неволей получило во второй половинѣ 90-хъ гг. сильную «марксистскую» прививку и отстоитъ отъ народничества «Судебъ капитализма», пожалуй, дальше, чѣмъ отъ марксизма, какъ критическаго, такъ и ортодоксальнаго. Въ то же время никакого подобія той, цѣльности, которая, дѣйствительно, характерна для марксистской ортодоксіи, въ «Русскомъ Богатствѣ» нѣтъ. Говорю это не въ видѣ упрека — для меня цѣльность марксистской ортодоксіи ничего привлекательнаго не представляетъ, а просто констатируя фактъ...

Я даже съ немалымъ огорченіемъ подивился успѣхамъ, за послѣднее время сдѣланнымъ въ «Русскомъ Богатствѣ» нѣкоторыми наиболѣе сомнительными идеями марксизма. Такъ, въ № 12 за прошлый годъ «Русскаго Богатства» новый его журнальный обозрѣватель г. В. Г. Подарскій открылъ, что мое «увлеченіе идеалистической философіей отражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ, которые повсюду теперь предпочитаютъ трезвой критической мысли и положительной наукѣ—гашишъ метафизики и «сверхчувственныхъ» фантазій» (стр. 140). Я помню, конечно, что и г. Михайловскій нѣкогда, вполнѣ независимо отъ марксизма, тяготѣлъ къ «экономическому» или «матеріалистическому» объясненію метафизики *), но то было давно, и я врядъ ли ошибусь, если предположу, что г. Подарскій, объясняя мое увлеченіе метафизикой «печальнымъ состояніемъ умовъ господствующихъ классовъ», вдохновляется не столько г. Михайловскимъ, сколько самимъ Марксомъ или Энгельсомъ. Умный и прямо геніальный человѣкъ былъ Марксъ, но все-таки ни ему, ни кому иному не удавалось и не удается связать иначе, какъ бѣлыми нитками и грубыми декретами, метафизическое творчество съ «состояніемъ умовъ господствующихъ классовъ». Или это—просто тавтологическій оборотъ (упоеніе гашишемъ метафизики выражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ—что же кромѣ печальнаго состоянія можетъ вообще означать склонность къ «гашишу»?), въ которомъ высказывается личное отношеніе г. Подарскаго къ метафизическому умозрѣнію, или это—соціологическое обобщеніе, стоящее вполнѣ на уровнѣ знаменитаго истолкованія Энгельсомъ, Бернштейномъ и другими неокантіанства, какъ философскаго міровоззрѣнія склоняющейся

*) См. мое предисловіе къ книгѣ Бердяева.

къ упадку буржуазіи, какъ какого-то философскаго Katzenjammer'а господствующихъ классовъ. Конечно, поскольку въ философскомъ творчествѣ принимаютъ участіе по преимуществу члены «господствующихъ» классовъ, оно отражаетъ собой состояніе ихъ «умовъ», но для меня между понятіемъ «классъ» и понятіемъ «философское творчество» лежитъ столь большое разстояніе, и притомъ не пустое, а наполненное самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, что я не въ силахъ вовсе мыслить себѣ одно понятіе какъ субъектъ, другое—какъ предикатъ такого сужденія, которое могло бы претендовать на какой-либо человѣческій смыслъ. И когда у меня—согласно принятому и одобренному трафарету—возникаетъ въ головѣ вопросъ, какой классъ повиненъ въ метафизикѣ Спинозы или Фихте, то я—скажу безъ всякаго стыда—начинаю просто глупѣть отъ подобнаго вопроса. Признаюсь, что подобное же чувство оглупѣнія вызвала у меня и марксистская фраза журнальнаго обозрѣвателя «Русскаго Богатства». Кто былъ виноватъ въ моемъ плачевномъ состояніи, предоставляю рѣшить читателю.

Г. Подарскаго, повидимому, сильно заботитъ мое «увлеченіе элементами идейной реакціи», въ числѣ которыхъ значится не только «гашишъ метафизики», но также «филистерская вода бернштейніанства». Она, боится журнальный обозрѣватель «Русскаго Богатства» «зальетъ то пламя, которымъ пылаетъ, вдохновляясь Лассалемъ, нашъ мятущійся авторъ» (т.-е. я), и тогда въ моихъ рукахъ «вмѣсто свѣтильника истины окажется чадящая головня» (стр. 140—141). То, что кажется г. Подарскому «элементами идейной реакціи», «гашишемъ» и «филистерской водой» (хорошо въ самомъ дѣлѣ это сочетаніе въ одномъ человѣкѣ упоенія метафизическимъ «гашишемъ» и «филистерской воды!»), я ощущаю въ себѣ, какъ живые и бодрящіе душу элементы идейнаго развитія, движущіе меня впередъ. Я не знаю, откуда взялъ г. Подарскій, что я тяготѣю къ филистерству Бернштейна. Тутъ кроется крупное недоразумѣніе, которому, казалось бы, не должно быть рѣшительно никакого мѣста послѣ опубликованія моего нѣмецкаго критическаго опыта о марксовой теоріи соціальнаго развитія и послѣ выхода въ свѣтъ книги Бердяева съ моимъ предисловіемъ. Нельзя съ одного вола драть двухъ шкуръ. Нельзя одного человѣка обвинять въ двухъ противоположныхъ и взаимноисключающихъ себя умонастроеніяхъ въ: «сверхчувственныхъ фантазіяхъ» и въ «филистерствѣ». Если я критиковалъ основныя концепціи ортодоксальнаго марксизма, вскрывалъ псевдонаучность и утопичность, то я дѣлалъ это не для того, чтобы открыть двери филистерству. Наоборотъ, я хотѣлъ бы распахнуть ихъ настежъ свободному творчеству идеаловъ, болѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ псевдонаучные шаблоны ортодоксіи. Для этого необходимо было показать, что притязанія ортодоксальной догмы на научность незаконны, и что тамъ, гдѣ она мнитъ творить науку, она находится уже въ плѣну утопіи. Реализму Бернштейна я сочувствую, но филистерство его мнѣ чуждо. Если я въ чемъ-нибудь могу быть обвиненъ, то ужъ отнюдь не въ филистерствѣ, а, наоборотъ, въ *критической реабилитаціи* его злѣйшаго врага, *утопизма*, т.-е. свободнаго творчества соціальныхъ идеаловъ. Какъ бы я ни блуждалъ и ни спотыкался въ своихъ исканіяхъ, какъ бы ни тщетны были мои усилія добыть свѣта, могу смѣло увѣрить г. Подарскаго, что въ результатѣ этихъ усилій того «чада», котораго онъ боится, не будетъ. Ни идеализмъ, ни критическій духъ никогда не бывали повинны ни въ какомъ чадѣ. По силамъ ли моему теоретическому разуму отысканіе истины—не мнѣ судить; но я поручусь за свой практическій разумъ, что у него всегда хватитъ силъ далеко отбросить отъ себя всякую «чадящую головню».

Опасенія г. Подарскаго относительно «чадящей головни» выражаются г. Адамовичемъ въ формѣ непререкаемыхъ утвержденій. За мной, по его словамъ, «стоитъ... регрессивное общественное теченіе», «противъ котораго онъ (т.-е. я) безсиленъ». «Поэтому,—продолжаетъ г. Адамовичъ—намъ остается только выра-

зить наше искреннее сожалѣніе и раскланяться съ г-номъ Струве. Мы оцѣниваемъ по заслугамъ первые шаги г-на Струве, которыми онъ прокладывалъ дорогу, новому міросозерцанію, но теперь, увы, мы можемъ только сказать одно:

Der Mohr hat seine Arbeit gethan—der Mohr kann gehen.

На это я могу отвѣтить, во-первыхъ, что никогда ни къ какой теоріи я ни въ «мавры», ни въ рабы или крѣпостные не поступалъ и поступить не былъ бы способенъ. А что касается до желанія г. Адамовича—во что бы то ни стало демонстративно раскланяться со мной, то мнѣ, наоборотъ, привлекательный пылкій и дѣйственный духъ г. Адамовича (я беру его, какъ нѣкоторое коллективное лицо, какъ представителя многихъ и многихъ) внушаетъ совсѣмъ иное желаніе. Мнѣ хочется сказать ему: зачѣмъ раскланиваться и расходиться недружелюбно?

Въ самомъ дѣлѣ, не торопится ли г. Адамовичъ? И поневолѣ мнѣ приходятъ на умъ другія слова изъ той же шиллеровской драмы, слова, въ которыхъ Фіэско рекомендуетъ пылкому Бургоньино не торопиться обливать его презрѣніемъ *). Правда, г. Адамовичъ не Бургоньино, а я не Фіэско, и даритъ онъ меня не презрѣніемъ, а отставкой. Но во всякомъ случаѣ я не «мавръ» г. Адамовича и его друзей. И, воистину, напрасно коллективный г. Адамовичъ *торопится*.

12-го апрѣля исполнилось 10 лѣтъ со смерти Н. В. Шелгунова. Я считаю умѣстнымъ по этому внѣшнему поводу напомнить читателю о Шелгуновѣ, указавъ на живую и въ то же время историческую связь идей Шелгунова съ послѣдующимъ литературно-общественнымъ движеніемъ.

Шелгуновъ умеръ въ 1891 г. на межѣ двухъ важныхъ въ исторіи нашей внутренней жизни десятилѣтій 1881—1891 и 1891—1901 гг. На его похоронахъ поколѣніе 90-хъ годовъ какъ бы вступало въ жизнь и получало свое общественное крещеніе; передъ своею смертью Шелгуновъ отмѣтилъ нѣчто новое, нѣчто, отличающее это поколѣніе отъ смежнаго съ нимъ поколѣнія 80-хъ гг. **), и, думается мнѣ, былъ правъ въ этомъ... Не помню, чтобы мы, студенты, вступившіе въ университетъ на самомъ исходѣ томительныхъ 80-хъ гг., сильно увлекались статьями Шелгунова, но мы очень хорошо понимали ихъ и живо сочувствовали ихъ содержанію и тону. Прошлымъ лѣтомъ мнѣ пришлось побывать и пожить въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ вдали отъ столичнаго и даже городского шума прожилъ послѣднія 5—6 лѣтъ своей жизни Н. В. Шелгуновъ и гдѣ онъ, благодаря «Очеркамъ русской жизни», сталъ крупнымъ и руководящимъ для своего времени публицистомъ. Меня невольно потянуло къ его «Очеркамъ» и, пересматривая и перечитывая ихъ вновь, я подмѣтилъ въ нихъ кое-что новое, что раньше ускользало отъ вниманія. Есть какая-то, мнѣ кажется, не случайная, а органическая идейная связь между послѣднимъ періодомъ литературной дѣятельности Шелгунова и послѣдующимъ умственнымъ и общественнымъ движеніемъ 90-хъ гг. Есть и много отличій—скажу напередъ, предупреждая возможныя возраженія. Шелгуновъ былъ раціоналистъ и позитивистъ, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ типичныхъ и нормальныхъ, т.-е. среднихъ

---

*) «Einen Mann... würd'ich—etwas langsam verachten lernen». Конечно, на Ehrfurcht, о которой говоритъ Фіэско, я никогда не претендовалъ. Съ меня достаточно простой терпимости.

**) См. послѣдній изъ «Очерковъ русской жизни» (стр. 1094—1095 отд. изданія). Насколько мнѣ извѣстно, факты, передаваемые тутъ, Шелгуновъ узналъ изъ бесѣдъ съ покойнымъ Н. В. Водовозовымъ. См. мою статью объ «Экономическихъ этюдахъ» Водовозова.

(и дарованія его были изъ среднихъ, это былъ отнюдь не яркій талантъ) въ плеядѣ писателей 60-хъ и 70-хъ гг. Всѣ указанныя черты, общія Шелгунову съ большинствомъ писателей той эпохи, рѣзко отличаютъ его отъ направленія 90-хъ гг. Но указывая на связь Шелгунова съ послѣдующимъ идейнымъ движеніемъ, я имѣю въ виду не общій умственный обликъ покойнаго писателя, а общественно-практическое содержаніе и направленіе его мысли. Направленіе 90-хъ гг., по своему основному смыслу, освобожденному и отъ литературно-полемическихъ случайностей и отъ личныхъ и иныхъ крайностей догматизма и доктринерства, словомъ какъ историческій фактъ, взятый въ его цѣломъ и существенномъ, въ извѣстномъ смыслѣ продолжало публицистическую работу Шелгунова. Это направленіе такъ же, какъ до него Шелгуновъ, сознательно стремилось соединить широкій общественный идеализмъ съ трезвымъ практическимъ пониманіемъ дѣйствительности. Здѣсь западничество ставилось на новую реалистическую основу экономическаго истолкованія общественной эволюціи. И Шелгуновъ былъ вовсе не слѣпъ къ тѣмъ огромнымъ экономическимъ измѣненіямъ, которыя переживала Россія въ 80-ые годы. Онъ хорошо улавливалъ ихъ историческій смыслъ. «Развитіе внутренней промышленности и торговли,—писалъ онъ въ «Очеркахъ русской жизни» *)—идетъ... съ невиданной до сихъ поръ энергіей и быстротой. Желѣзнодорожное хозяйство приводится въ порядокъ, тарифы регулируются, принимаются мѣры къ поднятію доходности сельскаго хозяйства, учреждаются одна за другой разныя выставки, сзываются съѣзды промышленниковъ и хозяевъ, для огражденія промышленности отъ иностраннаго соперничества пошлины возвышаются на столько, что начинаютъ уже мѣшать развитію другихъ отраслей народнаго производства. Рядомъ съ этимъ растутъ народныя школы и школы грамотности, расширяется издательство народныхъ книгъ, умножаются народныя чтенія и т. д. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этихъ успѣховъ, созданныхъ почти исключительно ростомъ нашего промышленно-экономическаго сознанія».

Въ то же время Шелгунова, ясно видѣвшаго ростъ экономическаго фундамента новой Россіи, не радовали сами по себѣ матеріальные факты, въ которыхъ выражались успѣхи нашего экономическаго развитія, и не одурманивали тѣ «отрадныя» частности и мелочи, возвеличеніемъ которыхъ публицисты «Недѣли», съ г. Яковымъ Абрамовымъ въ главѣ, безсознательно усыпляли вѣчно чуткую общественную совѣсть русской интеллигенціи. Уголь, желѣзо, сода и цементъ были, съ точки зрѣнія Шелгунова, нужными и важными вещами, созданіе которыхъ въ Россіи онъ признавалъ шагомъ впередъ: растущія силой вещей, безъ плана, народныя школы и народныя книги онъ считалъ полезными явленіями, но за промышленными успѣхами и мелкими культурными дѣлами, понемногу и, такъ сказать, безъ всякой мысли созидающими въ Европѣ и Азіи европейскую Россію, онъ видѣлъ болѣе крупную задачу, болѣе широкій идеалъ: человѣческую личность, облеченную неотъемлемыми правами, которыя никто бы не могъ ни оспорить, ни урѣзать, и поставленную въ наиболѣе благопріятныя условія для ея личнаго и общественнаго развитія. Отсюда—его борьба съ «абрамовщиной», которая, «отодвигая на второй планъ вопросы общественно-политическіе, считаетъ основной задачей современной государственной жизни Россіи энергическую помощь народу въ его трудной борьбѣ съ доморощеннымъ кулачествомъ и быстро нарождающейся, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тѣснаго общенія съ Западомъ, буржуазіей русской» **). Абрамовщина была и самымъ крайнимъ выраженіемъ, и въ то же время плодомъ вырожденія народничества, окончательно утратившаго непосредственное и здоровое общественно-политическое чувство. Борясь противъ абрамовщины, Шелгуновъ предварялъ антинародническую кампанію 90-хъ гг.

*) Стр. 720 отдѣльнаго изданія.

**) Характеристика г. Абрамова въ словарѣ С. А. Венгерова, цитированная въ «Очеркахъ» Шелгунова, стр. 849.

Вѣдь, протестъ противъ мелкаго культурничества абрамовщины, этого послѣдняго и послѣдовательнаго слова народничества, былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ мотивовъ умственно-общественнаго движенія 90-хъ гг. Это движеніе явилось какъ бы отвѣтомъ на задачу, формулированную Шелгуновымъ какъ «примиреніе между идейностью и практичностью».

Есть, *повидимому*, одно крупное различіе между направленіемъ мысли Шелгунова и движеніемъ 90-хъ гг.: Шелгуновъ, какъ извѣстно, явился краснорѣчивымъ защитникомъ и истолкователемъ руководящей роли интеллигенціи въ общественномъ прогрессѣ нашей страны, между тѣмъ какъ представители 90-хъ гг. провозгласили ее quantité negligeable. Но разногласіе это гораздо крупнѣе въ чисто теоретическомъ, чѣмъ въ общественно-практическомъ отношеніи и, кромѣ того, оно можетъ быть примирено, если, съ одной стороны, раціоналистической формулѣ Шелгунова дать болѣе конкретно-историческое, болѣе жизненное истолкованіе, а, съ другой стороны, признать нѣкоторую односторонность въ обобщеніяхъ, съ которыми выступили 90-ые годы. Я знаю, что найдутся сейчасъ люди, которые обрушатъ на мою бѣдную голову упрекъ въ эклектизмѣ. Къ счастью, этотъ упрекъ—по знаменитому выраженію—дешевъ какъ ежевика и предъявить его не стоитъ ни малѣйшей работы мысли. За эклектизмъ можно раздѣлывать не только нашего брата, но и великановъ мысли. Бѣдный Кантъ! Онъ всю жизнь варилъ эклектическую кашицу изъ Платона, Локка, Юма и Лейбница. Жалкій Лейбницъ! Онъ съ компрометирующей его наивностью заявлялъ, что всѣ философы, на его взглядъ, были кое-въ чемъ правы. Тѣмъ, кто походя бросаютъ упрекъ въ эклектизмѣ, слѣдовало бы сообразить, что предосудительный эклектизмъ состоитъ не въ примиреніи разнообразныхъ мотивовъ мышленія, а въ неумѣломъ ихъ примиреніи, другими словами: въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ доказать, что сочетаніе различныхъ мотивовъ, которые «принято» считать несовмѣстимыми, на самомъ дѣлѣ невозможно.

Но вернемся къ занимающему насъ вопросу объ интеллигенціи и ея роли. Говоря на эту тему, Шелгуновъ возвышался до паѳоса. «Интеллигенція есть та неуловимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа, которая вырабатываетъ извѣстную идейную руководящую и властную силу, подчиняющую себѣ всѣ остальныя силы. Это—умственная атмосфера, образующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ теченій, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое. Да, именно атмосфера, которой дышетъ всякій живой человѣкъ, подобно тому, какъ онъ дышетъ обыкновеннымъ воздухомъ. Онъ черпаетъ изъ этой атмосферы свою умственную силу, крѣпость и здоровье, такъ же, какъ изъ обыкновеннаго воздуха черпаетъ свое физическое здоровье и свою физическую силу.

«Интеллигенція не образуетъ собою никакой юридической единицы. Она не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не опредѣлены закономъ и не регламентированы никакими правилами, инструкціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творчествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой она служитъ. Это кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть; это лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели.

«И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ общемъ» *).

*) «Очерки русской жизни», стр. 853.

Если въ приведенныхъ словахъ есть преувеличенія, то эти преувеличенія объясняются чисто раціоналистической точкой зрѣнія Шелгунова. Ходъ исторіи Шелгуновъ не только измѣрялъ, но и объяснялъ развитіемъ идей. Онъ недостаточно ясно видѣлъ, что и развитіе идей происходитъ, съ одной стороны, на почвѣ развитія и столкновенія общественныхъ интересовъ, съ другой стороны, на почвѣ стихійнаго усложненія жизни. Человѣческая личность для того, чтобы выступить въ качествѣ *творческой идеи*, должна еще раньше сдѣлаться *живымъ фактомъ*, всюду на каждомъ шагу дающемъ себя знать. Одна идея личности не много сдѣлаетъ, если не будетъ живыхъ людей, готовыхъ стоять за нее. Но если за идеей стоитъ такая живая сила, то идея непобѣдима. Интеллигенція въ своихъ наиболѣе великихъ задачахъ и чаяніяхъ только тогда преуспѣетъ, когда будетъ много интеллигентовъ, будетъ много живыхъ людей, силой вещей вынужденныхъ признавать и признающихъ эти задачи и чаянія своими.

Отсюда—огромная важность вопроса о томъ, какія *реальныя условія* содѣйствуютъ количественному и качественному росту интеллигенціи или, еще лучше, интеллигентности. Надъ этимъ вопросомъ, подъ огромнымъ по силѣ впечатлѣніемъ печальной памяти голоднаго 1891 года, крѣпко задумалось поколѣніе 90-хъ гг.; въ выдвинутой имъ литературѣ оно пыталось разгадать эту загадку россійскаго Сфинкса... Характеризуя интеллигенцію, какъ «неуловимую лабораторію, не имѣющую ни мѣста, ни числа», какъ «умственную атмосферу» и, такимъ образомъ, отмѣчая, я бы сказалъ, междуклассовый или, если угодно, внѣклассовый характеръ интеллигенціи, Шелгуновъ былъ, на мой взглядъ, въ значительной мѣрѣ правъ. Но я спѣшу подчеркнуть въ то же время, что междуклассовый характеръ и междуклассовая миссія интеллигенціи, усиливая ея историческое значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, очерчиваетъ его гораздо болѣе узкими границами, чѣмъ это думалось Шелгунову.

Впрочемъ, Шелгуновъ говорилъ, что «было бы, кажется, точнѣе (и, во всякомъ случаѣ, яснѣе и безспорнѣе) замѣнить названіе «интеллигенціи», вызывающее представленіе о чемъ-то осязательномъ, опредѣленномъ въ своихъ границахъ и формѣ, словомъ, имѣющимъ болѣе отвлеченный, общій смыслъ. Не все, что интеллигентно, даетъ прогрессивно-историческое направленіе и движеніе жизни Россіи, а только то, что дѣйствительно идейно, прогрессивно» *). Въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, могутъ быть историческія эпохи и историческія задачи, съ точки зрѣнія которыхъ прогрессивна или интеллигентна, по преимуществу, «умственная атмосфера» одного опредѣленнаго общественнаго класса. Онъ-то и является носителемъ общественнаго прогресса; его интеллигенція есть истинная интеллигенція. Я не думаю и никогда не думалъ, чтобы очередная историческая задача въ Россіи была связана исключительно и даже преимущественно съ судьбами и интересами одного общественнаго класса, а прочіе классы были безсильны, индифферентны или враждебны по отношенію къ этой задачѣ. Эта задача поставлена всей совокупностью жизненныхъ условій нашей страны и, въ качествѣ таковой, она господствуетъ надъ интересами всѣхъ жизнеспособныхъ классовъ Россіи, являясь условіемъ нашего дальнѣйшаго національнаго развитія. Отсюда—огромная роль интеллигенціи въ разрѣшеніи *этой* задачи.

Указывая на безсиліе внѣклассовой или междуклассовой интеллигенціи въ «Критическихъ замѣткахъ» я лично относилъ это безсиліе вовсе не къ очередной задачѣ или загадкѣ русской жизни, а къ той титанической соціально-экономической задачѣ, которая такъ *неисторически* и—въ дурномъ смыслѣ—утопически возлагалась народнической литературой (или, по крайней мѣрѣ,

---

*) Тамъ же, стр. 853.

весьма вліятельной ея частью) преимущественно на русскую интеллигенцію. Я спорилъ тогда и теперь буду спорить противъ этого утопизма, который игралъ роль блуждающаго огня, отвлекавшаго интеллигенцію своимъ соблазнительнымъ, но ложнымъ свѣтомъ отъ другихъ, болѣе скромныхъ, но за то болѣе насущныхъ и болѣе посильныхъ задачъ. Нечего настаивать на томъ, что та очередная задача, о которой говоримъ мы, *по существу* своему не имѣетъ ничего общаго съ мелкими дѣлами г. Абрамова и его школы, а, наоборотъ, представляетъ ихъ діаметральную противоположность. Я нарочно подчеркнулъ слова «по существу», потому что рѣчь идетъ тутъ не о путяхъ и средствахъ, но о *руководящей идеѣ* общественнаго движенія.

Я долженъ сдѣлать еще двѣ оговорки. Я не хотѣлъ бы, *во-первыхъ*, чтобы мои слова были истолкованы въ томъ смыслѣ, что ими отвергается широкая соціальная задача, постановка которой всегда отличала нашу прогрессивную литературу. Одно дѣло—постановка этой задачи, какъ верховной и конечной цѣли дѣятельности, другое—неправильное и мечтательное превращеніе конечной цѣли, къ которой ведутъ сложные и трудные историческіе пути, въ основную практическую задачу дѣйствительности. *Во-вторыхъ*, не слѣдуетъ думать, что я рекомендую цѣликомъ вернуться къ т. н. «идеологической» точкѣ зрѣнія. Я хочу только подчеркнуть, что извѣстнаго рода общественная задача выдѣляется изъ круга другихъ, какъ общая задача различныхъ общественныхъ группъ, и что, соотвѣтственно этому, въ ея разрѣшеніи крупная роль выпадаетъ и на долю междуклассовой или внѣклассовой интеллигенціи.

Но вернемся къ Шелгунову. Резюмируя наши мысли о немъ, мы можемъ сказать, что Шелгуновъ, авторъ «Очерковъ русской жизни», составляетъ въ русской публицистикѣ переходное звено отъ 60-хъ и 70-хъ гг. къ умственно-общественному движенію 90-хъ гг. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характеренъ фактъ, сообщаемый Н. К. Михайловскимъ въ его вступительной статьѣ къ «Сочиненіямъ Шелгунова» (изд. 1891 и посл. годовъ). Изъ статьи «Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и Франціи» (изложеніе Энгельса) Николай Васильевичъ исключилъ въ новомъ изданіи своихъ сочиненій одно ярко-народническое мѣсто, предостерегающее Россію отъ превратныхъ путей экономическаго развитія Европы. Это исключеніе знаменательно. Произведенное въ 1891 году, послѣ жаркихъ битвъ съ абрамовщиной, оно было признакомъ не вполнѣ осознаннаго, быть можетъ, но тѣмъ не менѣе уже явственно намѣчавшагося поворота къ западничеству sans phrases. Я не знаю, какъ отнесся бы самъ Шелгуновъ къ умственно-общественному движенію 90-хъ гг., извѣстному подъ съужающей его значеніе кличкой «марксизма». Быть можетъ,—враждебно. Это не мѣшало бы, однако, мнѣ утверждать, что въ писаніяхъ самого *старика* Шелгунова пробиваются уже съ стихійной силой ростки новыхъ думъ и настроеній, окончательно созрѣвшихъ въ поколѣніи 90-хъ гг.

Петръ Струве.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Обнищаніе деревни. Г. А. А. Радцигъ далъ на столбцахъ «С.-Петербургск. Вѣд.» довольно яркую картину постепеннаго обѣднѣнія нашей деревни.

«Если,—говоритъ авторъ,—10 лѣтъ тому назадъ вопросъ о постепенномъ обѣднѣніи сельскаго населенія могъ еще считаться спорнымъ, то въ настоящее время, въ виду часто повторяющихся голодовокъ, въ виду сокращенія числа скота у населенія и увеличивающагося числа безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, а также въ виду возрастающей задолженности крупнаго землевладѣнія и увеличенія недоимокъ за крестьянами, ухудшеніе благосостоянія сельскаго населенія дѣлается очевиднымъ для многихъ».

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду привести данныя о состояніи скотоводства въ 60 губ. Европейской Россіи въ 1888 и въ 1899 г. (къ 1 января).

Населеніе 60 губ. Европейской Россіи въ 1886 г.*) составляло: 93,7 милл. жителей, въ 1897 г. (по переписи) 103,7 милл. жителей, такимъ образомъ, увеличеніе населенія доходило до 10,6 проц. въ 12 лѣтъ.

Численность скота въ 60 губ. Европейской Россіи въ 1888 и въ 1899 гг. составляла:

	1888 г. **)		1899 г.	
	Всего т. гол.	на 1.000 жителей головъ.	Всего т. гол.	на 1.000 жителей головъ.
Лошадей	20.888	223	18.394	177
Кр. рог. скота	27.923	297	26.667	267
Овецъ	48.200	515	41.367	399
Свиней	10.742	115	10.675	103

Изъ приведенной таблицы видно, что, тогда какъ число лошадей и овецъ съ 1888 по 1899 г. значительно сократилось, число крупнаго рогатаго скота и свиней измѣнилось лишь мало, причемъ на 1.000 душъ населенія, благодаря увеличенію числа жителей Россіи, число скота вообще сильно сократилось.

Переписей скота, въ томъ видѣ, какъ онѣ производятся въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ, у насъ до сихъ поръ не было произведено. Относительно лошадей у насъ имѣются военно-конскія переписи, но и то не по всѣмъ губерніямъ... Данныя военно-конской переписи за 1893—1894 гг. ***), къ сожалѣнію, очень печальны... Такъ, напр., эта перепись выяснила,

*) Статистика Россійской Имперіи X. С.-Петербургъ, 1890 г.
**) Ежегодникъ министерства финансовъ. Вып. 1899 г. С.-Петербургъ, 1900 г.
***) Военно-конская перепись 1893 и 1894 гг. С.-Петербургъ, 1896 г.

что въ 38 губ. Европейской Россіи, число крестьянскихъ лошадей, ростомъ отъ 1 арш. 14 вер. до 2 арш. составляетъ 38,5 проц. общаго числа крестьянскихъ лошадей, ниже 1 арш. 14 вер. было 44,15 проц.; такимъ образомъ, изъ общаго числа лошадей, лишь 17,35 проц. было дѣйствительно рослыхъ, а стало быть,—сравнительно сильныхъ лошадей. Въ крестьянскихъ хозяйствахъ, говорится въ отчетѣ по военно-конской переписи, лошадь сплошь и рядомъ пріучается къ работѣ съ трехъ лѣтъ, а четырехлѣтки исполняютъ самыя тяжелыя работы иногда даже у помѣщиковъ... Само собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ лошадь не можетъ развиться въ сильное животное...

То же самое можно сказать о нашемъ рогатомъ скотѣ: онъ мелокъ, потому что питаніе его слишкомъ слабо. Крестьяне прекрасно сознаютъ необходимость лучше кормить свой скотъ, но возможно ли думать о достаточномъ питаніи скота, когда само населеніе не доѣдаетъ?

Даже въ оффиціальномъ докладѣ эксплуатаціоннаго отдѣла управленія желѣзныхъ дорогъ (отъ 4 октября 1899 г., за № 1277) русскій скотъ малорослый, названъ тасканскимъ. Такой породы у насъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ, но въ деревняхъ (Ярославской, Костромской губ.) очень худой скотъ въ шутку называютъ тасканскимъ, потому что послѣ зимней безкормицы такой скотъ приходится вытаскивать изъ хлѣвовъ.

Какъ бы то ни было, но нашъ скотъ мелокъ, легковѣсенъ и не можетъ быть сравниваемъ съ хорошо содержаннымъ и откормленнымъ скотомъ въ западно-европейскихъ государствахъ.

Изъ того же доклада можно видѣть, что управленіе желѣзныхъ дорогъ предложило опредѣлить норму погрузки, во-первыхъ, крупнаго сѣраго украинскаго скота по 8 и не свыше 9 головъ въ вагонѣ, во-вторыхъ, сѣраго сибирскаго, киргизскаго, оренбургскаго и т. д. по 10 головъ, и въ-третьихъ, малорослаго, обыкновеннаго русскаго, мѣстнаго—«тасканскаго», по 12 головъ. Норму эту считали нужнымъ установить потому, что мелкаго скота (очевидно, тасканскаго) скотопромышленники ухитрялись помѣщать въ вагонѣ до 16 штукъ быковъ и до 18 коровъ... Раньше (10—12 лѣтъ тому назадъ) норма для всякаго скота была установлена въ 8 головъ въ вагонѣ.

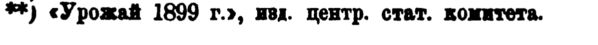
О нашемъ овцеводствѣ мы не будемъ говорить, что же касается до свиноводства, то оно, къ сожалѣнію, поставлено у насъ очень плохо. Правильнаго откорма свиней у насъ нѣтъ, и свиньи въ деревняхъ представляютъ изъ себя санитаровъ, поглощающихъ всякую падаль...

Подъ посѣвами хлѣбовъ въ Германіи въ 1898 г. *) было 13.900.000 десятинъ, у насъ въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1899 г. **)— 67.946.000 десятинъ. На 100 десятинъ посѣвовъ приходилось скота:

	въ Германіи:	въ Россіи:
Лошадей	28	27
Крупнаго рогатаго скота	132	41
Овецъ	78	61
Свиней	102	15

Незначительность числа скота у насъ бросается въ глаза и, чтобы сравняться по числу скота, напр., съ Германіей (оставляя въ сторонѣ его качество), намъ требуется

679 тысячъ лошадей по 50 рублей на	34 милл.	руб.
62 милл. головъ крупн. рогатаго скота по 30 руб. на..	1.860	» »
70,5 милл. овецъ и свиней по 3 рубля на	353	» »
Всего требуется скота на сумму	2.247 милл.	руб.



*) См. «Statistische Jahrbücher d. Deutschen Reichs».
**) «Урожай 1899 г.», изд. центр. стат. комитета.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ данныя о посѣвныхъ площадяхъ, о числѣ имѣющагося скота, о числѣ скота, необходимаго при интенсивномъ хозяйствѣ и о числѣ недостающаго скота, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, нуждающихся въ усиленіи удобренія земель.

ГРУППЫ ГУБЕРНІЙ.	1889 г. посѣвныя площади хлѣбовъ въ тыс. десят.	1899 имѣлось кр. рогат. скота т. г.	Требовалось скота, считая по 132 шт. на 100 д. пос. т. г.	Недоставало тыс. головъ.
Москов. промышл.	3.625	2.066	4.785	2.719
Бѣлорусскія	3.541	2.288	4.674	2.386
Пріуральскія	6.088	2.186	8.036	5.850
Кр. сѣвера	677	664	894	230
Пріозерныя	1.526	1.031	2.014	983
Литовскія	1.425	1.620	3.201	1.581
Прибалтійскія	1.060	790	1.399	609
Привислянскія	3.887	2.869	5.131	2.262
	22.829	13.514	30.134	16.620

Чтобы въ отношеніи численности крупнаго рогатаго скота сравняться съ Германіей, въ нашихъ нечерноземныхъ губерніяхъ не хватаетъ 16,6 милл. головъ, стоимость которыхъ у насъ можетъ быть принята въ 500 милл. рублей. Такое число головъ крупнаго рогатаго скота въ Германіи стоило бы не менѣе 1.500 милл. руб., потому что средняя цѣна въ 1897 г. была 93 руб., при среднемъ вѣсѣ въ 20,8 пуд.

Средній вѣсъ нашего скота, принимая во вниманіе число телятъ, можетъ быть принятъ, вѣроятно, лишь въ 10 пуд.

Лошадей въ нечерноземныхъ губерніяхъ у насъ числилось 7.953.000 головъ, т.-е. по 35 лошадей на 100 десят., что гораздо больше, чѣмъ въ Германіи; но, помимо качествъ лошадей, надо имѣть въ виду, что при незначительномъ у насъ числѣ желѣзныхъ дорогъ лошади даже лѣтомъ берутся подъ извозъ. Если это обстоятельство принять въ соображеніе, то придется признать, что и лошадей у насъ слишкомъ мало...

Сокращеніе въ послѣднее время численности нашего скота есть признакъ обѣднѣнія населенія. Поднять наше скотоводство можно никакъ не тѣми десятками тысячъ рублей, которые на это ассигнуются, а лишь поднятіемъ общаго благосостоянія населенія... Причина нашего обѣднѣнія кроется, по моему, въ косвенныхъ налогахъ!.. Если на человѣка навалить тяжесть въ 10 пуд., которые онъ несетъ съ трудомъ, то тѣмъ болѣе ему будетъ трудно нести 11 и т. д. пудовъ,—такъ и съ налогами.

Государство,—говорятъ намъ,—нуждается въ доходахъ: это совершенно вѣрно, но не надо, чтобы доходы правильно превышали расходы. За послѣднія 10 лѣтъ первые превышали ихъ на 1.000 милл. рублей, каковыя суммы истрачены на желѣзныя дороги и т. д... Налоги, посильные англійскому плательщику податей, непосильны нашему населенію, которое помимо налоговъ, поступающихъ въ казну (акцизы и фискальныя пошлины), обременено еще покровительственными пошлинами, дающими фабрикантамъ и заводчикамъ право взимать за всѣ производимыя въ Россіи издѣлія двойныя цѣны противъ заграничныхъ.

Благосостояніе сельскаго населенія въ Россіи подорвано и поднять его можно лишь понизивъ косвенные налоги.

Дударковская эпопея. Исключительныя полномочія, какими пользуется съ одной стороны, волостной судъ, имѣющій страшное право наказанія розгами, а съ другой—волостной сходъ, имѣющій право ссылать въ Сибирь своихъ однообщественниковъ, при общемъ безправномъ положеніи деревенскаго населенія сплошь и рядомъ становится въ рукахъ разныхъ темныхъ личностей орудіемъ,

ничѣмъ неоправдываемаго насилія, которое совершается, однако, именемъ того же въ сущности совершенно теперь безправнаго волостного суда или схода. Вотъ какую иллюстрацію къ этой, увы! слишкомъ старой и слишкомъ всѣмъ извѣстной темѣ даетъ черниговскій корреспондентъ «Россія»:

Передъ нами грязный, потертый клочокъ сѣрой бумаги... Грубой, неумѣлой рукой нацарапаны на немъ уродливыя каракули—буквы, слова...

«Посылаю на родину низкій поклонъ... Дай Богъ вамъ, отецъ мой родной и маменька, весело разговѣться, а меня, несчастнаго, на дальней сибирской сторонѣ, отлучили отъ всѣхъ... И такъ всю жизнь горевать... И не могу знать, за что меня выслали, безвинно... Живу такъ, что слезно день и ночь Бога прошу, штобъ вызволилъ... Пришлось пострадать ни за что... Безъ слезъ куска хлѣба съѣсть не могу... И какое это меня горе спутало, и Богъ знаетъ, за что?.. Самъ не могу знать, за что?!..»

«За что? А вотъ сейчасъ увидимъ *«за что»*.

«Беремъ другую бумажку, уже цѣлый листъ, исписанный крупнымъ, писарскимъ почеркомъ, съ синей блѣдной печатью «гоголевскаго волостнаго правленія, Остерскаго уѣзда», занумерованный и скрѣпленный «надлежащимъ надписомъ» волостного старшины, писаря.

«Читаемъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, Черниговской губ., Остерскаго уѣзда, с. Дударкова..., въ присутствіи господина земскаго начальника 3-го участка, становогo пристава, полицейскаго урядника, волостнюго старшины и нашего сельскаго старосты..., имѣли сужденіе о томъ, что нѣкоторые члены..., обративъ свое искусство въ прорресcію..., въ судебномъ протоколѣ всегда редактируются... Негодованіе оратора... Паническій страхъ... Профессіонально...» и т. д., и т. д.

— Однако же, и просвѣщенные какіе господа, эти дударковскіе крестьяне! Какія красивыя у нихъ все слова...

«Но дальше, дальше. Вотъ, наконецъ!

«Козьма Вергунъ судился волостнымъ судомъ и наказанъ... Пантелеймонъ Рогачъ судился и наказанъ волостнымъ судомъ... Евдокимъ Сидоренко хотя не былъ, кажется, наказанъ, по суду... Яковъ Степанецъ хотя, кажется, тоже не былъ наказанъ по суду, но заслуживаютъ... ссылки... А потому, единогласно приговорили», и т. д...

«Такъ вотъ за что присуждены безъ суда, безъ всякой защиты и оправданія, безапелляціонно, къ вѣчной, пожизненной ссылкѣ эти всѣ Вергуны, Сидоренки, Степанцы, всѣ эти семь человѣкъ...

Одни изъ нихъ были, видите ли, наказаны за что-то, за какіе-то пустяки, волостнымъ судомъ; другіе, хотя, кажется, не были вовсе судимы, но—и ихъ въ ссылку! За одно!.. Стоитъ еще тамъ церемониться. Стоитъ еще тамъ справляться по книгамъ волостного хотя бы суда, тратить время, судились ли, или нѣтъ. Достаточно вполнѣ для рѣшенія всей участи, всей жизни человѣческой, написать «кажется» и, затѣмъ,—«единогласно».

«Но полно! Единогласно ли?!

Что-то очень мало говоритъ въ пользу этого «единогласія» формальное заявленіе, покрытое нѣсколькими десятками подписей самихъ крестьянъ, записанныхъ въ приговорѣ участниками его, заявленіе, поданное сейчасъ же, послѣ схода на имя черниговскаго губернскаго присутствія. Въ заявленіи этомъ, между прочимъ, крестьяне прямо, категорически, говорятъ, что никакого ровно участія въ приговорѣ они не принимали, согласія на выселеніе своихъ односельцевъ не давали, такъ какъ не считаютъ ихъ порочными, вредными членами общества своего...

«Положимъ, губернское присутствіе не оставило безъ должнаго вниманія это «странное» заявленіе участниковъ «единогласнаго» приговора и поручило про-

вѣрить его лицу, наиболѣе, конечно, ознакомленному со всѣмъ этимъ дѣломъ, а именно, тому самому земскому начальнику 3-го участка Остерскаго уѣзда, который, совмѣстно съ становымъ и урядникомъ, почтилъ своимъ присутствіемъ дударковскій сходъ, и не только почтилъ присутствіемъ, но и энергично руководилъ сходомъ. Положимъ, благодаря ревностному отношенію къ возложенному губернскимъ присутствіемъ порученію, этотъ земскій начальникъ достигъ самыхъ блестящихъ результатовъ, и всѣ крестьяне, подписавшіе заявленіе (многіе изъ нихъ, какъ грамотные, собственноручно), вызванные въ камеру земскаго начальника, при строгомъ допросѣ, отказались, въ концѣ концовъ, отъ своихъ подписей, но тѣмъ не менѣе, заявленіе все же осталось заявленіемъ, и его подлинность ничѣмъ, никакими допросами не можетъ быть опровергнута. А чтобы устранить на будущее время всякую возможность подобныхъ «возмутительныхъ» заявленій былъ отданъ строжайшій приказъ сельскимъ и волостнымъ полицейскимъ чинамъ не допускать никого посторонняго въ Дударково, а кто заѣдетъ, сейчасъ же ловить и отправлять подъ конвоемъ въ становую квартиру. Такому удивительному аресту чуть было не подвергся и пишущій эти строки, отправляясь въ качествѣ сотрудника-корреспондента кіевскихъ газетъ, въ с. Дударково, для собранія на мѣстѣ, лично отъ потерпѣвшихъ, свѣдѣній объ истязаніяхъ, произведенныхъ гоголевскимъ полицейскимъ урядникомъ Иваномъ Разсохой въ гоголевской «полицейско-судовой квартирѣ» надъ пятью подростками—дударковскими крестьянами,—объ истязаніяхъ, вполнѣ, затѣмъ, установленныхъ формальнымъ дознаніемъ, произведеннымъ остерскимъ уѣзднымъ исправникомъ... И ждутъ, не дождутся теперь «единогласно» приговоренные къ ссылкѣ и уже 8 мѣсяцевъ томящіеся въ Сибири, разрѣшенія ихъ жалобы, посланной въ Петербургъ на постановленіе черниговскаго присутствія, утвердившаго приговоръ... И нѣтъ имъ ни отказа въ ходатайствѣ ихъ о пересмотрѣ этого дѣла, ни радостнаго отвѣта...

Къ вопросу о дворянскомъ землевладѣніи. За послѣднее время въ газетахъ все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія о возникновеніи проекта насажденія искусственнымъ путемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Азіатской Россіи частнаго дворянскаго землевладѣнія. «Въ виду этого,—пишутъ изъ Самарской губ. въ «Русскія Вѣдомости»,—полагаемъ не безынтересно привести нѣсколько данныхъ, иллюстрирующихъ современное состояніе дворянскаго землевладѣнія въ одной изъ тѣхъ губерній Европейской Россіи, гдѣ оно развилось болѣе или менѣе естественно и гдѣ существованіе его обставлено условіями, которыя нельзя не признать вполнѣ благопріятными. Несмотря на многочисленныя льготы, несмотря на заботливое отношеніе вліятельныхъ сферъ, словомъ,—несмотря на всѣ условія, которыя, казалось, должны бы способствовать процвѣтанію и развитію дворянскаго землевладѣнія, послѣднее не только не развивается здѣсь, а совершенно наоборотъ—весьма быстрыми, можно сказать гигантскими шагами идетъ къ упадку и даже къ постепенному исчезновенію. Прежде всего упомяну о томъ, что почти всѣ дворянскія имѣнія какъ Самарской, такъ и всѣхъ сосѣднихъ съ нею губерній, за весьма ничтожными исключеніями, заложены и перезаложены и вообще до послѣдней степени обременены массою всевозможныхъ долговъ. Явленіе это свойственно, конечно, не одному Поволжью, а въ большей или меньшей степени всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи. Исключеніемъ въ Самарской губерніи являются два-три наиболѣе крупныхъ имѣнія, въ родѣ колоссальнаго имѣнія графа Орлова-Давыдова и благоустроеннаго имѣнія Д. Ѳ. Самарина, состоящаго изъ 24.000 десятинъ прекраснаго чернозема на берегу Волги. Изъ имѣній же средней величины,—отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ десятинъ, только немногихъ не коснулось еще оскудѣніе,—таковы имѣнія Чемодурова, Карамзиныхъ, Пустошкиныхъ и нѣсколько другихъ. Огромное же большинство имѣній, крупныхъ, среднихъ и

мелкихъ, что называется, виситъ на волоскѣ. Разные банки, земельные скупщики и спекулянты и, наконецъ, крупные ростовщики ревниво стерегутъ эти имѣнія, чтобы поглотить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ».

Давно и всѣмъ извѣстенъ фактъ, что площадь дворянскаго землевладѣнія въ Россіи весьма быстро таетъ, уменьшаясь съ каждымъ годомъ. Этотъ же самый процессъ наблюдается, конечно, и въ Самарской губерніи, и притомъ за послѣднее время въ весьма рѣзкой и острой формѣ. Въ настоящее время, напримѣръ, установлено, что въ теченіе одного прошлаго года площадь дворянскаго землевладѣнія въ Самарской губерніи сократилась на 100 тыс. десятинъ. Необходимо имѣть въ виду, что всей земли во владѣніи дворянъ, въ Самарской губерніи считается въ настоящее время 1.200.000 десятинъ. Сопоставляя эти двѣ цифры, многіе дѣлаютъ самые пессимистическіе выводы и заключенія относительно даже ближайшей будущности дворянскаго землевладѣнія. Если допустить, говорятъ эти лица, что прошлый годъ не былъ исключительнымъ, если предположить, что ежегодно площадь дворянскаго землевладѣнія въ нашей губерніи будетъ сокращаться на ту же самую цифру, т. е. на 100.000 десятинъ, то, слѣдовательно, черезъ 12 лѣтъ въ Самарской губерніи не останется уже ни одной десятины земли во владѣніи дворянъ.

Указать явныя причины, въ силу которыхъ прошлый годъ можно было бы признать исключительнымъ,—довольно трудно. Ровно десять лѣтъ тому назадъ, въ 1891 г., по свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ отдѣленіемъ самарской губернской земской управы, площадь дворянскаго землевладѣнія въ Самарской губерніи опредѣлялась въ 1.800.000 десятинъ. Такимъ образомъ, за послѣднія десять лѣтъ самарскіе дворяне потеряли 600.000 десятинъ земли. Слѣдовательно, въ среднемъ они ежегодно теряли по 60.000 десятинъ.

Какъ сложатся дѣла въ слѣдующемъ десятилѣтіи, сказать, конечно, трудно; тѣмъ не менѣе, однако, многія данныя и явленія, наблюдаемыя за послѣднее время въ области аграрныхъ отношеній, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что предстоящее десятилѣтіе ознаменуется еще болѣе тяжелымъ урономъ для мѣстнаго дворянскаго землевладѣнія.

Послѣднее время для Самарской губерніи ознаменовалось переходомъ цѣлаго ряда крупныхъ дворянскихъ имѣній въ руки лицъ другихъ сословій; такъ, напримѣръ, имѣніе Столыпиныхъ въ Николаевскомъ уѣздѣ, имѣніе наслѣдниковъ графа Соллогуба, автора знаменитаго нѣкогда «Тарантаса», имѣніе Бедряги, имѣнія наслѣдниковъ графа Толстого и многія другія. Большая часть дворянскихъ имѣній переходитъ обыкновенно въ руки купцовъ занимающихся скупкою земель: Шихобалова, Аржанова, Соколова, Маркова, Зейферта и друг. За все послѣднее время крестьянскому банку удалось отвоевать отъ кулаковъ, спекулирующихъ землею, лишь одно крупное имѣніе,—наслѣдниковъ Столыпина въ Николаевскомъ уѣздѣ.

Что касается культурнаго воздѣйствія дворянскихъ имѣній на сосѣднія крестьянскія хозяйства, то едва ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что роль ихъ въ этомъ отношеніи сводится къ нулю. Тѣ крупныя экономіи, въ которыхъ хозяйство поставлено болѣе или менѣе раціонально, съ примѣненіемъ разныхъ агрономическихъ усовершенствованій, уже по одному тому не могутъ оказать культурнаго вліянія на крестьянское хозяйство, что въ нихъ составъ служащихъ,—управляющихъ, лѣсничихъ, садовниковъ и т. п.,—почти всегда состоитъ изъ иностранцевъ,—нѣмцевъ, чеховъ, швейцарцевъ,—нерѣдко совсѣмъ не говорящихъ по-русски. Въ мелкихъ же имѣніяхъ и даже въ среднихъ въ роли управляющихъ чаще всего фигурируютъ доморощенные старосты и приказчики, обладающіе лишь однимъ искусствомъ—ловко извлекать изъ имѣнія ту сумму чистаго дохода, къ полученію которой привыкъ владѣлецъ имѣнія. Сами же владѣльцы въ большинствѣ случаевъ не живутъ въ имѣніяхъ,

предпочитая служить въ разныхъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ.

Если въ послѣднее время кое-гдѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и наблюдаются нѣкоторыя усовершенствованія, пріобрѣтаются сельскохозяйственныя орудія и машины, вводится травосѣяніе и посѣвъ улучшенныхъ сѣмянъ, то всѣмъ этимъ крестьянскія хозяйства всецѣло обязаны исключительно земству и никому болѣе.

Эпизоды изъ области провинціальной печати. Редакція «Орловскаго Вѣстника» очутилась въ такомъ дѣйствительно безвыходномъ положеніи, что сочла себя вынужденной апеллировать къ общественному мнѣнію на столбцахъ столичной газеты. Она помѣстила въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» письмо, въ которомъ, освѣтивъ довольно-таки темныя городскія дѣла, говоритъ:

«Въ Орлѣ есть частная газета — «Орловскій Вѣстникъ». Вотъ, скажутъ, лучшій во всѣхъ отношеніяхъ способъ показать населенію и городу всѣ слабыя стороны и хозяйства, и хозяевъ!..

«Независимые отъ какихъ бы то ни было избирательныхъ партій и теченій, мы, дѣйствительно, могли бы выяснить очень и очень многое и, конечно, въ виду выборовъ гласныхъ Думы, назначенныхъ на 2-е мая, и собирались это сдѣлать въ цѣломъ рядѣ объективныхъ статей, могущихъ оріентировать мало знакомаго съ запущеннымъ хозяйствомъ избирателя. Но... намъ этого сдѣлать не дали! По вполнѣ независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ мы лишены не только возможности освѣтить хотя одинъ изъ массы вопросовъ, но даже на непригодность... городскихъ лодокъ, выставленныхъ управой во время половодья,— на то, что онѣ хуже частновладѣльческихъ... Намъ не позволяютъ написать, что на берегу рѣки лежали два трупа дохлыхъ собакъ... Мы не можемъ сказать даже такихъ словъ: «Нельзя не рекомендовать безотлагательную очистку береговъ рѣкъ» и т. п. Мы принуждены молчать о метеніи улицъ, о порядкѣ предстоящихъ выборовъ, о запозданіи въ разсылкѣ избирательныхъ повѣстокъ... Больше, намъ воспрещена даже буквальная перепечатка нѣсколькихъ статей Городоваго Положенія 1892 г., касающихся довѣренности избирателей... На вопросъ, почему нельзя сдѣлать послѣдняго, цензурующій газету совѣтникъ губернскаго правленія (самъ городской избиратель) сказалъ, что эти свѣдѣнія будутъ въ повѣсткахъ, а избирателямъ не для чего ихъ и знать. На указаніе, что это—вѣдь законъ: «Да вѣдь мало ли законовъ! Что же ихъ перепечатывать?»... Словомъ, все, что прямо или косвенно касается городского хозяйства, все это нами не печатается вотъ уже въ продолженіи полугода. Всѣ наши указанія на юридическую необоснованность такого образа дѣйствій не привели ни къ чему. «Заботливость» о насъ доходитъ даже до того, что нѣкоторые вполнѣ цензурные стихи и фельетоны зачеркиваются, какъ могущіе испортить наше реномэ... Скажутъ, можетъ быть, что у насъ есть законный путь добиться устраненія всѣхъ этихъ незаконныхъ стѣсненій,—но эта возможность имѣетъ для насъ пока чисто тереотическій характеръ, такъ какъ не смотря на то, что наша жалоба получила своевременное удовлетвореніе въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, мы до сихъ поръ, за недѣлю до выборовъ, фактически остаемся при той же невозможности освѣтить положеніе городского хозяйства... До послѣднихъ дней мы все еще надѣялись разрѣшить современное свое крайне тяжелое положеніе въ благопріятномъ для насъ, а, слѣдовательно, и для города смыслѣ. Теперь надежда эта потеряна. И вотъ, имѣя въ виду, что при такомъ своемъ невыразимо грустномъ положеніи мы все-таки можемъ подлежать осужденію со стороны тѣхъ, кто, не зная условій нашей дѣятельности, въ правѣ, однако, ожидать отъ насъ обѣщанной помощи, мы считаемъ

своимъ долгомъ печатно снять съ себя всякую отвѣтственность за свое молчаніе и за все, что будетъ вызвано имъ въ области городского хозяйства и предстоящихъ городскихъ выборовъ. Писатель до тѣхъ поръ отвѣтственъ за все происходящее въ извѣстной области, пока онъ не лишенъ возможности освѣщать ее, какъ надо»...

Къ сожалѣнію, въ горькомъ положеніи орловской газеты» нѣтъ ничего исключительнаго, и на-дняхъ еще «Самарская газета» анонсировала о томъ, что отчетъ о послѣднемъ думскомъ засѣданіи она помѣстить не можетъ. Любопытно, что даже этотъ анонсъ, говорящій о безотрадномъ положеніи провинціальной газеты, вызвалъ зависть у одного изъ ея собратій—«Волыни», которая по этому поводу дѣлаетъ такое замѣчаніе:

«Испытаніямъ самарской печати можно отъ души посочувствовать. Но все-таки, по сравненію съ другимъ органомъ провинціальной печати, самарская находится въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Цензура ее бьетъ, но хоть плакать даетъ. А вѣдь какъ тяжело, когда бьютъ и плакать не даютъ, и анонсовъ печатать не моги»...

На ту же тему о судьбахъ провинціальной печати «Новому Времени» сообщаютъ изъ «одного» губернскаго города рядъ эпизодовъ, изъ которыхъ укажемъ здѣсь хотя бы на слѣдующій записанный со словъ бывшаго редактора неоффиціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей».

«Помѣстилъ я разъ,—вспоминаетъ редакторъ,—замѣтку о недостойныхъ дѣлахъ двухъ священниковъ. Вдругъ на другой или на третій,—не припомню хорошенько,—день зоветъ меня къ себѣ архіерей. Прихожу. А онъ сидитъ сердитый такой. Только что я вошелъ къ нему и хотѣлъ подойти подъ благословеніе, какъ онъ закричалъ на меня: «Что ты тамъ пишешь про духовенство!» И не далъ мнѣ благословенія. Я такъ и обомлѣлъ. «Чтобы впредь этого не было; все, что тебѣ не пришлютъ про духовенство, сначала присылай мнѣ на просмотръ».

— Ну, что же, вы и посылали?

— Посылалъ, но только ничего назадъ не получалъ.

Редакторъ улыбался.

— А вотъ другой случай изъ моей практики,—говорилъ словоохотливый совѣтникъ.—Помѣстилъ я въ «Вѣдомостяхъ» замѣтку, что предсѣдатель N-ской губернской земской управы (сосѣдней губерніи) уволенъ въ отставку за потерю зрѣнія и слуха. Черезъ нѣсколько дней зоветъ меня къ себѣ губернаторъ.

— Что вы надѣлали?—сказалъ онъ, только что я вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Помилуйте, я ничего не дѣлалъ,—отвѣтилъ я, испугавшись.

— Какъ ничего,—продолжалъ губернаторъ,—да знаете ли вы, что Иванъ Ивановичъ рветъ на себѣ волосы и жаловался мнѣ на васъ.

— Тутъ я только вспомнилъ, что и нашъ предсѣдатель губернской земской управы плохо видитъ и слышитъ. Хорошо еще, что губернаторъ только сказалъ мнѣ, чтобы я на будущее время былъ осторожнѣе, и больше ничего такого не сдѣлалъ. Вѣдь вотъ вамъ случай, какъ можно попасть впросакъ, даже неумышленно.

Изъ семинарской жизни. Жизнь нашихъ духовныхъ семинарій почти совершенно закрыта для постороннихъ взоровъ и наблюденій. Тѣмъ болѣе поэтому представляютъ интересъ двѣ замѣтки, правда, случайныя и глухія, проскользнувшія въ печати относительно семинарій иркутской и рязанской.

Въ Иркутскѣ, по словамъ мѣстнаго оффиціальнаго органа гласности, 24-го апрѣля въ камерѣ мирового судьи 4-го участка, при большомъ стеченіи пуб-

лики, слушалось дѣло по обвиненію 16 бывшихъ воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи въ нарушеніи тишины и спокойствія.

Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что 20-го апрѣля, утромъ, толпа бывшихъ воспитанниковъ въ 16 человѣкъ перелѣзла черезъ заплотъ въ семинарскую рощу, откуда прошла въ зданіе семинаріи; здѣсь въ это время шли уроки. Обвиняемые заявили, что они зашли съ той цѣлью, чтобы попросить продолжающихъ обучаться въ семинаріи товарищей прекратить совершенно занятія; въ этомъ они видѣли единственное средство обратить вниманіе высшаго начальства на ихъ положеніе, въ которомъ они очутились, благодаря увольненію, неизвѣстно за что, изъ семинаріи. Уроки были временно пріостановлены, семинарское начальство переписало участвующихъ въ безпорядкахъ бывшихъ своихъ питомцевъ и передало дѣло куда слѣдуетъ, въ результатѣ чего 16 человѣкъ привлекались за нарушеніе 38 ст. уст. о нак. Всѣ обвиняемые признали себя виновными въ томъ, что они пришли толпой въ часы занятій въ зданіе семинаріи, но совершенно отрицали всякое участіе въ буйствѣ, шумѣ, крикѣ и т. п., такъ какъ цѣль прихода была—мирно уговорить товарищей прекратить занятія.

Представитель обвиненія и. д. иркутскаго полицеймейстера капитанъ Н. А. Никольскій просилъ примѣнить къ обвиняемымъ 2-ю часть 38 ст. уст. о нак. Интересы обвиняемыхъ поддерживали кандидатъ правъ г. Корелинъ и помощникъ присяжнаго повѣреннаго М. М. Дубенскій. Г. Корелинъ, указывая на то обстоятельство, что въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ нѣтъ состава преступленія, просилъ полнаго оправданія кліентовъ. Г. Дубенскій, соглашаясь также съ мнѣніемъ г. Корелина, просилъ, если судья не найдетъ возможнымъ оправдать ихъ, примѣнить къ нимъ самую низшую степень наказанія 1-й части 38 ст. Мировой судья постановилъ: подвергнуть 14 бывшихъ воспитанниковъ духовной семинаріи денежному штрафу въ размѣрѣ 10 р., съ замѣной, при несостоятельности, арестомъ на 3 дня,—двухъ остальныхъ уволенныхъ воспитанниковъ—Охицимскаго и Ѳеденева—денежному взысканію въ размѣрѣ 25 р., а въ случаѣ несостоятельности—аресту при полиціи на 7 дней.

Въ Рязани еще въ мартѣ мѣсяцѣ совершенно неожиданно были прекращены занятія въ мѣстной духовной семинаріи.

Послѣ Пасхи занятія возобновились, за исключеніемъ третьяго класса, воспитанники котораго будутъ допущены къ переводнымъ экзаменамъ лишь въ августѣ мѣсяцѣ. Изъ третьяго класса исключено 8 воспитанниковъ, изъ другихъ классовъ 9. За это время св. синодъ назначилъ—какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.»—два раза ревизіи семинаріи, результаты которыхъ пока еще неизвѣстны.

Къ характеристикѣ еврейскаго читателя. Въ Одессѣ состоялось недавно засѣданіе историко-литературной коммиссіи при комитетѣ одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Членъ общества Д. О. Лавдманъ сдѣлалъ, по словамъ «Южнаго Обозрѣнія» весьма интересное сообщеніе на тему «Къ характеристикѣ еврейской читающей публики».

Очеркъ представляетъ первую попытку изслѣдовать вопросы о читающей публикѣ въ отношеніи евреевъ г. Одессы. Упомянувъ объекты изслѣдованія, лекторъ перешелъ къ опредѣленію численности читающей публики. Въ общемъ зарегистрировано въ публичной библіотекѣ, во всѣхъ трехъ народныхъ читальняхъ и въ библіотекахъ общества приказчиковъ-евреевъ и приказчиковъ-христіанъ 30.117 читателей, въ томъ числѣ евреевъ 21.083 или 70 процентовъ всего числа. При сравненіи читателей библіотекъ и читаленъ съ громаднымъ одесскимъ населеніемъ, замѣчается, что грамотные евреи даютъ наиболѣе читателей, 33 проц. всей суммы ихъ, а христіане всего лишь 7 проц. При

этомъ докладчикъ оговорился, что вышеприведенныя абсолютныя и относительныя данныя видоизмѣнятся, если принять въ разсчетъ богатое университетское книгохранилище, частныя, школьныя, клубныя и другія библіотеки. Въ первой читальнѣ почти половина всѣхъ читателей абонирована въ теченіе 3 лѣтъ кряду, а въ библіотекѣ общества приказчиковъ-евреевъ проц. постоянныхъ читателей колеблется между 38 и 41. То же явленіе замѣчается и въ публичной библіотекѣ. Это обстоятельство доказываетъ, что для большинства читателей книга—нѣчто необходимое, а не только развлеченіе. Сравнительная таблица читателей и читательницъ у евреевъ показываетъ, что послѣднія составляютъ приблизительно 25 проц. общаго числа подписчиковъ. Другими словами, одна читательница приходится на 4-хъ читателей. По интенсивности чтенія еврейскіе читатели также занимаютъ высокое положеніе. Въ среднемъ, на каждаго еврейскаго читателя приходится 19 выдачъ, а на каждаго не еврейскаго читателя 16 выдачъ. Въ среднемъ, на каждаго учащагося приходится въ годъ 59 выдачъ, на каждаго педагога—40, на каждаго представителя свободной профессіи—34, на каждаго ремесленника и мастерового—30 и на каждаго служащаго и торговца—25. Во всѣхъ библіотекахъ больше всего читается изящная литература, потомъ періодическія изданія и затѣмъ уже научныя книги. Женщины въ $1^1/_2$ раза больше читаютъ по беллетристикѣ и въ столько же разъ меньше по научнымъ отдѣламъ, чѣмъ мужчины. Группы съ интеллигентными занятіями читаютъ по беллетристикѣ меньше, чѣмъ группы съ другими занятіями. Учащіеся меньше всѣхъ читаютъ по журналистикѣ, предпочитая ей научныя книги. Каждая группа читателей отдаетъ предпочтеніе тѣмъ отдѣламъ, которые по своему содержанію наиболѣе соотвѣтствуютъ ея профессіональнымъ интересамъ.

Въ послѣдніе годы вмѣстѣ съ возрожденіемъ въ еврейской молодежи національнаго самосознанія явился интересъ къ книгамъ изъ отдѣловъ «Iudaica» и «Hebraica». Количество требованій изъ этихъ отдѣловъ въ библіотекѣ общества приказчиковъ-евреевъ составляетъ больше 17 проц. всѣхъ требованій по научнымъ отдѣламъ. Корифеи науки и шедевры всемірной литературы находятъ себѣ радушный пріемъ у еврейской читающей публики. Бульварные романы Гарона, Габоріо, Монтепена и др. стоятъ въ концѣ всѣхъ требованій по беллетристикѣ. Изъ общелитературныхъ журналовъ неизмѣннымъ расположеніемъ читателей пользуются журналы съ прогрессивнымъ направленіемъ: «Русское Богатство», «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Жизнь», «Образованіе» и др.

Подводя итоги сказанному, приходится замѣтить: 1) что еврейскіе читатели по численности своей занимаютъ высшее положеніе, чѣмъ представители другихъ вѣроисповѣданій; 2) что евреи обнаруживаютъ сравнительно съ другими народностями большую любознательность, пытливость ума и желаніе утилизировать все, что имъ доступно въ сферѣ образованія; 3) что для большинства еврейскихъ дѣтей и юношей библіотека—единственный путь къ самообразованію и саморазвитію.

Свой очеркъ авторъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы устройство библіотекъ этого могучаго орудія духовной и умственной культуры—сдѣлалось для нашей—интеллигенціи одной изъ главныхъ формъ проявленія иниціативы въ области народнаго просвѣщенія

За мѣсяцъ. То одушевленіе, съ какимъ періодическая пресса приступила къ обсужденію дѣйствительно и горячо волнующихъ русское общество вопросовъ просвѣщенія, въ теченіе истекшаго мѣсяца успѣло въ значительной мѣрѣ остыть. Мѣсто, отводившееся этой темѣ на столбцахъ газетъ, замѣтно сократилось, и взамѣнъ радужныхъ надеждъ стали высказываться тревожныя опасенія за судьбу, направленіе и объемъ предполагавшихся въ нашемъ учебномъ

строѣ реформъ. Такая перемѣна настроенія объясняется, съ одной стороны, полной неизвѣстностью, въ какой находится общество относительно не только дальнѣйшихъ намѣреній учебнаго вѣдомства, но и тѣхъ основныхъ положеній, которыми будетъ руководствоваться это послѣднее въ своихъ ближайшихъ предначертаніяхъ. Съ другой стороны, при такой неизвѣстности, особенно сильно импонируетъ въ настоящее время увѣренный тонъ охранительной пресcы, которая, принявъ видъ полной освѣдомленности, настойчиво твердитъ, что никакого «обновленія и устроительства русской школы» даже и не предполагается; что «коренной пересмотръ учебнаго строя» сводится лишь къ «большему и большему примѣненію того же разумнаго и сердечнаго попеченія», которое будто бы не указанно примѣнялось и доселѣ. Разумѣется, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы опровергнуть этотъ благовѣстъ, но, во всякомъ случаѣ, министерство народнаго просвѣщенія своего слова еще не сказало, детальная же разработка учебныхъ вопросовъ находится въ настоящее время въ разнообразныхъ коммиссіяхъ, дѣятельность которыхъ обществу также неизвѣстна.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ министру финансовъ 28 апрѣля сего года повелѣно, для возмѣщенія государственному казначейству суммъ, выданныхъ въ ссуду обществамъ желѣзныхъ дорогъ въ 1900 году и для выдачи таковыхъ въ текущемъ году, заключить новый государственный 4% заемъ на нарицательный капиталъ 159 милліоновъ рублей. Реализація этой россійской 4% консолидированной ренты, какъ она значится по записи въ государственной долговой книгѣ, производится посредствомъ публичной подписки въ банкирскомъ домѣ бр. Ротшильдъ въ Парижѣ.

7-го мая, состоялось торжественное празднованіе исполнившагося столѣтія со времени учрежденія Государственнаго Совѣта. Въ этотъ день состоялось, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, чрезвычайное общее собраніе Государственнаго Совѣта, на которомъ прочитаны были: Указъ о назначеніи членомъ Совѣта Его Императорскаго Высочества Государя, Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича, а также Высочайшая Грамота Государственному Совѣту слѣдующаго содержанія:

Высочайшая грамота Государственному Совѣту.

Блаженныя памяти Имераторъ Александръ Благословенный, одушевляемый пламеннымъ стремленіемъ ко благу Отечества, съ первыхъ дней царствованія поставилъ предметомъ Своихъ заботъ вящшее упроченіе законности въ Имперіи. Для сего 30-го марта 1801 года учрежденъ Имъ особый Совѣтъ, наименованный Государственнымъ, изъ лицъ, довѣріемъ Монаршимъ почтенныхъ. Въ наказѣ, 5-го апрѣля 1801 года Совѣту данномъ, опредѣлена принадлежащая ему цѣль—поставить силу и благоденствіе Имперіи на незыблемомъ основаніи закона.

При самомъ установленіи Совѣта, было положено дать ему прочное устройство впослѣдствіи, что и совершено изданіемъ въ 1810 году новаго образованія. Императоръ Николай І-й, въ 1842 году, даровалъ Совѣту нынѣ дѣйствующее Учрежденіе, въ коемъ сохранены основныя черты прежняго. По прошествіи шестидесяти почти лѣтъ и это узаконеніе не соотвѣтствуетъ измѣнившимся условіямъ теченія дѣлъ законодательныхъ. Вслѣдствіе сего Мы повелѣли пересмотрѣть Учрежденіе Совѣта и, сохранивъ въ немъ главныя начала, отвѣчающія образу правленія Россійской Державы, дополнить его нѣкоторыми правилами относительно порядка соображенія особо важныхъ и сложныхъ предначертаній, въ Совѣтъ поступающихъ.

Составленное на этихъ основаніяхъ законоположеніе признали Мы за благо утвердить.

Вручая Государственному Совѣту, въ день, посвященный воспоминанію о столѣтнемъ его существованіи, обновленное Учрежденіе, Мы съ особою признательностью останавливаемъ вниманіе Наше на славномъ прошломъ Совѣта. Со времени его возникновенія четыре царствованія отошли въ область исторіи. Въ продолженіи ихъ, призванный раздѣлять труды Законодателя, Государственный Совѣтъ неуклонно исполнялъ поставленныя ему задачи въ сознаніи важности своего отвѣтственнаго служенія. Мнѣніямъ Совѣта, умудреннымъ государственнымъ опытомъ, внимали Вѣнценосные Прадѣды Наши, Приснопамятный Дѣдъ и Незабвенный Родитель. Державною ихъ волею, нашедшею себѣ осуществленіе въ законахъ, обновленъ весь бытъ Государства. Участіе Совѣта въ сихъ Монаршихъ дѣяніяхъ возвеличившихъ Россію и упрочившихъ въ ней гражданственность, не забудется въ потомствѣ.

Любовь къ отечеству, честь, на правдѣ основанная, непрестанное попеченіе о благѣ народномъ, вѣрность исконнымъ началамъ государственнаго правленія да пребудутъ и впредь руководствомъ дѣятелей Совѣта по достохвальному завѣту минувшаго.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*НИКОЛАЙ*».

Въ С.-Петербургѣ,
7-го мая 1901 г.

Какъ видно изъ опубликованнаго вслѣдъ за этимъ въ «Правительств. Вѣстникѣ» Учрежденія Государственнаго Совѣта, это послѣднее является прежде всего кодификаціонной работой, въ которую вошли всѣ законоположенія, изданныя съ 1892 года и потому не включенныя въ Учрежденіе Государственнаго Совѣта послѣдняго изданія. Новыя «правила» заключаютъ въ себѣ лишь статья 49-я 1-го отдѣленія главы 4-й, да статья 97—104-я 4-го отд. той же главы. По ст. 49-й «для предварительнаго соображенія и разработки особо важныхъ и сложныхъ законопроектовъ въ составѣ Государственнаго Совѣта могутъ быть образуемы особыя совѣщанія и подготовительныя коммиссіи, по положеніямъ департаментовъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія». Статьи 97—104 даютъ болѣе подробныя указанія относительно характера и личнаго состава этихъ двухъ включаемыхъ въ составъ Государственнаго Совѣта учрежденій, причемъ оказывается, что особыя совѣщанія образуются, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта по Высочайшему избранію, въ составѣ назначенныхъ Высочайшею властью: членовъ сего Совѣта, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями или ихъ Товарищей, Государственаго Секретаря или его Товарища. Съ Высочайшаго соизволенія, сверхъ указанныхъ лицъ, могутъ быть призываемы въ составъ совѣщаній и иныя лица, занимающія высшія должности государственнаго управленія (ст. 97). Въ совѣщаніе могутъ быть приглашаемы лица, отъ коихъ по свойству дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій. Выборъ сихъ лицъ зависитъ отъ предсѣдателя совѣщанія по соглашенію, въ подлежащихъ случаяхъ, съ Министромъ или Главноуправляющимъ отдѣльною частью, до вѣдомства коихъ относится обсуждаемый законопроектъ (ст. 98).

Подготовительныя коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Совѣта по Высочайшему назначенію. Въ составъ коммиссій, въ качествѣ членовъ, входятъ высшіе чины Государственной Канцеляріи и чины другихъ вѣдомствъ, командируемые по соглашенію предсѣдателя коммиссіи съ государственнымъ секретаремъ и подлежащими министрами. По распоряженію предсѣдателя Государственнаго Совѣта, могутъ быть призываемы въ составъ коммиссій лица, по своимъ знаніямъ и опыту могущія принести пользу участіемъ въ трудахъ коммиссій. Относительно приглашенія тѣхъ изъ сихъ лицъ,

которыя состоятъ на государственной, сословной или общественной службѣ, государственный секретарь входитъ въ сношеніе съ начальниками подлежащихъ вѣдомствъ (ст. 101). Заключенія *совѣщанія*, въ видѣ журнала, вносятся на уваженіе департамента (ст. 100); проекты, составленные *коммиссіей* вносятся въ Государственный Совѣтъ, куда могутъ быть приглашаемы и члены коммиссіи для представленія объясненій (ст. 104).

Никакихъ затѣмъ указаній на цѣли и задачи особыхъ совѣщаній и подготовительныхъ коммиссій въ законѣ не содержится, какъ не содержится и объясненія, въ какихъ именно случаяхъ и для разработки какихъ именно «особо важныхъ законопроектовъ» они назначаются, такъ что о различномъ характерѣ этихъ двухъ новыхъ учрежденій можно судить лишь по разнообразному ихъ личному составу. Что же касается призываемыхъ въ составъ совѣщаній и коммиссій лицъ, «по своимъ знаніямъ и опыту могущихъ принести пользу», то упоминаніе о нихъ здѣсь не ново, такъ какъ и по старому учрежденію Государственнаго Совѣта департаментамъ предоставлялось приглашать къ совѣщанію постороннихъ лицъ (свѣдущихъ людей).

Опубликованы слѣдующія два оффиціальныхъ сообщенія о безпорядкахъ среди рабочихъ въ Тифлисѣ и въ С.-Петербургѣ:

Въ Тифлисѣ, въ воскресенье 22-го апрѣля, толпа, состоявшая преимущественно изъ рабочихъ мѣстныхъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ, произвела безпорядки на Солдатскомъ базарѣ.

Воспользовавшись обычнымъ многолюднымъ стеченіемъ народа на производящійся тамъ воскресный торгъ, отъ 300 до 400 нарушителей порядка по одиночкѣ, разными путями, подъ видомъ продавцовъ и покупателей, сошлись къ базарной площади. Въ одиннадцатомъ часу утра нѣсколько человѣкъ изъ ихъ среды для сгруппированія манифестантовъ и привлеченія вниманія любопытныхъ начали шумѣть, а затѣмъ уже, сплотившись, поднявъ красный значокъ изъ шелковой матеріи, толпа двинулась къ Головинскому проспекту. Полиція предложила толпѣ разойтись, причемъ помощникъ пристава Гедевановъ вмѣстѣ съ городовыми попытался отобрать значокъ, но въ отвѣтъ на это посыпались на нихъ удары скрытно принесенными короткими палками и древесными корневищами. Нѣкоторыя изъ лицъ, бывшихъ въ толпѣ, даже обнажили кинжалы. Несмотря на громадное численное превосходство бунтовавшихъ, полиціи все же удалось тутъ же сорвать и забрать значокъ. Возбужденная толпа попыталась двинутся впередъ, волоча потерявшаго отъ ударовъ сознаніе Гедеванова и продолжая ожесточенную борьбу съ полиціей. Находившіеся по своимъ дѣламъ на базарѣ нижніе чины разныхъ частей войскъ и многіе изъ мѣстныхъ обывателей, увидавъ затруднительное положеніе чиновъ полиціи, по собственному почину, сплотившись группами по нѣскольку человѣкъ, энергично пришли на помощь полиціи. Произошла общая свалка, результатомъ которой неизбѣжно явились пострадавшіе съ той и другой стороны. Въ это время изъ толпы манифестантовъ раздалось шесть выстрѣловъ изъ револьверовъ, причемъ городовой Китанцевъ былъ раненъ двумя пулями въ бедро и плечо. Совмѣстными усиліями полиціи и нижнихъ чиновъ движеніе толпы было тутъ же пріостановлено. Прискакавшій въ это время полицеймейстеръ съ чинами конной полиціи и всадниками полицейской стражи прекратилъ свалку, забралъ главныхъ виновныхъ и окончательно разсѣялъ толпу. Къ тому времени на мѣсто безпорядковъ прибылъ губернаторъ верхомъ въ сопровожденіи полевыхъ жандармовъ и руководилъ окончательнымъ возстановленіемъ спокойствія. Одновременно подошедшій, вызванный губернаторомъ, 1 й Кавказскій саперный батальонъ и 30 казаковъ Хоперскаго полка своимъ присутствіемъ способствовали совершенному успокоенію встревоженаго населенія этого участка. Безпорядокъ въ общемъ съ момента его возникновенія и до очищенія базара отъ

бунтовавшей толпы, длился около четверти часа. Острый же періодъ его обнималъ не болѣе восьми минутъ. Изъ числа лицъ, принимавшихъ руководящую роль въ этомъ безпорядкѣ, задержаны полиціей на мѣстѣ 41 человѣкъ, большинство изъ нихъ рабочіе, одинъ харьковскій студентъ и три курсистки, высланныя изъ Петербурга за послѣдніе безпорядки».

Въ С.-Петербургѣ, 7-го мая, послѣ обѣденнаго перерыва, на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ въ селѣ Александровскомъ, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 рабочихъ разныхъ отдѣленій завода прекратили работу и, при объясненіи съ помощникомъ начальника завода подполковникомъ Ивановымъ, предъявили разныя неосновательныя требованія. Послѣ тщетныхъ убѣжденій подполковника Иванова стать на работу, рабочіе кинулись по заводу, дали сигналъ заводскимъ свисткомъ къ прекращенію работъ и силою начали останавливать машины. Подполковникъ Ивановъ, располагая на заводѣ военною командою лишь въ числѣ 40 человѣкъ, просилъ содѣйствія полиціи. Вызваны были 2 эскадрона жандармовъ, отдѣленіе конно-полицейской стражи и около 200 городовыхъ полицейскаго резерва. Тѣмъ временемъ всѣ рабочіе завода до 3.600 человѣкъ бросили работу и съ шумомъ и свистомъ стали выходить на улицу. Стоявшему у воротъ сторожу однимъ изъ рабочихъ (арестованъ) было нанесено нѣсколько ранъ ножомъ, и тутъ же раненъ въ лицо брошеннымъ изъ толпы камнемъ околоточный надзиратель. Толпа рабочихъ заняла всю улицу Шлиссельбургскаго тракта и сосѣдніе дворы домовъ, движеніе конки было ими пріостановлено. Распоряжавшійся прибывшимъ нарядомъ полиціи полицеймейстеръ полковникъ Палибинъ, опасаясь дальнѣйшихъ осложненій, озаботился прежде всего очищеніемъ улицы отъ этой толпы. Послѣ тщетнаго требованія разойтись онъ повелъ конную стражу и жандармовъ на толпу. Нарядъ былъ встрѣченъ градомъ камней, какъ изъ толпы, такъ и изъ-за заборовъ ближайшихъ строеній, и конные вынуждены были отступить къ Обуховскому заводу. Тогда полковникъ Палибинъ призвалъ на помощь вооруженную команду завода, находившуюся уже наготовѣ во дворѣ завода. Эта команда и нарядъ полиціи были вновь встрѣчены со стороны рабочихъ камнями, причемъ изъ толпы раздалось нѣсколько выстрѣловъ, никого, впрочемъ, не ранившихъ. Тогда полковникъ Палибинъ распорядился открыть огонь, поручивъ это боцману—начальнику заводской команды. Послѣдовало 3 залпа, причемъ убитъ 1 и ранено 8 рабочихъ, послѣ этого толпа бросилась бѣжать въ разсыпную. Въ это время подошли вытребованныя роты Омскаго пѣхотнаго полка, при содѣйствіи которыхъ полковникъ Палибинъ распорядился очищеніемъ отъ рабочихъ сосѣднихъ дворовъ, откуда продолжали кидать въ наряды камнями. Арестовано при этомъ 120 человѣкъ. Во время столкновенія съ рабочими раненъ камнемъ въ голову и въ ногу полковникъ Палибинъ, а изъ нижнихъ чиновъ полиціи ранены камнями и ушиблены 11 городовыхъ, изъ коихъ 7 болѣе серьезно и околоточный надзиратель. Изъ числа раненыхъ одинъ рабочій 8 сего мая скончался, а остальные помѣщены въ Обуховской и Александровской больницахъ.

Санитарный вопросъ въ Кіевѣ.

Среди многихъ наболѣвшихъ у насъ вопросовъ, больничный вопросъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Всякому кіевскому жителю, даже и не врачу, хорошо извѣстно, какъ трудно бываетъ у насъ подчасъ опредѣлить кого-нибудь въ больницу, особенно при существованіи въ городѣ малѣйшей эпидеміи. Кому изъ насъ не случалось наблюдать на нашихъ улицахъ такую картину: на извозчичьей пролеткѣ сидитъ городовой и поддерживаетъ какого-нибудь жалкаго

на видъ оборванца, который неистово качается во всѣ стороны на безчисленныхъ ухабахъ нашей удивительной мостовой. Издали такого субъекта можно принять за пьянаго, котораго блюститель порядка везетъ въ участокъ для вытрезвленія, но стоитъ немного внимательнѣе присмотрѣться къ нему, чтобы убѣдиться, что это не пьяный, а больной человѣкъ. Такимъ примитивнымъ способомъ полиція наша развозитъ по больницамъ несчастныхъ больныхъ, которыхъ она подбираетъ на улицахъ или въ пріемныхъ покояхъ больницъ и лѣчебницъ. Два года тому назадъ городъ пріобрѣлъ для этого закрытую карету, но полиція ею никогда не пользуется, такъ какъ это сопряжено съ огромной потерей времени. Всякій, кому случалось обращаться за этой каретой, знаетъ, что дожидаться ее нужно иной разъ цѣлый день, ибо она вѣчно занята. Поэтому полиція и по сей день продолжаетъ доставлять въ больницы больныхъ болѣе примитивнымъ, но за то и болѣе скорымъ способомъ, именно на извозчичьихъ пролеткахъ, которыя—къ слову сказать—послѣ этого никакой дезинфекціи не подвергаются. Лѣтомъ, въ палящій зной, зимою въ трескучіе морозы можно встрѣтить городовыхъ съ подобными больными въ разныхъ частяхъ города. Разъѣзжаютъ они иной разъ цѣлыми часами изъ одной больницы въ другую, пока, наконецъ, имъ удастся гдѣ-нибудь пристроить этихъ несчастныхъ истомленныхъ жарой или окоченѣвшихъ отъ холода людей.

Недостаточность нашихъ больницъ хорошо у насъ всѣмъ и каждому извѣстна, потому что на нее часто указываютъ не только мѣстныя, но и столичныя газеты. При этомъ въ печать попадаютъ, конечно, только самые вопіющіе случаи. Читая подобныя газетныя сообщенія, невольно поражаешься всякій разъ, къ какимъ только пріемамъ не прибѣгаютъ у насъ больные, чтобы попасть какъ-нибудь въ больницу: симмулируютъ на улицахъ отравленіе (кр-нка Парфентьева), отравляются и на самомъ дѣлѣ (Заболотный), бросаются въ Днѣпръ (Воликъ), распарываютъ себѣ на глазахъ толпы животъ (Бродскій). Бываютъ случаи, когда больные, путешествуя изъ одной больницы въ другую, умираютъ прямо на улицахъ. «9 іюля прошлаго года у насъ найдена была,—по словамъ «Жизни и Искусства» (№ отъ 10 іюля 1899 г.),—на улицѣ мертвой 70-ти-лѣтняя старуха съ бумагой, изъ которой было видно, что покойная была кіевская мѣщанка и что мѣщанская управа отправила ее въ Александровскую больницу, но тамъ (очевидно, по неимѣнію мѣста) ея не приняли. Несчастная старуха очутилась на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ, спасаясь отъ котораго зашла въ первый попавшійся дворъ, гдѣ и умерла»...

Недостаточность больницъ—это, кажется, наше обще-русское горе: у насъ нѣтъ такого города, который не испытывалъ бы этой нужды. Стоитъ заглянуть въ любую столичную или провинціальную газету, чтобы убѣдиться, что со столбцовъ ихъ не сходятъ жалобы на вѣчные отказы больницъ въ пріемѣ нуждающихся больныхъ. Недаромъ покойный профессоръ В. А. Манассеинъ какъ-то выразился, что жителю Петербурга легче попасть въ царствіе небесное, чѣмъ въ больницу. Въ Варшавѣ, по вычисленію д-ра Полака, въ больницахъ не хватаетъ, по крайней мѣрѣ, 1.500 коекъ. Въ Москвѣ, по отчетамъ городскихъ больницъ, въ одномъ только 1899 году было отказано болѣе чѣмъ 12 тысячамъ больныхъ за неимѣніемъ мѣстъ въ нихъ. Но врядъ ли гдѣ-либо ощущается такой недостатокъ въ больничныхъ койкахъ, какъ у насъ въ Кіевѣ.

Въ этомъ отношеніи Кіевъ занимаетъ послѣднее мѣсто среди цѣлаго ряда русскихъ городовъ, уступая даже такимъ небольшимъ провинціальнымъ центрамъ, какъ Кишиневъ, Нижній и др.

На каждую койку для остро-заразныхъ больныхъ въ Кіевѣ приходится болѣе 3.000 человѣкъ населенія, то-есть въ три раза болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, въ два слишкомъ раза, чѣмъ въ Парижѣ, и значительно больше, чѣмъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Харьковѣ и др.

Другимъ указаніемъ на недостаточность нашихъ больницъ служитъ слишкомъ скорое освобожденіе больничныхъ коекъ въ нихъ, что особенно замѣчается въ Александровской больницѣ. Здѣсь больнымъ залеживаться не даютъ и выписываютъ ихъ какъ можно раньше, чтобы скорѣе очистить мѣсто для слѣдующихъ больныхъ. Сравнивая среднюю продолжительность пребыванія больныхъ въ Александровской больницѣ и въ больницахъ другихъ городовъ, мы видимъ, что средняя эта въ Александровской больницѣ, взятая за послѣднія 5 лѣтъ, равна всего 20,6 днямъ и, стало быть, меньше почти на 30% общей средней, выведенной для цѣлаго ряда русскихъ и заграничныхъ городовъ. Спрашивается, почему же больные остаются такъ недолго въ Александровской больницѣ? Зависитъ ли это отъ того, что болѣзни у больныхъ, пользуемыхъ въ ней, протекаютъ быстрѣе и легче, чѣмъ въ другихъ больницахъ? Нѣтъ, это объясняется просто тѣмъ, что наша городская больница, вѣчно нуждаясь въ койкахъ, спѣшитъ выписывать такихъ больныхъ, которые едва только начинаютъ поправляться, чтобы на ихъ мѣсто положить новыхъ больныхъ. Нужно ли говорить о томъ, какъ такой порядокъ отражается на здоровьи людей еще недостаточно окрѣпшихъ послѣ только что перенесенной болѣзни, но уже выброшенныхъ изъ больницы на холодъ и снова предоставленныхъ голоду и другимъ лишеніямъ?!

Изъ всего изложеннаго достаточно ясно, что у насъ въ Кіевѣ пропорціонально нашему населенію коекъ, особенно для заразныхъ больныхъ, слишкомъ мало. По статистикѣ заболѣваемости заразными болѣзнями, принято имѣть на каждые 1.000 человѣкъ населенія minimum 1 больничную койку, такъ что, согласно этому, Кіевъ долженъ былъ бы имѣть не менѣе 300 коекъ для заразныхъ больныхъ, а у насъ ихъ всего только 132, то-есть вдвое меньше противъ того, что должно быть. Но практика показываетъ, что подобной нормы также недостаточно даже въ благоустроенныхъ городахъ, и притомъ въ неэпидемическое время, когда заболѣваемость населенія инфекціонными болѣзнями не выходитъ изъ обычныхъ предѣловъ. Поэтому кіевскія больницы при такомъ ничтожномъ числѣ коекъ въ нихъ должны были бы быть всегда переполнены уже вслѣдствіе одной только недостаточности этихъ коекъ. На самомъ же дѣлѣ переполненіе нашихъ больницъ, помимо этого, зависитъ еще отъ недостатка въ городѣ богадѣленъ и отъ огромной заболѣваемости мѣстнаго населенія.

Одна богадѣльная койка въ Кіевѣ приходится на 532,8 жителя въ то время, какъ въ Варшавѣ на 274,3 человѣка, въ Петербургдѣ—на 368,8 и въ Москвѣ—на 359,6. Слѣдствіемъ такого недостаточнаго числа у насъ богадѣленъ является то, что довольно много коекъ въ нашихъ больницахъ постоянно заняты такими больными, которымъ мѣсто собственно въ богадѣльняхъ: это люди со всевозможными хроническими заболѣваніями, обыкновенно обостряющимися въ холодное время года. Попадая въ больницу, такіе больные могутъ оставаться въ ней неопредѣленно долгое время безъ всякаго замѣтнаго измѣненія въ состояніи своего здоровья. Положимъ, въ Александровской больницѣ имъ, какъ сказано выше, особенно долго залеживаться не даютъ, но все-таки изъ-за нихъ нерѣдко приходится отказывать острымъ больнымъ, которые, дѣйствительно, нуждаются въ больничномъ лѣченіи. Еслибъ у насъ было больше богадѣленъ, то недостаточность нашихъ больницъ была бы не столь ощутительна; пока же остается утѣшаться лишь тѣмъ, что со временемъ, когда будетъ окончена и начнетъ функціонировать нынѣ строющаяся богадѣльня имени М. П. Дегтерева на 500 кроватей, многія койки въ нашихъ больницахъ будутъ утилизированы и болѣе правильно и болѣе справедливо.

О постоянной огромной заболѣваемости среди нашего населенія мы, къ сожалѣнію, не можемъ представить никакихъ цифровыхъ данныхъ, такъ какъ мы нигдѣ не могли найти ихъ. Оказывается, что у насъ въ Кіевѣ положительно

никто не интересуется вопросомъ о заболѣваемости населенія, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить себѣ отсутствіе подобнаго цифрового матеріала въ думѣ и особенно въ мѣстной санитарной коммиссіи, существующей ужъ болѣе 10 лѣтъ. Но и безъ цифръ мы всѣ отлично знаемъ, что населеніе наше постоянно сильно болѣетъ: ни одинъ годъ не обходится у насъ безъ эпидемій, а тифъ сталъ у насъ постояннымъ гостемъ и, по выраженію санитарной коммиссіи [1]), «свилъ себѣ у насъ прочное гнѣздо». Спрашивается, отъ чего же зависитъ такая высокая заболѣваемость нашего населенія? Причины ея кроются въ общей неблагоустроенности нашего города, именно въ дурныхъ санитарно-гигіеническихъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ наше населеніе. На этихъ условіяхъ мы имѣемъ въ виду остановиться здѣсь подробнѣе, но предварительно мы должны коснуться одного обстоятельства, очень благопріятствующаго повышенію цифры постоянной заболѣваемости, именно недостаточнаго числа у насъ безплатныхъ ночлежныхъ пріютовъ для бездомныхъ пролетаріевъ. Такихъ пріютовъ у насъ, какъ извѣстно, два: одинъ на Бассейной улицѣ, разсчитанный на 492 человѣка, а другой на Подолѣ—на 452 чел.,—всего, стало быть, на 944—1.000 человѣкъ [2]). Но изъ собранной мной еще въ позапрошломъ году справки [3]) оказывается, что въ среднемъ въ пріютѣ на Бассейной ночевало по 17.000 человѣкъ въ мѣсяцъ или около 600 человѣкъ въ день, въ то время какъ пріютъ этотъ разсчитанъ, какъ мы уже сказали, всего на 492 человѣка. Такимъ образомъ, душъ 100 и болѣе принуждены здѣсь постоянно, за неимѣніемъ мѣстъ на нарахъ, валяться на голомъ полу въ ужасной обстановкѣ, среди объѣдковъ, окурковъ и плевковъ, обильно покрывающихъ полъ. Такая же, если не бо̀льшая, тѣснота замѣчается постоянно и въ Подольскомъ ночлежномъ пріютѣ. Въ осенніе и зимніе вечера, когда ночлежные дома уже давнымъ давно биткомъ набиты, у воротъ ихъ не перестаютъ раздаваться отчаянные звонки запоздавшихъ ночлежниковъ. По словамъ смотрителей этихъ пріютовъ, жутко становится на душѣ, когда на дворѣ трещитъ морозъ и завываетъ вьюга, а между тѣмъ приходится отказывать въ ночлегѣ людямъ, съ отчаяніемъ стучащимся въ дверь. Число этихъ несчастныхъ, которыхъ осенью и зимою не могутъ вмѣстить наши ночлежни, должно быть, не особенно мало, если въ городѣ могутъ существовать цѣлыхъ 19 платныхъ ночлежныхъ пріютовъ,—большею частью грязныхъ притоновъ, вѣчно переполненныхъ всякимъ сбродомъ. Но какъ ни мала плата, взимая здѣсь съ ночлежниковъ, въ Кіевѣ, какъ и во всякомъ крупномъ городѣ, всегда найдется не мало такихъ пролетаріевъ, которые не въ состояніи заплатить и этихъ нѣсколькихъ копѣекъ и потому принуждены ночевать на открытомъ воздухѣ. Состоя врачомъ при здѣшнемъ домѣ трудолюбія, мы осенью и зимою очень часто видимъ всевозможныя острыя заболѣванія простуднаго характера, развившіяся у тѣхъ изъ несчастныхъ трудолюбцевъ, которымъ вслѣдствіе переполненія безплатныхъ ночлежныхъ пріютовъ и отсутствія всякихъ денегъ пришлось ночевать на «свѣжемъ воздухѣ». Изслѣдованія Л. Личкова [4]) и нашей санитарной коммиссіи доказали, что повторяющаяся у насъ изъ года въ годъ эпидемія тифа обязана своимъ распространеніемъ «преимущественно нашимъ ночлежнымъ домамъ, благодаря ихъ чрезмѣрному переполненію и неизбѣжной порчѣ воздуха въ нихъ [5]). Въ виду этого, мѣстная

---

1) Отчетъ кіевской исполнительной санитарной коммиссіи за 1898 г., стр. 13.

2) Въ самое послѣднее время на Лукьяновкѣ временно открытъ 3-й ночлежный пріютъ помѣстительностью около 100 человѣкъ.

3) См. мою статью: «Домъ трудолюбія и ночлежные пріюты въ Кіевѣ». «Трудов. Помощь» 1899 г., сентябрь.

4) Л. Личковъ. «Кіевскіе ночлежники». Сборн. стат., издав. москов. дум. Вып. VI, стр. 29.

5) «Отчетъ санитарн. коммиссіи за 1899 г.», стр. 19.

санитарная коммиссія уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вошла въ думу съ докладомъ о необходимости устройства у насъ еще одного ночлежнаго пріюта, причемъ представила, если мы не ошибаемся, и подробный проектъ этого зданія. Дума въ принципѣ согласилась, конечно, съ доводами санитарной коммиссіи въ неотложности этой мѣры, но для осуществленія ея пока еще ничего не сдѣлала. Почему? Вѣроятно потому, что для этого у нея нѣтъ средствъ, а можетъ быть и потому, что проектъ этотъ сданъ для детальной разработки въ одну изъ безчисленныхъ нашихъ думскихъ коммиссій. Итакъ, постоянная высокая заболѣваемость нашего населенія зависитъ отъ отвратительныхъ санитарно-гигіеническихъ условій нашего города, давно уже пріобрѣвшихъ ему печальную, но вполнѣ заслуженную славу. Кто не знаетъ нашихъ удивительныхъ мостовыхъ, разъѣзжать по которымъ можно не иначе, какъ съ рискомъ для своего здоровья и даже жизни? Кто незнакомъ съ нашей замѣчательной днѣпровской водой, въ которой, несмотря на фильтры, то и дѣло попадаются всевозможные представители водяного царства, начиная маленькими рачками и кончая огромными піявками? Кому, наконецъ, неизвѣстна наша превосходная канализація, въ существованіи которой убѣждаешься всякій разъ, едва только выйдешь на улицу? Ко всѣмъ этимъ безобразіямъ мы, кіевляне, уже давно привыкли; мы сжились съ ними и совершенно не замѣчаемъ ихъ, подобно тому, какъ дикарь не замѣчаетъ грязи и неудобствъ, среди которыхъ онъ живетъ. Только этой многолѣтней привычкой и можно объяснить себѣ, что мы спокойно относимся къ такому злу, какъ въ высшей степени антигигіеническія условія, въ которыхъ мы живемъ, совершенно не думая о томъ вредѣ, какой постоянно наносится ими нашему здоровью. Нашъ санитарный надзоръ не перестаетъ изъ года въ годъ самымъ добросовѣстнымъ и энергичнымъ образомъ бороться съ этимъ зломъ и указывать на него городскому управленію, но голосъ его остается всегда «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Санитарные отчеты отмѣчаютъ, какъ постоянное зло города, выпускъ помоевъ на улицы, недостаточное замощеніе улицъ, многочисленные овраги и канавы, которые являются настоящими клоаками, вливающимися въ Днѣпръ и заражающими питьевую воду; эта послѣдняя, какъ утверждаетъ коммиссія, не удовлетворяетъ даже самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены, и т. д.

По словамъ одного изъ отчетовъ мѣстной санитарной коммиссіи, «лучшимъ показателемъ степени санитарно-гигіеническаго благосостоянія даннаго мѣста служитъ количество заболѣвающихъ инфекціонными болѣзнями, интенсивность и продолжительность самихъ инфекцій и мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи *Кіевъ весьма неблагополученъ*: нѣтъ времени года, свободнаго отъ жертвъ заразныхъ болѣзней, и всякая инфекція держится у насъ чрезвычайно упорно, принимая по временамъ характеръ эпидемій» *).

Просматривая отчеты нашей санитарной коммиссіи, мы на каждомъ шагу убѣждаемся, какъ несочувственно относилась до сихъ поръ наша дума ко всѣмъ мѣрамъ, разновременно предложеннымъ этой коммиссіей въ видахъ улучшенія санитарно-гигіеническихъ условій нашего города и оздоровленія его. Припомнимъ, что проектъ коммиссіи объ устройствѣ еще одного безплатнаго ночлежнаго пріюта, о перемощеніи базаровъ и устройствѣ на нихъ поливальныхъ крановъ, о радикальномъ уничтоженіи канавъ и овраговъ, объ исправленіи недостатковъ канализаціи, объ увеличеніи водопроводныхъ фильтровъ и множество тому подобныхъ дѣйствительно неотложныхъ мѣръ, равно какъ и всѣ представленія врачей о необходимости расширенія городской больницы—были думой подъ разными предлогами отклонены и въ результатѣ все остается теперь въ томъ же положеніи, какъ было много лѣтъ назадъ. Что же это такое, какъ

*) «Отчетъ санит. коммиссіи за 1897 г.», стр. 32.

не крайній индифферентизмъ къ собственнымъ нуждамъ, удовлетвореніе которыхъ должно было бы всегда стоять на первомъ планѣ? Этотъ поразительный индифферентизмъ, сдѣлавшій нашъ городъ исключительнымъ по его негигіеничности и неблагоустройству, обыкновенно маскируется у насъ недостаткомъ средствъ. Но въ дѣйствительности дѣло совсѣмъ не въ средствахъ. За послѣдніе годы у насъ въ Кіевѣ были построены театры, биржа, музей и гавань почти исключительно на городскія средства, а между тѣмъ для больницъ средствъ у насъ нѣтъ. Отчего же ихъ хватаетъ на все, но не для улучшенія санитарно-гигіеническаго состоянія нашего города? Развѣ не очевидно для всѣхъ и каждаго, что тутъ дѣло не въ деньгахъ, а въ желаніи: явится желаніе, найдутся и средства, какъ находятся они для всего остального. Кіевъ не совсѣмъ ужъ такой бѣдный городъ, если онъ можетъ израсходовать 20 тысячъ рублей на устройство загородной рощи (Пушкинской) для гуляній? Вѣдь на дѣло общественнаго здоровья мы, кіевляне, тратимъ одни лишь гроши. Вообще, у насъ въ Россіи—не въ одномъ только Кіевѣ—принято тратить на медицину какъ можно меньше и въ экономіи на этотъ счетъ городскія управленія различныхъ городовъ положительно конкурируютъ другъ съ другомъ. Нужно ли произвести экономію въ бюджетѣ, необходимо ли собрать сумму на какія-нибудь экстренные расходы или же на покрытіе долговъ, у насъ вездѣ первымъ дѣломъ начинаютъ урѣзывать расходы на больницы и санитарныя нужды, благо это такія статьи, въ которыхъ удобнѣе всего производить всевозможныя сокращенія. Благодаря подобнымъ изстари установившимся въ нашемъ обществѣ традиціямъ, мы находимъ возможнымъ тратить на больничное дѣло только ничтожныя суммы сравнительно съ прочими нашими расходами. Такъ, по вычисленію д-ра Жбанкова *), каждый житель Россіи тратитъ среднимъ числомъ въ годъ на медицину 34,0 коп. въ земскихъ и 16,6 коп. въ неземскихъ губерніяхъ. Что можетъ быть скромнѣе подобныхъ цифръ? По статистическимъ даннымъ расходы на медицину составляютъ въ среднемъ для большинства русскихъ городовъ всего 1% общихъ расходовъ. Конечно, крупные города наши тратятъ гораздо больше этой средней цифры, но мы, кіевляне, и въ этомъ отношеніи отстали отъ нихъ.

За среднюю цифру нашихъ ежегодныхъ расходовъ на медицину можно принять 165—170 тысячъ, что составитъ немногимъ болѣе 50 коп. въ годъ на каждаго кіевлянина, тогда какъ въ Петербургѣ каждый житель тратитъ въ годъ на медицину около 2 руб., въ Москвѣ—1 р. 34 коп., въ Одессѣ—1 р. 60 к., въ Варшавѣ—1 р. 05 к., въ Гамбургѣ—2 р. 80 к., въ Дрезденѣ—1 р. 25 к., въ Мюнхенѣ—1 р. 90 к., а въ Парижѣ даже—3 р. 20 к.

Послѣ всего изложеннаго мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Кіевъ долженъ имѣть еще одну больницу на 150—200 коекъ для заразныхъ больныхъ. Больница эта должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы при отсутствіи заразныхъ больныхъ часть коекъ могла быть утилизирована для общихъ больныхъ.

2) Слѣдуетъ поспѣшить съ устройствомъ санаторіи, по крайней мѣрѣ, для 25—30 чахоточныхъ больныхъ.

3) Необходимо построить еще одинъ безплатный ночлежный домъ на 200—300 человѣкъ.

4) Слѣдуетъ пріобрѣсти еще 2 кареты для перевозки больныхъ въ больницы и размѣстить ихъ въ разныхъ частяхъ города при полицейскихъ участкахъ.

5) Необходимо печатать ежедневно въ мѣстныхъ газетахъ и вывѣшивать на видныхъ мѣстахъ въ участкахъ свѣдѣнія о числѣ свободныхъ мѣстъ въ

*) «Русская Земская медицина», 1899 г., стр. 206.

разныхъ больницахъ, какъ это практикуется въ другихъ городахъ у насъ и заграницей.

Конечно, для осуществленія всего этого нужны средства и большія, но ихъ слѣдуетъ добыть путемъ, напримѣръ, займовъ. Долговъ нечего бояться, ибо они окупятся на счетъ будущаго роста города. Вообще, благоустройство городовъ, именно, сооруженіе водопроводовъ, устройство мостовыхъ и освѣщенія, равно какъ постройка больницъ и разныхъ общественныхъ и благотворительныхъ зданій совершается повсюду при помощи займовъ, которые служатъ показателями культурнаго роста городовъ. А между тѣмъ, общая сумма долговъ Кіева равна 2.985.603 руб., такъ что на каждаго жителя приходится долга всего около 9,9 руб., и Кіевъ по своей задолженности занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ городовъ. Замѣтимъ, что заграницей самые богатые города являются въ то же время и наиболѣе задолженными, ибо грандіознѣйшія мѣры по части благоустройства и общественнаго призрѣнія осуществляются въ нихъ именно при помощи займовъ.

Спрашивается, чѣмъ объясняется сравнительно малая задолженность русскихъ городовъ вообще и Кіева въ частности? Очевидно, только тѣмъ, что всѣ они въ большей или меньшей степени неблагоустроены и повсюду въ нихъ замѣчается недостатокъ заведеній для общественнаго призрѣнія. Особенно слѣдуетъ это сказать о Кіевѣ: у насъ нѣтъ порядочныхъ мостовыхъ и хорошаго освѣщенія, мы пьемъ отвратительную воду, у насъ недостаточно больницъ и ночлежныхъ пріютовъ, но за то мы, кіевляне, можемъ радоваться и гордиться: у насъ очень мало долговъ!

Врачъ Г. И. Гордонъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Японская журналистика. Въ «Русскомъ Богатствѣ» за апрѣль находимъ переводъ французской статьи Тебла, содержащей очеркъ исторіи японской печати и ея современнаго положенія. Извѣстно, какъ совершилось пробужденіе японскаго народа, спавшаго многовѣковымъ сномъ въ закаменѣвшихъ рутинныхъ формахъ, и какъ въ результатѣ этого пробужденія совершилась великая мирная революція, радикально пересоздавшая всю національную жизнь сверху до низу. Въ 1853 году въ одномъ изъ японскихъ портовъ появился американскій флотъ. Волей-неволей «варваровъ» пришлось впустить въ страну и даже согласиться на нѣкоторыя ихъ требованія; за американцами послѣдовали англичане, французы и русскіе, и такимъ образомъ пробитъ былъ путь въ этотъ неприступный, замкнутый край. До появленія иностранцевъ японская газета представляла изъ себя примитивный уличный листокъ, сплошь заполненный кровавыми или скандалезными событіями дня и носившій названіе «Уличный крикунъ». Обыкновенно появленіе его возвѣщалось неистовымъ битьемъ деревянныхъ кастаньетъ и оглушительнымъ стукомъ бамбуковыхъ трещотокъ въ рукахъ какихъ-то оборванцевъ. Немедленно прохожіе останавливались, женщины раздвигали ставни оконъ и прислушивались къ чтенію и такимъ образомъ запасались надолго непритязательнымъ матеріаломъ для бесѣдъ у домашняго очага. Разнощики собирали нѣсколько мелкихъ монетъ со слушателей и устремлялись дальше. Когда появились иностранцы, никто въ Японіи не имѣлъ о нихъ яснаго представленія, и на ихъ счетъ сочинялись самыя нелѣпыя басни. Печать взялась познакомить страну съ иностранцами и средствомъ для этого избрала переводы иностранныхъ газетъ, преимущественно голландскихъ. По образцу иностранныхъ газетъ, вскорѣ появились и первыя мѣстныя газеты,

уже отличавшіяся болѣе серьезнымъ содержаніемъ, чѣмъ «Уличный крикунъ», и въ короткое время японская журналистика сдѣлала крупные успѣхи. Въ настоящее время въ Японіи выходитъ до 2.000 періодическихъ изданій въ количествѣ 92 милліоновъ нумеровъ въ годъ. Само собой разумѣется, среди этой массы есть много эфемерныхъ листковъ, которые цѣлыми роями то рождаются, то умираютъ. Періодическіе журналы издаются въ количествѣ въ пять разъ большемъ, чѣмъ газеты. Это объясняется тѣмъ, что ежедневная газета, занятая обыкновенно борьбой политическихъ партій, совершенно чужда массѣ народа, лишеннаго прямого участія въ политикѣ; за то журналы литературнаго и общеобразовательнаго характера, удовлетворяющіе самымъ разнообразнымъ интересамъ, привлекаютъ къ себѣ грамотную народную массу. Помѣщеніе редакціи газеты обыкновенно выдѣляется гигантскими буквами, составляющими названіе газеты и намалеванными на переднемъ фасадѣ дома. На стѣнахъ за рѣшетками вывѣшены самыя свѣжія новости дня. Весь персоналъ редакціи облеченъ въ европейскій костюмъ, мѣстную окраску придаетъ обстановкѣ лишь неизбѣжный желѣзный котелокъ на жаровнѣ и фарфоровый чайникъ, въ которомъ заваренъ зеленый чай; каждые четверть часа сотрудники наливаютъ себѣ по крохотной чашкѣ. Журналисты, въ большинствѣ бѣдняки, безъ всякой спеціальной подготовки, поступаютъ въ редакцію тотчасъ по выходѣ изъ лицея или университета. Женщины тоже сотрудничаютъ въ педагогическихъ журналахъ, пишутъ фельетонные романы. Типографія газеты, помѣщающаяся обыкновенно тутъ же, представляетъ оригинальную картину. «Японскій наборщикъ— это командиръ маленькаго батальона. Подъ его командой находится группа дѣтей, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Какъ рой осъ вокругъ гнѣзда, летаютъ они взадъ и впередъ, мурлыча или напѣвая про себя гнусавымъ голосомъ названіе буквъ, которыя они должны отыскать въ одной изъ десяти тысячъ кассъ. У японцевъ нѣтъ собственнаго алфавита, и для печати они употребляютъ китайскія буквы. Въ числѣ приблизительно 9.500 онѣ разложены въ порядкѣ по извѣстнымъ знакамъ; кромѣ того 200 или 300 кассъ собственно японскихъ буквъ. Понятно, что при такой массѣ кассъ, дѣйствительно, необходима армія юркихъ помощниковъ для выполненія работы». Рабочія руки поразительно дешевы, дѣти работаютъ только изъ-за хлѣба. Этимъ объясняется необычайная дешевизна японскихъ газетъ. Печать въ Японіи быстро прогрессировала и въ настоящее время является органомъ общественнаго мнѣнія страны, представляя изъ себя грозную силу, съ которой должно считаться правительство. Вождями народнаго движенія, произведшаго мирный переворотъ, были графъ Итагаки, представитель либеральной партіи, и графъ Окума, представитель прогрессивной партіи. Добившись мало-по-малу образованія своихъ партій, они основали газеты и клубы, чтобы подготовить общественное мнѣніе къ реформамъ. И можно смѣло сказать, что новая конституція, провозглашенная въ 1889 г. и дѣйствующая до сихъ поръ, есть дѣло ихъ рукъ. Въ настоящее время ни одна важная реформа не обходится безъ иниціативы или содѣйствія печати. Такъ, года три-четыре тому назадъ газеты предприняли энергичный походъ противъ конкубината, въ защиту моногаміи. Однѣ газеты клеймили позоромъ замаскированную полигамію японцевъ, другіе нападали на отдѣльныхъ лицъ, помѣщали ихъ портреты, перечисляли ихъ наложницъ и т. п. Въ прошломъ году печать вела живую борьбу съ бонзами, возражавшими противъ проекта объ уравненіи религій и требовавшими спеціальнаго покровительства буддизму. Газеты горячо изобличали ихъ невѣжество, фанатизмъ, пороки и сумѣли возстановить противъ нихъ общественное мнѣніе. Вопросъ, за который печать всегда единодушно ратуетъ, есть вопросъ о повышеніи умственнаго и нравственнаго развитія женщинъ и поднятіи ихъ соціальнаго положенія, и въ этомъ отношеніи прессѣ принадлежитъ большая заслуга. Затѣмъ

газетами много сдѣлано въ борьбѣ съ проституціей. До 1897 года законы о печати были очень суровы, съ этого же года была объявлена свобода печати, за тремя исключеніями: оскорбленіе императорской фамиліи, порицаніе существующихъ учрежденій и покушеніе противъ нравственности и общественнаго спокойствія—подлежатъ карѣ.

Юбилей государственнаго совѣта. Юбилей государственнаго совѣта вызвалъ въ журналахъ историческія справки, касающіяся судьбы этого учрежденія за протекшее столѣтіе. Отмѣтимъ статью *В. Ивановскаго* «Государственный совѣтъ въ Россіи» въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы». Первоначальной формой государственнаго совѣта былъ такъ называемый «непремѣнный» совѣтъ, учрежденный въ 1801 г. имп. Александромъ I для обсужденія законовъ и обладавшій правомъ законодательной иниціативы. Но такъ какъ въ составъ этой коллегіи вошли старые екатерининскіе вельможи, не способные сочувствовать Александру въ его широкихъ государственныхъ преобразованіяхъ, то онъ на другой уже годъ ограничилъ роль совѣта образованіемъ министерствъ и присвоеніемъ министрамъ права входить къ государю съ личными докладами. Первыя десять лѣтъ царствованія Александра I были періодомъ организаціонныхъ плановъ и проектовъ; за это время Сперанскимъ была выработана цѣлая система высшихъ государственныхъ учрежденій. По проекту Сперанскаго, законодательная функція представлялась не только императорской властью, но ввѣрялась еще особому выборному учрежденію, такъ называемой «государственной думѣ». Какъ ни одинъ законъ не могъ получить силы, если не былъ утвержденъ императоромъ, точно также онъ не могъ быть обнародованъ, если не получалъ утвержденія «думы». Иниціатива законодательства оставалась прерогативой монархической власти. Въ этомъ взаимоотношеніи высшихъ органовъ власти государственный совѣтъ являлся посредствующимъ звеномъ: на немъ лежало обсужденіе законопроектовъ до внесенія въ «государственную думу», а также и по разсмотрѣніи ихъ этимъ учрежденіемъ, передъ представленіемъ императору для окончательной санкціи. Но помимо этой посреднической роли государственному совѣту принадлежали нѣкоторыя самостоятельныя фунцкіи: разнаго рода мѣропріятія и распоряженія, вытекавшія изъ примѣненія и разъясненія законовъ, должны были обсуждаться въ департаментахъ государственнаго совѣта, не переходя въ государственную думу. Государственной думѣ присваивалось право привлекать къ отвѣтственности министровъ и другихъ лицъ высшей администраціи за несоблюденіе законовъ. Схема Сперанскаго не была осуществлена въ цѣломъ, по ней были реорганизованы въ 1810 г. лишь отдѣльныя части управленія, между прочимъ государственный совѣтъ. Но выхваченный изъ общей системы и лишенный своей главной опоры—государственной думы, государственный совѣтъ получилъ довольно шаткое положеніе, которое усиливалось еще неопредѣленностью его правъ и организаціи. Такъ, далеко не всѣ законопроекты проходили черезъ государственный совѣтъ: многіе обсуждались, помимо него, въ комитетѣ министровъ или въ комитетѣ предсѣдателей государственнаго совѣта и въ разныхъ коммисіяхъ; затѣмъ, число членовъ общаго собранія не было установлено, совѣщанія государственнаго совѣта лишены были гласности и публичности. Но самая слабая сторона организаціи государственнаго совѣта обнаружилась въ его отношеніи къ министерствамъ. Еще при Александрѣ I Трощинскій указывалъ на то, что значеніе государствеенаго совѣта рѣшительно подрывается правомъ министровъ испрашивать указы, непосредственно отъ верховной власти, помимо государственнаго совѣта. Это дѣлало министровъ законодателями, притомъ не подвергавшимися никакой отвѣтственности, и законодательство вступало вновь на тотъ же путь, по которому оно двигалось раньше, до учрежденія государственнаго совѣта. Дальнѣйшая законодательная практика все больше

урѣзывала роль государственнаго совѣта, ставя на первое мѣсто, какъ высшій законодательный органъ,—комитетъ министровъ. Дѣятельность государственнаго совѣта за первую половину столѣтія представляется блѣдной, лишенной жизни. Возрожденіе, охватившее всѣ сферы жизни въ шестидесятые годы, коснулось и государственнаго совѣта: судебные уставы, земское и городовое положеніе, университетскій уставъ 1863 г. останутся великими памятниками законодательнаго творчества, въ которое свою не малую долю вложилъ и государственный совѣтъ. Въ дополненіе къ этому историческому очерку въ той же книжкѣ «Вѣстника Европы» во внутреннемъ обозрѣніи находимъ характеристику дѣятельности государственнаго совѣта за послѣднюю четверть вѣка. За это время государственный совѣтъ хранилъ вѣрность завѣтамъ эпохи великихъ реформъ, отстаивалъ, по мѣрѣ возможности, великіе законодательные акты того времени и старался смягчить и ослабить попытки ихъ ограниченій и урѣзываній. Такъ, большинство государственнаго совѣта высказалось въ 1884 г. противъ новаго университетскаго устава; не сочувствовало оно и основной мысли преобразованія 1889 г. о земскихъ начальникахъ. «Законопроекты, направленные къ ограниченію земскихъ функцій и къ стѣсненію свободы дѣйствій земства (напр., законопроекты о фиксаціи земскихъ смѣтъ, объ изъятіи изъ вѣдѣнія земства попеченія о народномъ продовольствіи) встрѣчали въ средѣ государственнаго совѣта, какъ слышно, принципіальныя возраженія и подвергались иногда если не общимъ, то хоть частнымъ поправкамъ». «Обходы» государственнаго совѣта при проведеніи законовъ за послѣдніе годы встрѣчаются очень часто. Такъ, положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, дѣйствующее уже почти двадцать лѣтъ, не было проведено черезъ государственный совѣтъ. Временныя правила о печати, до крайности ухудшившія ея положеніе, изданы въ 1882 г. также помимо государственнаго совѣта и дополнены въ 1897 г. положеніемъ комитета министровъ, существенно ограничившимъ гражданскія права издателей. Всѣмъ извѣстны также важныя временныя мѣры, отмѣняющія дѣйствія общаго закона и не прошедшія даже черезъ комитетъ министровъ. Для того, чтобы законодательная дѣятельность государственнаго совѣта могла быть продуктивной, необходимы извѣстныя преобразованія. Прежде всего указываютъ на необходимость устранить «обходы», т.-е. проведеніе законопроектовъ помимо государственнаго совѣта; затѣмъ—на дарованіе членамъ государственнаго совѣта права законодательной иниціативы и, наконецъ, на важность внести болѣе разнородности въ составъ членовъ государственнаго совѣта, которые почти исключительно назначаются изъ лицъ высшей администраціи; при этомъ очень полезно было бы обращеніе въ важныхъ случаяхъ къ «свѣдущимъ людямъ» возвести въ постоянный институтъ, неразрывно связанный съ государственнымъ совѣтомъ. Извѣстно уже, что новое учрежденіе государственнаго совѣта, данное въ день его столѣтняго юбилея, не внесло ничего существенно-важнаго въ его организацію.

Король Штуммъ. (Статья А. Коврова въ «Жизни», апрѣль). Въ Германіи недавно умеръ крупный заводчикъ и яркая политическая фигура консервативнаго лагеря, окрещенный въ народѣ именемъ «короля». Дѣйствительно, этотъ милліонеръ владѣлъ обширнымъ царствомъ желѣзныхъ молотовъ и фабричныхъ трубъ, въ которомъ постоянно были заняты до 10.000 рабочихъ. Онъ долгое время стоялъ въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ императору и былъ самымъ вліятельнымъ его совѣтникомъ; въ это время и издаваемая имъ газета «Die Post» имѣла репутацію большой освѣдомленности. Но въ послѣдніе годы пренебреженіе правилами этикета и безцеремонное пользованіе выгодами высокой дружбы оттолкнуло отъ него императора. Въ предѣлахъ своей заводской территоріи Штуммъ не пользовался популярностью: это былъ безпощадный проводникъ системы, неумолимый въ строгости своихъ требованій, не

стѣснявшійся никакими соображеніями такта и деликатности въ отношеніяхъ къ своимъ служащимъ. А между тѣмъ Штуммъ не былъ тираномъ, въ хорошія минуты бывалъ даже милостивъ къ своему народу, но все-таки гнетъ его личности заведенныхъ имъ желѣзныхъ порядковъ поддерживалъ въ его заводскомъ районѣ спокойствіе кладбища. Система Штумма состояла изъ трехъ главныхъ средствъ: 1) онъ покорялъ своихъ рабочихъ хорошими матеріальными условіями, какихъ они не могли найти у другого хозяина; 2) онъ подбиралъ только смирныхъ рабочихъ, удаляя всѣ безпокойные и недовольные элементы; 3) онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы, помимо него, никто не пріобрѣталъ вліянія на рабочихъ, даже если бы эти люди дѣйствовали въ его духѣ. Какъ какой-нибудь владѣтельный князь, Штуммъ по строгому выбору разрѣшалъ аудіенціи своимъ рабочимъ и служащимъ. Въ случаяхъ недоразумѣній между рабочими и служащими Штуммъ бывалъ безпристрастенъ, ибо онъ не признавалъ никакихъ преимуществъ служебнаго положенія и одинаково осыпалъ грубостями и бранью и служащаго и рабочаго; въ спорахъ и жалобахъ среди своего рабочаго и служебнаго персонала онъ считалъ себя единственной рѣшающей инстанціей. Вся жизнь заводскаго рабочаго у Штумма съ дѣтства окружена особой атмосферой благодѣяній и заботливости «господина тайнаго совѣтника», вызывающихъ чувства почтенія и признательности. Ребенокъ ходитъ въ школу, основанную и поддерживаемую этимъ благодѣтелемъ, читаетъ книги изъ библіотеки, тоже содержащейся на его счетъ; посѣщенія школы патрономъ обставляются торжественно и служатъ надолго предметомъ разговоровъ. Въ то время, какъ на сосѣднихъ заводахъ дѣти школьнаго возраста уже ходятъ на работу, сыновья штуммовскихъ рабочихъ пользуются полной свободой, такъ какъ дѣтскій трудъ на заводахъ Штумма запрещенъ. По окончаніи школы, дѣти посѣщаютъ образовательные классы, устроенные Штуммомъ по особымъ учебнымъ планамъ и руководимые особенными, выбранными имъ самимъ учителями. Съ 16 лѣтъ рабочій вступаетъ на заводъ и сразу получаетъ право пользоваться всѣми заводскими благотворительными учрежденіями: вспомогательной кассой при несчастныхъ случайностяхъ, госпиталемъ, ссудо-сберегательной кассой и т. п. Сознаніе всѣхъ этихъ выгодъ и преимуществъ, расточаемыхъ Штуммомъ въ пользу своихъ рабочихъ, создаетъ въ нихъ то моральное закрѣпощеніе, котораго, конечно, и добивается ловкій и изобрѣтательный хозяинъ. Опека всемогущаго заводчика простиралась и на разрѣшеніе браковъ: Штуммъ противился женитьбѣ раньше 24 лѣтъ и въ рѣдкихъ случаяхъ допускалъ такіе браки, за то съ 24 лѣтъ женитьба рабочаго не только разрѣшалась, но всячески поощрялась. При обсужденіи новаго гражданскаго уложенія Германіи, происходившемъ лѣтъ пять тому назадъ въ рейхстагѣ, Штуммъ очень рѣшительно выступилъ въ защиту гражданскихъ правъ женщины. На этомъ основаніи, одна изъ главныхъ руководительницъ женскаго движенія въ Германіи Мина Кауэръ, вмѣстѣ съ другими дамами, обратилась къ Штумму за содѣйствіемъ для проведенія благопріятныхъ женщинамъ статей въ новомъ уложеніи. Штуммъ, только что произнесшій передъ тѣмъ пространную рѣчь въ пользу раздѣльнаго имущества супруговъ, встрѣтилъ женскую депутацію рѣзкими и гнѣвными выходками противъ женскаго движенія вообще. Чѣмъ же объясняются его рѣчи въ защиту раздѣльнаго имущества супруговъ?—Чисто личными семейными интересами: у него не было мужского потомства, и ему хотѣлось за своими тремя дочерьми обезпечить право отдѣльной собственности, независимой отъ ихъ мужей. Благоустройство рабочихъ на штуммовскихъ заводахъ является образцовымъ: дешевизна квартиръ, выдача рабочимъ «строительнаго аванса» для пріобрѣтенія дома въ собственность, прекрасныя ночлежныя помѣщенія, столовыя, кухни, бани, прачешныя и т. п. Въ случаѣ вздорожанія жизненныхъ продуктовъ, фирма Штумма дѣлаетъ доплаты къ заработной платѣ, а за исправность въ работѣ выдаетъ поощритель-

*

ныя премiи. Своими заводскими учрежденiями и порядками король Штуммъ имѣетъ основанiе гордиться, такъ какъ они не разъ служили образцами для государственныхъ законодательныхъ мѣръ, но только нужно помнить, что побужденiя, которыя руководили имъ, не имѣютъ ничего общаго съ гуманными передовыми идеями, а являются исключительно своекорыстнымъ хозяйскимъ разсчетомъ. Изъ такого же разсчета, но политическаго, онъ не терпѣлъ въ предѣлахъ своихъ владѣнiй никакихъ рабочихъ организацiй и ферейновъ: во время выборовъ штуммовскiе рабочiе цѣлыми колоннами маршировали къ избирательному бюро, по командѣ администрацiи: «Руки кверху!» они вытягивали руки, держа между пальцевъ избирательный бюллетень, и въ такомъ порядкѣ подходили къ урнѣ. Такъ, своей непреклонной системой Штуммъ не только формировалъ армiю покорныхъ трудящихся рабовъ, но и покупалъ ихъ избирательные голоса. Съ крутой настойчивостью искоренялъ онъ въ своихъ владѣнiяхъ малѣйшiя попытки либеральной и демократической агитацiи: на своихъ служащихъ онъ возложилъ сыскъ всяческихъ лжеученiй, бойкотируя всѣхъ, кто могъ быть заподозрѣнъ въ симпатiи къ ненавистнымъ ему идеямъ. Въ рейхстагѣ онъ не разъ выступалъ съ рѣзкими и смѣлыми рѣчами противъ современнаго соцiально-политическаго движенiя. Эпилогъ дѣятельности этого хвалившагося своимъ патрiотическимъ усердiемъ барона былъ довольно печаленъ: незадолго до его смерти было раскрыто, что штуммовскiй заводъ поставлялъ сталь для американскаго правительства по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ для германскаго морского вѣдомства.

Община хищниковъ-золотоискателей. Въ той же книжкѣ Русскаго «Богатства» находимъ живую картинку съ натуры, изображающую судьбу одного стана вольныхъ золотопромышленниковъ въ Сибири. Авторъ разсказываетъ, какъ онъ попалъ на вольные прiиски на Миллiонномъ ключѣ. Онъ служилъ подмастерьемъ у парикмахера въ Благовѣщенскѣ и рѣшилъ перемѣнить свою карьеру: одинъ торговецъ, разъѣзжавшiй съ разными товарами по прiискамъ, пригласилъ его съ собой въ качествѣ приказчика. Поколесивъ нѣкоторое время по разнымъ прiискамъ въ тайгѣ, они попали на новый поселокъ на берегу рѣки Гилюя. Издали виднѣлся густой дымъ, постройки и большая толпа народа. Мѣстность была дикая: высокiя крутыя горы да густой лѣсъ. «Народу было тамъ множество. Шумъ и гамъ слышался со всѣхъ сторонъ. Куда ни глянешь— всюду подъ деревьями, по ямамъ роются лопатами, кайлами рабочiе, а другiе моютъ песокъ на лоткахъ... На полянкѣ большая кучка рабочихъ играла въ карты, высыпая золото изъ мѣшечковъ». Хотя на этомъ ключѣ работало до двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ, однако порядокъ поддерживался строго: всякiй обязанъ былъ точно соблюдать заведенныя самими золотоискателями правила, ослушниковъ жестоко наказывали. Во главѣ этой своеобразной общины былъ поставленъ выбранный старшина съ помощникомъ. Община получала и доходы, составлявшiеся изъ пошлинъ съ привозимыхъ на ключъ товаровъ. Въ качествѣ грамотнаго, авторъ былъ принятъ на службу десятникомъ съ жалованьемъ въ 60 руб. Почти ежедневно народъ собирался на сходку, гдѣ разбирались всѣ проступки членовъ—драка, буйство, кража, и тутъ же приговоръ непосредственно приводился въ исполненiе; приносили розги и подвергали виновнаго поркѣ. Особенно жестоко наказывали за кражу у торговца добытаго золота, которое обыкновенно хранилось у каждаго въ маленькомъ мѣшечкѣ, привязанномъ къ поясу. Такъ какъ изъ-за женщинъ могли происходить споры и безпорядки, то общество рѣшило не допускать на ключъ женщинъ. Общество порѣшило также не допускать на ключъ китайцевъ и корейцевъ, которые во множествѣ всегда бродятъ по амурской тайгѣ. Если китайцевъ ловили на ключѣ, то обыкновенно связывали ихъ другъ съ другомъ косами и съ побоями выгоняли съ ключа, забавляясь тѣмъ, что отъ толчковъ китайцы время отъ времени

падали одинъ за другимъ на землю. На сходѣ старшина величалъ собравшихся «господа общественники». Каждому обвиняемому сходъ назначалъ защитника, затѣмъ выслушивали самого обвиняемаго и рѣшали дѣло по большинству голосовъ поднятіемъ рукъ. Добывать золото на ключѣ допускали всѣхъ желающихъ, безъ различія, за исключеніемъ только мѣстныхъ золотопромышленниковъ, которыхъ немедленно изгоняли, а вслучаѣ сопротивленія присуждали къ розгамъ. Добыча золота шла очень успѣшно; работали небольшими артелями, по 5 и 7 человѣкъ въ ямѣ. На долю каждаго приходилось болѣе золотника золота въ день, нѣкоторые же намывали до фунта и больше; иногда попадались значительной величины самородки. Прослышавъ о богатыхъ пріискахъ, народъ съ каждымъ днемъ прибывалъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстностей. Въ гостинницѣ было шумно и весело, на базарѣ можно было достать самыя изысканные продукты—вина, ананасъ, закуски. Веселая и привольная жизнь была на ключѣ, и большинство и не ожидало, что этому приволью будетъ конецъ. Однако, черезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что изъ Благовѣщенска отправленъ отрядъ солдатъ, чтобы разогнать пріискателей съ ключа. Эта вѣсть почти никого не испугала: всѣ продолжали работать. На сходѣ рѣшено было встрѣтить отрядъ мирно, офицеру оказать почетъ и угощеніе. Между тѣмъ, отрядъ приближался по противоположному берегу рѣки и, остановившись противъ пріиска, потребовалъ отъ золотоискателей депутаціи изъ трехъ человѣкъ. Когда депутація принесла рѣшительное требованіе офицера немедленно очистить ключъ, то поднялся страшный крикъ и гвалтъ, и большинствомъ голосовъ рѣшили не исполнять требованія и продолжать работу. Послѣ вторичнаго отказа исполнить приказъ офицера, отрядъ сталъ приближаться и среди страшной грозы и ливня незамѣтно подступилъ къ пріисковому лагерю. Вдругъ раздался ружейный залпъ,—второй, третій... Пули засвистали, народъ заметался, видъ убитыхъ и стоны раненыхъ ожесточили однихъ, смирили другихъ. Старшина съ нѣсколькими людьми отправился къ офицеру, передалъ общее рѣшеніе покориться и испросилъ два дня отсрочки для сборовъ въ дорогу. Немедленно закипѣла работа: начали рубить деревья и строить плоты и паромы, нѣкоторые пекли хлѣбъ, другіе жгли все, что не могли взять съ собою: постройки и шалаши пылали. Все заработанное золото у автора и у многихъ другихъ рабочихъ отобрали казаки, — «такъ что на Зейскую пристань я опять пришелъ безъ копѣйки», заключаетъ авторъ.

Декабристъ Ник. Ив. Тургеневъ. Въ «Русской Старинѣ» (май) напечатаны письма Н. И. Тургенева къ братьямъ отъ 1826—1827 годовъ, представляющія значительный интересъ для его біографіи и характеристики. Н. И. Тургеневъ, авторъ «Опыта теоріи налоговъ», былъ страстнымъ борцомъ за освобожденіе крестьянъ. Ради этого, главнымъ образомъ, онъ вступилъ въ тайное общество «Союзъ Благоденствія», находя въ «понятіяхъ кружка существенный пробѣлъ—отсутствіе всякой мысли объ освобожденіи крестьянъ, которое самъ считалъ краеугольнымъ камнемъ всякаго дальнѣйшаго возможнаго развитія общественнаго и политическаго». Мысли свои о крестьянскомъ вопросѣ онъ развивалъ среди членовъ кружка, затѣмъ изложилъ въ особой запискѣ, поданной Александру I. Въ 1821 г. «Союзъ Благоденствія» былъ закрытъ; Тургеневъ не принималъ никакого участія въ дальнѣйшей дѣятельности тайнаго общества, въ 1824 г. уѣхалъ по болѣзни за границу и поселился въ Лондонѣ.

Слѣдствіе по дѣлу 14-го декабря включило его въ число участниковъ заговора. Отъ него потребовали возвращенія въ Россію: онъ не поѣхалъ и осужденъ былъ на смертную казнь, замѣненную потомъ каторгой. По письмамъ видимъ, какъ ошеломилъ его этотъ несправедливый приговоръ, совсѣмъ несообразный со степенью виновности. Онъ пытался разъяснить свою роль въ «Союзѣ Благоденствія», написалъ записку въ свое оправданіе и письмо къ государю,—но все

было напрасно. Въ письмахъ онъ утѣшаетъ своихъ братьевъ и высказываетъ довольство своимъ положеніемъ эмигранта. «Меня почитаютъ несчастливымъ,—пишетъ онъ.—Я таковымъ себя не почитаю. Почему? Потому что я привыкъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ. Тамъ, гдѣ 13 милліоновъ въ рабствѣ—кто можетъ ожидать справедливости? Я презиралъ бы самъ себя, если бы несправедливость, мнѣ оказанная, меня удивила». «Я ни въ какомъ случаѣ туда (въ Россію) не возвращусь. Жизнь моя тамъ была и прежде цѣпію непріятностей: не могъ взглянуть на улицу безъ того, чтобы сердце не содрогалось при видѣ мужиковъ, буточниковъ, Есиповыхъ, Альбрехтовыхъ (жестокихъ помѣщиковъ) и пр. и пр. Я жилъ тамъ только потому, что думалъ, что я долженъ тамъ жить для возможности быть полезнымъ для рабства. Меня теперь лишили сей возможности. Еслибъ иногда состояніе бѣдныхъ русскихъ мужиковъ не наводило на меня грусти, то я вовсе и не думалъ бы о Россіи». «Обращаясь мыслями ко времени, которое я провелъ въ Петербургѣ, я теперь замѣчаю, что не даромъ тогда тяготилъ землю. Многое мнѣ удавалось даже. Я точно жилъ для идеи. Собственныя выгоды точно ни на минуту не входили въ мою голову. Я не пропускалъ случаевъ, которые представлялись мнѣ дѣйствовать къ предположенной цѣли. Такъ я попалъ въ общество. Вступленіе въ общество было съ моей стороны нѣкоторымъ пожертвованіемъ. Но что въ свѣтѣ добывается безъ пожертвованій? Матеріально я ничего не сдѣлалъ въ обществѣ для достиженія моей цѣли, но думаю, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ поселилъ здравыя мысли о нашемъ крѣпостномъ состояніи». Утѣшая братьевъ, онъ пишетъ: «Думаю, что, будучи на вашемъ мѣстѣ, я нашелъ бы средства не огорчаться такою бѣдою! Въ жизни есть много другихъ гораздо важнѣйшихъ причинъ печалиться. И между сими причинами одна покрываетъ всѣ прочія: несчастное положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи! Въ нѣкоторомъ смыслѣ, для меня исключительно, приговоръ такого рода будетъ даже утѣшеніемъ, ибо я найду въ немъ доказательство, что я жилъ въ Россіи не для обѣдовъ и другихъ глупостей и выгодъ скотскихъ. Съ душою свободною, съ совѣстью чистою и только съ сожалѣніемъ, что не дѣлалъ болѣе, я не промѣняю своей участи на этихъ рыцарей брюха и подлости, которые, тяготя землю, тяготятъ и бытіе подобныхъ себѣ по наружности, но высшихъ по качествамъ нравственнымъ. Еслибъ со мной не случилось этой передряги, я попалъ бы, можетъ быть, на ту же дорогу эгоизма и преступнаго равнодушія, по которой идутъ у насъ къ ничтожной могилѣ даже и менѣе дурные люди». Только въ 1857 г. Н. И. Тургеневъ вновь въѣхалъ въ Россію. «Намъ рѣдко случалось,—пишетъ Ив. Серг. Тургеневъ,—видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоявшаго съ бѣгущими по щекамъ слезами въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19-го февраля». Н. И. Тургеневъ скончался въ 1871 г. въ окрестностяхъ Парижа.

Американскіе университеты. Въ «Образованіи» за апрѣль помѣщена интересная статья И. Гурвича объ американскихъ университетахъ. Въ послѣднее время университетскій вопросъ волнуетъ собой американское общественное мнѣніе. Въ демократической странѣ плательщики налоговъ не особенно сочувственно относятся къ непроизводительнымъ, по ихъ мнѣнію, тратамъ на учебныя заведенія для привилегированнаго меньшинства, а между тѣмъ съ успѣхами науки страшно возрастаютъ и расходы на учебное дѣло. Поэтому, за организацію высшаго образованія со всѣми новѣйшими дорого стоющими научными приспособленіями долженъ былъ взяться капиталъ. И дѣйствительно, въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ капиталъ обильно приливаетъ въ эту область, и вслѣдъ за Гопкинсомъ, завѣщавшимъ $3^1/_2$ милліона долларовъ, слѣдуетъ Рокфеллеръ, пожертвовавшій 7 милл. долларовъ на Чикагскій университетъ, который обогатился въ послѣдніе годы еще 30 милліонами долларовъ, внесен-

ныхъ Стэнфордомъ. Обычный типъ американскаго университета или колледжа—есть общеобразовательное учебное заведеніе въ родѣ нашихъ лицеевъ; туда принимаются мальчики лѣтъ 15. Раздѣленія по факультетамъ нѣтъ, преподаваніе носитъ не лекціонный характеръ, а состоитъ въ задаваніи и выслушиваніи уроковъ; въ нѣкоторыхъ университетахъ даже ставятся баллы. Затѣмъ, считается обязательнымъ посѣщеніе церковныхъ службъ: въ Чикагскомъ университетѣ даже засѣданія факультета открываются молитвой. На ряду съ общеобразовательной школой, или колледжемъ, въ составъ большихъ университетовъ входятъ и спеціальныя школы: юридическая, медицинская, богословская и техническія. Въ эти школы по большей части принимаются юноши безъ всякаго образованія. Преподаваніе, какъ, напр., въ болѣе знакомыхъ автору юридическихъ школахъ, имѣетъ въ виду не подготовленіе образованныхъ юристовъ, а снабженіе студента массой практическихъ свѣдѣній чисто справочнаго характера. Системъ преподаванія двѣ: или книжная, состоящая въ простомъ заучиваніи учебника, или казуистическая, заключающаяся въ изученіи судебныхъ рѣшеній, изъ которыхъ извлекаются основные принципы права. Само собой разумѣется, что ученикъ не пріобрѣтаетъ никакого понятія объ общей системѣ права, но за то на конкретномъ матеріалѣ лучше затверживаются примѣрные случаи и изощряется казуистическая логика. Узко практическая постановка юридическихъ и медицинскихъ школъ отражается и въ откровенно выставляемомъ практическомъ разсчетѣ: профессора даютъ обстоятельные совѣты студентамъ, какимъ образомъ извлекать побольше гонорара. Кромѣ этихъ колледжей, въ послѣдніе годы въ Америкѣ стали возникать высшія школы, соотвѣтствующія европейскимъ университетамъ, съ раздѣленіемъ на факультеты. Обязательныхъ предметовъ въ университетѣ нѣтъ: студенты могутъ выбирать курсы по своему усмотрѣнію. Несмотря на крайнюю спеціализацію предметовъ, даже самые богатые университеты не даютъ своимъ слушателямъ всесторонняго и широкаго знакомства съ извѣстной наукой; параллельныхъ курсовъ нѣтъ, и потому студенты получаютъ изложеніе науки въ одностороннемъ освѣщеніи. Дробность курсовъ производитъ также то, что студенты, изучая предметъ по частямъ, не могутъ охватить его въ цѣломъ. Наиболѣе характерною особенностью американскаго университета является второстепенная роль, придаваемая дипломамъ и ученымъ степенямъ. Кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ въ виду посвятить себя педагогической карьерѣ, всѣ остальные студенты—собственно вольнослушатели, не держащіе никакихъ экзаменовъ, и не добивающіеся дипломовъ, такъ какъ университетскій дипломъ не даетъ здѣсь никакихъ преимуществъ. Поэтому, по статистическимъ вычисленіямъ, лицъ, окончившихъ университетъ, въ составѣ высшей администраціи очень немного. Такимъ образомъ, слушаніе лекцій является исключительно дѣломъ любознательности, поэтому нерѣдко въ числѣ студентовъ встрѣчаются пожилые люди. При полной свободѣ и отсутствіи оффиціальности въ университетскомъ режимѣ, тѣмъ болѣе странно, что нѣкоторые университеты, напр., Чикагскій, сохраняютъ архаическій, чисто средневѣковой ритуалъ торжественныхъ годичныхъ актовъ: по университетскому двору чинно выступаетъ попарно процессія профессоровъ, въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ съ четыреугольными шапочками на головахъ—зрѣлище дѣйствительно маскарадное. Въ отношеніяхъ между профессорами и студентами нѣтъ и тѣни той оффиціальности, которая составляетъ главное зло нашихъ университетовъ: «тамъ профессоръ—не начальникъ, назначеніе котораго срѣзать, провалить, вообще учинить какую-нибудь непріятность, а старшій товарищъ».

Университеты имѣютъ очень немного слушателей, притомъ разбитыхъ небольшими группами по аудиторіямъ, поэтому обще-студенческихъ интересовъ здѣсь не создается. За то колледжъ живетъ настоящею общественною жизнью.

Каждый классъ имѣетъ свое самоуправленіе, выборные представители его являются посредниками между студентами и академическимъ начальствомъ. Кромѣ того, въ каждомъ университетѣ множество самыхъ разнообразныхъ студенческихъ обществъ и клубовъ. Всѣ виды атлетическаго спорта широко практикуются въ университетахъ; время отъ времени устраиваются состязанія въ игрѣ въ мячъ или въ гребной гонкѣ между двумя университетами, являющіяся очень популярными зрѣлищами.

Какъ старинный пережитокъ, до сихъ поръ въ ходу здѣсь странныя, чисто мальчишескія проказы студентовъ, такова, напр., традиціонная война между вторымъ классомъ и новичками, причемъ и тѣ, и другіе довольно серьезно дѣйствуютъ тросточками, или обычай издѣвательства надъ новичкомъ, приводящій иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Всѣ эти не особенно сложные интересы студенческой жизни находятъ себѣ выраженіе въ студенческихъ газетахъ и журналахъ. Въ противоположность демократическому духу русскихъ университетовъ, господствующій тонъ американскаго университета—аристократическій. Это объясняется составомъ учащихся: въ Америкѣ только богатые юноши позволяютъ себѣ роскошь высшаго образованія, дѣти же среднихъ классовъ, по окончаніи городского училища, 14—15 лѣтъ поступаютъ въ лавку, контору и т. п. Для занятія разныхъ профессіональныхъ мѣстъ, даже учительскаго, не требуется окончанія курса въ колледжѣ: вездѣ для этой цѣли установлены особые экзамены, которымъ подвергаются и кончившіе университетъ наравнѣ со всѣми другими. «Типъ американскаго студента—безукоризненно-корректный джентльменъ, у котораго на каждый случай особый костюмъ: для лекцій—одинъ, для игры въ мячъ — другой, для визитовъ — третій» и т. д. Съ допущеніемъ въ университеты женщинъ эта аристократическая тенденція особенно усилилась. Бѣдныя дѣвушки здѣсь въ университеты не попадаютъ: онѣ работаютъ въ конторахъ или учительствуютъ въ школахъ. Здѣшніе женскіе университеты являются въ сущности институтами для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ дѣвицы воспитываются въ интернатахъ подъ попечительнымъ окомъ классныхъ дамъ. Смѣшанные, мужскіе и женскіе, университеты вынуждены поддерживать тотъ же манерный тонъ, въ противномъ случаѣ родители не станутъ отдавать туда своихъ благовоспитанныхъ дочекъ. Простыхъ, товарищескихъ отношеній между студентами и студентками, какъ среди русской молодежи, нѣтъ и слѣда: чопорность доходитъ до того, что студенты, отправляясь въ гости къ студенткамъ въ женское общежитіе, тутъ же на университетскомъ дворѣ, надѣваютъ фрачную пару. Хотя въ университетахъ въ общемъ господствуетъ аристократическій духъ, однако, конечно, туда попадаютъ и бѣдняки, особенно въ мелкихъ университетахъ небольшихъ городковъ. Американецъ не брезгаетъ никакой работой: студенты исполняютъ обязанности половыхъ въ корпоративныхъ студенческихъ столовыхъ, разносятъ газеты по квартирамъ студентовъ и профессоровъ, помогаютъ университетскому садовнику, работаютъ въ качествѣ наборщиковъ въ университетской типографіи и т. д. Но аристократизмъ заражаетъ собой и эту демократическую горсть студентовъ, и они тянутся за своими богатыми товарищами. Аристократическая атмосфера проникаетъ собой и весь духъ преподаванія. Профессора отличаются удивительнымъ консерватизмомъ и оказываютъ отпоръ всякому новшеству. Консерватизмъ высшихъ школъ отчасти обусловливается тѣмъ, что начало высшему образованію въ Америкѣ было положено протестантскою церковью, и многіе университеты были основаны богатыми сектантами, ради преуспѣянія секты. Фонды частныхъ университетовъ помѣщаются обыкновенно въ желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и др. акціяхъ, и университеты заинтересованы въ томъ, чтобы доходность акцій не падала, поэтому они противятся всякимъ лишнимъ расходамъ на улучшеніе положенія служащихъ въ желѣзнодорожныхъ пред-

пріятіяхъ и т. п. Но особенно пагубно для свободы университетскаго преподаванія то, что капиталъ, въ лицѣ жертвователя, присвоиваетъ себѣ руководящее вліяніе въ своемъ университетѣ. Профессору приходится считаться съ политическими взглядами, общественнымъ положеніемъ и вообще личными вкусами своего мецената. Характерной иллюстраціей этой академической свободы служитъ удаленіе президента Браунскаго университета Эндруза за то, что онъ, вопреки точкѣ зрѣнія патрона, высказался за биметаллизмъ. Иногда отставка профессоровъ вызывается смѣною одной политической партіи другою въ мѣстномъ управленіи. Недавно вдова милліонера Стэнфорда удалила профессора Росса изъ своего университета за то, что онъ высказывался противъ допущенія китайцевъ въ Америку,—а между тѣмъ покойный мужъ капиталистки нажилъ свои милліоны съ помощью китайскихъ кули. Единственное средство для возстановленія академической свободы видятъ въ основаніи большого національнаго университета, но мысль эта встрѣчаетъ энергичный протестъ со стороны частныхъ университетовъ.

За границей.

Безпорядки въ Барселонѣ и каталонское движеніе. Волненія, возникшія въ Барселонѣ, повидимому, не находятся въ связи съ общимъ антиклерикальнымъ движеніемъ, охватившимъ различные города Испаніи и сосѣдней Португаліи. Причины этихъ волненій гнѣздятся очень глубоко и заключаются въ томъ, что въ Барселонѣ сосредоточиваются, и во многихъ отношеніяхъ даже сливаются вмѣстѣ, два элемента, которые всегда легко могутъ породить смуту въ Испаніи: каталонскій сепаратизмъ и рабочее движеніе. Каталонія—самая богатая и промышленная провинція въ современной Испаніи, такъ какъ торговля и промышленность нигдѣ въ Испаніи не стоятъ на такой высотѣ и не доставляютъ народу такого благосостоянія какъ тамъ, но зато нигдѣ также населеніе не выказываетъ столько національной гордости и спеціальнаго мѣстнаго патріотизма, какъ въ Каталоніи. Каталонцы очень дѣятельны, развиты умственно и физически лучше населенія другихъ испанскихъ провинцій, свободолюбивы и всегда съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ относились къ центральной власти. Да это и не удивительно; дѣятельные, энергичные и одаренные въ значительной степени иниціативой, каталонцы не могли не тяготиться игомъ центральнаго испанскаго правительства, инертнаго и совершенно не признающаго никакихъ мѣстныхъ требованій и интересовъ. Антагонизмъ, существующій между живымъ каталонскимъ населеніемъ и неподвижнымъ мадридскимъ правительствомъ, еще усилился вслѣдствіе возникшаго въ Каталоніи умственнаго и литературнаго движенія, поддерживаемаго мѣстными поэтами, художниками и писателями, старающимися распространить каталонское нарѣчіе и заставить отвести ему самостоятельное мѣсто среди европейскихъ языковъ.

Уже въ теченіе двухъ послѣднихъ гражданскихъ войнъ прошлаго столѣтія, мѣстомъ которыхъ были Пиринеи, можно было замѣтить, что баски сохраняютъ самое стойкое воспоминаніе о тѣхъ привилегіяхъ и вольностяхъ, которыми они прежде пользовались, и это воспоминаніе, разумѣется, трудно согласовать съ режимомъ современной испанской монархіи. Поэтому то карлистское движеніе нашло такъ много приверженцевъ среди этихъ горныхъ жителей, жаждущихъ свергнуть иго центральнаго правительства, не дающаго свободно развиться провинціальной автономіи. Въ Католоніи же это отношеніе къ центральному правительству кромѣ того, приняло совершенно особенный характеръ, благодаря промышленному развитію этой провинціи. Развитіе промышленности само собою

разумѣется, должно было содѣйствовать образованію каталонскаго пролетаріата, но каталонскіе рабочіе выдаются изъ среды другихъ рабочихъ своими замѣчательными качествами: они очень трудолюбивы, экономны и трезвы и кромѣ того отличаются честностью и очень развитою индивидуальностью. Чувство личнаго достоинства и свободы, которое у нихъ очень развито, не препятствуетъ имъ однако, стремиться къ группировкѣ, къ ассоціаціи и признавать солидарность интересовъ; поэтому то они давно уже начали примѣнять на практикѣ принципъ синдикатовъ, въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ этотъ принципъ продолжалъ все еще служить предметомъ однихъ только теоретическихъ разсужденій. Какъ бы тамъ ни было, но каталонцы не разъ уже доказывали испанскимъ властямъ, что они умѣютъ хотѣть и достигать желаемаго. Теперь же къ волненіямъ, начавшимся на экономической почвѣ, присоединился еще каталонскій сепаратизмъ. Каталонцы смотрятъ на себя какъ, на отдѣльный народъ и требуютъ самой мирной автономіи для своей страны, но, разумѣется, наталкиваются въ этомъ отношеніи на очень упорное сопротивленіе въ Мадридѣ. Несмотря на то, что Каталонія давно уже сдѣлалась испанскою провинціей, въ ней еще живы прежнія традиціи свободы и ненависть къ кастильцамъ гнѣздится въ душѣ каждаго истиннаго каталонца. Молодежь, принадлежащая къ знатнымъ каталонскимъ семьямъ, вся, безъ исключенія проникнута духомъ партикуляризма и поэтому всегда примыкаетъ ко всякимъ волненіямъ, которыя обыкновенно начинаются въ Барселонѣ, какъ самомъ крупномъ промышленномъ центрѣ и затѣмъ уже распространяются и въ другія города провинціи.

Такимъ образомъ, въ барселонскомъ движеніи сталкиваются весьма разнообразные элементы, каталонская аристократія и рабочіе, но всѣ они стремятся къ одному и тому же—къ ниспроверженію центральной власти, хотя и дѣйствуютъ изъ разныхъ побужденій. Сигналъ къ волненіямъ и на этотъ разъ, какъ и въ прежніе разы, подали рабочіе, организовавшіе стачки повсемѣстно, вслѣдъ за которыми начались демонстраціи, болѣе или менѣе бурнаго характера, столкновенія съ полиціей и войсками, сопровождавшіяся кровопролитіемъ. Въ Барселонѣ тотчасъ же было объявлено осадное положеніе, приняты самыя энергичныя мѣры и какъ будто наступило спокойствіе, такъ что осадное положеніе уже снято. Но это спокойствіе обманчиво. Каталонское движеніе растетъ и рядомъ съ нимъ растетъ и укрѣпляется въ Испаніи другое движеніе, направленное къ освобожденію личности отъ путъ, стѣсняющихъ ея развитіе. Толчекъ къ этому движенію былъ данъ несчастною испано-американскою войной и съ тѣхъ поръ оно продолжаетъ расти и развиваться.

Нескончаемая война. Когда полтора года тому назадъ вспыхнула война въ Южной Африкѣ, никто не считалъ возможнымъ, чтобы подобная неравная борьба могла затянуться такъ надолго. Между тѣмъ кровь до сихъ поръ продолжаетъ литься на поляхъ Южной Африки и конца этому не предвидится. Въ англійской печати начинаетъ проглядывать утомленіе и уныніе, несвойственное англичанамъ. Англійскія газеты съ огорченіемъ говорятъ, что у буровъ еще остались пушки, хотя давно уже распространялись извѣстія, что вся артиллерія буровъ уничтожена или забрана въ плѣнъ. Страннымъ образомъ, несмотря на истребительную войну, у непріятеля все-таки оказываются и солдаты и пушки и онъ выростаетъ словно изъ-подъ земли тамъ, гдѣ англичане менѣе всего ожидаютъ его встрѣтить. «Daily Chronicle» увѣряетъ, напримѣръ, что у буровъ не менѣе 16.000 или 18.000 солдатъ находятся подъ ружьемъ и поэтому они еще могутъ держаться. Если же сопоставить эти цифры съ числами сложившихъ оружіе, взятыхъ въ плѣнъ, убитыхъ и раненыхъ буровъ, о которыхъ постоянно возвѣщалось въ англійскихъ телеграммахъ, то окажется, что буры располагали съ самаго начала войны чуть ли не семидесятитысячнымъ войскомъ,

тогда какъ въ дѣйствительности все бурское населеніе республикъ врядъ ли достигаетъ этой цифры. Выходитъ, что бурскій воинъ какъ будто снова возрождается изъ пепла, послѣ того, какъ англичанинъ повергнулъ его въ прахъ, и отъ этого-то англичане не могутъ совладать съ этимъ маленькимъ упрямымъ народомъ!

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти полтора года бурское войско не переставало сражаться съ превосходными силами англичанъ, отчаянно защищая свою свободу. Судя по телеграммамъ лорда Китченера, они потеряли съ 1-го марта этого года не менѣе трехъ тысячъ, но откуда же берутся у нихъ силы? Болѣе чѣмъ странно то, что отряды, съ которыми приходится имѣть дѣло англичанамъ, еще такъ многочисленны! Во всякомъ случаѣ нельзя не сознаться, что южно-африканская война противорѣчитъ всѣмъ даннымъ военной логики и нарушаетъ всѣ законы военнаго искусства, такъ какъ по этимъ законамъ буры должны быть давно побѣждены. Англійскому народу приходится теперь выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть несовершенства военныхъ соображеній и разсчетовъ. По этимъ разсчетамъ, англійскіе войска давно уже должны были бы почить на лаврахъ побѣды и никому въ Англіи не приходило въ голову, что эти лавры даются такъ тяжело. Даже имперіалистическія газеты не скрываютъ больше того факта, что войска утомлены, обезкуражены и солдаты рвутся домой. Между тѣмъ Китченеръ требуетъ еще подкрѣпленій. Англичанамъ приходится охранять въ Южной Африкѣ желѣзнодорожную линію, растянувшуюся на 5.000 километровъ, причемъ не менѣе 75.000 войска должны заниматься этимъ неблагодарнымъ дѣломъ; другія 75.000 стоятъ гарнизонами въ разныхъ мѣстахъ, такъ что разсѣяны по всей странѣ и слѣдовательно у Китченера для военныхъ операцій, остается въ данную минуту не болѣе 5.000, да и тѣ не обладаютъ достаточною подвижностью, вслѣдствіе недостатка лошадей, такъ что бурскіе отряды, гораздо болѣе подвижные, легко ускользаютъ отъ преслѣдованія и появляются тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ. Во всякомъ случаѣ такое существованіе не можетъ изнурять буровъ до такой степени, какъ англичанъ, людей другого закала, не привыкшихъ къ образу жизни обитателей африканскихъ степей. Англійскія войска утомлены и истощены войной—это констатируютъ всѣ безпристрастные наблюдатели и ничего нѣтъ удивительнаго, что все назойливѣе и назойливѣе становится вопросъ: когда же это кончится?

Между тѣмъ въ колоніяхъ плѣнныхъ буровъ, на островѣ св. Елены, на Цейлонѣ и въ новомъ поселеніи въ Индіи, Ахмеднагарѣ, жизнь идетъ своимъ чередомъ. Плѣнники, повидимому, примирились со своею участью и не разсчитываютъ на то, что имъ скоро будетъ дана свобода. Они не выказываютъ никакого нетерпѣнія и какъ будто даже довольны тѣмъ, что война затягивается. Каковъ бы ни былъ ея исходъ, но, во всякомъ случаѣ она нанесла чувствительный ударъ самолюбію и высокомѣрію англичанъ и это отчасти служитъ утѣшеніемъ для буровъ. Среди плѣнныхъ буровъ очень много совсѣмъ юношей и даже мальчиковъ 12—14 лѣтъ, и, какъ разсказываетъ «Daily News», эта молодежь очень огорчена тѣмъ, что она не можетъ продолжать своихъ занятій для подготовленія къ университетскимъ экзаменамъ. На островѣ св. Елены предполагается даже устроить для нихъ нѣчто вродѣ университетскаго центра и организовать лекціи. Но англійскія газеты находятъ, что въ особенности надо подумать о мальчикахъ школьнаго возраста, которые были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ со своими отцами и братьями. Имъ надо учиться и поэтому «Daily News» и др. газеты, преимущественно бомбейскія, съ жаромъ проповѣдуютъ о необходимости открытія первоначальныхъ школъ въ колоніяхъ плѣнныхъ. Особенно много мальчиковъ находится въ Ахмеднагарѣ. Какъ всегда, призывъ печати въ Англіи и на этотъ разъ произвелъ свое дѣйствіе, англійское общество встрепенулось и тотчасъ же нашлись какъ доброхотные жертвователи, такъ и самоотверженные дѣятели, готовые посвятить себя святому дѣлу просвѣщенія.

Англійскія политическія и общественныя дѣла. Когда Гладстонъ умеръ— и даже еще раньше,—когда онъ удалился съ политической сцены и лордъ Розберри, занявшій его мѣсто, отказавшись отъ борьбы съ палатой Лордовъ изъ за гомруля, вступилъ на путь имперіализма, либералъуніонисты съ торжествомъ заявляли, что «ирландскій призракъ пересталъ существовать». Дѣйствительно либеральная оппозиція, стоявшая на сторонѣ гомруля лишь благодаря давленію, которая оказывалъ на нее смѣлый геній Гладстона, со времени его удаленія съ арены исторической жизни, начала обнаруживать все больше и больше равнодушія къ ирландскому вопросу и своимъ недавнимъ союзникамъ ирландскимъ націоналистамъ. Эта оппозиція приписывала гомрулю всѣ свои неудачи съ 1886 года, начиная съ отпаденія Чэмберлена и герцога Девонширскаго и кончая отпаденіемъ массы избирателей, вызвавшей ея пораженіе на выборахъ. Впрочемъ, надо сказать, что ирландскіе націоналисты сами до нѣкоторой степени способствовали такому разрыву своихъ отношеній съ либеральною оппозиціей, такъ какъ они держали себя по отношенію къ ней очень независимо, выказывали большую нетерпимость и признавали обязательства только съ ея стороны. Притомъ же въ самой средѣ ирландской партіи со смертью Парнелля начались раздоры, которые, конечно, не могли содѣйствовать успѣху общаго дѣла, такъ какъ между парнеллитами подъ предсѣдательствомъ Джона Редмонда и парламентскимъ большинствомъ подъ предводительствомъ Джона Диллона происходила постоянная война. Въ рядахъ этой послѣдней фракціи находился Хили, опирающійся на извѣстную часть ирландскаго духовенства и причинявшій своимъ союзникамъ, пожалуй, еще больше непріятностей, нежели своимъ врагомъ. Въ виду такого хаоса, существовавшаго въ самыхъ нѣдрахъ ирландской партій министерство, разумѣется, могло безнаказанно проводить свою излюбленную воспитательную систему въ Ирландію, держа въ одной рукѣ хлыстъ, а въ другой пирожное и смягчая осадное положеніе, которое въ дѣйствительности существуетъ въ ирландіи, кое какими уступками вродѣ субсидіи и т. п. Такое положеніе дѣлъ поддерживало увѣренность консерваторовъ и уніоннеровъ, что ирландскій вопросъ умеръ и погребенъ подъ обломками зданія, нѣкогда воздвигнутаго Парнеллемъ. Однако, иллюзіи эти теперь мало-по малу начинаютъ исчезать, ирландскій призракъ еще разъ встаетъ изъ своей могилы и по нѣкоторымъ признакамъ ирландскій вопросъ, далекій отъ своего разрѣшенія, принимаетъ въ данную минуту болѣе грозный характеръ, чѣмъ когда-либо. Явилось три новыхъ факта, которыя значительно усложняютъ положеніе: во первыхъ, въ рядахъ ирландскихъ націоналистовъ замѣчается въ настоящее время серьезное стремленіе къ единенію, парнеллиты и антипарнеллиты заключили между собою союзъ; Редмондъ сдѣлался лидеромъ этой новой ирландской партіи, и подъ его предводительствомъ въ парламентѣ находятся до восьмидесяти членовъ контингентъ, который, во всякомъ случаѣ, нельзя будетъ третировать какъ «quantité néqligeable», въ особенности когда раздѣляются голоса и поддержка націоналистовъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе для судьбы того или иного законопроекта, который министерство захочетъ провести въ парламентѣ.

Другимъ не менѣе важнымъ фактомъ является организація ирландской лиги, по образцу той, которая существовала въ 1880 году. Дѣло въ томъ, что политическое движеніе въ Ирландіи всегда выражалось довольно слабо и только геніальному въ этомъ отношеніи Парнеллю удавалось объединять ирландскій націонализмъ и требованія гомруля съ требованіями и стремленіями аграріевъ. Новая лига предполагаетъ сдѣлать для ирландскаго фермера то, что дѣлали «Fradesunions», для англійскихъ ремесленниковъ, т. е. содѣйствовать укрѣпленію солидарности между фермерами и регулировать способъ войны (стачки, бойкотированіе и т. п.), при посредствѣ которыхъ ирландскіе аграріи

надѣются добиться уступокъ отъ министерства. О'Броинъ, недавно снова вернувшійся на арену политической жизни послѣ того, какъ Хили былъ исключенъ изъ парламентскаго состава партіи, сказалъ недавно въ своей рѣчи что бѣдствія и безпорядки въ Ирландіи будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать система дуализма, т. е. земля будетъ принадлежать одновременно ландлорду, получившему ее въ свое владѣніе вслѣдствіе конфискаціи, произведенной Елизаветой, Кромвеллемъ или Вильгельмомъ III, и не затратившему для ея обработки своего капитала,—и фермеру, арендатору, своими руками обрабатывающему эту землю и тяжелымъ трудомъ извлекающему изъ нея средства для уплаты аренды ландлорду. Новая лига, берущая подъ свою защиту фермеровъ, конечно находитъ въ нихъ большую поддержку и ея могущество уже сказалось на послѣднихъ выборахъ, такъ что она несомнѣнно является теперь руководительницей сельскаго населенія Ирландіи.

Третій фактъ, заслуживающій вниманія это—возникновеніе аграрнаго движенія въ Ульстерѣ. Пресвитеріанскіе и англо-саксонскіе фермеры массами возстаютъ теперь противъ своихъ ландлордовъ и примыкаютъ къ націоналистамъ въ томъ, что касается аграрныхъ требованій. Во главѣ этого движенія находится Руссель, который даже сложилъ съ себя званіе статсъ-секретаря, чтобы принять участіе въ политической борьбѣ. И это добровольное соединеніе двухъ расъ и двухъ религій является однимъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ симптомовъ: призракъ «United Ireland» (объединенной Ирландіи), съ которымъ связано воспоминаніе о возстаніи 1798 г. онъ и указываетъ, что гомруль еще не умеръ.

Недавно умеръ одинъ изъ прежнихъ ирландскихъ дѣятелей, Джемсъ Стефенсъ, организаторъ и глава ирландскихъ феніевъ, имя котораго нѣкогда прогремѣло на всю Европу и даже на весь міръ.

Въ 1848 г. голодъ, нужда и суровая зима явились самыми дѣйствительными союзниками англичанъ въ дѣлѣ подавленія ирландскаго возстанія. Тотъ вихрь, который пронесся надъ всею Европой, оказался все-таки не на столько силенъ, чтобы освободить Ирландію и черезъ годъ послѣ этого возстанія королева посѣтила Ирландію и... ее привѣтствовали восторженными криками! Стиснутая крѣпкимъ англійскимъ кулакомъ она притихла и, казалось, дремала цѣлыхъ десять лѣтъ. Однако, это было временное затишье. Непримиримые куда-то исчезли. Двое изъ нихъ укрылись въ Парижѣ: Джемсъ Стефенсъ, сынъ комиссара оцѣнщика, и О'Магони, фермеръ джентльменъ. Оба обладали въ высокой степени организаторскимъ талантомъ и состояли членами многихъ тайныхъ обществъ, носящихъ болѣе или менѣе революціонный характеръ. Они слѣдили за положеніемъ дѣлъ въ Англіи и какъ только настали благопріятные обстоятельства, то немедленно приступили къ организаціи новаго ирландскаго движенія. Это и былъ феніанизмъ. О'Магони отправился въ Америку искать необходимые для этого фонды, а Стефенсъ—въ Ирландію, вербовать сторонниковъ. Это происходило между 1850 и 1860 гг. и въ теченіе десяти лѣтъ о феніяхъ почти ничего не было слышно, такъ какъ организація новаго общества была окружена строжайшею тайной.

Въ 1861 г. произошло событіе, которымъ члены ассоціаціи не замедлили воспользоваться для успѣха своего предпріятія и рекламы. Одинъ изъ участниковъ возстанія 1898 г. Макъ Манюсъ, изгнанный изъ Ирландіи и долгое время прожившій въ заключеніи гдѣ-то у антиподовъ, бѣжалъ и, прибывъ въ Санъ-Франциско, умеръ. Члены новой ассоціаціи рѣшили перевезти тѣло умершаго изгнанника на родину для погребенія. Это было немаловажное предпріятіе въ тѣ времена, такъ какъ надо было совершить путешествіе черезъ весь американскій континентъ, который еще не былъ перерѣзанъ желѣзною дорогой, какъ теперь. Въ каждомъ американскомъ городкѣ, гдѣ только была ирландская коло-

нія, устраивались торжественныя оваціи по прибытіи набальзамированнаго и заключеннаго въ свинцовый гробъ тѣла ирландскаго борца. Движеніе, распространившееся по всей Америкѣ, до Нью-Іорка, перешло и за океанъ, вмѣстѣ съ тѣломъ Макъ Манюса, и охватило Ирландію. Въ Дублинѣ организована была грандіозная похоронная процессія; Ирландія встрепенулась, и англичане съ удивленіемъ спрашивали себя, откуда исходитъ движеніе.

Между тѣмъ деньги прибывали въ кассу феніевъ, и Стефенсъ, уже не считавшій нужнымъ скрывать свою дѣятельность, основалъ газету «Ирландскій народъ», въ которой открыто проповѣдывалъ возстаніе. Въ этой газетѣ онъ изложилъ свой проектъ республиканской конституціи для Ирландіи и обѣщалъ національзацію земли. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ ѣздилъ инкогнито по Ирландіи и проповѣдывалъ свои идеи, вербуя сторонниковъ. Не только полиція, но даже его приверженцы не знали, кто онъ такой. Судьи и полицейскіе, разыскивавшіе революціонеровъ, постоянно слыхали разсказъ о какомъ-то таинственномъ лицѣ, котораго ирландцы называли «Shewk» (по-ирландски соколъ), организующемъ движеніе, вождѣ и руководителѣ, но самъ онъ былъ неуловимъ. Это и былъ Стефенсъ—душа ирландской революціи. Но къ несчастью для него его друзья были не такъ осторожны, какъ онъ. Притомъ же ирландская церковь была противъ нихъ, такъ какъ они были революціонеры и свободомыслящіе.

Американскіе ирландцы, по окончаніи войны за освобожденіе, начали массами возвращаться на родину и въ пустыхъ гумнахъ и магазинахъ устраивались склады и производились обученія и упражненія рекрутовъ. На это подготовленіе къ возстанію было истрачено два милліона. Въ концѣ концовъ, однако, полиція прослѣдила заговорщиковъ. Стефенсъ назначилъ днемъ возстанія 23 сентября 1865 г., а 15-го въ бюро редакціи «Ирландскаго народа» нагрянула полиція и главные заговорщики были арестованы. Стефенсъ, однако, успѣлъ бѣжать и спрятался въ самомъ Дублинѣ. Правительство назначило огромную сумму, 575.000 фр., въ награду за его выдачу, но онъ не былъ выданъ и скрывался до 11 ноября, когда полиціи наконецъ удалось арестовать его. Его должны были судить 28-го. Онъ просидѣлъ въ Ричмондской тюрьмѣ до 25-го, а затѣмъ вечеромъ преспокойно скрылся. Оказалось, что двое главныхъ тюремныхъ надзирателей были феніи.

Но бѣдствія Стефенса еще не кончились. Маленькое судно, на которомъ онъ укрылся, получило течь и чуть не погибло у береговъ Шотландіи, такъ что для спасенія должно было искать убѣжища въ шотландскомъ портѣ Эйръ. Казалось все пропало и полиція должна была схватить Стефенса. Но Стефенсъ не потерялся. Онъ нарядился въ костюмъ матроса и вмѣстѣ съ экипажемъ произвелъ маневръ высадки на берегъ и прежде чѣмъ полиція успѣла нагрянуть на судно, онъ уже былъ на поѣздѣ, отправляющемся въ Дувръ. Оттуда онъ немедленно переправился въ Кале и былъ таковъ.

Феніанская революція, впрочемъ, потерпѣла все-таки неудачу. Феніи прибѣгли къ убійствамъ, къ бомбамъ и проиграли свое дѣло. Стефенсъ вернулся въ Дублинъ въ 1891 г., но уже больше не выступалъ на политической аренѣ. Онъ прожилъ послѣдніе годы въ уединеніи почти забытый своими прежними приверженцами, и съ грустью видѣлъ, сходя въ могилу, что то дѣло, которому онъ служилъ, не подвинулось ни на шагъ. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы отдѣлить Ирландію отъ Англіи и если до сихъ поръ они остаются соединенными, то это не его вина!

Отъ этой мрачной картины неудавшейся жизни перейдемъ къ болѣе веселымъ явленіямъ современной англійской жизни. Къ таковымъ, конечно, можно причислить весьма шумное собраніе, происходившее въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, организованное ассоціаціей домашней прислуги. Кого-кого тутъ не было! Толстые степенные кучера, кокетливые грумы, вѣжливые лакеи, нарядныя горничныя и кухарки и т. п. Само собою разумѣется, что митингъ

этотъ былъ организованъ съ цѣлью выясненія тробованій и жалобъ домашней прислуги, недовольной условіями своей жизни. Ораторы митинга въ особенности настаивали на томъ, что въ большинствѣ случаевъ прислуга не имѣетъ хорошаго помѣщенія; даже въ лучшихъ домахъ порою помѣщеніе прислуги далеко не соотвѣтствуетъ такимъ требованіямъ, которыя предъявляютъ санитарные инспектора въ фабрикахъ и въ швейныхъ мастерскихъ. Затѣмъ члены ассоціаціи домашней прислуги справедливо жаловались на эксплуатацію, которой они подвергаются со стороны конторъ для найма прислуги и выражая требованіе, чтобы конторы эти находились подъ постояннымъ надзоромъ муниципалитета, указавъ на то, что въ нѣкоторыхъ городахъ уже это сдѣлано, и разультататы получились самые благотворные.

Одинъ изъ ораторовъ предложилъ членамъ ассоціаціи основать на счетъ ассоціаціи агентство для справокъ, которое доставляло бы прислугѣ всѣ желательные ей свѣдѣнія о господахъ и мѣстахъ, предлагаемыхъ ей конторами найма. Эти агентства должны будутъ наводить справки не только объ имущественномъ состояніи и матеріальныхъ условіяхъ жизни господъ, но и объ ихъ характерѣ, образѣ жизни, качествахъ и недостаткахъ и т. д.—однимъ словомъ ничто не должно ускользнуть отъ бдительнаго взора агентовъ. Предложеніе это, возбудившее весьма шумныя пренія, въ концѣ концовъ, было принято почти единогласно.

Дневникъ Альфреда Дрейфуса. Когда въ газетахъ появилось объявленіе парижскаго издателя Фаскелля о выходѣ въ свѣтъ книги Дрейфуса, озаглавленной «Пять лѣтъ моей жизни», то въ извѣстной части французской печати тотчасъ же заговорили о новой агитаціи дрейфусаровъ и о томъ, что погребенное дѣло снова выплываетъ на свѣтъ. Конечно, огромное большинство во Франціи желало бы навсегда позабыть объ этомъ несчастномъ дѣлѣ и не ворошить прошлаго. Съ точки зрѣнія государственной политики, можетъ быть, это такъ и слѣдуетъ, но жертва страшной несправедливости не можетъ такъ разсуждать и ея желаніе добиться справедливости вполнѣ естественно; поэтому появленіе въ печати дневника Дрейфуса, который онъ велъ на Чортовомъ островѣ, въ сущности никого не поразило своею неожиданностью. Книга появилась сразу на нѣсколькихъ языкахъ и само собою разумѣется возбудила вниманіе европейской печати.

Больше двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ торжественномъ, такъ называемомъ «красномъ засѣданіи» (всѣ сорокъ совѣтниковъ засѣдаютъ въ красныхъ мантіяхъ) высшаго кассаціоннаго суда постановленъ былъ пересмотръ дѣла Дрейфуса. Узникъ Чортова острова, казалось заживо погребенный, былъ снова привезенъ во Францію и предсталъ опять передъ военнымъ судомъ, который вторично призналъ его виновнымъ въ измѣнѣ, но при этомъ нашелъ удивительныя «смягчающія обстоятельства», чѣмъ и воспользовался президентъ республики, чтобы помиловать Дрейфуса. Для всѣхъ, слѣдившихъ за этимъ запутаннымъ дѣломъ, представлявшимъ какую-то удивительную сѣть всякихъ подлоговъ, обмана и интригъ, подобное рѣшеніе суда, также какъ и немедленное помилованіе Дрейфуса, не было неожиданностью. Это былъ выходъ, который былъ найденъ французскимъ правительствомъ, желавшимъ вернутъ спокойствіе странѣ. Но общественная совѣсть все-таки не могла успокоиться на такомъ компромиссѣ и поэтому-то пресловутое дѣло продолжаетъ тревожать Францію. Этимъ объясняется и волненіе, вызванное книгою Дрейфуса.

Дрейфусъ очень просто и безъ всякой афектаціи описываетъ трагическія событія своей жизни. Книга его не обладаетъ никакими выдающимися литературными достоинствами, но она производитъ впечатлѣніе искренности. Онъ велъ свой дневникъ въ теченіе первыхъ восемнадцати мѣсяцевъ своего заклю-

чевія на Чортовомъ островѣ, предназначая его для своей жены. Ежедневно онъ повторяетъ одно и то же: «Я невиненъ» и, повидимому, ни очемъ другомъ не можетъ и думать и ничего другого не можетъ писать. Это однообразное утвержденіе, которое встрѣчается на каждой страницѣ дневника, производило особенно гнетущее впечатлѣніе на человѣка, который изо дня въ день въ теченіе стольkихъ долгихъ мѣсяцевъ повторялъ себѣ эту фразу.

Альфредъ Дрейфусъ былъ сразу, однимъ ударомъ судьбы, низвергнутъ въ бездну отчаянія. До этой минуты ему все улыбалось въ жизни и тѣмъ ужаснѣе было сразу лишиться всего. Когда его везли послѣ церемоніи разжалованія въ тюремной каретѣ, со связанными руками, черезъ мостъ Альма въ тюрьму, то онъ могъ видѣть въ окно кареты домъ, гдѣ прожилъ столько счастливыхъ лѣтъ и гдѣ оставалось все, что было ему дорого. Онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что «видѣть это—было для него несказаннымъ мученіемъ», но онъ ни слова не говоритъ о томъ, что его можно было бы не подвергать подобному излишнему мученію и можно было бы везти по другимъ улицамъ. Въ дѣйствительности же, такъ какъ тогда никто не сомнѣвался въ его измѣнѣ, то его не хотѣли щадить. Одна только его жена вѣрила ему до конца и писала ему объ этомъ.

Странное впечатлѣніе производитъ разсказъ Дрейфуса о тѣхъ драконовскихъ мѣропріятіяхъ, которыя были приняты чтобы, воспрепятствовать его побѣгу. Этого боялись, очевидно. пуще всего и поэтому становится вполнѣ понятнымъ, что у директора военной тюрьмы могло явиться подозрѣніе; такими предосторожностями еще не окружали ни одного преступника и на этомъ основаніи директоръ тюрьмы рѣшилъ, что Дрейфусъ не преступникъ, а государственный узникъ, исчезновеніе котораго признается необходимымъ на основаніи высшихъ соображеній. Для этого-то и былъ выбранъ Чортовъ островъ, который долженъ былъ служить ему могилой. Этотъ островъ представляетъ одно изъ самыхъ пустынныхъ мѣстъ въ архипелагѣ острововъ Спасенія—небольшая скала, на которой была выстроена маленькая хижина для Дрейфуса, окруженная высокимъ частоколомъ. Ему предоставлялось гулять по узкой полосѣ, между хижиной и частоколомъ, но частоколъ закрывалъ отъ него море, шумъ котораго онъ постоянно слышалъ, и надъ своею головой онъ видѣлъ только узкую полосу голубого неба. Такъ шли дни за днями. Въ шесть часовъ вечера плѣнника запирали въ его клѣткѣ и не давали ему огня. О своемъ пропитаніи онъ самъ долженъ былъ заботиться. Ему давали немного сырого мяса и онъ самъ долженъ былъ приготовить себѣ кушанье изъ него. Но какъ и въ чемъ—объ этомъ не заботились. Онъ самъ уже придумалъ жарить его въ жестяной заржавленной коробкѣ. Ему полагалось кофе, но ему выдавали его въ зернахъ, а жарить ему было негдѣ, да и не въ чемъ. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ ему были доставлены два горшка для варки пищи и простыя тарелки, а то раньше ему приходилось есть изъ грязной жестянки. Конечно, Робинзонъ на своемъ необитаемомъ островѣ былъ счастливѣе его, такъ какъ онъ могъ двигаться свободно и не былъ окруженъ постоянно сторожами. Между тѣмъ, тогдашній комендантъ Кайенны вовсе не былъ звѣремъ, а только точнымъ исполнителемъ приказаній, полученныхъ отъ высшихъ военныхъ властей. Цѣлыхъ четыре мѣсяца оставляли несчастнаго узника безъ всякихъ извѣстій изъ дома и безъ книгъ. Онъ долженъ былъ оставаться въ полномъ одиночествѣ со своимъ отчаяніемъ и своими печальными мыслями. Высшія военныя власти, запрятавшія его на Чортовъ островъ, вѣроятно, твердо разсчитывали на то, что онъ не выдержитъ этого режима и сойдетъ съума, и дѣйствительно, читая его дневникъ, невольно приходится изумляться, какъ этого съ нимъ не случилось. Какая сила, какая надежда поддерживали его? Къ нравственнымъ мученіямъ присоединялись и физическія; онъ, безъ сомнѣнія,

погибъ бы отъ голода, еслибъ ему отъ времени до времени самъ комендантъ не присылалъ кое-какіе консервы, сгущенное молоко или овощь и т. п. Тѣмъ не менѣе его организмъ не выдержалъ такой діэты и онъ серьезно заболѣлъ. Страшныя безсонныя ночи проводилъ онъ въ своей тюрьмѣ, дрожа въ лихорадкѣ и терзаемый всевозможными тропическими насѣкомыми. Докторъ, привезенный къ нему съ континента, прописалъ ему хининъ и ванну, хининъ ему дали, но ванну надзиратель нашелъ излишнею роскошью для своего арестанта и самъ принялъ ее, вмѣсто него.

Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ несказанныхъ мученій, въ душѣ его произошла какая-то перемѣна. Кромѣ постоянной мысли о своей невинности, его началъ преслѣдовать неотвязный вопросъ: кто былъ авторомъ бордеро? Кто былъ тотъ, вмѣсто котораго онъ сидитъ теперь въ этой ужасной тюрьмѣ? Мысль объ этомъ злодѣѣ, изъ-за котораго страдаетъ невинный, не давала ему покоя и временами приводила его въ бѣшенство, отраженіе котораго можно видѣть въ его дневникѣ. Онъ такъ надѣялся на то, что этотъ виновникъ отыщется; вѣдь не можетъ же истина такъ долго оставаться сокрытой, она должна выплыть наружу, должна! И онъ переходилъ отъ отчаянія къ надеждѣ, но проходили мѣсяцы и годы, и все оставалось по прежнему. Всякій разъ, получая почту, несчастный предавался обманчивой надеждѣ. Въ его дневникѣ можно ясно видѣть эти постоянные переходы отъ самаго мрачнаго отчаянія къ радостной надеждѣ и обратно. Мало-по-малу онъ становился спокойнѣе, онъ впадалъ въ мрачную апатію и мечталъ о смерти. У него уже больше не хватало силъ ждать и надѣяться. Въ это время, какъ разъ, въ Парижѣ зашевелилось общественное мнѣніе, выдающіеся люди заговорили о необходимости пролить свѣтъ на это темное дѣло. Дрейфусъ, на своемъ Чертовомъ островѣ, конечно, ничего не зналъ объ этомъ. Въ сентябрѣ 1896 г. было напечатано въ газетахъ первое сообщеніе относительно дѣла Дрейфуса, возбудившее тотчасъ же ожесточенную политику и на узника Чортова острова, ничего не подозрѣвавшаго, въ ту же ночь были надѣты двойные кандалы. Цѣлый рядъ жестокихъ мѣропріятій, ненужныхъ мучительствъ, шагъ за шагомъ слѣдовалъ за развитіемъ событій въ Парижѣ. Какъ только появлялось новое доказательство его невинности въ Парижѣ, оно отражалось немедленно на Чортовомъ островѣ усиленіемъ строгостей. При первомъ слухѣ о его невинности, на Чортовомъ островѣ былъ усиленъ составъ сторожей; сначала ихъ было четверо, потомъ шесть и, наконецъ, десять и тринадцать, причемъ главный надсмотрщикъ былъ присланъ прямо изъ Парижа. Какъ только на сцену выступилъ полковникъ Пикаръ со своими разоблаченіями—на Чортовомъ островѣ немедленно было сдѣлано распоряженіе объ ограниченіи ежедневныхъ прогулокъ заключеннаго. Въ Парижѣ заговорили объ Эстергази—ограниченія и строгости были усилены и Дрейфусу было запрещено даже сидѣть на скамьѣ позади хижины—единственномъ мѣстѣ, защищенномъ отъ лучей жгучаго тропическаго солнца. Какъ только въ Парижѣ были обнаружены новые документы противъ Эстергази—на Чортовомъ островѣ былъ учрежденъ ночной патруль, не дававшій спать Дрейфусу. Усиленіе газетной полемики во Франціи имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что на ночь Дрейфусу надѣли двойные ножные кандалы, мѣшавшіе ему двигаться и натершіе ему суставы до ранъ. Просто поразительно, какъ одно слѣдовало за другимъ и по мѣрѣ того, какъ разросталась во Франціи, и затѣмъ уже во всей Европѣ, агитація въ пользу Дрейфуса и начинало все больше укрѣпляться убѣжденіе въ томъ, что онъ—жертва судебной ошибки, военныя власти усиливали надзоръ надъ Дрейфусомъ и, словно издѣваясь надъ стараніемъ гуманныхъ людей, желавшихъ освободить невиннаго, заставляли несчастную жертву судебной ошибки изнемогать подъ тяжестью карающей руки. Получается весьма любопытная и даже поучительная картина, если

провести параллель между взрывомъ человѣческаго состраданія, вызвавшемъ борьбу, которую вели гуманные люди во Франціи, и образомъ дѣйствій военныхъ властей, не желавшихъ выпускать своей жертвы. Во всякомъ случаѣ, этого одного было бы достаточно, чтобы убѣдить сомнѣвающихся въ истинѣ, такъ какъ невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объясняется подобное ожесточеніе военныхъ властей, вымещавшихъ свой гнѣвъ на несчастномъ беззащитномъ арестантѣ, по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ усиливались сомнѣнія въ его виновности? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Организація во Франціи помощи заключеннымъ.—Клубъ женскихъ клерковъ въ Сити.—Американскій «блиццардъ» и его послѣдствія.—Психологія китайскаго народа.—Темныя и свѣтлыя стороны французскаго воспитанія.

«Humanitarian» посвящаетъ длинную статью описанію дѣятельности парижскаго общества «L'Oeuvre des liberés de Saint-Lazare», которое было основано тридцать пять лѣтъ тому назадъ аббатомъ Мишель, священникомъ Сенъ-Лазарской тюрьмы и его племянницей M-elle Граппе. Теперешняя директриса этого общества, Изабелла Божело, давно уже пользуется авторитетомъ въ вопросахъ о тюремной реформѣ и дѣятельность ея также хорошо извѣстна въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и по сю сторону Атлантики. На послѣднемъ женскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ она прочла докладъ, имѣвшій большой успѣхъ, въ которомъ указала на пользу, приносимую обществами, имѣющими цѣлью оказаніе помощи и покровительства заключеннымъ; французское общество, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно добилось многаго, и если сравнить положеніе тѣхъ, кого M-elle Граппе называла въ своей книгѣ «Les pensionnaires de Saint Lazare» тридцать пять лѣтъ тому назадъ, съ тѣми условіями, которыя существуютъ теперь въ Сенъ-Лазарской тюрьмѣ, то получится огромная разница. Общество заботится не только объ освобожденныхъ отъ тюремнаго заключенія и помогаетъ имъ выбраться на дорогу, но и о тѣхъ, которыя отбываютъ наказаніе и беретъ подъ свое покровительство всѣхъ случайно подпавшихъ подъ кару законовъ, вслѣдствіе невѣдѣнія или легкомыслія или же подъ вліяніемъ голода и несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Такихъ оказывается не мало. «Humanitarian» приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ за короткое время. Члены общества, постоянно посѣщающіе тюрьмы, знакомятся съ тѣми, кто въ нихъ содержится, узнаютъ, въ чемъ заключается ихъ вина и оказываютъ покровительство тѣмъ, кто нуждается въ этомъ, беря подъ свою защиту невинныхъ, случайно или вслѣдствіе несчастій, попавшихъ въ тюрьму. Недавно былъ такой случай: несчастная женщина, оставшаяся безъ работы съ ребенкомъ, мальчикомъ лѣтъ десяти, долго голодала и наконецъ рѣшилась отправиться съ ребенкомъ въ трактиръ, гдѣ покормила его и сама насытила свой голодъ, но такъ какъ у нея денегъ не было, чтобы заплатить за обѣдъ, то въ результатѣ она была отправлена въ полицію и затѣмъ очутилась въ Сенъ-Лазарѣ. Какой-то добрый сосѣдъ, но такой же бѣднякъ какъ она, взялъ къ себѣ ея мальчика, но такъ какъ онъ не могъ оставить его у себя, то черезъ нѣсколько дней отправилъ его къ директору тюрьмы съ письмомъ. По счастью, для бѣднаго, дрожащаго отъ страха мальчугана, въ это время въ тюрьмѣ находился секретарь общества, къ которому и привели мальчика. Сейчасъ же было произведено разслѣдованіе и общество взяло подъ свое покровительство мать и ея сына и ходатайствовало передъ судьей о смягченіи наказанія. По выходѣ изъ тюрьмы женщина эта находи-

лась нѣкоторое время на попеченіи общества, которое пріискало ей работу и помѣстило ея мальчика въ ученіе.

Члены общества, посѣщая тюрьмы и интересуясь судьбою заключенныхъ, получають возможность такимъ образомъ оказывать имъ помощь въ судѣ и по выходѣ ихъ изъ тюрьмы. Но этимъ не ограничивается дѣятельность общества; оно старается разыскивать и оказывать поддержку тѣмъ, которымъ грозитъ опасность попасть въ тюрьму, которые попадають въ полицію по недоразумѣнію или несчастной случайности, какъ это бываетъ порою съ провинціалами, пріѣзжающими въ Парижъ для пріисканія работы. Они часто безпомощно бродятъ по Парижу, растерянные и испуганные шумомъ большого города и подъ вліяніемъ этого испуга совершенно позабывшіе улицу и домъ, гдѣ они остановились и гдѣ оставили свои вещи. И чѣмъ дальше, тѣмъ страхъ охватываетъ ихъ сильнѣе, они не въ состояніи бываютъ объяснить полицейскому, что съ ними случилось, такъ что, въ концѣ концовъ, попадаютъ въ участокъ. При такихъ-то обстоятельствахъ благодѣтельное вмѣшательство названнаго общества спасаетъ ихъ отъ дальнѣйшей участи, грозившей имъ, и общество либо пристраиваетъ ихъ въ Парижѣ, либо отсылаетъ обратно на родину на свой счетъ. Общество имѣетъ филіальныя отдѣленія въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ вступило въ сношенія съ тюремнымъ начальствомъ и полиціей и вездѣ дѣятельность его оказывается одинаково плодотворной въ соціальномъ отношеніи.

До какой степени часто невѣжество или незнаніе законовъ можетъ быть причиною попаданія въ Сенъ-Лазаръ показываютъ многочисленные случаи, записанные въ списки общества. Недавно, напр., общество оказало покровительство одной молодой крестьянкѣ, которая явилась въ Парижъ для пріисканія мѣста кормилицы. Ей кто-то сказалъ, что она скорѣе найдетъ мѣсто, если представить своего ребенка моложе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Ребенку было восемь мѣсяцевъ и мать передѣлала въ его метрическомъ свидѣтельствѣ цифру восемь на шесть. Подлогъ былъ открытъ и, къ своему ужасу, крестьянка попала въ Сенъ-Лазаръ, гдѣ, впрочемъ, благодаря вмѣшательству общества, ее продержали всего лишь нѣсколько дней и выпустили, послѣ чего общество отправило ее на родину. Напуганная крестьянка не знала, какъ и благодарить неизвѣстныхъ ей благодѣтелей, избавившихъ ее отъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя она попала, благодаря своему непониманію и неразвитости.

Въ лондонскомъ Сити, гдѣ съ каждымъ годомъ возрастаетъ число служащихъ женщинъ, открытъ, по словамъ «Humanitarian», первый клубъ женщинъ клерковъ, подъ именемъ «Entreprise Club». До этого времени служащія въ конторахъ Сити женщины не имѣли такого мѣста, гдѣ бы онѣ могли собираться въ свободные часы, чтобы отдохнуть и позавтракать или пообѣдать. Вообще, давно уже ощущалась потребность въ такомъ клубѣ, такъ какъ женщинамъ клеркамъ приходилось проводить часы отдыха либо на грязныхъ улицахъ Сити, либо оставаться въ конторахъ, довольствуясь сухими сандвичами, вмѣсто питательнаго завтрака. Однако, между ними нашлась одна предпріимчивая женщина, которая созвала митингъ и предложила собравшимся учредить клубъ. Больше сотни женщинъ поддержали это предложеніе и такимъ образомъ «Entreprise Club» немедленно начало свое существованіе. По своему типу, этотъ новый женскій клубъ болѣе подходитъ къ американскимъ клубамъ и основанъ на принципѣ коопераціи. Клубъ этотъ, главнымъ образомъ, имѣетъ цѣлью поддерживать и создавать солидарность между интеллигентными женщинами, живущими своимъ трудомъ. Поэтому, клубъ этотъ—самый дешевый изъ всѣхъ клубовъ, устроенныхъ для образованныхъ женщинъ въ Англіи. При поступленіи дѣлается единовременный взносъ въ 2 шилинга шесть пенсовъ и затѣмъ въ годъ уплачивается по 10 шиллинговъ. Такъ какъ помѣщеніе стоитъ очень

дорого, то, разумѣется, приходится ограничиваться скромною квартирой, обставленной, впрочемъ, очень удобно. Клубъ имѣетъ уже 250 членовъ. Разумѣется, всѣ административныя должности въ клубѣ безплатныя, за исключеніемъ экономки и горничной. Члены сами стараются всѣми силами поддерживать свой клубъ и по возможности помогать другъ другу. Благодаря такимъ усиліямъ, клубъ развивается; при немъ существуетъ уже хорошая библіотека и читальня, есть рояль и уже теперь зимою устраиваются вечера и концерты, а лѣтомъ пикники и разнаго рода увеселительныя поѣздки.

«Scientific American» описываетъ дѣйствіе американской снѣжной бури, сопровождая это описаніе прекрасно исполненными рисунками. Въ Европѣ трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе о томъ, что можетъ надѣлать американскій «Blizzard». По счастью, такія снѣжныя бури бываютъ не часто. Послѣдній блиццардъ посѣтилъ Нью Іоркъ въ февралѣ 1899 г., а предпослѣдній, гораздо болѣе ужасный происходилъ въ 1888 г. Несмотря на то, что прошло уже 13 лѣтъ съ тѣхъ поръ, ужасы, которые пришлось пережить тогда нью-іоркскому населенію, до сихъ поръ не забыты. Въ самое короткое время улицы были такъ завалены снѣгомъ, что жители были лишены всякой возможности выйти изъ своихъ домовъ. Они должны были испытать все то, что испытываютъ жители горныхъ странъ, когда ихъ деревни засыпаются снѣжною лавиной. Въ теченіе нѣсколькихъ дней жители оставались погребенными въ снѣгу, и многіе въ это время погибли отъ голода и холода. Особенно много погибло людей, застигнутыхъ снѣжной бурей на дорогѣ, и бездомныхъ бродягъ. Всѣ они были погребены въ снѣгу, и когда можно было приступить къ работамъ и принялись разгребать снѣгъ и расчищать дорогу, то найдено было множество окоченѣлыхъ труповъ. Буря, разразившаяся въ февралѣ 1899 года, хотя и уступала въ силѣ своей предшественницѣ, тѣмъ не менѣе причинилъ также не мало бѣдъ. Эта буря также разразилась съ необычайною быстротой, такъ что жители не успѣли опомниться, какъ уже городъ былъ заваленъ снѣгомъ и болѣе 100.000 рабочихъ на верфяхъ Мангаттана, Бруклина, Эпланда и Нью Джерсея, не могли добраться до своихъ жилищъ. Температура, какъ и въ первый разъ, упала очень низко и тысячи жизней подверглись страшной опасности. Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ голландскій городъ оставался отрѣзаннымъ отъ всего остального міра. Суда, стоявшія на якорѣ въ гаванѣ, представляли необыкновенно фантастическое зрѣлище, совершенно заваленныя снѣгомъ, придавшимъ имъ самыя причудливыя формы. То, что происходило на этихъ судахъ, не поддается описанію; палуба превратилась въ поверхность глетчера и матросы могли вообразить себя зрителями альпійскихъ вершинъ, такъ какъ кругомъ ихъ окружали снѣжныя горы. Желѣзнодорожные поѣзда, застигнутые этой бурей, лишились возможности двигаться и были совершенно завалены снѣгомъ, такъ что потомъ тысячи рабочихъ и 3.000 лошадей должны были трудиться 48 часовъ для того, чтобы проложить узкую тропинку, по которой люди могли выбраться изъ своей снѣжной тюрьмы. Всѣ полицейскія бюро, больницы и церкви были переполнены безчисленнымъ множествомъ полумертвыхъ отъ холода и голода людей. Нечего и говорить о томъ неисчислимомъ вредѣ и убыткахъ, которые приноситъ такая буря торговлѣ, пріостанавливая всякія сношенія и вызывая застой въ дѣлахъ. Городъ, который застигнутъ бурей, можно сравнить съ осажденнымъ городомъ, такъ какъ только тѣ изъ жителей въ состояніи спокойно выдержать эту стихійную осаду, которые имѣютъ у себя достаточно припасовъ и имъ не угрожаетъ голодная смерть.

Извѣстный французскій ученый Шарль Летурно, готовитъ къ изданію новый трудъ объ этнической психологіи. «Revue des Revues» печатаетъ нѣ-

сколько главъ изъ этой книги (которая должна выйти въ скоромъ времени), относящихся къ психологіи китайскаго народа. Китайцы, по словамъ Летурно, напоминаютъ своихъ татарскихъ предковъ, но они потеряли нѣкоторыя изъ ихъ качествъ и пріобрѣли взамѣнъ другія. Они менѣе кровожадны, нежели татары, но также мало чувствительны къ страданіямъ другихъ и способны хладнокровно совершать поразительныя жестокости. Они совершенно лишились военнаго мужества и сами сознаютъ это, но не стыдятся этого. Во время возстанія тайпинговъ одинъ китаецъ, служившій у англійскаго купца, принесъ домой сердце убитаго тайпинга, чтобы съѣсть его и придать себѣ этимъ храбрости. Современный китаецъ отличается необыкновенною осторожностью, недовѣрчивъ, склоненъ къ меркантильной разсчетливости и своекорыстенъ. Но съ другой стороны онъ необычайно трудолюбивъ и является достойнымъ потомкомъ первобытныхъ клановъ, которые цѣною терпѣливаго труда многихъ тысячелѣтій обработали землю обширной серединной имперіи и создали многолюдное человѣческое поселеніе, образующее теперь современное китайское государство. Китайскій рабочій вообще обнаруживаетъ такія нравственныя качества, которые могли бы даже сдѣлать честь людямъ болѣе развитой. Черты характера татарина встрѣчаются у китайца въ болѣе смягченномъ видѣ; китаецъ дрессированъ для труда и развилъ въ себѣ величайшую покорность законамъ и обычаямъ своей страны. Такое измѣненіе характера совершилось постепенно, но началось оно вмѣстѣ съ исторіей Китая, и китайцы мало-по-малу вполнѣ приспособились къ своей утилитарной цивилизаціи.

Древность Китая и относительная замкнутость, въ которой жилъ китайскій народъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій, кромѣ другихъ послѣдствій, имѣла еще своимъ результатомъ и необычайную стойкость расы. Сходство китайскихъ лицъ очень велико и при скрещиваніи съ другими человѣческими расами и разновидностями характерныя черты китайской расы всегда остаются. А эта раса обладаетъ многими выдающимися свойствами: выносливостью и способностью переносить всѣ невзгоды и вредныя климатическія условія, разрушительно дѣйствующія на всякій организмъ, за исключеніемъ организма китайца. Трудолюбіе китайца и его терпѣніе въ работѣ вошли въ поговорку; кромѣ того, китайцы—трезвый умѣренный, народъ и пьянство у нихъ составляетъ большую рѣдкость. Благоразумный и осторожный даже въ разгулѣ, китаецъ всегда умѣетъ во-время остановиться, но въ одномъ только онъ не знаетъ удержу—въ азартныхъ играхъ, которымъ онъ предается съ величайшею страстью. Эта страсть такъ сильна у корейцевъ, что бывали случаи, когда китайцы, проигравшіе все что имѣютъ и вынужденные прекратить игру, рѣшались ставить свои пальцы на ставку и съ величайшимъ стоицизмомъ отрѣзывали ихъ другъ у друга; какъ выигравшій ставку, такъ и проигравшій не выказывали при этомъ ни малѣйшаго волненія.

Летурно хвалитъ миролюбіе китайцевъ. Военная слава въ ихъ глазахъ не имѣетъ ровно никакой цѣны. Но это качество переходитъ у нихъ въ недостатокъ. «Конечно, очень похвально,—говоритъ Летурно,—что китайцы не любятъ войну и не восхищаются ея ужасами. Однако, не слѣдуетъ все-таки питать преувеличенное отвращеніе къ ней, во многихъ случаяхъ, вѣдь, долгъ обязываетъ идти навстрѣчу опасности. Между тѣмъ, китайцы, какъ говорятъ, рѣдко обнаруживаютъ такое пониманіе чувство долга, трусость составляетъ, повидимому, ихъ природный недостатокъ. Общественное мнѣніе въ Китаѣ не только не осуждаетъ солдата, который бѣжитъ съ поля битвы, но часто даже открыто одобряетъ его поступокъ. Вообще военные теоретики въ Китаѣ высказываютъ такое мнѣніе, что генералъ долженъ сражаться какъ можно меньше; онъ долженъ стараться побѣдить непріятеля хитростью, подкупомъ, постараться его деморализировать, напугать и т. п.... Большимъ нравственнымъ недостаткомъ

китайцевъ является ихъ необычайное самомнѣніе; они глубоко убѣждены въ превосходствѣ своей страны, своей расы надъ всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и поэтому-то ничего не хотятъ заимствовать у другихъ. И несмотря на такое преувеличенное мнѣніе, чувство патріотизма у китайца развито очень слабо. Такъ, напр., во время англо-французской военной экспедиціи въ Пекинъ, когда союзный флотъ бомбардировалъ ихъ соотечественниковъ, китайцы преспокойно пріѣзжали на иностранные суда и продавали фрукты иностранцамъ—«варварамъ, разоряющимъ ихъ страну». Это происходитъ отъ того, что у китайца личный интересъ всегда преобладаетъ надъ общимъ. Съ нравственной точки зрѣнія въ характерѣ китайца недостаетъ альтруизма; онъ не способенъ къ порывамъ, къ героизму, къ необдуманнымъ поступкамъ. Китаецъ никогда не дѣйствуетъ наобумъ и все исполняетъ съ механическою точностью».

«Но чтобы соединить столько недостатковъ со столькими достоинствами,—прибавляетъ Летурно,—человѣческая раса должна обладать особенною организаціей, темпераментомъ характеромъ Suigeneris. Таковы на самомъ дѣлѣ китайцы, такъ какъ у нихъ многія специфическія черты, уже наблюдавшіяся у другихъ монголовъ или монголоидовъ не укрѣпились, но сдѣлались еще рѣзче. У нихъ образовалось нѣчто вродѣ нравственной и интеллектуальной кристаллизаціи, которая поражаетъ всѣхъ наблюдателей и является въ сущности главною причиной того, что китайцы такъ противятся всякому прогрессу и даже всякой перемѣнѣ. Неизмѣняемость среды, составляющая по Конфуцію сущность добродѣтели, можетъ служить соціальнымъ и промышленнымъ девизомъ Китая. Такъ, костюмъ китайцевъ почти не измѣнился въ теченіе тысячелѣтій. Когда манчжуры-побѣдители приказали китайцамъ, подъ страхомъ смерти, обрить головы, то тысячи изъ нихъ выбрали смерть, до такой степени имъ внушала ужасъ всякая перемѣна въ ихъ образѣ жизни! Четыре тысячи лѣтъ такой дисциплины, которая мало измѣнялась, создали привычки и этническія черты, почти неистребимыя и образовали націю, кроткую и привѣтливую, вѣжливую до мелочей, разсчетливую, внимательную и осторожную, но такую, которая недовѣрчиво относится ко всякимъ нововведеніямъ и часто ненавидитъ иностранцевъ, вносящихъ перемѣну въ существующій строй».

«Таковы характерныя черты китайцевъ, составляющія общее достояніе, но бываютъ исключенія. Непокорные, которые не желаютъ подчиняться игу, образуютъ между собою довольно курьезныя ассоціаціи, члены которыхъ считаютъ долгомъ чести не подчиняться законамъ и дѣйствовать наперекоръ имъ. Но свергнувъ иго законовъ, они, тѣмъ не менѣе, съ непоколебимою вѣрностью поддерживаютъ другъ друга и спокойно идутъ навстрѣчу смерти. Впрочемъ китайцы вообще не дорожатъ своею жизнью; хотя они миролюбивы и невоинственны, но ихъ исторія полна кровавыхъ страницъ. Съ 420 по 1644 г. въ Китаѣ 15 разъ перемѣнилась династія и каждая такая перемѣна сопровождалась страшными гражданскими войнами и полнымъ истребленіемъ партій династіи.

Ни въ одномъ народѣ не наблюдается также подобной склонности къ самоубійству. Послѣ всякаго пораженія въ Китаѣ многіе побѣжденные генералы лишаютъ себя жизни. Но и частныя лица такъ же поступаютъ и достаточно бываетъ порою самой ничтожной причины, чтобы китаецъ прибѣгнулъ къ самоубійству. Женщины вѣшаются или топятся часто изъ-за того только, чтобы заставить людей, причинившихъ имъ непріятность, нести за себя отвѣтственность за ихъ отчаянный поступокъ. Эта способность китайца обдумывать такіе шаги, которые другіе народы совершаютъ обыкновенно въ состояніи афекта, подъ вліяніемъ неудержимаго импульса страсти, составляетъ, по мнѣнію Летурно, одну изъ наиболѣе характерныхъ и любопытныхъ чертъ китайскаго народа.

Французская пресса.

(Письмо изъ Парижа).

I.

«Пресса это—четвертая власть въ государствѣ», такъ говорилось о французской прессѣ въ эпоху реставраціи. Теперь значеніе ея еще больше.

Теперь, когда министерство беретъ въ свои руки власть, оно прежде всего должно стараться имѣть «une bonne presse», т.-е. добиться поддержки газетъ. Въ противномъ случаѣ оно можетъ быть увѣрено, что существованіе его не протянется долго.

То же самое можно сказать и о болѣе высоко стоящей власти. Кто не помнитъ эфемернаго президенства Казиміра Перье. А между тѣмъ онъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ, но это большинство нисколько не могло защитить его отъ нападокъ газетъ, ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, политическихъ и сатирическихъ. Что касается до министерскихъ кабинетовъ, то въ каждомъ ихъ паденіи пресса почти всегда принимаетъ энергичное участіе.

Послѣдней памятной компаніей французской прессы остается борьба за пересмотръ дѣла Дрейфуса. Вся честь осуществившагося наконецъ пересмотра принадлежитъ ей. Когда вся палата единогласно рѣшала расклеить рѣчь Кавеньяка по всѣмъ городамъ и деревнямъ Франціи, рѣчь, въ которой доказывалась виновность бывшаго капитана. только нѣкоторыя газеты продолжали утверждать, что онъ невиненъ. И онѣ восторжествовали! Противники наконецъ уступили, но съ какими потерями! Сколько репутацій, считавшихся бѣлѣе только что выпавшаго снѣга—погибло! Сколько карьеръ, воздвигавшихся повидимому на основахъ, прочныхъ какъ гранитъ, было разрушено! Сколько честолюбій, спокойно возраставшихъ въ благопріятной атмосферѣ тщеславія, было раздавлено, прежде даже чѣмъ они достигли полнаго развитія. «Гордость Франціи»—генеральный штабъ, готовившій «побѣду» надъ восточнымъ врагомъ въ недоступномъ для профановъ святилищѣ своихъ «бюро», кончилъ самымъ печальнымъ образомъ. Полковникъ Анри лишилъ себя жизни, генералъ Пелье умеръ отъ горя, генералъ Буадеффръ, который скоро долженъ былъ занять постъ французскаго посланника при дворѣ великаго государства, и генералъ Гонсъ, мечтавшій занять его мѣсто во главѣ генеральнаго штаба, оба оказались выброшенными изъ рядовъ дѣйствующей арміи, а майоръ Эстергази, «народный герой», котораго сначала поддерживали, а послѣ пересмотра дѣла Дрейфуса окончательно забросили, влачитъ существованіе по рабочимъ домамъ Лондона.

А политическій вдохновитель всѣхъ ихъ, Годфруа Кавеньякъ, считавшій уже свое избраніе въ президенты республики совершенно обезпеченнымъ, теперь не можетъ выступить на трибунѣ палаты, безъ того, чтобы не услыхать горькихъ упрековъ за намѣренный, или ненамѣренный обманъ отъ депутатовъ всѣхъ лагерей.

Эта разрушительная сила прессы дѣлаетъ ее терроромъ французскихъ политическихъ дѣятелей. «Une campagne de presse»—походъ въ прессѣ, одно изъ величайшихъ бѣдствій, могущихъ постигнуть французскаго министра. Это одна изъ тѣхъ опасностей, которыя страшны своею неизвѣстностью, размѣры которыхъ трудно опредѣлить, и еще труднѣе предвидѣть конецъ ихъ. Такая война можетъ кончится ничѣмъ, но много случайныхъ и новыхъ элементовъ могутъ сдѣлать ее роковою. Часто кампанія начинается въ одной только газетѣ, но къ ней могутъ присоединиться другія и тогда потокъ желчной критики, раскрытій и сарказмовъ дѣлается непобѣдимымъ. И кто станетъ защищать министра въ такія минуты? Кто захочетъ рисковать собственной честью, чтобы отстоять

его честь? Правда, его коллеги протянутъ ему руку, станутъ ободрять его, но онъ не можетъ быть увѣренъ, что во Франціи, этой Венеціи со смягченными нравами, эти самые коллеги не доставляютъ данныхъ преслѣдующимъ его журналистамъ!

Самъ Рошфоръ сознается, что во время его памятной кампаніи противъ Констана въ 1891—1892 году онъ получалъ тайныя поощренія отъ министра-президента Фрейсине—коллеги Констана. Послѣдній съ своей стороны посылалъ своихъ эмиссаровъ къ Рошфору, прося его прекратить кампанію, которую велъ «L'Intransigeant». За это Констанъ, «сокрушитель буланжизма», обѣщалъ защищать правительственное предложеніе всеобщей амнистіи, которою долженъ былъ воспользоваться и самъ Рошфоръ *).

Еще болѣе недавно, два года тому назадъ, когда велась кампанія въ пользу Дрейфуса, тогдашній военный министръ Бильо тоже посылалъ «общихъ пріятелей» къ Клемансо просить его, чтобы онъ смягчилъ свои нападки на генеральный штабъ **). Въ то же время другой защитникъ генеральнаго штаба, пресловутый отецъ дю-Лакъ хлопоталъ въ этомъ же смыслѣ у еврея Жозефа Рейнака. Самый вліятельный іезуитъ во Франціи, котораго антиклерикальная пресса считала вдохновителемъ генеральнаго штаба, просилъ пощады для себя и еще болѣе для своего духовнаго сына генерала де-Буадеффра. Чтобы смягчить сердце сына Израиля, отецъ дю-Лакъ не остановился даже передъ выдачею духовныхъ тайнъ. Онъ разсказалъ Рейнаку, что однажды послѣ исповѣди генералъ де-Буадеффръ попросилъ у него благословенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Отецъ мой, благословите меня, какъ солдата, который долженъ стать передъ взводомъ и быть разстрѣляннымъ» ***).

Не знаю, сдѣлалъ ли Жозефъ Рейнакъ что-нибудь, чтобы удовлетворить своего необыкновеннаго посѣтителя, но этотъ фактъ невольно напоминаетъ мнѣ судьбу его тестя барона Жака де-Рейнака. Извѣстно что, когда въ концѣ 1892 года разнесся слухъ, что скоро начнется газетная кампанія по поводу злоупотребленій въ панамскомъ дѣлѣ, то замѣшанный въ этихъ злоупотребленіяхъ баронъ де-Рейнакъ, послѣ безуспѣшныхъ хлопотъ о прекращеніи кампаніи у Корнеліуса Герца и Констана, принялъ ядъ.

Откуда пресса черпаетъ свою силу? Она черпаетъ ее изъ того обстоятельства, что пресса стала теперь выразительницей общественнаго мнѣнія. Въ 1845 г. двадцать шесть имѣвшихся во Франціи ежедневныхъ газетъ насчитывали всѣ вмѣстѣ 200.000 подписчиковъ, а теперь отдѣльныя газеты имѣютъ по 200.000, по 700.000 и даже по милліону подписчиковъ.

По этому факту можно судить, до какой степени газета проникла въ народныя массы. Но если газета существуетъ, значитъ она создала себѣ кругъ читателей, идеи котораго совпали съ ея собственными. Она и теоретически, и фактически составляетъ извѣстную часть этого vox populi, который въ странахъ, гдѣ господствуетъ всеобщее избирательное право, какъ во Франціи, является главнымъ факторомъ политической и общественной жизни. И политическій дѣятель долженъ прислушиваться къ мнѣніямъ газетъ, такъ какъ за нимъ скрывается избиратель, передъ судомъ котораго рано или поздно онъ долженъ будетъ предстать.

Если считать газету только выразительницей общественнаго мнѣнія, то и

*) Rochefort. «Les aventures de ma vie».

**) Самъ Клемансо тогда же писалъ въ «L'Aurore» объ этомъ поступкѣ Бильо.

***) Этотъ фактъ былъ сообщенъ въ первый разъ тѣмъ же Клемансо, въ этомъ году въ «Le Bloc» (№ 4). Письмо Рейнака вполнѣ подтверждаетъ и фактъ свиданія съ дю-Лакомъ и вышеупомянутое *сообщеніе*. Самъ отецъ дю-Лакъ написалъ по этому поводу нѣсколько писемъ, въ которыхъ опровергалъ не эту часть разговора, а другую, касающуюся военныхъ тайнъ, которую мы не приводимъ.

тогда роль ея является широкой и громадной, но это еще только ея пассивная роль. А пресса исполняетъ и другую роль, активную и гораздо болѣе значительную: роль эта состоитъ въ ея воздѣйствіи на общественное мнѣніе. Большая часть обычныхъ читателей не имѣетъ опредѣленныхъ взглядовъ. Въ ихъ душѣ есть разныя смутныя чувства, нѣсколько элементарныхъ представленій и понятій. Именно здѣсь и имѣетъ мѣсто вмѣшательство журналиста, который, опираясь на нѣсколько уже существующихъ у читателя началъ, подсказываетъ ему, какого взгляда онъ долженъ держаться въ томъ или иномъ вопросѣ. Здѣсь пресса теряетъ характеръ пассивнаго средства и дѣлается независимымъ общественнымъ факторомъ. И эта ея сила растетъ съ увеличеніемъ числа газетъ, читателей и съ улучшеніемъ самой газеты. Послѣдняя дѣлается необходимымъ совѣтникомъ въ жизни каждаго гражданина. Осложненная общественная жизнь разрушила маленькое патріархальное общество; газета замѣняетъ его читателю, создаетъ для него интересы въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ. Изъ газеты онъ узнаетъ не только то, что происходитъ на другомъ концѣ его города, но и то, что происходитъ во всей Франціи, во всемъ мірѣ. Но не одной этой стороной газета связана съ своимъ читателемъ. Связи ихъ широки и разнообразны. Газета удовлетворяетъ политическимъ и практическимъ интересамъ своего читателя, насыщаетъ его любознательность, даетъ пищу фантазіи. Она владѣетъ читателемъ и черезъ его добродѣтели, и черезъ пороки. Она даетъ ему политическія статьи, научныя, медицинскія, биржевыя, спортсменскія, театральныя и судебныя хроники, всевозможные избранные «faits-divers», увлекательные романы-фельетоны, массу крупнаго и мелкаго матеріала, цѣну которыхъ мы понимаемъ, только когда лишены ихъ.

Всѣми этими средствами газета не только привязываетъ читателей къ себѣ, но она связываетъ ихъ другъ съ другомъ, развиваетъ у нихъ чувство солидарности, общечеловѣческой или классовой. Часто профессоръ въ своемъ кабинетѣ, рабочій за машиной, или крестьянинъ въ своей заброшенной деревнѣ, удаленные другъ отъ друга на тысячу верстъ и еще болѣе далекіе другъ другу по своему общественному положенію, ощущаютъ одинаковое волненіе, читая описаніе какого-нибудь событія, или изложеніе какой-нибудь рѣчи. Сколько бы ни искали мы въ прошломъ силы, похожей на современную прессу, которая, какъ магнетическій токъ, охватываетъ человѣчество волнами однородныхъ душевныхъ эмоцій, мы не нашли бы ея.

II.

По мѣсту, которое пресса занимаетъ въ современномъ обществѣ, она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа тонкимъ и чувствительнымъ органомъ, современнаго человѣчества.

О прогрессѣ послѣдняго нужно судить не только по содержанію газетъ, но еще больше по политико-юридическому положенію прессы, по большей, или меньшей свободѣ, которою она пользуется. Съ извѣстной точки зрѣнія исторія Франціи XIX столѣтія представляется борьбою за свободу печати. Ни по одному, абсолютно ни по одному другому вопросу такъ часто не измѣнялось французское законодательство, какъ по вопросу о свободѣ печати.

Въ этомъ случаѣ мы говоримъ вовсе не о собственно революціонной эпохѣ, когда абсолютная свобода печати смѣнялась абсолютной свободой гильотины. Систематическія строгости начались съ эпохи директоріи, продолжались во все время консулата вплоть до конца первой имперіи. Еще въ 1796 году директорія уничтожила особымъ декретомъ много газетъ. Консулатъ продолжалъ ту же систему. Декретомъ 17 января 1800 г. онъ опредѣлилъ въ 13 максимальное число политическихъ газетъ. Имперія пошла еще дальше. Декретомъ отъ

17 сентября 1811 г. разрѣшеніе печатать политическія извѣстія, не вдаваясь въ комментаріи ихъ, было оставлено только четыремъ газетамъ. Только одна газета пользовалась неограниченнымъ правомъ критиковать дѣйствія властей. Эта газета, редактируемая Фьеве, предназначалась исключительно для императора. Наполеонъ любилъ истину, но знать ее долженъ былъ онъ одинъ.

Эпоха реставраціи останется еще болѣе памятной по частымъ перемѣнамъ режима прессы. Каждые два, или три года являлось по новому закону. Цензура нѣсколько разъ вводилась и снова уничтожалась. Борьба за свободу печати составляла главный пунктъ въ программѣ либераловъ. Палата трепетала отъ рѣчей Бенжамена Констана и Ройе Коллара. Правительство распустило палату, но увы! скоро сама легитимная монархія была уничтожена разъ навсегда.

Этотъ фактъ—измѣненіе всего режима по поводу декрета о печати является единственнымъ въ современной исторіи, а газетная кампанія, предшествовавшая этому паденію и вызвавшая его, останется послѣднимъ героическимъ актомъ третьяго сословія во Франціи.

«Journal des Débats» первый началъ протестовать противъ драконовскихъ и въ то же время противуконституціонныхъ декретовъ министерства Полиньяка отъ 9 августа 1829 г. Статья, за которую газета была отдана подъ судъ, кончалась такъ: «Несчастная Франція, несчастный король!» Отвѣтчикомъ передъ судомъ явился сѣдобородый Бертенъ, благородное лицо котораго Энгръ увѣковѣчилъ на классическомъ портретѣ, составлявшемъ одно изъ украшеній столѣтняго отдѣла послѣдней Парижской выставки. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшемъ ходѣ событій, о коллективномъ отказѣ газетъ подчиниться новымъ декретамъ, о насильственномъ вторженіи полиціи въ редакцію «Le Temps», двери которой вмѣстѣ съ другими защищалъ и Тьеръ и, наконецъ, о финалѣ всѣхъ этихъ событій. Наша цѣль была только показать, какую роль уже тогда пресса играла во Франціи.

При іюльской монархіи, несмотря на стѣсненія и штрафы, сыпавшіеся на республиканскую и соціалистическую прессу, послѣдняя все-таки пользовалась относительной свободой. Свобода эта стала еще шире при второй республикѣ. Но всѣ достигнутые результаты снова были унесены реакціей, появившейся съ возникновеніемъ второй имперіи. Пресса снова подпала подъ режимъ предварительной цензуры и денежнаго залога.

Только во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда оппозиція въ законодательномъ собраніи почувствовала себя силой, она возвысила голосъ въ пользу свободы печати. Къ этой эпохѣ относятся лучшія рѣчи о свободѣ печати Жюля Фавра, Жюля Греви, и особенно Тьера. Эта свобода была завоевана въ послѣдніе два-три года имперіи, когда та вступила въ свой такъ называемый либеральный періодъ.

Первые годы третьей республики были ознаменованы реакціей противъ свободы печати. Я говорю не о запрещеніи многихъ газетъ правительствомъ національной обороны и коммуны, а о реакціонномъ законѣ, голосованномъ національнымъ собраніемъ и возстановлявшемъ отчасти практику имперія въ ея долиберальный періодъ, между прочимъ вводившемъ денежный залогъ и конфискацію. Только въ началѣ 1887 г. третья республика выработала широко либеральный законъ о печати. Проведеніе этого закона не обошлось безъ энергичнаго сопротивленія со стороны умѣренныхъ. Нужно было все краснорѣчіе Клемансо, Луи Блана и другихъ видныхъ вождей радикаловъ, чтобы заставить трусливый и умѣренный центръ голосовать одинъ изъ основныхъ и необходимыхъ для демократіи законовъ. Но и этотъ законъ не остался неприкосновеннымъ. Колебанія вутренней политики и при третьей республикѣ, какъ и при всѣхъ предшествующихъ режимахъ, отражаются прежде всего на прессѣ. Тенденція всѣхъ умѣренно-республиканскихъ министерствъ была въ томъ, чтобы ограничить ея

свободу. Еще въ первые годы послѣ голосованія вышеупомянутаго закона, были введены нѣкоторыя поправки, но самыя большія ограниченія свободы печати произошли въ декабрѣ 1893 г. и іюлѣ 1894 г. Министерства Казиміръ Перье и Дюпюи воспользовались паническимъ страхомъ, навѣяннымъ анархистскими покушеніями и заставили палату принять рядъ измѣненій въ законѣ. Послѣдняя, несмотря на энергическую оппозицію со стороны вождей разныхъ фракцій лѣвой, голосовала за правительственное предложеніе. Существеннымъ для новыхъ законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «lois scélerates»—злодѣйскихъ законовъ, являлась передача обыкновеннымъ исправительнымъ судамъ многихъ дѣлъ, разсматривавшихся до сихъ поръ судомъ присяжныхъ и введеніе предварительной конфискаціи газетъ которыя правительство сочло бы нарушающими общественную безопасность. Но несмотря на эти измѣненія французская печать и до сихъ поръ пользуется довольно широкою свободой.

Таковы вкратцѣ историческіе моменты, пройденные французской прессой въ борьбѣ, которую она вела въ теченіе всего XIX столѣтія, чтобы завоевать себѣ свободное и независимое положеніе. Она достигла, наконецъ, своей цѣли, но съ какимъ трудомъ и цѣною какихъ жертвъ!

За 105 лѣтъ до нашего времени директорія освящала новый режимъ отправленіемъ въ ссылку сотенъ французскихъ журналистовъ. Результатомъ декретовъ, обнародованныхъ 18 фруктидора V республиканскаго года явилось отправленіе въ ссылку 70 журналистовъ, издателей и типографщиковъ разомъ *).

Оставляя эту отдаленную эпоху и подходя къ болѣе близкому времени, мы тоже встрѣчаемъ преслѣдованія печати, но въ болѣе мягкой формѣ.

Въ гораздо же болѣе ограниченныхъ размѣрахъ дѣла о преступленіяхъ печати существуютъ и до сихъ поръ.

Но французская пресса платила за свое развитіе не только годами тюремнаго заключенія, ссылки, или изгнанія. Отъ нея потребовались и кровавыя жертвы. Во Франціи, при легко-воспламеняющихся страстяхъ, борьба съ перомъ въ рукѣ легко превращалась въ борьбу револьверомъ, или шпагой.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ дуэлей съ трагической развязкой самыми памятными останутся тѣ, жертвами которыхъ явились Арманъ Каррель и Викторъ Нуаръ.

Первая дуэль, составляющая эру въ исторіи французской печати, произошла вполнѣ честно и по правиламъ; къ ней мы вернемся дальше. Но смерть Виктора Нуара была дѣломъ трусливаго убійства. Викторъ Нуаръ явился къ принцу Пьеру Бонапарту, двоюродному брату Наполеона III, въ качествѣ секунданта со стороны Паскаля Груссе, одного изъ сотрудниковъ «Марсельезы», газеты Рошфора. Принцъ Бонапартъ убилъ въ своей собственной комнатѣ секунданта своего противника. Я не буду здѣсь говорить о граціозной манифестаціи, состоявшейся по случаю похоронъ Нуара и о ея послѣдствіяхъ для самого существованія имперіи.

Все это еще разъ показываетъ, что исторія французской прессы постоянно переплетается съ политическою исторіей всей страны. Въ сущности часто сегодняшніе редакторы, или сотрудники газетъ дѣлаются завтра правителями Франціи. Дорога къ депутатскимъ и сенаторскимъ мѣстамъ, къ министерскому и даже президентскому посту проходитъ черезъ редакціонныя залы газетъ.

Это общее правило приложимо къ самымъ виднымъ членамъ кабинета Вальдека-Руссо. Самъ Вальдекъ-Руссо началъ свою карьеру въ качествѣ сотрудника въ органѣ Гамбеты «La République Française»; министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе началъ ее въ той же газетѣ въ качествѣ секретаря редакціи

*) «La Press» (статья, напечатанная въ сборникѣ Un Siècle, Mouvement du Monde de 1800 à 1900) p. 275.

1886 г., когда газета перешла подъ редакторство Жозефа Рейнака. Два другіе министра, Мильеранъ, министръ торговли, и де-Ланессанъ, министръ флота, оба начали свою карьеру въ качествѣ простыхъ сотрудниковъ въ газетѣ Клемансо «La Justice». Мильеранъ велъ отдѣлъ судебной хроники, а де-Ланессанъ, какъ естественникъ, писалъ научныя хроники. Въ старой коллекціи «La Justice» можно найти длинный отчетъ о процессѣ Кампи, таинственнаго убійцы, который былъ гильотинированъ, не сказавъ своего настоящаго имени, подписанный Мильераномъ, и длинную перепечатку лекціи, читанной на рабочемъ собраніи, въ которой онъ примиряетъ дарвинизмъ съ соціализмомъ

Впрочемъ, и вся дальнѣйшая карьера Мильерана дѣлилась между парламентомъ и журнализмомъ. Когда ему былъ предложенъ портфель министра, онъ былъ во главѣ «La Lanterne», усерднымъ сотрудникомъ которой былъ министръ общественныхъ работъ Боденъ. Наконецъ, министръ земледѣлія Жанъ Дюпюи— котораго не нужно смѣшивать съ бывшимъ министромъ-президентомъ Шарлемъ Дюпюи,—былъ главнымъ редакторомъ «Le Petit Parisien», второй по распространенности газеты во Франціи.

III.

Изъ изложеннаго уже ясно, какое значеніе для развитія французской прессы имѣло развитіе самихъ политическихъ учрежденій Франціи. Но помимо этой общей политической причины, развитію прессы помогло и много другихъ обстоятельствъ. Къ нимъ нужно причислить прежде всего распространеніе первоначальнаго образованія и вообще культурный подъемъ массы.

Съ усложненіемъ экономической жизни страны, съ подъемомъ промышленности и развитіемъ всемірной торговли пресса получила и новое значеніе. Со своими объявленіями и рекламами, своими биржевыми и торговыми хрониками, она является регуляторомъ самой экономической жизни. Эти обстоятельства подняли интересъ массы къ газетѣ. Съ другой стороны, сама пресса обнаружила стремленіе найти болѣе широкій кругъ читателей, приспособиться ко вкусамъ, нуждамъ, а главное, средствамъ широкой публики. Отсюда и большія перемѣны въ цѣнѣ газетъ, въ ихъ содержаніи и, наконецъ, въ самой техникѣ ихъ.

Въ 1836 г. появилась первая ежедневная газета, стоившая 10 сантимовъ. Это была газета Жирардена «La Presse». Скептики предсказывали быстрое разореніе газеты. Но Жирарденъ надѣялся выиграть на объявленіяхъ то, что онъ терялъ на подпискѣ и продажѣ. И въ самомъ дѣлѣ «La Presse», доставлявшая своему собственнику только 150.000 въ годъ объявленіями, начала въ 1845 г. приносить 300.000 фр.

Но скоро цѣна и въ 10 сантимовъ показалась высока. 2 февраля 1863 года вышла первая французская газета «Le Petit Journal», продававшаяся по 5 сантимовъ за номеръ. Съ этихъ поръ число пятисантимныхъ газетъ постоянно расло. Въ Парижѣ съ 23—въ 1881 г. число ихъ возрасло до 60 въ 1899 году *).

Многія изъ уже существующихъ газетъ должны были вполовину уменьшить цѣну, чтобы не растерять читателей.

Главныхъ техническихъ усовершенствованій, облегчившихъ развитіе французской и всемірной прессы, два: изобрѣтеніе типографскихъ чернилъ Лорилё и типографскихъ вращательныхъ машинъ Маринони. Особенно важное значеніе для развитія широкой прессы имѣли вращательныя машины, изобрѣтенныя лѣтъ 10—15 тому назадъ. Главное преимущество ихъ, это—неимовѣрное ускореніе типографской работы. Вращательная машина сама автоматически печа-

---

*) Henri Avenel. «L'histoire de la presse française» (La presse à cinq centimes).

таетъ и раскладываетъ тысячами печатные листы; въ часъ она дѣлаетъ ихъ 40.000. Вращательная машина дѣйствуетъ лино-типомъ, т.-е. печатаетъ отлитымъ наборомъ.

При всѣхъ этихъ усовершенствованіяхъ выпускъ газетъ постоянно возросталъ и достигъ, наконецъ, совсѣмъ баснословныхъ цифръ.

Во Франціи число экземпляровъ, въ которомъ печатается газета, является чѣмъ-то очень непостояннымъ. Если газета возбуждаетъ почему-нибудь въ публикѣ исключительный интересъ, то выпускъ ея можетъ быть увеличенъ въ десять разъ, но это продолжается только извѣстное время, а тамъ онъ опять упадетъ до нормальной цифры. Такъ, во время буланжистской агитаціи самый жаркій органъ буланжистовъ «Intransigeant» печатался въ 200.000. Теперь выпускъ его едва достигаетъ 60.000 экземпляровъ.

Еще больше было колебаній въ выпускѣ «La libre Parole», который во время панамскихъ раскрытій тоже достигалъ 200.000 экземпляровъ. А теперь, по словамъ противниковъ, она печатается всего въ 25.000 экземпляровъ. «L'Aurore» во время дѣла Дрейфуса выходила въ 200.000 экземпляровъ и расходилась по всѣмъ концамъ свѣта, а теперь она дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы просуществовать еще нѣкоторое время.

Но цифра въ 200.000 экземпляровъ является максимальной для большихъ ежедневныхъ политическихъ газетъ. Нѣкоторыя провинціальныя газеты, напр. тулузская газета «La Dêpêche», достигаютъ этой же цифры.

Исключеніе составляютъ только двѣ газеты: «Le Petit Journal» и «Le Petit Parisien». Первая выходитъ въ милліонѣ экземпляровъ, а вторая—700.000, первая насчитываетъ 37 лѣтъ существованія, а вторая—25.

«Le Petit Journal», которую американцы называютъ «газетой—колоссомъ», составляетъ собственность Маринони, изобрѣтателя вращательныхъ машинъ.

Уже съ самаго основанія «Le Petit Journal» началъ выходить въ 100.000 экземпляровъ. Съ тѣхъ поръ выпускъ его постоянно увеличивался. Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія, газета перешла въ руки Маринони, заплатившаго за нее 25 милліоновъ франковъ, а теперь «Le Petit Journal» цѣнится въ 60 милліоновъ. Мастерская, гдѣ печатается газета, напоминаетъ большой заводъ. Въ ней ежедневно работаютъ только 50 наборщиковъ, а 62 другихъ рабочихъ заняты упаковкой и отправкой газетъ. На печатаніе «Le Petit Journal» идетъ ежегодно 250.000 килограммовъ типографскихъ чернилъ.

Прибавивъ къ даннымъ относительно «Le Petit Journal» данныя относительно другихъ газетъ и вообще періодическихъ изданій, мы получимъ баснословныя цифры. Ограничимся только тѣмъ, что отмѣтимъ, что въ 1899 г. во Франціи выходило 6.736 разныхъ періодическихъ изданій; изъ нихъ 2.685 выходило въ Парижѣ и 4.051 въ провинціи. Но ежедневныя газеты занимаютъ сравнительно незначительное мѣсто. Въ цѣлой Франціи ихъ всего 497. Самое главное мѣсто занимаютъ еженедѣльныя газеты: ихъ 2.474. «L'Annuaire de la Presse française» за 1900 г., откуда мы заимствуемъ вышеприведенныя цифры, замѣчаетъ извѣстный застой въ ростѣ политической прессы. Какъ увидимъ дальше, французская политическая пресса переживаетъ теперь тяжелый матеріальный кризисъ. Чтобы пополнить краткія статистическія данныя, приведенныя нами относительно современной французской прессы, мы должны отмѣтить, что по исчисленію нѣкоторыхъ публицистовъ въ одномъ только Парижѣ около 125.000 человѣкъ живетъ издающимися тамъ газетами и журналами. Это—редакторы, сотрудники, репортеры, служащіе по административной части, наборщики, литейщики, женщины, которыя складываютъ газеты, разносчики, продавцы и т. д.

IV.

По времени выхода, парижскія газеты дѣлятся на утреннія и вечернія. Большая часть ихъ выходитъ утромъ. Утреннія газеты расходятся и въ провинціи, тогда какъ вечернія продаются, главнымъ образомъ, или даже исключительно въ Парижѣ. Исключеніе составляютъ только «Temps» и «Journal des Débats», извѣстныя не только по всей Франціи, но и вездѣ, гдѣ умѣютъ читать по-французски.

Изъ другихъ распространенныхъ газетъ, выходящихъ въ Парижѣ, самыя распространенныя «La Patrie» и «Le Petit Bleu». Первая — націоналистская газета, а вторая—республиканско-министерскій органъ.

Нѣкоторыя парижскія газеты попробовали организовать особую систему провинціальныхъ изданій. Одна и та же газета выходитъ одновременно въ Парижѣ и въ Ліонѣ, или Лиллѣ, но подъ разными названіями. Первыя двѣ страницы этихъ трехъ газетъ съ различными названіями одинаковы, а послѣднія двѣ страницы—разныя: на нихъ печатаются мѣстныя извѣстія и объявленія. Содержаніе парижской газеты сообщается по телефону ея синонимамъ въ Ліонѣ, или Лиллѣ.

Такъ, ліонская газета «Le Peuple» извѣстное время содержала вводныя и полемическія статьи, выходящія въ тотъ же день въ парижской «La Petite République».

Но такая система провинціальныхъ изданій возможна только при широкой и солидной политической организаціи. А подобную организацію во Франціи до сихъ поръ представляютъ только духовные ордена, которые, какъ мы увидимъ, и ведутъ успѣшно провинціальныя изданія одновременно съ парижскими.

Въ противоположность парижскимъ газетамъ, газеты, издающіяся въ провинціальныхъ городахъ, выпускаютъ по нѣсколько изданій въ день. Напр., газета «L'Est Républicain», выходящая въ Нанси, выпускаетъ по три изданія. Конечно, въ такихъ добавочныхъ изданіяхъ прибавляются только послѣднія телеграфическія и другія извѣстія. Въ Парижѣ интересующійся читатель можетъ узнавать о теченіи событій въ продолженіе дня изъ разныхъ газетъ, выходящихъ въ разные часы дня; въ провинціи, гдѣ газетъ мало, одна и та же газета выходитъ по нѣсколько разъ въ день. Провинціальныя газеты устраиваютъ также мѣстныя изданія одной и той же газеты, т.-е. къ общей ея части онѣ прибавляютъ мѣстныя извѣстія для даннаго департамента, которыя посылаются имъ телеграфически, или сообщаются по телефону ихъ корреспондентами.

V.

Въ политическомъ отношеніи французская пресса характеризуется индивидуализмомъ. Во Франціи нѣтъ партійныхъ газетъ. За очень рѣдкими исключеніями всѣ издающіяся тамъ газеты представляютъ частныя предпріятія. Онѣ могутъ въ извѣстные моменты получать субсидіи отъ той, или иной политической личности, но въ общемъ онѣ экономически независимы. Въ печатномъ дѣлѣ и вообще въ политическихъ отношеніяхъ Франціи господствуетъ только принципъ личной отвѣтственности, а имѣя въ виду, какъ незначительна гарантія, представляемая отдѣльной личностью, можно сказать, что во Франціи отсутствуетъ всякая отвѣтственность.

Конечно, каждая политическая газета слѣдуетъ извѣстной программѣ, которая совпадаетъ съ программой данной политической группы, но это совпа-

деніе—случайно. Между группой и газетой, выражающей ея идеи, нѣтъ организаціонныхъ связей.

Бо́льшая часть французскихъ политическихъ газетъ принадлежатъ по своимъ мнѣніямъ къ умѣренной республиканской партіи. По уже цитированному «Annuaire» за 1900 г. видно, что изъ 154 политическихъ газетъ, выходящихъ въ Парижѣ, 74—просто республиканскихъ органа, 27 радикальныхъ и соціалистическихъ, 25 монархистскихъ и клерикальныхъ, 8 націоналистскихъ и антисемитскихъ и 29 классифируются подъ рубрикой «разныхъ». Въ провинціи 1.078 изъ періодическихъ изданій—республиканскіе органы, 228—соціалистическіе и радикальные.

Между умѣренными республиканскими газетами въ Парижѣ первое мѣсто занимаетъ «Temps». Это—самая большая и серьезная изъ французскихъ газетъ.

Въ политическомъ отношеніи «Temps» слѣдуетъ умѣренно республиканскому направленію, но это—не воинствующая газета. Она не вдается въ полемику и не отличается политическою нетерпимостью. Ея распространенность и легкая приспособляемость къ политикѣ любого министерства дѣлаютъ изъ нея оффиціальный органъ всѣхъ кабинетовъ.

«Temps» не гоняется за сенсаціонными извѣстіями, что не мѣшаетъ газетѣ давать самыя полныя, и притомъ самыя вѣрныя изъ всей французской прессы свѣдѣнія о нѣкоторыхъ событіяхъ.

Литературный отдѣлъ газеты обставленъ лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой французской газетѣ. Въ ней участвовали и участвуютъ лучшіе литераторы и критики эпохи третьей республики.

Но политическій отдѣлъ, оставляя въ сторонѣ чисто информаціонную часть, стоитъ очень низко, именно вслѣдствіе отсутствія живого полемическаго тона.

«Temps» занимаетъ теперь то мѣсто, которое занималъ при іюльской монархіи «Journal des Débats». Прежде «Journal des Débats» былъ распространенъ не только во Франціи, но и внѣ ея. Тургеневскіе помѣщики не знали другой газеты, кромѣ «Journal des Débats». Но значеніе органа пало послѣ революціи 1848 г. Теперь «Débats» живетъ, главнымъ образомъ, прошлою славой. Это самая старая изъ парижскихъ газетъ, такъ какъ она основана въ 1789 г. Въ экономической политикѣ «Débats» придерживается фритредерскихъ взглядовъ.

Другой фритредерскій парижскій органъ, это «Le Siècle»*). Это тоже одна изъ старыхъ французскихъ газетъ.

Программа «Le Siècle» кажется теперь анахронизмомъ. Дѣйствительно это единственная французская газета, горячо защищающая неприкосновенность принциповъ Манчестерской либеральной школы «laissez faire». И въ Гюйо главный ея редакторъ—противъ государственнаго вмѣшательства, онъ возстаетъ противъ фабричнаго законодательства, возмущается общественной филантропіей.

Единственнымъ достоинствомъ «Le Siècle» является его яркій антиклерикализмъ.

«Siècle» стремится занять особое мѣсто среди всей европейской прессы; она хочетъ сдѣлаться органомъ того, что она называетъ международною либеральною партіею.

«Siècle» и въ финансовомъ отношеніи представляетъ международное предпріятіе. Его акціи помѣщены въ разныхъ странахъ, особенно въ Англіи и Бельгіи.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну черту «Le Siécle», которая также рѣзко отличаетъ его отъ другихъ французскихъ газетъ: это его яркое англофильство. Хотя «Le Siècle» и принадлежитъ къ умѣренно-республиканскимъ газетамъ, но поддерживаетъ теперешній кабинетъ за его антиклерикальную политику.

---

*) Вообще нужно замѣтить, что всѣ парижскія газеты—фритредерскаго направленія, также, какъ и депутаты изъ Парижа, къ какимъ бы политическимъ группамъ они не принадлежали. Но большинство палаты и сената ультра-протекціонно.

«La République Française», основанная Гамбетою въ 1871 году, а теперь состоящая подъ главнымъ редакторствомъ Мелина представляетъ воинственный оппортюнистскій и противоминистерскій органъ. О другихъ умѣренно-республиканскихъ парижскихъ, или провинціальныхъ газетахъ мы не будемъ говорить.

Недавно радикальная пресса составляла въ Парижѣ большую силу. Теперь она представлена здѣсь двумя ежедневными и распространенными газетами: «Le Radical» и «Le Rappel». За то въ провинціи, и особенно въ отличающейся своимъ демократическимъ духомъ южной Франціи, радикальная пресса хорошо организована и сильно распространена.

Въ Парижѣ мѣсто, занимаемое раньше радикальною прессой принадлежитъ теперь соціалистической печати. Кромѣ еженедѣльныхъ газетъ: «Le Socialiste», органа французской рабочей партіи, или такъ называемыхъ гедистовъ, и «Parti Ouvrier»,—органа алеманистовъ, въ Парижѣ существуютъ теперь четыре ежедневныхъ соціалистическихъ газеты. «La petite République», «Le petit Sou», «La Lanterne» и «L'Aurore».

Особое мѣсто среди парижской республиканской и соціалистической прессы занимаетъ «L'Aurore». Она отличается непримиримымъ и независимымъ духомъ. Она старается быть типомъ строгаго общественнаго органа, не подчиняющагося ни партійнымъ и никакимъ инымъ соображеніямъ, а говорящаго только истину.

Націоналистскіе, антисемитскіе и клерикальные органы занимаютъ средину между опредѣленно-республиканскою прессой, къ которой относятся всѣ перечисленныя газеты, и монархистскою. Самою распространенною изъ націоналистскихъ газетъ остается Рошфоровъ «Intransigeant». Изъ другихъ націоналистскихъ республиканскихъ органовъ нужно отмѣтить «L'Echo de Paris», считающійся теперь оффиціознымъ органомъ «лиги французскаго отечества». Въ немъ участвуютъ два ея вождя: Жюль Леметръ и Франсуа Коппе.

Всѣ націоналистскія и клерикальныя газеты отличаются юдофобствомъ, но оффиціальнымъ и самымъ распространеннымъ органомъ антисемитизма остается «La Libre Parole» Дрюмона.

Какъ «La Libre Parole», такъ и клерикальный органъ «La Croix» называютъ себя республиканскими. Такимъ образомъ, имъ легче проникать въ народную массу, которая все больше и больше сживается съ республиканской формой правленія.

Клерикальная пресса сильна и въ провинціи и вліяніе ея на ходъ выборовъ всегда значительно.

Кромѣ этихъ полуреспубликанскихъ, полуроялистскихъ газетъ во Франціи, существуетъ и явно монархистская пресса. Главные органы ея въ Парижѣ, «Le Soleil» и «Le Gaulois»—орлеанистскія газеты; «Le Petit Caporal» и L'Autorité бонапартистскія газеты.

Лучше всѣхъ редактируется изъ нихъ «Le Soleil». Отмѣтимъ, что «Le Soleil» была единственная изъ роялистскихъ газетъ, которая вела кампанію въ пользу пересмотра дѣла Дрейфуса.

Мы до сихъ поръ ничего не сказали о политической программѣ двухъ самыхъ распространенныхъ французскихъ газетъ: «Le Petit Journal» и «Le Petit Parisien».

Въ общемъ онѣ не ведутъ постоянной воинственной политики, кромѣ тѣхъ бурныхъ эпохъ въ современной французской исторіи, когда вся нація начинаетъ волноваться политическими страстями. Въ такихъ случаяхъ «Le Peutit Journal», хотя и именующій себя республиканской газетой, переходитъ на сторону реакціи. Особенно памятною остается ея кампанія противъ Клемансо въ 1893 и противъ Зола въ 1899 году.

Le «Petit Parisien», наоборотъ, сочувствуетъ радикаламъ. Но обѣ газеты занимаются политическими вопросами гораздо меньше другихъ газетъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ газетъ, слѣдующихъ опредѣленной выдержанной во

всей газетѣ политической программѣ, есть и эклектическіе органы. Таковы являются «Le Figaro», «L'Eclair, Le Matin». Въ этихъ газетахъ подъ особою рубрикою, озаглавленною или «Opinions diverses» или «Tribune Libre», пишутъ и даже полемизаннуютъ другъ съ другомъ журналисты самыхъ различныхъ лагерей.

Но всѣ дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки создать чисто информаціонныя газеты безъ политическихъ статей, остались безуспѣшны. Французъ похожъ на древняго грека: онъ интересуется политическими и общественными дѣлами. По своей врожденной экспансивности онъ готовъ заводить о нихъ споры всюду; за отсутствіемъ противниковъ, онъ споритъ съ газетой, которая у него въ рукахъ, сопровождая чтеніе громкими восклицаніями. Такія преимущественно информаціонныя газеты, какъ «Matin» въ его нынѣшней формѣ не имѣли бы успѣха, если бы онѣ не давали каждое утро извлеченія изъ вышедшихъ одновременно политическихъ газетъ.

VI.

Внѣшній типъ парижской и вообще французской газеты совершенно отличается отъ типа другихъ европейскихъ газетъ. Обыкновенно французская газета читается удобно, такъ какъ въ ней только четыре страницы, но большого формата.

Тьеръ, опытный и старый журналистъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти давалъ редакторамъ «Débats» слѣдующій совѣтъ: «Молодые люди, не пишите длинныхъ статей; нужно стрѣлять статьей какъ изъ пистолета. Лучшія статьи—это короткія статьи».

Французская пресса издавна слѣдуетъ этому совѣту. И дѣйствительно, передовыя статьи французскихъ газетъ отличаются краткостью. Онѣ дѣйствуютъ, какъ возбуждающее. Да и французскій читатель часто понимаетъ своимъ живымъ умомъ то, чего не досказалъ журналистъ.

Часто между газетами разныхъ лагерей разгорается полемика, но она не бываетъ долгой. Она прекращается послѣ 3—4 номеровъ или потому, что редакторы боятся надоѣсть ею читателю,—Ils conemencent à nous raser avec leurs polémiques»—или потому, что оканчиваются дуелью.

Послѣ передовыхъ статей во французской газетѣ первое мѣсто занимаютъ фельетоны для массы и политическія сообщенія для болѣе интеллигентной публики. Нѣкоторыя изъ популярныхъ газетъ обязаны своимъ распространеніемъ хорошему выбору романовъ-фельетоновъ. Писаніе этихъ фельетоновъ составляетъ цѣлый промыселъ. Ими газета привязываетъ къ себѣ значительную часть своихъ читателей.

Во Франціи система корреспонденцій не можетъ имѣть успѣха потому, что французъ прежде всего любитъ современность. Событіе волнуетъ его, пока оно ново, а черезъ недѣлю онъ оставляетъ его совершенно равнодушнымъ.

«Interview»—такой распространенный въ американской прессѣ, проникъ и во французскую. Изъ пріобрѣвшихъ знаменитость во французской прессѣ interview'овъ, я напомню четыре: разговоры: г-жи Северинъ съ папою; Гастона Кальмета—съ королемъ Гумбертомъ, des Houx—съ Бисмаркомъ и съ папою. Всѣ эти interviews были напечатаны въ «Figaro». Газета «Le Petit Journal» хотѣла превзойти всѣхъ и пыталась устроить своему главному редактору Эрнесту Жюде interview въ Копенгагенѣ съ властителемъ великой державы, но это, конечно, не удалось ей.

Такова, если можно такъ выразиться, интеллектуальная физіономія современной французской газеты; она выработалась путемъ извѣстной эволюціи.

Французская пресса отражала настроеніе общества и когда говорила, и когда молчала.

Она слѣдовала за обществомъ и въ моменты прилива надеждъ, и въ моменты разочарованія. Она была стремительна, какъ бѣшеный потокъ, когда Франція поднялась, чтобы разрушить «старый режимъ»; она сдѣлалась пресмыкающейся и заискивающей, когда военная слава имперіи помрачила умы и тѣхъ немногихъ идеологовъ, которыхъ не трогала полиція Фуше; она сдѣлалась серьезной и вдумчивой во время реставраціи и іюльской монархіи когда неизвѣстныя до тѣхъ поръ отрицательныя стороны капитализма выдвинули соціальный вопросъ и связанные съ его разрѣшеніемъ общіе философскіе вопросы; она сдѣлалась поверхностной и чисто политической при второй имперіи, когда въ обществѣ политическіе вопросы взяли перевѣсъ надъ экономическими и соціальными,—перевѣсъ, продолжающійся и при третьей республикѣ.

Въ первую революціонную эпоху самыми вліятельными газетами были Маратовскій «Ami du Peuple», Демуленовскія «Les Révolutions» и «Le Vieux Cordelier» и «Перъ Дюшенъ», издававшійся Геберомъ.

Во время іюльской монархіи умственный уровень французской прессы поднялся еще выше. Ни въ какую другую эпоху новой французской исторіи не было такого подъема духа, такого плодотворнаго и широкаго изученія общественныхъ и философскихъ вопросовъ, какъ въ царствованіе Луи-Филиппа. Это зависѣло отчасти и отъ новаго направленія, принятаго экономическою жизнью Франціи, отчасти отъ особенностей политическаго режима, дававшаго мало мѣста политической агитаціи и направлявшаго большую часть умственной энергіи интеллигенціи на обсужденіе общихъ вопросовъ.

Это была эпоха великихъ соціальныхъ утопій и великихъ общественныхъ дѣлъ, эпоха, въ которую проповѣдывали Анфантенъ и Фурье и дѣйствовали Барбесъ и Бланки!

Этотъ подъемъ въ обществѣ не только проявлялся въ прессѣ, но отчасти и создавался ею. Въ свободной республикѣ въ печати происходили философскіе и экономическіе споры.

Жирарденъ ставилъ себѣ идеаломъ давать читателямъ «une idée par jour»—по идеѣ въ день, но это были не высокія философскія идеи, а идеи практическаго характера, нужныя и полезныя въ практической жизни. Такова, напримѣръ, идея о созданіи одной почтовой таксы для всей Франціи и т. д.

Нововведенія Жирардена вызвали полемику со стороны другихъ журналистовъ. Одни изъ нихъ дѣйствовали изъ зависти, другіе считали, что его пріемы уменьшаютъ престижъ печати. Въ демократизаціи прессы они видѣли и ея умственную пауперизацію.

Къ послѣднимъ принадлежалъ и Арманъ Каррель. Это былъ благородный республиканецъ, но въ ту эпоху и республиканцы представляли собою умственную аристократію, сочувствовавшую страданіямъ массъ, но считавшую эти массы неспособными къ самостоятельному дѣйствію.

Арманъ Каррель поднялъ въ «Le National» полемику противъ Жирардена. Черезъ два дня оба противника встрѣтились на полѣ чести.

Когда утромъ Амберъ, одинъ изъ секундантовъ, пріѣхалъ за Каррелемъ, то послѣдній разсказалъ ему свой сонъ въ эту ночь. Каррель видѣлъ свою мать одѣтую въ трауръ, и когда онъ спросилъ у нея, по комъ она носитъ трауръ, не по его ли отцу? То мать отвѣтила ему: «Нѣтъ, сынъ мой. По тебѣ». Предчувствіе не обмануло Карреля. Оба противника были ранены на поединкѣ, но одинъ Каррель получилъ смертельную рану.

Революція 1848 года дала новый толчокъ газетному дѣлу. Въ разныхъ концахъ Франціи было основано болѣе 400 новыхъ газетъ.

Но скоро для всѣхъ смѣлыхъ журналистовъ открылись тюрьмы второй имперіи и дорога въ изгнаніе. Оставшіеся на свободѣ журналисты стали

предлагать своимъ читателямъ газеты, заполненныя исключительно банальными извѣстіями, романами-фельетонами и описаніями ужасныхъ процессовъ.

Но развращающее вліяніе второй имперіи на французскую прессу сказалось и въ другихъ отношеніяхъ. Вторая имперія была эпохою крупныхъ промышленныхъ предпріятій, акціонерныхъ компаній, биржевыхъ спекуляцій. Всѣ эти предпріятія искали въ прессѣ послушнаго орудія. А пресса, лишенная поддержки общества и утратившая свое высокое воспитательное значеніе, легко поддалась дѣйствію системы подкуповъ.

Нравы второй имперіи отчасти продолжаютъ существовать и при третьей республикѣ.

Постоянное политическое замѣшательство, создаваемое реакціонными партіями, не даетъ еще французской демократіи возможности, съ необходимымъ спокойствіемъ, серьезно приступить ко многимъ важнымъ вопросамъ, межд прочимъ и къ вопросу о прессѣ.

Хр. Г. Инс.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Геоэстезія *) и органы этого чувства у растеній.

«.....aus welchen Lehrsätzen der Physik hätte irgend Jemand folgern können, dass das Wachstum der Wurzeln abwärts, der Stämme aufwärts von Schwerkraft bewirkt werde».

Sachs. „Geschichte der Botanik".

«.....на основаніи какихъ положеній физики могъ бы кто заключить, что сила тяжести должна вызывать направленіе корней внизъ и стеблей вверхъ».

Саксъ. „Исторія ботаники".

Чѣмъ обычнѣе явленіе, чѣмъ рѣже оно прекращается, тѣмъ менѣе мы склонны доискиваться его причины и даже вообще замѣчать его. Сказанное въ полной мѣрѣ относится къ способности организмовъ принимать и сохранять опредѣленное положеніе въ пространствѣ. Только опытами послѣднихъ лѣтъ установлено, что оріентированіе организма въ большей или меньшей степени зависитъ, а иногда и всецѣло опредѣляется дѣятельностью спеціальныхъ органовъ особаго чувства—геоэстезіи.

Человѣкъ въ нормальномъ состояніи всегда сознаетъ и регулируетъ свое положеніе въ пространствѣ. Обыкновенно онъ руководствуется при этомъ чувствомъ зрѣнія, не менѣе важное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ осязаніе и мышечное чувство, т. е. ощущенія, возникающія въ насъ вслѣдствіе сокращенія тѣхъ или другихъ мышцъ: вѣдь и въ совершенной темнотѣ мы можемъ двигаться въ желаемомъ направленіи и опредѣлять положеніе нашего тѣла и его частей, такъ какъ мы чувствуемъ, какія именно мышцы сокращаются,

*) Такъ можетъ быть названо особое чувство, которое служитъ исключительно для того, чтобы дать возможность организму принимать и сохранять опредѣленное положеніе въ пространствѣ (Raumsinn нѣмецкихъ физіологовъ). Чрезвычайно интересныя изслѣдованія относительно этихъ органовъ у животныхъ, произведенныя за послѣдніе годы, насколько я знаю, не были предметомъ популярнаго изложенія, и даже въ университетскихъ учебникахъ они развѣ только упомянуты, но нигдѣ не разсмотрѣны настолько, чтобы о нихъ можно было составить какое-нибудь сужденіе, хотя полученные выводы въ настоящее время установлены вполнѣ прочно. Такъ какъ оцѣнить сообщаемыя въ настоящей статьѣ открытія ботаниковъ-физіологовъ гораздо легче, имѣя ясныя и опредѣленныя представленія о соотвѣтствующихъ органахъ и ихъ дѣятельности у животныхъ, то я и счелъ нужнымъ сначала сообщить въ существенныхъ чертахъ результаты изслѣдованій, произведенныхъ надъ животными. Приведенный выше терминъ—геоэстезія—предложенъ недавно ботаникомъ Чапекомъ и пока еще мало примѣняется, но онъ по существу гораздо точнѣе соотвѣтствуетъ тому понятію, которое въ физіологіи обозначаютъ выраженіями: «чувство пространства», «чувство равновѣсія»; поэтому я и буду имъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

преодолѣвая дѣйствіе тяжести, и въ какомъ направленіи мы испытываемъ сопротивленіе опоры, т. е. того, на чемъ мы стоимъ, сидимъ или лежимъ.

Однако даже если человѣкъ лежитъ неподвижно въ водѣ, какъ это многимъ легко удается сдѣлать, слѣдовательно не производитъ мышечныхъ сокращеній и испытываетъ одинаковое давленіе воды со всѣхъ сторонъ, причемъ даже осязательныя ощущенія уравниваются, всетаки помимо указаній зрѣнія онъ всегда чувствуетъ, гдѣ верхъ, низъ, правая и лѣвая сторона и т. д., руководствуясь ощущеніями, которыя доставляются пассивнымъ растяженіемъ мышцъ силою тяжести, какъ это принималось до сихъ поръ; эти ощущенія такъ же относятъ къ мышечному чувству.

Казалось бы, зрѣнія, осязанія и мышечнаго чувства вполнѣ достаточно, чтобы объяснить способность человѣка и животныхъ оріентироваться (т. е. опредѣлять свое положеніе относительно горизонта, или, вѣрнѣе, относительно нанаправленія силы тяжести). Обычное проявленіе этой способности, почти непрерывно наблюдаемое нами въ видѣ сохраненія равновѣсія, и въ физіологіи до послѣдняго времени не было подвергнуто обстоятельному изученію, тѣмъ болѣе что оно такъ легко и просто объясняется.

При изученіи слухового аппарата для опредѣленія функцій его составныхъ частей были между прочимъ произведены опыты удаленія части внутренняго уха, извѣстной подъ названіемъ полукружныхъ каналовъ, которые считаются органомъ воспріятія шумовъ. Нѣтъ надобности входить въ детальное описаніе этого органа, достаточно упомянуть, что онъ состоитъ изъ трехъ трубокъ, расположенныхъ въ видѣ полуколецъ въ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ. Оказалось, что искусственное удаленіе полукружныхъ каналовъ у животныхъ и патологическое разрушеніе ихъ у человѣка сопровождается такими разстройствами въ равновѣсіи, которыя указываютъ на тѣсную связь между дѣятельностью этого органа и способностью сохранять опредѣленное положеніе относительно горизонта, такъ что расположеніе каналовъ въ трехъ плоскостяхъ соотвѣтственно тремъ измѣреніямъ пространства, какъ выяснилось, не является простой случайностью: разстройство движеній бываетъ опредѣленное и различное въ зависимости отъ того, какая именно пара каналовъ (по одному въ двухъ слуховыхъ аппаратахъ) разрушена.

У низшихъ животныхъ полукружнымъ каналомъ (и всему слуховому аппарату) морфологически соотвѣтствуютъ такъ называемые слуховые пузырьки—отоцисты. Слуховой пузырекъ въ схемѣ представляетъ собой небольшую наполненную жидкостью полость, выстланную рѣсничными клѣтками, внутри которой заключенъ одинъ или нѣсколько отолитовъ, т.-е. твердыхъ тѣлецъ различнаго происхожденія. По аналогіи отоцисты считались органомъ слуха. Въ настоящее время вполнѣ доказано, что они являются органами особаго чувства—геоэстезіи *). Безъ преувеличенія можно сказать, что врядъ ли какая другая функція органовъ чувствъ у низшихъ животныхъ установлена такъ прочно, съ такимъ подробнымъ выясненіемъ механизма ихъ дѣятельности, и немного найдется вопросовъ въ физіологіи, по которымъ были бы сдѣланы такіе блестящіе опыты, какъ въ данномъ случаѣ (я разумѣю опыты Крейдля, о которыхъ далѣе будетъ рѣчь).

Первое изслѣдованіе въ указанномъ направленіи было произведено Делажемъ **). Въ введеніи къ своей статьѣ онъ говоритъ: «Раньше, чѣмъ были предприняты опыты, которые здѣсь будутъ описаны, я уже предугадывалъ результаты, къ которымъ они должны были привести. Такъ какъ слуховой пузырекъ безпозво-

*) Соотвѣтственно новой функціи, Ферворнъ предлагаетъ называть ихъ *статоцистами*.

**) *Delage*. «Sur une fonction nouvelle des otocystes comme organes d'orientation locomotrice». Arch. de Zool. expér. er gén. Deuxième série. T. V. 1887.

ночныхъ представляетъ собой лишь упрощенный или вѣрнѣе зачаточный лабиринтъ позвоночныхъ (въ составъ котораго входятъ и полукружные каналы), то я и предположилъ, что обѣ функціи лабиринта (т.-е. какъ органа слуха и геоэстезіи) должны оказаться въ гомологичномъ ему органѣ. Мысль эта такъ естественна, что я удивляюсь тому, что до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ ея».

Онъ производилъ опыты надъ спрутами и ракообразными. Спруты, у которыхъ были вырѣзаны слуховые пузырьки, до тѣхъ поръ, пока ползли по дну

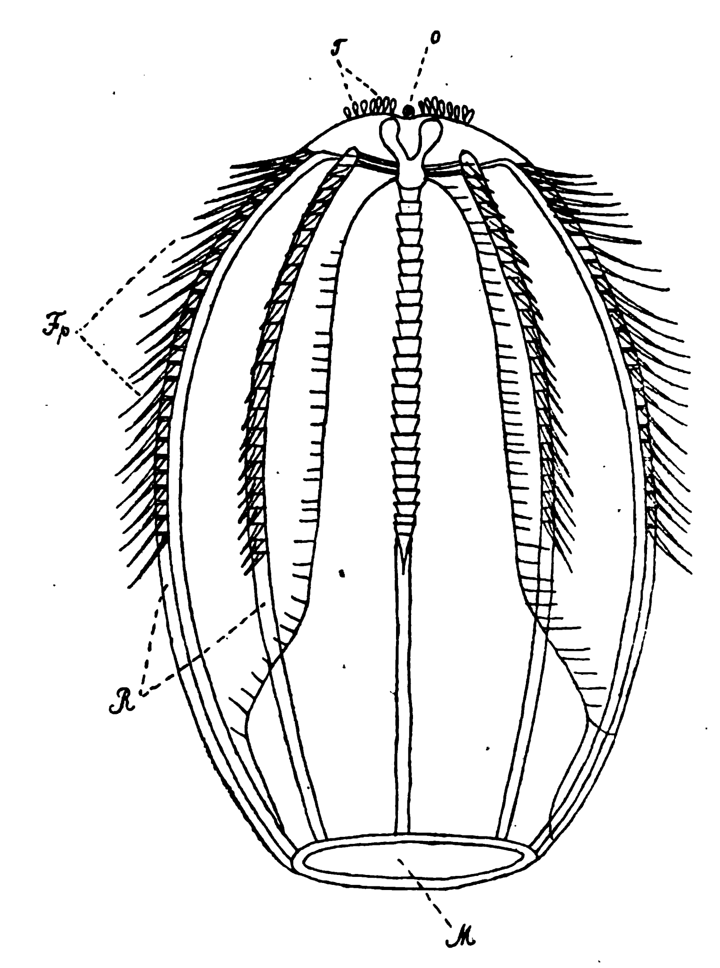


Рис. 1. Молодая Beroë ovata (по Клаусу) O—отоцистъ, T—щупальца, Fp—мерцательныя пластинки, R—ребра, M—ротовое отверстіе (входъ въ пищеварительную полость.)

аквapiума, или плыли медленно, т.-е. могли пользоваться чувствомъ осязанія и зрѣнія,—еще сохраняли положеніе относительно горизонта, но вынужденные плыть быстро—начинали вращаться и иногда даже плавали брюшной стороной кверху, чего въ нормальномъ состояніи они никогда не дѣлаютъ. Если ихъ, кромѣ того, лишить зрѣнія, то они не только вращаются при плаваніи, но проплываютъ большія пространства на спинѣ или на боку и даже, когда попадутъ на дно, затрудняются принять нормальное положеніе. Подобные же результаты дали опыты надъ ракообразными.

Отсюда видно, что органы другихъ чувствъ—осязанія и зрѣнія—могутъ служить для оріентированія, но у низшихъ животныхъ указанія ихъ менѣе точны и, главное, не такъ быстро ведутъ къ достиженію цѣли, т.-е. дѣйствуютъ не черезъ посредство простыхъ рефлексовъ, тогда какъ регулированіе положенія при помощи слуховыхъ пузырьковъ совершается, повидимому, вполнѣ рефлекторно.

Прямое воздѣйствіе измѣненій, происходящихъ въ отоцистахъ, на двигательные органы было выяснено Ферворномъ на близкихъ къ полипамъ морскихъ животныхъ — *гребневикахъ* (Ctenophora) *). У этихъ животныхъ отоцисты представляютъ собою какъ бы умышленно схематизированную модель существующихъ формъ органовъ, служащихъ для воспріятія силы тяжести. Примѣромъ можетъ послужить Beroë ovata, надъ которой Ферворнъ и произвелъ болѣе всего опытовъ. Это животное имѣетъ форму вытянутаго колокола до 16 см. длиною, на которомъ снаружи ясно замѣтны 8 продольныхъ выступовъ или реберъ, покрытыхъ поперечными мерцательными пластинками, которыя служатъ органами движенія. Прилагаемыя рисунки уясняютъ строеніе всего животнаго и его слухового пузырька.

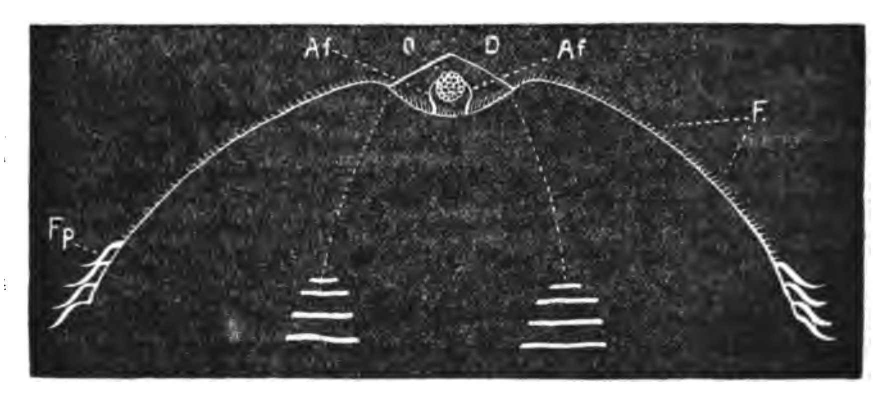


Рис. 2. Схематическое изображеніе аборальнаго полюса (т. е. противоположнаго ротовому отверстію) у конца тѣла Beroë ovata.

O —столитъ, состоящій изъ прочно склеенныхъ зернышекъ.
Af—пружинки, т. е. пучки сросшихся рѣсничекъ на которыхъ виситъ столитъ. Пружинки эти почти непрерывно производятъ колебательныя движенія (дрожатъ).
F —рѣснички.
Fp—мерцательныя пластинки.
D —верхняя стѣнка (крышка) слухового пузырька.

Обыкновенно въ спокойномъ состояніи Beroë принимаетъ вертикальное положеніе у поверхности воды ротовымъ отверстіемъ кверху. Если ее вывести изъ этого положенія, то она съ большой точностью быстро возвращается къ нему при помощи мерцательныхъ пластинокъ обращенной книзу стороны, которыми гребневики дѣйствуютъ, какъ рыбы плавниками; подъ конецъ перевертыванія, когда Beroë вновь приметъ уже почти вертикальное положеніе, начинаютъ дѣйствовать пластинки и противоположной стороны, тормозя движеніе, и когда животное установится отвѣсно, то всѣ пластинки уже колеблятся ритмически въ тактъ и очень медленно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, Beroe становится вертикально на днѣ и ротовымъ отверстіемъ внизъ, но оба положенія она принимаетъ активно и независимо, часто даже вопреки вліянію ея удѣльнаго вѣса, который нерѣдко

*) *Verworn*. «Gleichgewicht und Otolithenorgan». Arch. ür die ges. Physiologie d. Menschen und Thieren. Bd. 50. 1891, p. 423.

мѣняется и можетъ служить причиной опредѣленнаго положенія, но въ томъ случаѣ, если соотвѣтствующимъ раздраженіемъ вызвать втягиваніе реберъ внутрь тѣла и такимъ образомъ прекратить движенія мерцательныхъ пластинокъ.

Значеніе слуховыхъ пузырьковъ у ктенофоръ Ферворнъ устанавливаетъ слѣдующими опытами. Если удалить слуховой пузырекъ или только отолитъ изъ него, животное теряетъ способность активно принимать обычное положеніе покоя, и мерцательныя пластинки его движутся безъ всякаго согласія,—отсутствіе регулятора движенія становится очевиднымъ; опытовъ было произведено очень много надъ различными представителями класса гребневиковъ, также и способы удаленія примѣнялись различные, и результатъ всегда получался тотъ же самый. Далѣе, если животное разрѣзать поперекъ, то обѣ части его остаются живы, но только та, въ которой находится слуховой пузырекъ, сохраняетъ способность активно принимать положеніе покоя. Особенно доказательны опыты съ удаленіемъ только отолита. Въ этомъ случаѣ по прошествіи нѣкотораго времени въ слуховомъ пузырькѣ появляется новый отолитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляется способность принимать активно опредѣленное положеніе относительно горизонта.

Чтобы выяснить роль слухового пузырька и отолита въ немъ на основаніи анатомическаго строенія животнаго, Ферворнъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Если тѣло Вегоё наклонено, то отолитъ нижнюю пружинку или пару ихъ прижимаетъ, верхнюю оттягиваетъ, приводя эти верхнія пружинки въ такое положеніе, что онѣ уже болѣе не могутъ дрожать; но движенія рѣсничекъ внутри слухового пузырька и мерцательныхъ пластинокъ обыкновенно исходятъ отъ пружинокъ и всегда передаются отъ одной къ другой по направленію отъ слухового пузырька къ ротовому отверстію; съ той стороны, гдѣ пружинка оттянута и болѣе не дрожитъ, движеніе пластинокъ поэтому также прекращается, на противоположной сторонѣ пружинки и пластинки продолжаютъ двигаться. Въ томъ случаѣ, когда, обыкновенно подъ вліяніемъ раздраженія, Вогоё активно принимаетъ вертикальное положеніе ротовымъ отверстіемъ книзу,— надо предположить, что вслѣдствіе сокращенія мышесныхъ волоконъ положеніе слухового пузырька такъ мѣняется, что перемѣщеніе отолита вызываетъ обратный эффектъ. Къ сожалѣнію, положеніе отолита можно наблюдать только при помощи микроскопа, поэтому нельзя провѣрить и послѣднее предположеніе.

Въ общемъ наиболѣе существенно то, что отолитъ перемѣщаясь подъ вліяніемъ силы тяжести при измѣнении въ положеніи животнаго, на однѣ пружинки надавливаетъ, другія растягиваетъ, вызывая этимъ прекращеніе или ослабленіе движеній на одной сторонѣ тѣла и усиленіе на противоположной.

У животныхъ высшей организаціи, чѣмъ гребневики, какъ, напр., у ракообразныхъ, измѣненія въ положеніи отолитовъ вызываютъ соотвѣтствующія движенія черезъ посредство нервной системы. У нихъ отолитъ, надавливая на рѣснички въ слуховомъ пузырькѣ, раздражаетъ такимъ образомъ окончанія нервныхъ волоконъ, которыми пузырьки соединены съ нервными центрами *).

Можно предположить, что отоцисты служатъ, кромѣ того, и для воспріятія звуковъ, такъ какъ имѣются наблюденія, что волоски, на которыхъ подвѣшаны отолиты, при звукахъ опредѣленной высоты вибрируютъ. Тѣмъ не менѣе значеніе ихъ, какъ органа геоэстезіи, несомнѣнно. Уже разстройства въ равновѣсіи, которыми сопровождается удаленіе слуховыхъ пузырьковъ, указываютъ на значеніе этихъ органовъ. Далѣе, можно создать такія условія, въ которыхъ сила тяжести будетъ дѣйствовать подъ угломъ къ направленію другой сходной

*) Существуетъ мнѣніе, что и у ктенофоръ раздраженіе передается посредствомъ нервовъ, но это вопросъ еще не рѣшенный, такъ какъ съ другой стороны и самое существованіе нервныхъ волоконъ у этихъ животныхъ подвергается сомнѣнію (Ферворнъ).

съ ней силы, а именно при помощи центробѣжной машины. На центробѣжной машинѣ (разумѣется, въ сосудѣ съ водой) упомянутыя животныя принимаютъ то положеніе относительно равнодѣйствующей между силою тяжести и центробѣжной силой, какое раньше они принимали относительно отвѣсной линіи. Этимъ доказывается, что обычное положеніе относительно горизонта обусловлено именно силой тяжести; далѣе приводимые опыты Крейдля наглядно показываютъ, что въ данномъ случаѣ, именно движенія отолита подъ вліяніемъ сила тяжести даютъ возможность животному регулировать свое положеніе.

У нѣкоторыхъ ракообразныхъ отоцисты имѣютъ отверстія наружу. Еще въ 1863 г., когда никто не предполагалъ, чтобы отоцисты имѣли какую-либо другую функцію, кромѣ какъ органы слуха, Генсенъ *) наблюдалъ, что обыкновенныя креветки (и нѣкоторыя другія изъ ракообразныхъ) линяя теряютъ вмѣстѣ съ кожицей и отолиты, но затѣмъ клешнями берутъ мелкія песчинки и вкладываютъ ихъ въ отверстія слуховыхъ пузырьковъ. Многіе наблюдатели и ранѣе обращали вниманіе на то, что у этихъ рачковъ роль отолитовъ исполняютъ песчинки. «Интересно было наблюдать,—говоритъ Генсенъ,—какъ креветки своими клешнями старательно шарили по дну акваріума и затѣмъ проводили ими по слуховымъ пузырькамъ; хотя я и не видѣлъ, чтобы въ клешняхъ у нихъ что-нибудь было, но вѣдь и зернышки въ пузырькахъ очень трудно увидѣть простымъ глазомъ. Впрочемъ, изслѣдованіе подтвердило предположеніе. Что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ инстинктомъ, который служитъ для возстановленія дѣятельности органа чувства, это, повидимому удостовѣряется слѣдующимъ наблюденіемъ». Наблюденіе состояло вотъ въ чемъ. Помѣщая креветокъ въ сосуды съ фильтрованной водой, на днѣ которыхъ былъ насыпанъ кристаллическій порошокъ почти нерастворимой въ водѣ мочевой кислоты, Гензенъ нашелъ у перелинявшихъ рачковъ въ отоцистахъ своеобразный формы кристаллы мочевой кислоты, которую не трудно узнать. Впослѣдствіи было найдено, что если креветкамъ не дать матеріялъ для отолитовъ, то онѣ оказываются лишенными способности активно принимать опредѣленное положеніе.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Крейдль **) для рѣшенія вопроса, служатъ ли отоцисты органами геоэстезіи, произвелъ слѣдующій опытъ. Онъ держалъ линяющихъ креветокъ въ сосудахъ съ фильтрованной водой, въ которые былъ всыпанъ мельчайшій порошокъ металлическаго желѣза. Единственно, что могли креветки вложить себѣ въ слуховые пузырьки, это кусочки желѣза. Такимъ образомъ, онъ получилъ креветокъ съ желѣзными отолитами, въ чемъ и убѣдился впослѣдствіи, изслѣдуя ихъ подъ микроскопомъ.

При помощи электромагнита онъ могъ заставить ихъ затѣмъ принимать желаемое положеніе, напр. плавать спиною внизъ: кусочки желѣза, измѣняя свое положеніе въ слуховомъ пузырькѣ, вызывали у креветки такое же ощущеніе, какъ если бы измѣнилось направленіе силы тяжести. Не трудно было доказать, что здѣсь желѣзные отолиты исполняли именно свою обычную физіологическую роль: если прикрѣпить кусочекъ желѣза на томъ же мѣстѣ, гдѣ находится слуховой пузырекъ, но *снаружи*, и приблизить затѣмъ электромагнитъ, то креветка совершенно не измѣняетъ положенія.

Болѣе убѣдительнаго доказательства, чѣмъ въ опытахъ Крейдля никакіе методы физіологическаго изслѣдованія доставить не могутъ. Если въ 1887 году Делажъ предугадалъ значеніе слуховыхъ пузырьковъ на основаніи того, что они у низшихъ животныхъ замѣняютъ полукружные каналы, то теперь съ

---

*) Heusen. «Studien über das Gehörorgan der Decapoden». Zeitschrift für wissenschaftlicge Zoologic Bd. XIII. 1863.

**) Kreidl. «Physiologie d. Ohrlabyrinthes». Sitgungsber. d. K. Acad. d. Wiss. in. Wien. Bd. CII. Abt. III. 1893.

большимъ правомъ можно заключать о роли полукружныхъ каналовъ на основаніи ихъ гомологичности слуховымъ пузырькамъ.

Способность регулировать, а можетъ быть и сознавать свое положеніе въ пространствѣ у огромнаго числа животныхъ и человѣка находится въ зависимости отъ органовъ геоэстезіи—вотъ общій выводъ, къ которому приводитъ все вышеизложенное.

Подобно колоннамъ древняго греческаго храма, выведеннымъ по отвѣсу, прямые, стройные стволы пальмы въ длинной аллѣе воспроизводятъ перспективный видъ портика удивительной правильности. По крутымъ склонамъ горъ возвышаются не менѣе стройные стволы сосенъ параллельно другъ другу съ математической точностью.

Обыкновенное въ нашихъ прудахъ и озерахъ свободно плавающее растеніе Utricularia, стебель котораго принимаетъ горизонтальное положеніе, даетъ соцвѣтія, поднимающіяся отвѣсно надъ водой на длинныхъ цвѣтоножкахъ въ весьма неустойчивомъ равновѣсіи: достаточно небольшого наклоненія, чтобы горизонтальный стебель, находящійся въ водѣ, повернулся вокругъ своей оси и соцвѣтіе упало въ воду, но этого не случается, растеніе какъ будто балансируетъ, благодаря способности цвѣтоножки сохранять строго препендикулярное положеніе относительно горизонта *).

Въ какомъ бы положеніи ни находилось упавшее на землю зерно,—корешокъ, образующійся всегда въ томъ же самомъ, опредѣленномъ мѣстѣ его, такъ же неизмѣнно направляется внизъ, къ землѣ. Эти столь обычныя и по своему значенію столь понятныя явленія—ростъ корня и стебля въ противоположномъ направленіи останавливали на себѣ вниманіе естествоиспытателей уже болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, но только въ послѣднее время изслѣдованія вступили на тотъ путь, на которомъ, повидимому, раскрывается истинная природа этихъ явленій.

Единственно, что можетъ въ наукѣ дать прочные результаты, это связный, послѣдовательный рядъ точныхъ опытовъ. Первые изслѣдователи разсматриваемыхъ явленій какъ будто поставили себѣ задачей доказательство этого положенія отъ противнаго. Можно только удивляться тому, къ какимъ произвольнымъ, иногда прямо абсурднымъ предположеніямъ прибѣгали, чтобы объяснить направленіе осевыхъ органовъ растенія, уклоняясь отъ прямыхъ опытовъ и даже отъ опытной провѣрки этихъ предположеній. Такъ, напр., Додаръ утверждалъ, что волокна стебля отъ нагрѣванія укорачиваются, отъ влажности удлинняются, волокна же корня обладаютъ противоположными свойствами, поэтому, если проростокъ лежитъ на землѣ, то нижняя сторона стебля, обращенная къ землѣ, становится длинѣе и стебель поднимается, у корня же соотвѣствующая сторона укорачивается, и онъ вростаетъ въ землю. Другой изслѣдователь, Эллеръ, предполагалъ, что на кончикѣ корня имѣется отверстіе, черезъ которое воспринимается вода, содержащаяся въ почвѣ, и такимъ образомъ корень *присасывается* къ почвѣ, стебель же, лишенный подобнаго отверстія, направляется въ сторону меньшаго сопротивленія, т.-е. въ воздухъ. Паранъ и позднѣе Кильмейеръ полагали, что растеніе обнаруживаетъ полярность подобно магниту и подчиняется дѣйствію земного магнитизма.

Развитіе естественныхъ наукъ послѣ темнаго времени среднихъ вѣковъ началось успѣшными изслѣдованіями въ области механики и физики, поэтому не удивительно, что при первомъ знакомствѣ съ жизненными явленіями въ растительномъ царствѣ ученые того времени примѣнили къ нимъ тѣ же методы изученія и объясненія, какъ и въ физикѣ, игнорируя свойства, отличающія живое отъ мертваго. Такимъ образомъ, и указанныя различія въ направленіи

---

*) Sachs. «Vorlesungen über Pflanzenphysiologie». 1882. S. 840.

корня и стебля стремились объяснять непосредственнымъ физическимъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ силъ и въ томъ именно мѣстѣ органа, гдѣ происходитъ изгибъ.

Столѣтіе спустя геніальные опыты Найта съ несомнѣнностью показали, что направленіе стебля и корня опредѣляется дѣйствіемъ силы тяжести. Укрѣпляя молодые проростки на быстро вращаемомъ колесѣ, Найтъ нашелъ, что стебли и корни располагаются относительно направленія центробѣжной силы такъ же, какъ въ естественныхъ условіяхъ относительно направленія силы тяжести. Но свойства первой силы въ полной мѣрѣ принадлежатъ и второй, отсюда ясно, что сила тяжести должна производить тотъ же эффектъ и что, слѣдовательно, въ естественныхъ условіяхъ растенія оріентируются именно относительно направленія и подъ вліяніемъ силы тяжести.

Вышеуказанная тенденція въ объясненіи явленій растительной жизни, выразившаяся категорическимъ положеніемъ, что растенія это живыя существа, которыя crescunt, но не sentiunt, т.-е. обнаруживаютъ ростъ, но не чувствительность, сохранилась очень долго. Слѣдуя ей, наблюдатели того времени должны были бы ожидать, что, повинуясь, подобно физическимъ тѣламъ, непосредственному дѣйствію силы тяжести, и стебель, и корень будутъ принимать одинаковое направленіе. Однако, качественное несоотвѣтствіе дѣйствія и эффекта не казалось страннымъ. Не трудно было подыскать соображенія, чтобы объяснить наблюдаемое различіе въ положеніи обоихъ органовъ. Впрочемъ, для насъ важно замѣтить только слѣдующее: въ указанныхъ соображеніяхъ (напр., Найтомъ и позднѣе Гофмейстеромъ) принималось, что кончикъ корня образованъ будто бы полужидкимъ веществомъ и, поэтому, у проростка, направленнаго горизонтально, свѣшивается внизъ пассивно, подобно каплѣ густого лака. Однако, еще за 30 лѣтъ до изслѣдованій Гофмейстера Джонсонъ и впослѣдствіи многіе другіе показали, что давленіе, которое можетъ оказать изгибающійся кончикъ корня, гораздо больше его вѣса, т.-е., слѣдовательно, при изгибѣ можетъ освободиться гораздо больше энергіи, чѣмъ доставляется извнѣ дѣйствующей силой.

Такой эффектъ внѣшняго воздѣйствія обнаруживается въ явленіяхъ раздраженія, которыя теперь обстоятельно изучены физіологіей животныхъ. Указанная особенность въ образованіи изгибовъ даетъ поводъ предполагать, что органы растеній *чувствительны* къ силѣ тяжести: она вызываетъ въ нихъ состояніе раздраженія, которое освобождаетъ внутреннія силы подобно тому, какъ, открывая шлюзъ небольшимъ усиліемъ, мы даемъ возможность водѣ произвести гораздо большую работу.

Есть органы (вѣтви и боковые корни, ползучіе стебли и др.), которые принимаютъ иное положеніе относительно горизонта, чѣмъ обычно главный корень и стебель, напр. параллельно или подъ извѣстнымъ постояннымъ угломъ къ горизонту, и притомъ также подъ вліяніемъ силы тяжести. Кромѣ того, извѣстно, что отношеніе къ силѣ тяжести у того же самаго органа можетъ измѣняться: иногда подъ вліяніемъ опредѣленнаго измѣненія условій органъ вдругъ принимаетъ новое положеніе и затѣмъ стремится сохранить его съ прежнимъ упорствомъ, такъ, напр., одна или нѣсколько вѣтвей ели принимаютъ вертикальное направленіе, если срубить верхушку ствола. Объясненіе изгибовъ подъ вліяніемъ силы тяжести должно быть таково, чтобы его можно было приложить и къ этимъ случаямъ.

Уже несоотвѣтствіе количествъ получаемой и освобождаемой энергіи показываетъ, что здѣсь участвуютъ свойства живого вещества, такія же, какъ и въ животномъ царствѣ, а опыты Дарвина установили аналогію, идущую еще далѣе. Именно, Дарвинъ нашелъ, что если отрѣзать маленькій кончикъ корня, то корень продолжаетъ расти, но теряетъ способность изгибаться подъ вліяніемъ силы тяжести, при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что та часть, въ которой при нормальныхъ условіяхъ происходитъ изгибъ, лежитъ выше удаляемаго кончика

я, слѣдовательно, сохраняется у оперированнаго корня. Этотъ опытъ показываетъ, что чувствительность къ силѣ тяжести сосредоточена въ кончикѣ корня и что оттуда раздраженіе передается вышележащей части, въ которой и происходитъ изгибъ. Дарвину возражали, что въ его опытахъ наносимое растенію пораненіе измѣняетъ его свойства и лишаетъ способности изгибаться, кончикъ же корня не имѣетъ никакого значенія. Однако, въ послѣднее время воззрѣнія Дарвина были вполнѣ подтверждены весьма остроумными опытами Чапека. Онъ показалъ, что если кончикъ корня, искусственно согнутаго, направленъ внизъ, а остальная часть горизонтально; то она продолжаетъ расти въ томъ же направленіи, если же весь корень будетъ направленъ прямо внизъ и только самый кончикъ горизонтально, то корень изгибается такъ, чтобы кончикъ направился книзу, т.-е., слѣдовательно, что въ самомъ дѣлѣ чувствителенъ только кончикъ.

Кромѣ того, выяснилось, что вся цѣпь внутреннихъ процессовъ, результатомъ которыхъ является изгибъ корня, имѣетъ большое сходство съ рефлексами у животныхъ. На первый взглядъ существенное отличіе представляется въ томъ, что у животнаго приводимый въ движеніе органъ затѣмъ вновь принимаетъ прежнее положеніе, тогда какъ у растеній въ большинствѣ случаевъ изгибъ сохраняется навсегда. Но это потому, что причина, вызвавшая изгибъ, обыкновенно не перестаетъ дѣйствовать. Если же корень или стебель сначала положить горизонтально и, когда только что образуется изгибъ, помѣстить въ такія условія, чтобы сила тяжести дѣйствовала на него со всѣхъ сторонъ равномѣрно *), такъ что дѣйствіе ея болѣе не можетъ вызвать изгибъ въ одну сторону, то полученный ранѣе изгибъ выравнивается; притомъ въ нѣкоторыхъ органахъ способность къ движенію также локализуется въ особыхъ образованіяхъ (напр. у черешковъ листьевъ, прикрѣпляющихся посредствомъ сочлененій), которыя, совершенно подобно мускуламъ, могутъ многократно измѣнять положеніе этихъ органовъ.

Типическій рефлексъ у животныхъ слагается изъ слѣдующихъ явленій. Начало его—воспріятіе раздраженія органомъ чувства: нужно замѣтить, что для воспріятія необходимо, чтобы раздраженіе дѣйствовало не менѣе извѣстнаго промежутка времени и сила эффекта находится въ извѣстной зависимости отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго дѣйствовало раздраженіе. Далѣе, воспринятое раздраженіе проводится до центральнаго нервнаго аппарата и оттуда къ двигательному аппарату (мышечному волокну); извѣстна и скорость передачи на обоихъ путяхъ, она вычислена приблизительно въ 30—35 метровъ въ секунду. Въ мышечномъ волокнѣ раздраженіе сказывается сокращеніемъ, здѣсь окончательный эффектъ обнаруживаетъ нѣкоторое соотвѣтствіе силѣ раздраженія, но то ничтожное количество энергіи, которое поглощается чувствительнымъ аппаратомъ, здѣсь только освобождаетъ внутреннія силы, вслѣдствіе чего не только вообще нѣтъ равенства между дѣйствіемъ (на чувствительную поверхность) и реакціей (въ двигательномъ органѣ), но и тотъ же самый органъ подъ вліяніемъ того же раздраженія въ разное время можетъ реагировать различно.

Что касается *процессовъ*, то все сказанное приложимо и къ растеніямъ. Чтобы произошелъ изгибъ, чувствительный органъ (напр., кончикъ корня; есть и другіе органы у растеній, въ которыхъ локализируется чувствительность) долженъ быть подвергнутъ дѣйствію силы тяжести не менѣе опредѣленнаго времени (около 15—20 минутъ) и скорость образованія изгиба, а также величина угла его зависитъ отъ продолжительности раздраженія. Далѣе, движеніе совершается не тамъ, гдѣ воспринимается раздраженіе, и слѣдовательно, оно проводится туда (правда, несравненно медленнѣе, чѣмъ по нерву) и, наконецъ,

*) Для этого растеніе укрѣпляютъ на оси, направленной горизонтально и медленно вращаемой.

какъ уже было упомянуто выше, сила, проявляемая при движеніи, далеко превосходитъ силу, дѣйствующую при раздраженіи, если даже допустить, что этой силой является вѣсъ всего чувствительнаго органа.

Есть еще одна важная черта сходства. Если достаточно сильное раздраженіе дѣйствуетъ на чувствительный аппаратъ, напр. на сѣтчатку глаза, хотя бы весьма короткое время, положимъ—если взглянуть на солнце, то и по прекращеніи его дѣйствія довольно долго состояніе раздраженія, въ данномъ случаѣ выражающееся ощущеніемъ свѣта, сохраняется. Точно такъ же, если корень или стебель продержать въ горизонтальномъ положеніи не менѣе того времени, которое нужно для воспріятія геотропическаго *) раздраженія и затѣмъ изъять отъ односторонняго дѣйствія силы тяжести и не допустить образованія изгиба посредствомъ механическаго препятствія, то раздраженіе скрыто сохраняется въ немъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ (иногда до 48) и во все это время можетъ быть обнаружено, если устранить препятствіе изгибу.

Существованіе опредѣленной функціи естественно вызываетъ предположеніе о существованіи соотвѣтствующаго аппарата. Теоретическія соображенія о необходимомъ строеніи подобнаго аппарата были высказаны съ большой ясностью и опредѣленностью Ноллемъ **). Онъ представлялъ себѣ органъ, способный служить для воспріятія раздраженій отъ силы тяжести, въ видѣ сферическаго пузырька, внутри котораго находится твердое тѣльце иного удѣльнаго вѣса, чѣмъ жидкость, наполняющая пузырекъ; пузырекъ долженъ быть укрѣпленъ неподвижно въ данномъ органѣ. При уклоненіи органа отъ обычнаго положенія относительное перемѣщеніе твердаго тѣльца подъ вліяніемъ силы тяжести и производимое тѣльцемъ давленіе на ту или другую часть стѣнки пузырька вызоветъ раздраженіе, которое сопровождается соотвѣтствующимъ изгибомъ, возвращающимъ органъ къ обычному положенію.

Высказывались и другія предположенія, останавливаться на нихъ здѣсь нѣтъ возможности. Нолль полагалъ, что органъ, построенный по указанной, схемѣ, у растеній, въ противоположность животнымъ, можетъ и не достигать видимыхъ размѣровъ.

Въ самое послѣднее время молодой чешскій ученый Немецъ и извѣстный нѣмецкій профессоръ Габерландтъ, независимо одинъ отъ другого, указали на существованіе у растеній органовъ, соотвѣтствующихъ въ схемѣ отоцистамъ и гипотетическому аппарату Нолля. Какъ извѣстно, всѣ органы растеній безчисленнымъ множествомъ перегородокъ раздѣлены на микроскопическія полости—клѣтки, выстланныя внутри по стѣнкамъ слоемъ полужидкаго вещества—плазмы и содержащія, кромѣ того, водянистый сокъ (по крайней мѣрѣ, въ частяхъ не только что образовавшихся, гдѣ плазма совершенно выполняетъ полости). Немецъ и Габерландтъ и обратили вниманіе на то, что какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосредоточена чувствительность къ силѣ тяжести, клѣтки содержатъ подвижныя тѣльца большаго удѣльнаго вѣса, чѣмъ плазма и клѣточный сокъ, при всѣхъ измѣненіяхъ положенія органа собирающіяся на физически-нижней сторонѣ клѣтокъ.

Эти образованія представляютъ собой весьма обыкновенныя у растеній крупинки крахмала, но вообще эти крупинки лежатъ почти неподвижно въ плазмѣ и только въ чувствительныхъ къ силѣ тяжести частяхъ органовъ онѣ подвижны и ложатся всегда внизу на слоѣ плазмы, выстилающей стѣнки клѣтокъ. Итакъ, по мнѣнію этихъ изслѣдователей, если подвижныя крупинки крах-

*) Т.-е. вызываемаго дѣйствіемъ силы тяжести.

**) Noll. «Ueber heterogene Induction».

— «Sinnesleben d. Pflanzen». Bericht üb. die Senkenberg. naturforsch. Gesellschaft. 1896».

Noll. «Ueber. Geotropismus». Jahrb. f. wiss. Botanik. Bd. 34.

мала лежатъ на морфологически-нижнихъ стѣнкахъ, т.-е. такихъ, которыя являются нижними же при обычномъ положеніи стебля и корня, органъ не испытываетъ раздраженія, если же онъ приведенъ въ горизонтальное положеніе, то крупинки перекатываются на физически-нижнюю (т.-е. боковую) сторону и давленіемъ раздражаютъ лежащій подъ ними слой плазмы, раздраженіе это передается въ ту часть стебля или корня, которая способна къ движенію, и вызываетъ въ ней изгибъ, приводящій чувствительную часть къ исходному положенію. Слѣдовательно, указанныя клѣтки исполняютъ функцію слуховыхъ пузырьковъ, а зернышки крахмала въ нихъ—отолитовъ *). Участіе обыкновенныхъ крахмальныхъ зеренъ, которыя вообще являются запаснымъ питательнымъ веществомъ растенія, и отсутствіе спеціальныхъ образованій

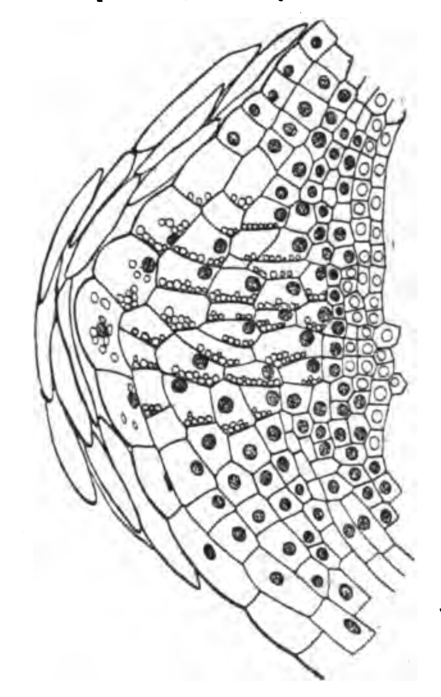


Рис. 3. Кончикъ корня, направленнаго горизонтально. Въ клѣткахъ центральной части зернышки крахмала собрались на боковыхъ стѣнкахъ (ставшихъ физически нижними).

могло бы показаться страннымъ, если бы мы не знали, что у креветокъ, т.-е. животныхъ довольно сложной организаціи, роль отолитовъ исполняютъ случайно попадающіяся имъ твердыя частицы, напр. песчинки.

Въ пользу такого значенія подвижныхъ крупинокъ крахмала названные авторы приводятъ много наблюденій и опытовъ. Корень теряетъ чувствительность къ силѣ тяжести, если отрѣзать ту часть его (самый кончикъ—чехликъ), гдѣ именно находятся клѣтки, содержащія подвижный крахмалъ, т.-е. меньше той, которую удалялъ Дарвинъ. Нѣкоторое время спустя, у оперированныхъ

*) Пока вышла полностью работа одного Немеца: Němec. Ueber die Wahrnehmung des Schwerkraftreizes bei den Pflanzen помѣщенная въ Jahrb. für wiss. Botanik. Bd. XXXVI P. 1. 1901.

Габерландтъ же напечаталъ только предварительное сообщеніе: «Ueber die Perception des geotropischen Reizes». Berichte der Deutsch. Bot. Gesellschaft. Bd. XVIII p. 261. 1900.

корешковъ чувствительность возвращается. Это обстоятельство приводилось, какъ аргументъ противъ воззрѣній Дарвина: говорили, что чувствительность здѣсь временно утрачивается вслѣдствіе раздраженія отъ пораненія *). Чувствительность возвращается тогда, когда образуется на мѣстѣ срѣза рубцовая ткань и въ ней, какъ указываетъ Немецъ, *клѣтки съ подвижными крахмальными зернами*. Но раненіе вообще временно уничтожаетъ чувствительность, хотя бы при этомъ и не срѣзался кончикъ. Оказывается, что въ клѣткахъ пораненнаго корня начинается сильное вращательное движеніе плазмы, которая увлекаетъ крахмальныя зерна и не даетъ имъ падать соотвѣтственно дѣйствію тяжести: но остановится движеніе плазмы,—и чувствительность возвращается. Иногда попадаются корешки, на которые сила тяжести не производитъ дѣйствія, оказывается—въ такихъ корешкахъ подвижныхъ крахмальныхъ крупинокъ нѣтъ.

Можно и искусственно уничтожить крахмальныя зерна. Достаточно продержать корешки 5—6 дней въ гипсовой повязкѣ, и весь крахмалъ исчезнетъ. Вынутые изъ повязки корешки оказываются нечувствительными къ силѣ тяжести, чувствительность востановляется только черезъ 12—18 часовъ, какъ разъ тогда, когда въ нихъ вновь появляются подвижныя крахмальныя зерна, и острота чувствительности растетъ соотвѣтственно увеличенію числа ихъ. Можно думать, что гипсовая повязка вообще слишкомъ вредно дѣйствуетъ на корешокъ; дѣйствительно, въ теченіе 4—6 часовъ послѣ снятія ея онъ не можетъ производить никакихъ движеній, по прошествіи же этого времени чувствительность къ другимъ раздраженіямъ востановляется, такъ какъ, напр., подъ вліяніемъ пораненія, какъ и нормальный корень, онъ уже производитъ изгибъ въ сторону, противоположную той, съ которой было нанесено пораненіе, способность же къ геотропическимъ изгибамъ возвращается только тогда, когда вновь образуется подвижный крахмалъ: слѣдовательно, способность къ движенію есть и до того, какъ появятся подвижныя зерна крахмала, чувствительности же къ силѣ тяжести, и только къ ней одной, до ихъ появленія нѣтъ.

Выше было упомянуто, что корень нужно продержать въ горизонтальномъ положеніи около 15 минутъ, чтобы затѣмъ появился геотропическій изгибъ, Немецъ нашелъ, что если привести корень въ горизонтальное положеніе, то какъ разъ въ теченіе 15 минутъ и крахмальныя зерна перекатываются на боковую стѣнку клѣтки.

Въ клѣткахъ корешковъ, выведенныхъ изъ обычнаго положенія, Немецъ наблюдалъ особое перемѣщеніе плазмы: она густо собиралась на той стѣнкѣ, которая при нормальномъ положеніи была внизу,—это измѣненіе начинается именно въ клѣткахъ, содержащихъ подвижный крахмалъ, и постепенно распространяется къ клѣткамъ той части, гдѣ происходитъ изгибъ.

Приведенныя доказательства дѣлаютъ гипотезу Немеца (и Габерландта) весьма вѣроятной, одно только онъ почему-то упустилъ изъ виду: онъ нигдѣ не говоритъ, чтобы и въ мертвыхъ (убитыхъ) клѣткахъ подвижной крахмалъ перемѣщался соотвѣтственно дѣйствію силы тяжести: могутъ ему возразить, что крахмальныя зерна перемѣщаются не сами, а увлекаются движеніями плазмы, въ такомъ случаѣ вся функція принадлежитъ одной плазмѣ и крахмалъ уже никакого значенія не имѣетъ, но опыты удаленія крахмала наложеніемъ гипсовой повязки и наблюденія надъ корешками, естественно не содержащими ихъ, показываютъ, что сама по себѣ плазма воспринимать дѣйствія силы тяжести не можетъ.

Габерландтъ, производившій свои изслѣдованія надъ стеблями, пока не напечаталъ подробной статьи о нихъ. Изъ сообщенныхъ имъ наблюденій къ

*) Опыты Чапека устранили это возраженіе, но за то они указываютъ границу чувствительной части не съ такой опредѣленностью.

даннымъ Немеца можно прибавить слѣдующее. Даже и тѣ растенія, которыя вообще крахмала не образуютъ и въ видѣ запасныхъ веществъ имѣютъ другія соединенія, напр. жиры,—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ локализуется геотропическая чувствительность, все-таки содержатъ подвижныя крахмальныя зерна. Части стебля съ возрастомъ утрачиваютъ чувствительность къ силѣ тяжести, — оказывается къ этому времени и подвижныя зерна крахмала у нихъ исчезаютъ.

Итакъ, можно утверждать, что клѣтки, содержащія легко подвижныя зерна крахмала, служатъ у растеній органами воспріятія раздраженій, причиной которыхъ является сила тяжести, совершенно какъ отоцисты и полукружные каналы у животныхъ. Сопровождаются ли эти раздраженія у растеній какими-либо ощущеніями, мы, разумѣется, не знаемъ точно такъ же, какъ и относительно низшихъ животныхъ мы не знаемъ, возникаютъ ли въ нихъ ощущенія. Но если мы говоримъ о чувствѣ зрѣнія, слуха и т. д. у низшихъ животныхъ, то съ такимъ же правомъ мы можемъ говорить и о чувствѣ, которое возбуждается дѣйствіемъ силы тяжести,—о геоэстезіи—у растеній: связь, которая существуетъ между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и движеніемъ органа, здѣсь совершенно та же, что и у животныхъ, такъ какъ и у растеній въ воспріятіи раздраженія участвуетъ живая плазма особаго органа, раздраженіе проводится къ двигательному аппарату, и движеніе совершается также вслѣдствіе дѣятельности живой плазмы.

Во всякомъ случаѣ, если бы даже пока не придавать значенія наблюденіямъ Немеца и Габерландта, какъ единичнымъ и не провѣреннымъ, все же самый характеръ явленій, физіологическая сторона ихъ показываетъ, что процессы, о которыхъ идетъ рѣчь, въ обоихъ царствахъ крайне сходны.

Дм. Нелюбовъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Астрономія и метеорологія.—Техника.

Солнечныя пятна и атмосферныя явленія. Уже давно пытались связать различныя періодическія явленія, происходящія въ нашей атмосферѣ, съ явленіями космическими, главнымъ образомъ, съ жизнью нашего солнца. Такъ, солнечнымъ пятнамъ давно уже приписывали вліяніе на земной магнитизмъ, вѣтры и температуру нашей атмосферы. Прежде чѣмъ познакомить читателя съ результатами только что появившейся работы Н. и В. Локьеровъ «Объ измѣненіяхъ солнечной температуры и о колебаніяхъ въ выпаденіи дождей въ областяхъ, прилегающихъ къ Индійскому океану», мы скажемъ нѣсколько словъ о солнечныхъ пятнахъ. Хорошо образованное солнечное пятно состоитъ, вообще изъ двухъ частей: центральной—темной и неправильной, такъ называемой *тѣни* и окружающей послѣднюю *полутѣни*, по большей части образованной какъ бы волокнами, лежащими по радіусамъ пятна. «При обыкновенныхъ условіяхъ наблюденія,—говоритъ Юнгъ *),—общая картина такова, какъ если бы тѣнь была отверстіемъ, волокна же полутѣни свѣшивались и отчасти заслоняли его отъ нашего взора, какъ кустарникъ, нависшій надъ входомъ въ пещеру. Весьма возможно, что такъ оно и есть, что центральная часть есть дѣйствительная впадина, наполненная менѣе свѣтящимся веществомъ и лежа-

*) *Юнгъ*.—Солнце.

щая ниже общаго уровня фотосферы, между тѣмъ какъ полутѣнь выдается надъ краемъ». Но такая круглая форма пятна характерна только для зенита его жизни; въ періоды образованія и исчезновенія солнечныхъ пятенъ формы гораздо менѣе правильны. Средней продолжительностью жизни пятна можно принять 2—3 мѣсяца, но иныя пятна существуютъ всего день, а иногда даже нѣсколько часовъ. Отдѣльныя пятна рѣдки, обыкновенно они появляются группами; размѣры такихъ группъ иногда громадны: наблюдались группы пятенъ, покрывавшія площади болѣе 160.000 квадр. километровъ, а нѣкоторыя отдѣльныя пятна имѣли діаметръ въ 80.000 километровъ.

Пятна движутся по диску солнца отъ восточнаго края къ западному, благодаря чему выяснено и вычислено вращеніе солнца около оси; но, кромѣ того, пятна владѣютъ и собственнымъ движеніемъ. Движенія эти различны, напр. многія пятна движутся на поверхности солнца по эллипсамъ, совершая полные обороты въ день или два,—когда же пятно испытываетъ какую-нибудь мгновенную перемѣну, то оно дѣлаетъ какъ бы скачокъ впередъ.

Пятна распредѣлены по солнечной поверхности неравномѣрно, они встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ двухъ поясахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ экватора между 10° и 30° широты. Уже давно было извѣстно, что число солнечныхъ пятенъ въ различные года различно, но только въ 1851 г. Швабе обнаружилъ періодическую правильность въ увеличеніи и уменьшеніи числа солнечныхъ пятенъ и установилъ періодъ отъ одного максимума до слѣдующаго въ 10 лѣтъ. Послѣдующія наблюденія, главнымъ образомъ цюрихскаго профессора Рудольфа Вольфа, подтвердили эту періодичность, и величину періода установили въ $11^1/_9$ года.

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ извѣстный астрономъ С. Ньюкомбъ даетъ среднюю періода въ 11,132 года.

Такимъ образомъ, максимумъ и минимумъ солнечныхъ пятенъ въ началѣ текущаго столѣтія, по вычисленію этого ученаго, будутъ:

Максимумъ.	Минимумъ.
1904,91	1911,42
1916,04	1922,55
1927,17	1933,68

Но это только средняя, а въ дѣйствительности, какъ максимумы значительно отличаются между собой по напряженности, такъ и періоды по продолжительности; такъ, между максимумами 1829,9 и 1837,2 годовъ промежутокъ только въ 7,3 года, тогда какъ между максимумами 1788 и 1804 г.—цѣлыхъ 16,1 года.

«Возможно,—говоритъ Юнгъ,—что эта измѣнчивость періода происходитъ отчасти отъ неполноты нашихъ наблюденій, но это—лишь одна причина. Вполнѣ правдоподобно, что до нѣкоторой степени это дѣйствіе производится колебаніемъ болѣе длиннаго періода, приблизительно въ 60 лѣтъ, которое присоединяется къ основному колебанію, длящемуся 11 лѣтъ».

Предсказаніе, хотя бы и приблизительное, которое даетъ намъ Ньюкомсъ, тѣмъ болѣе интересно, что, какъ мы уже упоминали выше, съ солнечными пятнами связываютъ многія явленія, происходящія на нашей планетѣ. Въ 1850 г. Ламонъ въ Мюнхенѣ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій, установилъ, что суточныя колебанія магнитной стрѣлки представляютъ періодъ въ $10^1/_3$ года. Какъ только была установлена указанная выше періодичность солнечныхъ пятенъ, многіе ученые тотчасъ же обратили вниманіе на совпаденіе максимумовъ пятенъ и магнитныхъ колебаній. На зависимость сѣверныхъ сіяній отъ солнечныхъ пятенъ указывалось уже не разъ и въ слѣдующей статьѣ читатель встрѣтитъ указаніе на ту же зависимость отъ пятенъ и южныхъ сіяній.

Какое дѣйствіе оказываютъ солнечныя пятна на земную температуру, до сихъ поръ еще не установлено, такъ какъ невозможно съ точностью сказать, теплѣе или холоднѣе солнце, какъ цѣлое, когда количество пятенъ на его поверхности достигаетъ максимума. Вліяніе солнечныхъ пятенъ на бурю и дожди съ особенной тщательностью, въ теченіе многихъ лѣтъ, разрабатывалъ Мельдренъ, директоръ обсерваторіи на о-вѣ св. Маврикія. Онъ разсмотрѣлъ данныя болѣе чѣмъ 50 станцій во всѣхъ частяхъ земли за періодъ съ 1824 до 1867 г. и пришелъ къ выводу, что «среднія количества выпадающаго дождя въ Великобританіи, на материкѣ Европы, въ Америкѣ и въ Индіи, насколько они представлены всѣми полученными до сихъ поръ донесеніями, измѣнялись, не взирая на аномаліи, также какъ Вольфовы числа солнечныхъ пятенъ; эпохи максимума и минимума дождя приблизительно совпадали съ эпохами максимума и минимума пятенъ. Наблюденія надъ выпаденіемъ дождя на 5 станціяхъ въ южномъ полушаріи въ теченіе болѣе короткаго періода даютъ такіе же результаты». Въ упомянутой выше работѣ *Локьеры* разрабатываютъ этотъ же вопросъ о зависимости земныхъ дождей отъ солнечныхъ пятенъ. Изъ изученія спектровъ послѣднихъ авторы дѣлаютъ выводъ, что въ годы максимумовъ солнечныхъ пятенъ температура солнца выше средней, въ годы же минимумовъ—ниже. Въ зависимости отъ этого, конечно, измѣняется и лучеиспусканіе солнца, что, въ свою очередь, не можетъ остаться безъ вліянія на атмосферное давленіе, вѣтры и выпаденіе дождя. На выпаденіе дождя эти измѣненія солнечной температуры оказываютъ довольно странное вліяніе. Такъ, изъ наблюденій, сдѣланныхъ обсерваторіями Индіи и о-ва св. Маврикія за періодъ 1877—1886 гг., Локьеры сдѣлали выводъ, что максимумъ выпаденія дождя въ Индіи совпадаетъ съ максимумомъ солнечныхъ пятенъ, а на о-вѣ св. Маврикія съ минимумомъ, но и въ Индіи минимумъ солнечныхъ пятенъ отражается также вторичнымъ (менѣе значительнымъ, чѣмъ первый) максимумомъ выпаденія дождей. Такимъ образомъ, мы видимъ, что связь между этими явленіями далеко не такъ проста, какъ то утверждалъ Мельдренъ. Изучая отчеты коммиссіи о голодовкахъ въ Индіи Локьеры пришли къ заключенію, что неурожаи въ послѣдней половинѣ XIX столѣтія приходились въ промежутки между этими двумя максимумами выпаденія дождей. На основаніи этой работы, а также и своихъ собственныхъ наблюденій, главный директоръ индійскихъ обсерваторій *Джонъ Эліотъ* утверждаетъ, что всѣ болѣе или менѣе выдающіяся аномаліи температуры, воздушнаго давленія и выпаденія осадковъ въ Индіи совпадаютъ съ періодичностью солнечныхъ пятенъ и что поэтому теперь можно будетъ заранѣе предсказывать время наступленія засухи въ Индіи. Хотя подобнаго рода связь установлена въ болѣе грубыхъ чертахъ и для многихъ другихъ мѣстностей, напр. въ Шотландіи въ Капской землѣ замѣчено совпаденіе періодовъ солнечныхъ пятенъ съ періодами усиленнаго выпаденія дождей, а въ Египтѣ—съ періодами наиболѣе низкаго уровня Нила, но все же намъ кажется преждевременнымъ дѣлать даже и послѣ работъ Локьеровъ какой-нибудь окончательный выводъ: слишкомъ сложны явленія и слишкомъ еще разнорѣчивы данныя и выводы различныхъ ученыхъ.

Тепловое лучеиспусканіе звѣздъ. Послѣ изобрѣтенія Ланглеемъ знаменитаго болометра, прибора необыкновенной чувствительности, многіе пытались опредѣлить тепловое лучеиспусканіе звѣздъ, но до сихъ поръ попытки были безуспѣшны, несмотря на то, что микрорадіометръ Бойса отмѣчалъ уже нагрѣваніе, производимое свѣчей, поставленной на разстояніи 2.700 метровъ отъ прибора.

Только недавно американцу *Е. Никольсу* удалось заложить твердый фундаментъ для полнаго осуществленія этой задачи. Тепловымъ пріемникомъ Никольса является радіометръ Крукса, состоящій изъ 2 маленькихъ зачерненныхъ

слюдяныхъ кружковъ въ 2 милиметра діаметромъ; кружки эти соединены стекляннымъ стержнемъ, висящимъ на тонкой кварцевой нити въ относительной пустотѣ. Лучъ, тепловую энергію котораго хотятъ измѣрить, отражаютъ отъ сидеростата и при помощи большого серебрянаго зеркала въ 61 сантим. діаметромъ, съ фокуснымъ разстояніемъ въ 2,4 метра, направляютъ черезъ окошечко изъ плавиковаго шпата, на одинъ изъ этихъ слюдяныхъ кружковъ. Этотъ аппаратъ въ 12 разъ чувствительнѣе микрорадіометра Бойса: отклоненіе стрѣлки шкалы на 0,1 милиметра получается при воздѣйствіи на аппаратъ тепловой энергіи, равной той, которую посылаетъ свѣча, поставленная въ 15 километрахъ отъ пріемника. Изображеніе луны, проектированное на одну изъ слюдяныхъ пластинокъ совершенно выводило стрѣлку изъ поля зрѣнія.

Тепловое лучеиспусканіе звѣздъ измѣрялось при помощи этого прибора лѣтомъ, въ ясную погоду. Арктуръ изучался въ теченіе 7 вечеровъ и далъ среднее отклоненіе стрѣлки въ 0,6милиметра, тогда какъ отклоненіе Веги было всего 0,27 милиметра. Самъ Никольсъ не считаетъ этихъ измѣреній точными и окончательными, это только предварительные опыты, благодаря которымъ, по мнѣнію автора, все же можно утверждать, что тепловая энергія, посылаемая намъ Арктуромъ, не превосходитъ той, которая получалась бы отъ свѣчи, удаленной на 10 километровъ отъ воспринимающаго тѣла, если бы не было поглощенія атмосферой.

Измѣренія Никольса, хотя еще и крайне неточныя, важны уже тѣмъ, что впервые даютъ намъ нѣкоторое представленіе о тепловой энергіи звѣздъ и позволяютъ надѣяться, что при усовершенствованіи прибора и методовъ изслѣдованія будутъ найдены болѣе точныя цифры. Эти цифры въ связи съ данными, указывающими намъ силу свѣта той или иной звѣзды, дадутъ возможность сравнить звѣзды съ какими-нибудь земными очагами и отсюда вывести, хотя бы и приблизительно, температуру звѣздъ. Какое значеніе такого рода выводъ будетъ имѣть для нашей космогоніи, ясно каждому.

Прямая утилизація солнечной теплоты. Примѣръ Архимеда, сжигавшаго корабли римлянъ при помощи лучей солнца, отраженныхъ отъ большихъ зеркалъ, до сихъ поръ, кажется, еще не вдохновлялъ техниковъ—практиковъ, хотя де-Реймонъ еще 20 лѣтъ тому назадъ въ книгѣ озаглавленной: «A la Conquete du Soleil» тщетно стремился пустить въ обращеніе инсоляторы, изобрѣтенные Мушо

И только теперь мы находимъ въ мартовскомъ № журнала «Scientific American» описаніе и изображеніе солнечнаго мотора, съ успѣхомъ примѣняемаго въ Калифорніи для сельско-хозяйственныхъ работъ. Этотъ моторъ состоитъ изъ громаднаго рефлектора, съ діаметромъ въ нѣсколько метровъ; на внутренней поверхности его расположено 788 маленькихъ зеркалъ такимъ образомъ, чтобы отражать солнечные лучи въ одну центральную точку, гдѣ подвѣшенъ паровой котелъ, вмѣщающій до 500 метровъ воды. Котелъ этотъ развиваетъ количество паровъ, вполнѣ достаточное для приведенія въ дѣйствіе паровой машины въ 15 лошадиныхъ силъ. Машина эта приспособлена для подъема воды изъ глубокаго колодца. Весь аппаратъ расположенъ такъ, какъ располагаютъ телескопы: ось его имѣетъ сѣверо-южное направленіе, благодаря часовому механизму аппаратъ всегда слѣдуетъ за движеніемъ солнца и получаетъ лучи перпендикулярно къ своей поверхности; онъ можетъ начать работать черезъ часъ послѣ выхода солнца и кончить всего за полчаса до захода. Вѣроятно не безъ успѣха могли бы быть примѣнены такіе солнечные моторы и въ нашихъ южныхъ губерніяхъ солнечной энергіи тамъ достаточно, къ сожалѣнію малопсихической.

В. Агафоновъ.

---

④ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Іюнь. 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика.— Публицистика. — Исторія русская. — Правовѣдѣніе.—Астрономія и физика.—Народное образованіе. — Народныя изданія.— Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Сѣверные цвѣты».—*Ев. Чириковъ*. «Очерки и разсказы».—*А. Сальниковъ*. «Русскіе поэты за сто лѣтъ».

Сѣверные цвѣты. Изд. «Скорпіона». Москва. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Русскіе декаденты, послѣ довольно долгаго молчанія, вновь воспрянули духомъ и выступили въ походъ, на этотъ разъ подъ флагомъ поэтическаго эклектизма, заявляя во введеніи къ сборнику «Сѣверные цвѣты», что «желали-бы стать внѣ существующихъ литературныхъ партій, принимая въ свой сборникъ все, гдѣ есть поэзія, къ какой-бы школѣ ни принадлежалъ ихъ (?) авторъ». Намѣреніе очень похвальное, но выполненіе его говоритъ скорѣе о подборѣ, и притомъ вполнѣ опредѣленномъ. Каждый авторъ, что называется, постарался проявить себя возможно чуднѣй и страшнѣй, и получился въ общемъ букетъ, вполнѣ напоминающій пресловутые сборники Валерія Брюсова и Добролюбова, въ свое время открывшіе изумленному читателю весь блескъ и красоту доморощенныхъ Верленовъ и Гюисмансовъ.

Открывается сборникъ драматической поэмой г-жи Гиппіусъ «Святая кровь», совершенно непонятной по замыслу и дикой по выполненію. Русалки, вѣдьмы, монахи поютъ, говорятъ, что-то дѣлаютъ, и такъ какъ все это лишено всякой логической связи, то кавардакъ выходитъ незаурядный и вполнѣ достойный «Скорпіона» съ братьей. Мы глубоко убѣждены, что сама г-жа Гиппіусъ не отдавала себѣ отчета, когда мучительно выдумывала свою драму, въ которой ни искры нѣтъ свободнаго творчества, а сплошь одно кривлянье и жалкія потуги на глубокомысліе и оригинальность. Такова обычная участь этой талантливой писательницы, когда она измѣняетъ своему реалистическому дарованію и пускается въ совершенно для нея закрытую область мистики и символизма. Ея русалки только комичны, «безмолвно хохочущая» вѣдьма отвратительно-смѣшна, какъ неудачная дѣтская мазня, а ея монахи просто деревянные чурбанчики. Далѣе идетъ разсказъ г. Чехова, едва-ли предназначавшійся имъ для печати, какъ можно судить и по неудачной его формѣ, ни мало не напоминающей того Чехова, котораго мы знаемъ по его прелестнымъ мелкимъ разсказамъ, такъ и по содержанію, болѣе чѣмъ странному. На четырехъ страничкахъ какой-то матросъ разсказываетъ, вычурно и смакуя подробности, какъ новобрачный пасторъ продаетъ свою молодую жену богатому старику. Разсказъ вызываетъ невольное изумленіе, зачѣмъ онъ написанъ? Допуская даже, что въ основѣ его лежитъ дѣйствительный случай, все же недоумѣваешь, какой смыслъ въ этомъ скверномъ анекдотѣ, въ которомъ нѣтъ никакой красоты, ни старой, ни новой, ничего, кромѣ гадости? «Положеніе обязываетъ», и мы думаемъ, что, публикуя

подобныя никчемныя во всѣхъ отношеніяхъ пустяковины, г. Чеховъ унижаетъ себя какъ писателя. Остальные разсказы сборника такъ ничтожны и безцвѣтны, что и упоминать о нихъ не стоитъ.

За прозой идутъ стихи, составляющіе главное содержаніе сборника. За исключеніемъ двухъ незначительныхъ стихотвореній Фета и длинной «Думы» Павловой, забытой поэтессы сороковыхъ годовъ,—передъ нами все старые знакомцы: Добролюбовъ, Бальмонтъ, Фофановъ, Бальтрушайтисъ, Перцевъ, Соллогубъ и Брюсовъ, Брюсовъ безъ конца. Каждый старается перещеголять другого по части курьезныхъ безсмыслицъ и хитроумныхъ выдумокъ, какъ-бы поразить читателя странной нелѣпостью. Напр., нѣкая Анастасія Мировичъ придумала съ тяжкими усиліями слѣдующее стихотвореніе, посвященное «Памяти встрѣчи»:

Орнаменты колоннъ голубыхъ,
Тигровъ спящихъ дыханье,
Дуновенье несбыточныхъ сновъ золотыхъ —
И рыданье.
О, сказки желанныя!
Цвѣты первозданные!
И сѣти для райскихъ птицъ...
О, души избранныя,
Счастливыя, странныя—
Вѣнцы для царей и царицъ.
Орнаменты колоннъ голубыхъ,
Тигровъ спящихъ дыханье,
Дуновенье несбыточныхъ сновъ золотыхъ—
И рыданье.

Это «стихотвореніе», отдающее декадентскою плѣсенью начала девяностыхъ годовъ, наводитъ на одно размышленіе. Очевидно, русское декадентство окончательно спѣло свою пѣсенку, если и черезъ десять лѣтъ все еще живетъ переписываньемъ своего старья. Если и тогда оно не плѣняло и въ лучшемъ случаѣ вызывало шутки и смѣхъ, то теперь оно производитъ такое же отвратительное впечатлѣніе, какъ грубыя румяна на одряхлѣвшемъ лицѣ.

Лучшую оцѣнку этого безобразнаго гримасничанья даетъ въ томъ же сборникѣ кн. Урусовъ, въ выдержкѣ изъ дневника, напечатанной въ приложеніяхъ — «Письма, мемуары и статьи». Вотъ его остроумный отзывъ о всей кликѣ русскихъ обезьянствующихъ декадентовъ: «Бальмонтъ прислалъ «Горящія зданія». Первое впечатлѣніе крайне неблагопріятное. Mania grandiosa, кровожадныя гримасы. Эпиграфомъ слѣдовало бы поставить: изумляю міръ злодѣйствомъ, и упокойнички спасибо скажутъ, что умерли. Его «faculté maîtresse» искусство оттѣнковъ—замѣнило какое-то гоготаніе. Книга производитъ впечатлѣніе психіатрическаго документа... Ну, а Добролюбовъ съ Брюсовымъ, это ужъ—на чистоту! изъ клиники душевно-больныхъ». Къ этой компаніи надо еще добавить В. В. Розанова, который съ усердіемъ заправской кликуши выкликаетъ отрывочныя и безсвязныя сентенціи по излюбленному имъ вопросу о «хотѣньи» и «прилѣпленіи», а между прочимъ выдаетъ и себѣ такую аттестацію: «Я бездаренъ, да тема-то моя талантлива». Наконецъ, въ заключеніе два критика—декадента, нѣкій г. Коневскій и безсмертный Валерій Брюсовъ, раздаютъ аттестаты своей братьи съ удивительной откровенностью. Такъ, первый заявляетъ, что «мысли З. Н. Гиппіусъ о западно-европейской поэзіи обнаруживаютъ круглое невѣжество», «это сужденія, писанныя вполнѣ зря, безъ тѣни понятія о сколько-нибудь выдающихся явленіяхъ нынѣшней поэзіи въ западной Европѣ». А г. Брюсовъ утѣшаетъ огорченную поэтессу тѣмъ, что «не человѣкъ мѣра вещей, а мгновеніе; истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, въ это мгновеніе» — и слѣдовательно, г-жа Гиппіусъ въ «свое мгновеніе» провозгласила истину, что бы ни думалъ объ этомъ злобный г. Коневскій.

Таковы «Сѣверные цвѣты», расцвѣтшіе на гнилой почвѣ русскаго дека-

дентства. Съ момента своего появленія и до сихъ поръ оно ни въ чемъ не измѣнилось, и если исключить гг. Чехова и Бунина, очутившихся лишь по недоразумѣнію въ этой компаніи маньяковъ, графомановъ и кликушъ, то ни одного новаго адепта не привлекло оно и не выдвинуло ни одного новаго «таланта». Съ самаго начала оно не возбуждало никакихъ надеждъ, такъ какъ не дало ничего оригинальнаго, самобытнаго, искренняго, все было сплошное подражаніе худшимъ западнымъ образцамъ, тому грязному хвосту, какой всегда является во всякомъ движеніи. Дальнѣйшее только подтвердило то отрицательное отношеніе, съ какимъ декадентство было встрѣчено у насъ всѣми литературными направленіями, и нынѣ «Сѣверные цвѣты» служатъ еще однимъ доказательствомъ нищенской бѣдности какъ содержанія, такъ и формы доморощеннаго декадентства. Жалкое, больное и грязное, русское декадентство привлекаетъ къ себѣ только ничтожества, которыя, отлично сознавая свое литературное безсилье и полную бездарность, думаютъ, что оригинальность мысли и формы можно подмѣнить безсмыслицей и уродствомъ подъ громкимъ титломъ «новой красоты». Что въ современномъ искусствѣ есть движеніе къ исканію новой красоты, это фактъ несомнѣнный и отрадный, но путь русскаго декадентства меньше всего можетъ приблизить насъ къ ней. Для этого прежде всего необходимы талантъ и сила мысли, т. е., именно того. чего нѣтъ у печальныхъ маньяковъ, гг. Бальмонтовъ, Брюсовыхъ, Добролюбовыхъ и Розановыхъ съ братіей.

А. Б.

Ев. Чириковъ. Очерки и разсказы. Книжка третья. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 1901 г. Третья книжка разсказовъ г. Чирикова отличается тѣми же достоинствами и недостатками, которые мы уже отмѣчали, говоря о первыхъ двухъ. Также ярки и живы его наблюденія, также хорошо представлена жизнь глухой провинціи, но и таже грубоватость въ изображеніи, отсутствіе оттѣнковъ и примитивность чувствъ въ обрисовкѣ характеровъ его героевъ. Благодаря этимъ качествамъ, нѣкоторые разсказы производятъ впечатлѣніе скорѣе талантливыхъ корреспонденцій изъ провинціи, чѣмъ художественныхъ очерковъ. Таковъ, напр., разсказъ «Въ лощинѣ между горъ», въ которомъ живо и ярко изображена безрезультатная борьба молодого, еще не утратившаго высшихъ порывовъ, земскаго врача съ рутиной и мелкими себялюбивыми интересами окружающей жизни. Взять случай, встрѣчающійся теперь въ земской средѣ на каждомъ шагу, и читатель проникается несомнѣнной правдой разсказа. Но и самъ герой, и его противники очерчены лишь нѣсколькими штрихами, настолько бѣглыми, что не получается живыхъ образовъ, а только рядъ изображеній, напоминающихъ тѣ общія фотографіи, которыя одно время были въ большомъ ходу. Въ нихъ индивидуальныя черты были сглажены вслѣдствіе слiянія ряда снимковъ на одномъ и томъ же негативѣ. Получался общій неопредѣленный образъ, въ которомъ можно было найти сходство съ тѣмъ и другимъ и ни съ кѣмъ въ частности. Таковъ и очеркъ «Какъ это случилось», въ которомъ, благодаря юмору автора, больше жизни, но тоже въ сущности нѣтъ художественныхъ типовъ. Выведенные въ немъ сотрудники провинціальной газеты, это вообще провинціальные литераторы, а не отдѣльные живые люди. Тѣми же недостатками страдаютъ два разсказа изъ жизни «отверженныхъ» женщинъ, «Таняно счастье» и «Именинница», хотя оба значительно лучше обработаны, въ особенности послѣдній. Портитъ ихъ нѣсколько шаблонная форма въ изображеніи психологіи падшей женщины, очень уже примитивно очерченной. Небольшой юмористическій очеркъ «Фаустъ» даетъ бѣгло написанную картинку семейной жизни, въ которой уловлена больше внѣшность. Лучшимъ разсказомъ въ книгѣ намъ кажется этюдъ «Лунная ночь», написанный поэтично, легкими, нѣжными набросками. Двѣ фигуры этюда— кладбищенскій сторожъ и вдовецъ-священникъ, тоскующій по своей безвре-

менно умершей женѣ, написаны прекрасно, показывая, что г. Чирикову далеко не чужды и болѣе глубокіе мотивы, чѣмъ ссоры и мелкіе интересы провинціальной среды. Три небольшихъ очерка изъ дѣтской жизни, «Лошадка», «Предатель» и «Обостренныя отношенія», написаны живо и съ юморомъ, обнаруживая въ авторѣ умѣніе заглянуть въ дѣтскую душу. Эти разсказы напоминаютъ одинъ изъ лучшихъ очерковъ г. Чирикова «Ранніе всходы», въ которомъ онъ далъ цѣлый романъ изъ жизни мальчиковъ-гимназистовъ. Наконецъ, послѣдній очеркъ «Одуванчикъ» даетъ аллегорическую картинку человѣческихъ отношеній, изображенную въ видѣ цвѣтовъ. Мы не принадлежимъ къ числу любителей этого сорта литературы, рѣдко когда удающагося и требующаго первоклассныхъ художественныхъ дарованій. Искусственность здѣсь слишкомъ бьетъ въ глаза, и даже въ лучшихъ произведеніяхъ такого рода, какъ, напр., «Attalea princeps» Гаршина, это мѣшаетъ цѣльности и художественности впечатлѣнія. *А. Б.*

А. Н. Сальниковъ. Русскіе поэты за сто лѣтъ (съ Пушкинской эпохи до нашихъ дней) въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Сборникъ лучшихъ лирическихъ произведеній русской поэзіи. Спб. 1901 г. Образцомъ для новой книги г. Сальникова послужила извѣстная хрестоматія покойнаго Гербеля: «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», вышедшая въ 1873 г. и выдержавшая три изданія. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, книга Гербеля оказала русскому читателю немаловажную услугу въ дѣлѣ ознакомленія съ русскими второстепенными и первостепенными поэтами. Сравненіе сборника г. Сальникова съ хрестоматіей Гербеля напрашивается само собой. У Гербеля мы находимъ почти всѣхъ русскихъ поэтовъ XVIII в. и первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка, поэтовъ лирическихъ, этическихъ и драматическихъ. У г. Сальникова собраны только лирическіе поэты и изъ нихъ только тѣ, литературная дѣятельность которыхъ началась въ XIX в,, при этомъ многіе изъ прежнихъ поэтовъ пропущены. Вообще, по отношенію къ покойнымъ русскимъ лирическимъ поэтамъ XIX в., сборникъ Гербеля значительно полнѣе, чѣмъ сборникъ г. Сальникова. Въ послѣднемъ сборникѣ не только нѣтъ, напримѣръ, Мерзлякова и Воейкова, расцвѣтъ литературной дѣятельности которыхъ относится къ истекшему вѣку, но нѣтъ также и такихъ поэтовъ, какъ Ѳ. Глинка, Мятлевъ, Плетневъ, Шевыревъ, К. Аксаковъ, Цыгановъ, и цѣлый рядъ другихъ третьестепенныхъ поэтовъ, заслуживающихъ не меньше вниманія, чѣмъ многіе старые и новые поэты, попавшіе въ книгу г. Сальникова. Но за то читатель найдетъ въ сборникѣ г. Сальникова болѣе полсотни такихъ, большею частью, новѣйшихъ представителей русской лирической поэзіи, которыхъ нѣтъ въ сборникѣ Гербеля, хотя и тутъ дѣло не обошлось безъ пропусковъ: изъ современныхъ поэтовъ г. Сальниковымъ пропущенъ, напримѣръ, г. П. Я.

Біографическіе очерки поэтовъ въ книгѣ г. Сальникова гораздо короче, чѣмъ у Гербеля. Самый пространный очеркъ не превышаетъ трехъ страницъ, есть коротенькія замѣтки всего въ пять строчекъ. Кромѣ того, біографическіе очерки въ книгѣ г. Сальникова отличаются крайней неравномѣрностью: Языкову, напримѣръ, удѣлено двѣ страницы, гг. Дрожжину и Попову по полторы страницы, а Лермонтову, Добролюбову, кн. Вяземскому, Батюшкову и многимъ другимъ не болѣе полторы страницы каждому. Самые біографическіе очерки, въ большинствѣ случаевъ, довольно безсодержательны. Въ нихъ обыкновенно сообщается, гдѣ и когда поэтъ родился, гдѣ учился, а потомъ служилъ или жилъ, когда и въ какихъ изданіяхъ началъ литературную дѣятельность и т. д. Иногда, кромѣ того, перечисляются поэтическія и прозаическія сочиненія, даже переводы, указываются отдѣльныя изданія сочиненій. Но такія библіографическія указанія, по непонятнымъ причинамъ, дѣлаются далеко не всегда. Очень часто не указаны даже отдѣльныя изданія стихотвореній того или дру-

гого поэта, или же не указаны наиболѣе новыя и доступныя изданія. Характеристики поэтовъ и ихъ лирическаго таланта, въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. Иногда только приведены отзывы Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей, даже такихъ, какъ Лонгиновъ и Перевлѣсскій. Очень часто эти отзывы тѣ же самые, что и въ хрестоматіи Гербеля, так что трудно удержаться отъ искушенія—подумать, что эти отзывы перепечатаны изъ книги Гербеля. Нѣкоторые біографическіе очерки, посвященные новѣйшимъ поэтамъ, заимствованы изъ «Энциклопедическаго словаря» Арсеньева и Петрушевскаго и являются уже нѣсколько устарѣвшими, напримѣръ, свѣдѣнія о гг. Величко, Мережковскомъ, Минскомъ и другихъ. Вообще, для біографическихъ и библіографическихъ справокъ, книга г. Сальникова—источникъ неудовлетворительный. Нѣкоторый интересъ представляютъ только нѣсколько біографическихъ очерковъ, посвященныхъ новѣйшимъ поэтамъ и представляющихъ совершенно новыя свѣдѣнія.

Что касается образцовъ русской лирической поэзіи XIX вѣка, то составитель книги при ихъ выборѣ имѣлъ въ виду только «то, что обладаетъ большими или меньшими поэтическими достоинствами, проникнуто искреннимъ чувствомъ и отличается красотою формы».

Кромѣ того, г. Сальниковъ старался не вносить въ свой сборникъ образцовъ, использованныхъ уже другими составителями подобныхъ трудовъ. Вслѣдствіе этого, ему пришлось отказаться отъ многихъ такихъ произведеній, достоинства которыхъ являются общепризнанными. Желая придать своей книгѣ больше оригинальности и новизны, г. Сальниковъ при выборѣ образцовъ далъ широкую свободу своимъ личнымъ вкусамъ и имѣетъ наивность думать, что то, что понравилось ему самому, можетъ «удовлетворить самымъ взыскательнымъ литературнымъ вкусамъ и эстетическимъ требованіямъ». Вообще г. Сальниковъ, не заботился о выборѣ наиболѣе характерныхъ произведеній того или другого поэта. Вслѣдствіе этого, изрѣдка встрѣчающіеся въ біографическихъ очеркахъ отзывы о поэтическомъ творчествѣ и объ отдѣльныхъ произведеніяхъ того или другого поэта не находятся въ соотвѣтствіи съ приложенными образцами. Напримѣръ, о кн. Вяземскомъ сказано, что «основной чертой (его) поэзіи... былъ сатирикодидактическій тонъ», но не приложено ни одного подобнаго стихотворенія. Пребыванія Языкова въ Дерптѣ названо «лучшей порой литературной дѣятельности молодого поэта», но ни одного стихотворенія, характернаго для «поэта радости и хмеля», не приложено.

Еще чаще въ числѣ напечатанныхъ въ сборникѣ образцовъ какъ разъ нѣтъ тѣхъ именно, которые въ біографическихъ очеркахъ названы популярными, извѣстными, наиболѣе характерными и т. д. Напримѣръ, о Денисѣ Давыдовѣ въ біографическомъ очеркѣ сказано, что «громкую извѣстность получила, «Современная пѣсня», представляющая образецъ сатирическаго таланта поэта-партизана»; но пѣсня эта не перепечатана. Точно такъ же упомянуты, но не перепечатаны «извѣстный романсъ» Красова: «Опять предъ тобой я стою очарованъ», «глубоко прочувствованная элегія» Никитина: «Вырыта заступомъ яма глубокая», «популярное» стихотвореніе Плещева: «Впередъ» и др. При выборѣ наиболѣе характерныхъ и лучшихъ произведеній новѣйшихъ поэтовъ г. Сальниковъ уже не былъ стѣсненъ существующими сборниками, но приведенные образцы, за немногими исключеніями, не могутъ расположить къ ближайшему ознакомленію съ большею частью современныхъ русскихъ поэтовъ.

Въ книгѣ г. Сальникова 600 страницъ, на которыхъ помѣщено 123 біографическихъ очерка, болѣе 700 лирическихъ произведеній и 119 портретовъ. Стоитъ книга очень недорого (1 р. 65 к.).

Въ заключеніе можно сказать, что если бы біографическіе очерки были полнѣе и интереснѣе и всѣ сопровождались хотя бы краткими характеристиками

поэтовъ-лириковъ, если бы приложенные образцы служили иллюстраціями къ этимъ характеристикамъ, тогда книга г. Сальникова, безспорно, была бы очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русскаго читателя. Въ настоящемъ же своемъ видѣ эта книга производитъ впечатлѣніе наскоро и небрежно составленнаго сборника. *С. Ашевскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Отто Генне амъ-Ринъ. «Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественной нравственностью».—«Отчетъ о дѣятельности Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ Казани за 1900 г.».

Д-ръ Отто Генне амъ-Ринъ. Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественной нравственностью. Пер. съ нѣм. д-ра Г. Гордона. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 50 к. Брошюра д-ра Генне является очень своевременно въ виду того движенія, которое въ концѣ девяностыхъ годовъ началось въ Западной Европѣ противъ торговли «бѣлыми рабынями». Въ 1899 г. въ Лондонѣ состоялся международный конгрессъ по этому вопросу, съ подробностями котораго читатели нашего журнала могли познакомиться изъ статьи Л. Давыдовой «Бѣлыя рабыни», напечатанной въ сент. кн. за 1899 г. Въ началѣ книги авторъ брошюры даетъ историческій очеркъ проституціи и вторую половину своей книги посвящаетъ описанію массы доказанныхъ случаевъ международной торговли женщинами, процвѣтающей во всѣхъ странахъ Европы, Америки и Азіи. Авторъ, будучи послѣдовательнымъ аболюціонистомъ, т.-е. безусловнымъ противникомъ государственной регламентаціи разврата, приходитъ къ выводу, что единственный путь борьбы это, съ одной стороны, полное уничтоженіе домовъ терпимости и полицейскаго надзора за проституціей, съ другой—самыя суровыя мѣры противъ соблазнителей и торговцевъ невинными дѣвушками и женщинами. Оставляя призывъ къ суровымъ мѣрамъ на совѣсти автора, который лучше всего самъ побиваетъ себя въ исторической части труда, нельзя не признать, что общепринятая до сихъ поръ государственная регламентація проституціи съ ея утвержденными на законномъ основаніи домами терпимости, гдѣ гибнутъ съ вѣдома государства и при благосклонномъ участіи его агентовъ тысячи женщинъ, съ ея полицейскимъ надзоромъ за нравственностью, который вездѣ даетъ только отрицательные результаты,—есть величайшій позоръ цивилизаціи. Въ настоящее время научно считается доказаннымъ, что эта система ничего, кромѣ усиленія разврата, не принесла и не приноситъ. Казалось бы, этого вполнѣ достаточно, чтобы ее уничтожить. Между тѣмъ, она держится вездѣ въ томъ или иномъ видѣ и продолжаетъ упорно поддерживаться всѣми агентами власти, которымъ подчиненъ надзоръ за общественной нравственностью. Не доказываетъ ли это, что такая система выгодна—не для общества, а именно для этихъ агентовъ? Покровительство, которое эти агенты встрѣчаютъ со стороны лицъ очень высокопоставленныхъ, на западѣ преимущественно среди высшаго общества и крупной буржуазіи, тоже понятно, такъ какъ эти агенты являются оффиціальными охранителями разврата, царящаго въ этихъ кругахъ. Стоитъ вспомнить только разоблаченія Стэда относительно англійской аристократіи и дѣло Гейнце въ Берлинѣ или недавнее дѣло банкира Штейнберга тамъ же, чтобы понять, почему полицейскіе агенты, вѣдающіе надзоръ за проституціей, такъ поощряются и охраняются... Авторъ правильно указываетъ на цѣломъ рядѣ фактовъ, что только само общество въ силахъ бороться съ этимъ страшнымъ бичемъ человѣчества. Необходимо, уничтоживъ всецѣло полицейскій надзоръ, допустить частную инициативу, которая поведетъ къ организація част-

ныхъ обществъ для борьбы съ проституціей во всѣхъ ея видахъ. Государство должно только помогать такимъ обществамъ—не деньгами, которыя всегда найдутся для этой цѣли въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ, а своей властью, устраняя съ дороги тѣ препятствія, которыя встрѣтятся со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи разврата, каковы, напр., упомянутые Гейнце, Штейнберги и К°. Припомнимъ, напр., что Штейнбергъ закупилъ всю полицію Берлина, вплоть до ея директора. А вѣдь есть лица и помогущественнѣе простого банкира. Вотъ въ борьбѣ съ такими лицами государство и должно оказать свою поддержку частнымъ обществамъ.

Отчетъ о дѣятельности Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ Казани за 1900 г. Предъ нами лежитъ отчетъ одного изъ такихъ обществъ, возникшихъ въ Казани. Лучше всякихъ разсужденій о борьбѣ съ порокомъ, этотъ отчетъ фактически говоритъ о томъ, насколько полезна и необходима такая дѣятельность. Главный интересъ этого отчета представляютъ свѣдѣнія о спасенныхъ и призрѣваемыхъ обществомъ женщинахъ. Факты, обнаруживаемые этими свѣдѣніями, просто ужасны. Всего въ отчетѣ приведено 35 случаевъ, въ которыхъ общество своимъ вмѣшательствомъ оказало поддержку и поставило погибшую женщину на ноги. Большинство этихъ женщинъ пало жертвой разнузданности своихъ господъ, у которыхъ онѣ дѣвочками-подростками находились въ услуженіи. Въ отчетѣ то и дѣло читаемъ: «Обольщена хозяиномъ». Еще печальнѣе, когда въ роли совратителей выступаютъ студенты, которые занимаютъ въ отчетѣ не послѣднее мѣсто... Казанское общество, даже при своихъ ничтожныхъ средствахъ, смогло все-таки внести въ дѣло борьбы много свѣта и этимъ помогло многимъ женщинамъ вырваться изъ безвыходнаго положенія. Общество однимъ своимъ существованіемъ улучшило отношеніе къ несчастнымъ, заставило многихъ равнодушныхъ обратить на нихъ вниманіе и побудило мѣстную администрацію вступиться за нихъ въ тѣхъ случаяхъ, которые прежде сходили съ рукъ разнымъ лицамъ, эксплуатирующимъ безвыходность положенія погибшихъ женщинъ. Указаніемъ на почтенную дѣятельность казанскаго общества мы желали бы привлечь къ нему больше вниманія, вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніемъ свѣдѣній о немъ вызвать учрежденіе подобныхъ обществъ и въ другихъ городахъ, въ особенности болѣе крупныхъ центрахъ умственной и промышленной жизни.

А. Б.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

Н. А. Рожковъ. «Учебникъ русской исторіи».

Н. А. Рожковъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1901. in 8—00. Стр. 108. Ц. 60 коп. Учебникъ г. Рожкова появился въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. До самаго послѣдняго времени въ нашей школѣ «не менѣе трети столѣтія» господствовалъ учебникъ г. Иловайскаго. Въ 1899 году вышло 33-ье изданіе послѣдняго подъ столь знакомымъ всѣмъ заголовкомъ «Краткіе очерки русской исторіи—курсъ старшаго возраста», въ 1900 году г. Иловайскій долженъ былъ представить его на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1901 году получить отставку навсегда: въ февральской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1901 годъ помѣщенъ оффиціальный отзывъ ученаго комитета, на основаніи котораго учебникъ г. Иловайскаго долженъ, наконецъ, быть выброшеннымъ изъ обихода нашей средней школы. Оффиціальный рецензентъ, разсматривая отдѣльныя части учебника г. Иловайскаго, находитъ въ немъ «довольно позорные анахронизмы» (стр. 35), «грубые

анахронизмы» (стр. 36), «скучныя мелочи, которыми въ разбивку удручается память учениковъ», рецензентъ доказываетъ, что учебникомъ г. Иловайскаго «учащіеся легко могутъ быть вводимы въ заблужденіе», что послѣдній склоненъ «голымъ осужденіемъ содѣйствовать образованію въ юношахъ привычки судить съ плеча и осуждать безъ должнаго разумѣнія» (стр. 41) и пр., и т. д. На ряду съ поразительною для нашего времени научною невѣжественностью «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отмѣчаетъ и грубую тенденціозность учебника г. Иловайскаго. Все это давно уже стало общимъ мѣстомъ и ново развѣ только для самого автора пресловутыхъ «Краткихъ очерковъ русской исторіи» Отвергая хоть черезчуръ поздно, но совершенно справедливо пригодность для нашей средней школы учебника г. Иловайскаго, оффиціальный критикъ ставитъ преподавателя въ довольно трудное положеніе: едва ли кто-либо изъ русскихъ преподавателей нынѣ, послѣ оффиціальнаго отзыва ученаго комитета, признаетъ сколько-нибудь пристойнымъ для школы и сколько-нибудь добросовѣстнымъ со стороны преподавателя допустить даже одну возможность дальнѣйшаго пребыванія названнаго учебника въ рукахъ учащихся.

Итакъ, со слѣдующаго учебнаго года учебникъ г. Иловайскаго принуждены упразднить даже самые отсталые преподаватели. Въ такой, можно сказать, историческій моментъ наша школа получаетъ учебникъ русской исторіи г. Рожкова. Въ данную минуту нѣтъ ни возможности, ни надобности дѣлать подробный критическій разборъ новаго учебника: самому автору, надо думать, всего яснѣе его недостатки и нѣтъ сомнѣнія, что многое онъ переработаетъ въ послѣдующихъ изданіяхъ по собственному почину. Давая общую характеристику новаго учебника, мы должны признать въ немъ очень цѣнное, своеобразное и серьезное явленіе въ нашей учебной литературѣ, которое, по крайней мѣрѣ, въ первое время, едва ли привлечетъ къ себѣ особенныя симпатіи: и научной, и педагогической критикѣ предстоитъ довольно широкій просторъ въ вознѣ съ учебникомъ г. Рожкова. Пишущій настоящія строки съ живымъ интересомъ и за одинъ пріемъ прочиталъ учебникъ. Прежде всего поражаетъ объемъ учебника: на протяженіи едва сотни страницъ крупнаго, четкаго шрифта авторъ ухитрился обрисовать весь процессъ русской исторіи съ IX до XX вѣка (собственно на 93 страницахъ при полномъ отсутствіи дѣленія текста по шрифтамъ крупному и мелкому). На столь незначительномъ пространствѣ авторъ сжато, отрывисто и ясно изложилъ значительный по объему историческаго содержанія матеріалъ, исходя изъ основныхъ общихъ понятій о хозяйствѣ, обществѣ и государствѣ. Черезъ весь учебникъ проходитъ единый цѣльный взглядъ, которымъ опредѣлилась не только вся система изложенія, но и основной признакъ для дѣленія русской исторіи на періоды. Въ основаніе этого дѣленія положенъ *хозяйственный принципъ*: каждый періодъ русской исторіи разсматривается, прежде всего, въ отношеніи хозяйственныхъ формъ, ему присущихъ; съ точки зрѣнія вліянія этихъ хозяйственныхъ формъ обрисовывается въ каждомъ періодѣ состояніе общества и государства. Цѣльность взгляда обозначается попыткой представить всю исторію Россіи какъ своеобразный хозяйственный процессъ, въ отношеніи къ которому процессы соціальный и политическій занимаютъ не сопутствующее, а подчиненное положеніе. Эта рискованная цѣльность взгляда проведена въ учебникѣ строго догматически; ни малѣйшей критики, ни малѣйшаго колебанія не замѣчается въ изложеніи автора, который весь русскій историческій процессъ даетъ въ руки учащихся стройнымъ, яснымъ, опредѣленнымъ.

Насколько вѣрна и научна общая точка зрѣнія автора, это—вопросъ совсѣмъ другой, но всякій преподаватель, ознакомившись съ учебникомъ г. Рожкова, скажетъ, что рѣдкій учебникъ въ нашей жалкой литературѣ трактуетъ предметъ такъ педагогически умно, съ такимъ всесокрушающимъ догматизмомъ. Въ учебникѣ, предназначенномъ для средней школы, авторъ по принципу про-

тивъ «критическаго изложенія», но въ то же время не отрекается отъ проникновенія въ учебникъ «личныхъ научныхъ воззрѣній составителя». По его мнѣнію (стр. 4), «это совершенно неустранимо, такъ что авторъ предлагаемаго учебника не желаетъ даже и оправдываться противъ возможнаго, но не имѣющаго реальнаго значенія упрека въ субъективизмѣ». Цѣльность единаго взгляда и строгая опредѣленность основной цѣли изложенія привели автора къ совершенно правильному, съ нашей точки зрѣнія, исключенію изъ учебника историческаго балласта, призваннаго въ нашей школѣ удручать безъ смысла память учащихся и воспитывать въ нихъ убѣжденіе въ безсмысленности самого предмета, представляющаго кучу стараго хлама, мелкихъ анекдотовъ, никому не нужныхъ вещей. «Авторъ,—читаемъ въ предисловіи и убѣждаемся изъ чтенія самаго учебника,—старался по возможности сократить количество хронологическихъ датъ, собственныхъ именъ, сраженій, номенклатуру мирныхъ договоровъ, вообще весь тотъ балластъ, которымъ обыкновенно въ изобиліи переполняются распространенныя историческія руководства». Для большей рѣзкости и оригинальности г. Рожковъ даже прибавилъ фразу, что «онъ сознаетъ, что въ этомъ отношеніи, быть можетъ, слѣдовало бы пойти даже гораздо далѣе, чѣмъ то сдѣлано въ учебникѣ». Фраза эта, конечно, лишняя и по существу, и по положенію вещей въ нашей учебной литературѣ вообще. Г. Рожковъ полагаетъ, что учебникъ долженъ заключать въ себѣ только необходимое, а это необходимое есть, во-первыхъ, сжатая и точная формулировка обобщеній, явившихся результатомъ школьной работы, а во-вторыхъ, минимальное, необходимое лишь для ясности, количество хорошо подобранныхъ и кратко намѣченныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ эти обобщенія. Мы не споримъ противъ этого положенія, но принуждены сказать, что въ такомъ случаѣ для большинства нашихъ преподавателей исторіи учебникъ г. Рожкова мало соблазнителенъ, ибо у насъ все еще *только* задаютъ уроки, а въ классѣ въ лучшемъ случаѣ разжевываютъ своими словами текстъ учебника. Существующія исключенія не создаютъ порядка, и большинству не справиться съ преподаваніемъ по данному учебнику; ученое же меньшинство вступитъ въ полемику съ авторомъ по многимъ пунктамъ и прежде всего по вопросу объ основномъ взглядѣ, проведенномъ черезъ весь учебникъ. Самъ авторъ въ сущности чувствуетъ своеобразіе роли своего учебника и понимаетъ, что онъ въ данномъ видѣ скорѣе пособіе къ его собственнымъ урокамъ въ школѣ. Въ началѣ предисловія г. Рожковъ пишетъ: «Урокъ долженъ начинаться разсказомъ преподавателя, разсказомъ конкретнымъ и живымъ, непремѣнно яснымъ и лишеннымъ вычурности. Преподаватель даетъ ученикамъ конкретную картину той или другой стороны исторической жизни даннаго періода и иллюстрируетъ при этомъ свой разсказъ картинами, картами, планами, чтеніемъ изъ книги и т. д., смотря по обстоятельствамъ и по потребности. Затѣмъ онъ долженъ путемъ бесѣды съ классомъ добиться того, чтобы учащіеся, съ его помощью, сдѣлали изъ предложеннаго въ его разсказѣ конкретнаго матеріала необходимые общіе выводы». Что же касается учебника, то «здѣсь ученикъ долженъ найти все то, что необходимо усвоить памятью, повторить послѣ разсказа учителя и классной бесѣды». Цитаты показываютъ, какъ авторъ смотритъ на свой учебникъ; его учебникъ стоитъ въ непосредственной связи съ педагогическою дѣятельностью самого автора; прекрасный въ его рукахъ новый учебникъ можетъ сдѣлаться почти непремѣннымъ въ рукахъ преподавателя, не владѣющаго предметомъ научно (а у насъ подавляющее большинство такихъ). Этимъ обстоятельствомъ сильно умаляется практическое значеніе новаго учебника, однимъ изъ существенныхъ достоинствъ котораго является сжатый, простой способъ изложенія, чуждый вычурности и потугъ на художественное изображеніе. Мы должны сказать, что учебникъ въ чтеніи для учащихся не такъ ясенъ, какъ кажется автору; но мы вполнѣ готовы утвер-

ждать, что онъ превосходенъ прежде всего для учениковъ самого г. Рожкова. Отсюда проистекаетъ и еще одно замѣчаніе, которое необходимо сдѣлать въ виду того, что на обложкѣ значится: «Для среднихъ учебныхъ заведеній и *для самообразованія*». Учебникъ для школы и книга для самообразованія—не одно и то же; уже самая роль, которую отводитъ учебнику въ школьномъ преподаваніи авторъ, исключаетъ возможность такого моднаго сочетанія. Поэтому, мы думаемъ, что авторъ напрасно вводитъ свою публику въ заблужденіе, и по традиціи двѣ трети книги отводитъ древней и только одну треть новой Россіи: въ книгѣ для домашняго самообразовательнаго чтенія слѣдовало бы какъ разъ наоборотъ. Быть можетъ, его сбило съ толку въ этомъ отношеніи «Краткое пособіе по русской исторіи» проф. В. О. Ключевскаго, о которомъ намъ еще придется, говорить, но такими примѣрами увлекаться не слѣдуетъ.

Несмотря на рядъ возможныхъ возраженій и даже очень существенныхъ, мы готовы привѣтствовать учебникъ г. Рожкова, какъ предварительную попытку пойти въ нашей школѣ по новому пути въ дѣлѣ историческаго преподаванія, мы съ большимъ удовольствіемъ его рекомендуемъ, но принуждены выставить категорическое требованіе для русскаго учебника считаться съ уровнемъ нашей преподавательской массы. *Вас. Сторожевъ.*

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Монтескье. «О духѣ законовъ».

Монтескьё. О духѣ законовъ. Пер. съ французскаго подъ ред. А. Г. Горнфельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900 г. XVI+706 стр. Ц. 4 р. «Духъ законовъ» Монтескьё, появлявшійся на русскомъ языкѣ еще въ XVIII ст. въ отрывкахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны извлеченія, сдѣланныя Екатериной II безъ указанія источника въ ея «Наказѣ», впервые былъ напечатанъ цѣликомъ порусски, если не ошибаемся, въ Москвѣ въ 1810 году. Затѣмъ, въ тридцатыхъ годахъ вышелъ переводъ Корнева, напечатанный вторымъ изданіемъ въ 1862 году. Тѣмъ не менѣе новое однотомное изданіе является новостью въ русской литературѣ, какъ потому, что старыя изданія стали библіографическою рѣдкостью, такъ и потому, что они какъ многотомныя были очень громоздкими и дорогими даже въ сравненіи съ высокою цѣною новаго изданія.

Сочиненіе М. по своему содержанію и формѣ принадлежитъ къ типичнѣйшимъ произведеніямъ XVIII ст. Теперь не пишутъ такъ серьезныхъ изслѣдованій ни по одной отрасли наукъ, не исключая, конечно, и государственнаго права или философіи права. Въ «Духѣ законовъ» нерѣдко можно встрѣтить анекдотъ, пересказъ какой-нибудь «международной сплетни», остроумное замѣчаніе по поводу серьезнаго вопроса и всякій другой легкій идейный матеріалъ. То, что теперь выдѣлилось въ спеціальныя области текущей литературы журнальныхъ и газетныхъ хроникъ и обзоровъ, корреспонденцій и даже репортерскихъ отчетовъ, тогда при отсутствіи дифференціаціи различныхъ отраслей литературы должно было находить себѣ убѣжище въ серьезныхъ изслѣдованіяхъ по обществовѣдѣнію. Но теперь какая-нибудь хроника, обзоръ или корреспонденція пишется въ теченіе нѣсколькихъ дней или недѣль, М. обрабатывалъ свой трудъ ровно двадцать лѣтъ. При такихъ условіяхъ, конечно, и тотъ легкій идейный матеріалъ, которымъ отчасти пользуется М., носитъ совсѣмъ другой характеръ, являясь болѣе типичнымъ и обдуманнымъ. Тѣмъ не менѣе, именно благодаря присутствію этихъ составныхъ частей въ содержаніи, «Духъ

законовъ» М., оставаясь классическимъ произведеніемъ по государствовѣдѣнію въ европейской литературѣ, наиболѣе приближается по своему общему характеру къ современнымъ общеобразовательнымъ и популярнымъ сочиненіямъ.

Несмотря на чрезвычайное богатство и разнообразіе содержанія, которыя М. сумѣлъ сообщить своему произведенію, въ немъ все покоится на руководящихъ общихъ идеяхъ. Поэтому, съ точки зрѣнія тѣхъ современныхъ изслѣдователей, которые очень отрицательно относятся къ «одностороннимъ и поспѣшнымъ обобщеніямъ», М. долженъ быть признанъ «доктринеромъ». Основныя идеи М., если не считать послѣднихъ историческихъ частей его сочиненія, сводятся къ тремъ главнымъ положеніямъ—къ теоріи раздѣленія властей, къ ученію о вліяніи географическихъ и климатическихъ условій на политическій строй и къ ученію о соотношеніи между политическими учрежденіями страны и нравственно-психическимъ складомъ ея жителей.

Теорія раздѣленія властей, наиболѣе популярное изъ ученій М., главнымъ образомъ, прославила его имя. Предпосылкой ей служилъ пессимистическій взглядъ М. на ходъ развитія современныхъ ему государствъ. Онъ считалъ, что европейскія государства съ монархическимъ правленіемъ и, прежде всего, его собственное отечество вырождаются въ деспотіи. Для борьбы съ этимъ, съ его точки зрѣнія, въ высшей степени нежелательнымъ явленіемъ онъ проповѣдывалъ раздѣленіе властей, при которомъ законодательная власть должна была принадлежать представительному собранію, исполнительная находилась бы въ рукахъ у главы государства, а судебная поручилась бы особымъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, М. является однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ конституціоннаго режима и основателемъ ученія о представительномъ правленіи. Для него характерно то, что въ его ученіи участіе народа въ законодательствѣ неотдѣлимо отъ теоріи раздѣленія властей и составляетъ какъ бы часть ея. Поэтому, въ исторіи государствовѣдѣнія М. прославляется именно за созданіе теоріи раздѣленія властей, и многіе видятъ въ ней его главную заслугу. Но полуторавѣковая практика и современное состояніе теоріи государственнаго права требуютъ строгаго раздѣленія этихъ двухъ составныхъ частей ученія М., представляющихъ далеко не одинаковую цѣнность. Современная система гарантій политической свободы поставила на первое мѣсто участіе народа въ законодательствѣ путемъ представительства, сведя теорію раздѣленія властей къ простому техническому пріему организаціи различныхъ правительственныхъ учрежденій.

Собственно говоря, теорія раздѣленія властей М. во всемъ ея объемѣ, какъ теорія раздѣленія государственной власти или суверенитета, получила полное примѣненіе только во Франціи, и здѣсь она дала самые неутѣшительные результаты. Еще въ началѣ истекшаго столѣтія убѣдились, что три рядомъ стоящія равносильныя власти могутъ вмѣсто того, чтобы, ограничивая другъ друга, вести къ гармоническимъ результатамъ, находиться въ непрерывной борьбѣ и только тормозить теченіе всѣхъ дѣлъ. На практикѣ въ теченіе всего послѣдняго столѣтія теорія раздѣленія властей служила лишь прикрытіемъ для самыхъ грубыхъ проявленій классовой борьбы. Въ періодъ гражданскихъ войнъ во Франціи въ теченіе всего столѣтія вплоть до послѣднихъ лѣтъ самыя ужасныя преступленія противъ свободы и человѣческихъ правъ отстаивались и даже оправдывались на томъ основаніи, что одна власть не можетъ вмѣшиваться въ сферу дѣятельности другой. Понятно, почему еще въ 1848 г. одинъ изъ очевидцевъ іюньскихъ дней въ Парижѣ Герценъ называетъ теорію раздѣленія властей «пошлостью». Давъ такіе отрицательные результаты на практикѣ, теорія раздѣленія властей не выдерживаетъ никакой критики въ теоретическомъ отношеніи. Вся современная наука государственнаго права основывается на ученіи объ единствѣ государственной власти, и несмотря на суще-

ствованіе среди ея представителей самыхъ противоположныхъ школъ, всѣ онѣ согласны въ отрицательномъ отношеніи къ теоріи раздѣленія властей М.

Вторая идейная основа «Духа законовъ», ученіе о вліяніи географическихъ и климатическихъ условій на государственныя учрежденія подверглась критикѣ со стороны младшихъ современниковъ М., Вольтера и Кондорсэ, которые не считали возможнымъ согласовать устойчивость географическихъ и климатическихъ условій съ разнообразіемъ смѣнявшихся въ теченіе вѣковъ политическихъ учрежденій въ Италіи и Греціи. Тѣмъ менѣе, спустя сто лѣтъ послѣ М., это ученіе еще разъ было повторено Боклемъ. Теперь, однако, оно представляетъ лишь историческій интересъ.

Наконецъ, ученіе М. объ извѣстномъ соотвѣтствіи между нравственно-психическимъ складомъ жителей страны и всѣмъ политическимъ и общественнымъ строемъ ея постоянно воспроизводилось въ связи съ его именемъ, но оно меньше всего было использовано въ теоретическомъ отношеніи. Между тѣмъ, оно собственно и составляетъ основу соціологическихъ воззрѣній М. и представляетъ громадный теоретическій интересъ, можетъ натолкнуть даже современнаго соціолога на рядъ плодотворныхъ мыслей.

Съ внѣшней стороны, книга М. издана по-русски очень хорошо. Кромѣ вступительной статьи, она снабжена обильными примѣчаніями къ тексту. Однако, принявъ во вниманіе очень высокую цѣну книги, естественно предъявить къ этому изданію болѣе высокія требованія, а имъ оно не удовлетворяетъ. Основнымъ недостаткомъ изданія надо признать то, что въ немъ несоблюдено элементарное правило, примѣняемое въ серьезныхъ переводныхъ изданіяхъ,—не указано то французское изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ. Поэтому, читатель останавливается въ недоумѣніи передъ примѣчаніями, прохожденіе которыхъ для него темно. Кромѣ того, къ книгѣ необходимо было приложить подробный указатель или, по крайней мѣрѣ, для облегченія пользованія его, напечатать наверху каждой страницы названіе главы, часть которой она составляетъ. Предисловіе М. М. Ковалевскаго, являющееся въ значительной мѣрѣ повтореніемъ соотвѣтственной главы изъ его книги «Происхожденіе современной демократіи», помогаетъ читателю разобраться въ большомъ содержаніи «Духа законовъ». Авторъ его даетъ, на основаніи недавно изданнаго дневника М., историческій очеркъ постепеннаго возникновенія отдѣльныхъ его идей и анализируетъ содержаніе его книги. Если, однако, принять во вниманіе интересы средняго читателя, то нельзя не отмѣтить одной внѣшней отрицательной стороны этого предисловія. Въ одной изъ напечатанныхъ уже рецензій на новое изданіе книги М. (см. «Русск. Вѣд.» 1900 г., № 302) указано на то, что М. М. Ковалевскій на первой страницѣ своей статьи приписываетъ М., что онъ «раскрылъ глаза на преимущества представительнаго образа правленія, солидарнаго и отвѣтственнаго министерства», хотя въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ самъ признаетъ, что идея солидарнаго и отвѣтственнаго министерства была совершенно чужда М. На второй страницѣ этой статьи, невольно обращаетъ на себя вниманіе утвержденіе автора, что воззрѣнія М. «на выгоды раздѣленія властей» «не разъ раздѣляемы были и авторомъ «Общественнаго Договора», между тѣмъ какъ Руссо, именно въ «Общественномъ Договорѣ», заявляетъ себя самымъ непримиримымъ противникомъ теоріи раздѣленія властей (см. «Du Contrat soc.» L. I. Ch. 2. Que la souveraineté est indivisible). Такая неточность, или вѣрнѣе небрежность, свидѣтельствуютъ о крайней поспѣшности, съ которой извѣстный ученый пишетъ свои послѣдніе труды, и можетъ ввести въ заблужденіе неподготовленнаго читателя.

Б. К—скій.

АСТРОНОМІЯ И ФИЗИКА.

«Русскій астрономическій календарь на 1901 г.»—*В. Вислиценусъ.* «Астрофизика».—*А. Г. Столѣтовъ.* «Введеніе въ акустику и оптику».—*Л. Уманецъ.* «Жизнь и труды Эддисона.»—*В. Барингеръ.* «Что нужно знать по электротехникѣ».

Русскій астрономическій календарь на 1901 годъ. Нижегородскаго кружка Любителей физики и Астрономіи. Подъ редакціей Предсѣдателя С. Щербакова. XII+174+29 стр. Н. Н. 1900 г. Ц. 75 к. Лежащій передъ нами седьмой выпускъ «Русскаго астрономическаго календаря» изданъ также умѣло, съ такою же любовью къ дѣлу, какъ и предыдущіе шесть. Это изданіе дѣятельнаго нижегородскаго кружка настолько извѣстно, что нѣтъ необходимости подробно останавливаться на немъ. Число любителей-астрономовъ растетъ у насъ и должно еще расти и для нихъ «Календарь» является надежнымъ и понятнымъ руководителемъ; эту цѣль «главнымъ образомъ» и имѣли въ виду составители «Календаря» и умѣло пріурочили всѣ даваемыя свѣдѣнія къ элементарнымъ математическимъ познаніямъ и небольшимъ инструментальнымъ средствамъ нашего любителя-астронома. Кромѣ обычныхъ свѣдѣній по астрономіи и таблицъ на 1901 годъ, къ книгѣ приложены еще діаграмма кольцеобразнаго солнечнаго затменія, имѣющаго быть 29 окт. 1901 г. и видимаго почти по всей Россіи, и подвижная карта звѣзднаго неба, дающая возможность любителю легко оріентироваться на небѣ. Въ отдѣльномъ приложеніи помѣщены двѣ статьи «Успѣхи астрономіи за 1899 г.» и «О метеорѣ 10—23 авг. 1900 г.» С. Блажко и статья проф. В. Церасскаго: «Нѣсколько словъ объ астрофотометріи въ ея современномъ состояніи» (съ рис.).

У насъ часто полагаютъ, что для любительскихъ занятій астрономіей необходимы большія математическія знанія и значительныя средства и что только при этихъ условіяхъ труды любителя могутъ оказать пользу наукѣ. Насколько это несправедливо доказываетъ намъ недавній опытъ—открытіе Nova Persei г. Борисякомъ, и изслѣдованіе спектра ея г. Баляснымъ (въ Полтавѣ). Будемъ надѣяться, что эти успѣхи любителей побудятъ многихъ заинтересоваться небомъ, а имъ въ свою очередь горячо рекомендуемъ «Русскій астрономическій календарь». *А. Г.*

Библіотека Знанія. № 1. В. Ф. Вислиценусъ, проф. Страсбургскаго унив. Астрофизика. Свойства небесныхъ тѣлъ. Перев. Н. Синеокова 150 стр., 11 рис. Спб. 1901 г. Цѣна 40 коп. Вводная глава къ сочиненію проф. Вислиценуса, трактующая на пространствѣ 10 стр. «нѣкоторыя важнѣйшія физическія понятія», наиболѣе неудачная во всей, въ остальномъ довольно содержательной, брошюркѣ. Нѣтъ возможности въ 16 строкахъ дать понятіе объ теоріи свѣта, какъ это пытается сдѣлать авторъ; нельзя также утверждать, что «удѣльный вѣсъ воздуха равенъ 0,001», и что длина волны есть то «пространство, въ предѣлахъ котораго колеблется въ разныя стороны каждая частица эфира». Остальныя четыре главы: «Солнце», «Луна», «Планеты и ихъ спутники» и «Тѣла въ міровомъ пространствѣ» содержатъ довольно полное, хотя и нелишенное неточностей, изложеніе результатовъ, добытыхъ современной астрофизикой. Къ сожалѣнію, авторъ лишь вскользь и часто въ довольно непонятномъ изложеніи касается одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ этой наиболѣе молодой изъ всѣхъ наукъ—именно методовъ ея.

Переводъ оставляетъ желать лучшаго; мы встрѣчаемъ здѣсь «насколько» вмѣсто «во сколько разъ», «свѣча Вальрата» (Wallrathkerze-спермацетовая свѣча); извѣстный астрономъ Жансенъ названъ Янсеномъ, и многія другія имена собственныя переданы такъ, что трудно догадаться, кого цитируетъ авторъ. Книжка

издана прилично, рисунки, однако, мало удовлетворительны. Цѣна книжки очень невысокая. *А. Г.*

А. Г. Столѣтовъ. Введеніе въ акустику и оптику. 2-ое изд. XIII+324 стр., 285 черт. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

Второе изданіе извѣстнаго курса покойнаго московскаго ученаго представляетъ дословную перепечатку быстро разошедшагося перваго изданія, выпущеннаго въ 1895 г. Разсматриваемое сочиненіе настолько извѣстно, что излишнимъ было бы давать подробный разборъ его. Достаточно лишь вновь указать, что «Введеніе» проф. Столѣтова, несомнѣнно, лучшее начальное руководство по разсматриваемому предмету, имѣющееся на русскомъ языкѣ. Хотя оно и представляетъ, какъ авторъ пишетъ въ предисловіи къ первому изданію, лишь разработку конспекта нѣкоторой части университетскаго курса по общей физикѣ, оно не страдаетъ обычными недостатками лекцій, изданныхъ въ видѣ книги. Авторъ необыкновенно умѣло соединилъ въ своемъ курсѣ точность формулировки съ ясностью изложенія, сжатость съ полнотою содержанія. Особенно совершеннымъ кажется намъ изложеніе геометрической оптики, которая въ курсѣ А. Г. Столѣтова, кажется, впервые появилась въ томъ видѣ, въ какомъ, несомнѣнно, ее слѣдуетъ излагать при современномъ положеніи физики, а именно съ точки зрѣнія распространенія волнъ въ эфирѣ.

Книга издана вполнѣ прилично, рисунки, при всей своей схематичности, ясны и отчетливы. Единственное, что можно поставить въ упрекъ издателямъ 2-го изданія это то, что они не дополнили списка литературныхъ пособій, приведенныхъ въ концѣ сочиненія; такъ, напр., вышелъ уже и второй томъ 2-го изданія «Theory of Sound» лорда Рэлея, на первый томъ котораго указываетъ списокъ пособій; пропущено столь замѣчательное сочиненіе, какъ «Lehrbuch der Optik» проф. Друде, вышедшее въ 1900 г. *А. Г.*

«Новая Библіотека». Левъ Уманецъ, Жизнь и труды Эдисона, съ портр. Эдисона. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль», 112 стр. Москва. 1901 г. Ц. 20 коп.

Разсматриваемый выпускъ «Новой Библіотеки» содержитъ живо и интересно написанный очеркъ жизни и трудовъ «волшебника изъ Менло-Парка». Мы, читая книжку Л. Уманца, съ интересомъ слѣдимъ за тѣмъ, какъ изъ ловкаго и талантливаго молодого янки вырабатывается геніальный изобрѣтатель, и невольно завидуемъ его желѣзной энергіи и сверхчеловѣческой работоспособности. Полезно читать такія книги—они придаютъ бодрость и охоту къ работѣ.

Изложеніе живое, мѣстами даже увлекательное. Жаль только, что описаніе самихъ работъ и изобрѣтеній Эдисона какое-то смутное и мало ясное. Важная роль Эдисона въ развитіи *техники* электрическаго освѣщенія совершенно не выяснена. Стр. 83 трактуетъ о какой-то несуществовавшей электрической свѣчѣ Эдисона (вѣроятно, неудачаный переводъ «elektrisches Licht»), на стр. 85 намъ сообщаютъ, что Яблочковъ примѣнялъ регуляторъ для сохраненія постояннаго разстоянія между неравномѣрно сгоравшими углями его свѣчи, что уже совершенно невѣрно; на стр. 69 говорится, что нота *до* соотвѣтствуетъ 440 колебаніямъ *въ минуту* и т. д. Вообще книжка много выиграла бы, если бы соотвѣтственныя мѣста ея были просмотрѣны и исправлены свѣдущимъ человѣкомъ. *А. Г.*

Д-ръ В. Барингеръ. Что нужно знать по электротехникѣ? Перев. съ посл. нѣмецкаго изданія Ѳ. Ф. Александрова. 108 стр.; 36 рис. С.-пб. 1901 г. Ц. 35 к. Разсматриваемая книжка вызываетъ при чтеніи полное неудомѣніе. Очевидно авторъ совершенно незнакомъ съ основами трактуемаго имъ предмета; сплошь и рядомъ совершено неправильныя утвержденія, путаница въ опредѣленіяхъ и, наконецъ, такія необыкновенныя мѣста, при чтеніи которыхъ читатель самъ начинаетъ сомнѣваться, не потерялъ ли онъ способность понимать читанное.

Вотъ нѣсколько перловъ: «Различаютъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе роды электричества: 1) электричество возбуждаемое треніемъ; 2) электричество, возбуждаемое прикосновеніемъ; 3) динамо-электричество; 4) магнито-электричество; 5) индукціонное электричество» (стр. 7). «При соприкосновеніи двухъ проводниковъ происходитъ постоянное развитіе электричества, причемъ появляется, если можно такъ выразиться, равномѣрный токъ, которому дали названіе гальваническаго» (стр. 12). Хорошіе проводники, «смотря по степени своей проводимости, дѣлятся на проводники перваго и второго рода» (стр. 18). «Подвижной проводникъ тока подъ вліяніемъ магнита самъ дѣлается также магнитомъ» (стр. 25). «Хотя теплота, выдѣляющаяся при образованіи электрическаго свѣта, очень велика, однако количество ея настолько ничтожно, что она скоро разсѣивается въ окружающемъ пространствѣ» (стр. 71). Переводъ крайне небрежный и можно предположить, что многія особенно неудачныя мѣста принадлежатъ переводчику.

Низкая цѣна книжки въ данномъ случаѣ должна быть причислена къ ея недостаткамъ, такъ какъ можетъ способствовать ея распространенію. Горько подумать, что многіе жаждущіе знанія будутъ пытаться изъ этой книги черпать свѣдѣнія. И зачѣмъ такія книги переводятся? *А. Г.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій. «Начальное народное образованіе въ Россіи».—*П. Г. Мижуевъ.* «Вліяніе народнаго образованія».—«Русское Чтеніе». Общедоступная газета.—«Литературная хрестоматія для всѣхъ».—*А. Ѳ. Селивановъ.* «П. П. Максимовичъ, основатель Тверской учительской школы».

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей членовъ совѣта бывшаго С.-Петербургскаго Комитета грамотности Г. Фальборка и Чарнолускаго. Томъ I. Статистическія таблицы по уѣздамъ, городскимъ поселеніямъ и селеніямъ имперіи. Спб. 1900 г. Цѣна 6 р. Томъ II. Статистическія таблицы по губерніямъ и районамъ Имперіи. Спб. 1900 г. Цѣна 6 р. Изданіе Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Настоящеее изданіе есть результатъ предпринятаго бывшимъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности перваго сплошного изслѣдованія начальнаго образованія на всемъ, безъ исключенія, громадномъ пространствѣ Россійской Имперіи. Это изслѣдованіе—работа по-истинѣ колоссальная и, конечно, могла быть исполнена только благодаря дружному, совмѣстному труду цѣлаго ряда лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій, безплатно отдававшихъ свой досугъ этому грандіозному предпріятію. А работы было дѣйствительно много. Достаточно указать, что за все время изслѣдованія пришлось выпустить 151.000 бланковъ для правильнаго организованія школъ, 26.000 бланковъ для школъ неорганизованныхъ, около 14.000 уѣздныхъ и городскихъ программъ, 29.000 бланковъ для списковъ училищъ и около 67.000 исходящихъ бумагъ! Какую нужно было бы организовать канцелярію и какой составить штатъ чиновниковъ, чтобы произвести всю эту работу, если бы она была предпринята министерствомъ народнаго просвѣщенія! Мы не говоримъ уже о томъ, что подобное изслѣдованіе потребовало бы со стороны министерства громадныхъ расходовъ. Настоящее изслѣдованіе никогда не располагало и не располагаетъ до сихъ поръ сколько-нибудь достаточными денежными средствами и осуществленіе его приходится основывать, какъ было уже выше нами сказано, на безплатномъ трудѣ. Впослѣдствіи, когда значительная часть изслѣдованія была уже закончена, явились и пожертвованія. Благодаря денежной поддержкѣ цѣлаго ряда лицъ, Императорское Вольно-Эконо-

мическое Общество, которое взяло на себя начатую Комитетомъ грамотности работу, приступило къ печатанію первыхъ двухъ томовъ изслѣдованія, въ твердой увѣренности, что русское общество поможетъ довести это дѣло до конца. Серьезную поддержку изданію изслѣдованія въ свѣтъ оказали уже многіе города, земства, учрежденія и лица, завѣдующія народнымъ образованіемъ, а также и учебныя заведенія. Благодаря этому въ распоряженіи редакціи имѣется около половины всѣхъ необходимыхъ для изданія средствъ; для того, чтобы покрыть и вторую половину расходовъ, необходимъ, однако, еще новый приливъ пожертвованій. Надо надѣяться, что изданіе встрѣтитъ и дальнѣйшую поддержку со стороны друзей народнаго образованія, для которыхъ статистическое изслѣдованіе, подобное настоящему, должно послужить важнымъ теоретическимъ обоснованіемъ для дальнѣйшей дѣятельности.

Все изслѣдованіе распадается на двѣ, совершенно самостоятельныя части. Первая часть представляетъ собой обработку, во-первыхъ, матеріаловъ, доставленныхъ мѣстными учрежденіями и лицами, вѣдающими дѣло начальнаго образованія и, во-вторыхъ, имѣющихся по изучаемымъ вопросамъ печатныхъ источниковъ. Вторая часть изслѣдованія обниметъ обработку обширныхъ матеріаловъ, доставленныхъ непосредственно учащими низшихъ и начальныхъ училищъ имперіи, по однодневной переписи школъ 17-го января 1895 г. Первый томъ изслѣдованія заключаетъ въ себѣ статистическія таблицы по уѣздамъ, селеніямъ и городскимъ поселеніямъ имперіи, дающія подробныя свѣдѣнія о числѣ низшихъ училищъ, о числѣ учащихъ, учащихся, окончившихъ курсъ и о годахъ открытія училищъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что на 1 января 1894 года, во всей имперіи было 44.545 низшихъ и начальныхъ правильно организованныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ и частныхъ училищъ III разряда. Изъ этого общаго числа въ городскихъ поселеніяхъ находилось 6.651 училище, а въ селеніяхъ 37.894, при чемъ многоклассныхъ и двухклассныхъ было 2.395, одноклассныхъ—40.890 и частныхъ училищъ III разряда—1.260. Всѣхъ учащихся было: мальчиковъ—5.884.865, дѣвочекъ—1.837.829. Окончило курсъ на 1 января 1894 года (за 1893—1894 учебн. годъ) мальчиковъ—598.972, дѣвочекъ—170.306. Учащихъ на 1-е января 1894 г. состояло—171.360. Что же касается неорганизованныхъ школъ, то таковыхъ на 1 января 1894 г. было 43.944 съ 875.162 учащимися и 46.256 учащихъ. Въ число неорганизованныхъ школъ входятъ школы грамоты (428), хедера (7.734) и магометанскія школы (1.365). Всѣхъ учащихся въ школахъ грамоты было 402.152, изъ нихъ мальчиковъ — 334.273 и дѣвочекъ 67.879; въ хедерахъ — мальчиковъ 191.505, дѣвочекъ--10.459 и, наконецъ, въ магометанскихъ школахъ учащихся мальчиковъ было 222.545 и дѣвочекъ—48.501. Второй томъ заняли статистическія таблицы по губерніямъ, учебнымъ округамъ, естественнымъ и административнымъ районамъ.

Не имѣя возможности въ краткой замѣткѣ использовать весь тотъ богатый матеріалъ, который заключается въ первыхъ двухъ томахъ, мы остановимся еще только на одной таблицѣ, помѣщенной во 2-мъ томѣ, сухія цифры которой очень краснорѣчиво говорятъ объ отношеніи правящихъ сферъ къ начальному образованію въ различные періоды. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна параллель между эпохами: царствованія императоровъ Александра II и Александра III. Съ 1856 по 1880 г. было открыто низшихъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ (въ томъ числѣ и частныхъ училищъ III разряда) 20.129. Съ 1881 по 1893 г. такихъ правильно организованныхъ училищъ было открыто 20.023. Не смотря на почти одинаковое число открытыхъ училищъ въ ту и другую эпоху, просвѣтительное значеніе открытыхъ училищъ далеко не одно и то же. При болѣе близкомъ анализѣ вышеприведенныхъ цифръ, оказывается, что училища низшаго типа, а также и церковно-приходскія преобла-

даютъ во 2-ой эпохѣ, тогда какъ училища высшаго типа, т.-е. 2-хъ-классныя и многоклассныя всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ, а также свѣтскія одноклассныя преобладаютъ въ первой. Особенно характерно колебаніе цифръ для одноклассныхъ училищъ вѣдомства Св. Синода. Въ первую вышеуказанную эпоху было открыто подобныхъ училищъ 1.631, а во вторую 10.309. Совершенно обратное явленіе произошло съ общественными одноклассными училищами: въ первый періодъ ихъ было открыто 15.081, а во второй только 6.236. За этими сухими цифрами скрывается грустная исторія тяжелой борьбы русской начальной школы съ разнаго рода реакціонными теченіями, стремившимися устроить народную школу на началахъ, ничего общаго съ задачами истиннаго просвѣщенія не имѣющихъ.

Вся первая часть изслѣдованія обниметъ собою восемь томовъ; при этомъ въ третій томъ войдутъ статистическія таблицы, касающіяся финансовой стороны народнаго образованія по уѣздамъ, городскимъ поселеніямъ и селеніямъ, а также по губерніямъ, учебнымъ округамъ, естественнымъ и административнымъ районамъ; въ четвертый и пятый—комбинаціонныя таблицы и таблицы для выработки плана всеобщаго обученія; въ шестой—діаграммы, картограммы и карта народнаго образованія въ Россіи и, наконецъ, седьмой и восьмой томы будутъ посвящены тексту. *Конст. Диксонъ.*

П. Г. Мижуевъ. Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность и другія стороны общественной жизни. Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 1901 г. Цѣна 80 коп. Интересная книга г. Мижуева заключаетъ въ себѣ обзоръ тѣхъ соображеній и фактовъ, которые говорятъ въ пользу необходимости самаго широкаго распространенія въ народной средѣ образованія. Мы, къ нашему стыду, переживаемъ еще тотъ періодъ культурнаго развитія, когда приходится серьезно убѣждать самыми разнообразными доводами, что образованіе одинаково для всѣхъ необходимо. Еще не такъ давно подымался вопросъ о «кухаркиныхъ сыновьяхъ» въ гимназіяхъ и о сокращеніи общеобразовательнаго курса начальной школы въ пользу введенія въ ея програму профессіональныхъ знаній. Но это желаніе превратить народную школу въ профессіональную, къ счастью, встрѣтило серьезный отпоръ со стороны тѣхъ дѣятелей въ области народнаго образованія, которые ни на минуту не сомнѣвались въ истинныхъ стремленіяхъ неожиданныхъ защитниковъ профессіонализма въ начальной школѣ. Авторъ вышеуказанной книги собралъ цѣлый рядъ доказательствъ, которыя могли бы поколебать убѣжденныхъ сторонниковъ народнаго невѣжества въ ихъ взглядахъ на образованіе. Вопросъ разсматривается съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Въ концѣ концовъ авторъ, опираясь въ своихъ сужденіяхъ на свидѣтельство лицъ, вполнѣ авторитетныхъ, «большею частью совершенно чуждыхъ всякаго желанія искать особенно темныхъ сторонъ русской жизни», приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Крайне низкое состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи дѣлаетъ и трудъ народа гораздо менѣе производительнымъ труда народа въ другихъ культурныхъ государствахъ. Этимъ объясняется 2) крайняя бѣдность народа въ Россіи по сравненію съ другими народами. 3) Бѣдность русскаго народа, будучи въ значительной степени результатомъ его невѣжества и проистекающей отъ него малой производительности труда, составляетъ въ свою очередь серьезную помѣху для успѣшной борьбы съ невѣжествомъ посредствомъ школы. Этимъ объясняется, что Россія, занимая одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди культурныхъ странъ по распространенію среди народа образованія и матеріальныхъ благъ жизни, принадлежитъ въ то же время къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ замѣчается наименьшій прогрессъ въ обоихъ отношеніяхъ. 4) Однимъ изъ результатовъ бѣдности населенія въ Россіи является и то обстоятельство, что русскій народъ занимаетъ послѣднее мѣсто между главными культурными народами не-

только по потребленію мяса, но даже и по потребленію хлѣба. Какъ результатъ плохого питанія—громадная смертность, по отношенію къ которой Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. 5) Совокупнымъ вліяніемъ бѣдности, невѣжества и плохого питанія русскаго народа, по мнѣнію автора, слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, констатируемый спеціалистами, что «въ Россіи заразныя болѣзни распространены болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было изъ европейскихъ государствъ», равно какъ и то, что «смертность отъ заразныхъ болѣзней у насъ чрезвычайно велика». 6) Въ значительной степени тѣми же обстоятельствами—невѣжествомъ, бѣдностью, плохимъ питаніемъ и возникающимъ на почвѣ послѣдняго физическимъ вырожденіемъ объясняется «еще одна печальная привилегія Россіи—занимать одно изъ первыхъ мѣстъ (если не первое) среди культурныхъ странъ по количеству глухонѣмыхъ и слѣпыхъ». 7) Масса русскаго народа, вслѣдствіе поголовнаго невѣжества, не имѣетъ настоящаго понятія ни о догматахъ исповѣдуемой ею вѣры, ни о смыслѣ исполняемыхъ ею обрядовъ, и, наконецъ, 8) невѣжество русскаго народа и некультурность русскаго общества вообще ставитъ непреодолимыя препятствія для развитія такъ называемой «общественной нравственности», т.-е. сознанія своихъ обязанностей по отношенію не только къ людямъ, съ которыми вступаешь въ непосредственныя, близкія сношенія, но и по отношенію ко всѣмъ согражданамъ вообще. Послѣднее авторъ доказываетъ какъ сравнительно ничтожнымъ числомъ благотворительныхъ обществъ въ Россіи и ихъ бѣдностью, такъ и въ особенности недостаточнымъ развитіемъ фабричнаго законодательства, ограждающаго жизнь и здоровье рабочихъ на фабрикахъ, отсутствіемъ школьнаго законодательства, разумѣя подъ послѣднимъ организацію обязательной и даровой начальной школы, отсутствіемъ сколько-нибудь серьезной общественной (правительственной и со стороны органовъ общественнаго управленія) организаціи помощи всѣмъ обездоленнымъ судьбой и т. д.

Таковы выводы разсматриваемой нами книги. Авторъ добросовѣстно изучилъ массу матеріала и очень удачно скомбинировалъ все то, что онъ нашелъ полезнымъ для доказательства основной идеи. Придавая такое громадное значеніе народному образованію, онъ, конечно, правъ, но врядъ ли бѣдность русскаго народа и низкій уровень «общественной нравственности» есть результаты главнымъ образомъ народнаго невѣжества. Мы склонны думать, что «народное образованіе», только одно «народное образованіе» безъ серьезныхъ реформъ экономическаго и юридическаго характера, не приведетъ къ серьезнымъ улучшеніямъ условій народной жизни. Болѣе широкая свобода для дѣятельности разнаго рода общественныхъ организацій, полный пересмотръ законодательства о крестьянахъ въ смыслѣ уравненія ихъ съ другими сословіями и на этой почвѣ широкое распространеніе образованія—вотъ тѣ необходимые факторы, при дружномъ взаимодѣйствіи которыхъ только и можно поднять, по нашему мнѣнію, обѣднѣвшую и вырождающуюся Русь. *Конст. Диксонъ.*

Русское Чтеніе. Общедоступная газета съ рисунками и картинами. Выходитъ два раза въ недѣлю. Подписная цѣна за годъ 2 р. 50 коп. Издатели: С. Н. Колачевскій и Д. Н. Дубенскій. Редакторъ Дм. Дубенскій. Среди разнаго рода мѣропріятій въ цѣляхъ внѣшкольнаго образованія народа, изданіе общедоступной народной газеты является едва ли не самымъ важнымъ. Къ сожалѣнію, особыя условія для разрѣшенія у насъ дешевыхъ изданій совершенно парализуютъ всякую возможность предпринять что-либо подобное въ этомъ отношеніи. Настоящее изданіе, какъ видно изъ циркуляра, разсылаемаго редакціей, претендуетъ быть «первой народной газетой». Указавъ въ началѣ циркуляра на недостатокъ книгъ для народнаго чтенія, а также на существованіе такихъ изданій, «которыя могутъ прямо принести вредъ незрѣлому уму», редакція новаго органа обѣщаетъ далѣе путемъ систематическаго подбора «со-

твѣтствующаго» матеріала для чтенія, въ духѣ «идеаловъ русскаго народа и государства», «правильно» развивать своего читателя. Передъ нами 17 номеровъ названной газеты, напечатанныхъ на хорошей бумагѣ съ прекрасно исполненными рисунками. Но этимъ и ограничивается все достоинство этой «первой»' народной газеты. Литературная сторона изданія крайне тенденціозна въ извѣстномъ направленіи и оставляетъ желать многаго. За исключеніемъ двухъ-трехъ статеекъ о русской школѣ,—всѣ статьи «Русскаго Чтенія» крайне безсодержательны, при чемъ редакція имѣетъ очевидную склонность къ «побѣдамъ» и «покореніями», отводя этому «патріотическому» жанру слишкомъ много мѣста. Можетъ быть, редакція дѣлаетъ это потому, что газета рекомендована циркулярами разныхъ военныхъ учрежденій для чтенія въ войскахъ, но даже и въ этомъ случаѣ такой тенденціозный выборъ матеріала крайне нежелателенъ. Статей по общественнымъ вопросамъ, крайне ограниченно. Научно-популярныхъ статей почти нѣтъ, если не считать статеекъ по сельскому хозяйству. Крайне важный въ народной газетѣ отдѣлъ библіографіи почти отсутствуетъ. Правда, мы нашли нѣсколько отзывовъ о новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, но всѣ они носятъ чисто случайный характеръ. Очевидно, редакція не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ задачи этого отдѣла. Въ заключеніе нашей замѣтки, мы должны сказать, что редакція «Русскаго Чтенія» совершенно упустила изъ виду назначеніе этого органа быть общедоступной народной газетой, а не сборникомъ прописной «патріотической» морали, которой и безъ того достаточно на книжномъ рынкѣ. Народная газета должна быть живымъ періодическимъ органомъ; она должна зорко слѣдить за всѣми узаконеніями и распоряженіями въ области народной жизни, излагая въ общедоступной формѣ основные принципы нашихъ правовыхъ отношеній.

Это первая и главная задача народной газеты. А затѣмъ, газета должна быть проводникомъ всякаго рода свѣдѣній въ народную среду; она должна замѣнить собой «народный университетъ», сообщая въ популярномъ изложеніи элементы научнаго знанія; она должна будить мысль своего читателя и возбуждать въ немъ интересъ къ серьезному чтенію. Наконецъ, народная газета должна давать и занимательное литературное чтеніе, безъ традиціонныхъ нахученій, состоящее изъ дѣйствительно художественныхъ произведеній оригинальныхъ и переводныхъ. Подобная газета, дѣйствительно, можетъ оказать большую услугу дѣлу народнаго просвѣщенія и мы могли бы только привѣтствовать появленіе такого изданія. «Русское Чтеніе», къ сожалѣнію, не отвѣчаетъ идеалу народной газеты и, на нашъ взглядъ, оно скорѣе можетъ принести серьезный вредъ, чѣмъ пользу. *Конст. Диксонъ.*

Литературная хрестоматія для всѣхъ (Пособіе для устройства образовательныхъ литературныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ). Составлено Одесскимъ Обществомъ любителей науки, литературы и искусства при сотрудничествѣ проф. Г. Е. Аѳанасьева, проф. А. Н. Деревицкаго, проф. А. И. Кирпичникова и др. Томъ 1-й, вып. 1-й. Одесса. Изданіе акціонернаго Южно-Русскаго Общества печатнаго дѣла, 1900 г. ц. 1 р. 25 к. Составители этой хрестоматіи задались цѣлью дать характеристики выдающихся писателей въ видѣ популярныхъ лекцій, которыя могли бы служить образцомъ для организаторовъ общественныхъ литературныхъ чтеній. Мысль составить подобную книгу, несомнѣнно, вполнѣ своевременна. Всѣ, кому приходилось принимать близкое участіе въ устройствѣ народныхъ чтеній и общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ, знаютъ, съ какимъ трудомъ приходится выискивать подходящій матеріалъ изъ всего того, что разрѣшено къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ. Выборъ крайне ограниченъ, такъ-какъ большинство допущенныхъ для народныхъ чтеній книгъ положительно никуда не годится. Цѣнность настоящей хрестоматіи еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что содержа-

ніе ея не представляетъ только теоретическую попытку выбора подходящаго матеріала для чтенія, а явилось какъ результатъ продолжительныхъ опытовъ въ этомъ направленіи одесскаго общества любителей науки, литературы и искусства, которое съ 1887 г. организуетъ въ Одессѣ, по инниціативѣ проф. Кирпичникова, общедоступные литературные вечера.

Хрестоматія еще не допущена къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ, но такъ какъ всѣ характеристики уже были прочитаны въ Одессѣ съ особаго разрѣшенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа, то, надо полагать, особыхъ препятствій къ допущенію этой книги для народныхъ чтеній, по всей вѣроятности, не встрѣтится. Разсматриваемый нами выпускъ представляетъ только начало всего изданія, которое выйдетъ въ двухъ или трехъ томахъ. Въ каждый выпускъ войдетъ: 2 или 3 лекціи (литературныя характеристики выдающихся русскихъ и иностранныхъ авторовъ), произведенія прозаическія и поэтическія разныхъ авторовъ, множество поясненій къ отдѣльнымъ произведеніямъ и краткія свѣдѣнія о большинствѣ авторовъ. Каждый томъ будетъ представлять собою вполнѣ оконченный трудъ и для удобства пользованія будетъ снабженъ алфавитными и хронологическими указателями.

Какъ видно изъ предисловія, подготовка матеріала для всего изданія, при недостаточномъ количествѣ сотрудниковъ, потребовала трехъ лѣтъ непрерывнаго коллективнаго труда. Составители надѣются, что дальнѣйшая работа по обработкѣ уже собраннаго матеріала пойдетъ быстрѣе, такъ что въ теченіе каждаго года они надѣются издавать не менѣе 2—3 выпусковъ. Въ настоящій выпускъ вошли характеристики и отрывки произведеній слѣдующихъ авторовъ: графа А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, И. П. Мятлева, К. Р., В. М. Гаршина, И. С. Аксакова, П. И. Вейнберга, А. А. Фета, К. Фофанова, А. М. Жемчужникова, М. Горькаго, А. П. Чехова, С. Я. Надсона, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Адама Мицкевича, Бёрнса, Улланда, Вальтеръ-Скотта, В. А. Жуковскаго, Шиллера, А. Н. Майкова, Козьмы Пруткова, Н. В. Гоголя, Бодлера, Томаса Гуда, В. А. Слѣпцова, П. Сергѣенко, Н. А. Добролюбова, Я. П. Полонскаго, А. Н. Плещеева, Эжень Мануэля, Гофмана и И. А. Крылова.

Дѣло организаціи у насъ общедоступныхъ чтеній находится еще въ зачаточномъ состояніи и первая попытка облегчить дальнѣйшее распространіе такихъ просвѣтительныхъ предпріятій должна встрѣтить полное сочувствіе. Привѣтствуя это прекрасное начинаніе, желаемъ составителямъ полнаго успѣха ихъ хрестоматіи. *Конст. Диксонъ.*

А. Ѳ. Селивановъ. П. П. Максимовичъ, основатель Тверской учительской школы. (Біографическій очеркъ съ портретомъ). Спб. 1901 г. Стр. 175. Ц. 1 р. Книга А. Ѳ. Селиванова даетъ характеристику симпатичной, гуманной и свѣтлой личности Павла Павловича Максимовича, этого энергичнаго и выдающагося общественнаго дѣятеля эпохи великихъ реформъ. Самымъ крупнымъ памятникомъ его дѣятельности до сихъ поръ остается основанная имъ Тверская женская учительская семинарія. Возникла она при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Еще въ 1869 году П. П. Максимовичъ, тогда уже членъ тверской губернской управы, съ цѣлью возможно скорѣе поднять народное образованіе въ краѣ, внесъ въ губернское земское собраніе два предложенія: а) объ организаціи изданія дешевыхъ книгъ для народнаго чтенія и б) о приготовленіи возможно большаго числа учительницъ, преимущественно изъ крестьянокъ же, для распространенія начальнаго образованія въ каждомъ селеніи губерніи. Планы были слишкомъ широки и новы для того времени, и собраніе отложило ихъ обсужденіе. Тогда П. П. настоялъ, чтобы во всѣ уѣздныя земскія собранія было разослано слѣдующее его предложеніе:

«Въ видахъ распространенія грамотности и обученія народа внѣ школы

черезъ семью, П. П. Максимовичъ учреждаетъ съ осени сего года женскую школу для образованія учительницъ, почему и проситъ уѣздныя земства, не найдутъ ли онѣ возможнымъ послать въ эту школу своихъ стипендіатокъ. Все, что касается до класснаго обученія, найма учителей и покупки книгъ,—все г. Максимовичъ принимаетъ на свой счетъ; ученицы же должны имѣть свою квартиру и столъ. Впрочемъ, г. Максимовичъ и въ этомъ случаѣ предлагаетъ свое посредничество съ тѣмъ, чтобы на квартиру и столъ за каждую ученицу ему отпускали въ мѣсяцъ по 6 руб. *въ отчетное распоряженіе»*.

Въ школу предполагалось принимать дѣвушекъ, преимущественно изъ крестьянскаго сословія, достаточно грамотныхъ, не моложе 15 лѣтъ. Курсъ обученія назначался трехгодичный. Въ програму курса, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, проходимыхъ въ уѣздныхъ училищахъ, включалось еще: а) чтеніе и объясненіе популярныхъ сочиненій по исторіи, путешествіямъ и гигіенѣ; б) практическая методика, съ главными основаніями педагогики и в) рукодѣліе и пѣніе. По окончаніи курса, дѣвицы могли или занимать мѣста учительницъ въ народныхъ училищахъ, или учить дѣтей въ своихъ деревняхъ, получая извѣстную плату за каждаго выученнаго ученика или ученицу. Выучивъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ своей деревнѣ, онѣ могли переходить въ сосѣднія. Такимъ образомъ, Максимовичъ положилъ начало тѣмъ подвижнымъ сельскимъ школамъ, которыя такъ прививаются теперь въ мѣстностяхъ, съ рѣдкимъ населеніемъ. Школа учительницъ, на изложенныхъ основаніяхъ, съ разрѣшенія учебнаго начальства, и была открыта 1-го декабря 1870 года, въ Твери въ небольшомъ флигелѣ при богадѣльнѣ, уступленномъ губернскою земскою управою. Уѣздныя земства откликнулись на зовъ своего сочлена и прислали въ школу своихъ стипендіатокъ.

Я посѣтилъ школу въ 1871 году на третій годъ ея существованія. Какъ теперь помню, шла бесѣда А. И. Робера, бывшаго прежде директоромъ гимназіи и ставшаго затѣмъ душою новаго заведенія, съ ученицами старшаго класса о значеніи органовъ внѣшнихъ чувствъ для психической дѣятельности ребенка и человѣка вообще. Бесѣда была ведена мастерски. Почтенный педагогъ говорилъ какое-нибудь научное положеніе и потомъ съ помощью вопросовъ, подобно Сократу, доводилъ своихъ слушательницъ до уразумѣнія каждой отдѣльной мысли. Но, несмотря на такой прекрасный способъ веденія бесѣды, видно было, что усвоеніе педагогическихъ истинъ давалось ученицамъ съ большимъ трудомъ; замѣтно было, что ни по своей первоначальной подготовкѣ, ни по своему развитію онѣ не были подготовлены къ слушанію курса педагогики. Оно и не мудрено, если принять во вниманіе, что въ школу поступали едва грамотныя дѣвушки, и что пребываніе въ ней ограничивалось только тремя годами. Я тогда же совѣтывалъ Максимовичу расширить трехлѣтній курсъ до 5 лѣтъ, устроивъ снизу приготовительный классъ, подготовляющій къ слушанію семинарскаго курса, а сверху—спеціально педагогическій для того, чтобы дать возможность выпускнымъ ученицамъ послѣ прохожденія теоретическаго курса заняться самостоятельной педагогической практикой съ малолѣтними дѣтьми. Въ этомъ мнѣніи убѣдилъ меня и весь слѣдующій день, проведенный въ школѣ: на всѣхъ урокахъ малознающимъ и малоразвитымъ будущимъ народнымъ учительницамъ давалось больше, чѣмъ могли переварить ихъ головы. Но то время—было время увлеченій. За то школа произвела на меня чарующее впечатлѣніе своимъ духомъ, своимъ семейнымъ характеромъ. Вся школа вмѣстѣ съ Максимовичемъ, Роберомъ, начальницей, учителями, учительницами, учащими составляла дружную, работящую семью, беззавѣтно преданную своему дѣлу, гдѣ не было мѣста ни лжи, ни лести, ни формальнымъ отношеніямъ.

Въ первое время число ученицъ было не велико—отъ 20 до 25, но уже

въ декабрѣ 1871 г. ихъ насчитывается 49, въ томъ числѣ 23 стипендіатки. Видя такой ростъ заведенія, коммиссія изъ губернскихъ гласныхъ, посѣтивъ школу въ декабрѣ 1871 г., дала объ ней такой лестный отзывъ, что тверское губернское земство сначала оказало пособіе школѣ, а впослѣдствіи приняло все содержаніе школы на свой счетъ, исходатайствовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайшее соизволеніе на присвоеніе устроенной въ Твери женской учительской школѣ имени ея основателя.

Расходы земства на школу постепенно возрастали въ такомъ размѣрѣ: съ 1871 по 1874 г. земство отпускало на содержаніе школы по 1.000 руб., въ 1874 году—3.500 руб., 1877 году—7.500 руб., съ 1878 по 1882 гг. отъ 9.000 до 10.000 руб. въ годъ, а съ 1889 года по 22.258 руб. Съ содержаніемъ стипендіатокъ различныхъ учрежденій земства и лицъ расходуется теперь на школу въ годъ по 30.000 руб. Сверхъ того, въ 1887 г. губернское земство пріобрѣло для школы обширный домъ, который съ передѣлками и съ пристройками зданія нормальной начальной школы, предназначенной для практики ученицъ выпускного класса, обошелся губернскому земству слишкомъ въ 60.000 рублей.

П. П. Максимовичъ, какъ пожизненный попечитель школы, до самой смерти не переставалъ заботиться о своемъ излюбленномъ дѣтищѣ. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобъ оказывать посильную матеріальную поддержку школѣ. Но важнѣе его нравственное содѣйствіе. Впродолженіи 4-хъ лѣтъ, съ 1876—1880 г., онъ велъ непрерывную переписку съ мѣстною дирекціею училищъ, которая находила школу несоотвѣтствующею ея взглядамъ, ни въ отношеніи постановки учебнаго курса, ни по своему направленію. П. П. выдержалъ борьбу, вышелъ изъ нея побѣдителемъ и упрочилъ существованіе школы. По его настоянію и ходатайству курсъ школы расширенъ на 5 лѣтъ; правильно организованы 5 классовъ: приготовительный, 3 общихъ и спеціально педагогическій; при школѣ имѣется особое образцовое начальное училище для практики ученицъ спеціальнаго класса, между тѣмъ какъ прежде онѣ имѣли случайную, несистематическую практику въ различныхъ начальныхъ школахъ гор. Твери; новый уставъ и программы утверждены 27-го мая 1882 года и дѣйствуютъ доселѣ.

Въ школѣ преподается теперь: Законъ Божій, педагогика, русскій языкъ, методика, ариѳметика, геометрія, исторія всеобщая и болѣе подробно русская исторія, краткая всеобщая и болѣе подробно русская географія, естествовѣдѣніе, физика, чистописаніе, пѣніе, рукодѣліе и гимнастика.

Первый выпускъ (12) учительницъ изъ школы П. П. Максимовича былъ въ 1874 г. Съ тѣхъ поръ по 1900 г. было 25 выпусковъ и окончили курсъ 529, изъ нихъ служатъ учительницами въ одной Тверской губерніи 300, въ другихъ губерніяхъ 50 и, между прочимъ, въ Петербургской губ. 5. Въ 1872 г. въ школѣ учились всего 60 ученицъ, а въ 1890 г. уже 189.

П. П. Максимовичъ, поистинѣ, принадлежалъ къ рѣдкимъ у насъ общественнымъ дѣятелямъ, которые твердо и настойчиво преслѣдуютъ задуманную цѣль и достигаютъ желательныхъ результатовъ, несмотря на всѣ внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, тормозящія дѣло народнаго образованія. Получивъ воспитаніе въ Морскомъ корпусѣ, по происхожденію онъ принадлежалъ къ чисто русскимъ стариннымъ дворянамъ, достаточно обезпеченный и независимый помѣщикъ, по призванію и профессіи педагогъ, (онъ былъ довольно долгое время преподавателемъ и воспитателемъ въ Морскомъ корпусѣ) при возбужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ, онъ примкнулъ къ партіи Унковскаго и Головачева, т. е. къ тому кружку депутатовъ, которые желали немедленнаго освобожденія крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ и съ обязательнымъ выкупомъ. Обладая даромъ живой и остроумной рѣчи, убѣжденный въ необ-

ходимости самаго широкаго распространенія народнаго образованія среди свободныхъ крестьянъ, П. П. представляетъ въ каждое земское собраніе проектъ за проектомъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, и всегда зрѣло обдуманный и сильно мотивированный. Такъ, онъ ратовалъ за ежегодные съѣзды учителей и учительницъ, за введеніе на счетъ земства инструкторовъ-педагоговъ, которые постоянно слѣдили бы за дѣятельностью учителей и руководили ихъ занятіями; онъ предлагаетъ «проектъ объ устройствѣ акціонерной компаніи для распространенія въ народѣ дешевыхъ и полезныхъ книгъ, посредствомъ перепечатанія ихъ въ земской типографіи»; для пополненія образованія учителей П. П. настаивалъ на учрежденіи учительскихъ педагогическихъ библіотекъ; онъ хлопоталъ передъ Петербургскимъ комитетомъ грамотности о снабженіи школъ дешевыми или даровыми книгами, и ходатайство его было удовлетворено; доказывалъ, что губернская управа обязана ознакомить губернію съ ходомъ народнаго образованія, съ его успѣхами, а потому при губернской управѣ должна быть: полная, образцовая библіотека народныхъ полезныхъ книгъ, постоянная выставка всѣхъ усовершенствованныхъ удешевленныхъ учебныхъ принадлежностей, приспособленныхъ къ употребленію въ народныхъ школахъ, каталоги съ цѣнами на книги и учебныя пособія, модели послѣднихъ, постоянный запасъ учебныхъ матеріаловъ; онъ же первый возбудилъ вопросъ о настоятельной необходимости открыть по деревнямъ дѣтскіе сады и ясли съ цѣлью уменьшить страшный процентъ смертности среди малолѣтнихъ дѣтей сельскаго населенія и т. д. и т. д. Здѣсь не мѣсто излагать интересныя подробности и мотивы каждаго проекта П. П. Максимовича; интересующіеся читатели могутъ найти все это въ книгѣ г. Селиванова. Но уже одно голое перечисленіе вопросовъ, поднятыхъ въ земскихъ собраніяхъ П. П., показываетъ, какъ широко онъ смотрѣлъ на задачи народнаго образованія и какую активную роль онъ признавалъ въ этомъ дѣлѣ за земствомъ. Многіе изъ его благихъ начинаній и до сихъ поръ обсуждаются въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и только нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ въ настоящее время получать практическое осуществленіе. *Д. Д. Семеновъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го апрѣля по 15-ое мая 1901 г.).

Т. Соловьева. Вниманіе, какъ орг. силы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
Генри de-Іокеръ. Развитіе австр. демократіи. Спб. 1901 г. Изд. Пантелѣева. Ц. 1 р. 80 к.
Мижуевъ. Вел. расколъ англо-сакс. расы. Спб. 1901 г. Изд. то же. Ц. 1 р. 25 к.
М. Гюйо. Искусство съ соціальной точки зрѣнія. Спб. 1901 г. Изд. «Знаніе». Ц. 2 р.
Дорофеевъ. О литер. бесѣдахъ въ средне-учебн. завед. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
Артуръ Шопенгауеръ. Полное собраніе сочиненій. М. 1901 г. Изд. «Книжное дѣло».
Проф. Звальда. Исторія и современ. техника строит. искусства энциклоп. пр. знанія. Спб. 1901 г. Изд. «Просвѣщенія». Вып. I. Ц. 50 к.
Арт. Вильке. Электричество. Спб. Изд. «Просвѣщеніе».
Гельмольтъ. Исторія человѣческаго рода. Изд. то же.
Мушкетова и Баумана. Горное дѣло и метал. Вып. I. Изд. то же. Ц. 50 к.
Подъ ред. Гуковскаго. Нов. иностр. писатели. Спб. Изд. «Знаніе». Вып. I. Ц. 10 вып. 2 р. 50 к.
А. П. Новицкій. Исторія русск. и-ва Мск. Изд. «Книжнаго Дѣла», вып. 8 и 9.
Сост. Г. Ф. Гельмольтъ. Всеміри. исторія. Мск. Изд. то же, вып. 3, 4, 5 и 6.
Дживелеговъ. Город. об-ва въ средн. вѣка. Изд. то же. Ц. 50 к.
Томсонъ. Жизнь животныхъ. Изд. тоже. Ц. 35 к. вып. IV.
С. Н. Кулябко. Общественно-этич. замѣтки. Мск. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. Ц. 30 к.
Е. Волковой. Аравія и Магометъ. Изд. то же. Ц. 40 к.
Ек. Янжулъ. Американск. школа. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.
Н. Карабчевскій. Рѣчи. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 коп.
Весленевъ. Въ странѣ фараоновъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.
Дж. Рёскинъ. Оливковый вѣнокъ. Мск. Изд. «Книжн. Дѣла».
Его же. Лекціи объ искусствѣ. Мск. Изд. тоже.
Э. Лангъ. Миѳологія. Мск. Изд. Линдъ. 1901 г. Ц. 80 к.
Л. Іордъ. Очерки соціологіи. Моск. Изд. «Книжнаго Дѣла». Ц. 1 р.
«Америка». Иллюстр. геогр. сборникъ. Изд. «Линдъ и Байковъ». Ц. 2 р. 25 к.
Эм. Бутру. Паскаль. Спб. Изд. Пантелѣева. Ц. 80 к.
К. Кузьминскій. А. С. Пушкинъ. М. 1901 г. Ц. 80 к.
В. Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшен. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
П. Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія Т. П. Моск. Изд. Солдатенкова. Ц. 1 р. 50 к.
Страховъ. Критич. статьи о Тургеневѣ и Толстомъ. Т. I. Кіевъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гарнеръ. Языкъ обезьянъ. Спб. Изд. Сойкина. Ц. 50 к.
Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ средн. вѣка. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. Ц. 1 руб.
Подъ ред. М. Филиппова. Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки техн. и полит. событій. Спб. Изд. Сойкина. 1901 г. Ц. 2 р.
Лебедевъ. Князь-мученикъ. Истор. ром. Спб. Изд. то же. Ц. 25 к.
Любичъ-Кошуровъ. Дядя Вакъ съ рис. Моск. Изд. Ефимова. Ц. 30 к.
Его же. Канарейка. Изд. то же. Ц. 20 коп.
— Души живыя. Изд. то же. Ц. 30 коп.
Левицкій. Андрейка мытарь. Изд. то же. Ц. 25 к.
Ѳедоровъ-Давыдовъ. Заячье счастье. Изд. то же. Ц. 25 к.
Поливановъ. Находка. Изд. то же. Ц. 25 к.
А. В. Кругловъ. Жизнь. (Разсказъ для дѣтей). Моск. Изд. Ефимова. Ц. 40 коп.
Анна Сюэль. Черный красавецъ. Библіотека для дѣтей Горбунова-Посадова. Ц. 75 коп.
Гауптманъ. Михаэль Крамеръ. Изд. «Улей». Харьковъ. Ц. 30 к.
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ пер. Бальмонта. Изд. «Скорпіонъ». Мск. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.
Жизнь П. И. Чайковскаго. Изд. Юргенсона. Вып. VI. Ц. 40 к.
Ив. Соколовъ. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
І. М. Левитъ. Одна истина. Кишлы. 1901 г. Ц. 25 к.
В. Ярмонкинъ. Письма идеалиста. Спб. 1901 г.
К. Э. Францозъ. Борьба за право. Спб. Изд. Попова. Ц. 2 р.
Чемисовъ. Искорки. Стихотвор. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп.
Тотоміанцъ. Потребит. Об-ва на Западѣ. Спб. Изд. Звонарева. Ц. 1 р. 75 к. Критич. свѣдѣнія о Ново-Александр. инстит. сельск.-хоз. и лѣсовод. Варшава. 1900 г.
Рзянкинъ. Начальн. пріемы чтенія и письма. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Italy To-day» by Bolton, King and Thomas Okey (Nisbet). (Современная Италія). Во многихъ отношеніяхъ новое итальянское королевство вызвало разочарованіе у тѣхъ, кто съ восторгомъ привѣтствовалъ его первые шаги. Тотъ энтузіазмъ, который нѣкогда поддерживалъ ветерановъ Гарибальди и учениковъ Мадзини, давно испарился и многимъ современное положеніе Италіи рисуется мрачными красками, послѣ тѣхъ блестящихъ надеждъ, которыми сопровождалось объединеніе Италіи. Однако, авторы этой книги, заключающей въ себѣ подробное изслѣдованіе положенія Италіи, не раздѣляютъ пессимистическихъ воззрѣній на ея будущее и видятъ признаки, указывающіе на возможность ея возрожденія въ соціальномъ и политическомъ отношеніи.

(Review of Reviews).

«Up from Slavery» by Booker Washington (Doubleday) 6 s. (Отъ рабства къ свободѣ). Чрезвычайно интересная автобіографія негра, родившагося рабомъ и пережившаго борьбу за освобожденіе, которая смѣнилась тяжелою борьбой за существованіе для большинства освобожденныхъ рабовъ. Сдѣлавшись свободнымъ гражданиномъ, авторъ не только долженъ былъ снискивать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ, но, понимая, что негръ можетъ возвыситься только посредствомъ образованія, онъ началъ другую борьбу—за образованіе. Послѣ освобожденія негровъ въ южныхъ штатахъ можно было наблюдать въ высшей степени любопытное зрѣлище: цѣлая раса, отъ мала до велика, отправилась въ школу въ первый разъ. Букеръ Вашингтонъ, авторъ этой книги, сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ дѣятелей по образованію негровъ, въ юные годы долженъ былъ тяжелымъ трудомъ добывать себѣ средства къ жизни и для того, чтобы имѣть время учиться, онъ вставалъ въ 4 часа утра и работалъ до девяти и тогда только ему разрѣшалось идти въ школу. Его автобіографія служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, какихъ громадныхъ результатовъ можетъ добиться человѣкъ, проникнутый горячимъ желаніемъ трудиться и самоотверженною любовью къ своему народу. Въ настоящее время Букеръ Вашингтонъ, бывшій рабъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Review of Reviews).

«Martyred Missionaries» (China Inland Mission). (Замученные миссіонеры). Это изданіе представляетъ родъ литературнаго памятника погибшимъ миссіонерамъ въ Китаѣ, такъ какъ въ книгѣ собраны воспоминанія о погибшихъ, письма уцѣлѣвшихъ, описаніе бѣгства тѣхъ, которымъ удалось спастись и т. д. Не менѣе 52 мужчинъ и женщинъ и 16 дѣтей погибли во время избіенія миссій. Тѣ же, которые спаслись, съ благодарностью вспоминаютъ объ участіи, выказанномъ нѣкоторыми китайцами, пришедшими къ нимъ на помощь и съ похвалою говорятъ о туземныхъ христіанахъ, не покинувшихъ своихъ учителей въ тяжелую минуту.

(Review of Reviews).

«Études anglaises» par André Chevrillon (Hachette) 3 fr. 50. (Англійскіе очерки). Въ этой книгѣ заключается пять очерковъ, авторъ которыхъ изслѣдуетъ характерныя черты англійскаго народа и отраженіе ихъ въ литературѣ и ея дѣятеляхъ. Особенно интересны очерки, посвященные Шелли, Бернъ Джонсу и Рудіарду Киплингу. Одинъ изъ очерковъ озаглавленный: «Общественное мнѣніе и Трансваальская война», изслѣдуетъ вліяніе, которое имѣли произведенія Киплинга на взгляды англійскаго общества. Въ очеркѣ «Американская жизнь» авторъ говоритъ о тѣхъ перемѣнахъ, которымъ подвергается характеръ англо-саксонца, перенесеннаго въ совершенно спеціальныя условія жизни въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Journal des Débats).

«The North americans of Yesterday» by Frederick. S. Dellenbaugh. New-York and

London (*Potnams Sons*). (*Сѣверо-американцы въ недавнія времена*). Авторъ этого любопытнаго изслѣдованія говоритъ о вліяніи, которое всегда имѣетъ побѣжденная раса на побѣдителей; онъ доказываетъ, что слѣды индѣйскаго вліянія всегда можно отыскать у нынѣшнихъ сѣверо-американцевъ. Авторъ не смотритъ на сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, какъ на южную расу; напротивъ, онъ считаетъ ихъ пережившими остатками цивилизованной расы, нѣкогда владѣвшей всѣмъ континентомъ. Фольклористы найдутъ въ его книгѣ богатый матеріалъ.

(Daily News).

«*Japan's Acession to the comity of Nations*» *by baron Alexander von Sübold.* (*Kegan Paul*). (*Вступленіе Японіи въ собраніе націй*). Въ этой книгѣ разсказывается исторія реформаторскаго движенія въ Японіи. Авторъ ея провелъ большую часть своей жизни въ этой странѣ, работая въ пользу ея прогресса. Описывая начало эры реформъ, авторъ говоритъ о тѣхъ условіяхъ, которыя существовали въ то время въ Японіи. Онъ съ большою похвалою отзывается о древней цивилизаціи Японіи и ей приписываетъ ту быстроту, съ которою Японія усвоила себѣ идеи Запада. «Страна,—говоритъ онъ,—гдѣ каждый, даже въ самыхъ бѣднѣйшихъ классахъ населенія, непремѣнно умѣлъ читать и писать, гдѣ литература, наука и искусство съ величайшимъ усердіемъ развивались въ теченіе трехъ столѣтій, когда миръ не былъ нарушенъ, гдѣ администрація установила соціальный порядокъ, отвѣчающій возвышеннымъ требованіямъ,—такая страна, конечно, представляла благопріятную почву для развитія энергичныхъ усилій молодой Японіи, стремившейся къ прогрессу, и усилія эти увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

(Daily News).

«*Studies of French Criminals of the Nineteeth Century*» *by H. B. Irving.* (*William Heinemann*). (*Очерки французскихъ преступниковъ XIX вѣка*). Авторъ этой интересной книги избралъ для своихъ очерковъ всѣ выдающіяся преступленія, совершенныя во Франціи въ теченіе послѣдняго столѣтія. Онъ старательно изучаетъ психологію каждаго изъ преступниковъ и отыскиваетъ тѣ условія, которыя способствовали, въ томъ или другомъ случаѣ, совершенію преступленія, такъ что его книга можетъ служить очень полезнымъ подспорьемъ при изученіи психологіи преступника.

(Daily News).

«*Die Kunst, binnen 24 stunden ein perfectes Romanschriftsteller zu werden*» *von Jocosus Hilarus* (*Berlinsche Verlaganstalt*). (*Искусство сдѣлаться въ 24 часа прекраснымъ беллетристомъ*). Остроумная книжка, въ сущности представляющая сатиру надъ литературными дѣятелями, смотрящими на свою профессію, какъ на ремесло. Особенно интересна вторая часть, въ которой авторъ обучаетъ несвѣдущаго читателя, какъ писать романы, описываетъ ему пріемы современныхъ фабрикантовъ романовъ, и даетъ нѣсколько шаблоновъ, по которымъ читатель можетъ написать любой романъ, съ направленіемъ или безъ онаго, романъ для семейнаго чтенія и т. д. Но читатель, понявшій весь смыслъ этой сатиры на дилетантизмъ въ литературѣ, конечно, поостережется слѣдовать совѣтамъ автора этой забавной книжки.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Der moderne Mensch*» *von R. Carneri. Versuche über Lebensführung* (*Emil Strausson Bonn*). (*Современный человѣкъ*). Каждая строка этой книги обнаруживаетъ зрѣлый умъ и широкое міровоззрѣніе автора, бывшаго однимъ изъ первыхъ послѣдователей Дарвина, стремившихся установить этическое міровоззрѣніе на новомъ познаніи природы. Искренность и правдивость составляютъ главное качество этого сочиненія, девизомъ къ которому могутъ служить слѣдующія слова автора: «Несмотря на страданія, часто превышавшія обычную мѣру, я все-таки находилъ жизнь прекрасной и нахожу ее такою же теперь, въ восемьдесятъ лѣтъ». Такимъ жизнерадостнымъ духомъ проникнута вся книга. Любовь и трудъ составляютъ, по мнѣнію автора, величайшія нравственныя сокровища жизни, придающія ей цѣну и красоту.

(Berliner Tageblatt).

«*On the Nationalisation of the Old English Universities*» *by Lewis Compbell.* (*Chapman and Hall*). *London.* (*О національизаціи старинныхъ англійскихъ университетовъ*). Авторъ сообщаетъ исторію развитія и современное состояніе двухъ главныхъ англійскихъ университетовъ, до сихъ поръ сохранившихъ многія отжившія традиціи. Авторъ говоритъ о реформахъ, которыя, по его мнѣнію, необходимо произвести въ обоихъ университетахъ, чтобы придать имъ характеръ, болѣе отвѣчающій современнымъ требованіямъ, и сохранить за ними ихъ прежнее положеніе національныхъ учрежденій.

(Daily News).

«*The Autobiography of a Journalist*» *by W. J. Stillman* (*Grant Richards*) *2 folio 34 k. London.* (*Автобіографія журналиста*). Жизненная карьера автора этихъ интересныхъ воспоминаній отличалась необыкновеннымъ разнообразіемъ. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ дебютировалъ въ политикѣ, въ самый разгаръ революціонныхъ движеній въ Европѣ, взявъ на себя миссію къ Кошуту. Но

большая часть его дѣятельности прошла на востокѣ и поэтому весь второй томъ его книги посвященъ восточному вопросу. Авторъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ газеты «Times» и является представителемъ старинныхъ и лучшихъ традицій журналистики.

(Review of Reviews).

«L'Histoire de la presse française» par Henri Avenel. (*Исторія французской печати*). Въ своей книгѣ авторъ изучаетъ роль французской печати, совершенно свободной или же изнемогающей въ тискахъ, стѣснительныхъ правилъ, и ея вліяніе на событія, придавшія такой особенный отпечатокъ XIX столѣтію. Читатель знакомится съ монографіей органовъ печати, оказывавшихъ то или другое вліяніе на общественное мнѣніе, вводившихъ его въ заблужденіе или направлявшихъ его на истинный путь, и рядомъ съ этимъ авторъ даетъ характеристику великихъ журналистовъ, которые своимъ талантомъ и своею дѣятельностью прославили свою профессію,—и другихъ, которые компрометировали добрую репутацію печати своими поступками. Въ этомъ интересномъ и документальномъ изслѣдованіи историческаго развитія печати во Франціи можно найти ключъ къ разнымъ современнымъ политическимъ движеніямъ, въ которыхъ печать играла вредную или полезную роль, смотря по характеру своей дѣятельности.

(Temps).

«La Liberté de la Presse depuis la Révolution» par Gustave Le Poittevin. (*Свобода печати со временъ революціи*). Авторъ этой книги, въ качествѣ судьи, изучаетъ главнымъ образомъ законы о печати, такъ что трудъ его представляетъ историческое изслѣдованіе развитія французскаго законодательства въ этомъ направленіи.

(Temps).

«Les Précurseurs du féminisme. M-me de Maintenon, M-me de Genlis, M-me Campan» par Louis Chaband (P. Con). Предшественницы феминизма: г-жи Ментенонъ, Жанлисъ и Кампанъ). Очень интересно написанная книга, авторъ которой говоритъ о началахъ феминистскаго движенія во Франціи и той роли, которую играли нѣкоторыя изъ выдающихся французскихъ женщинъ въ исторіи этого движенія.

(Journal des Débats).

«Urgeschichte der Cultur» von D-r Henrich Schurtz (*Bibliographisches Institut Leipzig und Wien*). (*Первобытная исторія культуры*). Одною изъ главныхъ задачъ ученыхъ было всегда изслѣдованіе происхожденія вещей. Въ этомъ отношеніи естественныя науки сдѣлали очень много. Медленно и непоколебимо подвигались онѣ въ своемъ наступательномъ движеніи, раскрывая постепенно тайны мірозданія и срывая завѣсу съ временъ далекой старины. Изслѣдованіе человѣческой культуры двигалось по этому же пути, проложенному естественными науками и въ этомъ отношеніи достигнуты великіе результаты. Въ названномъ трудѣ авторъ знакомитъ читателей съ этими результатами и даетъ болѣе или менѣе полную картину начала и постепеннаго развитія культурной жизни народовъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ наукой.

(Frankfurt. Zeitung).

«Handelsgeschichte des Altertums» von prof. E. Speck (Verlag von Fr. Brandstetter). Leipzig. (*Исторія торговли древнихъ временъ*). Въ только что вышедшемъ первомъ томѣ своего обширнаго труда авторъ изучаетъ развитіе торговли и торговыхъ сношеній у древнихъ восточныхъ народовъ. Его изслѣдованіе охватываетъ слѣдующія страны: Индію, Китай, Вавилонъ, Ассирію, Персію, Египетъ, Финикію, Аравію, древнихъ евреевъ и Дамаскъ,—и является какъ бы введеніемъ въ общую исторію торговли, начиная отъ древнихъ временъ до настоящаго времени.

(Frankfurt. Zeitung).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Тип. И. Скороходова.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000247156